T 30/723

30
723

3

ОЧЕРКИ КАВКАЗА

Другія сочиненія того-же автора:

Черноземныя поля. Романъ. 2 т. Ц. 4 р.
Берегъ моря. Романъ. 2 т. Ц. 3 р. 50 k.
Барчуки. Ц. 1 р. 75 k.
Очерки Крыма. 1 т. Ц. 3 р. 50 k.

ОЧЕРКИ КАВКАЗА

КАРТИНЫ КАВКАЗСКОЙ ЖИЗНИ, ПРИРОДЫ И ИСТОРІИ

ЕВГЕНІЯ МАРКОВА

> Тебѣ, Кавказъ, суровый царь земли,
> Я посвящаю этотъ стихъ небрежный.
>
> Лермонтовъ

БИБЛIОТЕКА
М.П.М.

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Гостиный дворъ, №№ 17 и 18

МОСКВА
Петровка, д. Михалкова, № 5

1887

Типографія Товарищества М. О. Вольфъ (Спб., Вас. Остр., 16 л., д. № 5)

Этотъ первый плодъ моей любви къ Кавказу посвящаю—какъ воспріемному отцу—старому кавказцу и старому другу моему, вѣрному спутнику моихъ странствованій по далекимъ краямъ и по морю житейскому брату Льву Львовичу Маркову.

Авторъ.

2007084314

6073-
Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В.И.ЛЕНИНА

ВСТУПЛЕНІЕ

Въ наше время жгучихъ очередныхъ вопросовъ экономической и соціальной жизни, мало мѣста остается для спокойнаго изученія природы, исторіи и быта многочисленныхъ и крайне интересныхъ народностей, составляющихъ стомильонный народъ русскій.

Вкусъ къ путешествіямъ, къ изученію памятниковъ древности и своеобразныхъ особенностей племенъ, постепенно исчезающихъ подъ уравнивающимъ вліяніемъ времени, — когда-то живой и у насъ, до сихъ поръ очень живой въ Европѣ и Америкѣ, — все болѣе теряется среди современнаго русскаго общества, слишкомъ односторонне погруженнаго въ заботы дня. А между тѣмъ эта отчужденность читающаго общества отъ объективнаго знакомства съ своею страною — отъ спокойныхъ интересовъ исторіи, археологіи, природы и этнографіи — неизбѣжно приводитъ общество къ убыли знанія, къ упадку истинной образованности.

Кавказъ — это безцѣнный по богатству и разнообразію музей этнографическихъ, археологическихъ и естественно-историческихъ сокровищъ всякаго рода.

Путешествіе на Кавказъ, живое знакомство съ нимъ лицомъ къ лицу — въ состояніи доставить глубокое наслажденіе и глубокое поученіе наблюдающему и мыслящему человѣку. Но многіе ли у насъ, даже среди просвѣщенной части общества, знаютъ что-нибудь о Кавказѣ, кромѣ нѣсколькихъ ходячихъ общихъ мѣстъ

Европа, намъ чуждая, изучена и разсмотрѣна нами во всѣхъ направленіяхъ, въ каждомъ ничтожномъ уголкѣ своемъ; но свой, родной Кавказъ, съ которымъ насъ связываетъ и общій народный интересъ, и общая исторія, остается для огромнаго большинства русской публики таинственнымъ и недоступнымъ, какъ далекое сіяніе его вѣчныхъ снѣговъ. У насъ совсѣмъ нѣтъ общихъ популярныхъ книгъ о Кавказѣ, охватывающихъ его во всей его жизненной полнотѣ, хотя существуетъ спеціальная литература о Кавказѣ, да и то, сказать правду, больше иностранная, чѣмъ наша.

Настоящая книга является одною изъ первыхъ, хотя, конечно, слабыхъ, попытокъ набросать общую картину кавказской природы, исторіи и жизни; авторъ не задавался цѣлью систематически описать всѣ уголки Кавказа, всѣ его особенности и достопримѣчательности. Онъ просто ѣздилъ по Кавказу, гдѣ ему приходилось, наслаждался имъ, поучался ему, искалъ объясненія его явленій въ живой бесѣдѣ людей и въ книжномъ изслѣдованіи, и свои кавказскія скитанья, впечатлѣнія, встрѣчи, свое изученіе Кавказа — постарался передать воз-

можно искренно и живо на страницахъ этихъ очерковъ. Въ нихъ вошелъ пока далеко не весь Кавказъ, но авторъ не теряетъ надежды, съ Божіею помощью, въ слѣдующихъ частяхъ этихъ очерковъ разсказать и о другихъ уголкахъ этого любопытнаго міра, которыхъ онъ не успѣлъ описать при изданіи этой первой своей книги о Кавказѣ.

Многое въ этой книгѣ можетъ показаться невѣрнымъ и неполнымъ для мѣстныхъ знатоковъ края. Авторъ слишкомъ скроменъ, чтобы оспаривать ихъ взгляды, конечно, болѣе авторитетные. Авторъ проситъ читателя помнить, что онъ является въ этой книгѣ не ученымъ, вносящимъ новое слово въ науку о Кавказѣ, а простодушнымъ странникомъ по Кавказу, который, въ изумленіи къ многообразнымъ чудесамъ его, передавалъ въ своихъ путевыхъ замѣткахъ, не мудрствуя лукаво, все то, что видѣлъ и слышалъ кругомъ себя, безъ малѣйшаго притязанія на глубокомысліе и непогрѣшимость своихъ замѣчаній. Другіе любятъ обвинять авторовъ подобныхъ путешествій въ поэтическомъ преувеличеніи. «Крымъ Маркова лучше настоящаго Крыма» — слышалъ я не разъ ироническій отзывъ даже отъ очень благосклонныхъ читателей моихъ *Очерковъ Крыма*. Людямъ такой умственной формаціи мнѣ отвѣчать нечего. Есть уши безъ музыкальнаго слуха, и они не виноваты въ томъ, что не постигаютъ красоты симфоній Моцарта или Бетховена. Но и Бетховенъ въ этомъ не виноватъ. Кавказъ и Крымъ точно

также мало виноваты въ томъ, что не всякій глазъ, не всякое сердце одинаково чувствуютъ ихъ формы и краски, неуловимую прелесть ихъ историческской и географической физіономіи. Человѣкъ можетъ быть почтеннымъ и полезнымъ дѣятелемъ практической жизни, глубокимъ ученымъ, искуснымъ техникомъ — и все-таки оставаться слѣпорожденнымъ ребенкомъ въ вопросахъ поэзіи и художества.

Повторяю, книгу свою я назначаю не для ученыхъ изслѣдователей, которымъ въ ней нечего отыскивать, не для сухихъ житейскихъ практиковъ, которымъ нечего изъ нея выводить; я отдаю ее подъ ласковый покровъ тѣхъ теплыхъ сердцемъ друзей природы и исторической любознательности, воображеніе которыхъ еще не утратило своихъ молодыхъ порывовъ, которые еще способны, отбросивъ на время въ сторону прозаическія заботы дня, искать новыхъ впечатлѣній въ столкновеніи съ незнакомыми имъ племенами и невѣдомою страною. Живая и поэтическая школа путешествій издревле была для человѣка и лучшею школою знанія.

«Человѣкъ, который видѣлъ только одну свою страну, прочелъ только одну главу изъ жизни», сказалъ Байронъ, этотъ геніальный поэтъ-скиталецъ.

*
* *

Трудъ этотъ, въ который я во всякомъ случаѣ вложилъ много любви, я посвящаю по праву ста-

рому другу своему и брату, неразлучному товарищу моихъ странствованій по Швейцаріи, Германіи, Франціи, по горамъ Крыма и Кавказа. Съ помощью его только и могло осуществиться съ успѣхомъ и удобствомъ мое послѣднее кавказское путешествіе, давшее содержаніе настоящей книгѣ.

Евгеній Марковъ.

С. Александровка.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Черезъ хребетъ

I

Родная бездомовщина

ОПЯТЬ въ этихъ неоглядныхъ и непріютныхъ равнинахъ, опять въ странѣ саранчи, засухъ, овражковъ и жучковъ...

Это, конечно, страна будущаго, но будущаго, которое ничѣмъ не улыбается моей фантазіи. На меня она производитъ пока то-же впечатлѣніе враждебности и чуждости, какое должна была производить въ старое время на украинскаго поселенца, когда она еще была полна бродячими шайками косоглазыхъ хищниковъ. Ничего бы не взялъ, чтобъ жить въ этихъ пустынныхъ балкахъ, заносимыхъ снѣгами, на этихъ безотрадныхъ глинистыхъ буграхъ, неистово обвѣваемыхъ осенними вѣтрами. Ни воды, ни дерева, ни людей, ничего, чѣмъ краситъ себя природа, чѣмъ она радуетъ бѣдную радостями жизнь человѣка.

* * *

А тутъ въ вагонахъ кстати такіе разговоры! Кто ни усядется на мягкіе диваны, окружающіе маленькій

карточный столикъ, всѣ, какъ по сговору, запѣваютъ одну и ту-же пѣсню. Большею частью все это ненадолго спеченные петербургскіе либералы, съ петербургскою выкройкой, петербургскими вкусами и интересами. Наговорились они за обѣденными спичами о необходимости прикоснуться къ землѣ, обновиться землею и землю собою обновить, натолковались вдоволь въ клубахъ и засѣданіяхъ различныхъ дѣловыхъ обществъ о непочатыхъ богатствахъ роднаго края, о баснословныхъ выгодахъ, которыя ждутъ въ его нѣдрахъ всякую предпріимчивую мысль, всякій смѣло вложенный капиталъ. И вотъ разлетѣлись они, полные веселыхъ надеждъ и самоувѣренной отваги, въ эти суровыя, прозаическія пустыни, жаждая пробудить ихъ спящія силы, вызвать на Божій свѣтъ ихъ сокрытыя сокровища однимъ только фактомъ появленія своихъ интеллигентныхъ надеждъ и апетитовъ среди этой неразумной дичи.

Разлетѣлись и ударились въ неподдѣльнаго сѣраго мужика, о которомъ не имѣли понятія, въ неподдѣльную тягость и скуку степнаго хозяйничанья, которая была нисколько непохожа на ихъ собственное ликующее и какъ-бы предвкушающее настроеніе въ моментъ залога имѣній или займа денегъ на разныя машины и операціи.

Они принесли съ собою только свой апетитъ и чужія деньги, но не принесли ни воли, ни умѣнья, и когда деньги были истрачены съ тою-же горячностью, съ какою были заняты, тогда оказалось, что нечѣмъ больше будить спящихъ силъ и откапывать таинственныя сокровища. Праздное говоренье, непривычка къ труду и терпѣнію — всплыли сами собою и оказались не въ силахъ удовлетворить въ обстановкѣ пустыни многосложныя потребности цивилизованныхъ насадителей новаго хозяйства.

И вотъ, густымъ облакомъ поднялись сѣтованія нашихъ хозяевъ на скотскую дикость сиволапаго мужика

на его безнравственность и лѣнь, на его неподготовленность ни къ чему, кромѣ палки и водки, на невозможность одному бороться со сплошною средою домашнихъ зулусовъ,—и полетѣли вслѣдъ за тѣмъ съ молотка вѣялки и сѣялки, великолѣпно устроенныя экономіи и тысячи черноземныхъ десятинъ, и побѣжали вспять подъ слишкомъ привычную и слишкомъ дорогую сѣнь петербургскаго привольнаго житья наши хозяева-цивилизаторы, оставляя попрежнему негостепріимныя наши степи зулусамъ-мужикамъ, жучкамъ да сусликамъ.

Ихъ-то желчныя разсужденія и остроумные анекдоты раздаются всю дорогу въ моихъ ушахъ, убѣждая меня всецѣло въ окончательной гибели нашего народнаго хозяйства, въ отсутствіи всякой будущности у нашего народа.

А между тѣмъ, вотъ рядомъ со мною сидитъ съ самодовольнымъ видомъ, не то снисходительно, не то насмѣшливо выслушивая молодушные вопли нашихъ безпомощныхъ говоруновъ, пыхтя хорошею сигарою, полякъ, воспитанный въ Лембергѣ — въ чуждой намъ обстановкѣ и въ чуждомъ языкѣ. Этотъ баринъ совсѣмъ другаго мнѣнія и о скудости земли нашей, и о безнадежности нашего хозяйства. Онъ явился сюда, въ эту самую негостепріимную пустыню, такъ жестоко разочаровавшую нашихъ доморощенныхъ просвѣтителей, безъ гроша въ карманѣ и не зная русскаго слова. Теперь онъ гоняетъ по желѣзнымъ дорогамъ до 11,000 вагоновъ лѣса и въ немного лѣтъ успѣлъ уже нажить капиталъ, которымъ самъ хвастаетъ. Я нарочно глядѣлъ во всѣ глаза — гдѣ же тутъ лѣса, которыми торгуетъ онъ? Но, кромѣ бурьяна, не видѣлъ ничего. И, однако, онъ разыскиваетъ ихъ на 40 и 50 верстъ кругомъ, покупаетъ ихъ по пяти, по десяти, даже по одной десятинѣ, съ вѣрнымъ разсчетомъ, у нашихъ цивилизаторовъ, часто даже незнающихъ о существованіи та-

кой малости, и преспокойно истребляетъ въ странѣ послѣдніе остатки ея здоровья и плодородія, набивая свой карманъ съ единственною цѣлью поскорѣе уѣхать отсюда и зажить бариномъ на своей родинѣ, гдѣ ужь, конечно, онъ будетъ самъ насаждать новые сады и парки, а не рубить послѣдніе лѣса.

Баринъ этотъ безъ всякаго краснорѣчія, но какъ дважды два четыре доказываетъ, что если десятина земли стоитъ 30 рублей, а овца, которая на ней пасется, даетъ въ годъ дохода до 4 рублей со штуки, то это еще далеко небезотрадная хозяйственная перспектива. «Полякъ живетъ порядочно даже съ 50-ю или 100 моргенами (около полудесятины) и на нихъ воспитываетъ своихъ дѣтей, а вы, господа, считаете себя нищими съ тысячью десятинъ! Полякъ готовитъ сына къ промыслу, къ практичному знанію, отдаетъ его на заводы, фабрики, въ конторы, а вы гнушаетесь промысла,— справедливо замѣчаетъ онъ намъ:—оттого у васъ такъ мало знанія. Ваши траты и вашъ трудъ не имѣютъ никакого отношенія къ вашимъ доходамъ. Вы продаете свои машины, своихъ овецъ, свой скотъ, когда вамъ нужны деньги, и ждете потомъ дохода съ земли. Оттого вы теперь всѣ проданы или будете проданы завтра, съ помѣщичествомъ здѣсь теперь покончено!...»

Это была обидная и досадная правда, но тѣмъ не менѣе—правда, которую трудолюбивый полякъ заслуженно кидалъ намъ въ лицо.

* * *

Невесела картина и дальше. Ближе къ Таганрогу все чаще встрѣчаются, словно затерянныя среди степи, запряженныя въ одну лошадь бочки съ водою, изъ которыхъ заливаютъ норы сусликовъ. Это медленное кopошеніе маленькихъ, одинокихъ человѣчковъ среди громаднаго обхвата пустынь, которыя пробѣгаетъ нашъ

поѣздъ, производитъ впечатлѣніе чего-то безсильнаго и жалкаго.

Еще половцы, старые бродяги нашихъ южныхъ степей, по сказанію нашего перваго лѣтописца, питались сусликами: «Ядуще мертвячину и всякую нечистоту, хомякы и сусолы». Но и до сихъ поръ, кажется, ихъ стало не меньше въ этихъ степяхъ, несмотря на тысячелѣтнюю исторію, несмотря на заселеніе.

Помню я, нѣсколько лѣтъ назадъ мнѣ пришлось проѣзжать приднѣпровскую степь, кишѣвшую несмѣтнымъ количествомъ этихъ тварей. Казалось, вся почва была обращена въ рѣшето ихъ кругленькими черными норами, а среди побурѣвшей полыни и курая торчали чаще, чѣмъ самый бурьянъ, пестрые, сытые звѣрьки на заднихъ лапкахъ, пересвистывавшіеся другъ съ другомъ и при проѣздѣ экипажа пугливо нырявшіе, носомъ внизъ—хвостомъ вверхъ, въ свои вертикальныя норы. Тысячи лѣтъ оказалось намъ мало, чтобъ отдѣлаться даже отъ такого первобытнаго врага, чтобъ «дикое поле» обратить въ сколько-нибудь домовитое жилье человѣка.

Мало того, что сусликъ живетъ попрежнему въ травянистыхъ степяхъ юга: онъ подвинулся гораздо далѣе на сѣверъ и теперь постоянно попадается даже въ сѣверныхъ уѣздахъ Курской губерніи, всецѣло обращенныхъ въ поле, гдѣ не знали даже имени его 25 лѣтъ назадъ. Нѣкоторыя южныя земства какъ-то вовсе истребили было овражка, обложивъ жителей натуральнымъ налогомъ и платя за каждую штуку. Истребленіе шло такъ бойко, что жителямъ приходилось впослѣдствіи покупать шкурки въ сосѣднихъ уѣздахъ, чтобъ выполнить обязательную повинность и представить управѣ опредѣленное число убитыхъ звѣрьковъ.

Но у насъ любятъ кончать на первыхъ порахъ, и теперь овражекъ опять размножается безпрепятственно;

если въ одномъ мѣстѣ его выживаютъ, то онъ спокойно лѣзетъ изъ сосѣдняго, гдѣ на него не обращаютъ никакого вниманія. А между тѣмъ, многія тысячи десятинъ на нашемъ югѣ ежегодно истребляются овражкомъ, вдобавокъ къ другимъ тысячамъ, истребляемымъ то саранчою, то кузькою, то лѣтнею засухой. Что-же дѣлать, когда даже одна мысль о совмѣстной дѣятельности земствъ разныхъ губерній до сихъ поръ у насъ считалась вредною ересью? Мы должны платить эту печальную премію за свое хозяйственное легкомысліе и свою неизлечимую распущенность.

*
* *

Некошенныя травы цвѣтутъ и волнуются на сотни верстъ кругомъ, а въ Харьковѣ сѣно—едва не на вѣсъ золота. Мало того: вся степная часть Харьковской губерніи покрыта стогами стараго сѣна. Вы спросите, что-же это за притча? Хорошо не знаю; можетъ быть, есть и другія причины этой диковинной повсемѣстной нужды въ сѣнѣ, бокъ-о-бокъ съ безплодно гніющими стогами того-же сѣна, но одну причину можно постичь и безъ особыхъ изслѣдованій, только бѣгло проѣхавъ харьковскія степи. Стоги, которыми кишитъ степь, словно нарочно устроены не для сохраненія сѣна въ сухости и цѣлости, а для скорѣйшаго обращенія его въ навозъ. Это совсѣмъ плоскія, развалистыя кучи, неимѣющія острой вершины, такъ что дождь и снѣгъ преспокойно скопляются вверху и проникаютъ мало-по-малу до основанія весь стогъ. Оттого-то теперь эти стоги сѣна стоятъ среди молодой зеленой травы черными, какъ грязь.

Неудивительно, если такая система хозяйства разочаровываетъ предпріимчивыхъ цивилизаторовъ и если нашъ скотъ будетъ дохнуть подъ тѣнью подобныхъ стоговъ.

Желѣзная дорога не внесла пока въ нашу степь никакого вліянія на ея пейзажъ, на ея дикія стихіи. Какъ прежде снѣжные бураны заметали здѣсь измученную почтовую тройку или утлыя дровнишки мужика, такъ и теперь всесильно владычествуютъ они надъ рельсами и паромъ, загораживаютъ пути по глубокимъ балкамъ, останавливая на недѣли цѣлые поѣзды, подобно тому, какъ старый сожитель ихъ, монгольскій кочевникъ, останавливалъ здѣсь когда-то торговые караваны. И теперь неблагоразумный путникъ, слишкомъ понадѣявшійся на вѣкъ цивилизаціи, нерѣдко терпитъ голодъ и холодъ въ неожиданномъ плѣну у степнаго властелина, оставаясь на нѣсколько дней безпомощно запертымъ въ своемъ вагонѣ, въ глубинѣ какой-нибудь балки. Эти внутреннія наши таможни, непредвидѣнныя никакимъ законодательствомъ, возникаютъ импровизаціей то тамъ, то здѣсь, для развлеченія въ однообразіи пути, и вовсе не устранены сносомъ старинныхъ пестрыхъ шлагбаумовъ, гдѣ брали въѣздныя пошлины и кричали «подвысь!»...

Наша торговля и весь дорожный людъ нашъ тоже платятъ изрядную пошлину этимъ стихійнымъ заставамъ, неспрашивающимъ билета, и страдаютъ отъ нихъ право, не меньше, чѣмъ страдали когда-то отъ внутреннихъ таможенъ, противъ которыхъ такъ вооружилась экономическая наука. И, что всего досаднѣе, это безпрепятственное хозяйничанье дикихъ стихій пустыни надъ горделивымъ изобрѣтеніемъ человѣческаго генія и современной цивилизаціи, этотъ произволъ сѣдаго миѳологическаго старика—«Борея съ бѣлыми власами»—надъ чудодѣйственными орудіями Уайта и Стефенсона, нисколько не составляетъ рокового условія непобѣдимости.

Это, опять-таки, даровая премія за нашу распущенность, за наше неумѣнье дѣльно дѣлать дѣло. Мы заботливо обезпечили всѣмъ желѣзнодорожнымъ строите-

лямъ полученіе съ насъ, съ точностью и акуратностью часоваго механизма, всевозможныхъ процентныхъ гарантій; мы сдѣлали все, чтобъ дать нашимъ именитымъ желѣзнодорожникамъ возможность покупать итальянскія виллы, парижскія картинныя галлереи и заказывать удивляющіе Европу серебряные сервизы въ мастерскихъ Овчинникова или Хлѣбникова для поощренія отечественнаго производства. Но мы не подумали только о томъ, что и для торговаго движенія, и для проѣзжаго человѣка нужна хоть какая-нибудь гарантія, если не въ привлекательной формѣ процентовъ, то хоть въ видѣ скромнаго обезпеченія основныхъ правъ человѣческаго существованія. Простому смертному, непосвященному въ тайны гарантій и концессій, на котораго не сыплется ни одна изъ крохъ грандіозныхъ подачекъ, кое-когда политично бросаемыхъ отечеству желѣзнодорожными тузами, казалось бы, очень просто потребовать отъ людей, создавшихъ себѣ колоссальныя состоянія путемъ предоставленной имъ отъ государства желѣзнодорожной монополіи, по крайней мѣрѣ того, чтобъ хоть ничтожная частичка переданныхъ имъ государствомъ мильоновъ рублей шла на огражденіе желѣзныхъ дорогъ отъ ежегодно угрожающей мильонамъ людей смертельной опасности.

Въ недавнее старое время, когда государство суровѣе и проще смотрѣло на обязанности и было несравненно скупѣе на право, считалось нетолько возможнымъ, но совершенно необходимымъ обезпечить отъ опасности зимнихъ вьюгъ, темныхъ осеннихъ ночей и лѣтняго зноя всѣ безъ исключенія большія дороги на всемъ громадномъ пространствѣ имперіи, и мы дѣйствительно видимъ теперь, что нѣтъ такого ничтожнаго уѣзднаго городка въ Россіи, изъ котораго дороги въ другіе такіе-же городки не были обсажены рядами деревьевъ, ракитъ, березъ, тополей... Все это было сдѣ-

лано не средствами правительства, а натуральною повинностью крестьянъ, безъ того задавленныхъ нуждою и обремененныхъ всевозможными повинностями. Если русская нищенская деревня, соломенная и навозная, нашла въ себѣ силы обсадить сплошь деревьями свои большія дороги, то неужели не могли бы этого давнымъ-давно исполнить наши желѣзнодорожные мильонеры? Но они предпочитаютъ истреблять послѣдніе остатки лѣсовъ на ежегодныя загражденія нѣкоторыхъ выемокъ и станцій утлою рѣшеткою и нисколько, повидимому, не огорчаются комически-плачевною судьбою пассажировъ, систематически выдерживающихъ неожиданный карантинъ въ снѣговой пустынѣ по прихоти Борея. Я думаю, что не больше тревожатъ ихъ и болѣе трагическіе случаи схожденія съ рельсовъ и гибели поѣздовъ. Правда, по азовской дорогѣ уже кое-гдѣ замѣчается начало древесныхъ посадокъ, по нѣкоторымъ валамъ уже зеленѣютъ трехвершковыя былинки акаціи, и мнѣ разсказывали, что при одной станціи даже учрежденъ желѣзною дорогой большой питомникъ деревьевъ для цѣлей обсажденія. Конечно, лучше поздно, чѣмъ никогда; но, судя по сдѣланному, нужно думать, что предпріятіемъ этимъ неособенно торопятся и, пожалуй, какъ это часто случается у насъ, взялись за него только для отвода глазъ и для красоты отчетовъ. Тогда долго еще придется намъ знакомиться лицомъ къ лицу съ снѣжными сугробами и многодневными голодовками.

Вообще, трудно представить себѣ наши желѣзныя дороги въ роли древонасадителей. Если хотите, это даже вышло бы съ ихъ стороны черезчуръ комично, какая-то злая эпиграмма на самихъ себя. Онѣ давно уже энергически выжигаютъ послѣдній лѣсъ, скудно уцѣлѣвшій на нашемъ югѣ; онѣ давно стали безсознательными, но дѣятельными союзниками степныхъ за-

сухъ и безводья, вызывающихъ саранчу, жука, періодическія голодовки и непрекращающіяся эпидеміи и эпизоотіи. Въ то время, какъ наши ученые спеціалисты, черезчуръ углубившіе кладези премудрости своей, въ родѣ гг. Заломанова и Костычева, ломаютъ теоретическія копья въ опроверженіе господствующаго «суевѣрія» о пользѣ лѣсовъ, а противники ихъ собираютъ широковѣщательные коммисіи и комитеты, желѣзнодорожники и фабриканты втихомолку валятъ съ корня самые лѣса и дѣлаютъ празднымъ даже самый споръ о пользѣ или вредѣ ихъ. «Совершившійся фактъ» торжествуетъ теперь надъ всѣмъ нашимъ югомъ. Когда-то многолѣсистая Кіевская губернія уже выжжена едва не до тла, и сахарные заводы ея бѣгутъ спасаться въ другія губерніи, гдѣ еще лѣсоистребленіе не завершено вполнѣ. Харьковская, Полтавская, Екатеринославская губерніи и подавно стоятъ голымъ-голыя, наивно удивляясь, откуда это насылаетъ имъ Богъ то дифтеритъ, то тифъ...

А тутъ, будто въ насмѣшку, въ самыхъ нѣдрахъ ихъ цѣлая страна каменнаго угля, цѣлая другая страна антрацита. Теперь даже особенная система желѣзныхъ дорогъ (донецкая и частныя вѣтви ея) прорѣзаетъ въ разныхъ направленіяхъ этотъ русскій Ньюкастль. Азовская дорога даже топится каменнымъ углемъ и лично составляетъ теперь исключеніе изъ числа лѣсоистребителей. Но бѣда въ томъ, что она не можетъ дать этого угля другимъ дорогамъ. Тарифъ на уголь удешевленъ до послѣдней степени, и дешевле $^1/_{60}$ копѣйки за пудъ и версту дорога уже не можетъ возить. Понятно, что у нея нѣтъ особенной охоты получать мало и есть, напротивъ, огромная охота получать много. А потому, понятно, она старается перевозить угля какъ можно меньше. Донецкая дорога проситъ у нея, напримѣръ, 100 вагоновъ — она даетъ ей только десять, и вотъ изъ

100 пудовъ добытаго угля 90 остаются благополучно на своемъ мѣстѣ. Конечно, это цифры примѣрныя, но суть дѣла та-же. За невозможностью усилить сбытъ каменнаго угля, удешевленіе его производства, разумѣется, невозможно, и вотъ мы приходимъ къ такому курьезному результату. Сосѣдній Курскъ, напримѣръ, нуждается въ каменномъ углѣ, но не можетъ получить его вовсе, по причинѣ затрудненій въ доставкѣ. Одесса, Ростовъ, Севастополь нуждаются въ каменномъ углѣ, но покупаютъ его у англичанъ, потому что англичане привозятъ его, какъ баластъ, на своихъ пароходахъ и продаютъ на 30%—40% дешевле донецкаго.

Въ качествѣ простаго смертнаго, не посвященнаго въ тайны высшей желѣзнодорожной политики, я могъ бы только осторожно напомнить глупое старое правило, что и въ усовершенствованномъ XIX-мъ вѣкѣ, по всей вѣроятности, не Россія же должна существовать ради пользы желѣзныхъ дорогъ, а скорѣе, все-таки, желѣзныя дороги, не смотря на всю грандіозность и всю законность своихъ апетитовъ, должны были бы существовать ради пользы этой глупой, нищенской Россіи.

Насъ, грѣшныхъ, разумѣется, нетрудно застращать бойко звенящими цифрами тарифа, ввоза и вывоза, статистическими таблицами и отчетами, и доказать, какъ дважды два четыре, что наши южныя желѣзныя дороги благодѣтельствуютъ намъ и истребленіемъ лѣсовъ, и необходимостью покупать англійскій уголь, и даже калѣченьемъ своихъ пассажировъ. Мы ничего не смѣемъ возразить противъ тѣхъ, кому книги въ руки, а только смиренно твердимъ, не залѣзая въ дебри желѣзнодорожной статистики, что у насъ на югѣ нѣтъ лѣсовъ, а есть уголь, что нужно жечь уголь, а не лѣса, что нужно возить уголь по желѣзнымъ дорогамъ выгодно это имъ или невыгодно, если только это необходимо для государства. Мудрую руку правительства,

твердо наложенную на разнузданную корысть монополистовъ,—вотъ что желаемъ мы видѣть, какъ разрѣшеніе роковаго для нашего юга каменноугольнаго вопроса.

Пока-же этого не будетъ, пропадетъ нашъ плодородный югъ! Насъ глубоко изумляетъ непостижимая двойственность нашихъ собственныхъ мѣропріятій. Всякія ошибки и заблужденія понятны, естественны и законны. Я понимаю неумолимую жестокость Петровой дубинки, примѣненной даже къ частной жизни, къ частному хозяйству. Въ этомъ есть свой смыслъ, своя заслуга. Но трудно понять, какъ возможно одною рукою работать на защиту дѣла, а другою на его погибель. Съ одной стороны, цѣлое министерство, озабоченное насажденіемъ лѣсовъ, обводненіемъ степей, тратящее на это полезное дѣло массы труда, знанія, денегъ,—цѣлое племя, призванное, въ замѣну своего воинскаго долга, заняться облѣсеніемъ нашего изсыхающаго юга,—академіи, комитеты, ученыя общества, учреждаемыя правительствомъ, проповѣдывающія необходимость охраненія лѣсовъ, гибельность безлѣсья и безводья для народнаго хозяйства,—положительное законодательство, вооруженное всею строгостью на защиту этихъ лѣсовъ и водъ; наконецъ, торжественно открываемый правительствомъ памятникъ умному хозяину, насадившему деревья въ степи, наравнѣ съ великими государственными людьми и полководцами. Съ другой-же стороны, безнаказанное и безконтрольное истребленіе лѣсовъ цѣлыми тысячами десятинъ, безостановочное, ненасытимое, словно въ пламени пещи вавилонской, открыто производимое на глазахъ всѣхъ желѣзнодорожными и фабричными компаніями съ дозволенія того-же правительства...

II

Лѣтопись степей

ЮЖНАЯ степь, по мѣрѣ приближенія къ Азовскому морю, все чаще пересѣкается цѣпью своихъ кургановъ. Эта голая пустыня изборождена слѣдами исторіи, слѣдами народовъ, давно исчезнувшихъ, покончившихъ свою роль на ранней зарѣ нашей собственной исторіи. Черезъ эти привольныя равнины русскаго юга безостановочною чредой наплывали, напирали на европейскій материкъ дикія орды степовиковъ, отроившіяся въ несмѣтномъ множествѣ, какъ тучи саранчи, въ невѣдомыхъ глубинахъ Азіи, гонимыя какимъ-то зоологическимъ инстинктомъ на благоустроенный Западъ. Онѣ являлись неожиданнымъ ужасомъ, какъ неотвратимая кара Божія, передъ изумленнымъ европейцемъ, съ своими варварскими образинами, варварскимъ языкомъ, варварскими обычаями. «Половцы законъ держатъ отецъ своихъ кровь проливати, хвалящеся о семъ и ядуще мертвечину и всю нечистоту, хомякы и сусолы, и поимаютъ мачехи своя и ятрови и ины обычая отецъ своихъ творять худыя», говоритъ лѣтописецъ объ одномъ изъ самыхъ характерныхъ народовъ-степовиковъ, которыхъ старое имя, команы, невольно напоминаетъ рѣку Куму, до сихъ поръ главный центръ нашихъ нынѣшнихъ прикаспійскихъ степовиковъ, ногайцевъ и калмыковъ; оно же продолжаетъ звучать въ имени одного изъ распространенныхъ племенъ прикаспійскаго берега, кумыковъ, уже давно ставшихъ осѣдлыми, точно такъ же какъ звучало въ римскомъ названіи Кавказскихъ Воротъ: Porta Cumana.

Все дѣтство русской исторіи проходитъ въ этомъ безплодномъ и гибельномъ общеніи, частью мирномъ, даже союзномъ, но гораздо чаще кровавомъ, съ варварскою вольницею степей.

Фредегаръ говоритъ, что хуны (или авары) каждый годъ *на зиму* приходили къ славянамъ, брали у нихъ съ постели женъ и дочерей; славяне же, сверхъ другихъ угнетеній, платили хунамъ дань.

«Сице обри,—записалъ нашъ лѣтописецъ,—воеваша на словены и прилучиша дулебы, сущая словены, и насилія творяху женамъ дулебскимъ. Аще поѣхати бяше обрину, недадече впрячи коня, ни волу, но веляше впрячи 3 или 4, или 5 женъ въ телегу и повести обрина, и сице гордящеся ѣздяху наругающеся словеномъ. И тако мучаху дулебы. Бяху бо обри тѣломъ велицѣ, а умомъ горди, и силни зѣло, яко никому же мощи противиться имъ.»

Признаюсь, когда я странствовалъ среди неприступныхъ дебрей Дагестана, по берегамъ страшной *аварской* Койсу, среди народа, говорящаго *аварскимъ* языкомъ, досихъ поръ господствующимъ въ Дагестанѣ, и надняхъ еще принадлежавшаго къ могущественному *Аварскому* ханству, и видѣлъ ежедневно рослый, могучій народъ, на зиму спускающійся въ равнины Кахетіи, и приземистыхъ женъ его, употребляемыхъ, какъ вьючный скотъ, для носки дровъ, хлѣба и всякихъ тягостей, я невольно вспоминалъ описанія аваровъ или обровъ нашего древняго лѣтописца и крѣпче чѣмъ, всякимъ филологическимъ и историческимъ догадкамъ ученыхъ, вѣрилъ своему непосредственному впечатлѣнію, что воинственный аваръ Дагестана, называющійся теперь лезгиномъ, долженъ быть сродни тому авару или обру, который сходилъ въ намъ когда-то на зиму съ своихъ горъ и обращалъ нашихъ женщинъ въ вьючную скотину. Въ этихъ степяхъ кочевали еще ранѣе половцевъ печенѣги, о которыхъ лѣтописецъ упоминаетъ уже съ 900 года; тутъ-же хозяйничали хазары, главные обладатели нетолько донскаго юга, но и всего степнаго пространства отъ Днѣпра до подножія Кавказскихъ и

Крымскихъ горъ. Самый южный берегъ Крыма много вѣковъ назывался Хазаріей. Даже митрополитъ древней Кафы назывался митрополитомъ хазарскимъ... Вся южная славянская Русь платила дань хазарамъ при появленіи нашихъ первыхъ князей.

«И найдоша я козаре сѣдящая в лѣсѣхъ на горахъ— повѣствуетъ Несторъ о кіевлянахъ, — и ркоша козаре: платите намъ дань. Здумавше же поляне и вдаша отъ дыма мечь».

«Влѣто 6392 иде Олегъ на сѣверяны и побѣди сѣверяны и възложи дань легку *не даи имъ козарамъ дани платити*, рекъ: азъ имъ противенъ, а вамъ нечему».

Кто были эти половцы, эти печенѣги, эти хазары, кто были скиѳы и сарматы, которыми многіе греческіе писатели прямо обозначали славянъ, — все это, мы увѣрены, никогда не будетъ раскрыто въ точности серьезною наукою и только послужитъ нескончаемою канвою для всевозможныхъ остроумныхъ догадокъ.

Странно ожидать строгихъ опредѣленій въ той области, которая не оставила по себѣ ни одного твердаго филологическаго или этнографическаго факта.

Хотя Левъ, діаконъ калойскій, Кедринъ и другіе историки греческіе даже вполнѣ историческихъ руссовъ Святослава называютъ скиѳами и тавроскиѳами, но ясно, что этимъ общимъ именемъ они обозначали безразлично всѣхъ, мало извѣстныхъ имъ бродячихъ обитателей южнорусской равнины, тѣмъ болѣе, что въ составѣ Святославовыхъ дружинъ могли быть всевозможные степные элементы.

Кто покрылъ степь этими непрерывными вереницами кургановъ — точно также останется навсегда нераскрытою тайной.

Изслѣдованія Забѣлина, Уварова, Самоквасова, несмотря на все ихъ ученое остроуміе и трудолюбіе, не

объяснили въ этомъ отношенiи ничего существеннаго, потому что самый живой бытъ исчезнувшихъ степныхъ народовъ не настолько извѣстенъ, чтобъ можно было разгадать его по скуднымъ даннымъ уцѣлѣвшихъ могилъ.

Гробницы царственныхъ всадниковъ съ золотыми вѣнцами на головахъ, открытыя въ какомъ-нибудь чертомлыкскомъ курганѣ, говорятъ только одно, что Геродотъ чрезвычайно вѣрно указалъ свою Царскую Скиѳiю. Но что это была за Скиѳiя, въ какой связи и родствѣ была она съ современными ей и съ послѣдующими племенами человѣчества — этого никто и никогда не скажетъ. Точно также мало помогли раскопки заросшей лѣсомъ знаменитой Сауръ-могилы, недалеко отъ Таганрога, и раскопки предполагаемыхъ сѣверскихъ кургановъ Курской и Черниговской губернiй.

Безмолвная степь не выдаетъ такъ легко своихъ тысячелѣтнихъ тайнъ, и до сихъ поръ никто не могъ доказать, чья рука ставила на вершинѣ кургановъ этихъ каменныхъ бабъ и болвановъ, которымъ приносились жертвы даже до нашихъ дней, какъ, напримѣръ, на чертомлыкскомъ курганѣ. Ихъ первобытныя формы только свидѣтельствуютъ о первобытности искусства, первобытной грубости религiознаго чувства, воздвигнувшаго, въ качествѣ боговъ, эти едва-отесанныя глыбы песчаника, въ которыхъ иногда трудно признать даже образъ человѣка. Систематическое направленiе кургановъ, въ видѣ сплошныхъ цѣпей, гораздо яснѣе указываетъ на ихъ значенiе путевыхъ признаковъ среди необитаемой и необозримой степи. Отъ самаго Таганрога они тянутся въ степь, какъ гигантскiя кротовыя кучи, на многiе десятки верстъ вдоль горнаго берега Мiуса. Отъ самыхъ Кавказскихъ горъ, черезъ Терскую область, черезъ Кубанскiя и Ставропольскiя степи, опять тянутся они частою цѣпью въ одномъ и томъ-же направленiи, сѣвернѣе линiи желѣзной дороги, къ устью Дона. Оче-

видно, что азіатскіе степовики, проходившіе черезъ Кавказскія Ворота, руковидились ими въ своихъ нашествіяхъ на русскую равнину, какъ верстовыми столбами. Вѣрнѣе всего, что ихъ насыпалъ не одинъ какой-нибудь народъ, а насыпали многіе и разные народы, въ теченіе многихъ послѣдовательныхъ вѣковъ. Такъ, напримѣръ, команы насыпали курганы на глазахъ Рубруквиса, ѣхавшаго посломъ Людовика IX-го къ хану Мангу, по сѣверному прибрежью Азовскаго моря. Народы, жившіе одною и тою-же жизнью, при всемъ различіи своемъ по крови, не могли имѣть слишкомъ различныхъ обычаевъ.

Дороги изъ глубины степей къ торговымъ и населеннымъ городамъ были однѣ для всѣхъ. Инстинкты хищничества были также одни и тѣ-же у всѣхъ хищныхъ ордъ степи, отъ обра до татарина. Всѣ они одинаково чествовали своихъ военачальниковъ и героевъ, всѣ они питали суевѣрный ужасъ къ богамъ пустыни и прибѣгали, конечно, къ ихъ заступничеству, подкупая ихъ высоко воздвигнутыми идолами, далеко видимыми на глади степей. Распутать теперь въ этомъ хаосѣ отрывочныхъ и нѣмыхъ остатковъ исторіи, кѣмъ и когда что сдѣлано,—разумѣется, задача невозможная. Неудивительно, если многіе курганы обязаны своимъ происхожденіемъ даже гораздо позднѣйшимъ временамъ, напримѣръ тѣмъ, до сихъ поръ невполнѣ уясненнымъ бродячимъ дружинамъ, которыя, подъ именемъ бродниковъ, черкасъ, казаковъ, замѣнили собою впослѣдствіи печенѣговъ и половцевъ. Даже русскія рати и русскіе станичники, оберегавшіе «дикое поле», должны были неминуемо оставить много кургановъ въ память своихъ далекихъ степныхъ походовъ, чему есть неопровержимыя доказательства. Что это такъ, въ этомъ можно убѣдиться, проѣзжая Нижнюю Чечню, гдѣ вдоль всей дороги, когда-то очень опасной, по правому берегу Те-

река и Сунжи тянутся правильною цѣпью большіе курганы, на которыхъ еще недавно стояли частыя вышки казачьихъ пикетовъ, теперь, большею частью, упраздненныя. Ясно, что позднѣйшій изслѣдователь, незнающій этой живой еще теперь подробности, впослѣдствіи легко смѣшаетъ опустѣвшіе курганы этого рода съ курганами древнихъ скиѳовъ или монголовъ.

Что казаки вообще законные наслѣдники и преемники древнихъ степовиковъ — это ясно нетолько изъ ихъ исторической роли, но даже изъ самаго имени ихъ. Между этимъ именемъ и именами древнихъ касоговъ (писавшихся по никоновскому списку «касаги», по софійскому—«косоги»), кочевавшихъ въ началѣ русской исторіи у береговъ Азовскаго моря и побѣжденныхъ Святославомъ нѣтъ, въ сущности, никакой разницы. Въ Курской губерніи до сихъ поръ есть рѣка Касожа или Касоржа, очевидно сохранившая память о древнихъ обитателяхъ. Греческій императоръ Константинъ одну часть Сѣвернаго Кавказа прямо называетъ Козакіею или Касакіею, и замѣчательно, что крѣпостное населеніе, живущее теперь въ этой части Кавказа, до сихъ поръ называется казаками. Киргизы, коренные жители степей, и теперь называются кайсаками или казаками. Казакъ есть вообще какое-то родовое имя, значеніе котораго не вполнѣ уяснено. Осетины Кавказскихъ горъ называютъ, напримѣръ, казаками черкесовъ, по увѣренію Шлецера. Если вспомнить, что, въ свою очередь, казаки постоянно назывались черкесами или черкасами, что до сихъ поръ въ Кіевской губерніи значительная часть населенія называется черкасами, что въ старыхъ казачьихъ областяхъ есть города Черкасы, Черкаскъ и Новочеркаскъ, а степной южный скотъ до сихъ поръ извѣстенъ въ Россіи подъ именемъ черкасскаго, то нарицательность имени казака станетъ внѣ всякаго сомнѣнія. Даже въ генуэзскихъ лѣтописяхъ древняго Су-

рожа упоминаются въ смыслѣ конной стражи какіе-то *козаки*-оргузіи, какъ мнѣ пришлось убѣдиться при изученіи памятниковъ Крыма.

Донъ и Донецъ—центральныя рѣки нашего кочеваго юга, всегда игравшія въ немъ гораздо болѣе важную роль, чѣмъ Днѣпръ, бывшій уже предѣломъ цивилизаціи и въ извѣстномъ смыслѣ оградою государственности. Донъ — истая рѣка степей и степовиковъ. Игорь недаромъ «къ Дону вои ведетъ». Еще Олегъ и Святославъ воевали на Дону, громили тамъ царство Хазарское. Въ лѣтописи Нестора не упоминается ни одного славянскаго города по Дону и Донцу, но упоминается множество городовъ по Днѣпру и его притокамъ. По Днѣпру, Припети, Деснѣ, Сейму, Сожи сидятъ цѣлыя племена славянъ въ самомъ началѣ русской исторіи; самъ Днѣпръ, по словамъ лѣтописца, «течетъ въ Понтское море треми жералы, *иже море словеть русское*»,—до такой степени прочно осѣла на немъ славянская земледѣльческая народность. А на Дону въ это время ни одного поселка славянскаго, а есть только столица Хазаріи. Оттого-то Донъ съ глубокой древности почитался границею Азіи; еще Скимнъ Хіосскій, за 100 лѣтъ до Христа, называлъ берега Танаиса «границею Азіи и двухъ материковъ». Неудивительно, что и борьба русскаго славянства на жизнь и смерть съ азіятскимъ кочевникомъ разрѣшилась въ области Дона; у верховьевъ Дона была первая освободительная битва русскаго народа съ Мамаемъ, на Куликовомъ полѣ; близъ устья Дона, на берегахъ Калки, нынѣшняго Калміуса, была первая роковая встрѣча русскихъ князей съ монгольскою силою.

Оттого-то, можетъ быть, Донская область и до сего времени сохранила своеобразіе своей казацкой исторіи и своихъ казацкихъ обычаевъ, въ то время, какъ днѣпровское казачество почти безслѣдно слилось съ общею

государственностью Россіи. На Дону накопилось такъ много кочевыхъ и вольнолюбивыхъ преданій, что ему было невозможно такъ-же легко, какъ Малороссіи, претвориться въ плоть и кровь цивилизованной націи. Донъ долго еще вскармливалъ Ермаковъ, Заруцкихъ, Разиныхъ и Пугачевыхъ, этихъ законныхъ наслѣдниковъ Гзы и Кончака.

«Дикое поле» долго тянулось за окраинами Россіи не къ Днѣпру и Деснѣ, а именно къ Донцу и Дону. Степныя дороги, калміусская и изюмская сакмы, Муравка, Царскій Шлахъ жмутся сами собой къ Донцу и Дону.

Сюда высылались издревле «сторожить Русь» и «громить воровъ въ дикомъ полѣ» сторожи и станичники; отъ этого же дикого поля отсиживались изстари «украинскими слободами», «жилыми городками», «опасными острожками». Польскою украйною въ отличіе отъ литовской, то есть украйны днѣпровскаго бассейна, называлась именно «государственная межа порожней земли дикого поля», по Хопру, по Дону съ Донцомъ, по Быстрой и Тихой Соснѣ и Воронежу. Сторожи на эти рѣки посылались, хотя безъ особой системы, еще при Дмитріѣ Донскомъ, и митрополитъ Алексѣй, въ 1360 году, посылалъ свое благословеніе «ко всѣмъ христіаномъ обрѣтающимся по *карауламъ возлѣ Хопоръ и Дону*». Съ Ивана же Грознаго сторожевая и станичная служба получила правильную организацію. Царскія сторожи проникли глубоко въ степь, оцѣпивъ собою всѣ протоpенныя татарами сакмы, всѣ рѣки и рѣчки, тревожа улусы кочевниковъ и служа надежными развѣдчиками въ случаѣ ихъ движенія.

Однако, передовая цѣпь укрѣпленныхъ городковъ еще не выдвинулась тогда дальше Новосиля, Мценска, Орла, Рыльска и Путивля.

Впереди этой линіи рубились засѣки, копались рвы,

дѣлались забои въ рѣкахъ. Станичники и сторожи выбирались изъ самыхъ лучшихъ служилыхъ людей и получали большое жалованье. Оружiе и лошади ихъ цѣнились «стоялыми воеводами» и оплачивались «поизрону». При царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ, по указу 1594 года, положено было станичнымъ головамъ и станичникамъ и вожамъ за службу и за изронъ и за полонъ давати государево жалованье, за конь по 4 рубли и за меринъ по 3 рубли». Сторожи отстояли другъ отъ друга на день пути, рѣдко на два, а большею частью на «днище», т. е. на полдня. Онѣ составляли нѣсколько неразрывныхъ линiй, пересѣкавшихъ всѣ татарскiя сакмы и шляхи, и безпрестанно сносились другъ съ другомъ.

Существовалъ цѣлый уставъ станичной и сторожевой службы, первый разъ составленный въ 1571 году, знаменитымъ героемъ Казани, Воротынскимъ, «съ котораго города къ которому урочищу станичникамъ податнѣе и прибыльнѣе ѣздити, и на которыхъ сторожахъ и отъ которыхъ городовъ и по кольку человѣкъ сторожей на которой сторожи ставити, которыя бы сторожи были устороживы отъ крымскiя и отъ ногайскiя стороны, гдѣ было государеву дѣлу прибыльнѣе и государственнымъ украинамъ бережнѣе, чтобъ воинскiе люди на государевы украины войною безвѣстно не приходили».

Уставъ строго требовалъ «стояти сторожамъ на сторожахъ, съ коней не съѣдая, перемѣняясь и ѣздити по урочищамъ, перемѣняясь же, направо и налѣво, по два человѣка по наказомъ, каковы наказы дадутъ имъ воеводы. А становъ не дѣлати, а огни класти не въ одномъ мѣстѣ, коли каши сварити и тогды огня въ одномъ мѣстѣ не класти дважды; а въ коемъ мѣстѣ кто полдневалъ и въ томъ мѣстѣ не ночевати, а въ лѣсѣхъ имъ не ставитца, а ставитца имъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ

бы было усторожливо»; станичники обязаны были «сакмы переѣзжати и людей смекати». Воеводы должны были сторожамъ «лошади добрыя правити, на которыхъ бы лошадяхъ на сторожи ѣздити было безстрашно, чтобъ государскія украины безвѣстны отъ нихъ не были»; «чтобъ у каждаго сторожа было для сторожевой службы по два коня добрыхъ или коню меренъ добръ». Станицы ѣздили по росписи съ 1-го апрѣля по 1-е ноября, по двѣ очереди каждая (по двѣ недѣли очередь) «докуды снѣги большіе укинутъ». Пустынность «дикого поля» была недавно еще такъ велика, что въ 1708 году, т. е. при Петрѣ I-мъ, къ Азовской губерніи относился даже нынѣшній уѣздный городъ Курской губерніи Новый Осколъ и значительная часть Воронежской и Харьковской губерній. При Михаилѣ же Ѳедоровичѣ, въ 1635 году, наша пограничная оборонительная линія шла еще отъ Воронежа мимо курскаго Бѣлгорода до Ворсклы, гдѣ былъ устроенъ такъ называемый Карповскій Валъ. Такъ, недавно еще наше древнее «дикое поле», въ которое удѣльные князья отгоняли печенѣговъ, превратилось въ мирныя россійскія губерніи.

При Иванѣ Грозномъ еще можно было выжигать, какъ совершенно ненаселенную степь, самые теперь людные и богатые уѣзды Курской губерніи—Щигровскій, Тимскій и другіе, имъ сосѣдніе, чтобы отнять возможность новаго движенія на Москву у конныхъ татарскихъ ратей Девлетъ-Гирея. Отряды дѣтей боярскихъ и другихъ служивыхъ людей изъ Крапивны должны были, по особой росписи, приводимой въ извѣстной книгѣ Бѣляева о сторожевой и станичной службѣ, выжигать «дикое поле» по рѣкамъ Тиму, Касожѣ, Тускори и Кщеневу, т. е. именно мѣстности Щигровскаго и сосѣдняго ему уѣздовъ.

«А жечи поле въ осенинахъ, въ октябрѣ или ноябрѣ, по заморозомъ, и какъ гораздо на полѣ трава посох-

нетъ, а снѣговъ не дожидаясь, а дождався ведреныя и сухія погоды, чтобъ вѣтеръ былъ отъ государевыхъ украинныхъ городовъ на польскую (т. е. степную) сторону». Слѣдовательно, Крапивна, теперь лежащая въ центрѣ Тульской губерніи, была, въ концѣ XVI-го столѣтія, однимъ изъ послѣднихъ пограничныхъ городовъ Руси съ этой стороны «дикого доля».

Курскъ стали строить (или, вѣрнѣе, возобновлять) уще послѣ, именно въ 1586 году. Построилъ его сторожевой воевода Иванъ Осиповъ Нечаевъ съ головой Нелюбомъ Огаревымъ, и заселили переселенцами изъ Орла, Мценска и другихъ городовъ. Тогда же стали строить слободы вокругъ Курска, по сторожевой линіи, населяя ихъ жителями сосѣднихъ и отдаленныхъ городовъ Московскаго княжества. Въ «Судебникѣ» Ивана Грознаго, въ законахъ о ябедникахъ, уже сказано: «наказывать такихъ кнутомъ и ссылать въ Сѣвскъ и Курскъ». Немудрено, что лѣтописи курской украйны переполнены борьбою съ «дикимъ полемъ», съ вольницею придонскихъ степей.

Путивльскіе воеводы то и дѣло посылаютъ царю Ѳедору Ивановичу такія отписки:

«Мы, холопи твои, по твоей государевой грамотѣ на поле, на Пселъ и къ усть Айдара, и внизъ по Донцу, въ тѣ мѣста, гдѣ твоихъ государевыхъ станичниковъ громили черкасы, посылали атамана Агея Мартынова съ товарыщи, съ путивльскими черкасы, и онѣ для черкасъ *не сошли*. И мы, государь, холопи твои, посылали атамана Якова Лысово съ товарыщи съ новоприборными казаки іюня въ 29-й день, и пришедъ, намъ холопемъ твоимъ атаманъ Яковъ Лысой съ товарыщи сказалъ: ходили де, государь. мы за воры, за черкасы, за атаманомъ за Лазаремъ съ товарыщи и тогда онѣ атамана Лазаря съ товарищи сошли въ *Княжихъ Горахъ* и ихъ побили, и рухлядь ихъ, и борошень путивлскихъ севрюковъ и рушницы взяли. А послѣ, государь, того, посылали мы, холопи твои, Якова же Лысова съ товарыщи, и атамана Агѣя съ товарыщи августа въ 16-й день; а ходили, государь, онѣ на двѣ станицы, а пришедъ, намъ, холопамъ твоимъ, Яковъ съ товарыщи сказалъ: сошли-де онѣ воровъ черкасъ атамана Лукьяна Корнауха съ товарыщи на рѣчкѣ на Батаквѣ въ Путивльскомъ ѣздѣ, громили ихъ и борошень, и рушницы путивльскихъ севрю-

ковъ у нихъ отгромили. А Агѣй, государь, Мартыновъ съ товарыщи пришелъ сказалъ: ходили де онѣ, межъ Сулы и Хорода, по шляхамъ за черкасы, которые ходятъ въ твою государеву въ вотчину, въ бортные ухожея, и сошли де, государь, онѣ на Раполотѣ черкасъ, атамана Калошу съ товарыщи и его погромили, а иныхъ побили; да онѣ же, государь, сошли на поле черкасъ, ниже Княжихъ горъ, и ихъ-де погромили. А у Агѣева-де товарыща у Савицкаго черкасы тутъ коня убили, а у путивльскихъ, государь, севрюковъ брошенъ и лошади у черкасъ они отгромили и въ Путивль тѣ лошади привели, черкаскую голову къ намъ принесли. И били, государь, челомъ тебѣ, государю, атаманъ Яковъ Лысой съ товарыщи и атаманъ Агѣй съ товарыщи, о твоемъ государевѣ жалованьѣ, а сказали, что-де онѣ наги и боси и голодни».

Это—характерная картина быта и нравовъ «дикого поля», которую мы приводимъ на-выдержку изъ числа многихъ подобныхъ, собранныхъ въ «Актахъ историческихъ».

III

Кабакъ-городъ

Отъ Таганрога до станціи Донца уже провожаетъ насъ справа Азовское море,—сѣрое, скучное, безъ всякой поэзіи скалистыхъ утесовъ, безъ тѣхъ переливовъ бирюзы и малахита, которыми сверкаетъ Крымское море въ тѣни своихъ заливовъ, море, незнавшее ни Ифигеніи, ни аргонавтовъ, вполнѣ приличествующее прозаическимъ купеческимъ кораблямъ, нагруженнымъ пшеницею, канатомъ и шерстью. Таганрогъ, какъ портъ, падаетъ страшно съ года на годъ. Иначе и быть не можетъ, потому что зимою онъ нѣсколько мѣсяцевъ окованъ льдомъ, а въ остальное время къ нему не могутъ подходить самыя обыкновенныя купеческія суда.

Думаютъ поднять, вмѣсто Таганрога, Маріуполь, устроивъ въ немъ хорошую гавань и проведя въ него, для сбыта каменнаго угля, особую вѣтвь отъ донецкой желѣзной дороги. Безспорно, что это могло бы оживить и донецкій каменноугольный бассейнъ, и самый Ма-

ріуполь. Но мнѣ вообще кажется, что азовскіе порты болѣе или менѣе отжили свой вѣкъ, что при нынѣшнихъ быстрыхъ путяхъ сообщенія, при нынѣшней быстротѣ, если не торопливости, торговыхъ оборотовъ, нашимъ спрятаннымъ въ пазухѣ, замерзающимъ и обмелѣвшимъ портамъ, съ ихъ каботажнымъ судоходствомъ, невозможно конкурировать съ естественными торговыми центрами, лежащими при открытомъ морѣ и способными въ каждую минуту двинуть все, что требуется, всюду, куда требуется. Прошлая зима, когда почти все наше Закавказье и Турецкая Арменія издыхали съ голода, а въ нашихъ Ростовахъ, Таганрогахъ, Бердянскахъ, Маріуполяхъ, можно сказать, у самыхъ губъ голодавшаго населенія—неподвижно воздымались громадные склады пшеницы и всякаго хлѣба, можетъ служить убѣдительнымъ доказательствомъ крайней зависимости нашихъ портовъ отъ стихійныхъ условій, ихъ, такъ сказать, прирожденной связанности движеній.

Казалось бы, слѣдовало давно поглядѣть на дѣло болѣе широкимъ взглядомъ и, взвѣшивая преимущественно условія будущаго, а не прошлаго, направить усилія къ созданію постоянно открытыхъ портовъ на берегахъ Крыма и Кавказа, соединяя ихъ, разумѣется, удобною желѣзнодорожною артеріей съ внутренними рынками страны.

Такая мѣра явилась бы поистинѣ органическою государственною мѣрою, сообразною съ современными условіями торговаго дѣла, и я не сомнѣваюсь, что на нашемъ мѣстѣ европейцы давно создали бы гдѣ-нибудь на южномъ берегу Крыма черноморскій Марсель или Ливерпуль. Мы, конечно, не станемъ вдаваться въ сужденія, какіе именно порты наиболѣе подходятъ къ этой цѣли, но всякій житель юга невольно остановится на Новороссійскѣ, Севастополѣ, Ѳеодосіи, служащихъ какъ-бы первыми надежными выходами изъ рус-

скаго материка въ настоящее открытое море. Нельзя забывать громаднаго торговаго значенія эллинской Ѳеодосіи и генуэзской Каѳы въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ.

Ростовъ, однако, говорятъ, поднимается, богатѣетъ. Это немудрено, потому что онъ служитъ, во всякомъ случаѣ, почти единственнымъ, хотя и неособенно удобнымъ посредникомъ между внѣшнею торговлею нашего азовскаго юга съ одной стороны, низовьемъ Волги, басейномъ Дона, переднимъ Кавказомъ и даже дальними областями Цны и Морши—съ другой. Цѣлый громадный и плодородный уголъ Россіи тяготѣетъ къ нему черезъ владикавказскую и воронежскую желѣзныя дороги, черезъ дешевую линію донскаго судоходства, тѣсно связанную въ Калачовѣ съ судоходствомъ Волги, не считая собственной богатой области, непосредственно окружающей Ростовъ. Если Ростовъ и теперь богатѣетъ, то трудно сомнѣваться, что Ростовъ, перенесенный на берегъ легко доступнаго моря, богатѣлъ бы гораздо больше; если Ростовъ можетъ хорошо торговать восемь мѣсяцевъ изъ двѣнадцати, то, конечно, еще лучше торговалъ бы онъ, еслибъ зима не обрѣзала ему ни одного изъ 12-ти мѣсяцевъ года.

Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что богатѣетъ не Ростовъ, а ростовскіе армяне. Нахичевань, неказистая подгородная Ростова, довольно грязное и жалкое на видъ гнѣздо армянскихъ переселенцевъ, завладѣла окончательно Ростовомъ и душитъ его, какъ ползучая, тоже на видъ неказистая повилица душитъ самые рослые и красивые стебли растеній, незамѣтно обвивая ихъ своими кольцами, неслышно вгрызаясь въ нихъ своими зубцами и потихоньку всасывая въ себя весь тотъ сокъ, который предназначается природой для питанія опутаннаго стебля. По крайней мѣрѣ, сами русскіе ростовцы вопятъ о поглощеніи ихъ армянами.

Армяне давно уже переправились черезъ рѣку, давно стали строиться въ самомъ Ростовѣ. Теперь всякій доходный домъ, всякій богато снабженный магазинъ Ростова—непремѣнно армянскій. Русскіе почти уже не торгуютъ въ Ростовѣ, исключая нѣсколькихъ крупныхъ всероссійскихъ спеціальныхъ фирмъ.

Но русскіе если очень мало торгуютъ, зато очень много жалуются. Всѣ ихъ, бѣдныхъ, обижаютъ, и еще гдѣ бы, а то у себя же дома! Это, сколько я замѣтилъ, горше всего обижаетъ православнаго человѣка. «На своемъ дворѣ и меня же прибилъ!» съ неописаннымъ оскорбленіемъ жалуется мужичекъ.

Не спрашивайте земляка, почему же армянинъ до сихъ поръ не съумѣлъ обидѣть нѣмца и англичанина, торгующихъ въ Ростовѣ, а обидѣлъ только его одного, бѣднаго малаго! Нѣмецъ, извѣстно, на то ужь нѣмецъ. Но не одинъ нахичеванскій армянинъ обижаетъ ростовскаго православнаго человѣка. Всѣ и все обижаютъ его. Обидѣлъ его бывшій городской голова Байковъ, задумавшій, ни съ того, ни съ сего, цивилизовать по-европейски нашъ доморощенный кабакъ-городъ, обижаетъ его донынѣ злоумышленно устроенный Байковымъ городской банкъ. Признаюсь, эта послѣдняя жалоба меня нѣсколько озадачила. Я, вообще, привыкъ видѣть, что у торговыхъ людей слюнки текутъ при одномъ упоминаніи объ открытіи городскаго банка, а ростовцы вдругъ почитаютъ свой банкъ, да еще устроенный такимъ прославленнымъ туземнымъ цивилизаторомъ, какъ Байковъ, чѣмъ-то въ-родѣ ненавистнаго Гаргантуа, безжалостно пожирающаго, вмѣсто барановъ, ихъ дома и капиталы. «*Пока* не было банка, всѣ мы были цѣлы,— съ ожесточенною откровенностью сообщилъ мнѣ одинъ изъ ростовцевъ.—Открылся банкъ,—проглотилъ всѣхъ насъ и все наше; *теперь мы всѣ чужіе*, всѣ нищіе». Слово-въ-слово обычный припѣвъ нашего черноземнаго

помѣщичества. И у насъ тоже, «пока не было банковъ, всѣ мы были цѣлы. Открылись банки, проглотили всѣхъ насъ и все наше; теперь мы тоже всѣ чужіе, всѣ нищіе».

Грустный припѣвъ, нечего говорить, особенно при такомъ единогласіи и единообразіи.

Вотъ тебѣ и примѣняй къ намъ, русскимъ, мѣрки европейской цивилизаціи, вотъ и хлопочи объ устройствѣ для насъ дешеваго кредита, объ облегченіи намъ промышленныхъ предпріятій! Другихъ банки на ноги ставятъ, а насъ банки съ ногъ бьютъ. Недаромъ всѣ мы стоимъ за національныя особенности и за самостоятельное историческое призваніе роднаго народа!

Ростовцы не задаютъ себѣ вопроса, точно ли въ бѣдѣ ихъ виноватъ банкъ, съ отцомъ своимъ Байковымъ, а не сами они, ростовцы. Они, повидимому, представляютъ себѣ банкъ одушевленнымъ и даже нравственнымъ существомъ, который обязанъ нетолько давать деньги жителю Ростова, но еще и научать его, вмѣстѣ съ тѣмъ, благоразумію, проницательности, энергіи и прочимъ хорошимъ качествамъ, необходимымъ въ каждомъ практическомъ дѣлѣ, безъ которыхъ самые большіе займы денегъ приводятъ только къ самой большой потерѣ.

Какъ хотите, а такіе Байковы, которымъ была бы подъ-силу подобная выдумка, еще не народились даже у нѣмцевъ. Не вините-жь нашъ скромный Ростовъ-на-Дону, не требуйте отъ него такихъ геркулесовскихъ подвиговъ цивилизаціи.

* * *

Глубина Дона въ Ростовѣ такова, что не уступитъ морю—до 30-ти и 40 саженъ. А такъ какъ землечерпательныя машины постоянно прочищаютъ заносимыя гирла, то въ Ростовъ теперь могутъ проходить, правда,

черезъ нѣсколько узкій проходъ раздвижнаго моста желѣзной дороги, большіе морскіе пароходы «Русскаго общества пароходства и торговли», не считая множества малыхъ. Это обстоятельство сообщаетъ русскому Ливерпулю оживленный и живописный видъ неподдѣльнаго Ливерпуля, особенно если глянуть по направленію къ мосту и гирламъ, гдѣ цѣлый лѣсъ мачтъ и пестрыхъ флаговъ наполняютъ фарватеръ Дона. Когда поѣдете отъ желѣзной дороги по широкой Садовой улицѣ, мимо англійскихъ магазиновъ, нѣмецкихъ пивныхъ, французскихъ парикмахерскихъ, итальянскихъ «эспонецо» разныхъ мраморныхъ издѣлій, когда забѣжите въ тѣнистую, на итальянскій манеръ, столовую залу гостиницы Челокова, съ олеандрами на улицѣ, съ хорошимъ французскимъ поваромъ,—вы еще можете съ нѣкоторою натяжкою оставаться мысленно въ Ливерпулѣ. Тутъ даже ярко-зеленыя, краснымъ расписанныя кадки съ квасомъ, очень кстати торчащія на каждомъ углу, взамѣнъ фонтановъ, прячутся подъ иноземное имя. Тутъ даже русскій квасъ рекомендуетъ себя «баварскимъ», и недостаетъ только вывѣсокъ о продажѣ голландской махорки или португальской сивухи.

Мнѣ вообще нравится это доброхотное смиреніе русскаго человѣка, который во всемъ своемъ сознаетъ несовсѣмъ приличную вещь. Извѣстно, что «русское платье», «русскій столъ», «русскіе товары» означаетъ на языкѣ русскомъ такое платье, въ которомъ никуда не пускаютъ, такой столъ, котораго ѣсть нельзя, такой гнилой и дешевый товаръ, котораго никто изъ достаточныхъ людей покупать не станетъ. Оттого наша трудолюбивая Тула еще издавна ухитрилась писать на своихъ ножахъ имя Лондона, не стѣсняясь тѣмъ, что столица Великобританіи вынуждена была накладывать свое клеймо русскими буквами.

Но своротите только съ этой благопристойной тропы

лицемѣрно промощенной Европой черезъ азіатскую грязь въ одинъ изъ такихъ же широкихъ, какъ-бы заново расчищенныхъ переулковъ Ростова, и вы сейчасъ же, всѣми своими порами, на каждомъ шагу, почуете родной *кабакъ-городъ*.

Всего лучше почуете вы его, спустившись на набережную Дона, гдѣ во всемъ развалѣ кипитъ размашистая торговля Ростова. Тамъ, на безпорядочныхъ, загаженныхъ осыпяхъ гнилистаго берега, ничѣмъ неподпертыхъ, необлицованныхъ и необрытыхъ, среди хаотически разбросанныхъ бревенчатыхъ надолбовъ, стоятъ огромными каменными сундуками нештукатуренные каменные дома, безъ вкуса и архитектуры, наскоро складенные, тѣсно вдвинутые другъ въ друга, старые, пыльные и скучные уже въ первый день своей постройки, и подъ ними безконечные однообразные подвалы съ пенькой, шерстью, канатами, рогожей, шкурами, желѣзомъ и всякимъ другимъ громоздкимъ оптовымъ товаромъ, которымъ Россія снабжаетъ Европу, отдавая ей на передѣлку въ совершенно необработанномъ или едва обработанномъ видѣ сырыя произведенія своей великой, обильной, но порядку неимѣющей страны. У подножія этихъ домовъ-сараевъ, до самыхъ волнъ Дона только и видишь брезенты, кули, горы каменнаго угля, якоря, шерстяныя мойки—все то, что составляетъ несомнѣнную принадлежность торговаго процвѣтанія, несомнѣнную необходимость современной цивилизаціи, но что, тѣмъ не менѣе, для меня лично всегда кажется чѣмъ-то противнымъ.

Да, нужно покаяться. Сознаю, что безъ всего этого народъ будетъ глупымъ и нищимъ народомъ, но нервовъ своихъ передѣлать не могу. Никогда во мнѣ не сидѣлъ финикіянинъ, никогда не мучили меня вкусы Петра Великаго и никогда на своихъ пятахъ не ощущалъ я зачатка меркурьевыхъ крылъ. Праотецъ мо-

ихъ праотцевъ, по всей вѣроятности, былъ степной пастырь съ тихою мечтою, тихою пѣснью и тихою походкой овечьихъ пастырей, а не Язонъ и не Пигмалiонъ.

Запахъ каменнаго угля, дымъ и свистъ локомотива производятъ во мнѣ сильнѣйшую тошноту, но не настраиваютъ меня ни на какую поэзiю меркантильности и антрепренерства. Они не наводятъ на меня грезъ ни о походѣ за золотымъ руномъ, ни о ловлѣ какой-нибудь концессiи въ мутной водѣ.

*
* *

Среди тѣсной путаницы пароходовъ, кораблей, барокъ, плотовъ, досчаниковъ, подъ лѣсомъ едва качающихся мачтъ, подъ нераспутываемой сѣтью рей и веревокъ, гомозятся толпы полуголыхъ бронзовыхъ тѣлъ, потныя, пыльныя, усталыя, оборванныя и голодныя, съ ногами, уродливо обернутыми тряпками, съ недовольнымъ и злымъ видомъ непроспавшагося пьяницы. Они тутъ работаютъ, тутъ отдыхаютъ, тутъ и полощатся, какъ стадо свиней, въ узкихъ щеляхъ грязной воды, оставляемыхъ сдвинувшимися пузатыми корпусами осмоленныхъ судовъ, мужчины, женщины—всѣ вмѣстѣ, вперемежку; имъ не до стыда и не до церемонiй. Ихъ съѣдаетъ острая каменная пыль, ихъ сожигаетъ безпощадное солнце iюльскаго полудня, у нихъ вымотала, вмѣстѣ съ силою, всякое самолюбiе и всякую деликатность тяжкая работа и скверная пища.

Это настоящiй «ростовскiй народъ». Такого вы не увидите внутри Россiи, даже въ Москвѣ, гдѣ все можно увидѣть. Только гдѣ-нибудь въ Ачуевѣ, среди плавней Кубани и Протоки, да развѣ на рыбныхъ пристаняхъ Волжскаго Понизовья можно встрѣтить этотъ характерный типъ безпаспортнаго забубеннаго люда, эти особенныя рожи съ подбитыми глазами, опухшiя отъ

водки, блѣдныя отъ проголоди и изнуренія, по-волчьи глядящіе и на товарища-работника, и на хозяина-кулака, и на праздную публику, ихъ созерцающую.

Какая-то особенная печать ложится даже на самаго скромнаго малаго изъ нашихъ внутреннихъ губерній, когда онъ, заработковъ ради, побываетъ въ Ростовѣ или Таганьемъ-Рогѣ. Стираются какъ-то сами собою его патріархальное добродушіе и его деревенская смиренность, и въ тихое черноземное село возвращаются, вмѣсто деревенскихъ парней, недовольные городскіе пролетаріи съ неряшливымъ франтовствомъ кабацкаго удальца, съ заломленнымъ на-ухо фабричнымъ картузомъ, съ краснымъ кисетомъ сударушки, съ хвастливою повадкою къ трубочкѣ и «хорошенькому» винцу съ лѣнью и озорствомъ, съ безпутными рѣчами и новомодными бульварными пѣснями.

Оттого наши степенные хозяева изъ мужичковъ какъ огня боятся отпускать свою молодежь въ эти пресловутые «заработки», откуда рѣдкій приноситъ деньги, но почти всѣ приносятъ особаго рода нравственный угаръ. «Ну, ужь вы, таганрогцы!» съ презрительною досадой качаетъ на нихъ головой домовитый старикъ.

Заработки въ Ростовѣ, въ Таганрогѣ, конечно, бываютъ высоки, невпримѣръ нашимъ скуднымъ мѣстнымъ заработкамъ. Но они, во-первыхъ, очень случайны, а во-вторыхъ—они происходятъ въ такой нравственной и экономической атмосферѣ, изъ которыхъ работнику почти невозможно выйти—не очумѣвъ, не усвоивъ себѣ такихъ вредоносныхъ привычекъ, которыя, въ концѣ-концовъ, приведутъ къ нулю нетолько непосредственный заработокъ минуты, но и много всякихъ будущихъ заработковъ.

Тутъ наши парни научаются всякому баловству и дѣлаются такими-же беззаботно-распущенными, по-скот-

ски живущими бродягами площадей и пристаней, какими кишитъ набережная Ростова. Сломать воловью работу, потомъ упасть, заснуть въ сердитомъ молчаньѣ въ грязи, въ пыли, на кучѣ камней, потомъ пробезобразничать цѣлую ночь напролетъ въ кабакѣ за отравленною водкою съ продажною грязною дѣвкой, послушать мимоходомъ озлобленныя остроты надъ панами, попами, начальствомъ, научиться мимоходомъ, какъ люди поживаютъ безъ паспортовъ или сами паспорты справляютъ, какъ ловко оплетаютъ и объегориваютъ другъ друга,—вотъ обычное содержаніе этой народной нашей академіи, нашего настоящаго всероссійскаго «университета».

И вы видите, бродя по Ростову, что онъ весь разсчитанъ на такого рода людъ, что вся его грязь и безпріютность, все его безотрадное свинство, возможны только при такомъ оскотинѣвшемся народѣ; этому народу ничего не приготовлено здѣсь, ни для его ночлега, ни для его воспитанія, ни для его развлеченій, ни даже для того, чтобъ онъ былъ сытъ. Притотовлена ему одна сѣро-зеленая водка, которую продаютъ на всякомъ углу, въ каждой хатенкѣ, подъ каждымъ окошкомъ, въ домахъ и палаткахъ, въ подземельяхъ и прямо подъ кровомъ неба, бочками, бутылками, пузырьками, рюмками, едва не въ сухомъ видѣ, какъ запасные дары продаютъ всѣ и каждый, старухи, ребятишки, солдаты, армяне, жиды и греки—и отбираютъ такимъ путемъ назадъ отъ этого оголтѣлаго пролетарія, отъ всей этой босоногой, оборванной толпы все, что заработала она здѣсь своими мозолями и пòтомъ, не оставляя ей ничего даже на одежду, даже на сколько-нибудь достаточную ѣду...

Нашъ азовскій Ливерпуль является несомнѣннымъ Ливерпулемъ, но Ливерпулемъ все-таки «русскимъ» во всей спеціальности этого слова. Онъ представился мнѣ

просто какою-то громадно раскинутою, обильною и вмѣстѣ неряшливою и разсомашистою русскою ярмаркой, какую такъ любитъ нашъ русскій мужикъ. Сплошной гулъ толкотни и пьянства стоитъ вмѣстѣ съ облаками тяжелой желтой пыли надъ этою ярмаркою безъ конца и срока. Безпорядочныя вереницы нагруженныхъ и разгруженныхъ обозовъ тянутся по широкимъ, какъ площади, улицамъ, запруживая ихъ на каждомъ поворотѣ, у каждаго питейнаго дома, мѣшая себѣ и другимъ, прекращая всякое движеніе. Но сѣрый человѣкъ не чувствуетъ себя неловко ни въ этой любезной ему толкотнѣ базара, ни въ этомъ радующемъ его галдѣньѣ кабацкаго веселья.

Онъ плаваетъ въ этой милой его сердцу атмосферѣ здоровыхъ заработковъ и здороваго пьянства, какъ рыба въ водѣ. Насъ же, слабонервныхъ отщепенцевъ отъ его первобытной мощи и его первобытныхъ доблестей, унеси скорѣе Господь куда-нибудь подальше отъ нашего Ливерпуля съ его байковскими мостовыми, съ его европейскими садиками, звенящими пѣніемъ тиролекъ, со всѣми его богатствами и со всѣмъ его весельемъ!...

IV

Наши преріи

Я окунулся, трепеща отъ удовольствія, въ холодную воду Дона послѣ зноя степей и уже несусь опять въ степи, еще болѣе безпредѣльныя, еще менѣе тронутыя хозяйствомъ человѣка.

Іюнь на дворѣ, а разливъ Дона еще покрываетъ на далеко низменныя окрестности Ростова. Высокая насыпь желѣзной дороги, съ ея боковыми молами и брэк-

ватерами, кажется безконечнымъ мостомъ среди глади моря. Еслибы не золотыя православныя главы ростовскихъ церквей, характерно вырѣзающіяся на удаляющемся крутомъ берегу, то, глядя на этотъ широкій разливъ, можно вообразить себя среди венеціанскихъ лагунъ. Восхитительный видъ открывается въ ясный лѣтній вечеръ черезъ эту величественную скатерть водъ на устье Дона, залитое, какъ расплавленнымъ золотомъ, солнечнымъ закатомъ.

Цѣлый рядъ огромныхъ и богатыхъ селъ, разживающихся донскою рыбою и торговлей Ростова, съ прекрасными пятиглавыми соборами и широкими зелеными улицами, Батайскъ, Кагальникъ и др., провожаютъ насъ справа за умирающими водами разлива. Видъ этого крестьянскаго довольства такъ рѣдко попадается на глаза, что онъ радуетъ больше всякихъ морскихъ пейзажей. Просторные выбѣленные дома подъ опрятными камышевыми крышами среди маленькихъ садиковъ и большихъ огородовъ, обнесенныхъ тесовыми заборами, и сейчасъ же кругомъ во всѣ стороны безпредѣльная равнина густой травы, въ которой тонутъ табуны лошадей, стада скота, отары овецъ.

Любо должно быть здѣсь нетребовательному сердцу русскаго мужика!...

*
* *

Я проснулся уже тогда, когда огнедышащій конь примчалъ насъ черезъ степи Манычa и Ставрополя, и поѣздъ несся теперь съ громомъ и тяжкими вздохами по кубанской равнинѣ, уже переѣхавъ Кубань. Хорошо спалось на длинномъ мягкомъ диванѣ въ малолюдномъ вагонѣ, подъ едва слышную качку поѣзда. Тутъ дорога буквально стелется скатертью на многія сотни верстъ, но зато и на синемъ небѣ такая-же чистота и гладь. Солнце жжетъ невыносимо и зной проникаетъ насквозь

самыя стѣнки вагоновъ. Поселенiй не видно, людей не видно. Вдругъ пахнуло чѣмъ-то бодрящимъ и свѣжимъ. Загремѣло подъ поѣздомъ полотно длиннаго моста, и глубоко внизу змѣею блеснулъ бѣшеный Урупъ. Это необыкновенно быстрая и опасная рѣка, падающая съ горъ въ Кубань, но гораздо опаснѣе Кубани. Ежегодно она разоряетъ села и хутора, довѣрчиво прилегшiе къ ея берегамъ. «Та не такая жестокая», сказалъ мнѣ казакъ про Кубань. Мутный, сѣрожелтоватый, полный всякаго наворованнаго и разбоемъ отнятаго добра, древесныхъ стволовъ, корчагъ, обломковъ скалъ и берега,— горный хищникъ вдругъ разорвалъ сплошную степь своимъ глубокимъ обрывистымъ русломъ и распахнулъ среди сухой знойной равнины просторную зеленую низину, всю въ веселыхъ островахъ, уютныхъ затонахъ, кустахъ ветлы и густыхъ береговыхъ плавняхъ, уходящихъ на многiя версты вдаль. Все живое радостно прильнуло къ этимъ сверкающимъ излучинамъ горной рѣки—огромныя казачьи станицы съ пятиглавыми соборами, табуны, люди, деревья...

Вся степная жизнь сбилась сюда, гдѣ бьется живой пульсъ земли. Тутъ купаются, тутъ работаютъ, тутъ пасутъ, тутъ отдыхаютъ. Вся яркая зеленая низина кишитъ и движется. Чистый рай въ этихъ степяхъ. Кто видѣлъ ихъ только бурыми и пыльными въ холодный октябрскiй день, съ сѣдыми высокими бурьянами, угрюмо качающимися по вѣтру, тотъ никогда не видалъ степей. Я захватилъ ихъ теперь, во всемъ соку ихъ дѣтства, ихъ дѣвственности. Сплошное море молодыхъ цвѣтущихъ травъ и нѣжныхъ, едва серебрящихся султановъ ковыля, этого свидѣтеля дѣвственной непочатости земли, охватываетъ нашъ несущiйся поѣздъ вездѣ, куда ни бросается онъ, и, несмотря на свою волшебную быстроту, на свою бѣшеную торопливость, онъ не мо-

жетъ выбраться изъ этого безпредѣльнаго моря цвѣтовъ и зелени.

Земля въ яркой зелени и яркихъ цвѣтахъ, небо нѣжноголубое, въ бѣлыхъ барашкахъ, тоже будто въ цвѣтахъ, — все льется въ душу сладкими замираніями дѣтства. Цвѣты все наши, знакомые, но незнакомаго роста, незнакомой роскоши: таволга, «царица степей», розовый эспарцетъ, сочные трилистники, гераніи, ирисы всѣхъ цвѣтовъ, вьющіеся грозды кровавой чины—коверъ чудной пестроты и чудныхъ красокъ. Это та «украинская степь», которую воспѣлъ Гоголь въ «Тарасѣ Бульбѣ», которая охватывала когда-то весь югъ Россіи, но которой часто уже не знаетъ нашъ малороссійскій украинецъ! Какъ въ украинской степи Гоголя, тутъ тоже едва видна изъ травы голова хохла, ѣдущаго по степной дорожкѣ, и рога его бѣлыхъ воловъ. Откуда-то вьется заманчивою струйкой синій дымокъ, но ужь не увидать, даже съ высоты вагона, кто сидитъ вокругъ этого дымка за котелкомъ каши. Тонутъ въ высокой, густой травѣ пасущіяся стада, тонутъ безъ слѣда отдыхающіе путники.

Несовсѣмъ удобное условіе въ дни постоянныхъ набѣговъ и едва начинавшейся колонизаціи, когда точно также незримо и безслѣдно тонули въ травахъ этой степи хищническія шайки горцевъ, переправлявшіяся черезъ Кубань и Урупъ. Даже и теперь, когда сравнительная безопасность, повидимому, водворилась въ этой степи, перерѣзанной насквозь артеріей желѣзной дороги, какъ-то жутко смотрѣть на эти трогательно безсильные и наивно смѣлые починки, которые то тамъ, то сямъ начинаютъ появляться среди необъятной степи. Жалкая хатенка изъ глины едва въ землю не ушла; къ ней приваленъ заборчикъ изъ навоза, въ видѣ двора или ворушки; подъ хаткою какая-нибудь лощинка съ мокрединой, гдѣ можно достать воды изъ лужи,—вотъ и все

хозяйство начинающаго бѣдняка. А вокругъ степь на десятки верстъ. Попадаются и другіе «починки» съ болѣе обезпеченною будущностью. Вонъ, напримѣръ, среди глухой пустыни три одинокіе креста на бугоркѣ, далеко отъ всякаго жилья. Можетъ быть, память цѣлаго населенія, истребленнаго голодомъ или лихорадкой въ первые, самые трудные дни переселенія, а можетъ быть—могила смѣлыхъ странниковъ, погибшихъ отъ руки горца или ногайца...

А курганы, эти лѣтописи старой степной исторіи, старыхъ степныхъ народовъ, не покидаютъ насъ и здѣсь. Они тянутся непрерывною цѣпью сѣвернѣе дороги, обросшіе, какъ сѣдыми волосами, степнымъ ковылемъ. Они молча хмурятся на затѣи новой цивилизаціи, на эту дерзкую и безпокойную желѣзную птицу, насъ несущую, съ ея бархатными диванами, раскидными постелями и всѣми изнѣженными удобствами новой жизни, которыхъ не знали суровые вѣка и суровые народы, насыпавшіе эти печальные памятники своего печальнаго прошлаго.

* * *

Тутъ хоть и степь, а чувствуется, однако, сосѣдство горъ. Ужь совсѣмъ иные всадники, совсѣмъ иныя лошади подъ этими всадниками попадаются навстрѣчу. Скорая, мягко покачивающая иноходь этихъ бойкихъ, крѣпкихъ, маленькихъ коньковъ сразу обличаетъ привычнаго скакуна степей и горъ. Ужь мохнатая бурка съ особенною горскою граціей виситъ на плечѣ каждаго всадника, едва даже не ребенка, хотя это еще наши русскіе, а не горцы. А тамъ, въ знойномъ туманѣ полудня уже едва брежжутъ серебряныя очертанія снѣговаго хребта...

Безбрежная степь, однако, распахана кое-гдѣ крошечными, затерянными клочками, больше всего поблизости желѣзной дороги, словно это смѣлое посягатель-

ство человѣческаго насилія надъ природой поощряетъ его къ дальнѣйшимъ попыткамъ порабощенія. Но дѣвственная земля, расцарапанная сохою, не сразу сдается человѣку. Дикія, непокоряющіяся травы вездѣ стремятся заглушить всходы, посѣянные рукою человѣка, и нива его пока еще глядитъ такою-же зеленою, какъ степь. Даже колеса и копыта лошадей не могутъ вполнѣ восторжествовать надъ буйною силою степныхъ травъ.

Онѣ защищаются отъ человѣка такъ-же упорно на дорогахъ, какъ и на нивѣ. Колеи дорогъ голы, а сейчасъ же между ними густою порослью высится трава. Не будетъ проѣзда недѣлю—и отъ дороги слѣда не останется. Могучая растительная сила земли сторожитъ каждую возможность прорваться наружу и вылиться въ живыя формы.

Птицъ много въ степи; видишь, какъ стаи ихъ пугливо перелетаютъ надъ степью и падаютъ въ чащи травы; видишь орловъ и коршуновъ, плавающихъ надъ степною травой, какъ надъ волнами моря, и изрѣдка, какъ въ волны, ныряющихъ въ нее за добычею. Но крика ихъ не слышно. Та, огнемъ дышащая, звенящая желѣзомъ, страшная черная птица, что несетъ насъ на своихъ волшебныхъ крыльяхъ, своимъ свистомъ, шипомъ и гуломъ заглушаетъ всѣ голоса, всякую пѣснь, и только одинъ ея завоевательный кличъ, одинъ ея трубный звукъ побѣды и торжествующей власти немолчно раздается среди воздуха пустынь. Она уже не спрашиваетъ, какъ богатырь былины: «есть ли въ полѣ живъ человѣкъ?» а сама всѣмъ разноситъ грозную вѣсть о томъ, что приближается, наконецъ, этотъ «живъ человѣкъ» и возлагаетъ свою властную руку на все дремлющее царство пустыни...

*
* *

Станицы въ степяхъ всегда огромныя, на нѣсколько верстъ. Зеленые садики и огороды сообщаютъ столько домовитой прелести этимъ опрятно выбѣленнымъ уютнымъ хатамъ съ гладко причесанными кровлями, съ цвѣтными ставеньками, съ покойными заваленками и тѣнистыми крылечками. Первые насельники степи поневолѣ стадятся большими стаями, какъ птица гдѣ-нибудь на Сивашахъ, готовящаяся въ отлетъ въ чуждыя и невѣдомыя страны.

Не такъ страшно засѣсть въ этой пустынѣ, среди ногайца, калмыка, черкеса, цѣлымъ «міромъ православнымъ», люднѣе, «свово народушка побольше», сердцу покойнѣе. Въ станицахъ — движеніе, шумъ, лавки и кабачки, базаръ на площади вокругъ бѣлокаменнаго собора, властительно и привѣтливо сверкающаго своими золотыми крестами среди зеленыхъ пустынь кочевья и хищничества. Большіе нѣмецкіе фургоны, крытые сверху, отлично кованные и раскрашенные, толпятся у вокзаловъ цѣлыми десятками. Хотя здѣсь и степь, но ужь человѣкъ относится къ себѣ съ бо́льшимъ достоинствомъ, съ бо́льшимъ вниманіемъ и не валится зря въ ту самую грязную и изломанную телегу, въ которой онъ возитъ навозъ.

Приволье здѣсь послѣ тѣсноты и бѣдности великорусскихъ селъ! Отъ становаго далеко, помѣщика совсѣмъ не слышно, вездѣ кругомъ только мать-природа съ своимъ обиліемъ, своими обычаями равенства и свободы. Не боится ея неизбѣжныхъ невзгодъ ею кормящійся, ею счастливый, выносливый и скромный труженикъ—мужикъ русскій. Есть у него православный храмъ Божій съ золотыми иконами, со всякимъ подобающимъ благолѣпіемъ, есть вода и земля, къ которой можно руки приложить,—остальное не учиться ему стать добывать своимъ снисливымъ, ко всякому тяглу привычнымъ горбомъ.

Идешь куда хочешь, пашешь гдѣ облюбуешь, косишь сколько нужно, сколько рука вынесетъ. Надоѣло— иди въ другое мѣсто, коси тамъ, паши тамъ. Каждому казаку станицы полагается по 30 десятинъ на душу, но десятинъ этихъ никто не выдѣляетъ и станица пользуется землею сообща, по силамъ и желанію каждаго. Если захочется на чужой землѣ покоситься или скотъ попасти — заплатилъ 50 копѣекъ за десятину, хоть 1,000 десятинъ бери въ любомъ мѣстѣ. 40 — 50 штукъ скота у простаго крестьянина здѣсь вещь самая обыкновенная; богатые имѣютъ сотни головъ. Да и какъ не имѣть! Травы невпроѣдь, хоть нагони сюда лошадей и коровъ со всей Европы. Сѣномъ, кто захочетъ, можно рѣки прудить. Нужно еще удивляться, какое ничтожное число скота кормитъ эта неистощимая степь сравнительно съ тѣми внутренними силами, которыми обладаетъ она.

Нельзя подумать безъ озлобленія и горя, какой великій и спасительный талантъ оставляемъ мы, нерадивые рабы Христовой притчи, безплодно закопаннымъ въ землю черезъ это невѣжественное забвеніе нашего долга къ неутомимому работнику и печальнику за всѣхъ насъ, русскому крестьянину. Цѣлые уѣзды, которые теперь душатъ сами себя тѣснотою, безземеліемъ, бѣдностью и многолюдствомъ, которые составляютъ экономическую болячку страны, казалось бы, цѣликомъ помѣстились бы въ этихъ просторныхъ, едва початыхъ степяхъ, обрѣли бы въ нихъ ту возможность свободнаго и плодотворнаго труда, которой не въ силахъ дать имъ ихъ истощенная родина, и обратили бы эти необъятныя степи, безплодно хоронящія теперь въ самихъ себѣ свои хозяйственныя богатства, въ воздѣланныя, доходныя поля.

Еще и теперь энергическая государственная воля могла бы сдѣлать чудеса мудрымъ разрѣшеніемъ этого

вопроса немедленною практическою организацiей переселенiй и заселенiй на самыхъ широкихъ основанiяхъ. Но ужъ, конечно, многое, если не главное, упущено непоправимо. Уже теперь расхищенiе этихъ запасныхъ недвижимыхъ капиталовъ народной будущности дошло до вопiющихъ размѣровъ, и личная корысть ужъ успѣла овладѣть, въ видѣ даровыхъ, ничѣмъ незаслуженныхъ подачекъ, громадными и притомъ самыми цѣнными пространствами этихъ плодородныхъ равнинъ—пространствами, которыя теперь въ рукахъ частнаго интереса служатъ только минутнымъ поощренiемъ праздности и роскоши, но которыя, при иномъ употребленiи ихъ, могли бы надолго сдѣлаться основою благополучiя для многихъ десятковъ и сотенъ тысячъ трудящагося бѣднаго люда.

Только раздача десятками тысячъ живыхъ людей въ подарокъ вельможамъ, которая практиковалась 100 лѣтъ назадъ и которой мы теперь съ трудомъ соглашаемся вѣрить, можетъ стать наряду, по своей экономической и нравственной вредоносности, съ практикующимся у насъ до сихъ поръ безумнымъ расхищенiемъ той почвы, безъ которой буквально не можетъ жить и питаться разработывающiй ее народъ.

Только побывавъ въ счастливыхъ далекихъ окраинахъ, гдѣ еще вода, земля и воздухъ не покупаются на вѣсъ золота, пойметъ человѣкъ не теоретическою мыслью, а всѣми нервами своего существа, какое великое, высокочеловѣческое условiе довольства и удобства заключается въ свободномъ владѣнiи человѣка земною поверхностью, назначенною ему отъ Бога.

Общее, ничье — какъ эта безбрежная степь, какъ волны большой рѣки или бездонная пучина моря—вотъ что до послѣдней крайности необходимо человѣку. Недаромъ въ сердцѣ крестьянина глубоко живетъ вѣра, что лѣсъ, вода, степь — Божье владѣнiе, что каждый

воленъ рубить въ лѣсу, косить въ степи, ловить въ водѣ все, что нужно на его потребу. Но современная цивилизація, съ своимъ жосткимъ римскимъ законодательствомъ, съ своимъ безжалостнымъ нѣмецкимъ формализмомъ, перегородила земной шаръ такими частыми и непроходимыми перегородками, что скоро ужъ негдѣ будетъ человѣку растянуться на травѣ или пополоскать въ ручьѣ свое потное тѣло; скоро, пожалуй, и вздохнуть будетъ нечѣмъ...

«Ужъ теленку негдѣ пыль съ носу стереть!» съ озлобленною ироніей говоритъ нашъ мужикъ про свое малоземелье. Оттого-то производитъ такое чарующее и радующее впечатлѣніе картина этой степи, еще неподѣленной между людьми, еще нерастерзанной на клочки хищными руками, какъ нешвенный хитонъ Спасителя міра, а пребывающей еще во всей дѣвственной свободѣ, какъ на зарѣ міра, одинаково укрывающей въ себѣ, одинаково питающей собою и степнаго орла, и кочеваго калмыка, и русскаго переселенца. Эти миріады цвѣтовъ, сѣющіеся сами собою и ради самихъ себя, эти роскошныя травы, никѣмъ нетрогаемыя изъ вѣка въ вѣкъ, неслужащія обязательною жертвою корысти и выгоды,—все это такъ хорошо потому, что, глядя на нихъ, еще можешь вѣрить въ существованіе вполнѣ вольной, незакованной въ цѣпи человѣческаго себялюбія, всему міру принадлежащей природы. На ней отдыхаетъ, ею наслаждается нетолько глазъ, но и мысль, и сердце человѣка...

V

Рабство въ горной вольницѣ

ТѢМЪ ближе къ Тереку, тѣмъ гуще и сочнѣе дѣлаются поросли степей,—осока, камышъ, болотные кусты начинаютъ примѣшиваться къ яркимъ цвѣ-

тамъ, и на каждомъ шагу близкое присутствіе почвенной воды даетъ себя знать мокрединами, лужайками, колодцами, вырытыми всего на $^1/_2$ аршина въ глубь. Это характерная страна кабановъ и дикихъ козъ. Тѣсно переплетенные, чернѣющіе островки терновника—любимое логово кабановъ, куда они забираются въ жаръ и тамъ зарываются въ свѣжую, сырую землю. Знающій охотникъ прямо идетъ въ эти опасныя чащи съ ружьемъ наготовѣ, и рѣдко ошибается въ своихъ разсчетахъ. Мнѣ случалось бывать на этихъ кавказскихъ охотахъ въ компаніи надежныхъ стрѣлковъ, гораздо болѣе въ качествѣ любопытнаго, чѣмъ звѣроубійцы,—и, признаюсь, дѣлается жутко на сердцѣ, когда приближаешься къ этимъ непроходимымъ древеснымъ пещерамъ въ ежеминутномъ ожиданіи, что вотъ-вотъ сорвется оттуда, изъ этой угрожающей темноты, какой-нибудь неистовый одинецъ, весь вывалявшійся въ смолѣ, листьяхъ и землѣ, съ узенькими кровавыми глазами, и срѣжетъ тебя съ ногъ прежде, чѣмъ успѣешь опомниться и всадить ему пулю въ лопатку. Но люди идутъ, идешь и ты, какъ всегда водится: смотришь — и ничего: все обошлось благополучно, и такъ пріятно потомъ похвастаться своею дешево обошедшеюся храбростью передъ самимъ собою и передъ другими. «На медвѣдя идешь — пѣсни поешь, на кнура (кабана) идешь — попа зовешь», говорили мнѣ не разъ кубанскіе казаки: до того считается опаснымъ даже у людей, небоящихся никакой опасности, этотъ дикій родичъ нашей мирной хавроньи.

*
* *

Ужь вмѣсто телегъ и фургоновъ, то и дѣло попадается горская арба на своихъ высокихъ двухъ колесахъ, иногда достигающихъ гомерической вышины. Что фасонъ и общая идея этого экипажа были навѣрно извѣстны нашему праотцу Ною — въ этомъ, я думаю, не станетъ оспаривать меня ни одинъ ученый Европы.

Колесницы «длинноволосыхъ Меровинговъ», запряженныя волами, конечно, уже не были въ ихъ время новою модою, а многовѣковою стариной, такъ что Вильгельмъ Каульбахъ, въ своемъ знаменитомъ «Столпотвореніи вавилонскомъ», составляющемъ вступительную картину къ громаднымъ историческимъ фрескамъ новаго берлинскаго музея, имѣлъ полное право изобразить потомковъ Сима, первыхъ земледѣльцевъ и цивилизаторовъ міра, сосредоточенными вокругъ такой-же арбы, какими до сихъ поръ кишитъ Кавказъ, эта страна Ноя и Прометея.

Простота и безхитростность этого экипажа доходятъ до геніальности; въ немъ нѣтъ ни одной лишней палочки, посвященной удобству ѣдущаго,—въ немъ только то крайне необходимое, безъ чего или экипажъ катиться не будетъ, или скотина не будетъ везти. Короче сказать, это двѣ длинныя оглобли, придѣланныя къ двумъ большимъ колесамъ, и больше ничего; задніе концы оглобель переплетены хворостникомъ, чтобъ можно было не провалиться; это-то собственно и есть корпусъ экипажа.

Если иныя арбы еще нѣсколько огораживаются кругомъ, то ужь это роскошь, безъ которой арба все-таки продолжаетъ быть арбою, т.-е. возить человѣка и тяжести. Осетины, которые попадаются намъ, набиваются въ эти арбы иногда Богъ знаетъ поскольку, такъ что погонщикъ сидитъ едва не на спинѣ у воловъ; но, тѣмъ не менѣе, какъ только увидите женщину въ арбѣ,—увидите, въ то-же время, и своего рода будку надъ арбой. Азіаты оказываются въ этомъ случаѣ предупредительными кавалерами и не позволяютъ дождю и солнцу тревожить свой прекрасный полъ.

Войлочные шлыки замѣняютъ здѣсь лѣтомъ баранью папаху и очень напоминаютъ, своею первобытною формой, часто видимой на греческихъ статуяхъ, простой

листъ лопуха, которымъ человѣкъ прикрылъ отъ жара свою голову. Всю эту братію, съ бритою синеватою головою, которая безъ шапки кажется острою, въ войлочныхъ колпакахъ и сандаліяхъ, нашъ братъ, здѣшній русскій, безразлично обзываетъ «татарвой» и «азіей» и третируетъ съ величайшимъ презрѣніемъ.

— За Терекомъ направо, къ Кубани-рѣкѣ, къ Пятигорску, Большая Кабарда пойдетъ, сюда къ Владикавказу—Малая Кабарда, толковалъ мнѣ русскій солдатъ.—Кабарда—это первый воръ на всемъ свѣтѣ. На что ни глянетъ, то и слящетъ... Особливо по желѣзной дорогѣ, по будкамъ воруютъ каждую ночь. А скота хоть и не води: кабардинецъ какъ-разъ уволокетъ. Оно и казаки воруютъ—тоже хорошъ народецъ, оборони отъ него Господь; ну, да казакъ—тотъ скорѣе душу загубитъ, тотъ больше въ-серьезъ, дорогое что̀, а эта татарва такъ абы что попало... Тѣмъ только и живутъ, а то бъ имъ всѣмъ, какъ собакамъ, пооколѣть. Потому лѣнь, какъ есть; дѣловъ нашихъ русскихъ, какъ значитъ христіанамъ православнымъ должно, понимать онъ не можетъ: съ сохою тамъ али что; больше въ-родѣ цыгана живетъ, что вотъ плащеватые цыгане бываютъ, можетъ, видали? ну, ему окромѣ какъ на воровство и сноровки нѣтъ. А ужь на это первый!... Онъ бы и убить убилъ человѣка, потому онъ все-таки душѣ христіанской ненавистникъ, да не смѣетъ. Окоротило ихъ въ этомъ начальство. Строгости заведены. Потому тутъ безъ этого нельзя. Дико̀й народъ, азіаты!... Какъ разбой или убійство смертное, сейчасъ весь аулъ къ отвѣту. Вотъ и поунялись. А то бы гдѣ!... У нихъ теперь и старшины волостные поставлены, какъ у насъ, въ Расеи, только изъ ихняго же брата, татарина, а писаря волостные — тѣ русскіе, потому татаринъ закону нашему православному умѣть никогда не можетъ... зато и прозывается магометомъ. Зима придетъ—бѣдуетъ эта

татарва: сѣна не коситъ, хлѣба не пашетъ, скотъ помираетъ, и самъ помираетъ. Казакъ—и тотъ покупной хлѣбъ круглую зиму ѣстъ; лѣнится не хуже татарина. Тоже глядя по зимѣ. Снѣги неглубокіе — ну, жива скотинка, докопается себѣ до бурьяну; а выпадетъ хорошій, вотъ какъ нашъ россейскій бываетъ, постоитъ денька три, морозцемъ поддержится,—пропала скотинка. Ну, однако, все казакъ справнѣе живетъ! Много заживнѣе татарина... Вотъ нашъ братъ, русскій, тотъ ужь настоящій хозяинъ, во всемъ порядкѣ. Скотины много держитъ, землю пашетъ, и что слѣдуетъ...

*
* *

На станціяхъ постоянно начинаютъ мелькать темныя и бѣлыя черкески съ серебряными уборами и окованнымъ въ серебро оружіемъ, и цѣлыя толпы татарскихъ мальчишекъ, кто въ громадной и лохматой овечьей шапкѣ, кто въ изорванномъ войлочномъ шлыкѣ, кто въ круглой войлочной шляпѣ наманеръ киргизской, съ такою же шишечкой на макушкѣ; сплошной азіатскій элементъ начинаетъ разстилаться кругомъ. Вонъ въ сторонѣ отъ вокзала, въ тѣни духана, остановился большой, крытый коврами фургонъ и вокругъ него пестрѣютъ яркія одежды осетинокъ. Молодая осетинка въ бѣломъ остроконечномъ покрывалѣ надъ расшитою золотомъ шапочкой, въ голубомъ шелковомъ бешметѣ и красной шелковой рубахѣ по пяты, вся въ бусахъ и монетахъ, не безъ намѣренія вышла впередъ этой группы. Ей, конечно, любопытно поглазѣть на этотъ волшебный поѣздъ, кишащій незнакомыми нарядами, непривычными фигурами. Но не меньше ей хочется и себя показать— свои шелки, свое золото, свои румяна всей этой многочисленной чужой публикѣ.

Маленькій, смуглый, какъ сапожное голенище, носатый человѣкъ въ бѣлой черкескѣ и бѣлой папахѣ, развязно бесѣдующій со всѣми у дверей станціи,—это

мѣстный султанъ, богатый владѣтель степей, верстъ на 15 кругомъ, у котораго нанимаетъ земли много окрестныхъ селъ и хуторовъ. Онъ получаетъ по рублю серебромъ въ мѣсяцъ за усадьбу, которая остается въ его пользу, когда поселенецъ уходитъ отъ него; покосы же и пастбища у него берутъ копѣекъ по 50-ти за отборную десятину, сколько кому угодно и гдѣ кому угодно. Мѣстные жители передавали мнѣ, что при утвержденіи русскою властью владѣній этихъ султановъ, князей и узденей, для уясненія казеннаго и крестьянскаго землевладѣній, дѣланы были иногда непоправимые промахи во вредъ бѣдному населенію. Наши русскія понятія о дворянскомъ и княжескомъ сословіи, о крѣпостныхъ отношеніяхъ, сильно отражающія на себѣ отчасти византійскіе, отчасти нѣмецкіе взгляды, въ весьма существенныхъ чертахъ разнились отъ тѣхъ же представленій какого-нибудь грузина или кавказскаго горца; ихъ невозможно было примѣнять цѣликомъ къ быту этихъ народовъ, вообще гораздо болѣе вольнолюбивыхъ и обезпеченныхъ, гораздо менѣе утратившихъ, въ большинствѣ случаевъ, свое личное достоинство и свои имущественныя права. Но мы, къ сожалѣнію, не всегда понимали это и потому иногда стремились создать на Кавказѣ болѣе рѣзкое дѣленіе сословій и болѣе неравномѣрное пользованіе землею, чѣмъ было прежде. Мы, русскіе крѣпостнаго періода, никакимъ чудомъ не могли выбиться изъ роковыхъ категорій мужика и барина, и иногда искусственно создавали ихъ даже тамъ, гдѣ для нихъ не было приготовлено подходящей почвы, систематически принижая однихъ, настойчиво возвышая другихъ. Можетъ быть, и была своего рода политика въ томъ, чтобъ закупить въ пользу нашу самыхъ вліятельныхъ туземцевъ; но, во всякомъ случаѣ, подобная политика была ошибочна. Массы гораздо болѣе склонны привязаться къ правительству,

хорошо обезпечивающему имъ ежедневный матерьяльный бытъ, чѣмъ отдѣльныя, выходящія изъ ряда личности, которыя уже не нуждаются въ кускѣ хлѣба и которыхъ честолюбіе бросаетъ свои взоры гораздо дальше. Оттого-то самыми главными запѣвалами послѣдняго возстанія въ Чечнѣ и Дагестанѣ были люди, всячески обласканные русскимъ правительствомъ, щедро получавшіе отъ него чины, ордена, пенсіи и т. п. Тревожныхъ замысловъ какого-нибудь Казы-магомы, носящаго славное историческое имя, или потомковъ какихъ-нибудь казыкумыхскихъ хановъ, не успокоить ни генеральскимъ чиномъ, ни денежными окладами. Они постоянно будутъ питать въ сердцѣ надежды и желанья, враждебныя русской власти. Опереться на почву народа гораздо вѣрнѣе и справедливѣе. Ничѣмъ невозможно такъ привязать къ себѣ покоренную страну, какъ честнымъ, рѣшительнымъ устраненіемъ историческаго зла, накопившагося въ ней въ теченіе вѣковъ. Произволъ побѣдителя, какъ вообще всякій деспотизмъ, долженъ сколько-нибудь оправдать себя, по крайней мѣрѣ, своею способностью достигнуть однимъ рѣзкимъ ударомъ такихъ результатовъ, которые, при мирномъ и законномъ развитіи страны, потребовали бы для своего осуществленія вѣковъ борьбы.

Но когда военное насиліе служитъ къ упроченію и даже къ сильнѣйшему развитію стараго мѣстнаго зла, когда оно обостряетъ неравенство положеній и правъ, напримѣръ у имѣвшаго мало оставляетъ еще меньшее, а имѣвшему лишнее отдаетъ вдвое болѣе,—тогда судьба покореннаго народа достойна дѣйствительно жалости. Наполеонъ I-й относительно всѣхъ побѣждаемыхъ имъ народностей и Англія относительно всѣхъ захватываемыхъ ею колоній дѣйствовали не такъ. Завоевательная чара Наполеона очень много зависѣла отъ того, что онъ разыгрывалъ изъ себя носителя революціонныхъ идей.

Народы нерѣдко ждали его и привѣтствовали какъ освободителя отъ домашняго тиранства, отъ заматерѣвшихъ вѣковыхъ неправдъ роднаго имъ общественнаго устройства. Онъ давалъ имъ, по крайней мѣрѣ, призракъ лучшей, разумнѣйшей жизни и сократилъ, по крайней мѣрѣ, вопіющія неправды старины. Покоренный народъ чувствовалъ, что онъ дѣлалъ шагъ къ свободѣ, къ движенію впередъ. Такъ относились къ миссіи Наполеона многіе мелкіе народцы тогдашней Германіи и Италіи, раздробленные на отдѣльныя государства, и нельзя скрыть, что Наполеонъ всегда имѣлъ много друзей среди тѣхъ, противъ кого шелъ онъ. Точно также Англія, введеніемъ свободныхъ формъ управленія въ каждой мѣстности, куда ступаетъ ея нога, могущественнымъ образомъ содѣйствуетъ прочности своей власти надъ этимъ необозримымъ міромъ колоній и зависимыхъ отъ нея территорій. Если она можетъ до сихъ поръ удерживать, безъ всякаго гарнизона, подъ державою своею цѣлый рядъ острововъ, едва не прикасающихся къ Франціи и Германіи, населенныхъ нѣмецкимъ и французскимъ племенемъ, то единственно потому, что она сумѣла привязать обитателей этихъ острововъ очевидными для всѣхъ привилегіями свободы и благосостоянія. И если, съ другой стороны, индійскому владычеству Англіи грозитъ гибель, то, конечно, болѣе всего потому, что, изъявъ эту великую имперію изъ-подъ условій другихъ земель англійской короны, бросивъ ее въ жертву частной корысти, она освятила своею поддержкою слишкомъ много древняго зла, древняго неравенства, древней тьмы, отъ которыхъ погибалъ и теперь гибнетъ геніальный когда-то народъ. Россія относительно завоеванной Болгаріи уже примѣнила мудрый современный принципъ и обезпечила себѣ ея дружбу естественною благодарностью народа за дарованную ему свободу. Точно также Австрія, въ 1849 году, привязала къ себѣ воз-

мутившуюся Галичину надѣленіемъ крестьянъ землею. Завоевывать, освобождая, уравнивая, обезпечивая — вотъ тайна прочныхъ завоеваній, которой, къ великому сожалѣнію, мы не всегда держались, присоединяя къ себѣ закавказскія царства и завоевывая Кавказскія горы. Мы, впрочемъ, и не могли держаться этого принципа свободы и равенства, пока нашъ собственный народъ пребывалъ еще въ рабствѣ. Намъ, правда, удалось ввести въ Болгаріи конституцію со всѣми ея плодотворными атрибутами, въ-родѣ свободы печати и слова, личной неприкосновенности и тому подобными, такъ сказать—азбучными правами, безъ которыхъ современный европеецъ просто не мыслитъ жизни, но измѣнить политическое устройство гораздо легче, чѣмъ измѣнить коренныя основы быта, подобныя крѣпостной зависимости одного сословія отъ другаго. Если нельзя вернуть всего стараго, то, по крайней мѣрѣ, нужно дѣлать все отъ насъ зависящее, чтобъ не повторить грустныхъ ошибокъ нашего прошлаго въ странахъ, которыя вновь попадаютъ въ руки наши и гдѣ мы также, конечно, найдемъ угнетающій классъ и неправильныя условія быта, отъ которыхъ русская власть можетъ дать избавленіе однимъ мановеніемъ руки.

Впрочемъ, спасительное вѣяніе 19-го февраля дохнуло и на горы Кавказа, и хотя всѣхъ совершившихся фактовъ отодвинуть было нельзя, однако начинавшаяся великая государственная ошибка была остановлена и не получила особеннаго развитія.

Любопытно бросить болѣе подробный взглядъ на исторію освобожденія крѣпостныхъ среди кавказскихъ горцевъ и на нынѣшнее положеніе ихъ землевладѣнія. У насъ, въ Россіи, вообще такъ мало знаютъ свое собственное отечество, особенно его дальнія окраины, что пожалуй, многіе читатели удивятся самому вопросу объ

уничтоженіи рабства среди народовъ, которыхъ поэзія и публицистика, большею частью, представляетъ живымъ воплощеніемъ фанатической идеи и неукротимыхъ инстинктовъ свободы. Но у народовъ этихъ, тѣмъ не менѣе, существовала не только крѣпостная зависимость въ разныхъ степеняхъ своего развитія, но еще и рабство въ самомъ возмутительномъ его смыслѣ.

Особенно обострились крѣпостныя отношенія у кабардинцевъ. Это черкесское племя живетъ частью по ущельямъ горъ, а большею частью по равнинѣ Сѣвернаго Кавказа, между Эльборусскимъ округомъ Кубанской области на западѣ, горною Осетіей на сѣверѣ, на востокѣ — казацкими землями владикавказскаго полка, по лѣвому берегу Терека, и на югѣ — землями Кисловодска и разныхъ казачьихъ полковъ. Это границы такъ-называемой Большой Кабарды, такъ какъ Малая Кабарда, начинающаяся отъ осетинскаго аула Эльхотово и лежащая между рѣками Терекомъ и Курпомъ, всегда была населена уже не одними кабардинцами, а смѣсью различныхъ сосѣднихъ племенъ—осетинъ, ингушей, чеченцевъ, кумыховъ и проч. Кабарда присоединена къ Россіи уже съ 1732 года, а между тѣмъ принадлежитъ къ числу самыхъ распущенныхъ и безнравственныхъ племенъ Кавказа. Замѣчательно притомъ, что характеромъ этимъ отличаются именно жители плоскости, гораздо ранѣе другихъ сдѣлавшіеся мирными, поставленные въ возможность выгодно заниматься хозяйствомъ и вообще заимствовать привычки цивилизаціи. Въ кабардинской плоскости крѣпостничество и рабство были развиты гораздо болѣе, чѣмъ въ горной Кабардѣ, то-есть въ ущельяхъ Баксанскомъ, Уруспійскомъ и другихъ, и даже гораздо болѣе, чѣмъ во всемъ остальномъ горскомъ Кавказѣ.

Изъ кабардинскихъ крѣпостныхъ, дѣлившихся на множество видовъ, одни имѣли нѣкоторыя права и

даже владѣли землею, а другіе, какъ, напримѣръ, унауты, были совершенно безправными холопами. Адатъ, то-есть обычное право горцевъ, не ограждалъ ихъ ни отъ какихъ насилій, ни отъ какого произвола. Ихъ продавали и мѣняли, какъ скотъ; имъ запрещено было вступать въ бракъ, а въ видахъ выгоднаго приплода рабовъ—всячески поощрялись безбрачныя связи унаутокъ съ мужчинами, точно такъ какъ хозяинъ хлопоталъ о томъ, чтобъ его кобылы и коровы не оставались холостыми. Даже за убіеніе унаута взыскивался только штрафъ въ пользу хозяина, какъ за убой скота. До грозныхъ прокламацій Ермолова въ 1822 году, кабардинскіе князья и уздени свободно убивали и казнили своихъ унаутовъ, не подвергаясь за это никакой отвѣтственности.

У другихъ горскихъ народовъ рабство было развито гораздо менѣе. Въ Кабардѣ было освобождено въ 1867 году около 21,500 душъ на населеніе, которое доходило до 35,000 душъ, то-есть почти двѣ трети жителей, а въ цѣлой Кубанской области, гдѣ, послѣ выселенія 400,000 горцевъ въ 1865 году, оставалось не болѣе 80,000 жителей обоего пола, освобождено было въ 1868 году только 17,500, т. е. 23% населенія. Въ Осетіи почти вовсе не было крѣпостныхъ (706 душъ на все населеніе); еще меньше въ другихъ мѣстахъ Терской области, напримѣръ въ Ингушскомъ и Чеченскомъ округахъ. Вообще, все число крѣпостныхъ разнаго рода въ Терской области считалось въ моментъ освобожденія 23,605, почти исключительно въ Кабардѣ и Кумыхскомъ округѣ. Изъ нихъ 4,339 душъ были совершенно безправными рабами.

Въ Дагестанѣ въ старое время было гораздо болѣе крѣпостныхъ, чѣмъ въ эпоху освобожденія. При ханахъ мехтулинскомъ, казикумыхскомъ и аварскомъ, при шамхалѣ тарковскомъ цѣлыя дагестанскія деревни (какъ,

напримѣръ, Кахъ, Кодрухъ, Четрухъ и другія) были населены *кулами*, т. е. холопами, которые обработывали землю для хановъ и изъ которыхъ ханы брали себѣ разную прислугу. Но при покореніи Дагестана они сейчасъ-же были сравнены съ прочими жителями; такъ что во всемъ Дагестанѣ осталось около 600 *кулъ*; зависимость-же нѣкоторыхъ другихъ жителей Дагестана отъ мѣстныхъ бековъ была чисто-земельная, и такихъ обязанныхъ поселянъ считалось въ 1866 году нѣсколько тысячъ.

Надъ дѣломъ освобожденія крѣпостныхъ Кабарды и вообще Терской области и земельнымъ устройствомъ ихъ много потрудился тогдашній начальникъ области, теперь графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ, государственный умъ котораго проявился впослѣдствіи въ томъ-же освободительномъ и просвѣщенномъ духѣ на гораздо болѣе широкомъ поприщѣ.

Дѣло это было крайне сложно и трудно.

Кабардинскіе князья и уздени до такой степени пали нравственно подъ вліяніемъ рабства, что всякій трудъ у нихъ почитался позоромъ для свободныхъ людей, какъ мужчины, такъ и женщины. Ни одна свободная кабардинка не умѣла и не хотѣла заняться самыми обыкновенными работами хозяйства, и кабардинскія женщины проводили всю свою жизнь въ ѣдѣ, снѣ и праздной болтовнѣ съ сосѣдками, хвастаясь другъ передъ другомъ богатыми нарядами. Мужья и сыновья ихъ занимались охотами, пирушками, разбоемъ и кровавыми ссорами. Конь и оружіе были единственными предметами ихъ увлеченія. Все хозяйство лежало на рабыняхъ, и если женихъ не могъ купить своей невѣстѣ опытную унаутку для веденія хозяйства, то невѣста отказывалась выходить за него. Безъ унаутки богатая кабардинка не могла бы прожить одного дня, какъ безъ своихъ рукъ, безъ своей головы. Уздени до такой

степени привыкли жить трудами унаутовъ и другихъ крѣпостныхъ, что иногда 10—15 свободныхъ кабардинцевъ бездѣльничали на счетъ труда двухъ или трехъ трудолюбивыхъ холоповъ своихъ. Когда-же не хватало заработковъ холопа, уздени отбирали у него имущество и, наконецъ, продавали его или выпускали на выкупъ. Цѣна выкупа за способнаго и работящаго унаута или за очень хорошенькую и здоровую унаутку доходила даже до 500 руб.; многія, прежде богатыя фамиліи Кабарды давно уже выпустили на волю за большой выкупъ своихъ кормильцевъ-рабовъ и, оставшись безъ нихъ, зарѣзавъ, какъ въ баснѣ, самую курицу, приносившую имъ золотыя яйца, разумѣется, скоро прожили вырученныя деньги и обратились въ нищихъ.

Эта исторія кабардинскаго крѣпостничества, по экономическому и нравственному поученію своему, можетъ служить, въ болѣе рѣзкой формѣ, вѣрнымъ изображеніемъ былыхъ крѣпостныхъ вліяній и нашей православной Руси. И у насъ, какъ здѣсь, по выраженію талантливаго сатирика, тянулась безконечная сказка «о томъ, какъ одинъ мужикъ прокормилъ двухъ генераловъ», и у насъ процвѣтало своего рода кабардинское бездѣлье, кабардинская безсмысленная роскошь, кабардинское неумѣнье прожить хозяйственный день безъ унаутки своего рода; и у насъ деньги, вырученныя въ видѣ ничѣмъ незаслуженной преміи за старыя историческія права, спускались съ громомъ и оставляли насъ нищими, въ позднемъ раскаяніи надъ зарѣзанною волшебною курицей.

Понятно, какой рѣзкій переворотъ во всемъ бытѣ и привычкахъ кабардинскаго дворянства должно было вызвать освобожденіе ихъ крѣпостныхъ. Это значило то-же, что вырвать вдругъ костыль изъ рукъ калѣки, который могъ ходить, только опираясь на него. Однако, генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ съумѣлъ спра-

виться съ своею задачею. Подъ могучимъ вѣяніемъ 19-го февраля, въ 1866 году въ Тифлисѣ былъ открытъ комитетъ по освобожденію зависимыхъ сословій среди горскихъ племенъ Кавказа. Опасаясь насильственныхъ мѣръ, кабардинскіе рабовладѣльцы, по совѣту начальника области, просили дозволенія войти въ добровольныя соглашенія съ своими рабами и другими зависимыми людьми. На эти соглашенія настойчиво и разумно вліяло мѣстное русское начальство, вслѣдствіе чего условія освобожденія, большею частью, были чрезвычайно облегчены. Однако, не сочли возможнымъ совершенно избѣгнуть выкупа. Назначена была обязательная выкупная плата не свыше 200 руб., но крѣпостной могъ уплатить ее или разомъ, или по частямъ, или даже выплатить обязательною работой въ теченіе не болѣе шести лѣтъ. При этомъ правительство не приняло на себя уплаты выкупа, кромѣ нѣкоторыхъ безправныхъ рабовъ. Однако, хотя большинство кабардинскаго дворянства безпрекословно вошло въ добровольныя соглашенія съ своими крѣпостными и хотя мѣстная власть дѣйствовала во всемъ этомъ дѣлѣ съ замѣчательнымъ тактомъ и энергіей, все-таки не обошлось безъ волненія: недовольные новыми мѣрами сначала подняли агитацію о разрѣшеніи имъ переселиться въ Турцію, а когда получили рѣшительный отказъ, стали собираться угрожающими скопищами, настаивая на переселеніи и на прекращеніи освобожденія рабовъ. Только рѣшительный образъ дѣйствій генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова и полковника Нурида, бывшаго начальникомъ Кабардинскаго округа, предотвратили кровопролитія и прекратили безпорядки. Въ теченіе какихъ-нибудь восьми мѣсяцевъ была совершена масса добровольныхъ условій и освобождены въ области всѣ крѣпостные значительно дешевле установленной правительствомъ цѣны, а многіе даже безплатно, «ради спа-

сенія души». Всѣ расходы правительства изъ горскихъ податныхъ суммъ на пособіе безправнымъ и на заботы о дальнѣйшемъ обезпеченіи ихъ не простирались болѣе 150,000 рублей, т. е. по шести рублей на каждую освобожденную душу. А между тѣмъ, не только всѣ крѣпостные поселяне, но даже почти всѣ, безъ исключенія, безземельные холопы были надѣлены землею; въ то-же время, и кабардинское дворянство, системою шестилѣтнихъ отработковъ, было избавлено отъ рѣзкаго экономическаго переворота и могло исподволь приготовиться къ новымъ условіямъ жизни.

Крѣпостные Дагестана были освобождены 1-го августа 1867 года. Всѣ данныя по вопросу освобожденія уже были собраны и почва вполнѣ подготовлена. Правителемъ Дагестана былъ тогда генералъ-адъютантъ князь Л. И. Меликовъ, бывшій затѣмъ помощникомъ намѣстника, человѣкъ очень популярный на Кавказѣ и отлично знавшій духъ народа, которымъ онъ правилъ; онъ принесъ большую услугу Дагестану уже тѣмъ однимъ, что во время всеобщаго неудержимаго стремленія горцевъ, въ 1864 и 1865 годахъ, къ переселенію въ Турцію, своимъ умѣньемъ обращаться съ горцами и своими практическими совѣтами успѣлъ остановить это стремленіе почти въ цѣломъ Дагестанѣ. Князь Меликовъ, собравъ, 1-го августа, въ Темирханшуру дагестанскихъ бековъ и представителей народа, торжественно объявилъ имъ волю Государя объ упраздненіи бывшихъ ханствъ Шамхальскаго и Мехтулинскаго, съ уничтоженіемъ всѣхъ ихъ государственныхъ и господскихъ правъ, и о необходимости освободить крѣпостныхъ, по примѣру другихъ областей. Срокъ для окончанія этого дѣла былъ назначенъ трехмѣсячный. Множество бековъ тогда-же заявило о своемъ желаніи освободить рабовъ безплатно, «ради спасенія души». Другихъ бековъ, непризванныхъ въ Шуру, собралъ, 8-го августа, на-

чальникъ Сѣвернаго Дагестана, князь Джоржадзе, одинъ изъ наиболѣе просвѣщенныхъ мѣстныхъ дѣятелей; на убѣжденія его многіе беки также выразили согласіе къ безплатному освобожденію рабовъ.

Такимъ образомъ, болѣе половины рабовъ были освобождены безплатно, а другіе за цѣну, не свыше 100 и 180 рублей, или за работу въ теченіе четырехъ, пяти и шести лѣтъ. Къ началу 1868 года все дѣло освобожденія было закончено просто и быстро, что-называется — по-военному. И дай Богъ, чтобъ всегда въ подобныхъ вопросахъ вопіющей правды была примѣняема эта солдатская простота и солдатская рѣшительность!

VI

Наша земельная политика

НАДѢЛЕНІЕ освобожденныхъ землею проходило при очень исключительныхъ и крайне запутанныхъ условіяхъ, и нельзя не благодарить разумныхъ и честныхъ людей, стоявшихъ во главѣ этого труднаго дѣла, за то, что они разрѣшили земельный вопросъ въ смыслѣ, наиболѣе благопріятномъ для трудящагося класса, и хотя нѣсколько поправили этимъ вредныя ошибки своихъ близорукихъ или пристрастныхъ предшественниковъ.

Съ самаго начала русскаго владычества на Кавказѣ уже произошли эти ошибки. При первыхъ столкновеніяхъ съ горцами, мы слишкомъ мало знали ихъ внутреннюю жизнь, ихъ хозяйственные и соціальные обычаи. Мы судили о чеченцѣ и кабардинцѣ, какъ о жителяхъ Орловской или Калужской губерній, считая князя или узденя бариномъ съ потомственными правами на землю въ тѣхъ или другихъ опредѣленныхъ грани-

цахъ, считая остальное населеніе мужиками, подобными нашимъ мужикамъ. Намъ были чужды взгляды горца на землю, какъ на общую и нераздѣльную собственность всѣхъ членовъ племени, которою всякій въ правѣ пользоваться по мѣрѣ своихъ хозяйственныхъ силъ и по мѣрѣ своего общественнаго вліянія. Если мы встрѣчали, что нѣкоторыя почетныя лица имѣли въ обществѣ главное значеніе при распредѣленіи земли, то мы тотчасъ были готовы считать ихъ полновластными хозяевами и собственниками этой земли. Многіе изъ вліятельныхъ горцевъ, поддѣлавшись къ начальству и выдавая себя за русскихъ сторонниковъ, съумѣли выставить передъ русскими свое соціальное положеніе въ средѣ племени и свои земельныя права въ такомъ видѣ, который не имѣлъ ничего общаго съ дѣйствительностью. Ослѣпленные своими собственными сословными предразсудками и привилегіями, мы невольно рядили въ феодальныхъ помѣщиковъ своего рода этихъ вліятельныхъ горцевъ, которые личными заслугами или заслугами отцовъ своихъ только пріобрѣли себѣ нѣсколько бо́льшія права на участіе въ общемъ владѣніи аула.

Хитрые азіаты ловко воспользовались этими заблужденіями русскаго начальства, которыя, разумѣется сдѣлались имъ очень скоро ясны. Многіе изъ нихъ разсказывали разныя басни о своемъ происхожденіи, о своихъ историческихъ правахъ, и такъ какъ, черезъ уступки имъ, начальство разсчитывало заручиться ихъ дѣятельнымъ содѣйствіемъ въ средѣ враждебно настроеннаго племени, то безъ дальней провѣрки и разслѣдованія облекало ихъ правами полной собственности на общественныя земли. Послѣдствія такого образа дѣйствій были, къ сожалѣнію, совершенно противны тому, чего ждало русское начальство. Аулы, племена возмущались этимъ грубымъ нарушеніемъ своихъ старинныхъ земельныхъ правъ, волновались и про-

никались еще бо̀льшею ненавистью къ своимъ побѣдителямъ.

А такъ какъ почти всѣмъ племенамъ и даже отдѣльнымъ ауламъ, при покореніи ихъ, давались начальниками торжественныя завѣренія о сохраненія въ неприкосновенности ихъ имущественныхъ и сословныхъ правъ, обычаевъ и религіи, то подобныя произвольныя отторженія земельной собственности аула и признаніе за князьями господскихъ правъ въ томъ смыслѣ, какого они въ данныхъ случаяхъ не имѣли, укореняли въ горцахъ самое искреннее убѣжденіе въ коварствѣ русскихъ, въ намѣреніи ихъ обратить свободныхъ воиновъ въ крѣпостыхъ мужиковъ и отнять у племенъ всѣ старыя ихъ вольности.

Къ этимъ крупнымъ промахамъ мѣстнаго начальства, освящаемымъ съ слишкомъ большою довѣрчивостью и съ слишкомъ малою критикою центральными органами правительства, присоединились еще другія, еще болѣе систематическія, но вызываемыя необходимостью, посягательства русской власти на собственность горскихъ племенъ. Потребность придвинуть ближе къ горамъ передовыя поселенія нашего пограничнаго казачества, чтобъ оцѣпить желѣзнымъ кольцомъ безпокойную вольницу горъ, была до такой степени настоятельна, что, разумѣется, законы войны могли вполнѣ оправдывать захватъ подъ казацкія станицы громадныхъ пространствъ земли, на которыя имѣли старинныя притязанія какіе-нибудь чеченцы или кабардинцы. Нерѣдко приходилось уничтожать для этого даже аулы азіатовъ и замѣнять ихъ станицами, особенно въ Чечнѣ, за Терекомъ и Сунжею. Сами азіаты, разумѣется, не могли становиться въ этомъ вопросѣ на русскую точку зрѣнія и не переставали считать коварнымъ нарушеніемъ даваемыхъ имъ обѣщаній всякіе захваты земель подъ русскія поселенія, ради какой бы цѣли ни про-

исходили они. Впрочемъ, мы увѣрены, что прямое отобраніе земель побѣдителемъ для кавказскаго горца, воспитаннаго на принципахъ грабежа и насилія, представлялось бы вообще дѣломъ, гораздо болѣе естественнымъ и законнымъ, чѣмъ необдуманное отношеніе русской власти къ собственному землевладѣнію горскихъ племенъ. Въ видахъ умиротворенія ихъ хищническихъ привычекъ, въ видахъ облегченія мѣстной власти расправы съ ними, въ случаѣ непокорности и безпорядковъ, военное начальство приняло правиломъ выселять малодоступные аулы побѣжденныхъ или покорившихся горцевъ съ непроходимыхъ скалъ и пропастей, гдѣ ихъ приходилось доставать съ необычайными затрудненіями и кровопролитіемъ, на плоскость терской, сунженской и кубанской равнинъ. Мѣра эта была, сама по себѣ, и разумна, и неизбѣжна. Но такъ какъ военное начальство преслѣдовало только свои временныя и спеціальныя цѣли, то, само собою разумѣется, оно не имѣло ни времени, ни возможности посмотрѣть на дѣло съ достаточною глубиною и широтою взгляда. Переселеніе ауловъ, столь удобное въ административномъ и стратегическомъ отношеніи, производило цѣлую соціальную революцію внутри племенъ, сначала мало замѣтную для нашего начальства, при полномъ незнакомствѣ его съ внутреннимъ бытомъ горцевъ и при слишкомъ напряженной враждебности ихъ къ намъ.

Земельныя и всякія другія общественныя и хозяйственныя отношенія въ первобытныхъ мѣстностяхъ горскаго поселенія отличаются необыкновенно прочною и точною выработанностью. Каждый горскій хозяинъ знаетъ твердо, изъ рода въ родъ, какой бугоръ и до какой рытвины кто пашетъ, изъ какого лѣса и сколько дубовъ кто въ-правѣ рубить, сколько дней и какіе именно дни можетъ тотъ или другой хозяинъ держать воду на своемъ сѣнокосѣ или огородѣ. Всѣ эти древ-

нія права и распорядки перевертывались вдругъ вверхъ дномъ, когда аулъ получалъ землю совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ и въ другихъ хозяйственныхъ условіяхъ, безъ всякаго соображенія съ характеромъ и количествомъ прежняго владѣнія, безъ всякой заботы о томъ, можетъ ли онъ устроить на этомъ новомъ мѣстѣ и приспособить къ нему съ пользою свой трудъ и опытъ. Почти всегда земли эти отводились только временно, безъ опредѣленія границъ и количества ихъ. Домовитые хозяева не знали, что̀ ихъ, что̀ не ихъ, могутъ ли они разсчитывать на завтрашній день или нѐ могутъ. Никто не хотѣлъ рисковать напрасно своимъ трудомъ и средствами. Произволъ и насиліе воспользовались этою нескончаемою смутой, и поднялись нескончаемые споры, тяжбы, неизбѣжно связанныя съ кровавымъ самоуправствомъ, съ родовою местью, которыя окончательно убивали экономическое развитіе населенія. Очень часто случалось, что начальство передвигало аулы съ мѣста на мѣсто по нѣскольку разъ, по указанію военной или административной надобности, и всегда при такихъ-же условіяхъ неопредѣленности и безпорядка.

Выигрывали во всемъ этомъ только немногіе ловкіе люди, умѣвшіе втереться въ довѣріе военнаго начальства и разыгрывавшіе передъ нимъ ложную роль вліятельныхъ примирителей и посредниковъ, проводниковъ русской власти и русской цивилизаціи въ дикій бытъ горцевъ. Эти догадливые люди дѣйствительно дѣлали обильный уловъ въ мутной водѣ и, какъ мы говорили выше, незамѣтно очутились обладателями большихъ земель на правѣ личной потомственной собственности и съ офиціально признанными важными сословными привилегіями, которыхъ не подозрѣвали ихъ отцы. До чего доходила неосторожность и ошибочность нашихъ дѣйствій въ этомъ отношеніи, можно судить по нѣсколькимъ крупнымъ примѣрамъ, приводимымъ въ

оффиціальномъ изданіи кавказскаго правительства. Вслѣдствіе домогательствъ фамилія князей Бековичей-Черкасскихъ, постановленіемъ комитета министровъ, отъ 19-го мая 1825 года, была закрѣплена за ними, съ правомъ продажи и залога, дача въ Малой Кабардѣ въ количествѣ почти 100,000 десятинъ. Между тѣмъ, чрезъ это неблагоразумное дарованіе одному семейству цѣлой, можно сказать, области, принадлежащей всему кабардинскому племени, огромное число окрестнаго населенія осталось вовсе безъ земли и, слѣдовательно, безъ средствъ прокормленія и уплаты государственныхъ податей. Правительству пришлось впослѣдствіи самому поправлять эту ошибку и *купить обратно у Бековичей-Черкасскихъ* закрѣпленную за ними дачу, для надѣленія изъ нея землею казачьихъ станицъ и горскихъ ауловъ. По докладу шефа жандармовъ, Высочайше утвержденному 24-го іюня 1837 года, точно также была отдана въ собственность фамиліи Тугановыхъ дача въ плоскостной части Дигоріи, около 20,000 десятинъ, и точно также правительство вынуждено было *впослѣдствіи выкупить ее обратно*, такъ какъ безъ нея невозможно было существовать сосѣднимъ станицамъ.

Съ другой стороны, правительство иногда покупало у частныхъ лицъ изъ горскихъ племенъ общія земли этого племени, какъ родовую собственность этихъ лицъ, потому только, что они присвоивали ее себѣ, злоупотребляя своимъ значеніемъ среди племени и, конечно, не представляя никакихъ дѣйствительныхъ доказательствъ своего владѣнія. Такъ, въ 1846 году, правительству былъ необходимъ участокъ земли для надѣла первому владикавказскому полку, и оно купило его у извѣстныхъ кабардинскихъ узденей Анзоровыхъ, послѣ чего Анзоровы сочли себя въ-правѣ распоряжаться участками общественной земли, бывшими у нихъ во временномъ пользованіи, какъ и другихъ членовъ племени.

Впослѣдствіи же само правительство убѣдилось, что Анзоровы не имѣли права продавать купленнаго у нихъ участка и что они только ловко воспользовались смутнымъ положеніемъ землевладѣнія въ Кабардѣ.

Много разъ также, въ случаѣ ухода къ непокорнымъ горцамъ князей и узденей, начальство опредѣляло отобрать въ казну ихъ земли, признавая, такимъ образомъ, эти земли, вопреки существовавшихъ у горцевъ правъ, полною потомственною собственностью частныхъ лицъ.

А между тѣмъ, когда наше правительство, наконецъ, осмотрѣлось и поняло истинное положеніе дѣлъ, когда началась съ 1863 года плодотворная дѣятельность достопамятной земельной коммисіи, руководимой тогдашнимъ начальникомъ Терской области, генераломъ Лорисъ-Меликовымъ, то собранные въ Нальчикѣ народные уполномоченные отъ всѣхъ сословій и ауловъ Кабарды торжественнымъ актомъ, за общею подписью своею, въ томъ числѣ за подписью самихъ князей и узденей, заявили правительству, *что всѣ земли Кабарды составляютъ достояніе цѣлаго народа, и что они желаютъ пользоваться ими на правѣ общиннаго владѣнія*, какъ пользовались ихъ предки. Прежнія притязанія князей и узденей были, такимъ образомъ, явно обличены ихъ же собственнымъ признаніемъ, какъ назаконныя и несправедливыя. Поправить ошибки прошлаго, конечно, было уже невозможно, но, казалось бы, легко и необходимо было избѣгнуть ихъ на будущее время; къ сожалѣнію, этого не случилось. Разумная основная мысль коммисіи, вытекавшая какъ неизбѣжное послѣдствіе изъ акта кабардинскаго народа о надѣленіи ауловъ землею на общественномъ правѣ, по числу жителей каждаго аула, была досаднымъ образомъ измѣнена распоряженіемъ высшаго тифлисскаго начальства, по которому часть общественныхъ земель Кабарды была

отдѣлена для раздачи, по усмотрѣнію правительства, *въ частную собственность* нѣкоторымъ родовитымъ и заслуженнымъ кабардинцамъ. Чрезъ эту ошибочную мѣру, проникнутую духомъ тѣхъ старыхъ заблужденій нашихъ, о которыхъ мы только-что говорили, около 90,000 десятинъ земли (считая тутъ и землю, отведенную для гарнизона Нальчика) было отнято у населенія, ежегодно разроставшагося, съ каждымъ днемъ всѣ болѣе нуждавшагося въ землѣ для своего прокормленія, ради обезпеченія излишествъ жизни немногихъ состоятельныхъ частныхъ лицъ. Въ Закубанской области исключено въ пользу частной собственности еще большее количество земли. Такъ, изъ 274,000 десятинъ одного Урупскаго округа цѣлыя $^2/_3$, то-есть 180,000 десятинъ назначены были центральною тифлисскою властью для раздачи отличившимся туземцамъ и русскимъ военнымъ и гражданскимъ начальникамъ и только одна треть, т. е. 90,000 десятинъ, осталась въ распоряженіи горскихъ, русскихъ и нѣмецкихъ обществъ. Русской крестьянской колонизаціи отведено было изъ этого числа всего 40,000 десятинъ, т. е. почти одна пятая того, что роздано чиновникамъ и офицерамъ. Сверхъ того, болѣе 72,000 десятинъ было роздано частнымъ лицамъ въ сосѣднемъ Зеленчуковскомъ округѣ и т. п.

Когда серьезно подумаешь о томъ, что изложено выше, то нельзя не видѣть, что сами мы безсознательно содѣйствовали отчужденію отъ насъ покоренныхъ нами народовъ и ихъ ненависти къ намъ, мы сами косвеннымъ путемъ воспитывали въ нихъ привычки безхозяйственности, воровства, грабежа, насилій и произвола, ломая безъ всякой осторожности ихъ старое право и не давая имъ, взамѣнъ, никакого новаго. Каждый начальникъ небольшаго военнаго отряда, комендантъ крѣпости, окружной приставъ считалъ себя въ правѣ, не стѣсняя себя изученіемъ невѣдомыхъ обычаевъ и за-

коновъ, вторгаться въ область земельныхъ и всякихъ другихъ юридическихъ отношеній общины, жившей въ его районѣ, и своими случайными, непослѣдовательными, часто произвольными распоряженіями освящать беззаконные захваты, права̀, ломать высокочтимые народомъ старые обычаи, вообще поселять еще большій безпорядокъ въ дѣлѣ, которое и безъ того было выбито изъ своей естественной колеи.

Мудрено ли послѣ этого, что между бытомъ горцевъ, оставшихся, по разнымъ обстоятельствамъ, на своихъ мѣстахъ, и между жителями плоскости, принадлежащими къ тому-же племени, оказывается теперь такая огромная разница и въ экономическомъ, и въ нравственномъ смыслѣ, въ сильную невыгоду для послѣднихъ и въ большой подрывъ русскаго вліянія.

Жители почти безплодныхъ скалъ Балкарскаго, Безенгіевскаго, Хуламскаго, Чегемскаго и Уруспіевскаго ущелій, составляющіе такъ-называемыя *«горскія общества»* Большой Кабарды, живутъ гораздо зажиточнѣе и спокойнѣе настоящихъ кабардинцевъ равнины, хотя суровая почва, суровый климатъ и страшное обиліе сусликовъ не дозволяютъ имъ посѣвовъ пшеницы и проса и хотя собираемаго хлѣба достаетъ имъ только на два мѣсяца.

Горецъ успѣшно вознаградилъ скотоводствомъ неблагодарный трудъ пахаря, такъ что, при собираніи въ 1866 году свѣдѣній о хозяйственномъ положеніи горскихъ общинъ Кабарды, у нихъ оказалось столько скота, что, среднимъ числомъ, пришлось на человѣка по 82 штуки овецъ, по $10\frac{1}{2}$ штукъ крупнаго скота, болѣе двухъ лошадей и по одному ешаку (ослу). Вмѣстѣ съ тѣмъ, поля какого-нибудь балкарскаго горца обработаны съ тщательностью и трудолюбіемъ европейца: вездѣ искусно проведены по скаламъ оросительныя канавы, почва ежегодно удабривается навозомъ, который

часто приходится носить по обрывамъ и кручамъ въ корзинахъ на своей собственной спинѣ; отдѣльные загоны, поля или сѣнокосы обнесены или каменною оградой, или плетнемъ, въ защиту отъ скота. Благосостоянiе горца, несмотря на всѣ препятствiя природы и на его подчасъ каторжный трудъ, обезпечено вполнѣ, и у него всегда найдутся въ запасѣ деньги то отъ продажи скота, то отъ торговли бурками. Горецъ занятъ работою круглый годъ и не бездѣльничаетъ, какъ кабардинецъ плоскости, за праздными разговорами; кабардинецъ плоскости очень мало занятъ своимъ хозяйствомъ и все свое упованiе возлагаетъ на то, чтобъ свезти на ближнiй базаръ какой-нибудь возъ дровъ, которыя онъ рубитъ за дешевую пошлину въ общественномъ лѣсу. Эта торговля не требуетъ ни обдуманности, ни затратъ, ни искусства; съ хлѣбомъ возиться нужно, сѣять, убирать, молотить, а тутъ заѣхалъ въ лѣсъ, навалилъ деревьевъ — сейчасъ и деньги. У многихъ остается сѣно некошеннымъ, поля неубранными изъ-за того только, что гдѣ-нибудь пососѣдству большой базаръ и можно продать дрова. Скота много, а нигдѣ кругомъ нельзя купить фунта масла, никто не заботится о томъ, чтобъ собрать его и сбыть. Въ Нальчикѣ масло доходитъ до 10 рублей за пудъ, но все поставляется колонистами-нѣмцами. Кабардинецъ везетъ на базаръ только свой грошевый скверный сыръ. Кабардинцы даже очень мало сѣютъ пшеницу, дающую у нихъ постоянные и отличные урожаи и всегда требуемую въ продажу по хорошимъ цѣнамъ; они почти исключительно ограничиваются своимъ излюбленнымъ просомъ, истощающимъ землю, зато сначала безъ труда дающимъ роскошный урожай; изъ пшена его они дѣлаютъ свою пресловутую *пасту*, то-есть крутую кашу, замѣняющую хлѣбъ. Страсть кабардинца къ воровству, которую до сихъ поръ не могутъ искоренить никакiя мѣры, и вообще

все безнравственное направленіе его вкусовъ и привычекъ какъ-то невольно становятся въ связь съ его прошлымъ, которое помогло удалому рыцарству перероди ться такъ невыгодно для себя подъ вліяніемъ вредныхъ историческихъ условій, особенно же подъ вліяніемъ долгой необезпеченности и неувѣренности его хозяйственнаго существованія.

Покровительствуемая Россіей кабардинская знать нисколько не была заинтересована въ томъ, чтобъ привить къ народу мирные и разумные вкусы, чтобъ пріучить его къ порядку, труду, повиновенію закону; она заботилась исключительно, чтобъ, опираясь на русскую власть, сдѣлаться полновластнымъ и безконтрольнымъ распорядителемъ народа къ своей собственной выгодѣ, а чтобъ не ослаблять пріобрѣтенной власти, она первая поддерживала въ темной массѣ инстинкты вражды къ русскому побѣдителю, отвращеніе отъ всякихъ нововведеній цивилизаціи и религіозное суевѣріе. Подобные вожди, разумѣется, и не могли привести ни къ чему другому, потому что, въ сущности, всѣ они были такими же темными, полудикими суевѣрами, какъ и весь ихъ народъ. Оттого во всѣхъ движеніяхъ горскихъ племенъ, при ихъ переселеніи въ Турцію, при внезапныхъ уходахъ въ горы цѣлыхъ покорныхъ ауловъ, при всѣхъ возстаніяхъ и безпорядкахъ, главными, хотя иногда скрытыми вождями были тѣ-же самые люди, которыхъ щедро награждала, за которыми заботливо ухаживала русская власть. Послѣднее возстаніе кавказскихъ горцевъ въ 1878 году доказало это какъ нельзя болѣе ярко.

Но, конечно, изъ этого и изъ всѣхъ нашихъ прежнихъ дѣйствій относительно земельнаго владѣнія горскихъ народовъ видно, что мы сами больше всего виноваты въ развитіи среди горцевъ ненависти къ русскимъ и ихъ искусственнаго стремленія къ Турціи. Мы питали

въ нихъ религіозный фанатизмъ неразумнымъ разстройствомъ ихъ хозяйственнаго быта. Только освободительная и устроительная работа наша, совершившаяся въ 1866, 1867 и 1868 годахъ, могла нѣсколько помирить съ нашею властью казказскія племена. Надѣленіе ауловъ общинною землею положило предѣлъ всякому произволу, насилію, безконечнымъ земельнымъ тяжбамъ и ссорамъ. Теперь аулы Большой Кабарды имѣютъ по 36 десятинъ на дворъ; тагаурскіе осетины по 39 десятинъ на дворъ, дигорскіе и аллагирскіе по 24 и т. д. При такомъ значительномъ земельномъ надѣлѣ и при плодородіи земли хозяйство этихъ племенъ можетъ идти оченъ хорошо, тѣмъ болѣе, что государственныя подати съ нихъ весьма умѣренны, большею частью не свыше 3 рублей съ дыма, а у многихъ по 2 руб., по 1 руб., даже по 75 коп. (наромамисонцы). Только жители Кабардинскаго округа обложены 5 рублями съ дыма. Впрочемъ, можетъ быть, въ самые послѣдніе годы подать эта измѣнилась, такъ какъ свѣдѣнія наши заимствованы изъ данныхъ прежнихъ лѣтъ.

VII

Панорама горъ

Туманы утра разсѣялись, и на всемъ протяженіи горизонта, отъ востока до запада, подпирая небо, какъ миѳологическій Атлантъ, вырѣзался вдругъ во всей неожиданности и во всемъ блескѣ своемъ Кавказскій хребетъ.

Ничто болѣе не заслоняло его.

Вѣнчающія его поля вѣчныхъ снѣговъ, его змѣящіеся ледники, его нависшіе обвалы—горѣли на первыхъ лучахъ солнца какимъ-то тихимъ, нѣжно розовымъ пламенемъ.

Весь Кавказъ былъ виденъ отъ Эльборуса до Дагестанскихъ горъ; Эльборусъ даже въ концѣ іюня одѣтъ въ свое сплошное дѣвственно-бѣлое облаченіе матоваго серебра, безъ малѣйшаго чернаго пятнышка, которое изобличало бы каменную вершину какого-нибудь оттаявшаго утеса. Двумя громадными, гладкими пирамидами высится онъ, несмотря на большую даль, надъ темными, изгрызенными линіями каменнаго хребта. Лѣвѣе его, но ниже, дальше и туманнѣе, рисуется почти такая-же правильная снѣговая пирамида его сосѣда Каштан-тау, осѣняющаго сверху дикую страну сванетовъ и немного уступающаго Эльборусу вышиною. Оба они на нѣсколько тысячъ футовъ выше самой высокой вершины Европы. Нужно Чатырдагъ поставить на Монбланъ, чтобъ сравниться съ вершиною Эльборуса.

Гораздо больше, ближе и явственнѣе вырѣзывается на блѣдноголубомъ фонѣ утра воспѣтый поэтами Казбекъ съ примыкающими къ нему горами Осетіи.

Красива очень его утесистая, тоже пирамидальная громада, съ цѣлою пустынею снѣговъ, похороненныхъ въ обширной сѣдловинѣ, съ черными скалами, которыя изборождены бѣлыми полосами и пятнами снѣговъ.

Но въ этомъ горномъ великанѣ уже нѣтъ той грандіозной простоты и царственнаго величія, какими дышатъ неприкосновенные снѣга Эльборуса, владыки Кавказскихъ горъ.

Другіе многочисленные великаны, похожіе одинъ на другаго, съ такимъ-же снѣговымъ черепомъ, съ такими-же обнаженными скалистыми ребрами, стоятъ, тѣснясь плечами другъ къ другу, заслоняя и выпирая одинъ другаго, какъ рать сомкнувшихся титановъ, защищающихъ проходъ изъ одного міра въ другой. Ближе другихъ къ Казбеку, почти равный ему высотою, Джимерайхохъ, имя котораго нѣкоторые ученые связываютъ съ библейскимъ племенемъ джимеръ или гомеръ, оби-

тавшемъ на Кавказѣ въ незапамятной древности, ранѣе втораго тысячелѣтія до Рождества Христова. За нимъ, въ группѣ Куртатинскихъ горъ, Сырхубарзомъ; дальше— Тепли, Цмiакомьхохъ, Iальтверъ и остроконечный Адай-Хохъ съ своими подвластными Чагатомъ и Циргатомъ. Почти всѣ эти вершины значительно выше Монблана.

Ниже ихъ, такою-же сплошною цѣпью, также отъ востока до запада, но уже не неся на своемъ хребтѣ этого бѣлаго поля смерти, идутъ голыя каменныя горы средняго хребта, другой Адайхохъ, Чатхохъ, Фотхусъ, Карiухохъ и др., къ которымъ присоединяются, по ту сторону Терека, хорошо знакомая кавказскимъ туристамъ Столовая гора, стоящая прямо надъ Владикавказомъ, и сосѣдъ ея Матхохъ. Еще ближе ихъ, совершенно завладѣвъ первымъ планомъ, кудрявыя лѣсистыя скалы и куполы крайняго хребта, которые степной житель прозываетъ «черными горами».

Есть что-то грозное, торжественное и подавляющее, что-то исполненное первозданной мощи въ картинѣ большихъ горъ. Увидишь ихъ,—и безъ всякихъ размышленiй, безъ всякой подготовки себя, ощутишь ихъ владычество надъ собою, поклонишься внутренно ихъ величiю, ихъ неземной красотѣ.

Это не просто камень, не одна геологическая опухоль земли: это цѣлое могучее существо съ своимъ выраженiемъ, съ своимъ характеромъ, великое, почти божественное. Дѣйствительно, чѣмъ-то безстрастно-холоднымъ, неприступнымъ и безплотно-возвышеннымъ, какъ олимпiйскiе боги, глядитъ на человѣка сквозь солнечный туманъ дали, изъ-за сотенъ верстъ, разрушая всѣ обычныя представленiя о разстоянiяхъ, эта сплошная цѣпь другъ съ другомъ сросшихся снѣговыхъ великановъ.

Человѣкъ-дикарь долженъ былъ обоготворить ихъ,

пасть передъ ними ницъ; они должны были казаться ему недоступными престолами боговъ, хранилищемъ великихъ священныхъ тайнъ прошлаго и будущаго. Кавказъ, болѣе чѣмъ всякія другія горы, долженъ былъ производить это мистическое впечатлѣніе на людей первобытныхъ временъ.

Эта «гора ӑзовъ», «Великая Азія»,—отъ ногъ которой спускается къ теплымъ морямъ юга «Малая Азія» съ своими, сравнительно, мелкими горами,—стояла на рубежѣ обитаемаго міра, на сѣверъ отъ котораго простирались въ безконечность невѣдомыя пустыни съ невѣдомыми существами. Это «изумрудный хребетъ Кафъ» древнихъ, «опоясывающій землю, какъ перстень палецъ», до котораго нужно было проходить когда-то черезъ «страну Мрака», и который теперь едва не переѣзжаютъ по желѣзной дорогѣ. На этой великой горѣ, заканчивающей міръ, поддерживающей небо, боги приходили въ общеніе съ человѣкомъ. «Вершины Кавказа—сосѣдки звѣздъ», выражался Эсхилъ. На Кавказѣ, по вѣрованію грека, происходила борьба между Зевсомъ и Тифеемъ, зиждительнымъ огнемъ неба и разрушающимъ подземнымъ огнемъ.

На Кавказѣ разразилась жестокая борьба между старыми богами-титанами, этими грубыми и мрачными стихіями міра, и новыми богами Олимпа, исполненными разума, красоты и житейскаго блаженства. Съ Кавказа Прометей похищалъ небесный огонь и къ нему былъ онъ прикованъ на алмазной цѣпи мстительною десницею Зевса. Греки и римляне серьезно отыскивали на Эльборусѣ эту цѣпь Прометея, а по дорогѣ изъ Имеретіи въ Сванетію еще теперь указываютъ—мнѣ самому указывали—обрывистую «скалу Прометея».

И Ной, избранникъ божества, получившій отъ него завѣтъ спасенія, остановилъ свой ковчегъ на кавказскомъ Араратѣ, «Святой горѣ» цѣлаго Востока, и съ нея

началъ заселять живою жизнью земной міръ, опустошенный Божьимъ гнѣвомъ.

Знаменитый географъ Риттеръ выражаетъ убѣжденіе, что только Кавказъ, что только окрестности Арарата могли быть первою колыбелью человѣчества.

Недаромъ названо кавказскимъ племенемъ самое величайшее и самое человѣческое изъ всѣхъ человѣческихъ племенъ—племя европейское, совершающее исторію міра.

Недаромъ и народы, заполонявшіе, поочереди, Европу, во время такъ-называемаго «великаго переселенія народовъ», двигались черезъ «Кавказскія Ворота», то-есть сквозь ущелья Кавказскихъ горъ.

Здѣсь исторія зачалась и широко развивалась еще тогда, когда самые старые народы Европы не были извѣстны по имени, когда не существовало самаго имени Европы.

Древнѣйшія преданія библіи и древнѣйшія пѣсни восточнаго эпоса уже знаютъ Кавказъ. Царства, возникшія на Кавказѣ, уже были старыми царствами, когда Римъ еще клалъ свои первые камни. Арменія ведетъ свое начало почти отъ потопа, и цари армянскіе упоминаются въ книгахъ ветхаго завѣта, наполовину погруженныхъ въ легендарный мракъ.

Гаикъ, легендарный родоначальникъ армянъ, которые сами себя называютъ гайкъ, а не армянами, считается правнукомъ Іафета, современникомъ и побѣдителемъ Нимврода.

Арамъ, знаменитый царь и герой армянъ, именемъ котораго сосѣдніе народы прозвали народъ армянскій, теряется почти въ такой-же сѣдой древности, а страна Арамея упоминается въ библіи еще на зарѣ еврейской исторіи. Нимвродъ и Сезострисъ, Нинъ и Семирамида, Дарій и Ксерксъ, Александръ Македонскій, Помпей, Митридатъ, гунны и скиѳы, арабы и монголы—все

связало свое имя съ старымъ центромъ человѣчества, съ горою, которую всѣ народы почитаютъ своею колыбелью послѣ потопа.

Кавказъ въ широкомъ смыслѣ, включая сюда область Арарата, почти для всѣхъ народовъ въ древности служилъ полемъ исторической борьбы и историческою дорогою. Оттого-то и у нынѣшняго жителя Кавказа съ каждою большою горою непремѣнно связано какое-нибудь историческое или миѳическое преданіе, все насквозь приникнутое языческою теософіей древности.

Здѣсь и до сихъ поръ вѣрятъ, что Кавказскія горы первыя показались изъ-подъ водъ потопа, и что Ноевъ ковчегъ, зацѣпившись за вершину Эльборуса, раскололъ надвое ея вершину. На Казбекѣ скрыты, по убѣжденію грузинъ, ясли Спасителя.

У осетинъ, у сванетовъ, у всѣхъ горцевъ уцѣлѣло искаженное на разные лады греческое преданіе о Прометеѣ, прикованномъ цѣпью къ скаламъ Кавказа.

Осетинъ самымъ серьезнымъ образомъ разскажетъ вамъ исторію пастуха Бессо. Заблудившись около пропасти Эльборуса, онъ неожиданно услышалъ вдругъ стонъ, выходившій изъ внутренности горы; невѣдомая сила увлекла его къ страшной разсѣлинѣ скалъ, въ темную пещеру, гдѣ былъ прикованъ толстыми цѣпями къ громадному камню полунагой красивый юноша. Отъ стоновъ и усилій его дрожала вся гора. Весь полъ пещеры былъ усыпанъ золотомъ, серебромъ, оружіемъ и драгоцѣнными вещами; на противоположной стѣнѣ висѣлъ обрывокъ толстой желѣзной цѣпи, который напрасно силился достать рукою узникъ. Бессо также не могъ ему подать этотъ конецъ, потому что онъ былъ слишкомъ коротокъ.

«Если ты достанешь столько стараго желѣза, чтобъ доковать эту цѣпь и дать мнѣ ее въ руки,—объявилъ узникъ пастуху,—то я буду освобожденъ и уничтожу

злаго коршуна, грызущаго мои внутренности; тогда всѣ эти богатства будутъ твои; только никто не долженъ видѣть до той минуты ни меня, ни утеса, въ которомъ я погребенъ уже много вѣковъ».

Бессо сталъ потихоньку собирать старое желѣзо и ковать цѣпь; когда она была готова и онъ тайкомъ несъ ее къ горѣ,—сосѣди, давно слѣдившіе за нимъ, подумали, что онъ нашелъ кладъ, и заставили его вести ихъ къ пещерѣ. Но только-что они увидѣли утесъ Эльборуса, въ пещерѣ котораго былъ прикованъ юноша, какъ вдругъ раздался страшный трескъ, и цѣлая громадная скала съ пещерою пошатнулась и упала въ бездну...

* * *

Легенды грузинъ иначе передаютъ этотъ древній миѳъ о Прометеѣ. По разсказамъ ихъ, на горѣ Ялбузѣ (т. е. Эльборусѣ) томится богатырь Амиранъ, заключенный туда по слову божію съ незапамятныхъ временъ.

Желѣзная цѣпь, которою онъ прикованъ, такъ крѣпка, что никакія силы не могутъ разорвать ее. Вмѣстѣ съ Амираномъ заключена въ пещерѣ и его вѣрная собака, которая безъ устали лижетъ оковы своего господина и давно бы уничтожила ихъ, еслибъ грузинскіе кузнецы, ежегодно, въ утро страстнаго четверга не ударяли три раза о наковальню. Отъ этихъ ударовъ цѣпь получаетъ прежнюю крѣпость, и Амирану суждено освободиться отъ оковъ только въ день втораго пришествія.

Горцы убѣждены, что землетрясенія, обвалы, бури, случающіеся въ горахъ, происходятъ отъ сотрясенія цѣпей великана, прикованнаго въ нѣдрахъ Эльборуса. Его охраняетъ особая стража. Иногда онъ выходитъ изъ оцѣпенѣнія и спрашиваетъ стражу: «растетъ ли еще на землѣ камышъ и родятся ли ягнята?» Когда

стража подтверждаетъ это, великанъ приходитъ въ отчаяніе, рвется и потрясаетъ цѣпью.

Разсказываютъ еще, что на вершинѣ Эльборуса обитаетъ Симургъ, сѣдовласый царь птицъ, однимъ окомъ озирающій прошлое, а другимъ проникающій въ будущее. При полетѣ его, отъ ударовъ крыльевъ потрясается земля, волнуется море. При стонахъ его умолкаютъ птицы, увядаютъ цвѣты, горы одѣваются облаками. Когда же съ вершины Эльборуса слышатся звуки пѣнія добрыхъ духовъ, тогда небо ясно, снѣговыя вершины сверкаютъ на солнцѣ, ручьи текутъ спокойно, цвѣты благоухаютъ, вездѣ радость и миръ.

Вообще Эльборусъ, какъ главный представитель Кавказа, *Кафъ-Дагъ*, какъ его называютъ персіяне, считается центромъ обитанія всякихъ духовъ, оттого у горцевъ онъ извѣстенъ подъ именемъ джинъ-падишахъ, то есть «царь духовъ».

Ущелья его — ворота въ небесную страну духовъ, «джинистанъ», жилище воздушныхъ пери, вѣчно молодыхъ, вѣчно прекрасныхъ. По преданію грузинъ, въ страстной четвергъ на Ялбузъ собираются всѣ вѣдьмы верхомъ на кошкахъ. Оттого каждый благоразумный грузинъ въ эту ночь долженъ зажигать на дворѣ своемъ костеръ, чрезъ который обязаны перепрыгивать троекратно всѣ, отъ стараго до малаго, съ разными заклинаніями для устрашенія вѣдьмъ.

Еще болѣе осторожные заставляютъ колючими вѣтками всѣ отверстія дома, окна, двери, особенно трубу, любимую дорогу вѣдьмы.

Въ убѣжденіи мусульманъ Кавказъ тоже связанъ съ роковою для нихъ легендой. Въ коранѣ Магомета сказано:

«За Кавказомъ живутъ Гогъ и Магогъ. По истеченіи временъ, они перейдутъ черезъ горы, убьютъ

правовѣрныхъ и благословенныя ихъ царства разрушатся.

Мюридизмъ ухватился за это пророчество, чтобъ изображать Гогомъ и Магогомъ побѣдоносную русскую силу. А между тѣмъ, еще пророкъ Іезекіиль угрожалъ евреямъ, что Гогъ, царь въ землѣ Магогъ, возстанетъ отъ конца къ полуночи и покоритъ міръ и землю Господню. Еще тайновидецъ Іоаннъ предсказывалъ послѣ тысячелѣтняго странствованія сатаны пришествіе Гога и Магога, которые обложатъ станъ праведниковъ, многочисленнѣе, чѣмъ песокъ морской.

Очевидно, что Магометъ только передѣлалъ на свой ладъ еврейскія и христіанскія пророчества. Историки считаютъ Магогомъ древнихъ обитателей Меотійскаго берега (Азовскаго моря), потомковъ Магога, названнаго въ библіи сыномъ Іафета...

VIII

Владикавказъ

СТЕПЬ ужь мало замѣчается, и безпредѣльная южная низина все болѣе начинаетъ принимать характеръ предгорной долины. Не только справа, гдѣ дорога совсѣмъ ужь близится къ живописнымъ «Чернымъ горамъ», но и слѣва прерывистыми цѣпями поднимаются возвышенности. Кишащая сырая растительность заполоняетъ все. Истребленные непроходимые лѣса на каждомъ шагу пробиваются сквозь влажную почву и упрямо захватываютъ свое старое пепелище... Густота этой безпорядочной поросли такова, что развѣ одинъ кабанъ проломится сквозь нее. Лихорадка царствуетъ въ этихъ душныхъ долинахъ.

На высокомъ плоскомъ островѣ, поднимающемся среди этого хаоса кустовъ, камышей и травъ, между извилинами трехъ горныхъ рѣчекъ, стоитъ Николаевская станица, вымершая и вымирающая отъ лихорадокъ. Такія-же лихорадки и на станціи Даргъ-Кохъ. Мѣстные жители страдаютъ отъ нихъ гораздо меньше, но переселенцы-казаки, переселенцы-русскіе гибнутъ безпощадно. Мѣстность эта разноплеменная: осетины, кабардинцы, грузины, казаки, русскіе живутъ здѣсь селами вперемежку другъ съ другомъ. Ладу между этими народами еще очень мало. Воровство и грабежъ — вещи ежедневныя. Осетинъ не пойдетъ вечеромъ въ аулъ кабардинца, а кабардинецъ не опоздаетъ въ дорогѣ черезъ казацкую станицу. Нравы казаковъ ничуть въ этомъ случаѣ не отличаются отъ горскихъ. Казакъ такъ-же хищенъ и жестокъ, какъ они, но не имѣетъ при этомъ того чувства гостепріимства и того страха отвѣтственности, которые нѣсколько умѣряютъ разбойничьи обычаи какой-нибудь Кабарды. Въ ночныхъ расправахъ казака замѣтно чувствуется самоувѣренная рука хозяина, побѣдителя, а не покореннаго. Казакъ убиваетъ горца такъ-же просто, какъ дикаго козла. Горецъ трусливѣе и вороватѣе. Ловкіе ребята изъ кабардинцевъ, чеченцевъ или осетинъ высмотрятъ днемъ, проѣзжая будто мимоходомъ, куда загоняется у казаковъ стадо буйволовъ или табунъ лошадей, спрячутся въ кустахъ, а ночью изъ-за рѣки является толпа всадниковъ и угоняетъ добычу на ту сторону. Казаки хорошо знаютъ сноровку своихъ сосѣдей и нерѣдко подстерегаютъ ихъ. Церемоній, само собою разумѣется, не дѣлается никакихъ, и никто на нихъ не разсчитываетъ

Дружный залпъ изъ ружей встрѣчаетъ или догоняетъ воровскую шайку, и волны Терека безмолвно уносятъ трупы, которыхъ никто не разыскиваетъ и о которыхъ никто не доноситъ. Ни жалобъ, ни суда не пола-

гается для этихъ ежедневныхъ подвиговъ хищничества, хотя тутъ существуютъ и мировые судьи и приставы. и народные и окружные суды. Иногда стрѣляютъ прямо изъ оконъ хатъ, среди цѣлой станицы, на глазахъ станичнаго правленія, которое только въ рѣдкихъ случаяхъ опроситъ для формы, въ кого и за что стрѣляли. Судъ въ этихъ дѣлахъ идетъ свой, вольный и привычный. Родичи убитаго много лѣтъ сряду пытаются потомъ отмстить казаку, пуля котораго положила удалаго грабителя, и конца не бываетъ этому круговороту самовольныхъ расправъ. Кровомстительство еще глубоко сидитъ въ природѣ кавказца, и никакое христіанство осетинъ, никакія школы и новые суды еще не потрясли его серьезно.

Недавно въ самомъ Владикавказѣ, на похоронахъ желѣзнодорожнаго чиновника, бывшій стрѣлочникъ-осетинъ, разсчитанный отъ мѣста, на глазахъ всѣхъ закололъ машиниста, котораго онъ считалъ виновникомъ своего несчастія; онъ бѣжалъ, оставивъ свой кинжалъ въ ранѣ убитаго, чтобъ всѣ знали, чья рука казнила врага. До сихъ поръ не могли найти его.

Аулъ Эльхотово—большое, широко раскинутое селеніе. Съ него уже начинается настоящее ущелье.

Старинный каменный минаретъ, такъ рѣдко встрѣчающійся у кавказскихъ горцевъ, вообще незнающихъ минарета, приписывается самому Тамерлану. Тутъ есть и курганъ Тамерлана, который, по преданію, двигался на нашу Русь черезъ Владикавказъ и Эльхотово. Шамиль тоже связалъ свое имя съ этимъ историческимъ мѣстомъ. Здѣсь онъ спустился въ равнину, усиливаясь пробиться на правый флангъ, въ страну воинственныхъ абадзеховъ, звавшихъ его стать во главѣ закубанскихъ черкесовъ. Онъ долго бился тутъ, но былъ, наконецъ, жестоко разбитъ и бѣжалъ въ Чечню, послѣ чего на-

чинается послѣдняя травля его, окончившаяся гунибскою катастрофою.

Владикавказъ — скромный, но очень миловидный городокъ. Весь каменный и черепичный, весь бѣлый и красный, среди яркой зелени безчисленныхъ садиковъ и бульваровъ, охваченный со всѣхъ сторонъ темною зеленью кругомъ облегающихъ лѣсистыхъ горъ, первыхъ ступеней Кавказа, пріосѣненный издали грозною и чудною панорамою снѣговаго хребта... Милый и тихій уголокъ!... Всѣ улицы мощены, и по многимъ идутъ посрединѣ совершенно тѣнистые, крѣпко утрамбованные бульвары, необходимость и незамѣнимая отрада среди обычныхъ жаровъ Кавказа, гораздо болѣе нужная, чѣмъ оперы и клубы. Мощеніе улицъ, впрочемъ, тутъ не особенно трудно. Неутомимый даровой поставщикъ камня, быстрый и мутный Терекъ просто заноситъ городъ мелкими валунами голыша, которые онъ грызетъ и точитъ на всемъ пространствѣ своего заточенія въ тѣснинахъ Дарьяла. Этимъ голышомъ нетолько мостятъ всякій дворъ, всякій переулочекъ, но изъ него еще сложены длинныя ограды, большіе сараи, часто цѣлые дома. Гдѣ нѣтъ бульвара посрединѣ улицы, тамъ сады по сторонамъ. Пирамидальный тополь господствуетъ надъ всѣмъ ландшафтомъ города и даетъ ему вполнѣ южный характеръ. Это—незамѣнимое дерево для пейзажа. Владикавказъ не поскупился на него и очень много выигралъ. Сады вездѣ: вокругъ церквей, вокругъ учебныхъ заведеній, вокругъ госпиталя, при домахъ и безъ домовъ, просто для прогулки. Недалеко отъ почтовой станціи отличный для лѣтняго жара, хотя и простенькій общественный садъ, въ которомъ въ самое пекло дышется легко. Красивый домъ областнаго начальника совсѣмъ утонулъ въ саду, вмѣстѣ съ церковью, которая передъ нимъ въ одной общей оградѣ.

Эти сады и эта каменная опрятность города произво-

дятъ какое-то непривычно пріятное впечатлѣніе спокойной и скромной жизни. Послѣ базарной пыли и кабацкой сутолоки Ростова, первый городокъ Кавказа пролилъ въ мою душу какой-то тихій елей. Я большой нелюбитель торговыхъ центровъ и торговаго хаоса, и мнѣ гораздо болѣе по вкусу эти полусельскіе городки, напоминающіе Швейцарію своимъ мирнымъ удобствомъ и оживленностью своего милаго пейзажа. Конечно, Владикавказъ болѣе всего и прежде всего военный пунктъ, а вовсе не иллюстрація какой-нибудь горной идилліи; но войско въ лагеряхъ, и ничего военнаго, кромѣ военной прогимназіи да военнаго госпиталя, въ городѣ незамѣтно. Вообще, прежняго значенія грознаго *владыки Кавказа*, какимъ онъ долженъ былъ быть по мысли построившаго его Потемкина, какимъ онъ дѣйствительно былъ при Ермоловѣ, городъ уже давно не имѣетъ. Если онъ владычествуетъ надъ окрестностью, то только мирными воздѣйствіями своей торговли и общежитія на варваровъ сосѣднихъ горъ, на всѣхъ этихъ осетинъ, ингушей, кабардинцевъ и чеченцевъ... Тутъ учатся ихъ дѣти, нетолько мальчики, но даже и дѣвочки, въ реальной гимназіи, въ военной прогимназіи, въ ремесленномъ училищѣ, въ женскомъ училищѣ. Есть даже особое женское училище для осетинокъ, куда ходятъ и русскія дѣвочки; надъ входомъ одной элементарной школы вмѣсто вывѣски — раскрашенная картина въ рамкѣ: Христосъ, благословляющій дѣтей. Это мнѣ очень понравилось. Тутъ мировой судъ для горцевъ, тутъ имъ безобидный вольный торгъ и всякое покровительство закона, независимое отъ родовой мести, отъ единокровія и единовѣрія. Особеннаго вниманія заслуживаетъ существованіе въ такомъ маленькомъ городѣ ремесленнаго училища, котораго обыкновенно лишены наши большіе губернскіе города; а въ немъ-то, можетъ быть, прежде всего нуждается наше населеніе—и то, которое

не можетъ учиться ничему другому, и то, которое постоянно требуетъ услугъ ремесла.

Ремесленное училище Владикавказа основано графомъ Лорисъ-Меликовымъ и называется поэтому его именемъ. Вообще память графа наполняетъ Владикавказъ, который ему много обязанъ своимъ благоустройствомъ. Одна изъ улицъ, ведущая къ дому начальника Терской области, называется Лорисъ-Меликовскою. Не знаю въ подробности, кто и что дѣлалъ на пользу Владикавказа, но скажу только, что на всемъ видны слѣды разумной и заботливой руки. Этотъ крошечный городокъ, недавно еще бывшій почти станицею, теперь уже обладаетъ всѣми существенными удобствами цивилизованной жизни. Образованіе въ немъ, сравнительно, доступнѣе, чѣмъ въ другихъ городахъ, устроенъ очень хорошенькій постоянный театръ, есть клубъ зимній и лѣтній, есть общественный садъ, мостовыя и тротуары повсюду, извощики съ просторными и удобными колясками, гостиницы очень сносныя, магазины и базары какіе угодно, даже бываетъ ярмарка, на которую стекаются сосѣдніе горцы и казаки, даже книжная лавка есть, несмотря на господство грузинскаго, армянскаго и осетинскаго элементовъ.

Вообще, въ этомъ преддверіи дикихъ горъ и разбойничьихъ племенъ чувствуешь себя болѣе въ Европѣ, чѣмъ во многихъ нашихъ коренныхъ русскихъ городахъ. Владикавказъ очень разноплемененъ, а между тѣмъ—это почти нисколько не отразилось на немъ, вѣроятно потому, что это городъ новый, возникшій не исторически, а созданный по военнымъ и политическимъ соображеніямъ, рукою такой авторитетной силы, на которую не могли имѣть вліянія обычаи и преданія зависимыхъ народностей. Тутъ вы увидите персидскую мечеть съ очень величественнымъ куполомъ, еще, впрочемъ, недодѣланнымъ, и нѣмецкую кирку, и армянскій, и рус-

скій, и даже осетинскій храмъ. Осетинская церковь живописно высится въ концѣ города, среди осетинскаго квартала, болѣе грязнаго, чѣмъ всѣ другіе, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ высокимъ холмомъ, на которомъ уцѣлѣла еще грозная башня съ бойницами и обрывки стѣнъ теперь уже упраздненной крѣпости, когда-то тяжко отстаивавшей первые шаги нашего кавказскаго владычества. Теперь осетинскіе оборванные ребятишки въ войлочныхъ шлыкахъ, напоминающихъ еще греческую миѳологію, спокойно играютъ подъ амбразурами этого стариннаго врага и покорителя своего народа. Осетины въ своемъ кварталѣ почти совсѣмъ усвоили обычный типъ русской жизни. Домики ихъ безъ плоскихъ кровель, такіе-же черепичные, какъ и всѣ, съ такими-же оконными рамами, только съ неизмѣнными столбиками спереди, замѣняющими галерейку. Внутри тѣ-же стулья и столы, хотя домовитости вообще очень мало. На маленькомъ дворишкѣ только и торчитъ какая-нибудь двуколесная арба да разбитая кадушка. Женщины не прячутся, лица всѣ открыты. Будничный нарядъ ихъ напоминаетъ обычный татарскій, т. е., распашное платье съ вырѣзанною грудью (бешметъ); сверхъ нижняго платья шаровары по пятки; на головѣ шапочка и покрывало. Двѣ черныя букли висятъ по вискамъ.

Осетинки показались мнѣ такими-же носатыми и черными, какъ всѣ вообще татарки, и никакого подобія бѣлокурой расы готовъ, которую подозрѣваютъ въ нихъ нѣкоторые ученые, я въ нихъ не примѣтилъ. Такимъ же общимъ, смугло-цыганскимъ типомъ глядятъ и растрепанные мужья ихъ. Осетины въ значительной половинѣ своей христіане, и трудно сомнѣваться, чтобъ они не были обязаны возстановленіемъ среди нихъ христіанства усиліямъ русскаго правительства. По крайней мѣрѣ, я сужу объ этомъ по тому, что путешественники тридцатыхъ и даже сороковыхъ годовъ нашего столѣтія

6*

находили въ Сѣверной Осетіи только затерявшіеся и совершенно искаженные слѣды христіанства, а священниковъ и церкви встрѣчали только въ Южной Осетіи, по ту сторону хребта, гдѣ на нихъ не переставала вліять христіанская Грузія.

Теперь же у осетинъ по сю сторону хребта есть правильные приходы и настоящее христіанское богослуженіе. Рядомъ съ кварталомъ осетинъ — армянскій кварталъ, изъ оконъ выглядываютъ характерные птичьи носы и черныя брови дугою толстогубыхъ, толстомордыхъ армянокъ въ ихъ плоскихъ и круглыхъ шапочкахъ, едва прикрывающихъ макушку, съ которыхъ опускается кисейное или тюлевое покрывало. Впрочемъ, это единственно уцѣлѣвшая національная особенность армянства; весь остальной нарядъ этихъ дамъ вполнѣ европейскій. Дома ихъ точно также ничѣмъ не отличаются отъ русскихъ. Только одинъ домъ какого-то богатаго армянина изукрашенъ балконами неподдѣльно восточнаго вкуса, съ мавританскими арками, цвѣтными стеклами и проч.

Армянскій базаръ полонъ серебряниковъ, сѣдельниковъ, оружейниковъ, шапочниковъ; тутъ всѣ такъ-называемыя «азіатскія вещи»—бурки, сѣдла, башлыки, папахи, чувяки, ноговицы, саквы, ачкуры, кинжалы и прочее—можно достать выгоднѣе, чѣмъ въ Тифлисѣ. Всѣ лавки безъ передней стѣны, по обычаю юга, такъ что и работа, и торговля происходятъ на глазахъ всѣхъ. Не одна кокетливо спущенная съ плеча бурка горца и заломленная на затылокъ папаха торчитъ у прилавка, гдѣ скудный деньгами дикарь цѣлый часъ перевертываетъ и ощупываетъ соблазняющій его кинжалъ или ногайку.

* * *

Я совершенно смутился, узнавъ странную особенность кавказскихъ сообщеній. Чтобъ взять билетъ въ

мальпостѣ до Тифлиса, необходимо записаться заранѣе, иногда даже недѣли за двѣ. Проѣздъ такой, что иначе придется ждать по нѣсколько дней во Владикавказѣ. Объ этомъ, однако, никто не считаетъ нужнымъ объявлять публикѣ, такъ что ѣдущій по спѣшной надобности можетъ быть глубоко разочарованъ и поставленъ въ безъисходное положеніе. Точно также не сообщается публикѣ о срокахъ и порядкахъ отъѣзда экипажей. Свѣдѣній этихъ вы не найдете ни на вокзалѣ, ни въ гостиницахъ, а должны ихъ пріобрѣтать личными разспросами въ конторѣ экипажей. Иначе можетъ случиться, напримѣръ, что, отправившись въ почтовомъ омнибусѣ до Тифлиса съ единственною цѣлью полюбоваться красотами военногрузинской дороги, вы выѣдете изъ Владикавказа только въ пять часовъ вечера, доберетесь только къ ночи до живописныхъ ущелій и проѣдете ихъ среди ночнаго мрака, не ночуя и безъ возможности прислонить куда-нибудь свою голову въ этомъ идеально - неудобномъ, грязномъ и тѣсно набитомъ экипажѣ... Кареты выходятъ утромъ и ночуютъ, омнибусы ѣдутъ круглую ночь; но все это знаетъ про себя только распорядитель отправленія экипажей.

Я едва не попалъ въ эту ловушку, торопясь скорѣе выѣхать изъ Владикавказа и не желая дожидаться нѣсколько дней свободнаго мѣста въ каретѣ; но рѣшился лучше бросить взятый билетъ и нанялъ себѣ особую коляску. Кстати попался удобный попутчикъ, взявшій на себя часть почтовыхъ расходовъ и имѣвшій казенную подорожную, безъ которой здѣсь невозможно сдѣлать шага. Мы отправились въ путь рано утромъ, съ деньщикомъ на козлахъ, покойно усѣвшись въ просторной, видавшей виды коляскѣ, поглотившей безъ труда нашъ изрядный-таки багажъ. Коляска четверкою до Тифлиса, то-есть за 200 верстъ, не считая шоссейной пошлины и «наводокъ» ямщикамъ, стоитъ 36 рублей,

что довольно умѣренно, въ виду возможности брать съ нашего брата, туриста, сколько душа захочетъ.

IX

Дарьяльская тѣснина

Почти дѣтское, свѣтлое чувство охватило меня, когда я почувствовалъ, что всѣ сборы и хлопоты остались назади и что я вступаю въ царство Кавказскихъ горъ свободный какъ школьникъ на побывкахъ,—безъ заботъ, безъ обязанностей и весь цѣликомъ, со всею беззавѣтною искренностью сердца, могу отдаться, наконецъ, той чудной природѣ, куда меня такъ давно манило, которая теперь съ торжественнымъ величіемъ развертывала кругомъ меня свои чарующія панорамы.

Горы начинаются не сразу отъ Владикавказа, хотя все, что глазъ видитъ кругомъ,—одни ряды горъ. Долина Терека сначала широка и плоска, потомъ прелестно-холмиста, и только отъ станціи Ларсъ начинается серьезный подъемъ, серьезные и суровые горные виды. Долина, по мѣрѣ движенія вверхъ, все болѣе засасывается горами, дѣлается все ўже, все глубже, все грознѣе. Романтическіе замки вѣнчаютъ, точно на берегу Рейна, живописныя вершины скалъ; другіе еще уцѣлѣли и до сихъ поръ могутъ защищать аулы, разсыпанные у ихъ ногъ; иные уже разрушены наполовину и торчатъ голые, какъ остовъ мертвеца, сливаясь съ камнями скалъ. Гдѣ только впадаетъ въ долину Терека какая-нибудь боковая долина, провожающая бѣшеную горную рѣчку, единственную дорогу среди каменныхъ громадъ, тамъ уже непремѣнно тор-

читъ и башня замка съ узкими бойницами, съ обрывистыми стѣнами.

Средневѣковая жизнь, полная насилія, опасностей, необезпеченности, оставлявшая жизнь и имущество человѣка на его собственный страхъ и на произволъ другихъ,—вездѣ сказалась однѣми и тѣми-же чертами, въ Швейцаріи и Вестфаліи, точно такъ же, какъ въ дикихъ ущельяхъ Кавказа. Вездѣ смѣлый и сильный засѣлъ повыше, понеприступнѣе, и властвовалъ оттуда, какъ хищный орелъ надъ степною птицей, надъ всѣми, кому нельзя было укрыться въ крѣпкую башню и оковать желѣзомъ себя и коня своего. Эти кавказскіе феодалы, называвшіеся въ разныхъ мѣстахъ князьями, ханами, тавадами, алдарами, беками, основали свое господствующее сословіе совершенно такъ-же, какъ нѣмецкіе или англійскіе бароны, — на одномъ правѣ силы, всѣми ощущаемой, всѣмъ страшной, всѣмъ необходимой.

Но и аулы тутъ — тоже башни. Среди тяжеловѣсныхъ слоевъ темнаго, почти чернаго глинистаго сланца, громадными толщами выпертыхъ высоко въ воздухѣ изъ глубины земнаго ядра, среди всего этого необозримаго хаоса растреснувшихся стѣнъ, изорванныхъ утесовъ, тонкихъ куполовъ, зазубренныхъ гребней, чередующихся съ косматыми лѣсистыми обрывами, съ зелеными альпійскими скатами, крутыми, какъ кровля готической башни, какими-то мрачными совиными гнѣздами,—глядятъ эти голые, тѣсно скученные аулы, сложенные почти насухо изъ плитъ и обломковъ чернаго шифера, прилѣпленные къ такимъ-же чернымъ скаламъ, на какомъ-нибудь, отовсюду недоступномъ головокружительномъ обрывѣ и на головокружительной высотѣ.

Ни одного зеленаго кустика, ни одного цвѣтнаго или бѣлаго пятна не увидите даже случайно въ этихъ безотрадныхъ логовищахъ хищничества. Тамъ нѣтъ домовъ—

тамъ только башни, однѣ пониже, другія повыше. Тамъ и оконъ нѣтъ, а только узкія бойницы, прорѣзанныя во всѣ стороны, на всѣхъ высотахъ, настолько просторныя, чтобъ просунуть дуло ружья да намѣтить мѣткимъ глазомъ въ грудь противника. Вмѣстѣ — это ощетинившійся, неприступный редутъ, каждый камень котораго защищается и шлетъ смерть. Влѣзть къ нему невозможно, спуститься къ нему еще невозможнѣе, а влѣзъ — передъ тобой только глухія башни безъ ходовъ, да огонь изрыгающія щели въ башняхъ; почти всѣ двери наверху, во второмъ этажѣ, и когда подставная лѣстница прячется въ башню, то, вмѣсто двери, дѣлается окно, защищенное крѣпко окованною дубовою доской. Между башнями не легко протиснуться даже и при мирномъ посѣщеніи аула; проулочки точно ножомъ прорѣзаны, обоими плечами задѣваешь за стѣны, да еще долженъ карабкаться едва не по отвѣсному скату, изворачиваясь на каждомъ шагу, какъ змѣя, среди поворотовъ стѣнъ. Убить въ эту минуту въ-упоръ изъ каждой сосѣдней щели, которыми, словно сито, протыкана каждая башня — разумѣется, ничего не стóитъ. Узнавъ близко горскіе аулы, уже не будешь удивляться бывалымъ страшнымъ потерямъ нашей арміи при штурмѣ ауловъ.

Немудрено, что скудный и мрачный народъ обитаетъ въ этихъ скудныхъ и мрачныхъ гнѣздахъ. Люди торчали тамъ на своихъ безплодныхъ камняхъ, худые, голодные, молчаливые, съ зоркостью и терпѣніемъ ястребовъ выслѣживая рѣдкую добычу, воспитывая въ себѣ долгими годами чутье хищника, ловкость хищника и сносливость хищника. И теперь посмотрите на нихъ, въ ихъ длинноволосыхъ, грязныхъ папахахъ, нависающихъ имъ на глаза, какъ шерсть мохнатой собаки, въ оборванныхъ и истасканныхъ черкескахъ, босыхъ, поджарыхъ, безмолвно прикурнувшихъ на корточкахъ подъ

мокрыми бурками, въ тѣни утеса, среди неперестающаго холоднаго дождя. Да, это настоящіе ястреба на отдыхѣ послѣ неудачной и утомительной охоты, съ такими-же взъерошенными перьями, съ такимъ-же животомъ, поднятымъ невольною долгою голодухою. Однако, и такихъ мрачныхъ ауловъ попадается мало въ дикихъ ущельяхъ Терека.

* * *

Собственно Дарьялъ начинается за станціей Ларсомъ, гдѣ грозный когда-то замокъ, торчащій на скалѣ, защищалъ ея входъ. Это самая узкая тѣснина Терека, сдавленная голыми отвѣсными скалами ужасающей высоты. Тяжелыя дождевыя тучи, заволакивавшія окрестность, дѣлали ее въ эту минуту еще суровѣе и грознѣе; сѣрая тьма наполняла тѣснину, и дикая пляска Терека въ этой сырой мглѣ потрясала нервы. Терекъ здѣсь дѣйствительно *косматый*, во всей буквальности слова. Его грязная, буросѣрая пѣна всплескиваетъ, мечется, кружится, завиваясь въ громадныя кудри, удушая сама себя. Стонъ, вопли и глухой гулъ сталкивающихся волнъ, ненаходящихъ выхода, не смолкая стоятъ въ коздухѣ, заглушая всѣ другіе звуки. Они дѣлаются оглушающими въ этомъ узкомъ коридорѣ звонкихъ гранитныхъ толщъ. А глянешь внизъ, на бѣснующійся Терекъ,—голова идетъ кругомъ. Какая-то невообразимая адская пляска, какой-то неистовый шабашъ вѣдьмъ, неимѣющій ни смысла, ни имени.

* * *

Башня Тамары стоитъ на отдѣльномъ утесѣ, который возвышается тоже башнею своего рода, титанической башнею, совершенно подходящею къ этой нечеловѣческой обстановкѣ и словно нарочно преграждающей путь по ущелью. Башня Тамары уже сильно разрушена, такъ же какъ вся ограда замка, когда-то вѣнчавшаго плоское темя башнеподобнаго утеса; ею

почему-то не воспользовались для укрѣпленія ни горцы, ни русскіе.

Дюбуа де-Монпере и другіе путешественники прежняго времени еще видѣли въ дарьяльскомъ замкѣ нѣсколько башень и другихъ построекъ, а также водопроводъ, вырубленный въ камнѣ скалы. Но мнѣ не удалось увидѣть подъ грудою мусора ни водопровода, ни сложеннаго изъ кирпича подземнаго хода, по которому осажденный гарнизонъ ходилъ по ночамъ за водою Терека. Зато у подножія утеса — русская крѣпостца съ башнями по угламъ, съ зубцами на стѣнѣ, съ часовыми у воротъ. Это — Дарьяльское укрѣпленіе. Такіе форты и блокгаузы до сихъ поръ тянутся по всей военногрузинской дорогѣ, оправдывая ея названіе «военной» и напоминая путешественнику недавнюю старину, отъ повторенія которой, повидимому, онъ еще не вполнѣ обезпеченъ.

* * *

Я нахожу довольно правдоподобною эротическую легенду о Тамарѣ, которую извѣстный французскій ученый Дюбуа де-Монпере называетъ, впрочемъ, не Тамарою, а княгинею Даріей, вѣроятно по созвучію съ именемъ Дарьяла, хотя названіе Дарьяла происходитъ не отъ Дарьи, а отъ обыкновенныхъ татарскихъ словъ: даръ, дере — ущелье, и іолъ — дорога, то-есть «путь по ущелью», то-же, что по-персидски Дербентъ. Эту древнюю mangeuses d'hommes, воспѣтую Лермонтовымъ, конечно, оставили далеко за собою наши усовершенствованныя цивилизаціей современныя, парижскія mangeuses d'hommes, прославленныя Эмилемъ Зола въ лицѣ разныхъ Нана и Розъ Миньйонъ.

Воинственная владычица пустыннаго ущелья, въ которое боялась проникнуть нога человѣка, могла поневолѣ искать развлеченія среди безъисходнаго однообразія этой глухой жизни въ оргіяхъ мимолетной и звѣр-

ской любви, неоставлявшей послѣ себя слѣдовъ, неналагавшей никакихъ стѣсненій на дикую волю и дикое сердце. Если вспомнить, что древніе римскіе и греческіе писатели приблизительно въ этой странѣ (именно на Терекѣ) полагали царство своихъ амазонокъ, то характеръ легенды сдѣлается еще понятнѣе, какъ долетѣвшее до насъ смутное отзвучіе той миѳической эпохи, когда женщина пыталась состязаться съ мужчиною за власть и хотѣла играть его любовью точно такъ, какъ онъ до сихъ поръ играетъ любовью женщины. Въ дикой обстановкѣ Дарьяла, подъ дикія пѣсни Терека, и не могло зародиться другой, менѣе дикой любви.

Впрочемъ, надо объяснить, что Тамара дарьяльской легенды не имѣетъ ничего общаго съ извѣстною благочестивою царицею Грузіи, Тамарою, великою устроительницею своего народа и завоевательницею многихъ кавказскихъ странъ, которая царствовала въ концѣ XII-го и началѣ XIII-го вѣковъ и была даже нѣкоторое время замужемъ за сыномъ нашего великаго князя Андрея Боголюбскаго—Георгіемъ. Эта Тамара, покровительница знаменитаго народнаго поэта Грузіи, Шоты Руставели, автора прославленной поэмы «Барсова кожа», самая популярная героиня грузинской исторіи. Вѣкъ ея считается вѣкомъ процвѣтанія религіи, искусствъ и литературы, вѣкомъ высшаго политическаго могущества Грузіи. Поэтому немудрено, что народная легенда связала впослѣдствіи ея имя со всякимъ замѣчательнымъ памятникомъ древности, со всѣмъ, что фантазія народа находила непостижимаго и величественнаго въ преданіяхъ своего темнаго историческаго дѣтства.

Особенно христіанскія легенды Кавказа переполнены именемъ Тамары. Въ какой бы страшной дичи горъ ни встрѣчалъ я впослѣдствіи каменный крестъ или разрушенную часовню, я неизмѣнно слышалъ, что ихъ воздвигла царица Тамара. Башни обширнѣе и крѣпче дру-

гихъ, мосты, особенно смѣло перекинувшіе черезъ пропасть свои старыя замшившіяся арки, прочно сложенныя стѣны, уцѣлѣвшія на недоступной высотѣ горъ — все это, въ устахъ народа, въ вѣрованіи народа — созданія могущественной и мудрой Тамары. Вотъ какъ воспѣлъ Тамару одинъ изъ бродящихъ грузинскихъ пѣвцовъ-рапсодистовъ, которыми еще по-старинному кишатъ горные уголки Кавказа и которыми еще до сихъ поръ искренно умиляется наивная толпа:

«Это было, когда была и жила царица Тамара, а когда была и жила царица Тамара, то знаетъ весь крещеный грузинскій людъ. Пріѣхала Тамара въ Карталинію, и весело стало въ Карталиніи, встрѣчалъ народъ Тамару, миловала народъ Тамара.

«Ѣхала ли она черезъ деревню — деревня становилась городомъ; пріѣхала ли въ городъ, городъ дѣлался Тифлисомъ. И много людей, крещеныхъ и некрещеныхъ, ѣхало съ нею, князья и дворяне грузинскіе, агалары и беки татарскіе, паши турецкіе...» и т. д.

*
* *

Дарьяльскій замокъ — одна изъ самыхъ замѣчательныхъ историческихъ мѣстностей по своей древности и по своему значенію. Это не что иное, какъ знаменитыя въ лѣтописяхъ древняго міра *Кавказскія ворота*, одно время называвшіяся у римскихъ писателей воротами команъ или половцевъ, кочевавшихъ у сѣвернаго подножія Кавказа и захватившихъ въ свои руки Porta Cumana.

Грузинскіе историки приписываютъ первое основаніе дарьяльскаго замка своему царю Мирвану, который жилъ еще во II-мъ вѣкѣ до Рождества Христова; однако Мирванъ уже засталъ здѣсь ворота, преграждавшія ущелье: онъ велѣлъ заложить ихъ камнями на извести, чтобъ навсегда прекратить черезъ нихъ путь горцамъ и кочевникамъ. Давидъ-Возобновитель въ началѣ «XII-го вѣка, въ числѣ многихъ другихъ военныхъ сооруженій, перестроилъ и это важное укрѣпленіе».

Страбонъ очень вѣрно описываетъ дарьяльскую тѣс-

нину, которую римляне, какъ видно, хорошо знали: «ущелья рѣки, въ концѣ четырехъ дней пути, приводятъ къ берегамъ Араго (т. е. Арагвы), гдѣ неприступная стѣна, прислоненная къ зáмку, преграждаетъ дорогу», говоритъ онъ. Плиній это ущелье называетъ прямо «Кавказскими воротами» и описываетъ его еще точнѣе:

«Между горами, которыя вдругъ разомъ раздвигаются, природа создала съ необычайнымъ усиліемъ проходъ, запертый воротами изъ бревенъ, окованныхъ желѣзомъ, внизу которыхъ течетъ рѣка Диріодорисъ. Сбоку на скалѣ стоитъ зáмокъ Куманіа, достаточно укрѣпленный для того, чтобъ преграждать путь безчисленнымъ племенамъ. У выхода ущелья находится, между прочимъ, иберійскій городъ Армастисъ (т. е. Армази, нынѣшній Мцхетъ)». У древняго грузинскаго историка и географа Вахушты, въ его описаніи Осетіи, дарьяльское укрѣпленіе называется Зрамага, «большимъ и крѣпкимъ зáмкомъ, построеннымъ, говорятъ, царицею Тамарою». Онъ тоже упоминаетъ о воротахъ изъ камней скалы, связанныхъ цементомъ, внизу которыхъ протекала рѣка, и говоритъ, что «онѣ построены грузинскими царями, чтобъ оссы не могли проходить черезъ нихъ безъ ихъ повелѣнія».

Оссы, нынѣшніе осетины, воинственные горцы, населявшіе сѣверный склонъ Кавказа, вели нескончаемыя войны съ Грузіей, то покоряясь ея царямъ, принимая отъ нихъ христіанскихъ священниковъ и правителей, то опять вторгаясь въ ея плодородныя равнины и немилосердно грабя ихъ. Поэтому они также дорожили Дарьяльскимъ проходомъ, какъ ключемъ къ югу и сѣверу, и нерѣдко овладѣвали имъ. Такъ какъ оссы назывались часто аланами, подъ именемъ которыхъ они болѣе извѣстны въ исторіи, то старые арабскіе писа-

тели, какъ Абульфеда и Массуди, называли Дарьялъ воротами «Бабъ-алланъ».

Уже въ V-мъ вѣкѣ оссы защищаются въ Дарьялѣ противъ Давида-Гургаслана, который, по сказанію грузинской хроники, собралъ на равнинахъ Мухрана 100,000 всадниковъ и 60,000 пѣхотинцевъ, кромѣ войска своихъ союзниковъ, съ которыми армія его дошла до 212,000, для отмщенія оссамъ за набѣги и разореніе Карталиніи во время его дѣтства. Дарьялъ былъ взятъ приступомъ, оссы и хазары разбиты на-голову, вся Осетія разорена и выжжена. Во время боя, Вахтангъ, которому было всего 13 лѣтъ, собственноручно убилъ на поединкѣ знаменитаго бойца хазарскаго Тархана и осетинскаго народнаго героя Осбогатара. Разрушенный Дарьялъ и ворота его были возобновлены. Въ VIII-мъ вѣкѣ, арабы, завоевавшіе большую часть Кавказа и обратившіе въ исламъ большинство христіанскихъ горцевъ его, содержатъ въ Дарьялѣ свой гарнизонъ.

Но въ XI-мъ вѣкѣ Давидъ-Возобновитель опять долженъ силою отнимать Дарьялъ у тѣхъ-же оссовъ, которые отказались пропустить черезъ него сѣверныхъ союзниковъ грузинскаго царя, кипчаковъ. Они точно также не пропускали черезъ него впослѣдствіи полчища Чингисхана, прорывавшіяся въ русскую равнину, но были разбиты и покорены монголами. Черезъ Дарьялъ, наконецъ, двигался два раза грозный Тимуръ, оставившій, какъ мы видѣли выше, слѣды свои въ Эльхотово.

Такова историческая важность этой маленькой пустынной скалы, воспѣтой Лермонтовымъ: она служила воротами изъ Азіи въ Европу и изъ Европы въ Азію въ теченіе тысячелѣтій.

*
* *

Впрочемъ, дарьяльская стѣна, заграждавшая «Кавказскія ворота», была не единственнымъ и не исключительнымъ сооруженіемъ въ этомъ смыслѣ. Отъ бере-

говъ Каспійскаго моря до берега Чернаго моря подобныя стѣны и замки тянулись черезъ всѣ сколько-нибудь доступныя ущелья и горные перевалы Кавказскаго хребта. Ихъ строили въ разные вѣка и разные народы. Но всѣ вмѣстѣ они составили оборонительную линію закавказскихъ и горскихъ народовъ отъ нашествія сѣверныхъ кочевниковъ или горцевъ той стороны.

Это былъ обычный способъ всѣхъ древнихъ народовъ защищать свои области. Такою стѣною Китай спасался отъ монголовъ, Южный Крымъ отъ хазаръ, римляне спасали Трояновымъ Валомъ Дакію отъ варваровъ сѣвера и каледонскою стѣною свои британскія владѣнія. Херсонесъ отдѣлялъ свой Гераклейскій полуостровъ стѣною отъ остальнаго Крыма, точно такъ, какъ это дѣлала и Пантикапея. На Кавказѣ эти искусственныя стѣны только облегчали защиту почти вездѣ непроходимой гигантской стѣны, которую воздвигла природа, какъ естественную грань между двумя мірами. Такова, кромѣ Дарьяла, была извѣстная стѣна, преграждавшая Дербентскій проходъ, или «Каспійскія «ворота древнихъ, въ томъ узкомъ мѣстѣ, которое Кавказскій хребетъ составляетъ между собою и моремъ. Восточные писатели называли эти ворота Дербента «воротами воротъ». Я видѣлъ впослѣдствіи, въ древнемъ гелатскомъ монастырѣ, эти кованныя съ циклопическою грубостью тяжелыя ворота, почти источенныя временемъ, хранящіяся среди историческихъ святынь монастыря, какъ трофей побѣды одного изъ грузинскихъ царей.

Толстая, укрѣпленная башнями стѣна, въ которой были вдѣланы эти желѣзныя ворота, начиналась еще въ водахъ моря, на цѣлую милю отъ берега, и шла потомъ черезъ пропасти и скалы до непроходимыхъ вершинъ Кавказа, запирая нѣсколькими другими желѣзными воротами, охраняемыми стражей и башнями, всякую важную горную тропу.

Происхожденіе этой стѣны относятъ къ началу VII-го вѣка до Рождества Христова, эпохѣ нашествія скиѳовъ на Азію и послѣдовавшихъ потомъ походовъ персидскихъ царей на Скиѳію. Остатки другихъ стѣнъ встрѣчаются особенно часто въ западной части Кавказскаго хребта, въ Осетіи и Дигоріи, черезъ страшныя ущелья которыхъ издревле проходили верховыя тропы изъ сѣверныхъ равнинъ въ греческія и римскія колоніи Колхидскаго побережья. Развалины этихъ стѣнъ можно видѣть, напримѣръ, въ ущельяхъ горныхъ осетинскихъ рѣкъ Кизил-дона, Фіаг-дона и Ардона. Наконецъ, у Чернаго моря, стѣна, подобная дербентской, замыкала узкое прибрежное дефиле Гагры.

* * *

Дарьялъ напоминаетъ собою ущелье Рейса подъ Сенъ-Готардомъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ перекинутъ черезъ Рейсъ прославленный Суворовымъ Чортовъ мостъ. Но утесы Сенъ-Готардскаго ущелья все-таки не такъ безотрадны, какъ эти сплошныя тяжкія стѣны дарьяльской тѣснины. Черный цвѣтъ и чугунная тяжесть ея гранитовъ удвоиваютъ впечатлѣніе дикости и безнадежности.

За Дарьяломъ самый разгаръ подъёма. Тутъ сплошь кругомъ настоящая кавказская дичь. Сквозь прорвы влажныхъ, отяжелѣвшихъ тучъ, которыя минутами разгоняетъ вѣтеръ, хмурятся изъ-за ближнихъ утесовъ неоглядной высоты—другіе лысые и бѣлые великаны, толпящіеся другъ за другомъ, безъ конца и счета, словно каждому хочется выглянуть изъ-за плечъ сосѣда и протиснуться впередъ сквозь эти толпы горъ. Тутъ—вы въ полной власти горъ, въ царствѣ горъ. Онѣ у васъ справа и слѣва, назади васъ, впереди васъ, онѣ задвигаютъ за вами узкіе входы ущелья, онѣ распахиваютъ передъ вами, словно ворота неприступной крѣпости, надвинутыя отовсюду высокія стѣны скалъ и про-

пускаютъ васъ впередъ и вверхъ по едва прорѣзанной дорожкѣ, навстрѣчу безумно несущемуся внизъ, неистово ревущему и скачущему Тереку.

Это настоящій духъ горъ, одиноко царящій въ этихъ дикихъ пустыняхъ, наполняющій ихъ звуками и движеніемъ живой жизни. Онъ гложетъ и крошитъ, въ своей ненасытной жадности, ихъ голыя ребра и съ беззаботною шаловливостью тигренка катитъ потомъ эти каменные обломки и обгрызки, играя ими, какъ горстями гороха.

X

Казбекъ и его царство

ТРУДНѢЕ и труднѣе становится лошадямъ. Все выше забирается лента шоссе, лѣпящаяся и вьющаяся вдоль обрывовъ; все ниже и глубже проваливается ложе Терека, съ его хаосомъ камней, пѣны и безумно кружащихся черныхъ водъ. Онъ трубитъ оттуда, со дна своей тѣснины, свою дикую боевую пѣснь, словно угрожая намъ этимъ несмолкающимъ рокотомъ за дерзкое вторженіе въ его горное царство. Уже лысые черепа и темныя, курчавыя вершины, которыя висѣли высоко надъ нами нѣсколько часовъ назадъ, кажутся намъ на одной высотѣ съ изгибами шоссе, и ихъ снѣга, набившіеся въ круглыя впадины, спускающіеся по узкимъ извилистымъ трещинамъ, такъ недавно еще смутно мерцавшіе сквозь туманъ дали, теперь выдѣляются рѣзко, хоть рукою ощупать, среди такихъ-же грубыхъ тоновъ темнаго, угловатаго камня. Мы уже выше многихъ изъ этихъ снѣговъ, измѣннически прокравшихся съ своихъ заоблач-

ныхъ полей вѣчной зимы и вѣчной смерти въ зелень лѣсовъ, къ цвѣтамъ альпійскихъ пастбищъ. Они застряли въ зубьяхъ утесовъ, въ глубокихъ падучихъ скатахъ, въ складкахъ ущелій, и застигнуты здѣсь, какъ ночные воры утромъ, расплавляющими ихъ лучами лѣтняго солнца. Съ веселымъ весеннимъ бульканьемъ обильно и быстро струится изъ нихъ ледяная вода, собирающаяся въ грозные потоки тамъ, ниже, на днѣ ущелій.

Отсюда мнѣ видно потоковъ рожденье,
И грозныхъ обваловъ движенье

невольно шептался самъ собою стихъ Пушкина. Нетолько пейзажъ горъ, лѣсовъ, потоковъ,—самый воздухъ какъ-то суровѣетъ по мѣрѣ подъема. Чѣмъ-то мужественнымъ, терпкимъ и бодрымъ наполняется грудь отъ этого холоднаго дыханія горъ. Какая-то радостная, вѣрующая въ себя, свѣжесть проникаетъ и мускулы, и душу; хочется выпрыгнуть изъ этой укачивающей коляски, бросить въ сторону пледы, зонтики, разслабляющіе разговоры о вещахъ, неимѣющихъ смысла въ этой заоблачной пустынѣ, и вмѣшаться въ толпу поминутно встрѣчающихся намъ, сурово смотрящихъ, сурово молчащихъ всадниковъ, съ живописно накинутыми на плеча мохнатыми бурками, съ выразительно качающимися за спиною такими-же мохнатыми чехлами ружей, чтобъ вмѣстѣ съ ними, на такихъ же ловкихъ, неутомимыхъ коняхъ, спокойно одолѣвать тропинки непроходимыхъ утесовъ, чтобъ пожить вмѣстѣ съ ними, въ этой грозной дичи горъ, общею жизнью орловъ, туровъ и горныхъ потоковъ...

* * *

Станція «Казбекъ» пріютилась подъ сѣнью Казбека. Хотя цѣлое ущелье Терека и цѣлая группа каменныхъ гигантовъ раздѣляютъ ихъ, хотя, перешедши ущелье,

еще нужно много тяжелыхъ часовъ, чтобъ добраться до подошвы Казбека, но все-таки онъ прямо дышетъ сюда своими ледниками, купающимися высоко въ прохладныхъ голубыхъ высяхъ.

Это разстояніе и эти препятствія, важныя для человѣка, не существуютъ для горнаго титана. Казбекъ до такой степени владычествуетъ надъ цѣлою окрестною страною, что все остальное кажется только ступенями его, подножіемъ его царской пирамиды. Много вѣчно бѣлыхъ и голыхъ громадъ толпится около него, какъ вѣрная дружина опричниковъ, и все теряется въ одномъ его всеподавляющемъ, надъ всѣмъ господствующемъ образѣ. Здѣсь только онъ одинъ, Казбекъ; все остальное не имѣетъ ни своей физіономіи, ни своего имени. Онъ наполняетъ собою все, и все носитъ его имя, его черты.

Казбекъ былъ сильно закутанъ облаками, и оттого вершина его, отдѣленная отъ земли въ ясныя высоты неба, казалась неземною.

Однако, на его гребняхъ и скатахъ можно было ясно различить зачинающіяся снѣговыя лавины и каменные обвалы, съ безмолвною угрозою нависшіе надъ пропастями. Казбекъ — страшный и безжалостный владыка. Онъ приноситъ періодическія кровавыя жертвы богу смерти. Прежде его обвалы были гораздо чаще, говорятъ — черезъ каждыя семь лѣтъ; теперь они стали рѣже. Послѣдній обвалъ случился въ 1832 году.

Обвалъ этотъ оборвался совершенно неожиданно на разсвѣтѣ 1-го августа. Онъ завалилъ ущелье Терека на 50 саженъ въ высоту, на пространствѣ двухъ сплошныхъ верстъ. Но и то самая большая масса завала не успѣла скатиться въ Дарьяльскую долину, а застряла въ боковой Девдоракской тѣснинѣ. Теченіе Терека было разомъ прервано; пока онъ бѣшено просасывался и прогрызался сквозь массы обледенѣвшаго снѣга, внезапно задавившаго его, — въ нижней части долины, въ

Ларсѣ, въ Балтѣ, въ Владикавказѣ, жители въ теченіе нѣсколькихъ часовъ спокойно переходили по-суху русло этой страшной рѣки.

Два года обвалъ лежалъ и постепенно таялъ; жаръ южнаго солнца не въ силахъ былъ одолѣть его въ теченіе одного лѣта. Ѣзда происходила въ это время, какъ всегда бываетъ на Кавказѣ при завалахъ ущелій, по временной дорожкѣ сверхъ снѣговъ на своеобразной снѣговой аркѣ, въ глубинѣ которой Терекъ съ свирѣпымъ гуломъ сверлилъ свой двухверстный туннель. Даже въ августѣ 1834 года еще оставались въ долинѣ массы снѣга и льда, которыя засталъ Дюбуа, хотя и стало возможно приступить къ возобновленію дороги.

Съ 80-го года прошлаго столѣтія вообще обрушилось съ Казбека въ Дарьялъ шесть большихъ заваловъ; послѣдніе въ 1808, 1817 и 1832 годахъ; каждый изъ нихъ былъ историческимъ событіемъ своего рода и великимъ народнымъ бѣдствіемъ. Рейнеггсъ разсказываетъ, что 19-го іюня 1776 года, послѣ удушающей жары, разразилась страшная гроза, во время которой обрушился съ Казбека громадный завалъ, на три дня остановившій теченіе Терека. Всѣ деревни верхней долины, даже Гвелеты, которая поднимается на 258 футовъ выше уровня Терека, были залиты и разрушены водою; погибло множество жителей, ихъ скота и имущества.

Только черезъ три дня Терекъ прорвалъ плотину и затопилъ нижнюю долину, уничтожая мосты, жилища, посѣвы. Наводненіе простиралось до самаго Кизляра. Обвалъ 1817 года тянулся на три версты и имѣлъ высоту въ 500 туазовъ; его еще видѣли въ 1820 году.

Обыкновенною дорогою обваловъ служитъ Девдоракская, мрачная, узкая тѣснина, сплошь наполненная разрушеніемъ, тьмою и ужасомъ, впадающая въ Дарьяльское ущелье со стороны Казбека, вмѣстѣ съ бѣшенымъ ручьемъ Девдорака. Девдоракъ—это своего рода

жерло, черезъ которое вылетаютъ чудовищные разрушительные снаряды Казбека. Оглушительный ревъ потока, въ хаотическомъ безпорядкѣ оторванные утесы и камни, нагроможденные другъ на друга по скаламъ и по дну ущелья, недотаявшіе снѣжные завалы, застрявшіе въ камняхъ и щеляхъ, какъ пойманные въ западню ночные хищники,—все это производитъ потрясающее впечатлѣніе, достаточно оправдывающее потерю времени и труда на посѣщеніе этой пустынной долины.

Девдоракскій ледникъ лежитъ около пяти верстъ выше Дарьяла, къ западу отъ него. Это самый грозный и самый опасный изъ восьми ледниковъ Казбека. Онъ одинъ только имѣетъ скатъ къ сторонѣ Терека, и скатъ этотъ чрезвычайно крутъ, такъ что ледникъ поневолѣ спалзываетъ внизъ чаще другихъ. Сначала онъ идетъ нѣсколькими, капризно извивающимися рукавами, потомъ сливается въ одно русло, которое спускается версты на двѣ сплошною ледяною рѣкою до вершины Девдоракскаго ущелья, гдѣ вся эта тяжкая громада нависаетъ надъ нимъ съ своей страшной кручи, на высотѣ 7,500 футовъ, сдавленная, словно узкимъ горломъ, боковыми скалами горы.

Когда накопляется слишкомъ много снѣга въ этомъ ледникѣ, нижнія части его обрываются и съ страшнымъ громомъ рушатся въ Девдоракское ущелье, низвергая по пути скалы и деревья, унося съ собою массы камней, съ каждымъ шагомъ разростаясь и увеличиваясь отъ прилипанья снѣговъ, черезъ которые катится завалъ, пока, наконецъ, онъ не вторгнется въ долину Терека и не засядетъ въ его тѣснинахъ, остановленный каменною грудью окружающихъ его великановъ. Девдоракское ущелье напоминаетъ своею безотрадною дикостью знаменитую Trümletenthal у подножія Юнгфрау, этотъ оригинальный Kegelbahn, по которому ежедневно послѣ полуденнаго зноя дѣва Альпійскихъ горъ имѣетъ обыкновеніе катать свои ужасные шары... Въ послѣд-

ніе годы девдоракскій ледникъ опять зашевелился и сталъ изподтишка спалзывать внизъ.

Въ 62-мъ, 63-мъ, 64-мъ и 67-мъ годахъ посылали къ нему на развѣдки нѣсколько геологическихъ экспедицій, и академикъ Абихъ, неутомимый изслѣдователь Кавказскихъ горъ, производилъ свои наблюденія надъ вѣроломнымъ ледянымъ звѣремъ, подкарауливающимъ такъ давно въ своей горной засадѣ неизбѣжную добычу.

Впрочемъ, и кромѣ Казбека, его сосѣди и подвластные постоянно, каждую зиму заваливаютъ Терекъ. Въ годъ войны, около Млетской станціи была унесена лавиною часть казачьяго полка; недавно обвалъ похоронилъ въ пропасти почтаря съ тройкой. Вообще, подобныя событія не считаются здѣсь чрезвычайными, и рѣдкій зимній или весенній мѣсяцъ проходитъ безъ нихъ. Къ нимъ здѣсь привыкли, какъ къ чему-то неизбѣжному и необходимому, точно такъ-же, какъ и въ Россіи привыкли выгорать каждое лѣто, твердо вѣруя, что иначе и быть не можетъ. Оттого съ декабря по апрѣль переѣздъ по военногрузинской дорогѣ представляется своего рода лотереей. Проѣдешь или нѣтъ—какой билетъ выпадетъ, и, какъ въ каждой лотереѣ, здѣсь пустыхъ билетовъ тоже больше, чѣмъ съ выигрышемъ. Конечно, не всякаго завалъ угодитъ непремѣнно по затылку — это было-бы слишкомъ предусмотрительно со стороны природы, но за то никто не обезпеченъ, что ему не придется прожить импровизацiей нѣсколько недѣль на какой-нибудь уединенной почтовой станціи, пока расчистятъ черезъ завалъ какой-нибудь сносный путь.

Цѣлыя роты линейныхъ солдатъ, стоящія гарнизонами въ крѣпостяхъ военно-грузинской дороги, бываютъ заняты расчисткою заваловъ. Иногда имъ вынуждены помогать и проходящія военныя команды, чтобъ не стоять и не харчиться понапрасну въ пути. Осетины и грузины ауловъ, торчащихъ по скаламъ, вдоль ущелья

Терека, только и живутъ зимнею расчисткою заваловъ да починкою шоссе. Они не могутъ имѣть полей и виноградниковъ въ этомъ царствѣ безплодныхъ скалъ и постояннаго холода. Часто самимъ путешественникамъ приходится пробивать себѣ путь сквозь непочатыя толщи снѣга съ помощью толпы рабочихъ. Съѣдятъ въ нѣсколько дней всю скромную провизію пустынной станціи, подвоза ниоткуда нѣтъ, и вотъ, сорвавъ этотъ жалкій банкъ, поневолѣ должны пробиться хоть на одну станцію дальше, потому что тамъ еще, быть можетъ, не все съѣдено. При этомъ случаются и несчастія, потому что снѣгъ коварно прикрываетъ своими навѣсами обрывы пропасти, которые разступаются подъ неосторожною ногою. Но обыкновенно пускаютъ впередъ коровъ или быковъ, которые плывутъ выше брюха въ снѣгу и проволакиваютъ такимъ образомъ первый слѣдъ, по которому уже безопаснѣе и нѣсколько легче можно идти людямъ. Лошади-же въ этихъ случаяхъ не годятся.

*
* *

Станція Казбекъ построена изъ массивныхъ тесаныхъ камней огромнымъ европейскимъ домомъ, съ балконами для видовъ, съ галереями, въ родѣ старыхъ швейцарскихъ гостиницъ. Цѣлый этажъ нумеровъ приготовленъ въ ней на случай ночлега путешественниковъ, которыхъ ночью не пускаютъ въ рискованный путь. Тутъ можно и поѣсть, какъ на всѣхъ большихъ станціяхъ военно-грузинской дороги, и даже купить цѣлый музей великолѣпныхъ горныхъ хрусталей, толщиною хоть въ руку, оригинальныя друзы и щетки мѣднаго колчедана и сколько хотите живописныхъ турьихъ роговъ, изъ которыхъ грузины такъ недавно еще любили пить вино на своихъ веселыхъ обѣдахъ, обдѣлывая ихъ въ богатыя серебряныя оправы. Горскіе мальчишки, не хуже швейцарскихъ, всю дорогу прыгаютъ около вашего экипажа,

протискивая къ вамъ то кристалъ кварца, то обломокъ какой-нибудь руды и выпрашивая за нее неизбѣжный абазъ.

Казбекъ—это своего рода центръ охоты на туровъ, по крайней мѣрѣ былъ имъ недавно. Туры—это горные кавказскіе козлы, очень близко похожіе на альпійскаго или каменнаго козла, теперь почти повсемѣстно истребленнаго въ Швейцаріи, да и вообще въ Европѣ, исключая самыхъ дикихъ вершинъ Савойи. Туръ величиною съ хорошаго двухгодовалаго теленка, но ловокъ, силенъ и статенъ, какъ олень. Его чрезвычайно толстые и длинные черные рога, изборожденные поперекъ выпуклыми валиками, загибаются круто назадъ и вбокъ, вполнѣ защищая, однако, голову тура своимъ переднимъ, мощнымъ изгибомъ; это выгодное положеніе роговъ заставило такого трезваго натуралиста, какъ Дюбуа де-Монперё, повѣрить въ розсказни горныхъ охотниковъ, будто туръ, избѣгая опасности, бросается въ пропасть прямо на свои рога... Хотя дѣйствительно на убитыхъ турахъ часто попадаются изломанные и согнутые рога, но это можетъ легко объясниться невольными ударами о скалы, среди которыхъ туры живутъ, и постоянными драками самцовъ за самку во время рева.

Охота на туровъ когда-то была любимѣйшимп удовольствіемъ нетолько мѣстныхъ горцевъ, но и владѣтельныхъ князей Закавказья, мингрельскихъ Дадьяновъ, сванетскихъ Дадешкильяновъ и всей вообще кавказской знати, которая надолго отъѣзжала для этого въ дикія горныя мѣстности, славившіяся обиліемъ туровъ, подобно окрестностямъ Казбека.

Впрочемъ, и теперь еще наиболѣе глухія мѣста Кавказа кишатъ турами, и во время моего странствованія по Верхнему Дагестану, въ дикой странѣ дидойцевъ, я убѣдился, что туры тамъ еще ходятъ смѣло, почти не прячась отъ человѣка, табунами въ нѣсколько десятковъ

головъ. Ихъ убиваютъ тамъ очень рѣдко, потому что одному охотнику почти невозможно дотащить на плечахъ убитаго тура по страшнымъ обрывамъ скалъ, а рога ихъ никому не сбудешь на мѣстѣ за самую ничтожную плату. Охота за турами считается одною изъ самыхъ опасныхъ, потому что туры держатся только на самыхъ недоступныхъ вершинахъ, въ сосѣдствѣ ледниковъ. Оттого-же она считается почетнымъ занятіемъ. Но за то охотникъ на туровъ вынужденъ ограничиться одною платонической славою. Среди гвелетцевъ, сосѣдей Казбека, много турьихъ охотниковъ; они смѣлы и сильны до невѣроятности, но всегда оборваны и голодны. Турья охота для нихъ своего рода гибельная страсть. Она дѣлаетъ ихъ нищими, но они не въ силахъ перемѣнить эту, увлекающую ихъ жизнь вольныхъ храбрецовъ, презирающихъ льды, пропасти, усталость, преслѣдующихъ быстраго звѣря въ самыхъ недоступныхъ его убѣжищахъ. Поэзія пустынныхъ горъ и дикихъ лѣсовъ, вѣчная борьба съ звѣремъ и съ природою дороже сердцу горца, чѣмъ даже кусокъ хлѣба.

На заоблачныхъ горныхъ тропинкахъ Кавказа, иногда даже среди пустыни ледника, встрѣчаются своеобразные памятники, то высѣченные, то сложенные изъ камня въ видѣ столбовъ, насыпей и даже христіанскихъ крестовъ, обыкновенно окруженные турьими рогами и другими скудными дарами горца. Эти-же турьи рога неизмѣнно украшаютъ входы древнихъ языческихъ капищъ осетинъ, развалины ихъ христіанскихъ часовенъ и усыпальницы ихъ предковъ. Турьи рога издревле были и, кажется, до сихъ поръ остались самою обычною, самою распространенною жертвою горца своимъ богамъ, въ благодарность за благополучный переходъ черезъ опасныя снѣговыя тропинки или за счастливую охоту. Осетинъ еще искренно вѣруетъ, что на Казбекѣ живетъ горный духъ, сталкивающій охотника

въ пропасти, стерегущій отъ него свои дикія стада, засыпающій обвалами жилище человѣка. Поэтому, въ Девдоракскомъ ущельѣ устроенъ для умилостивленія горнаго духа жертвенникъ, заваленный турьими и оленьими рогами. Есть дни, въ которые жители сосѣднихъ ауловъ собираются къ этому жертвеннику, или *дабѣ*, почтить свое старинное языческое божество пляскою, пѣснями и молитвами...

* * *

Среди туманнаго и холоднаго дня, на этихъ безпріютныхъ высотахъ, по которымъ разгуливалъ насквозь проникающій вѣтеръ, чѣмъ-то мрачнымъ и безжизненнымъ глядѣло почернѣвшее зданіе гостиницы съ ея казеннымъ комфортомъ и казенною пустынностью. Грубый, озлившійся смотритель и такіе-же грубые, озлившіеся ямщики, словно вѣчно голодающіе и зябнущіе въ этой глуши, унылыя избитыя лошади, машинально переступавшія съ ноги на ногу,—все это какъ нельзя болѣе подходило къ общему характеру безпріютности. Пока спутникъ мой, по своему сану воина и обладателя казенной подорожной, угрозами и ругательствами доказывалъ смотрителю свое право на лошадей, я переодѣлся въ теплое платье, застегнулся плотно въ широкій дождевикъ, обвязался башлыкомъ и пошелъ побродить надъ пропастью, на днѣ которой глубоко внизу гудѣлъ смирившійся Терекъ. До жуткости суровая картина стояла кругомъ. Холодъ былъ какъ въ ноябрѣ; дождливый вѣтеръ пронизывалъ насквозь и срывалъ въ пропасть. Порывы бури на высотѣ 10,000 футовъ кажутся страшнѣе, чѣмъ на нашихъ черноземныхъ равнинахъ.

Балконы гостиницы глядятъ прямо въ пропасть, за которою высятся каменныя громады, составляющія авангардъ западной цѣпи главнаго хребта.

Вездѣ еще снѣгъ на лысинахъ, въ провалахъ реберъ,

въ тѣнистыхъ складкахъ подножій, не говоря уже о вѣчныхъ снѣгахъ. Іюнь еще не успѣлъ вконецъ побѣдить зиму на этихъ высотахъ. Какъ разъ напротивъ станціи, по ту сторону Терека, на горѣ страшной высоты, называемой Квенехе-Мта, осѣняемый бѣлымъ саваномъ Казбека, виднѣлся древній грузинскій монастырь Гергети, или Цминда-Самеба, что порусски значитъ Троицкій монастырь. По имени его называется и аулъ, прикурнувшій у подошвы горы, по той сторонѣ Терека. Въ кровавыя времена насилія и вражды, которыя еще такъ недавно миновали для Грузіи, нигдѣ нельзя было иначе пріютиться обители мира, и храмы молитвы волею-неволею обращались въ осадные дворы, въ грозные зáмки. Только благодаря недоступной высотѣ, до сихъ поръ уцѣлѣли въ монастырѣ стѣны съ башенкой и соборъ характерной грузинской архитектуры съ высокою отдѣльною колокольней глубокой древности.

Основаніе этого монастыря приписывается святому, котораго осетины называютъ Гергети и который спасался здѣсь въ заоблачной пустынѣ, наполняя ее славою своихъ чудесъ. Говорятъ, въ монастырѣ этомъ три раза въ годъ бываетъ церковный ходъ и большая служба на Троицу. Грузины твердо чтутъ свои народныя святыни; при моихъ странствованіяхъ по Грузіи мнѣ не попадалось ни одной, самой пустынной часовни, въ которой хоть одинъ разъ въ годъ не собирались-бы богомольцы на какой-нибудь старинный праздникъ.

Въ деревушкѣ Гергети существуетъ интересный патріархальный обычай, едва-ли, впрочемъ, соблюдающійся въ наши дни и связанный съ древнею святынею: каждое семейство долины сноситъ сюда, послѣ жатвы, въ назначенный домъ, по мѣрѣ ячменя на пропитаніе богомольцевъ, во исполненіе священнаго долга гостепріимства.

* * *

Тучи, постоянно наносимыя бурею на темную каменную башню заоблачнаго храма, словно старались снести его на своихъ крыльяхъ въ холодныя пустынныя бездны, по которымъ гнала ихъ буря. Нахмуренная снѣговая пирамида Казбека то выглядывала на мгновеніе въ прорвы тучъ, то опять куталась въ нихъ и обвивала вокругъ своей головы густою чалмою ихъ сѣрую клочковатую ткань.

Съ этой стороны ущелья тоже стоитъ на обрывѣ, въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ станціи, монастырь своего рода. Грузинская церковь уже не въ обычной формѣ восьмиугольной башни, а въ видѣ дома съ маленькою колоколенкой на крышѣ, какъ бываютъ лютеранскія кирки, высится среди довольно обширной крѣпости, фланкируемая съ востока и запада двумя красивыми часовнями. Церковь украшена стѣнною скульптурою въ грузинскомъ вкусѣ, который легко изучить, разсмотрѣвъ даже какія-нибудь пять, шесть грузинскихъ церквей.

Деревня эта, теперь называемая Казбекъ, называлась прежде Степанъ-Цминда, т. е. монастырь св. Стефана. Настоящая церковь ея построена, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, владѣтельницею деревни, изъ старинной фамиліи Цобиханъ-Швили, вдовою генерала русской службы. Мужъ ея храбро служилъ въ русскихъ войскахъ и былъ произведенъ въ генералы во вниманіе къ его знатному роду. А такъ какъ предки его съ древнихъ временъ получили отъ грузинскихъ царей, имѣвшихъ верховныя права на эту долину, титулъ казибека, то, вмѣсто трудно-выговариваемой фамиліи Цобиханъ-Швили, русскіе стали величать Казбекомъ и его, и деревню его, и даже самую знаменитую гору, противъ которой лежитъ деревня. Таково происхожденіе имени Казбека. Мѣстные жители не знаютъ этого имени: грузины называютъ его Мкинвари, осетины — горою Христа или Бѣлою горою. Имя Христа связывается съ

нею множествомъ легендъ, которыя лучше всего доказываютъ, какъ сильно было когда-то укоренено въ этой мѣстности христіанство.

На высочайшей вершинѣ горы, по вѣрованію осетинъ, находится церковь, которую никто не можетъ видѣть грѣшными глазами и въ которой таинственная сила раскинула, безъ веревокъ и подставокъ, шатеръ Авраама, хранящій въ себѣ ясли Спасителя. Несмѣтныя богатства собраны кругомъ этихъ яслей; но коснуться ихъ можетъ рука только великаго праведника. Многіе мечтатели пытались, въ разное время, проникнуть въ это соблазнительное святилище, и не одинъ заплатилъ за это своею жизнью. Даже царь Ираклій посылалъ туда смѣльчаковъ добывать священныя сокровища, но, конечно, безплодно, и одинъ изъ вызвавшихся священниковъ погибъ въ этой безумной попыткѣ.

У подошвы пирамиды Казбека, на краю самаго ледника, дѣйствительно находится, однако, нѣчто въ родѣ первобытнаго монастыря—пещера съ келейками, которую называютъ Виѳлеемомъ и которая посвящена Дѣвѣ Маріи и Младенцу Іисусу. Въ ней прежде жили монахи, чтò извѣстно нетолько изъ преданій стариковъ, но и потому, что въ кельяхъ до сихъ поръ видны жернова, остатки ручныхъ мельницъ и пр. Вблизи пещеры находится большой крестъ, высѣченный изъ камня. Осетины вѣруютъ, что изъ этой пещеры монахи могли взбираться по висящей желѣзной цѣпи въ палатку Авраама. Но простому смертному взобраться туда очень трудно: его одолѣваетъ неудержимый сонъ, и онъ незамѣтно скатывается внизъ.

Впрочемъ, въ 1868 году, несмотря на мистическія легенды, въ пещерѣ этой, на высотѣ 11,000 футовъ надъ уровнемъ моря ночевали смѣлые члены лондонскаго альпійскаго клуба—Фрешвильдъ, Муръ и Теккеръ, вмѣстѣ съ проводниками своими, неустрашимыми жите-

лями ближайшей къ Казбеку заоблачной деревни Гвелеты.

Англичане совершили оттуда въ 9½ часовъ свой опасный и тяжелый подъемъ на ледяную пирамиду горы и достигли ея высочайшей точки почти на 17,000 футовъ, цѣпляясь руками и ногами за неровности крутаго ледянаго ската. Въ одномъ мѣстѣ Теккеръ поскользнулся и полетѣлъ въ пропасть внизъ головой, но такъ какъ смѣльчаки были связаны другъ съ другомъ веревкой, то товарищамъ его, удержавшимся на ногахъ, удалось вытащить его. Двое гуледцевъ (или гвеледцевъ) слѣдовали издали за альпійскими лазунами и также добрались до вершины Казбека. Къ сожалѣнію, ни тѣ, ни другіе не удостоились видѣть палатки Авраама и яслей Спасителя.

Старыя башни крѣпости Степанъ-Цминды значительно пострадали; но ими все-таки воспользовались, чтобъ устроить около нихъ новое, уже русское укрѣпленіе, въ которомъ стоитъ линейная команда, оберегающая перевалъ и занятая всю зиму расчисткою снѣговъ, препровожденіемъ этаповъ и проч. Въ обстановкѣ суровыхъ горныхъ твердынь и суроваго, дождливаго дня, крѣпость эта съ своими полуобглоданными средневѣковыми башнями имѣетъ какую-то грозную живописность.

Кругомъ старой крѣпости на далекое разстояніе зеленая горная площадка покрыта какими-то циклопическими кучами камней, сложенными будто въ скирды. Говорятъ, это осетинскія могилы, оставшіяся послѣ давно выселившагося аула; иныя изъ нихъ, по величинѣ, немного больше обыкновенной могильной насыпи, другія — цѣлые холмы. Эти холмы — могилы знатныхъ и богатыхъ людей, которыхъ особенно уважали жители и на гробъ которыхъ каждый считалъ необходимымъ притащить побольше камней. Такимъ образомъ, сравнительное значеніе людей выражалось при похоронахъ

здѣшнихъ горцевъ съ осязательною наглядностью самыми размѣрами того грубаго памятника, который воздвигался общиною каждому члену ея. И на томъ берегу Терека въ разныхъ мѣстахъ виднѣются эти первобытныя гробницы, еще всецѣло напоминающія собою эпоху долменовъ и друидическихъ камней.

Впрочемъ, этотъ способъ погребенія въ настоящее время гораздо чаще встрѣчается у кабардинцевъ и черкесовъ, чѣмъ у осетинъ, которыхъ гробницы устраиваются по гораздо болѣе совершенному типу. Поэтому вѣроятнѣе, что старыя кладбища Степанъ-Цминды принадлежатъ какому-нибудь другому горскому племени, но не осетинамъ. Около той-же деревни Гергети, на громадномъ валунѣ, сдвинутомъ ледникомъ Казбека, зеленѣетъ своими березами древняя священная роща осетинъ.

По всему видно, что ущелье было когда-то гораздо населеннѣе. Однако, и теперь на той сторонѣ чернѣютъ кое-гдѣ слоящіяся дырья ауловъ, едва отличныя отъ мрачнаго тона скалъ, къ которымъ онѣ прилѣплены. Ученые и путешественники нерѣдко удивляются пещернымъ городамъ и задаютъ себѣ вопросы о ихъ происхожденіи, объ оригинальномъ народѣ, жившемъ въ этихъ каменныхъ норахъ, которыми, кстати сказать, переполнена и долина Терека отъ Ларса до Коби. Но кто видѣлъ аулы кавказскаго горца, особенно безотрадные аулы Дарьяла и Коби, тотъ сразу пойметъ, что между горскою саклею и пещерою почти нѣтъ разницы ни по общей идеѣ постройки, ни по доставляемому ими комфорту. Горская сакля—это та-же пещера, темная, низкая, съ единственнымъ входомъ спереди, нисколько ненуждающаяся ни въ свѣтѣ, ни въ просторѣ, тѣсная дыра, куда можно влѣзть и полежать во время дождя и зноя; только двѣ боковыя стѣны ея навалены рукою человѣка изъ осыпей скалъ, а не выбиты имъ въ толщѣ

горы. Жителю сакли стать жителемъ пещеры не составляетъ никакого вопроса, такъ что гипотеза объ особенномъ первобытномъ народѣ, строителѣ пещеръ, троглодитахъ, является, по меньшей мѣрѣ, излишнею. Этимъ троглодитомъ продолжаетъ быть каждый осетинъ, каждый лезгинецъ. Недаромъ старая грузинская хроника считаетъ своего перваго миѳическаго царя, Картлоса, основателемъ именно пещернаго, а не другаго какого города. Жилища горныхъ осетинъ, въ сущности, такъ-же просты, какъ и ихъ могилы: это куча ничѣмъ несвязанныхъ между собою камней, въ которой оставлено отверстіе для входа человѣку. Не украшаются они никакою галерейкою, никакими лѣсенками, какъ сакли другихъ жителей, и почти не имѣютъ дерева въ составѣ постройки. Вообще они еще проще, бѣднѣе, такъ сказать — животнѣе, то-есть ближе къ звѣриной норѣ, чѣмъ сакли ущелій, болѣе близкихъ къ равнинамъ.

***

Отъ станціи Казбекъ, по дорогѣ въ Коби, подъемъ дѣлается еще сильнѣе, аулы горцевъ попадаются еще чаще; тутъ, впрочемъ, живутъ не одни осетины, но и горные грузины. Все чаще виднѣются въ этихъ аулахъ и высокія, слегка съуженныя кверху, четыреугольныя башни, типическія сооруженія горнаго Кавказа.

Башни эти, какъ и сакли, сложены изъ грубыхъ круглыхъ валуновъ, грудами которыхъ Терекъ заполоняетъ свое русло и свои берега, или изъ большихъ обломковъ чернаго сланца, связанныхъ цементомъ; съ глубокой древности башни эти служили жилищами горцевъ, конюшнями для скота ихъ, хранилищемъ всѣхъ ихъ запасовъ, хлѣба, сѣна, дровъ. Въ глуши Кавказскихъ горъ, какой-нибудь Дигоріи или Сванетіи, существуютъ башни, въ которыхъ одно и то-же семейство живетъ безвыходно цѣлыя столѣтія сряду. Иногда

эти башни имѣютъ до шести этажей и громадную величину, такъ что нынѣшніе жители самую постройку ихъ приписываютъ великанамъ. Случается, что въ такихъ древнихъ башняхъ помѣщается уже не одна семья, а въ нѣкоторомъ смыслѣ цѣлый родъ—пять, шесть братьевъ съ женами и дѣтьми, подъ управленіемъ какого-нибудь старика-патріарха, отца или дѣда.

Большею частью, кромѣ башенъ аула, на какомъ-нибудь утесѣ, владычествующемъ надъ окрестностью, стоитъ еще отдѣльная башня, остатокъ прежней крѣпостцы, куда спасались въ крайнемъ случаѣ послѣ взятія аула и которая, въ то-же время, запирала выходъ какой-нибудь долинки. Много, конечно, видовъ видали эти замшившіяся башни, растерявшія свои каменные зубы, и, конечно, не одна русская кровь напитала вокругъ нихъ эту безплодную почву.

Долина, несмотря на высоту, дѣлается шире и теченіе Терека спокойнѣе.

На отвѣсномъ мысѣ скалъ, словно составленномъ изъ сплошныхъ колоннъ глинистаго сланца, котораго слои въ этомъ мѣстѣ перевернуты торчмя, высится опять старая крѣпость Сіонъ съ очень заостренною высокою башнею, съ цѣлымъ ауломъ въ стѣнахъ. Храмъ этой крѣпости опять особой, также очень характерной формы; на Кавказѣ можно встрѣтить множество древнихъ церквей, грузинскихъ и армянскихъ, такой-же формы. Форма эта — длинное домообразное зданіе, верхняя часть котораго, въ видѣ втораго этажа, съужена противъ нижней на всемъ своемъ протяженіи и которое потому имѣетъ двойную крышу. Какъ-разъ напротивъ Сіона, отдѣленныя отъ него русломъ Терека, развалины Георги-Цихе, съ церковью, стѣнами и башнями, который вмѣстѣ съ Сіономъ привлекалъ когда-то къ себѣ толпы грузинскихъ богомольцевъ.

Отъ Казбека до Коби Терекъ течетъ по ярко-цвѣт-

ному грунту. Всѣ камни, хаотически наваленные въ ущельѣ, висящіе на обрывахъ скалъ—какого-то мрамовиднаго краснаго и зеленоватаго порфира. Осыпи скалъ иногда малиновыя, какъ чистая мумія, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рѣка размываетъ яркую, какъ сурикъ, глину, такъ что цѣлые ручьи ея текутъ по берегамъ и среди мутныхъ волнъ Терека. Котловиною Коби кончается долина Большаго Терека, извѣстная у грузинъ подъ именемъ Хеви и начинающаяся отъ Дарьяла; въ Коби сливаются въ одно всѣ три верховья Терека и дальше дорога уже идетъ русломъ Урсъ-Дона, Малаго Терека, до самой Крестовой горы.

Однако, и Коби еще не высшая точка перевала. Только недоѣзжая немного до станціи Гудауръ, стоитъ всѣмъ знакомый каменный крестъ, который молча говоритъ путешественнику, настрадавшемуся подъемомъ, что онъ, наконецъ, на самой вершинѣ Крестовой горы, что сейчасъ начинается такъ долго ожидаемый спускъ. Крестъ этотъ поставленъ, въ 1824 году, генераломъ Ермоловымъ, проложившимъ военно-грузинскую дорогу; но всѣ почему-то считаютъ его крестомъ Петра-Великаго, который никогда не былъ на перевалѣ. Это заблужденіе раздѣляетъ даже такой, въ высшей степени точный и капитальный ученый, какъ Дюбуа де-Монпере.

XI

Долина Арагвы

Мы переночевали четыре часа на станціи Гудауръ подъ скверными холодными сводами общей комнаты, напоминавшей пещеру Борея, и, не выспавшись, едва напившись чаю, сѣли опять въ коляску. Чудная пано-

рама, неожиданно охватившая насъ, тотчасъ-же прогнала сонливость и пасмурное настроеніе духа. Небо совершенно расчистилось къ утру и хотя солнце еще не всходило, но всѣ гребни снѣговыхъ горъ, дотолѣ отъ насъ закрытые, вырѣзались на холодной синевѣ неба ясно и отчетливо, какъ свѣже-отчеканенное серебро...

Перевалъ черезъ Кавказскій хребетъ былъ совершонъ, сѣдые великаны глядѣли уже на насъ сзади, холодный сѣверякъ, пробиравшій насъ все время въ продолженіе подъема, теперь остался по той сторонѣ хребта, а подъ нашими ногами уже ширились другія, болѣе привѣтливыя и обильныя долины. Въ лицо уже дышалъ теплый вѣтеръ Грузіи, уже глядѣло въ глаза ласковое небо юга. На всей военно-грузинской дорогѣ нѣтъ мѣста, болѣе поразительнаго по красотѣ и рѣзкости впечатлѣній, какъ спускъ отъ Гудаура къ Млетамъ по Земомлетской долинѣ.

Снѣговые великаны Кавказа съ своими вѣчными полями фирна, съ своими синѣющими ледниками, кажется, стоятъ здѣсь прямо за вашими плечами, такъ близко и ясно, что хочется рукой тронуть, а вы съ головокружительною быстротою уноситесь отъ нихъ внизъ по какой-то безконечно развивающейся каменной спирали, которая, повидимому, постоянно возвращаетъ васъ все къ тѣмъ-же видамъ, все къ тѣмъ-же мѣстамъ, а между тѣмъ, на дѣлѣ вы неудержимо летите на дно глубокой и роскошной долины, гдѣ шумитъ Арагва, передовой вѣстникъ Грузіи...

Въ нашу тяжелую коляску впряжено, вмѣсто четверика, всего двѣ лошади, но и на нихъ мы несемся внизъ съ захватывающею духъ быстротою цѣлыя 15 верстъ. Только замѣчательная крѣпость ногъ и изумительная поворотливость здѣшнихъ почтовыхъ лошадей могутъ выдержать эту безостановочную скачку, гдѣ

приходится на всемъ бѣгу поворачивать подъ острымъ угломъ почти прямо назадъ, на параллельные изгибы шоссе, притомъ надъ страшною пропастью, ничѣмъ отъ насъ незаслоненною. Малѣйшая неосторожность ямщика, малѣйшая неловкость лошади—и тяжелый экипажъ, разогнавшійся маршъ-маршемъ съ десятиверстной высоты, полетитъ вверхъ колесами на какомъ-нибудь остромъ поворотѣ зигзага. Случаи эти дѣйствительно бываютъ, хотя и нечасто. Многіе нервные люди, особенно женщины, совершенно не въ состояніи выдержать этихъ головокружительныхъ впечатлѣній.

Красота Земомлетской долины увеличивается еще отъ того, что ее видишь отсюда буквально съ высоты птичьяго полета, по всей широтѣ и длинѣ ея, въ каждомъ ея потаенномъ изгибѣ. Мѣстами она расширяется въ цѣлыя обширныя котловины, густо засѣянныя, покрытыя полями, жилищами, стадами овецъ. Аулы тутъ уже не черныя, низкія норы изъ кусковъ шифера, а настоящіе каменные дома бѣловатаго известняка, наподобіе просторныхъ башенъ, съ конюшнями въ нижнемъ этажѣ, съ жильемъ наверху, съ плоскою крышею, наполовину прикрытою навѣсомъ. Есть дома въ три этажа, не считая верхняго навѣса. Эти аулы, однако, также крѣпки и неприступны, также гнѣздятся на выступахъ и мысахъ, защищаемыхъ отвѣсными обрывами, иногда на одуряющей высотѣ скалъ, торчащихъ выше облаковъ. Вокругъ нихъ, по каждому доступному склону, на всѣхъ холмахъ и низинахъ, нерѣдко на опасныхъ рѣзко скошенныхъ скатахъ горъ, вспаханы поля пшеницы, проса, ячменя. Зажиточность, приволье, трудолюбіе глядятъ уже здѣсь во всемъ. Овцы здѣсь особой горской породы, блѣдножелтаго цвѣта, часто съ каштановыми ушами, маленькія, шелковистыя до-нельзя. Козы еще болѣе мягки и нѣжны шерстью. Неудивительно,

что горская женщина умѣетъ приготовлять изъ этого овечьяго шелка свои дорогія, тонкія ткани.

Серебряная нить Арагвы постоянно провожаетъ насъ, внизу долины, постепенно дѣлаясь серьезнѣе.

Маленькія мельницы-колотушки, похожія на каменныя собачьи конуры, безъ оконъ, куда нельзя, кажется, влѣзть иначе, какъ на четверенькахъ, то и дѣло задерживаютъ теченіе рѣки, которая съ шумомъ и пѣною вырывается изъ этого минутнаго заточенія. Такая мельница съ своимъ стоячимъ валомъ и крошечнымъ жерновомъ въ состояніи смолоть за цѣлый день всего какія-нибудь четыре, пять мѣръ зерна; но для скуднаго хозяйства горца и для скромнаго апетита его годенъ даже такой полуигрушечный заводъ.

* * *

Все люднѣе и люднѣе дѣлается дорога. Непрерывною нитью, какъ наши великорусскіе обозы по старымъ почтовымъ дорогамъ, тянутся изъ Тифлиса въ Владикавказъ и изъ Россіи въ Тифлисъ нагруженныя двухколесныя арбы на быкахъ и буйволахъ, верховыя и пѣшія толпы. Часто на одной маленькой лошади видишь двухъ всадниковъ, мужчину съ женщиною или ребенкомъ. Осетины и грузины военно-грузинской дороги живутъ извозомъ гораздо болѣе, чѣмъ скудною нивою. Ихъ не обминешь ни днемъ, ни ночью, на всемъ пространствѣ этой дороги, и въ опасныхъ мѣстахъ Дарьяла или Земомлета встрѣча съ ихъ неуклюжими повозками бываетъ иногда очень непріятна и неудобна, хотя они всегда дадутъ вамъ безопасную сторону дороги, а сами съ невозмутимымъ хладнокровіемъ ссунутъ свою арбу едва не въ пропасть. Болѣе всего возятъ они хлѣбъ, дрова и вино. Я въ первый разъ видѣлъ здѣсь бурдюки. Кажется, цѣлыя туши буйволовъ лежатъ попарно на громадныхъ дрогахъ арбы и трепещутъ отъ сотрясенія колесъ, словно живыя; это бьется въ нихъ

вино, ихъ новая кровь. Есть бурдюки гораздо меньше, изъ кабановъ; есть очень маленькіе, изъ козъ и даже козлятъ. Они вымазаны внутри по мездрѣ нефтью, и запахъ этой нефти, вмѣстѣ съ жиромъ мездры всегда немного сопутствуетъ бурдючному вину. Это серьезное неудобство бурдюковъ, незамѣчаемое, впрочемъ, туземцами; зато бурдюки гораздо лучше сохраняютъ вино въ жаркое время, не трескаются, не даютъ утечки и усышки. Сверхъ того, по мѣрѣ опорожненія, бурдюкъ можетъ перетягиваться, не оставляя пустоты для воздуха. Бурдюкъ незамѣнимъ также при перевозкѣ вина вьюкомъ черезъ горы. Наливаютъ вино изъ бурдюка, развязывая одну изъ лапокъ его. Однако, хорошія кахетинскія вина, идущія въ Россію, какъ, напримѣръ, цинондальское и мухранское, уже вовсе не знаютъ бурдюка, во избѣжаніе его запаха и его жира.

Какъ-разъ у станціи Анануръ замѣчательный древній монастырь, играющій роль въ исторіи Грузіи; сюда нерѣдко укрывались въ опасныя минуты грузинскіе цари, какъ, напримѣръ, злополучный Ираклій. Съ задняго крылечка станціи можно отлично срисовать соборъ и старыя башни монастырской крѣпости. Соборъ типической національной архитектуры, восьмиугольный, съ восьмиугольною же пирамидальною крышей, съ очень высокими и очень узкими щелями оконъ, приноровленныхъ къ осадѣ, съ низенькимъ, мало замѣтнымъ крестомъ на верху, такъ рѣзко отличающимся отъ высоко приподнятыхъ, смѣло сверкающихъ крестовъ нашей православной родины. Въ этомъ ускромненіи размѣровъ креста, конечно, сказалась историческая необходимость, постоянная неувѣренность грузинъ въ своемъ правѣ христіанской молитвы, постоянная потребность прятать и принижать все свое среди облегавшаго ихъ кругомъ и неутомимо тѣснившаго ихъ мусульманства. Строго-крестообразное зданіе храма и высѣченные на

наружныхъ стѣнахъ огромные кресты, деревья, змiи, грызущiе свой хвостъ, львы на цѣпяхъ и другiя христiанскiя и нехристiанскiя эмблемы составляютъ также обычное условiе стараго грузинскаго храма.

Ананурская крѣпость занимаетъ вершину скалы, поднимающейся посрединѣ тѣснаго ущелья. Она издревле служила Грузiи ключомъ, запиравшимъ съ юга входъ и выходъ горнаго перевала, откуда обыкновенно спускались въ равнины Грузiи не только хищные горцы Кавказа, но и степные кочевники донскихъ, кубанскихъ и кумскихъ степей, пробивавшiеся черезъ Дарьялъ. Анануръ былъ въ этомъ смыслѣ передовымъ редутомъ Мцхета.

Оттого правители, или эриставы Арагвы, пребывавшiе въ Ананурѣ, всегда считались одними изъ важнѣйшихъ феодаловъ Грузинскаго царства. Отъ этого титула эристава произошла столь распространенная въ Грузiи фамилiя князей Эристовыхъ. Эриставы Арагвы построили въ ананурской крѣпости, въ XVII-мъ столѣтiи, эти два прекрасные храма, въ которыхъ еще хранятся гробницы нѣкоторыхъ изъ эриставовъ, покрытыя грузинскими надписями. Во время постоянныхъ усобицъ сосѣднихъ эриставовъ, Ксана и Арагвы, при послѣднихъ слабыхъ царяхъ Грузiи, лезгины, приглашенные ксанскимъ эриставомъ, въ 1737 году, послѣ жестокаго боя съ эриставомъ Арагвы, Бардзигомъ, взяли приступомъ Анануръ и разграбили его храмы, оставивъ цѣлыми только стѣны. По обычаю мусульманъ, они выкололи кинжалами глаза всѣмъ святымъ, нарисованнымъ на стѣнахъ, что̀ можно видѣть, впрочемъ, далеко не въ однихъ ананурскихъ храмахъ, а вездѣ, куда только проникалъ мечъ Мохамеда, какъ убѣдился я потомъ при посѣщенiи древнихъ христiанскихъ святынь Закавказья.

Воинственный Анануръ недаромъ назывался въ

прежнее время, подъ владычествомъ персовъ, «крѣпостію черныхъ щитовъ» (Каракалканкале). Дикіе пшавы, тушины и хевсуры, жившіе въ верхнихъ ущельяхъ Арагвы и пососѣдству ея, сохранившіе до сихъ поръ въ своемъ вооруженіи стальные круглые щиты и весь вообще картинный боевой доспѣхъ средневѣкового рыцаря, отъ шлема съ затыльникомъ и кольчуги до расписныхъ налокотниковъ, бердышей и перьяниковъ, были обыкновенно главными защитниками Ананура противъ невѣрныхъ.

Эти горскіе христіане, болѣе дикіе, чѣмъ самые лезгины, даже болѣе храбрые и болѣе ловкіе, чѣмъ они, питаютъ непримиримую, вѣковую ненависть ко всѣмъ мусульманскимъ горцамъ, когда-то также бывшимъ христіанами, но потомъ отступившимъ отъ вѣры отцовъ. Тушины, пшавы и хевсуры, напротивъ, преисполнены непоколебимой привязанности къ религіи предковъ, хотя и въ самомъ безобразномъ, почти языческомъ искаженіи ея. На латахъ ихъ, мечахъ и щитахъ еще до сихъ поръ попадаются красные кресты крестоносцевъ и итальянскія надписи, которые мнѣ лично удалось видѣть. Исторія не разъясняетъ, однако, этого загадочнаго обстоятельства. Просто ли оружіе это было продано когда-то генуэзскими и венеціанскими колонистами, обитавшими нѣсколько столѣтій на кавказскомъ берегу Чернаго моря и производившими дѣятельную торговлю съ горцами, или же это дѣйствительно затерянное воспоминаніе о какой-нибудь партіи авантюристовъ-крестоносцевъ, отбившейся отъ своихъ и утвердившейся въ горахъ Кавказа на защиту креста отъ полумѣсяца. Преданія подобнаго рода существуютъ во многихъ племенахъ и мѣстностяхъ Кавказа, но распутать истину едва-ли когда-нибудь удастся...

Отъ Ананура до Душета стелется прелестная страна

большихъ холмовъ, то лѣсистыхъ, то населенныхъ и, сравнительно, хорошо обработанныхъ, напоминающая предгорія Крыма и Южной Германіи. На домахъ уже являются соломенныя и другія крутыя крыши, вмѣсто плоскихъ кровель аула; грецкій орѣхъ, винная ягода, шелковица на каждомъ шагу пріосѣняютъ дорогу; золотыя поля густой пшеницы и ячменя, сѣнокосы, покрытые цвѣтущими кустами бѣлаго шиповника и коврами краснаго мака, очаровательные хуторки и деревни по холмамъ, яркія птицы среди деревьевъ— все говоритъ глазу, что грозная дичь окончилась, что вы въѣзжаете въ страну обилія и спокойствія. Старый городокъ Душетъ остается нѣсколько въ сторонѣ отъ станціи и хорошо виденъ оттуда съ своими чистенькими каменными домиками и своею старою сторожевою башнею.

Башня близъ Душета, въ имѣніи Чиляева, замѣчательность своего рода. Это уже не четырехугольная и несъуженная кверху башня, какъ бо́льшая часть башенъ въ горахъ. Башни грузинскихъ равнинъ почти всегда круглыя, строго цилиндрическія. Такова же и душетская. Въ ней четыре этажа, считая верхній, открытый, со сводами, нишами, лѣстницами, со входомъ на половинѣ высоты, такъ что въ нее можно влѣзть только съ крыши сосѣднихъ строеній.

Сейчасъ видно, что башня была обитаема постоянно, а не только во время осады. Въ ней и камины, и штукатуренныя стѣны, въ одномъ этажѣ раскрашенныя краснымъ, зеленымъ, синимъ и желтымъ цвѣтомъ, а надъ одною дверью высѣченъ большой крестъ.

Глядя на правильную кладку этой башни, на ея крѣпкіе своды и стройныя архитектурныя линіи, я невольно вспомнилъ древнія римскія башни, которыхъ я много видѣлъ въ долинѣ Роны, на берегахъ Женевскаго озера и въ разныхъ мѣстахъ южной Франціи.

Ничего нѣтъ мудренаго, что какой-нибудь Помпей, построившій каменный мостъ черезъ Куру во Мцхетѣ, въ самомъ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Душетомъ, выстроилъ нѣсколько башенъ у подошвы Кавказскихъ горъ.

Около Душета, съ одной стороны сверкаетъ озеро, довольно рѣдкое въ этихъ мѣстахъ, съ другой—высится, въ видѣ крѣпостцы, съ зубцами, за̀мокъ одного изъ богатыхъ мѣстныхъ помѣщиковъ, Чиляева. Вообще, помѣстья попадаются все чаще, духаны встрѣчаются на каждомъ шагу, и вездѣ около нихъ праздная толпа. Духанъ—это характерное грузинское учрежденіе: это разомъ и кабакъ, и лавка, и постоялый дворъ; длинный, очень низкій домикъ, съ открытою галлереей на столбикахъ по переднему фасаду, чаще всего съ плоскою земляною крышей, на которой всякая всячина,—вотъ наружный видъ духана. Войдите подъ навѣсъ, гдѣ валяются пустые боченки и бурдюки: передъ вами дверь посрединѣ и широкое окно, обвѣшанное товаромъ, въ которомъ сидитъ, поджавъ ноги, хозяинъ. Тутъ все: вино и водка, соленый мѣстный сыръ и прѣсный мѣстный хлѣбъ, копченый балыкъ, безъ котораго не обходится ни одинъ духанъ, и сырая баранина, стеариновыя свѣчи, папиросы, мыло, фаянсовая посуда. Войдите въ темную, безъ оконъ, всегда прохладную комнату, гдѣ на деревянныхъ тафтахъ постоянно найдете много народа и можете заказать себѣ изжарить шашлыкъ или сварить жидкій кулешъ изъ пшена на очагѣ, который тутъ же, посреди комнаты, даже безъ всякаго отверстія наверху для дыма. Только желѣзный крюкъ виситъ на цѣпи для котелка. Такова вообще внутренность всякой здѣшней сакли; ни горцы, ни грузины не стѣсняются дымомъ разведеннаго огня, вокругъ котораго можно погрѣться въ дождь и холодъ и отъ котораго можно безъ труда отодвинуться въ жаркое время.

XII

Древній Мцхетъ

НИЖЕ Душета начинается область винограда, хотя несомнѣнно, что она могла бы быть и гораздо выше; но плодовыхъ садовъ еще не видно. Направо отъ дороги, переваливъ черезъ небольшой гребень, попадешь въ долину Мухрана, знаменитый центръ карталинскаго винодѣлія, вино котораго, въ послѣднее время, качествомъ своимъ едва-ли не превзошло прославленныя вйна Кахетіи,. цинондальское и другія. Дорога роскошно окаймляется розами, хмѣлемъ, ежевикою и всякими яркими цвѣтами и кудрявою растительностью; пшеница валится отъ густоты и дождей, вся также испещренная цвѣтами.

Мы уже почти совсѣмъ спустились къ берегамъ Куры и теперь въѣзжаемъ въ широкую великолѣпную котловину, обставленную цѣлою панорамою горъ и холмовъ, увѣнчанныхъ развалинами зáмковъ и древнихъ крѣпостей Наозы, Нацикварп и другихъ. Арагва уже нѣсколько отошла отъ насъ влѣво, чтобъ броситься въ Куру; намъ видно теперь ущелье Мцхета, прорѣзанное, какъ ворота, мощнымъ русломъ Куры.

Древній храмъ Степанъ-Цминда вырѣзается съ поразительною величественностью на высокихъ, обрывистыхъ скалахъ того берега Арагвы, откуда онъ виденъ за много верстъ, и въ золотистомъ туманѣ заката, на фонѣ сухаго, горячаго неба, напоминаетъ мнѣ какую-то давно забытую библейскую святыню Палестины. Самъ Мцхетъ, эта многострадальная столица древней Грузіи, на правой сторонѣ Куры, при самомъ впаденіи Арагвы. Его крѣпость, хотя полуразрушенная, постарому преграждаетъ узкую тѣснину, по ко-

торой идетъ дорога изъ горъ и въ горы. Два древніе храма, какъ два брата, похожіе на храмъ ананурскій, на сіонскій храмъ Тифлиса, на гелатскій, кутаисскій и многіе другіе, видѣнные мною потомъ историческіе храмы Грузіи, составляютъ почти единственное украшеніе и единственную достопримѣчательность теперь крошечнаго городка, тѣсно сбившаго въ кучу свои плоскокрышія сакли, ничѣмъ ненапоминающія современнаго города, надъ бурыми, какъ смола густыми, волнами быстронесущейся Куры. Одинъ храмъ, поновѣе видомъ, это Свети-Цхвели, такая-же религіозная и историческая святыня грузинъ, какъ для насъ русскихъ какой-нибудь Успенскій соборъ въ Москвѣ; только сравнительно съ древностью мцхетскаго храма, какъ и вообще всѣхъ реликвій Кавказа, древность нашего Успенскаго собора, построеннаго Аристотелемъ Фіоравенти въ XV-мъ столѣтіи, должна показаться младенческимъ возрастомъ. Разница ихъ лѣтъ,—ни болѣе, ни менѣе какъ одиннадцать столѣтій. Это была первая церковь Грузіи. Ее построилъ еще царь Миріанъ, обращенный въ христіанство стятою Ниною, въ началѣ четвертаго вѣка. Но послѣ разгрома Грузіи Тамерланомъ оба мцхетскіе собора и вообще весь Мцхетъ обращены были въ груды камней, какъ передаетъ грузинская лѣтопись; вслѣдствіе чего, грузинскій царь Александръ, въ началѣ XV-го вѣка, вновь выстроилъ оба собора по старому плану. Въ настоящій же свой видъ мцхетскій соборъ приведенъ уже въ XVIII-мъ столѣтіи, при извѣстномъ царѣ-историкѣ, Вахтангѣ V-мъ.

Почти той-же участи подвергся и другой храмъ Мцхета, болѣе древній на видъ, находящійся всего въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ главнаго храма, въ женскомъ монастырѣ Самтавро, и построенный немного спустя послѣ храма Миріана, преемникомъ его Мирдатомъ. Оба храма, какъ я уже сказалъ, типической гру-

зинской архитектуры, которая повторяетъ себя съ поразительною настойчивостью въ грузинскихъ и даже армянскихъ церковныхъ постройкахъ самыхъ различныхъ вѣковъ, отъ четвертаго вѣка до нашихъ дней, во всѣхъ углахъ бывшихъ грузинскихъ владѣній, отъ Чернаго моря до Каспійскаго.

Это восьмиугольная башня изящныхъ размѣровъ, издали кажущаяся почти круглою, съ пирамидальною восьмиугольною же крышею, съ очень длинными и очень узкими окнами по всѣмъ восьми фасамъ башни, съ четырьмя низкими придѣлами, въ формѣ креста, изъ которыхъ папертъ нѣсколько длиннѣе остальныхъ. Внутри высокіе своды благороднаго стиля, арки, ниши.

Снаружи, огромные тесаные камни зеленаго порфира, изъ которыхъ сложены соборы, украшены рѣзьбою, карнизами и различными фигурами.

Много древнихъ и новѣйшихъ царей похоронено въ главномъ мцхетскомъ соборѣ. Тутъ и прославленный Вахтангъ-Гургасланъ, и Давидъ, сынъ Лахи, и Дмитрій-Тавдадебули, и Симонъ, и Георгій, и много другихъ. По обѣимъ сторонамъ иконостаса мраморныя гробницы Ираклія и Георгія, послѣднихъ царей грузинскихъ, воздвигнутыя по повелѣнію императора Александра I-го на мѣстѣ прежнихъ грубыхъ кирпичныхъ возвышеній. Остальныя гробницы — просто плиты, вдѣланныя въ полъ, съ полустертыми надписями. Католикосы Грузіи тоже почиваютъ во мцхетскомъ соборѣ.

Главная религіозная достопримѣчательность этого собора, дѣлавшая изъ него такъ долго центральную святыню цѣлой Грузіи, — это часовня съ каменнымъ столомъ, на которомъ въ прежнее время хранился нешвенный хитонъ Спасителя. Часовня эта покрыта древними надписями, греческими и грузинскими, очень интересующими археологовъ. Въ храмѣ Самтавро, который немного меньше главнаго собора, также указываютъ во

дворѣ развалившуюся маленькую часовенку самой грубой каменной кладки, будто-бы построенную еще св. Ниною, просвѣтительницею Грузіи, а недалеко отъ нея развалины дворца Вахтанга-Гургаслана.

Больше нечего смотрѣть въ самомъ Мцхетѣ, кромѣ развѣ замѣчательныхъ гробницъ, открытыхъ недалеко отъ самтаврскаго монастыря, при проложеніи новаго шоссе въ Тифлисъ. Четыре плиты, вырубленныя изъ песчаника, сложены въ четырехугольный продолговатый гробъ, безъ дна, глубоко вдавленный въ гравій скалы и покрытый сверху такою-же огромною пятою плитою. Гробы эти находятся иногда на значительной глубинѣ въ толщѣ скалы, и послѣ обнаженія этихъ скалъ ихъ отверстія и торцы плитъ хорошо видны съ шоссе. Эти гробницы открыты были во множествѣ по дорогѣ въ Тифлисъ, на Дигамскомъ полѣ, а также ниже Мцхета, и описаны г. Байерномъ. Но я видѣлъ впослѣдствіи совершенно подобныя же гробницы въ Кахетіи, у самаго подножія хребта, на мѣстѣ древней, давно уже несуществующей столицы Кахетіи, Греми, развалины котораго до сихъ поръ занимаютъ многія версты и имя котораго сохранилось въ названіи деревни Греми, близъ Телава и Енисели. Кажется, эти послѣднія гробницы еще неизвѣстны никому и потому необслѣдованы вовсе.

Въ самтаврскихъ гробницахъ находили скелеты въ полулежачемъ положеніи, маленькіе стеклянные кувшинчики, въ родѣ слезницъ, обломки большихъ стеклянныхъ кувшиновъ, пепелъ, уголь и проч.; нашли даже металическое зеркало. Особенно интересенъ тотъ типъ гробницъ, гдѣ есть маленькое отверстіе въ верхней плитѣ, заложенное камешкомъ, и гдѣ вмѣстѣ съ человѣческими костями находятъ кости кошки, ежа, рыбы и другихъ животныхъ, указывающія на большую своеобразность похороннаго обряда. Замѣчательно, что мѣст-

ные грузины называютъ самтаврскія могилы еврейскимъ словомъ «акелдама» («земля крови», въ переносномъ значеніи: склепъ); однако, предположенія нѣкоторыхъ археологовъ о еврейскомъ происхожденіи этихъ могилъ находятъ существенное возраженіе въ томъ обстоятельствѣ, что, по сообщенію протоіерея мцхетскаго собора, Андрея Гургенидзе, у нынѣшнихъ осетинъ покойники погребаются въ подобныхъ же каменныхъ гробницахъ, въ которыхъ наверху также оставляется маленькое отверстіе, закладываемое камнемъ.

Въ первый праздникъ Вознесенья послѣ похоронъ могила разрывается, камень отнимается, и въ отверстіе гроба вкладываютъ баранье сердце и, если возможно, живую рыбу, напримѣръ форель. Потомъ гробница закрывается уже навсегда. Ктому-же, осетины, по увѣренію отца Гургенидзе, кладутъ своихъ покойниковъ также въ полулежачемъ положеніи и снабжаютъ ихъ кувшинами вина, араки (самодѣльной водки) или пива, подававшихся на похоронахъ, трубкою и зеркальцемъ.

Такъ какъ осетины, или оссы, по историческимъ свѣдѣніямъ, издавна жили не только на сѣверномъ, но и на южномъ склонѣ Кавказа, куда они перебрались еще въ 215 году до Рождества Христова, то осетинское происхожденіе самтаврскихъ гробницъ не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго.

* * *

Самъ Мцхетъ гораздо старѣе своихъ древнихъ святынь. Его основаніе приписывается грузинскою хроникою едва не Картли или Картлосу, легендарному родоначальнику всего картвельскаго племени, обнимающаго собою грузинъ, имеретинъ, гурійцевъ, мингрельцевъ и проч.

Картли считается первымъ «мамасахли», т. е. царемъ Грузіи («мамасахли» значитъ по-грузински «отецъ

народа»). Гора Армази около Мцхета долго называлась по имени Картли, выкопавшаго въ ней пещеры. Мцхетъ считается сыномъ и преемникомъ Картли, почему и городъ, основанный имъ около горы Картли, у слiянiя Куры съ Арагвою, сталъ называться Мцхетомъ, и уже съ тѣхъ поръ до историческихъ временъ служилъ столицею Грузiи. Онъ видѣлъ и нашествiе скиѳовъ на Азiю, и походы Кира; въ немъ правили воеводы Александра Македонскаго.

Фарнабадъ, изгнавшiй македонцевъ, воздвигалъ капища и идоловъ на горахъ, окружающихъ Мцхетъ. Такъ, на горѣ Картли онъ воздвигъ идоловъ Ормузда или Армази, почему гора и приняла съ тѣхъ поръ это имя, а на высокой вершинѣ Задени, на лѣвой сторонѣ Арагвы, гдѣ теперь торжественно высится прямо противъ Мцхета храмъ Стефанъ-Цминда, поставилъ другаго огромнаго идола.

Эту Армази знали даже Плинiй, называвшiй столицу Иберiи Harmastis, и Страбонъ, который описывалъ Армозику на берегу Кируса (Куры).

Вмѣсто всѣхъ этихъ идоловъ, впослѣдствiи возникли на горахъ, окружающихъ Мцхетъ, замки и храмы. Знаменитый храмъ Степанъ-Цминда называется также монастыремъ св. Креста, «Джварисъ-Монастыри». Очевидно, что, вмѣсто языческаго бога, здѣсь прежде всего былъ воздвигнутъ просвѣтителями Грузiи христiанскiй крестъ, такъ-же высоко и далеко господствовавшiй надъ окрестностью, какъ древнiй истуканъ...

Дѣйствительно, рѣдкiй храмъ производитъ такое поражающее впечатлѣнiе торжества и господства, какое производитъ этотъ «Монастырь Креста», высоко поднятый надъ двумя долинами при самомъ слiянiи двухъ рѣкъ, составлявшихъ издревле природныя дороги для движенiя племенъ, для теченiя историческихъ событiй.

Старая легенда увѣряетъ, будто когда-то монастырь

Креста былъ соединенъ черезъ Арагву желѣзною цѣпью съ мцхетскимъ соборомъ и что святые обоихъ храмовъ посѣщали другъ друга по этой цѣпи.

Такую же точно легенду слышалъ я потомъ въ Кутаисѣ о томъ, что гелатскій монастырь, находящійся верстахъ въ десяти отъ города, былъ соединенъ когда-то цѣпью съ храмомъ Давида и что по знаку этой цѣпи въ обоихъ храмахъ одновременно начиналось божественное служеніе.

Мцхетъ пересталъ быть столицею Грузіи только послѣ Вахтанга-Гургаслана, жившаго въ концѣ V-го вѣка, который, хотя и украсилъ Мцхетъ прекрасными зданіями и поселилъ въ немъ католикоса Грузіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ основателемъ Тифлиса, куда сынъ его перенесъ навсегда свою резиденцію. Съ тѣхъ поръ Мцхетъ оставался только религіознымъ центромъ Грузіи. Причиною такой судьбы Мцхета, по всей вѣроятности, было слишкомъ близкое сосѣдство его съ горами, гдѣ въ это время грузинскимъ царямъ приходилось, какъ мы уже видѣли, вести жестокія войны съ оссами, или аланами, владѣвшими Дарьяломъ и постоянно набѣгавшими съ своихъ безплодныхъ горъ на плодородныя долины Карталиніи.

Мцхетъ и Гори были своего рода пограничными редутами Грузіи, и потому они были всегда въ войнѣ и въ осадѣ. Это условіе, конечно, заставляло грузинскихъ царей подумать о болѣе спокойной резиденціи.

Грузинская лѣтопись, переведенная академикомъ Броссе, подробно разсказываетъ подвиги самого царя Вахтанга, который всю свою жизнь воевалъ съ оссами и хозарами, то защищая отъ нихъ Грузію, то, въ наказаніе ихъ за набѣги, вторгаясь въ ихъ горныя ущелья. По увѣренію лѣтописи, онъ лично убилъ на единоборствѣ хозарскаго бойца Тархана и предводителя оссовъ— легендарнаго Осса-Богатара, хотя Оссъ-Богатаръ, по

достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, жилъ не въ V-мъ, а въ XIII-мъ столѣтіи, и хотя осетины, съ своей стороны, разсказываютъ, что ихъ преусловутый Оссъ-Богатаръ былъ убитъ не на единоборствѣ, а что его коварно заманили въ Мцхетъ и тамъ умертвили постыднымъ образомъ.

Впрочемъ, для осетинъ Оссъ-Богатаръ—то-же, что Тамара для грузинъ. У нихъ всякое важное событіе, всякая замѣчательная постройка, всякая популярная сказка непремѣнно связывается съ именемъ Осса-Богатара, какъ вся Грузія и даже всѣ Кавказскія горы наполнены постройками Тамары и сказаніями о Тамарѣ.

XIII

Саранча

ОКОЛО Мцхета, въ его библейскихъ окрестностяхъ, встрѣтилось мнѣ тоже библейское зрѣлище своего рода — саранча. Я первый разъ въ жизни своей видѣлъ здѣсь саранчу цѣлыми массами. 1880-й годъ былъ ужасенъ для Закавказья именно тѣмъ, что, послѣ страшнаго голода и баснословной дороговизны 1879 года, на него напала въ огромномъ числѣ саранча. Я забылъ совсѣмъ о ней, переѣхавъ хребетъ и наслаждаясь видами Грузіи, хотя въ Россіи всѣ газеты были наполнены толками о саранчѣ. Вдругъ я поднялъ голову и — остолбенѣлъ.

Бушующія стѣны сытаго колоса, золотомъ переливавшіяся на солнцѣ, гнувшіяся отъ собственной густоты и тяжести, придававшія выраженіе какого-то радостнаго обилія всей странѣ, чрезъ которую ѣхали мы, вдругъ словно провалились куда-то, и, вмѣсто разли-

таго кругомъ золотаго моря, вдругъ охватила насъ какая-то гробовая пустыня, обожженная и почернѣвшая, словно пораженная гнѣвомъ грознаго библейскаго Іеговы. Смертью и прокаженіемъ несло отъ нея. Вмѣсто колосьевъ, стояли голые будылья, на которыхъ висѣли, отвратительно шевелясь, живыя грозды темно-бурыя и вонючія, какъ разлагающійся навозъ. Неокрылившаяся еще гадина ползла, прыгала, шуршала сплошными простынями другъ по другу, другъ черезъ друга, сваливаясь и опять карабкаясь, давя и выползая. Земли уже не было видно: все поле, казалось, превратилось въ этотъ ползущій и волнующійся живой пластъ, отравлявшій всю окрестность своимъ удушливымъ запахомъ гнили и тлѣнія. Кое-гдѣ только жалко торчали, сверкая на солнцѣ еще нетронутымъ колосомъ, островки пшеницы и ячменя, словно оцѣпенѣлые передъ надвигающимися на нихъ со всѣмъ сторонъ непреоборимыми, безчисленными полчищами этой черной гадины, которая не позднѣе какъ завтра, неотвратимо, какъ рокъ, осквернитъ и обратитъ въ гробовую пелену еще пока дѣвственныя золотыя одежды ихъ. Я ходилъ по прокаженнымъ полямъ, давя эту прыгающую и кишащую тварь съ омерзеніемъ, доходившимъ до содроганія. Сухой, словно жестяной шелестъ этихъ трущихся другъ о друга голодныхъ миріадъ, пожиравшихъ трудъ и обезпеченіе человѣка, не смолкалъ ни на мгновеніе и напоминалъ собою тихій гулъ тѣхъ убійственныхъ песчаныхъ вѣтровъ пустыни, которые не спѣша, но съ роковою безостановочностью, заносятъ сыпучимъ пескомъ плодородныя поля и освѣжающіе ручьи, незамѣтно воздвигая нѣмые курганы на мѣстѣ былой жизни, бывшаго движенія...

Это непрерывающееся, глухое чавканье ползучей гадины, отощавшей въ своемъ подземномъ затворѣ и теперь жадно ринувшейся на хозяйство человѣка, имѣло

въ себѣ дѣйствительно что-то стихійное, стихійную непобѣдимость и стихійную безсмысленность. Только увидѣвъ ее лицомъ къ лицу, во всемъ неприкрытомъ, ужасѣ дѣйствительности увѣруешь, что это поистинѣ кара божія, одна изъ тѣхъ египетскихъ казней, отъ которыхъ могла содрогнуться цѣлая исторія человѣчества и пронести память о ней черезъ всѣ вѣка и ко всѣмъ народамъ. Безсиліе разума человѣческаго, можетъ быть, ни въ чемъ не обрисовывается съ такой поразительною наглядностью, какъ въ этомъ роковомъ вопросѣ. Вотъ уже сколько тысячелѣтій страны гибнутъ, народы страдаютъ отъ этого ничтожнаго, прыгающаго насѣкомаго, и мы, несмотря на всю свою глубокомудрую науку, на всѣ свои энтомологіи, зоотехніи, такъ-же ребячески безпомощны передъ вонючимъ прузомъ, какъ въ дни Моисея и фараоновъ. Мы умѣемъ только давить его, когда онъ покрываетъ тучами наши поля, точно такъ, какъ птицы и звѣри умѣютъ въ это время глотать его.

Къ Тифлису, за Тифлисомъ саранчи еще больше. Она покрывала во многихъ мѣстахъ рельсы потійской желѣзной дороги на нѣсколько вершковъ толщины. Она прибивается цѣлыми обширными плотами къ устоямъ тифлисскихъ мостовъ по волнамъ Куры, сцѣпившись другъ съ другомъ и оставаясь живою поверхъ затопленныхъ нижнихъ слоевъ своихъ. Верхніе слои лѣзутъ съ тою-же стихійною настойчивостью на каменные устои моста, на плиты набережной. Саранча не останавливается ничѣмъ и нигдѣ: встрѣтится домъ, она не обходитъ его, а лѣзетъ на домъ и перепалзываетъ далѣе, если одолѣетъ.

Когда я въѣзжалъ въ Мцхетъ, то приходилось проѣзжать нѣкоторое время коридоромъ своего рода, вырубленнымъ въ толщахъ известняка, гладкаго и мягкаго, какъ сыръ; это естественная почва для пещеръ, которыя могутъ копаться въ этомъ желтовато-бѣломъ из

вестнякѣ безъ всякаго труда. На цѣлыя версты отвѣсныя стѣнки известковыхъ скалъ были покрыты кишащею пѣшею саранчою. Она падала съ легкимъ сухимъ стукомъ на свои собственныя кучи, карабкавшіяся у подошвы, обрываясь съ гладкаго обрыва, какъ спѣлыя ягоды съ дерева; она покрыла все бѣлое полотно шоссе, наполняла до краевъ его ровики, выстилала каменныя ограды и стѣны домовъ, висѣла на кустахъ и деревьяхъ. Видно было, что какая-то слѣпая сила неудержимо гнала ее впередъ, несмотря ни на какія препятствія, и она лѣзла, не раздумывая, не останавливаясь, черезъ все, что попадалось ей на пути, не разсчитывая, что̀ ей по силамъ, что̀ нѣтъ, безъ всякаго успѣха толчась по цѣлымъ днямъ у одного и того-же мѣста, сваливаясь, и опять вползая, безъ конца и устали, погибая подъ колесами и копытами проѣзжихъ, пожираемая птицами и звѣрями, заливаемая дождемъ, и все-таки—киша, шурша, прыгая и вспалзывая.

Грузины, армяне, всѣ народы Закавказья исполнены вѣры, что въ утесахъ Арарата, около источника св. Іакова, живутъ во множествѣ птицы тарби, которыхъ призваніе истреблять саранчу. Каждый разъ, когда появляется саранча, благочестивые люди отправляются сами или нанимаютъ за себя достойныхъ людей, обыкновенно священниковъ, принести изъ далекихъ родниковъ «Святой Горы» чудодѣйственную воду, вслѣдъ за которою прилетаютъ цѣлыя тучи тарби и уничтожаютъ саранчу. Принести эту воду, однако, нелегко: не говоря уже о томъ, что человѣкъ, взявшійся за это дѣло, долженъ быть чистой жизни и знать молитвы, съ которыми берутъ и несутъ священную воду, весь долгій и тяжкій путь до араратскихъ источниковъ, особенно оттуда, необходимо сдѣлать пѣшкомъ и притомъ такъ, чтобъ сосуды съ водою святаго Іакова ни разу не прикоснулись къ землѣ, а все время были не-

сены на рукахъ. Понятно, что при этомъ условіи выполнить предпріятіе можетъ только цѣлое товарищество благочестивыхъ людей, которымъ возможно чередоваться другъ съ другомъ въ трудахъ этого оригинальнаго паломничества.

О птицахъ св. Іакова, послушно слѣдующихъ за уносимою водою хоть на край свѣта, разсказываютъ здѣсь чудеса, и даже люди, повидимому, болѣе другихъ образованные, искренно раздѣляютъ общее суевѣріе. Нѣкоторые тифлисскіе чиновники увѣряли меня, будто бывшій намѣстникъ Кавказа, князь Воронцовъ, установилъ смертную казнь за убіеніе хотя одной птицы св. Іакова. Конечно, это нелѣпость, такая же точно, какъ существующее у русскаго народа убѣжденіе, что за убіеніе пчелъ законъ казнитъ смертью. Но очень можетъ быть, что въ суевѣріи этомъ нашелъ отголосокъ какой-нибудь забытый древній законъ. Во всякомъ случаѣ, вѣра грузинъ и армянъ въ то, что за истребленіе тарби казнятъ смертью, свидѣтельствуетъ объ исключительномъ значеніи, которое придаютъ они этой птицѣ въ борьбѣ съ саранчою, и, вѣроятно, немало содѣйствуетъ ея размноженію.

Ни въ Мцхетѣ, ни въ Тифлисѣ я не видѣлъ, однако, птицъ св. Іакова, хотя благочестивое паломничество было совершено неоднократно и въ этомъ году. Тифлисцы объясняли это нарушеніе своего историческаго чуда тѣмъ обстоятельствомъ, что теперь за дѣло берутся не благочестивые люди, а промышленники. Они выманиваютъ у вѣрующихъ значительную плату за свой подвигъ, а между тѣмъ обманываютъ ихъ: не идутъ пѣшкомъ, а ѣдутъ на лошадяхъ, сосуды со святой водою ставятъ куда попало, а нѣкоторые привозятъ даже, вмѣсто священной араратской воды, простую грѣшную воду какого-нибудь близкаго горнаго источника.

Вмѣсто птицъ св. Іакова, я видѣлъ около Мцхета

цѣлые табуны лошадей, коровъ, овецъ, свиней, которые жадно пожирали саранчу, бросаясь на нее какъ на лакомство, облизывая ее со скалъ, доставая ее изъ ямокъ и канавъ.

*
* *

Было бы несправедливо умолчать, что правительство Кавказа принимало мѣры для истребленія саранчи.

Великое народное бѣдствіе вызвало необходимость чрезвычайнаго народнаго труда. Кромѣ жителей мѣстности, поголовно обязанныхъ выходить на поля, захваченныя саранчою, изъ другихъ уѣздовъ и губерній пригонялись для этого десятки тысячъ рабочихъ. Повинность эта была крайне тяжка, потому что люди перегонялись иногда за сотни верстъ, на своемъ продовольствіи и безъ всякой платы, притомъ въ разгаръ сѣнокосовъ и хлѣбной уборки. Это поистинѣ была военная мѣра, рѣшившая не брать въ соображеніе ничего, кромѣ разъ заданной себѣ цѣли.

Къ сожалѣнію, сдѣлано было далеко не все, чтобъ эта тяжкая сама по себѣ повинность не усиливалась вдвое слишкомъ вялыми распоряженіями мѣстныхъ властей. Были случаи, напримѣръ, когда значительныя партіи рабочихъ, приведенныя изъ сосѣдней губерніи, явившіяся безъ всякихъ запасовъ изъ дома, обнадеженные полученіемъ на мѣстѣ продовольствія и даже денежной платы, вдругъ оставлялись на нѣсколько дней въ безлюдной степи безъ хлѣба и даже безъ колодцевъ вблизи. Цѣлый транспортъ имеретинъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ разбѣжался такимъ образомъ и бросилъ работы, послѣ того какъ, прождавъ напрасно четыре дня обѣщаннаго чиновника съ деньгами и провизіей, они стали не только болѣть, но и умирать отъ голода и безводья. Случай этотъ вызвалъ офиціальное разслѣдованіе, но я не знаю, чѣмъ оно кончилось.

Съ другой стороны, самое назначеніе рабочихъ было

произведено безъ равномѣрной раскладки между населеніемъ, случайными требованіями администраціи, такъ какъ Закавказье еще лишено земскаго управленія. Черезъ это однѣ мѣстности понесли очень сильныя потери отнятіемъ у нихъ массы рабочихъ рукъ въ самое нужное время года, а другія—почти не приняли въ борьбѣ съ народнымъ бѣдствіемъ никакого участія. Точно также неравномѣрно пало это бѣдствіе и на разныя сословія Закавказья. Въ то время, какъ крестьянское населеніе отрывалось въ чужую губернію на помощь чужому хозяйству, мѣстные владѣльцы изъ дворянъ, князей и вообще привилегированныхъ сословій, даже тѣ, собственныя поля которыхъ были покрыты саранчою, не привлекались ровно ни къ какому участію въ мѣрахъ противъ нея, ни личному, ни денежному. Въ этомъ, конечно, не возможно обвинять ближайшую администрацію, потому что она не имѣетъ способовъ привлекать въ участію въ общемъ народномъ тяглѣ тѣ элементы, которыхъ не привлекаетъ къ нему самъ законъ. Но это указываетъ только на крайнюю необходимость—какъ можно скорѣе распространить на кавказскія населенія хотя-бы тѣ скромныя права земскаго самоуправленія, которыми пользуется уже 15 лѣтъ остальная Россія.

* * *

Способы истребленія саранчи за Кавказомъ очень просты. Выгоняется на поле народъ съ метлами и съ особыми легкими лопатками или, скорѣе, хлопушками изъ переплетеннаго хвороста, которыми бьютъ саранчу, гдѣ только видятъ ее, и сметаютъ въ кучи или въ канавы. Если есть въ распоряженіи керосинъ, то кучи поливаютъ керосиномъ и сжигаютъ,—это способъ болѣе дорогой. Если керосина нѣтъ, то просто топчутъ или закапываютъ поглубже въ землю.

На берегахъ Куры саранчу сметаютъ прямо въ рѣку,

но послѣдствія показали, что это средство весьма плохое, потому что она приплыла по теченію въ Тифлисъ, Мцхетъ и другія мѣстности.

Увѣряютъ, что не менѣе $^{9}/_{10}$ всей саранчи, появившейся за Кавказомъ, было истреблено такимъ образомъ натуральною повинностью населенія. Денежныхъ средствъ истрачено на это изъ общаго земскаго капитала губерній нѣсколько сотъ тысячъ, не считая гораздо бо́льшаго числа тысячъ, въ которыя слѣдуетъ оцѣнить безплатный трудъ многихъ десятковъ тысячъ крестьянъ и отчасти ихъ продовольствіе, такъ какъ работавшимъ выдавался отъ казны только одинъ хлѣбъ, да и то со дня начатія работъ, а не въ пути. Но какъ ни велики эти неизбѣжные расходы, по всеобщему убѣжденію мѣстныхъ жителей—принятыми мѣрами спасено населенію черезъ сохраненіе хлѣбовъ многіе мильоны рублей. Если же сообразить, что почти вся истребленная саранча была еще пѣшая, не успѣвшая оплодотвориться и положить свои яйца, то невозможно вычислить всей пользы, принесенной ея истребленіемъ въ будущемъ. Конечно, еще остается желать очень многаго въ смыслѣ быстроты, энергіи и даже размѣра работъ, предпринимаемыхъ для истребленія саранчи, на этого страшнаго врага слѣдуетъ ополчаться въ такой же грозѣ и силѣ, какъ противъ военнаго непріятеля, не устраняя отъ участія въ общей защитѣ рѣшительно никого: однихъ слѣдуетъ призывать на личный трудъ, другихъ на денежную помощь или на мѣстное руководство, но только все населеніе, безъ исключенія, должно, такъ сказать, «быть подъ ружьемъ» своего рода въ дни гибельнаго нашествія.

Странно въ наше время заставлять крестьянина, владѣющаго двумя десятинами, или даже безземельнаго горожанина, защищать на свой счетъ десятки тысячъ десятинъ, засѣянныхъ хлѣбомъ какимъ-нибудь бога-

чемъ, грузинскимъ княземъ или армянскимъ купцомъ, которые при этомъ и въ усъ себѣ не дуютъ. Это представляется какимъ-то неперевваримымъ анахронизмомъ, какимъ-то забытымъ обломкомъ среднихъ вѣковъ послѣ благовѣстія 19-го февраля, раздавшагося и за горами Кавказа точно тѣмъ-же звукомъ свободы и уравненія, какъ и во всей Россіи.

Точно такъ-же можно пожалѣть о слишкомъ большой безпечности и небрежности, съ которыми у насъ, къ сожалѣнію, почти вездѣ и всегда, привыкли обращаться съ работающимъ людомъ. Право, когда промышленники гонятъ гуртъ быковъ, отару овецъ, табунъ лошадей, они бываютъ болѣе предусмотрительны и заботливы объ ихъ содержаніи, чѣмъ наше чиновничество о продовольствіи крестьянъ, наряжаемыхъ въ ихъ распоряженіе. Мы такъ привыкли все брать отъ мужика, все заставлять дѣлать мужика и ничего взамѣнъ не давать мужику, что даже и тогда, когда законъ насъ обязываетъ подумать о немъ и доставить ему ту или другую необходимость, даже когда намъ отпускаются деньги прямо на этотъ предметъ, и то мы все какъ-то не умѣемъ отдѣлаться отъ вкоренившейся привычки, что мужику ничего давать не слѣдуетъ, что мужикъ самъ добудетъ.

«Стóитъ только съискать мужика, а тогда все у насъ будетъ!»—съ простодушною откровенностью говорятъ два извѣстные щедринскіе генерала, попавшіе на пустынный островъ. Классическій тезисъ Разуваева: «ёнъ достанетъ!»—выражаетъ въ самой мѣткой и лаконической формѣ ту-же общую вѣру нашу въ мужика, какъ въ вьючную скотину, которую не нужно кормить, а нужно только поить.

Я встрѣчалъ въ разное время на поти-тифлисской дорогѣ и въ другихъ мѣстахъ массы утомленныхъ работниковъ Ахалцыхскаго и другихъ уѣздовъ, вы-

званныхъ для истребленія саранчи, которые въ своихъ живописныхъ азіатскихъ костюмахъ, очень мало приноровленныхъ къ невзгодамъ пути, вынуждены были по нѣсколько дней стоять громадными лагерями подъ открытымъ небомъ, дожидаясь приготовленныхъ имъ поѣздовъ или непоспѣвшихъ распоряженій начальства, и никому, конечно, не приходило въ голову даже освѣдомиться, есть ли у нихъ въ сумкѣ кусокъ хлѣба. Немудрено, что всѣ эти люди имѣли очень мрачный и недовольный видъ, словно это были взятые съ бою турки, угонявшіеся въ далекій полонъ, а не наши мирные соотечественники, исполнявшіе свою земскую обязанность.

Но, какъ бы ни было, борьба кавказцевъ съ саранчою въ 1880 году заслуживаетъ вниманія, какъ одинъ изъ рѣдкихъ опытовъ сколько-нибудь плодотворной дѣятельности на пользу хозяйственныхъ интересовъ края.

При своихъ поѣздкахъ по разнымъ мѣстностямъ Закавказья я поминутно натыкался на саранчу, то истребленную, то истребляемую. Но, наконецъ, наткнулся на самый интересный и, конечно, самый надежный способъ истребленія, который въ нашемъ патріархальномъ отечествѣ, гдѣ почти вся хозяйственная жизнь еще течетъ въ первобытной природной простотѣ, гдѣ даже «горница съ Богомъ неспорница», долженъ пользоваться особымъ сочувствіемъ. Недаромъ Микола-угодникъ считается у насъ гораздо болѣе существеннымъ хозяиномъ и устроителемъ всѣхъ нашихъ дѣлъ, чѣмъ мы сами.

Мнѣ удалось, наконецъ, увидѣть знаменитыхъ тарби, этихъ таинственныхъ араратскихъ птицъ съ источника святаго Іакова, удалось близко познакомиться съ ихъ борьбою противъ саранчи. Но для этого мнѣ придется разсказать мою поѣздку въ Гори и Уплисъ-Цихе.

XIV

Кура и Гори

Пустыненъ и неотраденъ видъ равнины Куры въ ближайшихъ окрестностяхъ Мцхета. Безплодная, глинистая почва хотя еще зеленѣетъ теперь травою отъ необычныхъ дождей, но обыкновенно выгораетъ лѣтомъ до тла и обращается въ какой-то бурый войлокъ.

Колючій курай да колючее исковерканное на всѣ лады держи-дерево заполоняютъ собою мелкую поросль давно истребленныхъ лѣсовъ. Лысые, голые холмы торчатъ изъ этой тощей земли, давая кое-гдѣ пріютъ рѣдкимъ грузинскимъ поселкамъ. Обыкновенно, это кучка низенькихъ, прилегшихъ къ землѣ саклей, чуть выдѣляющихся своимъ глинистымъ цвѣтомъ отъ общаго фона глины и камней. Но среди этой кучки жалкихъ норъ—непремѣнно старая круглая башня съ бойницами, хотя уже тутъ не горы, а равнина.

Горы вдали синѣютъ и справа отъ главнаго хребта, и слѣва отъ Ахалцыха и Малаго Кавказа. Сосѣдство горъ поневолѣ обращало въ крѣпости даже селенія равнины. Садовъ, виноградниковъ слѣда нѣтъ; даже распаханной земли очень мало. Тутъ все почти сплошное пастбище, и по равнинѣ, и по предгорьямъ. Это Карталинія. Карталинецъ, можетъ быть, самый чистый типъ грузина, потому что страна его — ядро Грузіи. Въ Карталиніи и древняя столица Грузіи, Мцхетъ, и новая столица ея, Тифлисъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, карталинецъ самый несимпатичный и самый неспособный человѣкъ изо всѣхъ племенъ Грузіи. Онъ неуклюжъ и неразвязенъ сравнительно съ имеретиномъ и особенно гурійцемъ; непредпріимчивъ, молчаливъ, лѣнивъ, тупо-

ватъ. Имеретинъ рядомъ съ нимъ все равно—что плутоватый москвичъ или бойкій ярославецъ рядомъ съ увальнемъ-хохломъ изъ какого-нибудь Пирятина.

Карталинецъ кажется гораздо бѣднѣе и жалче всѣхъ своихъ западныхъ собратій. Домъ его—почти голая нора изъ камней; садовъ у него нѣтъ; нарядъ грубъ и оборванъ. Лохматая шапка, сѣрая, толстая черкеска верблюжьяго сукна или заплатанный полушубокъ, на ногахъ грубыя буйволовыя поршни; никакого щегольства, никакой яркости, блеска и пестроты. Таковъ карталинецъ деревни. Посмотрите на имеретина, особенно на мингрельца: тамъ все другое. Тамъ и сверкающіе серебромъ пояса, и патроны, и статные, яркіе бешметы съ позументами, кокетливыя шапочки, тонкое цвѣтное сукно.

И домъ у имеретина большой, красивый; хозяйство—полная чаша, сады, виноградъ, огороды всякіе. А мѣстные жители увѣряютъ, что у тароватаго и хвастливаго имеретина, любящаго пожить на-распашку, никогда не бываетъ въ мошнѣ столько денегъ, сколько у скупаго и молчаливаго карталинца, и никогда онъ не продаетъ своихъ черешенъ или кукурузы даже наполовину того, сколько выручитъ грязный карталинскій пастухъ за своихъ быковъ, овецъ или буйволовъ. Конечно, самая исторія карталинца, вынужденнаго постоянно прятаться въ башни и пещеры, защищавшаго свою жизнь и имущество отъ безпрестанныхъ набѣговъ горскихъ хищниковъ и азіатскихъ мусульманъ, помогла выработкѣ его народнаго характера. Не до внѣшняго блеска, не до показности и болтовни было ему въ его положеніи вѣчно осажденнаго. Ктому-же и долгое тѣсное общеніе его съ мохамеданиномъ Азіи, то арабомъ, то персіаниномъ, то туркомъ, невольно положило на него клеймо общей мусульманской лѣни и сосредоточенности.

Имеретія и Мингрелія были болѣе удалены отъ давленія мусульманства и гораздо рѣже подвергались нападеніямъ горцевъ. Онѣ не были также на большомъ пути тѣхъ безпокойныхъ и разрушительныхъ ордъ, которыя двигались въ теченіе исторіи изъ Азіи въ Европу, изъ Европы въ Азію, и никогда не миновали Карталиніи.

Башни не только на холмахъ среди деревушекъ, но все чаще попадаются на крутыхъ берегахъ Куры и Ксаны, при большихъ излучинахъ, при тѣснинахъ, гдѣ имъ удобно было въ старое время останавливать движеніе торговыхъ судовъ и брать съ нихъ свои феодальныя пошлины. Очень вѣроятно, что башни эти, вмѣстѣ съ тѣмъ, служили когда-то вооруженными «тет-де-понами» большихъ мостовъ, перекинутыхъ черезъ Куру.

Еще древніе персы и римляне устраивали мосты черезъ эту рѣку во время своихъ кавказскихъ походовъ, для обезпеченія постоянныхъ сообщеній съ своимъ тыломъ.

Самое имя рѣкѣ было дано въ честь Кира, знаменитаго царя персидскаго. Киръ или Кура была во всѣ дни исторіи и осталась до сихъ поръ чрезвычайно важнымъ стратегическимъ и торговымъ путемъ Закавказья. Хотя, въ настоящее время, Кура почти на всемъ пространствѣ своемъ замѣняется поти-тифлисскою, а скоро будетъ замѣнена еще тифлисско-бакинскою желѣзною дорогою, однако мѣстная торговля, особенно безхитростная торговля сырьемъ окрестныхъ крестьянъ, продолжаетъ, попрежнему, пользоваться ея даровымъ двигателемъ. Больше всего по ней сплавляются плоты громадныхъ деревьевъ, цѣльныхъ и пиленыхъ, съ Сурамскаго хребта. Крестьяне, живущіе на Курѣ и по ея большимъ притокамъ, очень выгодно пользуются рѣкою.

Навстрѣчу нашему желѣзнодорожному поѣзду то и дѣло стремительно проносятся по рѣкѣ, какъ-будто

катаясь внизъ съ горки, большіе плоты изъ бревенъ, на которыхъ рѣдко увидишь болѣе двухъ человѣкъ, иногда бабу съ мужикомъ, иногда даже одного мужика. Тутъ стоитъ обыкновенно нѣсколько коровъ или овецъ, корзины съ фруктами или овощами, мѣшки хлѣба или кучи сѣна, вообще весь незатѣйливый сельскій товаръ, который съ быстротою стрѣлы и безъ всякой платы переносится бурыми волнами Куры внизъ по теченію до базаровъ Гори, Мцхета, Тифлиса. Нужно изумляться силѣ и ловкости, съ какою грузины, стоящіе на плотахъ, направляютъ ихъ по руслу рѣки помощью длинныхъ рулей-веселъ, искусно огибая на всемъ ходу мели и камни, безопасно минуя всякія препятствія.

Отъ двойной быстроты, теченія рѣки и нашего поѣзда, въ глазахъ рябитъ, когда смотришь на этихъ смѣльчаковъ, въ-одиночку управляющихся съ такою громоздкою и неудобною посудиною и съ такою стремительною рѣкою.

Въ одно мгновеніе они исчезаютъ изъ поля вашего зрѣнія, словно сквозь землю проваливаются, не успѣете вскинуть на нихъ глазъ. Доѣдутъ предпріимчивые люди до Тифлиса, продадутъ по хорошей цѣнѣ и самую посудину свою, и все, что пришло на ней, а сами за нѣсколько копѣекъ вернутся съ полнымъ карманомъ домой по желѣзной дорогѣ.

*
* *

За станціей Каспи, гдѣ рѣка болѣе приближается къ горамъ, пейзажъ измѣняется, и начинается мѣстность гораздо болѣе людная и плодородная. Въ долину Куры то и дѣло впадаютъ другія, боковыя долины, и множество селъ съ церквами и садами виднѣется по берегамъ рѣки. На холмахъ начинаютъ все чаще попадаться башни. На голыхъ, желтыхъ утесахъ, у впаденія Ксаны, воздымается цѣлый феодальный замокъ, скучившій вмѣстѣ свои грозныя зубчатыя бойницы.

Множество пещеръ чернѣетъ своими дырьями на недоступной высотѣ, недалеко отъ за́мка. Появились и виноградники, но большею частью плохо содержимые, заросшіе травою. Теперь они почти всѣ скуплены армянами. Мы подъѣзжаемъ къ Гори. Послѣдняя деревня передъ Гори, вся потонувшая въ садахъ и осѣненная близко надвинувшимися живописными горами, Хедиставъ, дающая лучшее мѣстное вино. За 10 коп. вы можете достать въ Гори бутылку легкаго и очень пріятнаго на вкусъ хедиставскаго вина.

Гори—одинъ изъ самыхъ красивыхъ и оригинальныхъ городовъ Закавказья. Это первый по значенію городъ послѣ Тифлиса во всей губерніи и вообще одинъ изъ лучшихъ закавказскихъ городовъ. Взглянувъ на окрестную мѣстность, сейчасъ-же поймешь, почему Гори должно было получить значеніе въ исторіи Грузіи, поймешь, даже не роясь въ старыхъ лѣтописяхъ, исторію самого Гори. Широкая, низменная долина врывается въ этомъ мѣстѣ съ сѣвера, отъ главнаго хребта, въ долину Куры, прорѣзающую отъ запада на востокъ все Закавказье. Сама долина Куры выходитъ около Гори изъ ущелья своего рода и расширяется въ карталинскую равнину.

Такимъ образомъ, Гори — ключъ двухъ пересѣкающихся артерій Закавказья.

Горцы сѣвернаго хребта, имеретины запада, карталинцы востока—могли удобно мѣняться товарами на базарахъ Гори. Для горцевъ особенно это самый естественный, удобный и близкій рынокъ. Они издавна сгоняли сюда своихъ коней и овецъ, приносили свои башлыки и бурки, а отсюда получали хлѣбъ, вино и всякій привозный товаръ.

Понятно, что это самое положеніе дѣлало Гори важною крѣпостью, главнымъ оплотомъ Карталиніи отъ гор-

скихъ набѣговъ и отъ нападенія сосѣднихъ царствъ — Имеретинскаго и Мингрельскаго.

Гори всегда считалась одною изъ неприступнѣйшихъ крѣпостей Грузіи, и этому можно повѣрить, глядя на нее даже издали, даже теперь. Со станціи желѣзной дороги уже видна на той сторонѣ Куры, на синемъ фонѣ далекаго снѣговаго хребта, живописная столообразная скала, рѣзко подымающаяся среди зеленой долины, сплошь увѣнчанная зубчатыми стѣнами и башнями достаточно сохранившейся крѣпости. Городъ прилѣпляется съ двухъ сторонъ къ этому акрополису своему, подымаясь на скаты скалы. Его древніе, характерные и многочисленные храмы усиливаютъ впечатлѣніе оригинальности. Переправа производится на паромѣ, потому что мостъ снесло водою. Это очень неудобно, а въ вѣтреную погоду, при быстротѣ Куры, даже опасно, такъ что переправы не бываетъ иногда по нѣсколько дней. Инженеры, строящіе самопадающіе мосты, особенно блаженствуютъ на Кавказѣ, и, говорятъ, опять уже высчитали очень лакомую смѣту на возобновленіе этого кстати провалившагося моста.

* * *

Гори окруженъ древними кладбищами, среди которыхъ много усыпальницъ или маленькихъ часовенъ, того-же типа, какъ первобытныя церкви армянъ и грузинъ, какъ многія еврейскія синагоги. Это домикъ съ крышкою, напоминающій изображеніе Ноева ковчега. Надо думать, что эта форма построекъ принадлежитъ сѣдой древности и укоренилась въ Закавказьѣ дѣйствительно въ связи съ араратскимъ преданіемъ еще съ библейскихъ временъ. Тѣсная связь грузинской и армянской исторіи съ еврейскою, заставляющая нѣкоторыхъ ученыхъ признавать даже еврейское происхожденіе грузинъ, огромная масса евреевъ, жившая въ прежніе вѣка въ нынѣшнихъ грузинскихъ и армянскихъ странахъ,—все

заставляетъ думать, что первоначальную форму своихъ молеленъ грузины заимствовали у евреевъ.

Во время моихъ кавказскихъ странствованій я встрѣчалъ много подобныхъ храмиковъ въ видѣ ковчега, часто въ недоступной глуши горъ; великіе, знаменитые соборы воздвигались не по этому типу, а въ видѣ описанныхъ уже мною восьмиугольныхъ башенъ на крестообразномъ основаніи. Но скромные деревенскіе храмы, церквочки пустынныхъ скитовъ, часовни, устраиваемыя на какихъ-нибудь священныхъ мѣстахъ или въ память какихъ-нибудь знаменательныхъ событій, большею частью строились по этому библейски-простому и библейски-древнему типу, ставшему священнымъ для всѣхъ народностей Закавказья. Ярко раскрашенныя, но покрытыя надписями зеленыя и синія каменныя гробницы горійскаго кладбища, очевидно, недавняго происхожденія, тоже очень характерны. Старый Гори, одинъ изъ самыхъ древнѣйшихъ, чуть не доисторическихъ городовъ Грузіи, теперь довольно цивилизованный городъ, въ которомъ въ настоящую минуту вмѣсто эриставовъ царицы Тамары стоитъ лагеремъ наша молодецкая артиллерія. Въ немъ и извощики съ фаэтонами, и тротуары, и мостовыя, и фонари, и магазины всякаго рода, гостиницы и телеграфъ, нѣсколько учебныхъ заведеній. Словомъ, дай Богъ имѣть столько удобствъ любому нашему русскому городу, даромъ что это уѣздный городишка въ горахъ азіятской Грузіи. Нужно вообще признаться, что это невыгодное сопоставленіе Кавказа и моей милой родины съ досадною неожиданностью все чаще приходило мнѣ въ голову, чѣмъ больше я узнавалъ эту малоизвѣстную намъ «дикую» кавказскую окраину, притомъ нетолько ея города, но и ея деревню. Однако, Гори хотя и есть своего рода историческая реликвія Грузіи, теперь совсѣмъ завоевана армянами, также какъ и метрополія его — Тифлисъ, и вообще вся

Карталинія. Армяне поскупили всѣ сосѣдніе виноградники, армяне захватили въ свои руки всю торговлю и промышленность Гори. Впрочемъ, здѣшніе армяне говорятъ по-грузински, а по-армянски не знаютъ, такъ что ихъ вѣрнѣе назвать грузинами армянскаго исповѣданія.

Эти спокойные и сытые пауки одинаково прочно, настойчиво и обдуманно затягиваютъ своею паутиною всякое укромное мѣстечко, гдѣ только поселяются они, и ловятъ въ нее съ самымъ безошибочнымъ разсчетомъ всѣхъ легкомысленныхъ стрекозъ, всѣхъ лакомыхъ мухъ, неохотниковъ до скромной работы на своемъ мѣстѣ, но охотниковъ полетать, пожужукать, посверкать на солнышкѣ мимолетнымъ золотомъ своихъ крылышекъ.

Грузины, дѣйствительно, какъ мухи попадаются въ ловушки этихъ мирныхъ хищниковъ. Они безпечально смотрятъ въ будущее и не хотятъ думать о настоящемъ. У каждаго изъ нихъ запасено въ погребѣ нѣсколько кувшиновъ вина и есть нѣсколько мѣшковъ хлѣба, которые они спокойно проѣдаютъ и пропиваютъ въ теченіе зимы, не утруждая себя заботами наживы. А нѣтъ хлѣба, выпито вино, — грузинъ нанимается на поденную работу для того, чтобъ вечеромъ проѣсть и пропить то, что заработаетъ днемъ. Всякому свое!

*
* *

Въ Гори у меня былъ старый знакомецъ — директоръ закавказской учительской семинаріи, извѣстный нашъ педагогъ Д. Д. Семеновъ, авторъ «Отечествовѣдѣнія» и другихъ распространенныхъ учебниковъ, у котораго я и пріютился. Закавказская учительская семинарія въ Гори еще совсѣмъ юная, открыта менѣе четырехъ лѣтъ назадъ, такъ что она даже не имѣетъ собственнаго дома и помѣщается въ несовсѣмъ удобной квартирѣ. Не смотря на это, энергическій директоръ, уже хорошо искусившійся въ своемъ дѣлѣ на опытѣ

устроенной имъ кубанской семинаріи, уже приготовившей для края 200 народныхъ учителей и учительницъ, успѣлъ поставить заведеніе на вполнѣ практическую ногу. Закавказская семинарія, во многихъ отношеніяхъ, непохожа на наши русскія и требуетъ особенно удачныхъ условій отъ своихъ дѣятелей. Здѣсь цѣлая этнографическая коллекція различныхъ народностей: грузины всѣхъ оттѣнковъ, армяне, греки, русскіе, горцы, татары. При семинаріи находится уже не одно русское начальное училище для практики семинаристовъ, какъ въ другихъ заведеніяхъ этого рода, а цѣлыя четыре: грузинское, армянское, мусульманское и русское. Сверхъ того, существуетъ особый приготовительный классъ. Пансіонъ семинаріи изъ первоначальныхъ 25-ти человѣкъ въ эти четыре года разросся до 100 человѣкъ и раздѣляется теперь на два разобщенныя отдѣленія: христіанское и татарское.

Всѣ семинаристы изучаютъ обязательно грузинскій, армянскій или какой-нибудь другой мѣстный языкъ по своему выбору, такъ какъ быть учителемъ начальной школы въ Закавказьѣ безъ знанія этихъ языковъ просто немыслимо. Черезъ всѣ эти усложненія закавказская учительская семинарія рѣзко выдѣляется изъ всѣхъ однородныхъ съ нею заведеній, представляя собою столько-же школу для учителей, сколько маленькій институтъ восточныхъ языковъ. Въ ней однихъ учителей 20 человѣкъ, какъ въ любой гимназіи. Для веденія такого труднаго и новаго дѣла нужно много такта не только педагогическаго, но еще, такъ сказать, и политическаго; директору дѣлаетъ честь то обстоятельство, что мѣстное общество сочувственно относится къ семинаріи, что заведеніе, составленное изъ такихъ разнородныхъ элементовъ, успѣваетъ мирно устранять въ ученикахъ проявленія племенной розни.

Нужно сказать, однако, что этому много содѣйствуетъ

и общее просвѣщенное направленіе учебной дѣятельности, давно уже укоренившееся въ Кавказскомъ намѣстничествѣ ближайшими трудами барона Николаи, Я. М. Невѣрова, и продолжаемое нынѣшнимъ попечителемъ округа, К. П. Яновскимъ, педагогомъ по профессіи, надняхъ еще бывшимъ директоромъ гимназіи, что такъ рѣдко встрѣчается въ Россіи.

Направленіе это вообще постоянно отличало кавказскую систему народнаго образованія. Еслибъ здѣсь заставляли примѣнять систему грубаго насилія въ пользу одной національности, одной религіи, одного предмета преподаванія, то, конечно, самые добросовѣстные дѣятели не въ состояніи были бы достигнуть тѣхъ мирныхъ и плодотворныхъ результатовъ, которыхъ имъ нерѣдко удается теперь достигать, несмотря на исключительно-трудныя условія.

Семинарію я засталъ во всемъ разгарѣ экзаменовъ и успѣлъ только бѣгло ознакомиться съ кружкомъ дѣльныхъ молодыхъ людей, дружно работающихъ вмѣстѣ съ директоромъ надъ этимъ почтеннымъ дѣломъ. Одинъ изъ свободныхъ старшихъ учениковъ, Папитовъ, мѣстный грузинъ, вызвался быть моимъ путеводителемъ по Гори, и мы добросовѣстно облазили всѣ закоулки съ этимъ обязательнымъ юношей.

Домà въ Гори очень оригинальны, совсѣмъ не наши. Большая часть еще съ плоскими земляными крышами, которыя и съ черепицей, но все-таки на манеръ земляныхъ, въ одну широкую полу, только не лежачую, а покатую. Трубы непомѣрной высоты торчатъ на этихъ плоскихъ кровляхъ низенькихъ домовъ, чтобъ дымъ *бухаръ* (т.-е. каминовъ) не проникалъ въ ихъ окна. Крыша всегда гораздо шире дома, такъ что впереди его еще остается мѣсто для тѣнистой галереи, часто безъ всякихъ столбиковъ, только съ однимъ навѣсомъ. Если домъ двухъэтажный, то на крышкѣ навѣса дѣ-

лается балконъ или стекляная галерейка. Богатые новые домá, уже въ нѣсколько этажей, штукатуренные, съ арабскою рѣзьбою и арабскимъ стилемъ колоннъ въ галереяхъ; вообще, галерея—первая необходимость грузинскаго дома. Даже внутри двора большіе дома всѣ въ сплошныхъ галереяхъ въ каждомъ этажѣ. Разукрасить наружную галерею—главная цѣль грузинскаго и армянскаго зодчества. Кладка грузинскихъ домовъ тоже замѣчательна. Она встрѣчается одинаково во всей Грузіи, даже въ ея древнихъ крѣпостяхъ и башняхъ.

Круглые голыши одинаковой величины кладутся рядами, какъ огурцы или яйца, другъ подлѣ друга, въ наклонномъ положеніи, одинъ рядъ въ одну сторону, другой рядъ въ другую, словно навстрѣчу первому; черезъ нѣсколько рядовъ они перестилаются, для крѣпости и ровности, плоскими кирпичными плитками: это придаетъ нештукатуренной стѣнѣ видъ красиваго рубчатаго узора.

* * *

Въ обычныхъ грузинскихъ домахъ средняго состоянія, изъ-подъ навѣса вы всегда попадаете въ полутемную переднюю комнату, въ одно и то-же время рабочую, столовую и гостиную. Огромная деревянная тахта съ коврами и подушками, пососѣдству съ широкимъ устьемъ «бухары», занимаетъ обыкновенно значительную часть комнаты. На этой тахтѣ сосредоточена вся внутренняя жизнь семьи. Тутъ и работаютъ, поджавъ ноги, и обѣдаютъ, и бесѣдуютъ съ гостями, и отдыхаютъ. Обстановка вообще чистая, но скудная и простая. Изъ экономіи въ мебели, въ стѣнахъ сдѣлано нѣсколько глубокихъ впадинъ, въ формѣ шкапчиковъ иногда съ полками. Тамъ стоятъ иконы, посуда, разныя вещи. Въ глубину непремѣнно идетъ еще одна задняя комната, всегда почти темная, составляюща

спальню хозяевъ и ихъ кладовую. Полы всегда въ коврахъ или войлокахъ.

Я съ большимъ любопытствомъ бродилъ по узкимъ переулкамъ этого характернаго грузинскаго города, еще переполненнаго обычаями, нарядами и памятниками средневѣковой старины, не смотря на модные фаэтоны и телеграфъ главной улицы. Тутъ вся домашняя жизнь наружи, почти на улицѣ.

Старинныя церкви Гори едва-ли имѣютъ себѣ соперниковъ по древности и характерности. Особенно любопытна въ этомъ отношеніи церковь аконнской Богоматери. Ея маленькая, вросшая въ землю колоколенка изъ чернаго замшившагося гранита, съ пирамидальною, тоже каменною крышею, проросшей по швамъ травою, съ цѣлыми зелеными вѣниками цвѣтовъ и травъ на плоскомъ уступѣ нижняго этажа, съ какою-то глубоко древнею чугунною доскою, исчерченною надписями, заложенною въ стѣну, съ ея ступенями внизъ, словно въ подземелье, можетъ сравниться развѣ съ самою раннею святынею Москвы, тоже ушедшею въ землю, церковью Спаса-на-Бору. Замѣчателенъ также и старый армянскій соборъ—домообразное зданіе съ высокою готическою кровлею и маленькою башенкой надъ входомъ. Рѣзныя колонки этой гранитной башенки съ каменною пирамидальною крышей, подобныя которой часто встрѣчаются въ старой армянской и грузинской архитектурѣ,—чистый снимокъ съ извѣстной башенки на кремлевскихъ стѣнахъ, откуда царь Іоаннъ IV-й смотрѣлъ на лобное мѣсто. Вставленные въ наружныя стѣны храма большіе изразцы съ рисунками цвѣтовъ и прочаго—также хорошо знакомы древней русской архитектурѣ.

Мы отправились къ крѣпости черезъ длинные и узкіе, змѣей вьющіеся «темные ряды», едва прикрытые сверху тесомъ, — типическая принадлежность каждаго древняго грузинскаго города и любимое мѣсто прогулки

для празднаго населенія, которому вволю можно тутъ покалякать съ вѣчно досужими лавочниками, неподвижно сидящими среди своего безхитростнаго товара. Тамъ и лезгинъ-оружейникъ въ упрямомъ безмолвіи, не обращая вниманія на прохожихъ, обнаживъ отъ жару свою бритую до-синя голову и засучивъ высоко свои мускулистыя, какъ корни дуба, руки, неспѣшно звенитъ молоткомъ по острому лезвею клинка. Тамъ всѣ обычныя грузинскія мастерства, тамъ всѣ соблазны армянской торговли. Въ узкихъ переулкахъ, поднимающихся къ скалѣ крѣпости, то и дѣло загораживаютъ путь навьюченные мулы или катеры, съ тремя массивными оригинальными колоколами подъ шеей, попадаются навстрѣчу всевозможные типы лицъ и одеждъ.

Входъ въ крѣпость велъ прежде черезъ трое воротъ, расположенныхъ улиткою на разныхъ высотахъ скалы, и извивался между стѣнъ, чрезвычайно облегчая защиту. Только послѣднія двойныя ворота сквозь башню, построенныя въ персидскомъ вкусѣ, уцѣлѣли до сихъ поръ. Крѣпость охватываетъ своею стѣною, съ закругленными зубцами, все плоское темя скалы; еще многія ея башни съ бойницами, съ площадками для защиты, уцѣлѣли вполнѣ; когда мы взлѣзли на зубцы одной и глянули внизъ, подъ нами былъ глубокій обрывъ на рѣку Пшонку, и трубы города казались на днѣ пропасти. Ниже этой верхней стѣны съ башнями замѣтны слѣды стѣнки, опоясывавшей скалу на половинѣ высоты.

Стаи совъ, каменныхъ скворцовъ съ ихъ весенними розовыми крылышками и хохлатыхъ удодовъ взлетали испуганно съ своихъ пустынныхъ убѣжищъ въ трещинахъ камней, въ амбразурахъ бойницъ, гдѣ такъ рѣдко кто-нибудь безпокоилъ ихъ. Въ углу крѣпости, глядящемъ на Куру, въ самой большой и самой сохранившейся изъ башенъ, церковь съ высокими арками, и на

остаткахъ ея штукатурки еще можно разглядѣть характерные грузинскіе наряды, вѣнчики святыхъ, святаго Георгія съ копьемъ и другіе обрывки фресокъ, осыпавшихся отъ сырости. Въ притворѣ стоитъ нѣсколько старинныхъ каменныхъ гробницъ, и изъ этого же притвора чернѣетъ широкое устье подземнаго хода изъ крѣпости въ городъ, къ водѣ, который, однако, теперь засыпанъ. Слѣды строеній и огромныя пустыя ямы, въ которыхъ грузины сохраняютъ хлѣбъ, замѣтны еще внутри крѣпости. Хорошъ видъ съ вершины этихъ пустынныхъ башенъ на широкія окрестности Гори, на самый городъ, съ характерною живописностью скучившійся у ногъ этой неприступной скалы. На сѣверѣ утопающія въ синевѣ дали горы снѣговаго хребта, на югѣ, за Курою, вся эта чудная сторона курчавыхъ лѣсныхъ горъ Ахалцыха, увѣнчанныхъ древними часовнями, древними зàмками. Самый близкій сосѣдъ и всегдашній вѣрный защитникъ Гори въ годины былыхъ войнъ—историческій «Гори Джвари», «Крестъ Гори», сейчасъ-же на томъ берегу Куры, обнесенный высокими стѣнами зàмокъ съ монастыремъ на пикѣ труднодоступной конусообразной горы.

Къ нему часто поднимаются грузинскіе паломники и бываетъ служба нѣсколько разъ въ годъ. Тамъ постоянно живутъ завѣдывающій имъ церковный староста и двѣ благочестивыя отшельницы-монашенки. Огромный серебряный крестъ съ мощами святаго Георгія, перенесенный сюда, какъ говорятъ, еще въ древнія времена изъ Мцхета, составляетъ историческую народную святыню, привлекающую богомольцевъ.

* * *

Отъ главнаго Кавказскаго хребта до волнъ Куры стелется широкая низменная долина Ліахвы и Пшонки.

За Ліахвой видны башни зàмка князей Амилахваровыхъ, древнихъ феодальныхъ владѣтелей этой мѣст-

ности, строителей и покровителей Гори-Джвари. И до сихъ поръ земли Амилахваровыхъ стелятся далеко во всѣ стороны. Этими громадными пространствами дворянскихъ земель, столь обычными въ Карталиніи и составляющими печальный остатокъ средневѣковаго феодализма, объясняется болѣе всего пустынность и слабая хозяйственная производительность этой страны. «Латифундіи», видно, погубили не одну Италію. Какъ только встрѣчаются вамъ обширныя необитаемыя и невоздѣланныя мѣстности по берегамъ Куры или Іоры, запущенныя подъ пастбище,—будьте увѣрены, что это владѣнія родовитыхъ грузинскихъ князей, какихъ-нибудь Андрониковыхъ или Амилахваровыхъ. У нихъ нѣтъ силъ обратить эти пустыни въ сады или поля, и они безъ хлопотъ сдаютъ ихъ внаймы подъ стада, даже въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Тифлисомъ. Трудолюбивому земледѣльцу и садовнику часто негдѣ хаты поставить, часто не къ чему приложить своихъ рукъ, а старая феодальная аристократія, въ то-же время, не знаетъ, куда дѣваться съ своими десятками тысячъ едва обитаемыхъ десятинъ, часто неокупающими даже расходовъ неособенно затѣйливой, привычной княжеской жизни. Трудъ безъ земли, земля безъ капитала и знанія—это такія условія, при которыхъ самый недальновидный человѣкъ пойметъ невозможность процвѣтанія страны.

Рѣка Ліахва страшна своими широкими и продолжительными разливами. Она на нѣсколько мѣсяцевъ прекращаетъ всякое сообщеніе съ другимъ берегомъ. Въ концѣ іюля вся долина была еще наводнена.

Въ древнія времена, говорятъ, заливалась и мѣстность города, такъ что столовая скала, на которой теперь высится крѣпость, была островомъ. Вотъ какъ воспѣваютъ бродячіе горійскіе рапсоды подъ плаксивые звуки своихъ «мествири», разукрашенныхъ мѣдными

подвѣсками и цвѣтнымъ стеклярусомъ, основаніе этой исторической крѣпости, на поученіе и отраду наивной толпы, готовой до ночи слушать ихъ:

«Вздумалось царицѣ-царей, прекрасной Тамарѣ, вздумалось ей поохотиться на звѣрей лѣсныхъ и птицъ небесныхъ.

«И бѣжалъ олень многорогій навстрѣчу ея стрѣлѣ, и не смѣла цапля бороться съ соколомъ ея крѣпкогрудымъ. На берегу Ліахвы, на самомъ этомъ мѣстѣ, гдѣ стоимъ мы теперь, христіане, отдыхала Тамара, любуясь охотою.

«Князья и беки и паши не щадили рьяныхъ коней и все джигитовали, и все гонялись за звѣрьми быстроногими, чтобы бросила на нихъ свѣтлый взглядъ Тамара, чтобы похвалила ихъ молодечество.

«И не думала о нихъ царица, не глядѣла на нихъ Тамара; любимый ястребъ улетѣлъ и сѣлъ за рѣкой на крутой горѣ, и не хотѣлъ возвратиться съ добычею къ Тамарѣ.

«Рогомъ серебрянымъ созвали князей, сбѣжались беки, прискакали паши; проситъ ихъ Тамара переплыть воду, принести ей ястреба.

«Широко разлилась Ліахва, шумитъ она сильно, бѣжитъ она шибко, гарцуютъ князья, беки и паши, а воды переплыть не смѣютъ.

«Смотритъ на нихъ царица, смѣется надъ ними, презираетъ ихъ и сулитъ дать, какую ни попроситъ, награду смѣльчаку, кто переплыветъ воду, кто возвратитъ ей ястреба.

«Смотритъ на Тамару юноша съ свѣтлыми глазами, юноша съ черными кудрями, и просится плыть за птицею-ослушницею.

«Широко и шибко бѣжитъ Ліахва, но смѣло и сильно переплываетъ ее пловецъ молодой; высоко на горѣ сидитъ ястребъ, но ловитъ его чернокудрый охотникъ, и несутъ его ужь волны рѣки къ Тамарѣ и скоро попроситъ онъ себѣ награды.

«Но тяжелая мысль потемнила свѣтлое лицо царицы, но сжалось ея сердце, и думаетъ она со страхомъ—что̀ если юноша попроситъ себѣ въ награду ея сердце, ея любовь?

«Стала молиться она Божіей Матери гелатской, стала просить, чтобы спасла и защитила ее отъ желаній юноши, если захочетъ онъ ея сердца, ея любви.

«Изъ Ліахвы ужь смотрятъ на нее черные глаза пловца; нетерпѣливо кричитъ птица хищная; но зашумѣла буря, и Ліахва опрокинула, унесла въ Куру храбреца молодаго.

«И снова стала молиться Тамара; о чемъ она молилась, то знала только ея грудь бѣлая да голова многоумная.

«И сказала она князьямъ, что выстроитъ на горѣ, гдѣ сидѣла птица непослушная, крѣпость крѣпкую, на память объ юношѣ

бѣдномъ, что утонулъ ради спасенія ея души чистой... Вотъ, христіане, какъ построилась крѣпость въ Горіи; вотъ, христіане, что́ было, когда была и жила царица Тамара»...

*
* *

Мы покинули крѣпость черезъ очень крутой спускъ, который въ десять уступовъ, сильно укрѣпленныхъ стѣнами и башнями, отчасти хорошо сохранившимися, улиткою велъ къ подножію скалы, откуда былъ подземный выходъ къ рѣкѣ Пшонкѣ.

Ступени этого спуска давно уже искрошены временемъ и разрушительною рукою человѣка, таскавшаго камни этой гигантской лѣстницы на свои прозаическія потребы, и теперь приходится спускаться по грудамъ осыпи, что очень нелегко для непривычныхъ ногъ и для головы, несовсѣмъ въ себѣ увѣренной. Очутившись, наконецъ, внизу, весь мокрый отъ испарины, я вздохнулъ съ успокоеннымъ сердцемъ и понялъ своими боками, почему въ исторіи Грузіи горійская крѣпость считалась такою неприступною, почему такъ часто персы, ее осаждавшіе, не могли взять ее, несмотря на разрушеніе стѣнъ и малочисленность защитниковъ.

*
* *

Вечеръ мы провели въ оживленномъ товарищескомъ кругу, собравшись каждый послѣ своихъ трудовъ около неизбѣжнаго самовара. Я просилъ своего хозяина познакомить меня съ наиболѣе интересными личностями изъ воспитанниковъ этой оригинальной семинаріи, и съ этою цѣлью мы, поочередно, приглашали въ свою компанію молодыхъ туземцевъ, весьма просто и откровенно бесѣдовавшихъ съ нами. Кого тутъ не увидалъ я! И удинца, и ингелойца, и самурзаканца; многія названія племенъ только здѣсь и услышалъ въ первый разъ.

Самурзаканцы, какъ и многіе абхазы, бо́льшею частью христіане, и у нихъ теперь заведены священники, церкви и народныя школы, какъ и въ Грузіи. Ингелоецъ разсказалъ мнѣ, что ихъ племени всего тысячъ восемь,

что они живутъ около Закаталъ, въ равнинѣ. Они были съ древности грузины, но при Тимурѣ были отторгнуты отъ Грузіи, смѣшаны съ монголами и обращены въ мусульманство. Однако, у нихъ сохранились христіанскіе преданія и обряды, и подъ русскимъ владычествомъ они опять стали явно исповѣдывать свою тайную христіанскую вѣру. Среди ихъ селеній до сихъ поръ есть чисто-монгольское. Говорятъ ингелойцы испорченнымъ грузинскимъ языкомъ съ примѣсью татарскаго. Въ странѣ ихъ много развалинъ большихъ церквей, всѣ лѣса полны одичавшими фруктовыми деревьями и рисъ родится у нихъ самъ собою. Это интересный образецъ вырожденія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, исторической выносливости племенъ. Но еще интереснѣе показались мнѣ разсказы удинца Бѣжанова. Удинцы живутъ въ Елисаветпольской губерніи около Нухи, среди татарскаго населенія; ихъ также не болѣе 10,000. Они также были встарину оттерты отъ Грузіи и подверглись сильному вліянію татаръ.

Но удивительно, что у нихъ существуетъ свой особенный языкъ, котораго слѣды теперь все болѣе исчезаютъ, но слова и обороты котораго еще помнятъ старики. У отца Бѣжанова есть дѣдовская рукопись, сохранившая очень много этихъ древнихъ народныхъ словъ. Когда собесѣдникъ мой учился въ Тифлисѣ, то ему пришлось жить у одного нѣмецкаго ремесленника. Нѣмецкаго языка онъ не зналъ вовсе. Вдругъ слышитъ, что хозяева его употребляютъ часто нѣкоторыя изъ тѣхъ самыхъ словъ, которыми говорятъ удинскіе старики. Онъ сталъ разспрашивать своихъ хозяевъ подробнѣе и потомъ, нѣсколько ознакомясь съ нѣмецкимъ языкомъ, убѣдился, что въ рукописи дѣда и въ устахъ удинскихъ старожиловъ много нѣмецкихъ словъ. Такъ, Бѣжановъ могъ вспомнить, что мясо по-удински называется *флейшъ*, хлѣбъ — *бродъ*, вода — *вассеръ* и т. д.

Прежде, по увѣренію Бѣжанова, у народа ихъ было еще гораздо болѣе словъ, похожихъ на нѣмецкія. Бѣжановъ передалъ мнѣ, что, по преданію, удинцы были нѣмцами, зашедшими въ Грузію во время крестовыхъ походовъ, но насколько въ этомъ преданіи историческаго основанія, конечно, допытаться нельзя. Вообще, всѣ молодые люди, съ которыми я познакомился, показались мнѣ дѣльными и серьезно смотрящими на свои обязанности. Нельзя не одобрить обычая семинаріи обязывать всѣхъ воспитанниковъ своихъ собираніемъ мѣстныхъ свѣдѣній, которыя впослѣдствіи могутъ послужить богатымъ источникомъ этнографическаго изученія края.

XV

Божья крѣпость

Едва мы успѣли пообѣдать въ радушномъ товарищескомъ кругу, собравшемся у гостепріимнаго хозяина, и опорожнить бутылку-другую легкаго хедиставскаго вина, какъ на дворѣ семинаріи, подъ окномъ столовой, уже послышались знакомые и отрадные сердцу горнаго путешественника звуки лошадиныхъ подковъ. Осѣдланные верховые кони, нанятые у подгородныхъ грузинъ, нетерпѣливо топтались на мѣстѣ. Мнѣ попалась маленькая проворная лошаденка изъ-подъ джигита, пріучонная нестись въ гору едва не маршъ-маршемъ, что́ она, разумѣется, поспѣшила доказать мнѣ, только-что нога моя очутилась въ стременахъ. Я еще не успѣлъ ознакомиться съ верховою сноровкою горцевъ и, подобно всѣмъ европейскимъ смертнымъ, не воображалъ, чтобъ на языкѣ здѣшнихъ лошадей затягивать поводья во всю силу руки значило заставлять ихъ горячиться и ускорять ходъ. Поэтому, чѣмъ больше

усилій употреблялъ я, чтобъ смирить пылъ моего Пегаса, тѣмъ рѣзвѣе и рѣзвѣе уносился онъ въ гору, черезъ камни кладбища и кучи разбросанныхъ валуновъ, по которымъ мы вздумали избрать сокращенный путь изъ города въ Уплисцихе. Но такъ какъ благоразумная природа всегда имѣетъ обыкновеніе помѣщать противоядіе рядомъ съ ядовитымъ растеніемъ, то она, снабдивъ такими черезчуръ дикими вкусами горскаго коня, снабдила его, въ то-же время, и твердою, какъ сталь ногою, которая, не спотыкаясь, ныряетъ между острыхъ камней и перескакиваетъ на всемъ ходу, куда ей нужно. Намъ пришлось теперь ѣхать по лѣвому берегу Куры, наслаждаясь видомъ дальнихъ лѣсистыхъ горъ, черезъ крутые холмы, по которымъ змѣилась конная тропинка, то-и-дѣло уходившая въ глубокіе овраги и опять прихотливо взвивавшаяся наверхъ.

Всѣ эти холмы вблизи и вдали, нѣсколько лѣтъ назадъ, были покрыты строевымъ лѣсомъ, кишѣвшимъ оленями, сернами, козами, отъ котораго едва уцѣлѣли теперь жалкіе кустики, придающіе еще большій видъ пустынности каменистымъ желтымъ осыпямъ холмовъ. Всѣ эти лѣса и земли принадлежали богатымъ грузинскимъ дворянамъ, которые пораспродали ихъ на срубъ и обратили эту когда-то плодородную и хорошо орошенную мѣстность въ безпріютную страну сухихъ балокъ.

* * *

Уплисцихе на отвѣсномъ, какъ стѣна, высокомъ обрывѣ скалъ, провожающихъ лѣвый берегъ Куры. Подъ тѣнью этихъ желтовато-бѣлыхъ природныхъ стѣнъ прячется деревенька Уплисцихе, жалкое гнѣздо тѣсныхъ подземныхъ норъ, которыя я не призналъ-бы за жилища человѣка, еслибы мнѣ не объяснили этого мои спутники. Только утлые хворостяные плетни «саманницъ» (по нашему половни) прячутся въ осыпяхъ скалъ

и въ кучахъ песку. Но жилье все въ землѣ, и лошади наши пробѣгали, словно по дорогѣ, по плотно убитымъ плоскимъ крышамъ, сравненнымъ съ землею и засыпаннымъ тѣмъ-же щебнемъ скалъ. Безобразные шалаши трубъ, сдѣланные изъ глины или изъ наваленной груды кругляковъ, на каждомъ шагу торчавшіе изъ земли, напоминали не столько селенье людей, сколько ряды большихъ кротовыхъ кучъ. Ни кустика, ни заборчика, никакой самой первобытной попытки къ удобству или украшенію жизни не было видно въ этомъ цыганскомъ становищѣ, для котораго, повидимому, существовала только одна задача — спастись съ наименьшимъ расходомъ силъ отъ вѣтровъ, дождя и холода, хотя-бы для этого пришлось закопаться въ землю и замѣнить радостный свѣтъ солнечнаго дня вѣчно-темною могилой.

Однако, неизбѣжный духанъ, хотя и представлявшій изъ себя очень дрянную хворостяную плетушку, наполовину врытую въ землю, и въ этомъ мрачномъ углѣ открываетъ свою гостепріимную дверь, за которою припасенъ для любителей кувшинъ-другой дешеваго и веселаго вина. Духанщикъ намъ вынесъ «чурекъ» вина съ нѣсколькими кусочками мѣстнаго сыра и хлѣба, и мы съ наслажденіемъ выпили, послѣ безпокойной тряски на сѣдлѣ, не слѣзая съ коней, стаканчика по три этого бодрящаго и возстановляющаго напитка, неоцѣнимаго во время пути. Въ чурекѣ оставалось еще вино, но простодушный сельскій Дюссо ограбилъ насъ за цѣлый кувшинчикъ вина и за всѣ закуски свои только на одинъ двугривенный, чему, къ сожалѣнію, не подражаютъ ни одинъ тифлисскій или кутаисскій трактирщикъ. Около духана мы нашли себѣ и провожатыхъ для осмотра развалинъ.

*
* *

Пещерный городъ Уплисцихе, доисторической древности, вѣнчаетъ своею развалившеюся крѣпостью темя

довольно обширнаго столообразнаго утеса на берегу Куры, отдѣленнаго пропастями отъ остальныхъ утесовъ этого берега. Въ него ниоткуда нѣтъ доступа, такъ что черныя дыры его обширныхъ пещеръ, зѣвающія въ нѣсколько этажей среди гладкихъ отвѣсныхъ скалъ, кажутся снизу недоступными ячейками какого-то гигантскаго осинаго сота. Я совершенно не могъ постичь, какъ и куда должны взбираться мы, и, признаюсь, съ стѣсненнымъ сердцемъ посматривалъ снизу и на эти таинственныя впадины, загадочно повисшія между небомъ и землею, и на обглоданные временемъ остатки башенъ и стѣнъ, надвинутыхъ на самый край верхняго карниза скалы.

Сѣдой старикъ-грузинъ увѣренно ведетъ насъ къ подошвѣ сплошной скалы, и я иду за нимъ, полный недоумѣнія. Только когда мы подошли вплотную къ нижнимъ камнямъ этой скалы и обогнули одинъ изъ нихъ, передъ нами вдругъ открылся узкій, словно ножомъ прорѣзанный ходъ, искусно выдолбленный въ толщѣ скалы, по самому краю ея; ходъ этотъ шелъ, извиваясь и огибая скалу, все круче и круче въ гору, едва давая возможность протиснуться плечами между стѣнъ и поставить рядомъ двѣ ноги. Наружная стѣнка его настолько высока, что могла скрывать отъ глазъ осаждающаго двигавшихся въ проходѣ людей и защищать ихъ отъ выстрѣловъ. Понятно, что въ этихъ искусственныхъ Ѳермопилахъ одинъ вооруженный воинъ могъ загородить путь цѣлому войску и что осажденнымъ ничего не стоило въ одну минуту заложить камнями этотъ оригинальный ходъ.

Мы шли довольно долго этимъ узкимъ и крутымъ подъемомъ, напомнившимъ мнѣ старую лѣсенку Ивана-Великаго,—то наступая на раздавленныхъ змѣй, то любуясь рѣзво скользившими во всѣхъ направленіяхъ большими сѣрыми ящерицами, испуганными непривычнымъ

шумомъ человѣческихъ шаговъ, звонко раздававшихся между тѣсными стѣнками камня. Жутко было иногда глянуть направо, въ встрѣчавшіяся широкія пробоины наружной стѣнки, которой тонкая перегородка едва отдѣляла нашу тропу отъ обрыва Куры, надъ которою теперь мы висѣли.

Этотъ извивавшійся улиткою и много разъ перелѣзавшій черезъ камни проходъ привелъ насъ, наконецъ, порядочно утомленныхъ, внутрь крѣпости и въ самое сердце стараго пещернаго городка.

Цѣлыя улицы пещерныхъ жилищъ, совсѣмъ разрушенныхъ, полуразрушенныхъ и вполнѣ сохранившихся, покрываютъ собою вершины скалы, поднимаясь этажами одна надъ другою, продолжая собою изгибы улитки, которыми начался проходъ, все выше и выше, до послѣднихъ утесовъ скалы.

Тѣ дыры пещеръ, что видны были мнѣ снизу, составляютъ только ничтожную долю ихъ. Большая часть пещеръ обращена отверстіями внутрь, къ улицамъ, проходящимъ посрединѣ ихъ. Здѣсь, наверху, убѣждаешься дѣйствительно, что это какой-то улей великановъ. Обрушившіяся переднія стѣнки скалы часто открываютъ вамъ сразу, будто полки шкафа, нѣсколько пещеръ, расположенныхъ другъ надъ другомъ.

Пещеры эти разнообразны. Есть небольшія, почти круглыя, безъ всякихъ сообщеній, очевидно, служившія помѣщеніемъ одинокаго человѣка; есть съ нѣсколькими отдѣленіями, съ каменными лѣсенками и отверстіями, проходящими въ сосѣднее жилье, повидимому домà семейныхъ людей. Есть очень обширныя и очень низкія, можетъ быть, служившія хлѣвомъ для скота. Почти въ каждой пещерѣ выдолблены въ стѣнахъ альковы для постелей, иногда съ каменнымъ ложемъ, отдѣльныя сидѣнья и ступени, маленькія ниши и полки для помѣщенія вещей, каменныя кольца и гнѣзда для предме-

товъ, на которые можно было вѣшать платье, оружіе и прочее.

Углубленіе посреди задней стѣны, прямо противъ входа, вѣроятно, назначалось, какъ и въ нынѣшнихъ жилищахъ грузинъ, для иконъ, крестовъ и свѣчей; по крайней мѣрѣ, на нѣкоторыхъ изъ нихъ замѣтны слѣды копоти. Почти въ каждой пещерѣ замѣтна въ полу круглая цистерна съ жолобомъ, выдолбленнымъ въ покатомъ камнѣ, назначенная для сохраненія дождевой воды, а входы въ эти пещеры имѣютъ пробоины, пазы и каменныя ушки, несомнѣнно доказывающіе, что они закрывались прежде дверями и имѣли впереди деревянную стѣнку.

Нѣкоторыя пещеры обращаютъ на себя вниманіе нетолько своею сложностью и обширностью, но и тщательностью своей отдѣлки, по которой можно судить, что здѣсь жили прежде знатные или начальствующіе люди, и что подобныя пещеры устроены уже не руками троглодитовъ или горскихъ дикарей, а появились въ вѣкъ цивилизаціи, среди людей, хорошо знакомыхъ съ требованіями архитектуры.

Въ такихъ жилищахъ, иногда двухъэтажныхъ, съ внутреннею лѣстницею, своды, притолки, карнизы оконъ украшены искусною каменною рѣзьбою, потолкамъ приданъ видъ выпуклыхъ каменныхъ бревенъ и проч. Но всего интереснѣе такъ-называемый дворецъ Тамары, неподалеку отъ церкви, въ среднихъ ярусахъ пещеръ. Трудно сомнѣваться, что это былъ дѣйствительно или дворецъ, или храмъ. Комнаты его очень высоки, уже непохожія на пещеры по благороднымъ размѣрамъ и правильнымъ геометрическимъ линіямъ своихъ круглыхъ сводовъ, напоминающихъ своды храма; эти своды покрыты красивою скульптурною отдѣлкою, въ формѣ шестиугольныхъ выпуклыхъ плитокъ, весьма похожихъ на украшеніе многихъ нашихъ нынѣшнихъ

храмовъ, двѣ толстыя круглыя колонны, также искусной рѣзьбы, теперь уже наполовину обрушившіяся, отдѣляютъ главную залу отъ прихожей. По сторонамъ высокія окна арками, съ карнизами кругомъ, выходящія въ боковыя помѣщенія; вверху правильное круглое отверстіе для пропуска свѣта; вдоль задней стѣны каменное возвышеніе въ родѣ эстрады со ступенями къ нему; въ толщѣ стѣны глубокій альковъ съ каменнымъ ложемъ. Можетъ быть, впрочемъ, это было не ложе, а трапеза храма, и возвышеніе со ступенями мѣстомъ для алтаря. Одно только обстоятельство говоритъ за то, что это былъ скорѣе дворецъ, а не храмъ: въ боковомъ помѣщеніи направо, куда идетъ ходъ изъ главной залы, до сихъ поръ видны вкопанные въ землю, огромные, ведеръ въ двадцать, глиняные кувшины для вина, называемые грузинами «коври» и указывающіе, что здѣсь была кладовая. Въ другомъ углу видны несомнѣнные остатки бухары, то есть грузинскаго камина. Слѣдовательно, это, во всякомъ случаѣ, было жилье.

Почти рядомъ съ дворцомъ цѣлая система простыхъ пещеръ, похожихъ на казарму или на кельи монастыря. Проводникъ-грузинъ, во всякомъ случаѣ, нисколько не сомнѣвался, что показываетъ намъ дворецъ Тамары. Ученые этого рода вообще недоступны скептицизму. Впрочемъ, преданіе это, само по себѣ, нисколько неудивительно, потому что грузинскія лѣтописи говорятъ объ Уплисцихе, какъ о городѣ, извѣстномъ уже за многіе вѣка до Рождества Христова. Его завоевалъ Александръ Македонскій, его украшалъ царь Аршагъ, а строителемъ его считается внукъ самого легендарнаго Картлоса. Сравнительно съ этою сѣдою древностью — что значитъ какой-нибудь вѣкъ Тамары? Нѣкоторые изслѣдователи Кавказа, у которыхъ, во всякомъ случаѣ, нужно признать значительную способность

воображенія, даже непоколебимо убѣждены, что одно изъ подземныхъ помѣщеній Уплисцихе есть ничто иное какъ «великолѣпный храмъ Ваала или Астарты». Изъ способа вырубки скалъ они заключаютъ, что въ то время «еще не было твердой стали и лакедемонскихъ камнерѣзныхъ машинъ», а по общему стилю этихъ подземныхъ построекъ—находятъ въ нихъ «большое сходство съ древнепеласгическими катакомбами«, почему съ смѣлостью, которой мы завидуемъ, назначаютъ возрастъ ихъ «*по меньшей мѣрѣ въ 3,000 лѣтъ*». На стѣнахъ нѣкоторыхъ подземныхъ помѣщеній видны выбитыя надписи на неизвѣстномъ языкѣ, которыя рабски скопированы мѣстными археологами, но, кажется, еще не разобраны. Онѣ, быть можетъ, положатъ хотя нѣкоторый реальный предѣлъ черезчуръ пламенному воображенію археологовъ.

*
* *

Городъ пещеръ былъ обнесенъ стѣною съ башнями, которая еще уцѣлѣла мѣстами на самыхъ крутыхъ обрывахъ. Посреди города, пососѣдству съ дворцомъ, на очень видномъ и оживленномъ мѣстѣ, стоитъ вполнѣ сохранившаяся древняя церковь, сложенная изъ кирпича и оштукатуренная внутри, съ прекрасными сводами, на которыхъ замѣтны рисунки и надписи, признанныя археологами за арабскія, еврейскія и другія. Церковь окружена полутемною галерейкою, по обычаю старыхъ грузинскихъ церквей. Въ галерейкѣ этой и кругомъ ея по дворику храма разбросаны частью разбитые и вросшіе въ землю, частью совсѣмъ новые, глиняные огромные кувшины, въ которыхъ благочестивые люди въ теченіе вѣковъ приносили Богу жертвы виномъ послѣ счастливой уборки своихъ садовъ, какъ это и до сего времени соблюдается въ Грузіи. Сверхъ того, меня удивило, что вся церковь по наружной стѣнѣ была опутана кругомъ нитками. Спутники мои объ-

яснили мнѣ, что это старинный обычай засидѣвшихся грузинскихъ дѣвъ, которыя этимъ безполезнымъ подвигомъ благочестія разсчитываютъ ускорить желанное замужество. Вѣроятно, грузинскія Аріадны воображаютъ, что всякій молодой мужчина, входящій въ храмъ черезъ волшебную нить, въ ту-же минуту опутывается съ помощью благодарнаго божества невидимыми сѣтями ихъ прелестей...

Чѣмъ-то дѣтски-трогательнымъ и первобытно-наивнымъ смотрѣлъ вообще этотъ одинокій древній храмъ, одинъ сохранившій жизнь въ этой горной пустынѣ среди долгихъ вѣковъ разрушенія. Въ немъ все было цѣло, все на мѣстѣ, какъ и въ дни его постройки: стоялъ аналой съ иконою и подсвѣчникъ со свѣчою; на престолѣ лежали евангеліе, крестъ и антиминсъ; на трапезѣ стояли священные сосуды; царскія двери и иконостасъ закрывали входъ въ алтарь.

Но все это было такъ просто и бѣдно, что скорѣе напоминало тайные храмики первыхъ христіанъ, прятавшихся въ катакомбахъ Рима отъ преслѣдованія языческихъ императоровъ, чѣмъ главный соборъ въ резиденціи великой христіанской царицы. Къ довершенію трогательнаго простодушія, церковь была не заперта; мнѣ сказали, что она не запирается никогда, хотя на горѣ не живетъ ни одной души. Въ нее входятъ, въ ней молятся, многіе приносятъ въ нее свои скромныя жертвы, но никто не дотронется пальцемъ до древнихъ святынь своей родины. Правда, и несоблазнительны эти святыни съ точки зрѣнія базара. Въ странное противорѣчіе съ поэтическою обстановкою этой исторической святыни Грузіи, у входа ея виситъ самый прозаическій валдайскій колокольчикъ изъ-подъ троичной дуги, на которомъ, вмѣсто всякихъ эллинскихъ начертаній, я съ невольнымъ смѣхомъ прочелъ новѣйшіе плоды валдайскаго остроумія: «ѣзди, веселись, купи—не скупись!»

Въ этотъ непритязательный «церковный колоколъ» сзываютъ молящихся во дни храмоваго праздника древней обители.

«Уплисцихе» значитъ: «Божья башня» или «Божья крѣпость». Уже одно это имя показываетъ, что старый храмикъ, съ своими жестяными свѣщниками и кожанымъ маленькимъ евангеліемъ, былъ издревле-чтимою народною святынею, подъ покровомъ которой сама крѣпость получила славу необоримости.

Противъ Уплисцихе, на той сторонѣ Куры, на холмѣ, гораздо менѣе крутомъ, расположена деревня, въ которой также высятся старая церковь и развалины старыхъ крѣпостныхъ стѣнъ, въ обрывахъ которыхъ также чернѣетъ нѣсколько отверстій-пещеръ.

Старикъ-грузинъ сообщилъ намъ, что изъ Уплисцихе къ крѣпостцѣ того берега при царицѣ Тамарѣ былъ тайный ходъ подъ Курою; когда непріятели осаждали ту крѣпость, гарнизонъ «Божьей башни» являлся нежданно около стана враговъ и, конечно, уничтожалъ его. Когда осаждалась сама Уплисцихе, помощь точно также внезапно подавалась изъ-за Куры. Старикъ, однако, не взялся разыскивать этого баснословнаго тунеля, а повелъ насъ уже къ несомнѣнно существующему «тайному ходу», которымъ осажденные жители Уплисцихе спускались за водою въ Куру.

Мы прошли пустынную площадку, густо заросшую яркожелтымъ тысячелистникомъ, котораго здѣсь уже невозможно величать «бѣлоголовикомъ», какъ у насъ, въ Россіи, и очутились надъ обрывомъ скалы, въ толщу которой было продѣлано нѣчто въ-родѣ круглыхъ воротъ. Это, поистинѣ, были ворота въ преисподнюю.

Проводникъ предупредилъ насъ, что однимъ спуститься невозможно, что сейчасъ-же покатишься внизъ до самой Куры, а предложилъ, что онъ сведетъ подъ руки каждаго изъ насъ поочереди. Но, конечно, мы

всѣ вознегодовали на такую обиду и рѣшились, если и падать, то на свой страхъ.

Круглая огромная труба, черная отъ темноты, пробуравлена съ самымъ малымъ наклономъ на нѣсколько десятковъ саженъ длины, сквозь известковыя толщи скалы, къ волнамъ Куры. Когда-то въ ней были сотни каменныхъ ступеней, по которымъ могли свободно спускаться и подниматься цѣлыя толпы водоносовъ. Но съ теченіемъ вѣковъ ступени эти осыпались, слизались, такъ что нижняя сторона трубы обратилась въ такую же гладкую, вогнутую стѣнку, какъ и всѣ остальныя.

Нужно было дѣйствительно очень энергически не желать посрамить себя передъ грузинами и испытать печальный способъ скатыванія внизъ на своихъ собственныхъ салазкахъ, чтобъ удержаться на ногахъ во время этого чертовскаго карабканья внизъ по голой каменной трубѣ тайника.

Однако, я исполнилъ это благополучно и, съ внутреннимъ торжествомъ, вынырнулъ на свѣтъ божій у низкой мокредины берега, какъ-разъ въ томъ мѣстѣ, куда догадливые грузины привели нашихъ верховыхъ лошадей. Это былъ, поистинѣ, дьявольскій выходъ изъ «Божьей башни».

* * *

Но я не разсказалъ бы самаго удивительнаго изо всего, что мы видѣли въ этихъ удивительныхъ развалинахъ, еслибъ не упомянулъ о птицахъ святаго Іакова. На Уплисцихе я, наконецъ, досыта познакомился съ «тарби», этими пресловутыми истребителями саранчи. Какъ-только мы вступили въ узкій проходъ, по которому взлѣзаютъ на крѣпость, мы уже вспугнули несмѣтныя стаи тарби. Когда же мы очутились наверху и стали переходить изъ пещеры въ пещеру, изумленію моему не было предѣла: цѣлыя миріады этихъ хорошенькихъ розовыхъ скворцовъ взлетали при каждомъ

нашемъ шагѣ, словно вся почва кишѣла ими, словно подъ каждымъ камнемъ развалинъ, въ каждой трещинѣ скалы они были набиты тысячами. Бѣлый известковый грунтъ Уплисцихе былъ на далекое разстояніе сплошь окрашенъ кроваворозовымъ цвѣтомъ изъ помета.

Когда мы приглядѣлись ближе, то оказалось, что дѣйствительно весь Уплисцихе былъ только громаднымъ гнѣздомъ розовыхъ скворцовъ. Ихъ изящныя блѣдно-голубоватыя яички лежали по пяти въ каждой щели камней, на самой незатѣйливой травяной подстилкѣ. Изъ многихъ черныхъ щелокъ уже выглядывали на насъ желтые разинутые ротики крохотныхъ голыхъ птенчиковъ, а иногда рядомъ съ ними и испуганная мать, забившаяся глубоко въ камни, которая въ отчаяніи не рѣшалась улетать отъ своихъ дѣтенышей даже и при видѣ человѣка. Мнѣ стало только теперь понятно, почему ихъ называютъ «каменными скворцами». Я могъ убѣдиться также теперь, что тарби выводятся вовсе не на одномъ Араратѣ и что имъ нѣтъ нужды въ водѣ св. Іакова для того, чтобъ посѣщать страны, зараженныя саранчею. Я вспомнилъ, что мнѣ случилось разъ видѣть и убить нѣсколькихъ такихъ же розовыхъ скворцовъ даже и въ своемъ далекомъ Щигровскомъ уѣздѣ, на своемъ собственномъ гумнѣ. За Кавказомъ же я встрѣчалъ ихъ потомъ во множествѣ почти на всѣхъ известковыхъ скалахъ Куры и Ріона.

Куда ни глянешь кругомъ, на обрывы известковыхъ скалъ, провожающихъ Куру, отовсюду поднимаются, словно огненные дымки, эти розовыя стаи, и конца-счету нѣтъ ихъ неоглянымъ полчищамъ! Онѣ носятся по воздуху, сверкая своими красками утренней зари, и съ дружнымъ шумомъ, словно горсть брошеннаго гороха, вдругъ упадаютъ на черныя пятна золотаго поля, гдѣ шевелится привлекательная для нихъ гадина... Поразительно было смотрѣть, съ какою алчностью и

какимъ ожесточеніемъ летучіе санитарные отряды св. Іакова обрушивались на гибельное насѣкомое. Куда доставалъ только глазъ, на зелени травы, среди колосьевъ, пажитей — вездѣ съ неутомимымъ одушевленіемъ работали эти удивительныя птички. То и дѣло стаи ихъ срывались съ полей и бросались къ водамъ Куры, остудить жаръ своей кровавой пищи. Пополощатся мгновеніе, встрепенутся крылышками, быстрыми какъ стригущія ножницы, и опять взмоютъ дружною шайкою въ синій воздухъ, опять несутся стремглавъ, отыскивая поживы посытѣе, и опять, какъ подстрѣленныя, падаютъ разомъ всею кучею на лакомое мѣстечко, гдѣ опять закипаетъ даже издали замѣтный неистовый бой!...

XVI

Осетины и ихъ исторія

Я сдѣлалъ бы большое упущеніе, какъ туристъ Кавказа, еслибъ не собралъ въ одно разнородныхъ свѣдѣній, которыя мнѣ удалось добыть при посѣщеніи осетинскихъ ауловъ около Владикавказа и въ разныхъ другихъ мѣстностяхъ моего пути, изъ знакомства съ образованными осетинами и, наконецъ, изъ спеціальной литературы объ осетинахъ, не особенно большой и трудно доступной публикѣ. Мы, русскіе, даже наиболѣе образованные, знаемъ такъ мало объ этомъ интересномъ и оригинальномъ народѣ, входящемъ теперь въ составъ нашего русскаго народа, что, я увѣренъ, мое описаніе осетинъ будетъ весьма нелишнимъ для читателя, хотя, для полноты и цѣльности картины, я вынужденъ отступить въ этомъ письмѣ отъ формы пу-

теваго дневника, въ которой веду описаніе своихъ кавказскихъ странствованій.

Уже со станціи Эльхотово, не доѣзжая Владикавказа, и почти до самаго Гори я ѣхалъ, въ сущности, странною осетинъ, которыхъ поселенія наполняютъ не только долины Терека и Арагвы, но и всю горную часть Кавказа, направо отъ военногрузинской дороги, всѣ ближайшія долины рѣкъ, впадающихъ въ Терекъ, какъ Тагаурская долина Гизель-Дона, Куртатинская долина Фіаг-Дона, долины Ар-Дона и впадающаго въ него Нар-Дона, и даже южныя долины рѣкъ бассейна Куры, какъ Ксанъ, Большая и Малая Ліахвы и проч.

Прощаясь теперь съ этою страною осетинъ и готовясь вступить въ плодоносныя равнины Имеретіи, кстати оглянуться на народъ и страну, которые остались позади. Осетины, можетъ быть, одно изъ самыхъ любопытныхъ и загадочныхъ племенъ на свѣтѣ; достаточно уже того, что они самый любопытный народъ на Кавказѣ, въ этомъ истинномъ воплощеніи вавилонскаго смѣшенія языковъ, этомъ живомъ историческомъ и этнографическомъ музеѣ, въ который въ теченіе тысячелѣтій складывались образцы племенъ, игравшихъ какую-нибудь роль въ лѣтописяхъ міра.

Непроходимыя кавказскія тѣснины, раздѣлявшія пополамъ двѣ страны свѣта, дѣйствительно служили человѣчеству своего рода природнымъ фильтромъ, въ скважинахъ котораго, волею-неволею, застревали и часто сохранялись въ своей неприкосновенной первобытности остатки всѣхъ тѣхъ народовъ, которые двигались въ разные вѣка изъ Азіи въ Европу, изъ Европы въ Азію.

Теперь трудно сомнѣваться, что осетины, или осы, называющіе, впрочемъ, сами себя иронами, представляютъ собою однихъ изъ первобытныхъ обитателей Кав-

каза и одинъ изъ самыхъ старыхъ народовъ индоевропейской семьи, гораздо старше германцевъ, славянъ и пр. Все заставляетъ думать, что имя «асы» —то-же, что «азы», хорошо извѣстные древнимъ географамъ и историкамъ, извѣстные и нашему лѣтописцу подъ именемъ язовъ, побѣжденныхъ Святославомъ вмѣстѣ съ касогами.

Страбонъ знаетъ городъ *Аза* на Танаисѣ (т. е. Донѣ), приблизительно на мѣстѣ нашего Азова, слѣдовательно около *моря азовъ*, т. е. Азовскаго. Плиній, въ числѣ скиѳскихъ племенъ, называетъ племя Asoei, онъ знаетъ еще *язиговъ* — сарматовъ, жившихъ между Днѣпромъ и Дунаемъ, о которыхъ Страбонъ сообщаетъ, что они переселились изъ страны между Кавказомъ и Дономъ. Французскій ученый Дюбуа де-Монпере самое слово «язиги» объясняетъ составомъ этого народа изъ двухъ близкихъ племенъ: язъ (т. е. азъ, асъ) и *дзиги*, которыхъ имя сохранилось въ общемъ названіи черкесскихъ народовъ *адиги* и въ спеціальномъ названіи одного черкесскаго племени на берегу Чернаго моря *джиги*, *джигеты*. Грузины и до сихъ поръ всѣхъ черкесскихъ горцевъ называютъ *джигетами*. Интересно, что всѣ рѣки въ нынѣшней Осетіи носятъ названіе Дона (т. е. воды): Гизель-Донъ, Фіаг-Донъ, Заки-Донъ, Зруг-Донъ и т. д. Это же слово лежитъ въ корнѣ всѣхъ рѣкъ южнорусской равнины, куда, по свѣдѣніямъ Страбона и Плинія, переселились азиги: рѣка Донъ (Данаисъ), Данаприсъ или Днѣпръ, Данастрисъ или Днѣстръ, Данубіусъ или Дунай (Donau). На этомъ поразительномъ созвучіи южнорусскихъ рѣкъ съ осетинскимъ словомъ *донъ*—вода, ученые основываютъ мнѣніе, что слово это перенесено въ равнину язигами, племенемъ азовъ или осовъ, жившихъ у Дона и Азовскаго моря, такъ какъ до того времени Дунай назывался у древнихъ Истеръ, Днѣпръ — Борисѳенъ, а Днѣстръ — Тирасъ.

У нашихъ малороссіянъ до сихъ поръ есть слово *дунаить*, т. е. носить воду.

Самое слово «Азія» очевидно произошло отъ азовъ, давшихъ свое имя и Азовскому морю.

Страбонъ подъ Азіей разумѣетъ спеціальную страну—Asia propria, а не часть свѣта, и подъ именемъ ея описываетъ берегъ Меотійскаго болота (Palus'a, т. е. Азовскаго моря). Вообще всѣ древніе имя Азіи тѣсно соединяли съ Кавказомъ и Азовскимъ моремъ.

Недаромъ Геродотъ объясняетъ самое названіе Азіи именемъ жены Прометея, прикованнаго къ Кавказу. Хотя другіе древніе писатели Греціи увѣряютъ, что Азія была не жена, а мать Прометея, жена Іафета, но это нисколько не измѣняетъ общаго смысла преданія, связывающаго съ Кавказомъ нетолько имя Азіи, но и происхожденіе самихъ грековъ черезъ Девкаліона, сына Прометея, такъ сильно напоминающаго еврейскаго Ноя, съ того же Кавказа. Геродоту была уже извѣстна «Гора Азовъ».

Слово «Cauc - as» почти подходитъ къ осетинскому «хохъ·Азъ» (гора Азовъ), такъ какъ осетины всѣ вершины горъ называютъ «хохъ»: Матхохъ, Джимерайхохъ и т. д. Но самымъ вѣскимъ доводомъ того, что между Азовскимъ моремъ и Кавказомъ дѣйствительно жили въ древности азы, служитъ памятникъ, воздвигнутый, въ 349 году до Рождества Христова, женою перваго архонта Босфора—Перизада и найденный на берегу Керченскаго пролива. На памятникѣ этомъ сдѣлана такая надпись: «Комазарія, дочь Гергиппа, жена Перизада, чтобъ выполнить сдѣланный ею обѣтъ, воздвигла этотъ памятникъ могущественнымъ божествамъ Анергу и Астарѣ, въ бытность Перизада архонтомъ Босфора и Ѳеодосіи и царемъ азовъ, маетовъ и татеянъ».

Въ 92-мъ году до Рождества Христова, извѣстный греческій путешественникъ Скимнъ Хіосскій, въ пе-

риплѣ котораго вообще находятся нѣкоторыя дорогія указанія на древнюю географію Крыма и Кавказа, ѣхавъ по направленію отъ Крыма къ Кавказу, находилъ еще за сарматами устьевъ Танаиса по берегамъ Меотійскаго озера (т. е. Азовскаго моря) племя яза-маетовъ (Iazmaëtae), очевидно, тѣхъ-же азовъ и маетовъ Перизада, тѣхъ же-ясовъ, съ которыми бился впослѣдствіи въ этой самой мѣстности нашъ удалый Святославъ. Замѣчательно при этомъ, что Скимнъ, какъ и большинство древнихъ, границею Азіи считалъ Донъ, а не Кавказскій хребетъ.

«Берега Танаиса — границы Азіи и двухъ материковъ», выражается онъ. Такимъ образомъ, есть сильный поводъ думать, что современные наши осы, или осетины, сохранили названіе и мѣсто жительства своихъ древнихъ предковъ—первобытнаго племени азовъ, связавшаго свое имя съ легендами европейскихъ народовъ самаго глубокаго доисторическаго мрака. Очень можетъ быть, что это тѣ самые азы, темное воспоминаніе о которыхъ напоминаютъ и саги сѣверныхъ скандинавовъ: извѣстно, что въ ихъ миѳахъ играютъ особенную роль эти азы, обитатели «страны азовъ» (Asaland) и «града Азовъ» (Asagard), принесшіе *съ юга* на далекій сѣверъ религію, языкъ, литературу и нравы Скандинавіи *). Значительное сходство корней нынѣшняго осетинскаго языка съ нѣмецкимъ и другими индоевропейскими языками, а также нѣкоторые древніе обычаи, общіе осетинамъ съ нѣмцами, наконецъ самый бѣлокурый типъ лица ихъ, отличающій ихъ отъ другихъ горцевъ Кавказа, дѣлаютъ эти предположенія ученыхъ весьма правдоподобными, хотя нельзя умолчать, что это

*) Недаромъ по хроникѣ Снора Стурлезона, цитуемой Риттеромъ, «Одинъ пришелъ на сѣверъ *изъ Азіи*, послѣ долгихъ странствованій».

сходство съ нѣмцами можетъ быть объясняемо и тѣмъ извѣстнымъ историческимъ фактомъ, что въ первые вѣка христіанской эры въ переднемъ Кавказѣ жили готы, часть которыхъ осталась въ горахъ даже и послѣ переселенія ихъ далѣе къ западу, подъ напоромъ гунновъ и другихъ кочевниковъ. Извѣстный ученый Клапротъ, высказавшій первый мысль о сходствѣ осовъ съ нѣмцами, Дюбуа де-Монпере, докторъ Пфаффъ и другіе ученые, изслѣдовавшіе осетинскую народность, единодушно стоятъ за индоевропейское происхожденіе осовъ и за ихъ ближайшее родство съ германцами. Клапротъ доказываетъ это сравнительнымъ анализомъ 740 осетинскихъ и германскихъ словъ.

Нѣкоторыя осетинскія слова дѣйствительно поражаютъ своимъ родствомъ съ европейскими корнями; такъ «гора»—по-осетински «hoch» (по-нѣмецки hoch—высокій), «все»—all, какъ и по-нѣмецки; «поселяне, деревня»,—по-осетински кау (нѣмецкое Gau); «старшина»—aldar или eldar (нѣмецкое Alter, Aelter), Barts—«грива» (нѣмецкое Bart—борода); «я говорю, обѣщаю» по-осетински saghin (нѣмецкое sagen), «убійство» — mard (нѣмецкое — Mord), «ноготь» — nagh (нѣмецкое Nagel), «корова» — ku (нѣмецкое Kuh) и т. д. Другія слова чисто-славянскія, напримѣръ: mad — мать, mazg — мозгъ, mit — медъ, bour — желтый (бурый), douar — дверь, navagh —новый, zerdce — сердце, simeg — зима (снѣгъ) и проч. Дюбуа де-Монпере, сравнивая осетинскія слова́ съ языкомъ леттовъ Лифляндіи и Курляндіи и литовцевъ, нашелъ между ними еще больше сходства, чѣмъ съ нѣмецкимъ.

У осетинъ сохранился, сверхъ того, чисто-славянскій обычай вести счетъ бирками, замѣняющими у нихъ всякій контрактъ. Древніе славяне, какъ извѣстно изъ словъ черноризца Храбра, «чертами и рѣзами читааху и гадааху». У крестьянъ нашихъ бирка до сихъ поръ

съ успѣхомъ замѣняетъ счеты, а при отдачѣ какого-нибудь деревенскаго товара въ обработку, напримѣръ сукна на сукновальню, шерсти на войлокъ или валенки шерстобиту, овчинъ или шкуръ скорняку, крестьянинъ нашъ непремѣнно беретъ «жеребьекъ», т. е. привязываетъ къ оставляемому товару бирочку и, отрѣзавъ отъ нея частицу такъ, чтобъ она плотно приходилась къ остальной биркѣ, уноситъ ее съ собою.

* * *

Азы, или асы, были постоянно извѣстны въ исторіи и послѣдующихъ вѣковъ. Только ихъ смѣшивали нерѣдко съ аланами, повидимому сроднымъ съ нимъ племенемъ, жившимъ рядомъ и почти всегда воевавшимъ вмѣстѣ. Такъ, асовъ и аланъ принималъ за одно знаменитый путешественникъ Плано-Карпини, а очень точный Рубруквисъ, въ то-же время, алановъ мѣшаетъ съ половцами (команами).

Вотъ какъ описываетъ асовъ Рубруквисъ, ѣхавшій изъ Крыма:

«На югѣ мы имѣли очень большія горы (онъ впослѣдствіи называетъ ихъ «Аланскими»). Тамъ жили kergis (можетъ быть, черкесъ?) и acas, *которые христіане* и воюютъ ежедневно противъ татаръ. Послѣ нихъ къ Большому Озеру (т. е. Каспійскому морю) сарацыны, которыхъ называютъ lesges (лезгины) и которые подданные татаръ, а потомъ встрѣчаютъ желѣзныя ворота, которыя великій Александръ велѣлъ построить, чтобъ воспрепятствовать набѣгамъ варваровъ въ Персію».

Монахъ Баконъ, путешественникъ XIII-го столѣтія, отличаетъ горы христіанъ—Aas (т. е. Асы) отъ горъ Аланъ. Но, вообще, огромное большинство византійскихъ, арабскихъ и европейскихъ писателей среднихъ вѣковъ называютъ Кавказскій хребетъ *Аланскими* горами и считаютъ за аланъ всѣ племена, жившія по сѣверному склону Кавказа, у истоковъ Кубани и Терека, и по равнинѣ, вплоть до царства Хазарскаго и береговъ Азовскаго и Каспійскаго морей.

Такъ, напримѣръ, Іосафато Барбаро, писатель XV-го столѣтія, прямо говоритъ, что «имя Аланіи происходитъ отъ народовъ аланъ, которые на *своемъ языкѣ зовутъ себя асъ»*. Только одни ближайшіе сосѣди осетинъ, грузины,—которые вели съ ними нескончаемыя войны и знали ихъ такъ-же хорошо, какъ себя, а не по слухамъ, какъ знали ихъ иностранные путешественники и писатели,—всегда строго отличали въ своихъ описаніяхъ Осетъ (при истокахъ Терека) отъ Аланетъ (у истоковъ Кубани, западнѣе осовъ). На старой картѣ 1766 года Николая Делиля Аланетъ показана у сѣверной подошвы Эльборуса. Замѣчательно, что маленькое племя аланети до послѣдняго времени уцѣлѣло въ Кавказскихъ горахъ: на русской картѣ Колоколова, составленной въ 1836 году, оно показано было однимъ изъ восьми племенъ абадзеховъ на сѣверномъ склонѣ Цебельды, у истоковъ Зеленчука, т. е. почти тамъ-же, гдѣ у Делиля. Говоря о Дарьяльскомъ ущельѣ, я уже говорилъ о безпрерывныхъ войнахъ, которыя осы вели съ Грузіей и съ народами, пробивавшимися черезъ Дарьялъ. Въ XI-мъ вѣкѣ послѣ Рождества Христова, осетины образуютъ довольно сильное царство и имѣютъ даже династію царей, которые роднятся съ разными владѣтельными домами того времени, даже съ византійскими императорами. Знаменитая грузинская царица Тамара, по матери, была изъ рода осетинскихъ царей и сама вышла замужъ вторымъ бракомъ за Давида Сослана, сына осетинскаго царя Джадароса. Этимъ отчасти объясняется и вассальная зависимость Осетіи отъ Грузіи, и переполненіе Осетіи воспоминаніями о Тамарѣ. Хотя съ начала XIV-го столѣтія, послѣ подвиговъ Осабагатара, сѣверная Осетія стала свободною, но южная осталась навсегда подъ властью Грузіи.

Въ эпоху осетинскихъ царей, подъ непосредственнымъ вліяніемъ феодальной Грузіи, сложилось, пови-

димому, и феодальное устройство осетинскаго общества, выдѣлились знаменитыя рыцарскія фамиліи Сидамоновыхъ, Царазоновыхъ, Кусагоновыхъ и пр., по колѣнамъ которыхъ отчасти до сихъ поръ дѣлится осетинскій народъ, хотя впослѣдствіи сословное различіе его совершенно стерлось. Тогда-же появились многочисленные зАмки феодаловъ, стѣны, башни, монастыри и церкви. Христіанство еще въ первые вѣка было занесено сюда грузинскими и еще болѣе греческими священниками. Главнымъ источникомъ его были прибрежныя колоніи римлянъ и грековъ, въ которыхъ христіанство утвердилось еще до Константина-Великаго, проповѣдью апостола Андрея Первозваннаго и Симона Хананейскаго. Но особенно много заботился о крещеніи кавказскихъ горцевъ императоръ Юстиніанъ. При немъ греческіе священники проникали черезъ горы до самой Кабардинской площади, и множество разрушенныхъ древнихъ церквей, часовень, крестовъ, въ недоступной глуши горъ, обитаемыхъ мохамеданами, въ верховьяхъ Кубани, на Тебердѣ и въ другихъ ущельяхъ Кавказа, относится, по всей вѣроятности, еще къ тому отдаленному времени... Недаромъ тогда «гора черкесская» называлась «страною христіанъ»; подъ этимъ именемъ «горы черкесской» старые писатели безразлично разумѣли весь горный хребетъ на западъ отъ долинъ Терека и Арагвы, слѣдовательно и Осетію. Этотъ Западный Кавказъ издавна былъ гораздо болѣе христіанскою страною, чѣмъ восточная, т. е. дагестанская часть хребта, гораздо ближе подверженная вліянію персовъ и арабовъ, хотя и въ этой части было издревле проповѣдано христіанство св. Елисеемъ, неустрашимымъ ученикомъ апостола Ѳадея, дѣйствовавшаго въ Арменіи вмѣстѣ съ апостоломъ Варѳоломеемъ.

Нашествіе на Кавказа арабовъ въ VII-мъ и VIII-мъ вѣкахъ подавило едва начавшееся христіанство.

Оно было истреблено почти повсемѣстно въ горахъ Кавказа, нетолько среди лезгинъ и чеченцевъ, но даже и въ болѣе далекой Осетіи. По крайней мѣрѣ, арабскій писатель Масуди сообщаетъ, что въ 931-мъ году осетины выгнали своихъ священниковъ, разрушили свои христіанскія церкви и приняли исламъ. Но въ Осетіи все-таки привязанность къ христіанству укоренилась глубже, чѣмъ въ восточномъ Кавказѣ. Царица Тамара скоро возстановила его, и путешественники XII-го и XIII-го и позднѣйшихъ вѣковъ говорятъ объ осахъ уже какъ о христіанахъ, врагахъ мохамеданъ. Генуэзецъ Интеріани, посѣтившій въ XVI-мъ вѣкѣ черноморскій берегъ Кавказа, нашелъ христіанство даже въ тамошнемъ черкесскомъ населеніи. «Черкесы называютъ себя христіанами,—пишетъ онъ,—и имѣютъ греческихъ священниковъ, но дѣтей крестятъ не ранѣе восьми лѣтъ». «У народа этого нѣтъ азбуки; ихъ священники употребляютъ греческія книги, которыхъ вовсе не понимаютъ». Въ этомъ была великая ошибка всѣхъ просвѣтителей горскаго Кавказа. Ни апостолы и ихъ первые ученики, ни Юстиніанъ, ни царица Тамара, ни греки, ни грузины, никто не позаботился о томъ, чтобъ, вмѣстѣ съ проповѣдью евангелія, создать письменный языкъ для обращенныхъ народовъ и перевести на него необходимыя священныя и богослужебныя книги, которыя могли бы упрочить христіанскія понятія даже въ отсутствіе учителей. Горцы оставлены были безъ одной понятной имъ молитвы, безъ литургіи, безъ евангелія. Если нашлись въ ихъ исторіи люди, ревностно исполнявшіе дѣло св. Владиміра Равноапостольнаго, то не нашлось никого, способнаго на просвѣтительный подвигъ Кирилла и Меѳодія, гораздо болѣе обезпечившій судьбу русскаго христіанства, чѣмъ корсунское рѣшеніе, днѣпровскія волховскія экзекуціи. Не чего и удивляться, что сѣмена Христовой вѣры, по-

сѣянныя при такихъ печальныхъ условіяхъ, не дали въ горахъ Кавказа роскошнаго всхода.

Сообщенія съ горами были крайне опасны и затруднительны. Съ паденіемъ Византіи и генуэзскихъ колоній Чернаго моря, владыкою кавказскихъ береговъ сдѣлалась мохамеданская Турція. Грузія сама все слабѣла и расшатывалась подъ ударами азіатскаго мусульманства. Священниковъ посылать было неоткуда, а своимъ не на чемъ и не отъ кого было учиться. Понятно, что исламъ долженъ былъ торжествовать все болѣе и болѣе надъ горами Кавказа. Уже 50 лѣтъ послѣ Интеріани, доминиканецъ Іоаннъ изъ Кукки, побывавшій въ Черкесіи, пишетъ о ней:

«Черкесы нѣкоторые мохамедане, другіе греческаго вѣроисповѣданія, *но мохамеданъ больше*. Священникъ, который живетъ въ Терки, *иногда* креститъ ихъ, но мало объясняетъ имъ законъ Божій; *съ каждымъ днемъ число турокъ* (т. е. мусульманъ) *возрастаетъ:* отъ греческаго вѣроисповѣданія сохранился лишь обычай носить пищу на могилу и нѣкоторые посты...

«Абассы (т. е. абхазцы) неграмотны, — прибавляетъ авторъ, словно въ объясненіе этого положенія религіи: — они считаются христіанами, но не исполняютъ никакихъ христіанскихъ обрядовъ. Въ землѣ ихъ много встрѣчается водруженныхъ крестовъ. Жители—величайшіе мошенники. Они носятъ усы, но брѣютъ бороду, за исключеніемъ *папаровъ*. Такъ называются люди, хоронящіе мертвыхъ и молящіеся за упокой души ихъ.»

Путешественникъ XVIII-го вѣка еще менѣе находитъ слѣдовъ христіанства среди горцевъ Кавказа. Такъ Рейнегсъ (въ восьмидесятыхъ годахъ XVIII-го столѣтія) говоритъ о тѣхъ же абхазцахъ: «Каждый изъ нихъ имѣетъ особыя заблужденія, которыя называетъ своею вѣрою».

XVII

Религіозныя вѣрованья осетинъ

Вообще ко всѣмъ горцамъ подобнаго рода могъ бы вполнѣ примѣниться эпитетъ «одичавшихъ христіанъ», данный, въ 1818 году, жителямъ устья Пшата путешественникомъ Тебе-де-Мариньи. Такими-же «одичавшими христіанами» стали съ теченіемъ времени и осетины, исключая тѣхъ, которые прямо приняли исламъ. У нихъ точно такъ-же, какъ у пшавовъ, хевсуръ, тушиновъ, абхазцевъ и всѣхъ другихъ такъ-называемыхъ горскихъ христіанъ Кавказа, образовалась въ высшей степени своеобразная религія, въ которой отрывочныя воспоминанія христіанскаго культа перепутались съ народными суевѣріями и остатками древняго язычества.

Нѣкоторые уцѣлѣвшіе въ памяти святые христіанской церкви заняли мѣсто въ рядахъ темной народной миѳологіи; важнѣйшіе дни и посты, освященные церковью, присоединялись къ празднествамъ въ честь языческихъ божествъ; молитва ко Христу и Богородицѣ стала освящать жертвы, приносимыя когда-то идоламъ, деревьямъ и камнямъ. За невозможностью имѣть настоящихъ священниковъ, за отсутствіемъ внутри всякой организаціи духовнаго управленія, всякаго духовнаго образованія, приходилось поручать исполненіе церковныхъ требъ, по наслѣдству, потомкамъ бывшихъ священниковъ или просто выборнымъ лицамъ, которыя, не имѣя подъ руками никакихъ книгъ и указаній и прибѣгая, въ теченіе вѣковъ, только къ своей памяти, разумѣется, день отъ дня все болѣе искажали обряды, молитвы и таинства церкви. Эти наслѣдственные и выборные священники, или, вѣрнѣе, жрецы народныхъ капищъ, получившіе въ разныхъ странахъ названіе деканозовъ, папаровъ и пр., стали впослѣдствіи, изъ чувства само-

защиты и личной выгоды, самыми ревностными противниками настоящаго христіанства, въ которомъ, разумѣется, для нихъ не оставалось мѣста. Интересно познакомиться ближе съ этимъ оригинальнымъ полуязыческимъ культомъ осетинъ и другихъ «одичавшихъ христіанъ», до сихъ поръ благоговѣйно почитающихъ свои древнія священныя рощи, свои жертвенные камни, торжественно закалывающихъ какому-нибудь таинственному духу горъ или лѣса своихъ барановъ, быковъ и оленей среди попоекъ, плясокъ, пѣсенъ, стрѣльбы и скачки.

Въ каждомъ осетинскомъ аулѣ есть непремѣнно башня, называемая Арвягдъ, гдѣ вѣчно пребываетъ духъ покровитель аула, или «кау-задъ». Оттого и самъ духъ этотъ часто называется у нихъ Арвягдъ. Гдѣ нѣтъ башни, тамъ ее замѣняетъ настолько же священная сакля.

Ежегодно каждый домъ аула рѣжетъ ягненка въ жертву патрону. Кау-заду приносятъ также жертвы въ особыхъ капищахъ, посвященныхъ этому «ангелу аула»; всякая семья рѣжетъ столько телятъ, сколько въ году родилось мальчиковъ, и несетъ эти жертвы на гору, въ молельню Кау-зада.

«О, Боже! слава тебѣ! (молятся осетины) ангелъ сего селенія созданъ тобою. Пусть будутъ на насъ милости твои и его. О Кау-задъ! принесенныя этимъ селеніемъ жертвы да будутъ угодны тебѣ; въ этомъ году ты умножилъ число нашихъ мальчиковъ; умножая умножь же ихъ и въ будущемъ такъ, чтобъ твоя молельня ими была наполнена».

Такое-же значеніе покровителя имѣетъ для горскихъ ауловъ другое божество ихъ — «Хуцаудзуаръ» («божій святой»). Ему также молятся и приносятъ жертвы только члены рода, жители аула, не допуская чужихъ. Капища ему строятся всегда на горѣ выше аула; ни одинъ осетинъ не приблизится къ нему иначе, какъ пѣшкомъ, чаще всего босикомъ; роль жреца этому богу исполняетъ обыкновенно старшій въ родѣ. Онъ одинъ имѣетъ право входить въ низенькую дверь молельни,

куда вносятся жертвы, принесенныя жителями. Каменный жертвенникъ, уставленный стаканчиками пива и разными амулетками изъ ваты и нитокъ, возвышается въ этой темной и низенькой часовнѣ, безъ оконъ и безъ всякихъ священныхъ изображенiй. Козловъ или барановъ въ честь Хуцаудзуара городскiе осетины точно также рѣжутъ по числу родившихся членовъ семьи и по числу дочерей, выданныхъ семьею замужъ.

«О хранитель этого аула! (молятся ему осетинскiя женщины) покрой своимъ правымъ крыломъ дѣтей, рожденныхъ въ нынѣшнемъ году и принесенныхъ къ твоей молельнѣ, чтобъ къ нимъ не могла пристать никакая болѣзнь!»

Всѣ подобныя празднества, соединенныя съ принесенiемъ жертвъ, пляскою, пѣснями, играми и попойкою, осетины называютъ «кувдъ».

Многiя изъ этихъ празднествъ посвящены христiанскимъ святымъ и происходятъ въ тѣ самые дни, какъ и у православныхъ. Осетины помнятъ, напримѣръ, Богородицу, которую называютъ Мать Марiя, «Мады-Майрамъ», что не мѣшаетъ имъ вѣрить, будто Мады-Майрамъ живетъ въ священномъ камнѣ гдѣ-нибудь надъ ауломъ, куда обыкновенно они приводятъ своихъ молодыхъ, поручая ихъ ея заступничеству.

«Мады Майрамъ! кричатъ при этомъ мальчики, сопровождающiе молодую, бросая въ священный камень пули или камешки: дай нашей доброй невѣстѣ столько мальчиковъ, сколько здѣсь пуль, и одну синеглазую дѣвочку!»

Святой Илья, какъ и у насъ, русскихъ, пользуется особеннымъ уваженiемъ и популярностью; какъ у насъ, онъ почитается покровителемъ урожая, «хлѣбнымъ богомъ» своего рода, богомъ грома и молнiи. Осетины зовутъ его Еля или Уацилла. Ему приносятъ они умилостивляющiя жертвы, вѣшая съ разными обрядами на высокихъ шестахъ голову и шкуру жертвеннаго козленка или барана, на томъ самомъ мѣстѣ, куда уда-

рилъ громъ, и восклицая всѣмъ хоромъ: «святой Еля, помилуй насъ!»

Тому-же Уациллѣ посвящены священныя церемоніи «хлѣбнаго дня» (хоры-бонъ), вполнѣ соотвѣтствующія нашему русскому «зажину». Жители аула, передъ началомъ полевыхъ работъ, собираются вмѣстѣ, принося каждый какую-нибудь ѣду или питье; одинъ изъ стариковъ беретъ на себя роль жреца и возглашаетъ молитвы сначала къ Богу, потомъ къ Уациллѣ.

«Уацилла, сегодня день твой, и мы усердно молимъ тебя, помоги намъ—сдѣлай такъ, чтобъ житницы наши были набиты пшеницею, просомъ и овсомъ до верху съ остатками».

«Оменъ!» подтверждаютъ присутствующіе. Сверхъ того, Ильѣ посвящается ауломъ на общій счетъ лучшій быкъ въ стадѣ, котораго указываетъ гадальщикъ, какъ пріятнаго Уациллѣ, и котораго закалываютъ въ день начала жатвы, сдѣлавъ ему крестъ на лбу тоже съ разными церемоніями.

Такое-же значеніе, какъ святой Илья въ судьбахъ хозяйства, имѣетъ для осетинъ св. Георгій въ дѣлахъ войны и вообще всякихъ внѣшнихъ сношеній ихъ съ другими людьми. Онъ носитъ у осетинъ, какъ воинъ попреимуществу, весьма характерное имя *святаго мужчинъ* (Уастырджи); осетины представляютъ его себѣ вѣчно разъѣзжащимъ на бѣломъ конѣ, отлично вооруженнымъ и необыкновенно ловкимъ джигитомъ.

Уастырджи любитъ храбрость и частные подвиги, но грозно караетъ воровъ, клятвопреступниковъ, тайныхъ убійцъ. Онъ —въ то-же же время покровитель животныхъ, какъ и св. Георгій у русскихъ. Осетины такъ чтутъ своего Уастырджи, что строятъ ему особыя молельни высоко надъ ауломъ, чтобъ оттуда ему было удобно охранять людей и скотъ аула. Къ этой молельнѣ сходятся въ концѣ ноября (у христіанъ 23-го ноября день св. Георгія) выборщики изъ каждаго се-

мейства и приносятъ съ собою обычныя свои яства и напитки, шашлыкъ, сырники, пиво, которыя раскладываютъ на буркахъ и истребляютъ съ церемоніями и молитвой.

«О, великій Богъ боговъ, помоги этому народу! (читаетъ старѣйшій изъ богомольцевъ). О, Уастырджи, сегодня день твой и люди эти пришли къ твоему подножію, дабы воздать тебѣ, покровителю и карателю всѣхъ, славу». А слушатели, стоя кругомъ чтеца и держа въ рукахъ шапки, отверстіями вверхъ, въ знакъ просьбы, послѣ каждаго стиха подхватываютъ хоромъ: «оменъ!» Потомъ всѣ садятся на коней и объѣзжаютъ съ молитвою молельню св. Георгія: «Уастырджи! соблюди насъ и лошадей нашихъ!» Важнѣе молитвы не можетъ быть для кавказскаго горца.

Николай-угодникъ тоже почитается осетинами, подъ именемъ Микалъ-Габырта, нераздѣльно съ невѣдомымъ святымъ Рекома, и даже дни его праздниковъ вполнѣ совпадаютъ съ христіанскими, т. е. бываютъ 6-го декабря и 9-го мая.

Подобно нашему русскому простонародью, осетины сохранили вѣру въ спеціальныхъ покровителей животныхъ, христіанскихъ святыхъ или второстепенныхъ боговъ язычества — распознать трудно.

Такъ, Овсати — святой туровъ, дикихъ козловъ, оленей, вообще всякой охотничьей дичи. Осетинъ-охотникъ никогда не дозволяетъ себѣ убить малѣйшее животное «изъ стадъ Овсати», не испросивъ на то позволенія его.

«О, Овсати! (молится онъ передъ началомъ охоты, выложивъ на камень заготовленные на этотъ случай три сырника). Я бѣдное созданіе божіе, пришелъ къ подножію твоему въ надеждѣ, что ты, услышавъ мою молитву, выдѣлишь мнѣ изъ твоего стада одного бѣднаго оленя или козла; молю тебя, призри на меня съ высоты своей и выпусти на долю моей винтовки хотя старую козу, негодную для тебя.»

Эта первобытная наивность осетинскихъ охотниковъ

тѣсно связана съ другимъ добрымъ обычаемъ ихъ, который возможенъ только въ простотѣ патріархальныхъ нравовъ, когда человѣкъ воленъ черпать изъ общей кормилицы-природы все то, чтò нужно ему и чтò онъ въ состояніи добыть изъ нея, не стѣсняясь перегородками «моего» и «твоего», не оплачивая податью каждаго шага своего, своей собаки, своего ружья, своего права бродить по горамъ.

«Звѣрь Овсати» считается общимъ имуществомъ своего рода, и охотникъ обязанъ накормить имъ нетолько бѣдныхъ своего аула, но и всѣхъ, кого встрѣтитъ на пути. Если онъ не исполнитъ этого, Овсати никогда уже не дастъ ему убить ничего изъ своихъ стадъ.

Волки тоже имѣютъ у осетинъ своего святаго. У русскихъ это св. Георгій, у осетинъ—Тутыръ, которому каждую осень приносится въ жертву козелъ и въ честь котораго держится постъ.

«О Тутыръ (молятся ему осетины, по окончаніи поста, вынимая изъ деревянной ступы еще наканунѣ туго заткнутую въ нее шапку)! учини такую милость, чтобы глотки твоихъ звѣрей-волковъ были заткнуты камнями такъ крѣпко, какъ глотка вотъ этой ступы! О Тутыръ, спаси меня и скотъ мой отъ пастей волковъ твоихъ, прогоняя ихъ далеко.»

Фалвара, осетинскій покровитель овецъ, «овечій *богъ*», какъ у русскихъ святой Мамонтій. Когда ему приносятъ въ августѣ жертву, то молятся:

«Богъ боговъ! Тобою созданы мы и скотъ нашъ. Ты надѣлилъ Фалвару овцами и счастьемъ, надѣли имъ и насъ. О, Фалвара! Богу угодно было вручить тебѣ головы нашихъ овецъ, а потому молимъ тебя, отврати отъ нихъ всякую болѣзнь; умножая умножь ихъ настолько, сколько на небѣ звѣздъ».

Лѣса у осетинъ также имѣютъ своего патрона, «чернаго святаго» или «святаго черныхъ лѣсовъ» (Саудзуаръ).

Сверхъ того, осетины вѣруютъ въ различныхъ боговъ болѣзни, напримѣръ: Рына—бога повальныхъ бо-

лѣзней, Аларды,—злаго святаго, посылающаго на людей оспу, котораго даже въ молитвахъ просятъ «не подходить близко» и въ честь котораго также воздвигаютъ молельни, приносятъ жертву, складываютъ священныя пѣсни. «Тхостъ»—это ихъ злой духъ. «Банаты-Хицау» у нихъ богъ дома, то-же, что нашъ домовой, щуръ или римскій ларъ. Ему молятся при свадьбахъ, вводя невѣсту въ домъ жениха. Но не одному ему, однако, при этомъ необходимы молитвы: молятся и очагу съ неизбѣжною желѣзною цѣпью, чтобъ они приняли подъ свое покровительство новаго члена семьи, и священному столбу сакли, «ангелу головы», обвѣшанному рогами животныхъ, и богу болѣзней, и богу ума, и любви, и святому, который охраняетъ отъ паденія арбу, и святому спины, и святому живота.

Вообще, нѣтъ предмета въ домашней жизни осетина, который не имѣлъ бы своего святаго или божка. Поэтому колдуны или гадальщики ихъ, такъ-же какъ распорядители свадебныхъ и похоронныхъ обрядовъ, должны обращаться съ молитвами и заклинаніями къ безчисленному множеству святыхъ, даже къ «святому паутины», къ «святымъ волосъ и ногтей», «святымъ травъ и вѣтровъ», къ «святымъ жуковъ, червяковъ, змѣй» и пр., и пр.

Напротивъ, понятіе о Христѣ Спасителѣ уцѣлѣло у нихъ очень слабо; правда, они постятся въ великій постъ и празднуютъ Пасху, но не придаютъ ей особеннаго значенія.

Старики говорятъ, что Чиристи (Христосъ) дастъ на томъ свѣтѣ мѣсто въ «дзенетѣ» (раю) душѣ того человѣка, который будетъ поститься. На Пасху они рѣжутъ ягнёнка, перекрестивъ его лобъ полѣномъ, взятымъ изъ очага, и очень дорожатъ водою, зачерпнутою въ эту ночь. Женщина, зачерпнувшая раньше другихъ, почитается счастливицею. На этой водѣ женщины чуть-

свѣтъ замѣшиваютъ муку для «чуреков», припѣвая священныя пѣсни: «о водяные святые, чистыя водяныя дѣвы и святая пасха, наполните этотъ домъ всѣми благами міра, и кто почерпнулъ въ лучшій часъ воду, съ тѣмъ сравните и меня: о святая пасха, чуреки да будутъ сладки и пріятны тебѣ; о Чиристи, всѣ люди надѣются на тебя, что ты въ дзенетѣ дашь душамъ ихъ мѣсто» и т. д.

Такимъ образомъ, Пасха этихъ «одичалыхъ христіанъ» обратилась въ одинъ изъ темныхъ фетишей, къ которымъ они прибѣгаютъ изъ корыстнаго разсчета, и имя Христа у нихъ призывается наряду съ русалками.

О Богѣ, творцѣ міра, осетины имѣютъ, однако, болѣе точныя представленія.

Когда они приносятъ ему въ жертву быка, то старѣйшина читаетъ такую молитву:

«Слава тебѣ, Боже, слава тебѣ, о *Богъ* боговъ! Ты создалъ все: и ангеловъ, и святыхъ, и что видимъ и не видимъ.

«О Боже, ты создалъ времена, годы и дни; молимъ тебя, пошли намъ хорошія времена, годы и дни. О Боже, травою насыти твоихъ животныхъ, а хлѣбами твоихъ людей; о Боже, сдѣлай такъ, чтобъ подъ тобою не было бѣдныхъ и голодающихъ; о, Боже, если на томъ свѣтѣ есть что-нибудь, то имъ надѣли и насъ!»

Уже изъ того немногаго, что̀ привели мы здѣсь, видно, ка̀къ перепутались въ невѣжественномъ воображеніи осетина христіанскія понятія о Богѣ-Вседержителѣ съ привычками древняго многобожія и обожанія природныхъ силъ.

Будучи, въ сущности, почти фетишистомъ, осетинъ обставляетъ каждый шагъ своей жизни заклинаніями и молитвами, и въ его быту колдунъ имѣетъ до сихъ поръ гораздо большее значеніе, чѣмъ священникъ. Порча, сглазъ, «лихіе люди» играютъ въ его судьбѣ еще бо̀льшую роль, чѣмъ въ самыхъ темныхъ слояхъ нашего простонародья. Эти суевѣрія дикаря насквозь проника-

ютъ собою нетолько его религіозные обряды, но даже его судъ, его забавы и игры.

До сихъ поръ еще обвиненный осетинъ становится передъ своимъ сельскимъ сходомъ (нихасъ) съ собакою или кошкою на плечѣ, увѣряя въ своей невиновности, и твердо увѣренный, что, въ случаѣ обмана, собака или кошка весь вѣкъ будетъ мучить его на томъ свѣтѣ.

До сихъ поръ еще не вывелся среди осетинъ позорный обычай отдавать живаго убійцу въ вѣчные холопы убитому на томъ свѣтѣ, дѣлать изъ него «фалдыста», существо, лишенное человѣческихъ правъ, презираемое всѣми ниже всякаго животнаго.

XVIII

Поэзія и бытъ осетинъ

Но осетины любопытны не одними своими религіозными и бытовыми суевѣріями. Любопытна и ихъ глубоко-оригинальная поэзія. Это народъ такого широкаго и притомъ древняго эпоса, подобнаго которому трудно встрѣтить. Пѣсни, сказки и былины осетинъ могутъ наполнить собою томы, и часто цѣлые длинные зимніе вечера въ темной саклѣ, вокругъ чадящаго очага, проводятъ они въ безмолвномъ наслажденіи, слушая стараго сказочника или пѣсенника, брянчащаго на своей двухструнной скрипкѣ (фандирѣ). Весь осетинскій эпосъ вертится на разсказахъ о подвигахъ нартовъ, этихъ кавказскихъ нибелунговъ своего рода.

Нарты—это было особое племя богатырей, жившее когда-то на Кавказѣ, или какая-нибудь пришлая дружина завоевателей, оставившая въ своемъ потомствѣ фантастическія воспоминанія о былыхъ дѣяніяхъ. Въ названіи осетинской рѣки Нардонъ, въ имени аула Нара

и общины нарцевъ несомнѣнно звучитъ имя древнихъ обитателей Осетіи—нартовъ.

Нартовъ знаетъ не одна Осетія, но и вся Кабарда. Нарты жили Богъ знаетъ какъ давно.

«Когда небо еще не сгущалось, а земля только-что сплотилась, я былъ уже мужчина въ зрѣлыхъ лѣтахъ», говорилъ о себѣ одинъ изъ славнѣйшихъ нартовъ, Сосрыко, сынъ Сатанэ.

«Когда Бештау былъ не больше кочки и черезъ Идылъ (т. е. Итиль, Волгу) шагали мальчики, я былъ старикъ въ полной силѣ».

Нарты не поклонялись Богу. Батрасъ или Батирасъ, осетинскій Прометей и Геркулесъ, нетолько уноситъ въ своемъ карманѣ, на своемъ чудесномъ конѣ, Дурдурѣ, «длину земли», нетолько пытается поднять «всю тяжесть земную», но еще истребляетъ семью-семь фараоновъ, семью-семь ангеловъ и отказывается повиноваться самому Богу, который, наконецъ, истребляетъ его за его гордость. Нарты жили на землѣ еще тогда, когда она была переполнена великанами и людоѣдами.

Нартъ Урызмагъ, братъ и мужъ мудрой нартовской героини Сатанэ, продѣлываетъ съ одноглазымъ людоѣдомъ-великаномъ ту-же хитрость, какую продѣлалъ Улиссъ съ одноглазымъ циклопомъ Полифемомъ, такимъ же пастухомъ и жителемъ пещеры, какъ и людоѣдъ нартовскихъ сказаній. Онъ выкалываетъ ему, спящему, послѣдній глазъ и, одѣвшись въ шкуру любимаго козла-великана, на четверенькахъ выходитъ изъ пещеры. Трудно рѣшить, кто похитилъ другъ у друга основной текстъ этой сказки: Гомеръ у осетинъ, или осетины у Гомера.

Какъ бы ни было, преданія цѣлаго Кавказа переполнены памятью о великанахъ, нѣкогда жившихъ здѣсь и притомъ въ тѣсной связи съ пещерами и громадными башнями. Вѣкъ циклопическихъ построекъ дѣ-

лается почти исторически доказаннымъ этими необыкновенно дружными и широко распространенными преданіями, одинаково прочно уцѣлѣвшими въ памяти сванета, грузина, осетина и черкеса...

Передъ великанами, съ которыми сталкивались нарты, они казались такими же карликами, какими передъ ними, нартами, казались обыкновенные люди. Такими-же великанами были и звѣри, птицы, населявшіе тогда землю. Въ одномъ нартовскомъ сказаніи описывается, какъ ястребъ унесъ въ когтяхъ быка, на одной лопаткѣ котораго былъ послѣ построенъ большой аулъ; эту лопатку съ цѣлымъ ауломъ перекидывала съ боку на бокъ лисица, а дочь великана перевернула коромысломъ лисицу, полшкуры которой не хватило на шапку ребенку. Эта-же лопатка попала, какъ заноза, въ глазъ пастуху-великану. Такъ чудовищны были размѣры міра, въ которомъ жили нарты.

Въ знаменитой сванетской сказкѣ объ Амиранѣ, прототипѣ цѣлой сказочной литературы Грузіи, которую мнѣ удалось выслушать изъ устъ одного образованнаго сванета, на каждомъ шагу встрѣчаются подобныя же титаническія изображенія. Такъ, напримѣръ, пастухъ кидаетъ въ убѣгающаго волка камень, оказавшійся пещерою, въ которой сидѣли пять богатырей. Нарты славятся нетолько своею храбростью, силою и твердостью слова, но еще необыкновенною хитростью; ихъ Сосрыко—это чистый Улиссъ, многоумный, и даже, какъ Улиссъ, безвредно спускается въ подземное царство мертвыхъ. Нарты роскошны и щедры. До сихъ поръ, когда осетинъ хочетъ похвалить гостепріимство хозяина, онъ говоритъ: «щедръ, какъ нартъ». Назвать мужчину нартомъ, сравнить хозяйку за ея разумъ и хлѣбосольство съ Сатанэ—для осетина нѣтъ больше похвалы.

Нарты никогда не работали и не нуждались въ

работѣ. У нихъ хлѣбъ родился совсѣмъ готовый въ пищу, и кукуруза, которою питались они, до сихъ поръ называется у осетинъ «хлѣбомъ нартовъ» (нартъ-хоръ). Лошади ихъ имѣли ноги какъ камень, были легки какъ вѣтеръ, понимали рѣчь человѣка и давали ему мудрые совѣты, а на врага бросались сами и истребляли его, не ожидая приказаній хозяина.

Вообще, нартъ—идеалъ воина и счастливаго человѣка въ глазахъ осетина и кабардинца... Нарты сожжены огнемъ божіимъ за то, что не поклонились Богу, и съ тѣхъ поръ наступило царство жалкихъ маленькихъ людей и безсильныхъ трусовъ.

Однако, сохранились пѣсни, которыя показываютъ, что нарты дѣйствовали и въ историческое время. Такова пѣсня о смерти нарта Баксана, сына Даусова, сочиненная, по преданію, сестрою его и относящаяся къ IV-му вѣку по Рождествѣ Христовомъ, эпохѣ столкновеній кавказскихъ горцевъ съ готами.

«Геройство Баксана освѣщаетъ антскій народъ своими доблестями. О, родина Даусова Баксана, хотя онъ уже не существуетъ, но когда будетъ добывать тебя готъ, не покоряйся!

«Сонмъ нартовъ, отводя щитами удары вражескихъ копій, единодушно призывалъ Бога на помощь, но Баксану не удалось участвовать въ этой молитвѣ.

«Весь народъ почиталъ его за благаго духа; когда начиналось сраженіе и удары блистали, какъ молнія, его присутствіе поселяло въ антскомъ народѣ увѣренность. Готскія истязанія не прекращаются; весь антскій народъ пришелъ въ отчаяніе, потому что восемь паръ воловъ привезли его тѣло на родину. Собравши грековъ, я предложила имъ сдѣлать памятникъ; хотя каменный образъ ниже его, но сходство съ нимъ уязвило мое сердце. Народъ не покидаетъ траура и, чтобы его увѣковѣчить, рѣку Альтудъ назвала Баксаномъ».

Памятникъ, о которомъ говорится въ этой замѣчательной пѣснѣ, дѣйствительно былъ найденъ на берегу Етоки, въ Кабардѣ, и нѣсколько лѣтъ назадъ перевезенъ въ Пятигорскъ, гдѣ я его видѣлъ на обществен-

номъ бульварѣ, среди нѣсколькихъ другихъ интересныхъ памятниковъ древности, срисованныхъ мною въ путевой альбомъ.

На памятникѣ этомъ не столько любопытна весьма неискусно сдѣланная фигура самого Баксана, вооруженнаго колчаномъ стрѣлъ, лукомъ въ тулѣ, саблею и кинжаломъ, сколько характерны изображенія охотъ, попоекъ, дикихъ звѣрей и битвъ, покрывающія нижнюю часть статуи... Греческая надпись на этомъ памятникѣ дѣйствительно упоминаетъ Баксана и свидѣтельствуетъ, что памятникъ воздвигнутъ въ IV-мъ вѣкѣ.

* * *

Осетинъ теперь не очень много, нѣсколько болѣе 65,000 душъ, и изъ нихъ бо́льшая часть живетъ въ ущельяхъ сѣвернаго склона, отъ Пасмта до Казбека. На южномъ склонѣ считается всего тысячъ 20 осетинъ, переселившихся въ древности на земли грузинскихъ феодаловъ, князей Эристовыхъ, Мочабеловыхъ и др., ставшихъ, вслѣдствіе этого, крѣпостными и поэтому утратившихъ истинный характеръ осетина.

Настоящій осетинъ—это житель недоступныхъ горныхъ долинъ Дигоріи или обставленныхъ отвѣсными скалами ущелій какого-нибудь Ар-Дона, въ родѣ Касарскаго...

Кабардинцы съ одной стороны, грузины — съ другой, держали осетинъ по цѣлымъ столѣтіямъ взаперти въ ихъ мрачныхъ заоблачныхъ аулахъ, не пропуская на равнину ни для торговли, ни для сношеній съ другими племенами. Поневолѣ старая многоэтажная башня замка (галуана) сдѣлалась для осетина цѣлымъ міромъ, который одинъ только привыкъ онъ любить, за который одинъ онъ готовъ былъ умереть съ оружіемъ въ рукѣ. Собственный дворъ, обнесенный стѣнами и башнями, сохраняющій древнихъ родовыхъ божковъ и въ камнѣ очага и въ столбѣ, поддерживающемъ кровлю,

и въ каждой, отъ вѣка обязательной, хозяйственной подробности дома, да родной аулъ съ его священнымъ Арвагдомъ, — дальше этихъ предѣловъ не простирались привязанности осетина.

Аулы рѣдко сносились другъ съ другомъ черезъ пропасти и снѣговые утесы, а если сталкивались, то почти всегда враждуя, для разрѣшенія оружіемъ какого-нибудь спора за лѣсъ или пастбище или для выполненія священныхъ законовъ кровавой мести.

Дигорецъ дичился алагирца, алагирецъ — тагаурца или куртатинца.

Каждый родъ жилъ обособленною и замкнутою жизнью, исполненный недовѣрія и опасеній ко всему, что̀ кругомъ его, что̀ не онъ самъ. Такая жизнь вѣчнаго одиночества и враждебности развивала въ осетинскомъ горцѣ могучую силу самопомощи и сноровку борьбы.

Сходка хозяевъ аула (нихасъ) замѣнила собою все государственное устройство, суды и законы. Всякій покорялся безпрекословно приговору нихаса и неподвижнымъ обычаямъ старины, которые поддерживались даже изгнаніемъ, даже смертною казнью. Въ стѣнахъ дома была одна, точно такая же простая, безапеляціонная, вѣками освященная власть — воля отца. Отецъ — глава дома, это живой законъ осетинской семьи; даже взрослый сынъ не смѣетъ заговорить съ нимъ первый, не смѣетъ сѣсть при немъ, не смѣетъ ѣсть при немъ.

Отецъ входитъ въ комнату — и все встаетъ на ноги, жена, сыновья, домочадцы, все умолкаетъ и ждетъ, что̀ скажетъ, что̀ велитъ сдѣлать хозяинъ. Старшинство вообще въ огромномъ почетѣ у осетина. Младшій братъ во всемъ слушается старшаго, служитъ ему, не садится при немъ. Полковники, заслуженные офицеры изъ осетинъ — встаютъ съ своего мѣста и уступаютъ его, когда въ домъ войдетъ старикъ, хотя-бы простой пастухъ.

Отецъ семейства обѣдаетъ отдѣльно отъ семьи; ему служатъ младшіе члены. Для него въ домѣ непремѣнно стоитъ особое деревянное кресло, большею частью изукрашенное рѣзьбою, иногда глубокой старины.

Осетинъ не сидитъ, поджавъ ноги, какъ другіе горцы Кавказа, а садится, понашему, на скамьи и стулья. Но это почетное семейное кресло служитъ только для отца, переходя изъ рода въ родъ, какъ атрибутъ родительской власти. Въ этомъ обычаѣ нельзя не узнать черты нравовъ древняго германца, въ простомъ быту котораго до сихъ поръ сохранилось это священное значеніе дѣдовскаго кресла.

На торжественной пирушкѣ глава дома, съ мясомъ въ одной рукѣ, съ кубкомъ, полнымъ раки, въ другой, читаетъ нѣчто въ родѣ молитвы и вмѣстѣ съ тѣмъ привѣтствія гостямъ; только послѣ такого благословенія пирующимъ патріархомъ дома, всѣ принимаются за питье и ѣду. На празднествахъ (кувдахъ), отецъ семьи точно также приноситъ за свой родъ жертвы богамъ аула или овечьихъ стадъ. Онъ вездѣ олицетворяетъ собою семью. Онъ нетолько ея хозяинъ, онъ ея царь.

Только онъ можетъ казнить смертью жену или сына. Народная сходка (нихасъ) объявляетъ приговоръ, но казнь надъ членомъ семьи долженъ выполнить самъ владыка ея. Нечего говорить, въ какомъ положеніи стоитъ женщина въ такой патріархальной землѣ.

Она—признанная раба мужчинъ, прежде всего хозяина.

Она сама сознаетъ себя рабою и радостно несетъ свое иго, дорожа ласкою своего господина выше всего на свѣтѣ, ничѣмъ такъ не гордясь, какъ умѣньемъ услужить ему, заслужить его милость. Жена покупается на деньги, иногда за 75 руб., иногда за 150 руб., иногда за 500 руб. У осетинъ, даже мохамеданъ, теперь рѣдко бываетъ двѣ жены; однако, бываетъ и по нѣскольку;

а недавно еще многоженство было повсемѣстно. Кромѣ настоящей законной жены, есть еще *номлусы*, узаконенныя наложницы, неимѣющія правъ хозяекъ; дѣти ихъ уже не наслѣдники и не будущіе хозяева дома, а *кавдасарды* или *куміаки*, нѣчто въ родѣ полурабовъ, освобожденные, однако, вмѣстѣ съ другими, въ 1867 году. Женщины не смѣютъ быть съ мужчинами, хотя и не закрываютъ своего лица. Даже на большихъ праздникахъ онѣ танцуютъ и ѣдятъ отдѣльно отъ мужчинъ въ своихъ кружкáхъ.

На женщинѣ лежатъ зато всѣ заботы и всѣ работы дома. Трудно найти болѣе трудолюбивую и полезную для дома хозяйку, какъ осетинка. Пустынная жизнь горъ, отсутствіе всякой торговой и промышленной жизни, всякихъ сношеній съ городами, поневолѣ заставили ее находить въ себѣ самой, внутри своего галуана, удовлетвореніе всѣмъ потребностямъ семьи.

Осетинка сама прядетъ шерсть своихъ овецъ и тчетъ изъ нея прекрасныя мягкія ткани для черкески или башлыка своего мужа; осетинка шьетъ ему сапоги изъ кожи козла или буйвола, папаху изъ домашней овчины, приготовляетъ изящные позументы и тесьмы для отдѣлки его платья и оружія. Словомъ, осетинъ одѣтъ съ головы до ногъ своею женою. Нечего говорить, что онъ накормленъ, напоенъ и обмытъ ею же. Она готовитъ ему любимую его водку (раку) и ячменное пиво, она лакомитъ его вкусными сырниками и пирожками, она обработываетъ его поля, приноситъ на своей спинѣ дрова изъ лѣса, относитъ зерно на мельницу.

Какъ бы поздно ни вернулся глава дома, вѣрная жена должна ждать его не раздѣваясь, снять съ него мокрую бурку или пыльные сапоги, накормить, обогрѣть и уложить въ постель своего суроваго повелителя, который стыдится даже сказать ей ласковое слово.

А застань мужъ жену съ чужимъ человѣкомъ, она безъ разговора будетъ повѣшена, и никто не осудитъ справедливаго приговора.

Конечно, эти обычаи прошлаго уже сильно уступили давленію русскаго закона и вліяніямъ новыхъ идей; они сохраняются въ глуши недоступныхъ ущелій, но уже почти забыты въ селеніяхъ плоскости или въ аулахъ долинъ, черезъ которые проходятъ проѣзжія дороги.

Грозная патріархальность отеческой власти исчезаетъ мало-по-малу изъ осетинской семьи вмѣстѣ съ прежнимъ цѣломудріемъ, прежнею честностью слова и даже отчасти прежнимъ гостепріимствомъ.

Смертные приговоры нихаса, если они доходятъ до свѣдѣнія русскихъ начальствъ, преслѣдуются судомъ точно такъ же, какъ преслѣдуется у насъ, на Руси, сожженіе вѣдьмы суевѣрными крестьянами или обычный самосудъ конокрадамъ, захваченнымъ на мѣстѣ.

Осетинка окрестностей Владикавказа нетолько не славится теперь цѣломудріемъ, но вошла въ пословицу своею продажностью и развратомъ. Осетинъ, уже потершійся около городскаго базара и судебныхъ кляузниковъ, сталъ отъявленнымъ плутомъ. Поэтому изучать характеръ настоящаго, прежняго осетина невозможно по этимъ изуродованнымъ продуктамъ цивилизаціи большихъ дорогъ. Для этого нужно углубиться въ верхнія долины горъ, къ подножіямъ снѣговыхъ кавказскихъ титановъ. Крѣпче всего, однако, уцѣлѣли обычаи гостепріимства и уваженія къ отеческой власти.

Зажиточные люди осетинскихъ ауловъ несутъ изрядный налогъ своего рода, выполняя старинные обычаи гостепріимства. Въ аулахъ осетинъ нѣтъ ни трактировъ, ни кабаковъ, ни постоялаго двора, ни лавки. Проѣзжему, волей-неволей, приходится отдавать себя и своего коня въ полное распоряженіе мѣстныхъ жителей; иначе онъ не получитъ ни куска хлѣба, ни горсти овса; а такъ

какъ каждый стѣсняется обременять собою бѣдняка, то обращается въ какому-нибудь зажиточному и тароватому хозяину. Слава его гостепріимства обыкновенно распространена широко, и уже въ сосѣднихъ аулахъ указываютъ на него проѣзжему. Богатые осетины тщеславятся другъ передъ другомъ своимъ открытымъ образомъ жизни и многочисленностью своихъ гостей. А разъ странникъ побывалъ въ домѣ, онъ уже входитъ съ нимъ въ извѣстнаго рода нравственныя обязательства, роднится съ нимъ духовно.

Если, проѣзжая аулъ въ другой разъ, онъ минуетъ прежняго хозяина и остановится у другаго, онъ наноситъ этимъ кровную обиду первому и позоритъ его въ глазахъ всего аула. Это значитъ, что его принимали плохо, что онъ недоволенъ гостепріимствомъ прежняго хозяина.

При такихъ взглядахъ и при такой безпомощности проѣзжихъ, домà выдающихся жителей аула дѣлаются даровыми гостиницами для путниковъ, и за славу гостепріимнаго хозяина имъ приходится платиться значительною долею своихъ доходовъ.

Однако, отказать путнику, постучавшему въ дверь, никто не рѣшится, какова бы ни была его крайность. Если хозяину нéчего самому ѣсть, онъ пойдетъ попроситъ сосѣдей, и они принесутъ ему охотно, кто чтò можетъ. Даже когда хозяина нѣтъ дома, всякій смѣло входитъ въ его кунацкую. Взаимность жителей аула развилась въ высшей степени вслѣдствіе вѣковой отчужденности отъ всѣхъ и полной самостоятельности аульной общины. Нищихъ, людей, которымъ нечего ѣсть, негдѣ пріютиться, не бываетъ въ осетинскомъ аулѣ. Родные, хотя-бы самые дальніе, сочли бы себѣ позоромъ, если-бы человѣкъ ихъ крови не получилъ у нихъ пріюта и куска хлѣба.

Но если законъ гостепріимства разорителенъ для

богатыхъ, то свадьба, похороны и поминки разоряютъ повально все осетинское населеніе.

Какъ бы ни былъ бѣденъ человѣкъ, онъ обязанъ позвать на свадьбу весь аулъ и угощать его три дня сряду виномъ и мясомъ.

Осетинъ не знаетъ различія сословій, хотя надняхъ еще зналъ рабовъ — уже не сословіе, не часть народа, а имущество, такое же какъ скотъ. Богатые и бѣдные одинаково посѣщаютъ всякаго сосѣда, и бѣдняга бываетъ часто вынужденъ не только порѣзать весь свой скотъ до послѣдней головы, но даже закабалить себя, чтобъ только отпраздновать свадьбу. Какъ ни просты эти осетинскія пиршества, все-таки самому послѣднему жителю они обходятся рублей въ 300.

Поминки еще разорительнѣе. Они продолжаются цѣлый годъ послѣ смерти, каждую субботу; наконецъ, въ годовщину смерти должны быть зарѣзаны шесть или семь быковъ и опять созванъ весь аулъ, для котораго, сверхъ того, необходимо устроить скачку на призы, стоющую тоже не менѣе 300 руб. Иначе покойникъ осрамленъ и его благополучіе на томъ свѣтѣ ничѣмъ не обезпечено.

XIX

Русская цивилизація въ Осетіи

ЕСЛИ осетины еще живутъ въ довольствѣ, несмотря на такіе безумные обычаи, то исключительно потому, что обходятся всѣмъ своимъ и почти не знаютъ никакихъ денежныхъ расходовъ. Женщина обработываетъ имъ поле, одѣваетъ и кормитъ семью, младшіе сыновья и братья замѣняютъ всякую прислугу.

Я познакомился съ нѣсколькими разумными и наблюдательными осетинами, хорошо говорившими по-русски и вполнѣ испробовавшими успѣхи нашей европейской цивилизаціи.

Къ моему удивленію, они съ большою сердечностью говорили не о Петербургѣ или Тифлисѣ, а о патріархальныхъ нравахъ своей родины, увѣряя меня, что нигдѣ не живется такъ беззаботно, весело и здорово, какъ въ ихъ полудикихъ аулахъ.

«Мы, осетины, имѣемъ у себя дома все, что намъ нужно, а въ лишнемъ не привыкли нуждаться,—говорилъ мнѣ одинъ очень дѣльный офицеръ изъ осетинъ, увѣшанный Георгіями и видѣвшій на своемъ вѣку всякіе виды:—мы живемъ себѣ трудовою и здоровою жизнію, не мучась никакими невозможными желаніями, никакими соблазнами и сомнѣніями. Женщины наши не читаютъ и читать не умѣютъ, а въ десять разъ полезнѣе и лучше вашихъ образованныхъ женщинъ. Онѣ пляшутъ и поютъ гораздо веселѣе, любятъ гораздо искреннѣе, чѣмъ ваши, а умѣютъ хозяйничать такъ, что, при самыхъ ничтожныхъ средствахъ, которыхъ русскому офицеру не хватило бы и на мѣсяцъ, мы живемъ припѣваючи, даже считаемъ себя богатыми; все сами имѣемъ и еще другимъ даемъ и не знаемъ, что такое долги. Видѣлъ я много русскихъ, вездѣ бывалъ, и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, и въ Варшавѣ,—прибавлялъ этотъ осетинскій философъ:—и, скажу правду, мало видѣлъ среди васъ спокойныхъ и счастливыхъ людей: всѣ словно сами себя боятся, и никто не вѣритъ въ завтрашній день; всѣ—больные, недовольные, скучные, разоренные, куда-то все торопятся и сами не знаютъ куда. А мы, осетины, живемъ въ своихъ аулахъ по 100 лѣтъ и больше, и не знаемъ вовсе ни болѣзни, ни скуки; съ трехъ лѣтъ садимся верхомъ на коня, съ 12-ти лѣтъ уже джигитами дѣлаемся, и до

старости поемъ пѣсни, пьемъ раку, пляшемъ и джигитуемъ вмѣстѣ съ своими сыновьями.

«Вотъ у меня до сихъ поръ живетъ бабка 110 лѣтъ, совсѣмъ здоровая, а то есть въ аулѣ нашемъ старикъ 135 лѣтъ; послѣ 100 лѣтъ у него выпали старые зубы и выросли молодые, такъ онъ еще и теперь съ правнуками на праздникахъ пляшетъ. А посмотрѣли бы вы, какія у насъ рослыя и здоровыя красавицы, и что только могутъ перенести онѣ! Вашу русскую барышню такая работа въ одну недѣлю въ чахотку бы вогнала, а наши только веселѣе да здоровѣе дѣлаются, не разоряютъ насъ на дорогіе наряды, какъ ваши, а еще отъ всѣхъ расходовъ избавляютъ.»

Въ этой похвальбѣ горца, несбитаго съ толку мишурною цивилизаціей, во всякомъ случаѣ, много справедливаго и много поучительнаго. Исторія здѣсь та-же, что и съ крымскимъ татариномъ.

Наша собственная—недодѣланная, насильственная, чисто-внѣшняя гражданственность, неспособная проникнуть собою внутреннее существо побѣжденныхъ народностей и возродить ихъ полудикій средневѣковый міръ въ нѣчто болѣе плодотворное и осмысленное, дѣйствуетъ пока только расшатывающимъ и развращающимъ образомъ на твердые устои патріархальной старины, съ которою приходится намъ сталкиваться.

Мы заучили только заглавія и нѣкоторые отрывочные тексты изъ великой книги европейской цивилизаціи, но еще сами не успѣли овладѣть ея содержаніемъ, ея духовною сущностью, еще сами не просвѣщены ею.

Мы знаемъ, что бываетъ необходима администрація и вездѣ устраиваемъ ее, но еще не умѣемъ управлять; мы слышали, что законъ долженъ стоять вершителемъ всего, но не привыкли еще питать въ своемъ сердцѣ благоговѣнія къ нему, и потому господство закона у насъ не идетъ дальше водруженія зерцала съ двугла-

вымъ орломъ на зеленомъ или красномъ столѣ. Оставаясь внутри себя, по вкусамъ, привычкамъ, убѣжденіямъ, людьми Азіи, мы, конечно, не могли внести ничего полезнаго въ азіатскую патріархальность одною только развязностью манеръ, усвоенныхъ въ европейскомъ трактирѣ, да покроемъ своихъ европейскихъ одеждъ. Считая себя миссіонерами цивилизаціи на дикомъ востокѣ, мы и на горы Кавказа, какъ впослѣдствіи на Ташкентъ, на Батумъ, стали прежде всего вліять взяточничествомъ своего самодурнаго чиновничества и разведеніемъ кабаковъ.

«Пристава окружные заѣли насъ! жаловались мнѣ въ горахъ.—На пристава никакого суда нѣтъ; что̀ хочетъ, то и творитъ. И все больше поляки! откуда только понабрали ихъ столько. Четыре года поживетъ, ужь капиталъ собралъ; тамъ хоть гони его, ему горя мало. Вотъ въ Алагирѣ со всѣхъ осетинскихъауловъ по нѣскольку разъ на дороги подать собирали, съ каждаго двора по десяти, по 25 рублей, а все до сихъ поръ нѣтъ ни денегъ, ни дороги. Недавно требовали уплатить еще по 50 руб., тогда будетъ вамъ дорога. «А гдѣ-жъ наши прежнія деньги?» спрашиваютъ.— «Ищите, гдѣ знаете». Не стали алагирцы платить; говорятъ:—«сначала дорогу сдѣлайте, тогда мы заплатимъ, что̀ съ кого слѣдуетъ».

Въ Осетіи до сихъ поръ нѣтъ ни одной порядочной дороги; даже громко называемая «военно-осетинская дорога», идущая по долинѣ Нардона, далеко не окончена, хотя строится десятки лѣтъ, и не служитъ ни къ чему. А между тѣмъ, пока не будетъ дорогъ, невозможны ни промышленность, ни торговля, ни образованіе, ни управленіе. Горцы вообще честные и разумные люди, и у нихъ много условій стать вполнѣ мирными и дружелюбными къ русскимъ. Осетины особенно крѣпко держатся русскихъ и своею отчаянною

храбростью въ послѣднюю турецкую войну блестяще доказали это. Но нѣтъ никого, кто-бы серьезно пошелъ навстрѣчу этой потребности горцевъ. Тѣснить и грабить, проявлять свой начальническій произволъ, пользуясь невѣжествомъ и зависимостью дикаря, охотниковъ много. Но сдѣлать для горцевъ доступными торговые рынки, развивать среди нихъ полезныя ремесла, учить ихъ русскому языку и европейскимъ знаніямъ— за эти дѣла берутся только на бумагѣ, для отписки высшему начальству, для поимки крестика или чина. Школы заводятся въ аулахъ Осетіи; но въ нихъ, по отзывамъ самихъ осетинъ, не научаются даже русскому языку. Во Владикавказѣ основана военная прогимназія, куда принимаются горцы; но тамъ какихъ-нибудь 150 вакансій и на русскихъ, и на всевозможныя горскія племена. Нельзя обвинять наши мѣстныя управленія, что они вовсе не задаются широкими цивилизующими цѣлями; но все это дѣлается, большею частью, безъ искренняго желанія, безъ строгой системы, безъ настойчивости и одушевленія, скорѣе какъ неизбѣжная уступка новымъ либеральнымъ взглядамъ правительства, чѣмъ по сознанію плодотворности самаго дѣла.

А главное—безнадежный подборъ исполнителей убиваетъ въ зачаткѣ самое доброе начинаніе высшихъ властей. Общество возстановленія христіанства на Кавказѣ, повидимому, достигло лучшихъ результатовъ. Еще недавно вся сѣверная Осетія была лишена священниковъ; ея разрушенныя древнія церкви, разсѣянныя всюду по горамъ и ущельямъ, замѣнялись полуязыческими капищами, гдѣ наслѣдственные жрецы исполняли свои полуязыческіе обряды. Изрѣдка только пробирались къ нимъ изъ Грузіи по опаснымъ снѣговымъ тропинкамъ православные священники, поддерживая тлѣющія воспоминанія о Христовой вѣрѣ и ея таинствахъ.

Одинъ образованный осетинъ изъ православныхъ

разсказывалъ мнѣ, что нетолько дѣды ихъ, но и многіе изъ отцовъ не знали еще обряда вѣнчанія и собирались въ церковь только разъ въ годъ, на свѣтлый праздникъ, къ какому-нибудь заѣзжему попу. Теперь же вся Осетія раздѣлена на приходы и благочинія, вездѣ выстроены или обновлены церкви, священники изъ мѣстныхъ горцевъ обучаются въ русскихъ духовныхъ семинаріяхъ Тифлиса и Ставрополя, говорятъ хорошо по-русски и получаютъ изрядное жалованье, иные даже до 300 руб. въ годъ. Осетины теперь выполняютъ всѣ рѣшительно христіанскія требы, вѣнчаются, хоронятъ, крестятъ, говѣютъ у поповъ, платя за эти требы по мѣрѣ достатка каждаго. Служба въ осетинскихъ церквахъ совершается по-славянски, и только въ большіе праздники попы служатъ и говорятъ проповѣди по-осетински. Какъ и въ прежніе вѣка, укорененію христіанства и цивилизаціи сильно мѣшаетъ совершенное отсутствіе у осетинскаго народа всякой грамотности, всякаго намека на письменную литературу.

Осетины замѣняютъ бирками всякій счетъ, всякую запись, а лѣтописями имъ служатъ безчисленныя оленьи и турьи рога, которыми они, по поводу разныхъ событій, украшаютъ входы въ свои народныя святилища. Нѣтъ ни одной древней христіанской часовни, ни одного языческаго капища ихъ, въ родѣ знаменитой молельни Рекома, которое не было-бы обвѣшано снаружи, а часто и внутри, рогами этихъ священныхъ для горца животныхъ, которыхъ онъ изстари привыкъ приносить въ жертву своимъ богамъ. Старики, по одному взгляду на эти рога, разсказываютъ исторію, когда-то послужившую поводомъ къ жертвѣ, хотя съ тѣхъ поръ прошли вѣка. Дѣдъ передаетъ своему внуку и внукъ сыну эти полуисторическія, полуфантастическія легенды осетинской старины, разумѣется, все болѣе и болѣе блѣднѣющей и стирающейся.

Только пѣсни бродячихъ горскихъ бардовъ, брянчащихъ на своемъ двуструнномъ фандирѣ, да эти нѣмые памятники прошлаго сохраняютъ въ усыпленномъ умѣ осетина какое-нибудь воспоминаніе о временахъ его былаго геройства и его былыхъ страданій.

Впрочемъ, въ настоящее время, трудами нѣкоторыхъ русскихъ ученыхъ и образованныхъ осетинъ, положено хотя слабое основаніе осетинской письменности.

Академикъ Шегренъ, заинтересовавшійся открытіями Клапрота, составилъ первый, сколько-нибудь практическій осетинскій алфавитъ; въ 1844 году появилась его осетинская грамматика на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, которая послужила главнымъ началомъ серьезныхъ лингвистическихъ изслѣдованій горскихъ языковъ и составленія для нихъ алфавитовъ. Академикъ Шифнеръ и особенно неутомимый труженикъ этого дѣла, генералъ Усларъ, къ сожалѣнію, похищенный смертью въ самый разгаръ своихъ плодотворныхъ трудовъ, болѣе всего послужили изслѣдованію горскихъ нарѣчій Кавказа. Осетинская азбука Шегрена, имѣвшая предшественникомъ своимъ азбуку Ялгузидзе, основанную на грузинскихъ буквахъ, принимаетъ, напротивъ, въ основу русскій алфавитъ, точно такъ же какъ и всѣ послѣдовавшіе за нею алфавиты горскихъ нарѣчій, составленные генераломъ Усларомъ.

Въ этомъ предпочтеніи русскаго алфавита была очень разумная цѣль, такъ какъ съ его помощью можно надѣяться гораздо легче сблизить осетинъ и другихъ горцевъ съ русскою письменностью, чѣмъ съ помощью чуждыхъ и тѣмъ, и другимъ грузинскихъ или арабскихъ начертаній.

Съ помощью азбуки Шегрена, общество возстановленія христіанства на Кавказѣ успѣло уже перевести на осетинскій языкъ всѣ книги, необходимыя при богослуженіи.

Общество возстановленія христіанства на Кавказѣ не ограничилось однимъ переводомъ книгъ, но позаботилось и о томъ, чтобъ было кому читать и разумѣть эти книги. Оно уже успѣло основать на свой счетъ цѣлую систему сельскихъ училищъ въ Осетіи, нетолько мужскихъ, но и женскихъ.

Эти «осетинскія женскія школы», заводимыя ревнителями православія въ горахъ дикаго Кавказа, должны пристыдить многихъ изъ нашихъ оффиціальныхъ русскихъ просвѣтителей, которые до послѣдняго времени упирались противъ женскаго образованія въ нашемъ цивилизованномъ отечествѣ, какъ противъ опаснаго новшества, посягающаго и на первобытную чистоту женскихъ нравовъ, и едва не на самые догматы религіи.

Въ Осетіи (сѣверной и южной), судя по даннымъ кавказскаго учебнаго округа, обнародованнымъ въ 1879 году, считалось всѣхъ сельскихъ училищъ общества христіанства 24: изъ нихъ семь исключительно женскихъ съ 224-мя ученицами; всего-же учащихся въ этихъ школахъ было немного менѣе 1,000 человѣкъ.

Мнѣ не случилось посѣтить какую-нибудь изъ этихъ школъ, по случаю лѣтнихъ каникулъ: но, судя по отчетамъ, онѣ устроены очень старательно, гораздо старательнѣе, во всякомъ случаѣ, чѣмъ множество сельскихъ школъ въ нашихъ искони православныхъ русскихъ губерніяхъ. Въ каждой школѣ непремѣнно есть особый законоучитель, получающій отъ 100 до 50 р. въ годъ, и, кромѣ школьнаго учителя, нерѣдко еще помощникъ его.

Жалованье учителю отъ 600 руб. до 300 руб.; но 300 руб., вообще, очень рѣдко. Въ нѣкоторыхъ училищахъ есть учительницы, получающія отъ 200—300 руб., такъ-же какъ и помощники учителя.

Въ самыхъ-же большихъ училищахъ, какъ, напримѣръ, въ алагирскомъ имѣющемъ 120 учениковъ, ардонскомъ съ 60 ю учениками, есть даже отдѣльные учи-

теля ремеслъ, съ жалованьемъ по 300 рублей въ годъ. Въ составѣ учителей этихъ школъ бóльшая часть мѣстные горцы, получившіе образованіе въ александровской учительской школѣ Тифлиса или въ другихъ русскихъ училищахъ.

Начальныхъ школъ кавказскаго учебнаго округа мало въ Осетіи, и эти немногія сосредоточиваются въ Владикавказѣ и нѣкоторыхъ другихъ центральныхъ пунктахъ, не проникая такъ глубоко въ страну, какъ школы общества христіанства.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ, среди осетинъ уже являются понемногу люди, кончившіе курсъ въ различныхъ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, даже въ университетахъ, способные посвящать себя и научному изслѣдованію своей народности, и развитію ея духовныхъ силъ.

Уже среди трудовъ кавказскихъ ученыхъ можно встрѣтить теперь не однихъ только нѣмецкихъ академиковъ и русскихъ археологовъ, какъ было прежде, но и основательныя изслѣдованія своего племени кровныхъ жителей осетинскихъ ауловъ, въ родѣ Джантеміра Шанаева, Б. Гатіева и другихъ почтенныхъ мѣстныхъ писателей, работы которыхъ многое разъяснили и автору этихъ писемъ при составленіи настоящаго очерка.

Но всякій пойметъ, что всего сдѣланнаго слишкомъ мало, чтобъ утѣшиться этими слабыми попытками и остановиться въ самомъ началѣ пути.

Осетинская и всякая кавказская дичь ждетъ отъ насъ впередъ широкой и плодотворной дѣятельности во всѣхъ смыслахъ и искренняго уврачеванія старыхъ золъ, чтобъ мы могли оправдать, наконецъ, передъ всѣмъ міромъ и свои завоеванія, и свой горделивый титулъ цивилизующаго народа, который мы такъ любимъ носить, но еще не умѣемъ оправдывать.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Долина Ріона

I

Народъ крестоносецъ

Романтическій Гори-Джвари, «Крестъ Гори», удивительно долго преслѣдуетъ насъ съ своихъ заоблачныхъ скалъ, на которыхъ живописно ютятся мшистыя стѣны и башни этого древняго замка-монастыря, одной изъ самыхъ популярныхъ святынь края.

Сейчасъ видно, что не для одной красоты пейзажа и не изъ одного стремленія къ пустынножительству залѣзъ монастырь на эту головокружительную высоту, гдѣ онъ вырѣзается на темномъ фонѣ курчавыхъ лѣсныхъ горъ, съ такимъ поразительнымъ величіемъ и характерностью. Не одинъ онъ, а всѣ святыни грузинской древности, и Степанъ-Цминда Казбека, и монастырь противъ Мцхета, воздвигнутый на мѣстѣ стараго народнаго идола, и Уплисъ-Цихе, и Гелати, и Моцаметы, всѣ они не собственною волею, а роковою нуждою обратились въ укрѣпленныя цитадели, вѣнчающія недоступныя вершины скалъ.

Загнало ихъ туда, подъ облака небесныя, не одно ихъ внутреннее пареніе къ небу, но и злоба земная, «страхъ іудейскій» своего рода.

Эти христіанскія молельни, укутанныя въ черные туманы, заслоненныя непроходимыми лѣсами, недовѣрчиво торчащія на утесахъ, какъ гнѣзда ласточекъ, преслѣдуемыхъ хищниками, составляютъ теперь самую наглядную и вѣрную илюстрацію долгой и тяжелой исторіи Грузіи.

Европа и особенно Россія даютъ себѣ до сихъ поръ слишкомъ мало отчета въ томъ, какую важную историческую миссію выполнила Грузія передъ европейскимъ христіанствомъ своими вѣковыми страданіями, своею безустанною борьбою.

Когда я, полный безмолвнаго изумленія и любопытства, проѣзжалъ то въ вагонѣ желѣзной дороги, то на почтовой перекладной, то верхомъ, черезъ этотъ необыкновенно своеобразный и совершенно новый для меня край, я былъ прежде всего пораженъ глубоко проникающимъ его, всецѣло господствующимъ надъ нимъ характеромъ какого-то древняго христіанскаго царства.

Глядя на эти безчисленные монастыри, храмы и часовни, вѣнчающіе каждую скалу, пріютившіеся надъ каждою долиною, обращенные въ осадные дворы для населенія,—сейчасъ поймешь, что тутъ интересы государства неразрывно были слиты съ интересомъ церкви; что народъ, защищая, какъ послѣднія убѣжища, свои религіозныя святыни, защищалъ въ нихъ всю свою родину, все свое прошлое и будущее. Въ часы частой опасности и бѣдствій, Грузія сбивалась вся въ эти тѣсныя монастырскія стѣны, подъ покровъ этихъ мирно сіяющихъ христіанскихъ крестовъ, охваченная кругомъ, какъ Ноевъ ковчегъ потопомъ, мусульманскими ордами турокъ, нерсовъ, монголовъ, лезгинъ и проч.

Такимъ образомъ, исторія невольно воспитала въ грузинѣ страстное благоговѣніе къ его древнимъ святынямъ, въ которыхъ для него, какъ въ дѣйствительномъ ковчегѣ, такъ долго и такъ часто сосредоточивалось и спасеніе его отъ врага, и все, чѣмъ дорожилъ онъ въ мірѣ.

Православный крестъ невольно становился его отечествомъ, символомъ его народности, защита христіанства—задачею всей его исторіи.

Грузинскій народъ—это истинный народъ-крестоносецъ. Какъ у рыцаря-крестоносца, вся жизнь этого народа дѣлилась между молитвою и кровавымъ боемъ съ исламомъ. Болѣе чѣмъ цѣлое тысячелѣтіе не выпускалъ онъ изъ своихъ рукъ меча, и если христіанскій крестъ не былъ вышитъ на плечѣ его мантіи, то онъ былъ за то неизгладимо врѣзанъ въ самое сердце народа.

Въ этомъ отношеніи есть нѣкоторое историческое сходство между ролью Испаніи на юго-западѣ Европы и ролью Грузіи на юго-востокѣ ея.

Быть можетъ, какъ у испанцевъ, этою особенностью исторической миссіи грузинъ можно объяснить себѣ ту промышленную отсталость, то скудное развитіе ихъ умственной жизни, отъ которыхъ несомнѣнно страдаетъ теперь Грузія.

Стоитъ познакомиться ближе съ скорбными листами ея лѣтописей, чтобы окончательно убѣдиться, какой глубокій христіанскій духъ, какую несокрушимую энергію воли долженъ былъ проявить этотъ небольшой народъ для того, чтобы не пасть подъ непрерывными жестокими ударами судьбы и мужественно отстоять христіанство своихъ горъ и долинъ отъ побѣдоносныхъ нашествій азіатскаго исламизма.

Мудрено ли, что, потративъ свои нравственныя силы на эту борьбу жизни и смерти, на отчаянную за-

щиту своей исторической индивидуальности, грузины опустили утомленныя руки передъ другими, болѣе мирными задачами жизни. Великимъ результатомъ ихъ долгой исторіи была не одна ихъ собственная народная самостоятельность. Вмѣстѣ съ нею они отчасти отстояли судьбу христіанства южнорусской равнины и многихъ мелкихъ народовъ горнаго Кавказа.

Грузія очутилась такимъ образомъ передовымъ редутомъ христіанской обороны противъ ислама.

Этотъ невольный азіатскій союзникъ Европы сослужилъ ей великую историческую службу и, можно сказать, завоевалъ себѣ этимъ право считаться въ числѣ европейскихъ христіанскихъ народностей, къ которымъ онъ гораздо ближе по духовнымъ задачамъ своей жизни, чѣмъ къ азіатскимъ племенамъ, среди которыхъ поставили его географическія условія и родство крови.

Могучее мусульманство Востока разбило свою энергію и свой фанатизмъ о несокрушимую грудь маленькой Грузіи, и хотя всплески его успѣли достигнуть Кавказскихъ горъ, успѣли омусульманить значительную часть кавказскихъ горцевъ сейчасъ же за спиною Грузіи, но на этихъ послѣднихъ усиліяхъ борьбы замеръ исламизмъ и не былъ въ силахъ двинуться дальше.

Онъ издыхалъ отъ истощенія у подножія Кавказскихъ горъ. Кресты христіанскихъ храмовъ Грузіи ушли выше, спрятались глубже, огородились крѣпче, но все-таки они продолжали сіять, не смотря на непрекращающіяся осады и нападенія мусульманъ, не смотря на лившуюся кругомъ, подъ мечемъ мусульманъ, христіанскую кровь Грузіи. Все-таки на ея древнихъ храмахъ горделивый золотой полумѣсяцъ продолжалъ лежать у ногъ скромнаго золотаго креста. Самое мусульманство, проникшее въ горы Кавказа, уже не было истымъ и чистымъ мусульманствомъ, уже не согрѣвалось тѣмъ жаромъ прозелитизма и ре-

лигіозной нетерпимости, какимъ дышалъ воинствующій исламъ Азіи.

* * *

Много грѣховъ нужно простить Грузіи за эту историческую миссію ея.

И ея феодализмъ, и закрѣпощеніе ея рабочаго народа, и безхозяйственный разгулъ ея народныхъ обычаевъ,—все это вполнѣ объясняется и извиняется въ теченіе долгихъ вѣковъ надъ всѣмъ господствовавшею потребностью ограждать силою меча свою духовную самостоятельность, которая почти исключительно выразилась въ христіанствѣ. Когда государство историческою силою обстоятельствъ обращено въ военный лагерь, то поневолѣ оно развивается въ смыслѣ господства сильныхъ, въ смыслѣ рѣзкаго раздѣленія народа на защищающихъ и защищаемыхъ, повелѣвающихъ и повинующихся, поневолѣ оно направляетъ нравы народа на геройскую удаль въ войнѣ, на разгулъ и презрѣніе мирныхъ занятій во время рѣдкаго отдыха.

Ограниченныя теоріи нѣкоторыхъ нашихъ дешевыхъ мыслителей, философствующихъ надъ исторіей былаго, пріучили массу нераздумывающихъ читателей своихъ къ весьма ошибочнымъ взглядамъ на многія коренныя явленія исторіи, осуждаемыя гуманными принципами нашей современной морали.

Какъ идеалы нравственной и общественной жизни, взгляды эти справедливы и достойны всякаго сочувствія; но какъ оцѣнка прошлаго—они дѣтски-близорукі, легкомысленны и невѣрны.

Сила историческихъ обстоятельствъ есть такое роковое, всесильное условіе, что даже Платоны и Аристотели въ извѣстное время не могли мыслить общества безъ рабства.

Неужели же наши современные мудрецы заднимъ числомъ мнятъ себя болѣе могучими умами и болѣе

возвышенными сердцами, чѣмъ эти духовные титаны древняго человѣчества?

Намъ же кажется, что безпристрастное вхожденіе во всѣ живыя обстоятельства прошлаго гораздо плодотворнѣе, хотя и гораздо труднѣе, чѣмъ слишкомъ мало стоющее глумленіе надъ невольными грѣхами прежнихъ поколѣній.

Легко осуждать ихъ и за феодализмъ, и за крѣпостныя отношенія; но съумѣли ли бы избѣгнуть ихъ мы сами, если-бы стояли на мѣстѣ предковъ своихъ, въ ихъ время и въ ихъ обстоятельствахъ,—этого, я думаю, не посмѣетъ утверждать ни одинъ честный человѣкъ.

Счастье для Грузіи, что она успѣла донести свой христіанскій крестъ до порога XIX столѣтія и, упадая въ изнеможеніи, все-таки передать его въ надежныя руки выросшей за нею молодой сосѣдки и союзницы своей, единовѣрной Россіи.

Трудно сомнѣваться теперь, что Грузія вытратила въ теченіе этой многовѣковой борьбы съ мусульманствомъ всю внутреннюю силу свою, и что она не въ состояніи бы была дольше выдерживать эту невозможную жизнь вѣчнаго военнаго стана, вѣчнаго боя, разоренія и тревогъ. Осадное положеніе государства не можетъ продолжаться безъ конца.

Для Грузіи миръ и спокойствіе стали, наконецъ, необходимы, какъ воздухъ для дыханія. Настало и ей время стать, наконецъ, государствомъ свободнаго труда и промысла, плодотворнаго духовнаго и экономическаго развитія, безъ чего уже не въ силахъ существовать современныя государства. Только упавши на великую грудь дружественной Россіи, маленькая христіанская Грузія могла увѣровать, что пришелъ желанный конецъ тяжкой эпохѣ борьбы и смертельныхъ опасностей, что она вправѣ зажить теперь мир-

ною гражданскою жизнью европейскаго человѣчества и вступить въ общую семью цивилизованныхъ народовъ.

Кто вникнулъ въ великій смыслъ добровольнаго присоединенія къ Россіи сначала Грузинскаго, потомъ Имеретинскаго, Гурійскаго и Мингрельскаго царствъ, кто знакомъ съ печальными перипетіями послѣднихъ временъ самостоятельности этихъ государствъ,—тотъ не можетъ постигнуть ослѣпленія немногихъ мечтателей, воображающихъ, что отдѣленіе грузинскихъ царствъ отъ Россіи было бы ихъ благополучіемъ. Нѣтъ, добровольное чувство народа грузинскаго не ошиблось въ своемъ рѣшеніи и поняло ясно—гдѣ его спасеніе, гдѣ единственный свѣтлый исходъ для его историческаго будущаго.

Быть нераздѣльною составною частью великаго единовѣрнаго народа не можетъ быть позорно, не можетъ быть невыгодно. Поэтому истинные патріоты Грузіи должны, мнѣ кажется, самымъ рѣшительнымъ образомъ возставать противъ непрактическихъ утопистовъ, непонимающихъ ни прошлаго, ни настоящаго и увлекающихся непереваренными ими звонкими фразами о свободѣ народа.

Свобода въ составѣ великаго и могучаго народа гораздо надежнѣе, слишкомъ зависимой отъ случайностей и доброй воли сосѣдей, свободы мелкихъ племенъ. Гражданская же свобода одинаково совмѣстима и съ тѣмъ и съ другимъ, точно такъ какъ крѣпостныя отношенія могли одинаково существовать и въ Русской имперіи, охватывающей полъ-міра, и въ маленькихъ закавказскихъ царствахъ, умѣщавшихся по нѣскольку въ долинѣ одной рѣки.

Но, съ другой стороны, и мы, русскіе, дружески принявшіе грузинъ въ нѣдра народа своего, и мы не должны никогда забывать, что мы не завоеватели, не

побѣдители ихъ, что мы имъ равноправные братья, а не суровые господа. Мы не должны забывать, что грузины вступили въ семью нашу для того, чтобы остаться самими собою, чтобы не быть поглощенными чуждымъ имъ племенемъ, чуждою вѣрою, чуждыми обычаями. Поэтому все грузинское, все исторически пріобрѣтенное ими, всѣ ихъ народныя святыни и всѣ ихъ народныя свойства—имѣютъ право на такое - же уваженіе, на такую-же поддержку, какъ и все наше собственное, русское. Союзъ двухъ братьевъ заключается въ дружественномъ пособничествѣ другъ другу, въ привязанности одного брата къ другому, а вовсе не въ томъ, что личность одного приносится въ жертву личности другаго. Всякій народный характеръ равно естественъ и равно законенъ, точно также какъ всякій языкъ, всякій обычай.

Видоизмѣнять ихъ государство обязано лишь настолько, насколько они становятся препятствіемъ общему благу, высокимъ цѣлямъ человѣческой цивилизаціи. Наши самые славные правители Кавказа всегда понимали эту важную обязанность русскаго правительства уважать и охранять народную самобытность грузинскаго племени. При князѣ Воронцовѣ принципъ этотъ былъ выдвинутъ особенно ясно.

Въ настоящее время точно также замѣтно большое довѣріе, оказываемое высшимъ правительствомъ Кавказа мѣстному элементу населенія.

Достаточно указать, что высшій постъ помощника намѣстника и множество другихъ высокихъ административныхъ должностей края занято лицами грузинскаго и армянскаго происхожденія.

Но это личное довѣріе должно быть неизбѣжно соединено и съ полнымъ довѣріемъ къ тѣмъ духовнымъ силамъ, на которыхъ основана внутренняя жизнь мѣстнаго населенія. Развитіе грузинскаго языка, грузин-

ской литературы, грузинской школы, напримѣръ, не только не можетъ ослабить связей Грузіи съ Россіей, но послужитъ сильнѣйшею и притомъ неизбѣжною подготовкою къ ближайшему знакомству грузинъ съ языкомъ, литературою и школою Россіи. Грузину-дикарю никакими средствами не привьешь прямо русской школы. Если не давать ему учиться по-грузински, то онъ можетъ остаться прежнимъ дикаремъ, но все-таки не станетъ образованнымъ русскимъ. Напротивъ того, грузинъ, прошедшій свою родную народную школу, подготовившій себя къ умственному труду, возбудивші въ себѣ интересъ къ образованію, уже безъ особеннаго труда и безъ особеннаго понужденія, по свободному соображенію своихъ собственныхъ интересовъ, захочетъ гораздо скорѣе, чѣмъ невѣжда, овладѣть столь необходимымъ и столь выгоднымъ для разныхъ житейскихъ цѣлей его знаніемъ русскаго языка и высшими ступенями образованія, пріобрѣтаемыми въ русскихъ школахъ.

Было бы очень печально, если-бы система нашего управленія Закавказьемъ упустила изъ виду эту единственно-практичную и единственную справедливую точку зрѣнія и увлеклась бы, по примѣру управленій нѣкоторыхъ другихъ нашихъ окраинъ, стремленіями къ мертвящему, механическому обрусенію. Такое насильственное обращеніе одного племени въ другое не только есть вопіющая несправедливость, не только есть грубѣйшая и вреднѣйшая политическая ошибка, но къ тому же еще и совершенная невозможность. Успѣхъ такой системы всегда только кажущійся; великій же вредъ ея несомнѣненъ. Она не только убиваетъ духовную жизнь народа, который думаетъ просвѣтить силою и на свой образецъ, но прежде всего навсегда разрываетъ внутреннія связи, которыми исторія сроднила

два народа и въ которыхъ однихъ только коренится возможность плодотворнаго будущаго для нихъ обоихъ.

Заставить старыя грузинскія царства, окончившія азіатскій періодъ своей исторіи, видѣть для себя въ Россіи дѣйствительный источникъ европейской цивилизаціи, дѣйствительную силу историческаго обновленія закавказскихъ народностей, на почвѣ разумныхъ общественныхъ порядковъ, энергической промышленности, свободной науки,—вотъ единственно безошибочный путь для обезпеченія Россіи постояннаго тяготѣнія къ ней ея далекихъ азіатскихъ окраинъ.

Чѣмъ болѣе привычки образованія и гражданской свободы будутъ проникать въ самую Россію, тѣмъ крѣпче будетъ выростать связь между нею и добровольно пріобщенными къ ней закавказскими народами.

Но, конечно, если къ Закавказью будетъ примѣняться политика, особенно наглядно торжествующая теперь въ Батумѣ и Карсѣ, уже обезлюдившая и разорившая въ короткое время наши прекрасныя новыя области, то никакія драконовскія мѣры насильственнаго обрусенія не принесутъ пользы ни Россіи, ни Закавказью.

Оковы, каковы бы они ни были, только сковываютъ ноги и руки, но не привязываютъ одного духа къ другому, не порождаютъ между ними союза любви и дружбы, безъ котораго не можетъ быть взамно полезной жизни.

II

Сурамскій перевалъ

Михайловская станція уже вся подъ сѣнью суровыхъ сплошныхъ лѣсовъ, темными шапками укрывающихъ окрестныя горы.

Кура уходитъ отъ насъ налѣво, прорѣзая свою узкую верхнюю долину среди этихъ косматыхъ горъ. Вѣрнѣе, она идетъ теперь къ намъ слѣва, потому что поѣздъ несется навстрѣчу ей.

Это узкое лѣсное ущелье почти непочатой дѣвственности, съ поразительными видами на каждомъ шагу, идетъ въ Боржомъ, на цѣлебныя воды, недавно еще пустынныя, около которыхъ теперь разрослась блестящая лѣтняя резиденція великаго князя-намѣстника, если не ошибаюсь, подаренная ему государемъ императоромъ, а прежде принадлежавшая казнѣ. Окрестности дѣлаются все люднѣе, роскошнѣе, живописнѣе, все обильнѣе звучатъ горными ручьями, все веселѣе зеленѣютъ привольными пастбищами, все чаще разнообразятъ пейзажъ и радуютъ взоръ русскаго путешественника, неизбалованнаго у себя дома ни живописностью, ни романтикою, развалины замковъ и башенъ на капризныхъ каменныхъ утесахъ, на остроконечныхъ пикахъ зеленыхъ горныхъ пирамидъ. Дышется свѣжѣе и легче. Словно изъ жаркаго сухаго лѣта опять возвратился въ самый развалъ сочной майской весны. Мы незамѣтно поднимаемся на Сурамскій перевалъ.

Имеретія отдѣлена отъ собственной Грузіи или Карталиніи поперечнымъ горнымъ хребтомъ, который тянется съ сѣвера на югъ, перекинутый, будто титаническая плотина, между главнымъ хребтомъ Кавказа и горами аджарскими и ахалцыхскими, такъ называемымъ Малымъ Кавказомъ. Этотъ хребетъ Месхійскихъ

горъ изстари служилъ важною географическою основою историческихъ судебъ Грузіи и Имеретіи, во многомъ объясняющею не только рѣзкую разницу ихъ хозяйственныхъ и климатическихъ условій, но и самое различіе народнаго характера грузина отъ имеретина или мингрельца, самое различіе ихъ историческихъ интересовъ. По сю сторону — широкая долина Куры, текущей среди пустыхъ степей, среди сухихъ известковыхъ горъ, страна пастуха и хлѣбопашца, прямо примыкающая къ кочевникамъ армянскихъ и курдскихъ степей, къ пустынному внутреннему морю, вся тяготѣющая къ востоку, къ Азіи, сама словно зовущая къ себѣ монгола и сельджука. По ту сторону—тропически-роскошная долина Ріона, сплошь заросшая лѣсами и садами, не знающая, куда дѣть свою черезчуръ обильную влагу, затопляемая своими собственными водами, словно переполненные молокомъ сосцы матери-природы, благоухающая всѣми цвѣтами и плодами приморскаго юга, съ изящнымъ и талантливымъ народомъ, въ которомъ живетъ хотя тонкая струйка крови и древняго эллина, и средневѣковаго генуэзца,—народомъ-садовникомъ, виноградаремъ и торговцемъ.

Эта долина стремится къ морямъ Запада, къ народамъ Запада; она еще на зарѣ европейской исторіи принимаетъ въ себя первыхъ цивилизаторовъ человѣчества, служитъ имъ самымъ раннимъ полемъ торговли, промышленности, государственной жизни.

За Язономъ и Аргонавтами возникаютъ здѣсь богатыя колоніи грековъ: Діоскуры, Археополисъ, Соѳеръ; за греками сюда заявляются римляне, за римлянами—генуэзцы, за генуэзцами—самые послѣдніе изъ цивилизаторовъ Востока—мы, русскіе.

Сурамскій перевалъ ведетъ именно изъ восточной, азіатской долины Куры, изъ бассейна кочеваго Каспія къ бассейну западнаго европейскаго моря.

Оттого онъ всегда долженъ былъ имѣть огромное значеніе въ исторіи Закавказья.

Оттого-то, можетъ быть, такъ и богаты окрестности его башнями и замками.

* * *

Подъемъ на Сурамъ очень крутъ и труденъ. Два локомотива особой системы, двойной силы каждый, съ большими усиліями встаскиваютъ наверхъ очень скромный поѣздокъ нашъ съ небольшими вагонами. Одинъ локомотивъ запряженъ спереди, другой—подталкиваетъ поѣздъ сзади.

Однако и при этихъ предосторожностяхъ бываютъ, говорятъ, случаи, когда поѣздъ сползаетъ назадъ и внизъ, возвращаясь задомъ напередъ, безъ всякаго своего желанія, на станцію, изъ которой вышелъ.

Мы, однако, вскарабкались наверхъ, благодаря Бога, безъ всякихъ происшествій, хотя всѣ кондукторы были на-чеку у тормазовъ, въ очевидно тревожномъ ожиданіи.

Древній замокъ Сурамъ торчитъ наверху перевала, на неприступномъ обглоданномъ утесѣ, направо отъ дороги. Это очень удобная и вполнѣ надежная застава между двумя странами. При занятіи Грузіи въ 1802 году русскіе держали въ этомъ важномъ пунктѣ довольно большой гарнизонъ. Встарину владѣтель Сурама былъ полновластнымъ владыкою входовъ и выходовъ въ Грузію и Имеретію. И теперь около Сурамскаго укрѣпленія стоятъ наши войска.

Сердце всколыхнулось сладкимъ чувствомъ родины, когда неожиданно вырѣзались среди этого средневѣковаго пейзажа далекой Азіи знакомыя бѣлыя рубахи солдатиковъ-земляковъ и правильные ряды ихъ палатокъ, весело бѣлѣвшихъ среди яркой зелени горнаго луга. На лугу этомъ, у лагеря, кипѣло во всемъ разгарѣ ученье разсыпнымъ строемъ.

Молодцы-солдатики наши, показавшіеся мнѣ издали, среди обстановки чуждыхъ костюмовъ и чуждыхъ физіономій, особенно рослыми и бодрыми, ловко перебѣгали отъ одного закрытія къ другому, ложились въ кусты, взлѣзали на скалы, то свертывались и развертывались могучими, дружными шеренгами.

Нѣсколько дальше разбитъ лагерь казаковъ. Ихъ ярко-красныя рубахи казались на фонѣ весенней зелени сплошными полянами цвѣтущаго мака, какія нерѣдко встрѣчаются въ маѣ среди травянистыхъ степей. Казаки толпились праздными кучками, покуривая, болтая, очевидно окончивъ свое ученье, и провожали нашъ медленно карабкающійся поѣздъ цѣлыми залпами остротъ и хохота. Еще выше Сурама станція Пони, съ которой начинается уже спускъ.

Я не могъ усидѣть въ глуши запертаго вагона и съ самой Михайловской станціи стоялъ на площадкѣ у тормаза, любуясь до-сыта широкими панорамами зеленыхъ окрестностей и картиною далекихъ снѣговыхъ хребтовъ, съ обѣихъ сторонъ охватывавшихъ горизонты.

Но, признаюсь, столь восхваляемые путешественниками эффекты перевала далеко не произвели на меня такого впечатлѣнія, какъ какой-нибудь перевалъ въ Алушту у подножія Чатырдага, или Байдарскія ворота Крыма.

Отсутствіе моря, съ неуловимою игрою его волшебныхъ красокъ, и отсутствіе громадныхъ горъ, обрамляющихъ первый планъ картины, достаточно объясняютъ эту разницу.

Однако, невозможно было не испытать рѣзкой перемѣны растительности, вдругъ окружившей меня при спускѣ на западъ; невозможно было не ощутить въ своей груди вѣянія мягкаго ароматическаго воздуха плодороднаго черноморскаго прибрежья послѣ сухаго зноя Карталиніи.

Къ сожалѣнію, азаліи, рододендроны и дикія розы заоблачныхъ лѣсовъ Сурама уже отцвѣли и я не могъ насладиться оригинальною картиною этой горной дичи, цвѣтущей и благоухающей, какъ самые роскошные цвѣтники дворцовыхъ садовъ.

За то какіе лѣса! Спускъ очень скоро пошелъ тѣснымъ и опаснымъ ущельемъ, пользуясь трещиною, которую промыла себѣ въ толщахъ скалъ горная рѣчка, впадающая въ Квириллу.

Надъ этою трещинкою почти отвѣсными стѣнами стоятъ скалы, покрытыя громаднымъ дѣвственнымъ лѣсомъ. Букъ и грабъ господствуютъ въ немъ. Страшный буревалъ смѣшалъ въ одинъ хаосъ камни и деревья.

Исполинскаго роста, какъ свинецъ грузные, многовѣковые дубы и буки, вырванные изъ осыпавшейся почвы съ цѣлымъ гнѣздомъ узловатыхъ корней, будто побитые въ кровавой сѣчѣ великаны, валяются другъ на другѣ, другъ черезъ друга, по обрывамъ скалъ.

Много тутъ подсѣчено и рукою человѣка, пролагавшаго дорогу, и порохомъ, взрывавшимъ скалы.

Ущелье иногда такъ тѣсно лѣпится между рѣкою и подножіемъ скалистыхъ стѣнъ, что изъ окна вагона кажется, что вотъ-вотъ сейчасъ весь поѣздъ очутится въ бурныхъ бѣшеныхъ волнахъ.

И дѣйствительно, эти мѣста серьезно неудобны, серьезно опасны; насъ останавливали нѣсколько разъ, чтобы дать рабочимъ время очистить рельсы отъ щебня скалъ, осыпающагося и спалзывающаго внизъ при каждомъ небольшомъ дождѣ. Въ раннее весеннее и позднее осеннее время, т. е. въ эпохи дождей, здѣсь случаются значительные обвалы.

* * *

Сурамскій перевалъ кончается въ Бежетубани, а со станціи Квириллы начинается настоящая имеретинская

низменность, сначала долиною Квириллы, потомъ долиною Ріона.

Правѣе желѣзнодорожной станціи, на той сторонѣ Квириллы, находятся развалины Сарапана, бывшаго въ глубокой древности, по увѣренію Страбона, важнымъ торговымъ пунктомъ и важною крѣпостью Закавказья.

Находящійся теперь на его мѣстѣ ничѣмъ незамѣчательный Шарапанъ служитъ административнымъ центромъ Шарапанскаго уѣзда Кутаисской губерніи.

Рѣка Квирилла по ширинѣ и величинѣ своей не уступаетъ верхнему Ріону, и многіе считаютъ Квириллу истиннымъ Ріономъ, такъ какъ длина ея теченія болѣе длины Ріона до слитія съ нею, и такъ какъ Ріонъ, по направленію своему, скорѣе служитъ продолженіемъ ея теченія, чѣмъ теченія той рѣки, которая, подъ именемъ Ріона, впадаетъ въ нее прямо съ сѣвера, образуя при Варцихе прямой уголъ съ нижнимъ теченіемъ, и на которой стоитъ, между прочимъ, Кутаисъ.

Потійская желѣзная дорога идетъ вдоль Квириллы и нижняго теченія Ріона, т. е. по прямой линіи отъ востока на западъ. Въ Кутаисъ же, т. е. на верхній Ріонъ, отдѣляется къ сѣверу небольшая желѣзнодорожная вѣточка со станціи Ріонской.

Вообще, странное дѣло, у Ріона оспаривается честь не только быть Ріономъ въ настоящее время, но и его древнее историческое названіе Фазиса, когда-то катившаго въ своихъ волнахъ золотой песокъ, привлекавшій къ себѣ Аргонавтовъ Язона. Древняя Колхида, армянская Когкисъ, судя по армянскимъ историкамъ—Моисею Хоренскому, Инчичіану и др., простиралась, повидимому, на югъ отъ Ріона и занимала собою нынѣшнюю Гурію и Лазистанъ, съ Батумомъ, т. е. южный бассейнъ Ріона и восточный Чороха.

На Чорохъ-Су донынѣ находится, выше Артвина,

городъ Испиръ, который считается Сперомъ или Соферомъ древности, столицею Колхиды, знаменитымъ своимъ золотомъ не только у грековъ, но и во всей Азіи, какъ это можно видѣть изъ стиховъ «Пѣсни пѣсней» Библіи.

Это обстоятельство заставило многихъ новѣйшихъ, особенно армянскихъ ученыхъ, признать за Фазисъ Чорохъ, а не Ріонъ, которую они, въ свою очередь, считаютъ рѣкою Фаршемъ.

Но, признаться, доводы противъ Ріона въ пользу Чороха не особенно убѣдительны, и я думаю, что историческая преемственность преданія заслуживаетъ болѣе вѣры, чѣмъ натянутыя соображенія позднѣйшихъ ученыхъ. Если Ріонъ изстари считался за Фазисъ, то несомнѣннѣе всего, что онъ и есть истинный Фазисъ. Дорогою въ Кутаисъ, мнѣ случилось познакомиться съ однимъ грузинскимъ литераторомъ, пользующимся популярностью среди грузинской публики, г. Акакіемъ Церетели. Между многими интересными сообщеніями о путешествіяхъ своихъ въ непроходимой дичи горъ, г. Церетели передалъ мнѣ весьма правдоподобное объясненіе имени Фазиса, которое, кажется, должно было бы положить конецъ всякимъ недоразумѣніямъ.

И Ріонъ, и нѣкоторые большіе притоки его текутъ со склоновъ одной изъ величайшихъ вершинъ Кавказа Пасъ-мты (т. е. Пасъ-горы). Всѣ рѣки, текущія съ Паса, туземные горцы называютъ «рѣками Паса», «Пасисъ-Цхале». Это-то мѣстное слово Пасисъ (родительный падежъ отъ Пасъ), выговариваемое обыкновенно съ придыханіемъ, обратилось въ Phasis древнихъ.

Если, такимъ образомъ, Фазисомъ можетъ быть признана, вмѣстѣ съ Ріономъ, Квирилла, истоки которой также находятся въ сосѣдствѣ Пасъ-мты, то уже Чорохъ-Су, текущій съ запада, отъ меридіана Трапезонта, никоимъ образомъ не можетъ быть признанъ «рѣкою

Паса»; кромѣ того, если признать за Фазисъ Чорохъ, то самыя точныя и опредѣленныя сообщенія Страбона и другихъ географовъ древности, относительно торговаго пути черезъ Кавказъ въ Персію и Индію, будутъ лишены смысла. Трудно сомнѣваться, что наиболѣе цивилизованные народы древности стремились овладѣть западнымъ побережьемъ Кавказа и особенно ріонскою низменностью, не изъ одного только соблазна соферскимъ золотомъ.

Еще египтяне старались основаться въ этой мѣстности, и до сихъ поръ сказочный эпосъ Мингреліи переполненъ воспоминаніями о Египтѣ и египтянахъ, какъ это поразило меня въ первой выслушанной мною сванетской сказкѣ объ Амиранѣ. Съ Аргонавтовъ Колхида дѣлается обычнымъ мѣстомъ стремленія смѣлаго греческаго колониста.

Стремленія эти, болѣе чѣмъ золотымъ руномъ, объясняются естественною торговою дорогою, издревле пролегавшею черезъ кавказскій перешеекъ внутрь Азіи.

Сначала шелъ водяной путь по Ріону и Квириллѣ до Сарапана, потомъ происходила перегрузка на вьюки или подводы, вѣроятно, черезъ Сурамскій перевалъ, и черезъ 5 дней пути, по словамъ Страбона, товары достигали Куры и опять нагружались въ лодки. Изъ Куры шли, Каспійскимъ моремъ, въ Оксусъ (Аму-Дарья), который, какъ извѣстно, впадалъ прежде не въ Аральское море, и, такимъ образомъ, проникали въ самое сердце азіатскаго богатства и промышленности, въ Бактрію, Персію, Индію. Теперешняя глубина Квириллы и Куры можетъ, конечно, возбуждать нѣкоторыя сомнѣнія относительно возможности судоходства по нимъ; но, во-первыхъ, нужно вспомнить, что въ древности, вслѣдствіе большаго обилія лѣсовъ, всѣ рѣки были многоводны; а во-вторыхъ, съ товарами древнихъ ходили по рѣкамъ не нынѣшнія наши грузныя и обшир-

рыя суда, а небольшіе плоты, приспособленные къ мѣстнымъ условіямъ. Понятіе о нихъ могутъ дать, напримѣръ, сохранившіяся до настоящаго времени на Курѣ и Ріонѣ лодки изъ бурдюковъ, т. е. огромныхъ кожаныхъ мѣховъ, въ названіи которыхъ (навтики) звучитъ несомнѣнное греческое или римское происхожденіе. Хотя навтики эти могутъ поднять груза не болѣе какъ обыкновенная одиночная подвода, но это обстоятельство не могло, разумѣется, считаться препятствіемъ для торговли въ старое, неизбалованное время, когда товары провозились тысячи верстъ на вьюкахъ.

Существуютъ историческія извѣстія, что въ самой глубочайшей древности армяне сплавляли товары внизъ по Евфрату въ Вавилонъ, на особыхъ плетеныхъ изъ лозъ и обитыхъ кожей легкихъ лодкахъ, которыя они послѣ обращали въ повозки и возращались домой по суху. Это даетъ очень характерное понятіе о тѣхъ разнообразныхъ приспособленіяхъ, къ какимъ могли прибѣгать древніе, чтобы одолѣвать многочисленныя препятствія, возникавшія для ихъ торговли.

Впрочемъ, путемъ, о которомъ говоримъ мы, можно было пользоваться только тогда, когда чья-нибудь сильная власть объединяла безчисленныя закавказскія народности; оттого-то, быть можетъ, этотъ путь и былъ заброшенъ, когда усобицы мелкихъ царьковъ и насилія дикихъ племенъ, обитавшихъ вдоль теченія Ріона и Куры, сдѣлали торговлю слишкомъ убыточною.

Извѣстный армянскій историкъ V вѣка нашей эры, Моисей Хоренскій, Геродотъ Арменіи, разсказываетъ, что на одномъ Ріонѣ жило нѣсколько десятковъ племенъ; что среди ихъ были и людоѣды, и конеѣды, и вшеѣды, а устье Куры долго запиралось дикимъ народомъ касповъ

Немудрено послѣ этого повѣрить разсказамъ древнихъ

писателей, что на рынки Діоскуріи, на кавказскомъ берегу Чернаго моря, собирались продавцы и покупатели отъ 300 племенъ, и что римляне вынуждены были держать здѣсь черезъ это, для своихъ торговыхъ сношеній съ мѣстными народцами Кавказа, переводчиковъ 130 разныхъ нарѣчій.

Кавказцы обыкновенно приводили на продажу невольниковъ, добычу вѣчныхъ войнъ своихъ, мѣдь, которою до сихъ поръ кишитъ Закавказье, а сами получали соль, въ которой крайне нуждались.

Вѣроятно, теперешнія кульпинскія соляныя ломки, снабжающія Кавказъ солью, не смотря на свою старинную разработку, въ древности не были еще извѣстны, или же доступъ къ нимъ черезъ горы Ахалцыха и Арменіи былъ слишкомъ труденъ. Какъ бы то ни было, но для насъ, русскихъ, крайне важно узнать, что въ теченіе многихъ вѣковъ, еще на зарѣ европейской исторіи, наше Закавказье уже служило транзитомъ между Азіей и Европой.

Теперь, когда уже ни каспы, ни эгры, ни колхи, ни средневѣковые феодалы Грузіи и Имеретіи не могутъ останавливать свободнаго теченія торговли, было бы слишкомъ постыдно для насъ не умѣть возстановить естественной торговой артеріи, такъ долго оживлявшей своимъ жизненнымъ біеніемъ области Кавказа и связывавшей два міра.

Въ настоящее время Ріонъ судоходенъ до впаденія въ него Цени-Цхали, «конской рѣки», Гиппуса древнихъ грековъ, отдѣляющей Мингрелію отъ Имеретіи. Кура же удобна для судоходства только въ нижней половинѣ своей, отъ Мингечаура до устья, на пространствѣ 250 верстъ, а при небольшихъ исправленіяхъ,—отъ самаго впаденія р. Ганжи при Карасахкалѣ, т. е. сейчасъ же за Караязскою степью. Но опять-таки это относится къ настоящему судоходству пароходовъ и баржъ, а не къ

тѣмъ легкимъ, мелкимъ судамъ, которыми довольствовались древніе. Ктому-же заброшенность судоходства въ теченіе многихъ вѣковъ, вѣрнѣе — цѣлыхъ тысячелѣтій, конечно породила множество препятствій, которыя мало-по-малу были бы устранены при постоянномъ плаваніи судовъ.

Высокій государственный умъ князя М. С. Воронцова, бывшаго въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ намѣстникомъ Кавказа, не упустилъ изъ виду важнаго историческаго значенія Куры для закавказской торговли.

Задавшись мыслію облегчить доставку закавказскихъ товаровъ въ Астрахань и Нижній, а съ другой стороны обезпечить закавказскую армію болѣе дешевымъ и быстрымъ подвозомъ припасовъ и военныхъ принадлежностей изъ Россіи, — князь Воронцовъ рѣшился возстановить судоходство по Курѣ. Онъ расчистилъ Куру отъ карчей на пространствѣ около 250 верстъ, учредилъ постоянный комитетъ пароходства, приготовилъ особый пароходъ и баржи, которые съ 1858 по 1857 года держали постоянные рейсы съ казеннымъ провіантомъ и частнымъ грузомъ между Каспійскимъ моремъ и Мингечауромъ.

Но на этомъ единственномъ опытѣ и остановилось пароходство Куры. Возможность соединить Черное море съ Каспійскимъ желѣзною дорогою отвлекла вниманіе позднѣйшихъ правителей Кавказа отъ стараго водяного пути.

III

Ворота въ Азію

Не однихъ насъ, русскихъ, занималъ и занимаетъ этотъ желѣзный путь изъ Европы въ Азію. Это вопросъ, можетъ быть, еще болѣе политическій, чѣмъ торговый,—вопросъ, котораго то или другое разрѣшеніе можетъ вызвать большія перемѣны въ судьбахъ многихъ странъ

Создать удобный транзитъ изъ Европы въ Индію теперь еще болѣе необходимо Англіи, чѣмъ намъ. Англія, съ своимъ коварнымъ дипломатическимъ искусствомъ, съ своею глубокою политическою проницательностью и практическою энергіей, долго умѣла охранять отъ малѣйшихъ посягательствъ созданное ею колоссальное торговое могущество свое въ древней Индіи. Она убила тамъ, довела до ничтожества всѣ другія колоніи, кромѣ своихъ, задавила соперничество испанцевъ, португальцевъ, голландцевъ, у однихъ отняла, у другихъ купила ихъ индѣйскія поселенія.

Островъ Орусъ, ставшій было азіатскимъ Ливерпулемъ, служившій складочнымъ мѣстомъ товаровъ Азіи, Африки и Европы, изъ рукъ португальцевъ переходитъ въ руки Англіи. Торговля цѣлаго міра съ Индіей обращается въ торговлю только съ Англіей и только черезъ Англію. Монополію эту обезпечиваютъ неизмѣримый торговый флотъ и безчисленныя стоянки и факторіи, возникшія по кругосвѣтному пути изъ Англіи въ Индію, около береговъ Африки. При этихъ обстоятельствахъ для Англіи не была особенно важна сухопутная торговля Индіи. Но вотъ она начинаетъ подмѣчать тревожные, угрожающіе признаки. Геній Наполеона I скоро постигаетъ истинный источникъ англій-

скаго могущества. Наполеонъ организуетъ египетскій походъ, старается утвердиться въ Сиріи, изобрѣтая способы проложить ближайшій путь къ сношеніямъ съ Индіей, обойти черезъ Аравійскій заливъ, черезъ Евфратъ, морской путь въ Индію, прочно захваченный Англіей. Англія чувствуетъ, что это вопросъ ея жизни и смерти, ополчается всѣми своими колоссальными силами противъ геніальнаго авантюриста и, въ концѣ концовъ, дѣлается его тюремщикомъ на островѣ св. Елены. Идея Наполеона однако продолжаетъ жить во Франціи. Научный геній Фердинанда Лессепса наслѣдуетъ военному и политическому генію Наполеона. Вопреки всевозможнымъ препятствіямъ со стороны Англіи, выставившимъ въ истинномъ свѣтѣ значеніе ея интересовъ и ея политики для общаго блага человѣчества, Суэзскій приливъ замѣняетъ Суэзскій перешеекъ, и раздѣленіе Африки отъ Азіи внезапно дѣлается соединеніемъ Европы съ Азіей. Индія, такъ долго отодвигаемая отъ Европы корыстнымъ эгоизмомъ Англіи, приближается вдругъ сама собою гораздо ближе къ Италіи, Греціи, Франціи, Испаніи, Россіи, чѣмъ къ ревнивой владычицѣ своей. Но неутомимая энергія новыхъ финикіянъ не приходитъ въ отчаяніе отъ такой гибельной для нихъ перемѣны обстоятельствъ. Не успѣлъ первый корабль появиться на водахъ Суэза, какъ уже весь Аравійскій заливъ, всѣ господствующіе пункты дальнѣйшаго пути въ Индію, Аденъ, Перимъ и прочее, уже находились въ рукахъ Англіи, и Суэзъ, котораго нельзя было запереть спереди, въ каждую данную минуту могъ быть теперь запертъ ею на ключъ сзади. Скоро самое право владѣнія Суэзскимъ каналомъ, помощью англійскаго золота, ловко перешло въ руки Англіи, если не вполнѣ, то большею частью.

Этого мало; теперь, когда Суэзъ подрывалъ многовѣковую монополію Англіи, ей было необходимо выдви-

нуть конкурента самому Суэзу, обойти его болѣе короткою дорогою, точно также какъ онъ обошелъ прежній долгій путь мимо мыса Доброй Надежды. Всѣ помыслы Англіи направились на созданіе кратчайшаго желѣзнаго пути черезъ Азію въ Индію или, по крайней мѣрѣ, къ вершинѣ Персидскаго залива, который могъ считаться тѣмъ-же индѣйскимъ моремъ Англіи. Эта желѣзная дорога должна была достигнуть и другой важной цѣли. Англія невольно сродняла интересы Турціи и Персіи съ своими интересами. Она наводняла эти неустроенныя страны своимъ золотомъ; она привлекала къ выгодамъ своего предпріятія массы вліятельныхъ и достаточныхъ людей Турціи и Персіи, дѣлалась раздатчицею работъ и заработковъ, кормильцемъ и поильцемъ простаго народа ихъ. А разъ ставши такою твердою ногою въ азіатскихъ государствахъ, Англія нечувствительно стала бы ихъ нравственнымъ и политическимъ владыкою. Она создала бы въ нихъ вѣрный и вѣчный оплотъ противъ постоянно смущающаго ее миража русскихъ посягательствъ на Индію. И вотъ Англія закишѣла проектами желѣзной дороги. Они составляютъ теперь цѣлую обширную литературу. Вся цѣль ихъ пройти между Сциллою — Суэзскимъ каналомъ и Харибдою — Россіей.

Англія понимаетъ лучше насъ, Англія не можетъ не понимать, что обойти Суэзъ, что создать естественный и кратчайшій сухопутный путь изъ Европы въ Индію — можно только черезъ русскій Кавказъ, черезъ который шелъ онъ въ глубокой древности. Но Англіи именно необходимо предупредить, сдѣлать невозможнымъ даже въ будущемъ этотъ пугающій ее, болѣе удобный, но не англійскій, русскій путь изъ Европы въ Индію. Англія помнитъ геніальныя попытки Петра I утвердиться въ Гилянѣ и Астрабадѣ, и то значеніе, которое онъ придавалъ древнему Дербентскому проходу

въ Азію по берегу Каспія, къ сожалѣнію, нисколько неоцѣненное его ближайшими преемниками. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ нашего столѣтія французскій консулъ въ Тифлисѣ, кавалеръ Гамба, авторъ извѣстнаго сочиненія «Voyage dans la Russie méridionale, particulièrement dans les provinces, situés audelà du Caucase», во второмъ томѣ этого сочиненія развилъ мысль о крайней выгодѣ для Россіи и Европы возстановить древній транзитъ товаровъ черезъ долину Ріона и Куры въ Бухарію, Афганистанъ, Персію, Индію. Хотя у кавалера Гамбы, повидимому, недоставало необходимыхъ свѣдѣній для составленія точнаго проекта этого транзита, но онъ пророчилъ Тифлису блестящую торговую будущность древней Пальмиры, если всѣ товары Европы устремятся черезъ него въ Азію, а товары Азіи въ Европу.

Гамба приводилъ въ примѣръ нѣкоторыхъ современныхъ ему предпріимчивыхъ тифлисскихъ армянъ, доказавшихъ на опытѣ возможность такого направленія торговли. Такъ, по его словамъ, купецъ Саратжевъ первый привезъ въ Тифлисъ изъ Одессы на 100,000 франковъ европейскихъ товаровъ, которые онъ самъ доставилъ въ Редутъ-Кале и распродалъ ихъ въ Тифлисѣ съ большою выгодою. На слѣдующій годъ, побужденная его примѣромъ, компанія изъ 6 армянъ въ первый разъ появилась на лейпцигской ярмаркѣ и купила тамъ на 600,000 франковъ европейскихъ мануфактуръ, которыя были доставлены транзитомъ черезъ Галицію, Одессу и Редутъ-Кале. Въ 1825 г. на той-же ярмаркѣ было куплено уже на 1.200,000 франковъ, а въ 1826 г. на 2.800,000

Убѣжденія Гамбы побудили тогдашняго намѣстника Кавказа генерала Ермолова съ свойственною ему быстротою и энергіей осуществить эту идею транзита. Съ 1821 г. по 1825 г. Бендеръ Буширская факторія

Остъ-индской компаніи на берегахъ Персидскаго залива, снабжавшая необходимыми европейскими и колоніальными товарами всю Персію, была парализована до того, что центръ тяжести персидской торговли самъ собою перенесся съ юга на сѣверъ, въ Тавризъ, и всѣ рынки по линіямъ Карманъ, Ширазъ и Гератъ были завалены товарами, какъ сообщаетъ объ этомъ спеціальный знатокъ персидской торговли, генералъ Арцруни, владѣтель громаднѣйшихъ караванъ-сараевъ въ Тифлисѣ, сосредоточивающихъ въ себѣ теперь значительную часть заграничной торговли Тифлиса. Генералъ Арцруни, кромѣ собственныхъ торговыхъ предпріятій, имѣлъ еще возможность изучить вопросъ азіатской торговли, состоя во время персидской кампаніи при князѣ Паскевичѣ, участвуя во многихъ посольствахъ въ Персію и, наконецъ, завѣдывая, по порученію правительства, азіатскою торговлею Кавказа.

Англичане всполошились, увидя дѣйствіе ермоловской затѣи. Они пустили въ ходъ всѣ пружины, чтобы настращать русское правительство и купечество перспективою погибели Россіи отъ кавказскаго транзита.

«Вы собираете свѣдѣнія о торговлѣ нашей въ Персіи, говорилъ въ 1828 г. Арцруни англійскій посланникъ въ Персіи Макдональдъ Кенейръ.—Она довольно велика, но не приноситъ намъ ни малѣйшей выгоды. Мы охотно бросили бы невыгодную для насъ здѣшнюю торговлю и отъ души желали бы, чтобы русскія фабрики улучшили свои произведенія и могли бы хотя сколько-нибудь замѣнить наши произведенія для персіянъ.

«Но неловкая фантазія Гамбы и Ермолова, транзитъ европейскихъ товаровъ черезъ Тифлисъ въ Персію, окончательно отнялъ у русскихъ фабрикантовъ всякую будущность по довольствію персіянъ. Транзитъ озна-

комилъ ихъ съ издѣліями лучшими, и они сами пойдутъ покупать ихъ прямо въ Констатинополь.

«Вотъ плоды выдумки транзита!» сердобольно заключалъ англійскій печальникъ за русскіе интересы.

Уже въ концѣ 1826 г., русскіе купцы и фабриканты успѣли выхлопотать отмѣну транзита въ принципѣ, такъ какъ онъ долженъ былъ выждать узаконенный для него десятилѣтній срокъ, т. е. до 1831 года.

Русское торговое сословіе смутилось внезапною остановкою торговли съ Персіей, вызванною не транзитомъ, а начавшейся въ 1826 г. войною съ Персіей. Войну эту возбудили англичане, обнадеживъ Персію возращеніемъ ей Грузіи и своею поддержкою. Хотя Персія, какъ нужно было ожидать, была жестоко побита Паскевичемъ, однако война косвеннымъ образомъ все-таки погубила транзитъ, тѣмъ болѣе, что вторженіе персовъ въ русскія области послужило непосредственнымъ поводомъ удаленія Ермолова, автора транзита.

Между тѣмъ соревнованіе европейскихъ товаровъ въ сущности нисколько не было опасно русскимъ фабрикантамъ, а грозило разореніемъ только Англіи. Вотъ что, напримѣръ, сообщаетъ на этотъ счетъ изъ своихъ личныхъ наблюденій тотъ-же г. Арцруни, на слова котораго мы уже ссылались выше.

«Я былъ очевидцемъ въ 1828 — 29 годахъ, какъ базары Тавриза, Занджана, Кума, Кашана, Испагани, Гамадана, *завалены были русскими товарами* въ смѣси съ лейпцигскими. Русскія нанки, холстинки, прочные алые и кубовые ситцы, легкія сукна веселыхъ цвѣтовъ покупались нарасхватъ подъ собственнымъ ихъ именемъ: «урусъ»; срочная извощичья перевозка товаровъ съ Макарья, изъ Шуи, Москвы, казалась медленною, ихъ привозили въ Тифлисъ на почтовыхъ тройкахъ.»

Вопреки убѣжденію такихъ государственныхъ

умовъ, какъ Ермоловъ, графъ Воронцовъ, князь Меньшиковъ, предсказывавшихъ, что уничтоженіе транзита черезъ Тифлисъ тотчасъ же откроетъ транзитъ, мимо Россіи, черезъ Трапезундъ, транзитъ черезъ Тифлисъ все-таки былъ закрытъ. Англичане дѣйствительно тотчасъ же устроили транзитъ товаровъ на Трапезундъ, Эрзерумъ, Тавризъ, но съ такимъ разсчетомъ, чтобы удовлетворить нуждамъ одной только сѣверной Персіи и освободить ее отъ всякой нужды въ русскихъ товарахъ, не подрывая этимъ остъ-индской торговли, Бендеръ-Бушира съ южною и среднею Персіей.

Попытки нѣкоторыхъ крупныхъ русскихъ фабрикантовъ, какъ, напримѣръ, Посилиныхъ, Лепешкина, Гучковымъ, Четвериковыхъ и другихъ, тотчасъ же по закрытіи транзита утвердить въ Тифлисѣ непосредственную торговлю свою съ Персіей, потерпѣли полную неудачу, точно также какъ планъ основанія россійско-азіатской торговой компаніи, разработанный въ 1836 г. въ государственномъ совѣтѣ и долженствовавшій предоставить нѣсколькимъ русскимъ фирмамъ монополію торговыхъ сношеній съ цѣлымъ Востокомъ, для устраненія всякой конкуренціи европейскихъ товаровъ.

Всѣ англійскіе планы желѣзнаго пути въ Индію замышлены въ томъ-же духѣ, какъ и этотъ трапезундскій транзитъ, т. е. прежде всего миновать Россію.

Изъ множества появившихся проектовъ этого пути выяснились два главныхъ направленія: одни соединяютъ Европу съ Персидскимъ заливомъ, другіе прямо съ Индіею. Большая часть этихъ проектовъ беретъ за исходный пунктъ Константинополь, какъ крайнюю оконечность Европы, которая можетъ быть безъ особенныхъ затрудненій соединена рельсами со всѣми торговыми городами европейскаго материка. Титаническій мостъ черезъ Босфоръ въ Скутари — и затѣмъ паровой поѣздъ врѣзается въ Азію въ томъ или другомъ направ-

леніи, по непрерывному рельсовому пути, изъ Парижа, Брюсселя. Берлина, въ Тавризъ, Гератъ и долину Инда, или, южнѣе, на Евфратъ и Персидскій заливъ.

Но послѣднее направленіе, съ его многократными перегрузками, рѣшительно не можетъ идти въ сравненіе съ прямою дорогою въ Индію и представляется только мало практическою полумѣрою.

Въ послѣднее время направленіе, одобренное парламентскою комиссіей Англіи и очень близкое съ проектомъ предсѣдателя лондонскаго географическаго общества Роулинсона, извѣстнаго недруга Россіи, на Скутари, Измидъ, Эрзерумъ, Тавризъ, Тегеранъ, Мешедъ, Гератъ Кандахаръ и черезъ Боланскій проходъ на Ширкапуръ, въ долинѣ Инда, пріобрѣло наиболѣе сторонниковъ и наиболѣе авторитета. Повидимому, направленіе это входитъ въ разсчеты и турецкаго правительства, потому что султанъ уже провелъ путь именно по этому направленію отъ Скутари въ Измидъ, древнюю Никомидію, который долженъ продолжиться и далѣе на Эрзерумъ. Для Турціи это дѣйствительно важный стратегическій путь, обезпечивающій все ея южное черноморское побережье и области, пограничныя съ русскимъ Закавказьемъ и Персіей.

Для Англіи выгоды этого пути очевидны только съ точки зрѣнія ея вражды къ Россіи. Но для огромнаго большинства европейскихъ государствъ, не имѣющихъ никакого разсчета увѣковѣчивать и безъ того всеподавляющую монополію англійской торговли, этотъ непомѣрно длинный желѣзнодорожный путь цѣлаго азіатскаго материка, черезъ полудикія, неблагоустроенныя мѣстности, гдѣ авторитетъ турецкаго и персидскаго правительства часто вовсе не признается, притомъ поперекъ трудно одолимыхъ естественныхъ преградъ, цѣлаго ряда высокихъ плоскогорій и даже горныхъ хребтовъ, достигающихъ иногда 6,000 и 7,000 футовъ высоты, почти со-

вершенно безлѣсной мѣстности и проч., не представляетъ никакихъ особенныхъ удобствъ, не говоря уже о болѣе или менѣе загадочной возможности босфорскаго моста, который одинъ долженъ стоить болѣе 10.000,000 р., по вычисленію техниковъ, не говоря и о томъ, что Константинополь далеко еще не соединенъ съ Европою рельсовымъ путемъ.

Совсѣмъ другой разсчетъ является для средней, сѣверной и восточной Европы, т. е. части Франціи, Бельгіи, всей Германіи, Даніи, Швеціи, Австріи, двинуть свои товары уже не по гадательнымъ линіямъ, еще требующимъ большихъ мильоновъ для своего сооруженія, а по существующей сѣти русскихъ желѣзныхъ дорогъ, непосредственно связанныхъ съ Европою, въ Одессу, Поти, Тифлисъ и оттуда уже на проектируемую желѣзную дорогу Тавризъ-Мешедъ-Гератъ-Кандахаръ-Ширкапуръ или Тавризъ-Кабулъ-Пешаверъ.

Одесса на 500 — 600 верстъ ближе къ городамъ центральной Европы, чѣмъ Константинополь, и кромѣ того изъ Одессы до Поти товары болѣе чѣмъ 1,000 верстъ сдѣлаютъ дешевымъ водянымъ путемъ, вмѣсто такого же дорогаго пути отъ Скутари до Эрзерума.

Товары же и пассажиры, которымъ неудобна перегрузка, могли бы слѣдовать, и уже безъ малѣйшаго перерыва, по русскимъ линіямъ на ростово-владикавказскую желѣзную дорогу и оттуда, по давно уже намѣченной и крайне недобходимой для Россіи линіи Петровскъ-Дербентъ-Баку-囘Рештъ, опять уже въ Тавризъ, или, черезъ Астрабадъ, на Шахрудъ и Мешхедъ, прямо въ Индію. Даже Италія, Греція, Турція, Испанія съ Португаліей, южная Франція, которыхъ сравнительная близость съ Константинополемъ, казалось, ставитъ въ особенно выгодныя условія относительно скутарійской дороги, и тѣ имѣли-бы бóльшую выгоду въ сокращеніи на 1,000 верстъ дорого стоющаго желѣзнаго

пути при перевозкѣ своихъ товаровъ вмѣсто Скутари въ Поти.

Отъ Астрабада на южномъ берегу Каспійскаго моря до Ширкапура на р. Индѣ всего 200 верстъ, а до Пешавера и того ближе. Вообще при этомъ направленіи оставалось-бы построить всего желѣзнаго пути отъ владикавказской дороги до Петровска 280 верстъ, отъ Петровска до Тегерана, черезъ Баку и囘囘 囘 Рештъ, 1,030 верстъ, а отъ Тегерана до Ширкапура 2,170 верстъ, т. е. всего 3,480 верстъ, изъ которыхъ около 880 верстъ въ русскихъ предѣлахъ. Между тѣмъ отъ Скутари до Ширкапура нужно построить, по проекту Роулинсона, 4,750 верстъ, т. е. на 1,300 верстъ болѣе, не считая даже линіи до Константинополя. По разсчетамъ г. Шаврова, извѣстнаго знатока этого вопроса, германская торговля съ Азіей, выбирая путь на Одессу, Поти, Баку, Астрабадъ, сокращаетъ на двое сутокъ время и на 1,500 верстъ желѣзнодорожный путь, замѣняемый дешевымъ водянымъ. При этихъ условіяхъ Пруссія и Австрія могутъ успѣшно конкурировать въ Азіи съ англійскими товарами, которымъ придется сдѣлать гораздо болѣе дальній и болѣе дорогой путь. Такъ какъ Англія, по изслѣдованіямъ г. Скальковскаго въ 1870 г., ежегодно продаетъ въ Индіи товаровъ почти на 60 мильоновъ фунтовъ стерлинговъ, т. е. на наши деньги на 500 мильоновъ рублей, то участіемъ въ такихъ барышахъ самыя напряженныя усилія Германіи и Австріи были бы вполнѣ вознаграждены.

Вообще всѣ наши знатоки восточной торговли сходятся на одной мысли, что индѣйская желѣзная дорога должна неизбѣжно идти черезъ Закавказье.

Еще кавалеръ Гамба говорилъ въ двадцатыхъ годахъ: «Стоитъ только посмотрѣть на карту земнаго шара, и вы увидите, что прямая линія изъ центра Европы—Парижа въ центръ Индіи—Калькуту ложит-

ся по Закавказью. Законы природы непреложны: прямая линія есть кратчайшее разстояніе между двумя точками, и торговая дорога между Европой и Индіей, страною производства и страною потребленія, непремѣнно, рано или поздно, пойдетъ по этой прямой линіи.»

Того-же взгляда были самые проницательные правители Кавказа; того-же взгляда держатся теперь мѣстные спеціалисты: гг. Шавровъ, Романовъ, Гересвановъ, Зейдлицъ, Стебницкій и др., принимавшіе дѣятельное участіе въ обсужденіи проектовъ индійской желѣзной дороги въ печати и въ засѣданіяхъ кавказскаго отдѣла русско-техническаго общества.

По выраженію г. Арцуни, одного изъ самыхъ лучшихъ знатоковъ этого вопроса: «если когда-нибудь устроятся аэростаты, то и они должны будутъ летать по этому направленію, далекому, конечно, отъ плановъ и разсчетовъ англичанъ».

Но если кавказскія желѣзныя дороги такъ важны въ смыслѣ европейскаго транзита, то важность ихъ для самой Россіи неизмѣримо значительнѣе.

До сихъ поръ есть много противниковъ европейскаго транзита черезъ Россію, какъ г. Шавровъ и другіе. Оставляя въ сторонѣ споры объ этомъ предметѣ, достаточно указать на то, что всѣ дороги Кавказа, проектируемыя въ цѣляхъ транзита, не только не противорѣчатъ спеціальнымъ цѣлямъ русской торговли, но вызываются прежде всего именно этими цѣлями. Мудрое рѣшеніе князя Барятинскаго—соединить желѣзною дорогою Черное море съ Каспійскимъ, было только усовершенствованіемъ идеи Ермолова и князя Воронцова о возстановленіи древнихъ торговыхъ путей Закавказья и о привлеченіи къ нему европейской торговли.

Теперь идея князя Барятинскаго уже осуществлена и поти-тифлисская желѣзная дорога, черезъ постройку

тифлисско-бакинской линіи, уже обратилась въ черноморско-каспійскую.

Постройка желѣзнаго пути отъ Прохладной или какой-нибудь другой станціи владикавказской желѣзной дороги до Петровскаго порта Каспійскаго моря, всего на разстояніи 280 верстъ, притомъ по совершенно гладкой равнинѣ, многолюдной, плодородной, обильной лѣсомъ, пескомъ и камнемъ, уже рѣшена въ принципѣ и есть, такъ сказать, вопросъ минуты. Нетрудно также продолжить эту дорогу до Баку по низменному каспійскому берегу, находящемуся также въ самыхъ счастливыхъ условіяхъ для постройки желѣзнаго пути. Изысканія въ этомъ направленін уже сдѣланы г. Романовымъ, и кромѣ переправы черезъ устье Самура, на пространствѣ 339 верстъ не предвидится дорого стоющихъ сооруженій. Затѣмъ отъ Баку до пограничнаго съ Персіей пункта Астары всего 260 верстъ по низменности, пересѣкаемой устьемъ Куры. Какъ бы ни разрѣшился самъ по себѣ вопросъ транзита, обѣ эти желѣзныя дороги, прикаспійская и черноморско-каспійская, во всякомъ случаѣ дали бы русскимъ товарамъ возможность внѣдриться въ самое сердце Азіи, примкнувъ, съ помощью небольшихъ усилій, къ естественной торговой линіи Азіи на Тавризъ, Тегеранъ и Гератъ.

Въ послѣднее время многіе стали осуждать кавказское правительство за его рѣшеніе окончить бакинскую дорогу, такъ какъ, по мнѣнію ихъ, для Кавказа теперь необходимѣе всего дорога на Джульфу, древнюю армянскую Джугу, къ единственной удобной переправѣ черезъ Араксъ въ Персію. Дѣйствительно, Джульфа стоитъ на старомъ караванномъ пути, которымъ издревле двигались не только товары изъ Закавказья внутрь Азіи, но и римскіе легіоны, покорявшіе Кавказъ и Азію. До сихъ поръ около Джульфы замѣтны въ водахъ Аракса остатки древнихъ каменныхъ мостовъ и

развалины значительнаго города на его берегахъ, когда-то славнаго своимъ богатствомъ; до сихъ поръ черезъ Джульфы двигаются многочисленные караваны верблюдовъ; черезъ Джульфу идетъ почтовое и телеграфное сообщеніе Тифлиса съ Персіей и происходитъ все военное движеніе, имѣющее въ виду Персію. Дорога эта и теперь носитъ названіе «транзитной»; она служитъ Тифлису въ первой своей половинѣ для сообщенія съ Елисаветполемъ, Александрополемъ и Карсомъ, а въ цѣломъ своемъ составѣ — для сообщенія съ Эриванью и персидскою границей, имѣя только одинъ серьезный Чубухлинскій перевалъ на берегахъ горнаго озера Гокчи, высотою болѣе 7,000 футовъ. До Эривани она уже шоссирована и вообще должна считаться одною изъ самыхъ главныхъ артерій Кавказа въ смыслѣ военномъ, административномъ и торговомъ. Тавризъ находится отъ Джульфы въ самомъ недальнемъ разстояніи, кажется не болѣе 150 верстъ.

Обращеніе этой дороги въ желѣзную несомнѣнно сократило бы путь товаровъ отъ Поти до Тегерана, сравнительно съ линіею Поти-Баку-Рештъ. Но, во-первыхъ, сокращеніе это было бы не особенно значительно; во-вторыхъ, желѣзная дорога черезъ перевалъ въ 7,000 футовъ представляла бы серьезныя затрудненія; въ третьихъ, что самое главное, дорога эта не принесла бы самой Россіи и половины тѣхъ выгодъ, которыя сопряжены съ черноморско-каспійскою дорогою, дающею выходъ не только бакинской нефти или каспійскому рыболовству, но вообще прекращающей для Каспійскаго моря его вѣчное заточеніе и обѣщающей ему широкую будущность, на которую оно не можетъ разсчитывать въ своемъ теперешнемъ состояніи «mare clausum».

Баку во всякомъ случаѣ и при всѣхъ комбинаціяхъ долженъ стать ключемъ Россіи въ Азію, какъ въ

Азію Оксуса, въ Хиву и Бухару, такъ въ Индію и Персію.

Геніальная мысль Петра неминуемо должна быть осуществлена. Пойдетъ ли изъ нея путь кругомъ моря отъ берега на Рештъ и Астрабадъ или прямо на Тавризъ, или, какъ предлагаетъ г. Шавровъ, моремъ на Астрабадъ, сокращая на 500 вер. желѣзный путь,—все равно великое торговое будущее не можетъ обойти Баку.

Мануфактурамъ Шуи и Москвы, товарамъ изъ Нижняго, хлѣбу Поволжья и Дона удобнѣе всего придти въ Азію путемъ прикаспійской дороги. Товары несрочные, громоздкіе и дешевые могутъ сокращать расходы пути сплавомъ по Волгѣ и Каспію, при устройствѣ въ Астрахани доступнаго сообщенія съ моремъ, или выгрузкою съ желѣзной дороги хотя въ Петровскѣ, для дешевизны переѣзда въ Астрабадъ водою. Все же остальное, пассажиры, цѣнные и срочные товары, а равно и дешевые товары въ зимнее время будутъ идти въ Баку, портъ котораго не замерзаетъ никогда и изъ котораго, кромѣ того, должна быть, какъ сказано выше, соединительная дорога съ Тегераномъ или прямо съ Мешхедомъ черезъ Астрабадъ и Шахъ-рудъ.

Въ Баку же будутъ направляться и товары юга и запада Россіи черезъ одесскій и потійскій порты, и европейскій товаръ при существованіи транзита.

Съ другой стороны, Баку явится естественнымъ центромъ ввоза въ Россію азіятскаго сырья, хлопка и прочаго необходимаго нашимъ фабрикамъ, дорогихъ восточныхъ и колоніальныхъ товаровъ Персіи и Индіи, кавказскихъ винъ и плодовъ, нефти, мѣди, шелку, марены, каспійской рыбы и проч.

Оставлять такой важный торговый пунктъ безъ тѣсной связи съ Тифлисомъ и Чернымъ моремъ было бы безразсудствомъ, поэтому устройство джульфской линіи должно быть разсматриваемо безъ всякой связи

съ бакинскою, какъ очень важный, но не замѣняющій ея путь.

Существуетъ еще проектъ желѣзной дороги черезъ главный хребетъ, долженствующей соединить Владикавказъ съ поти-тифлисскою желѣзною дорогою, т. е. съ Тифлисомъ, Кутаисомъ и Поти.

Линія эта гораздо нужнѣе въ административномъ и военномъ отношеніи, чѣмъ въ торговомъ, такъ какъ движеніе товаровъ врядъ-ли можетъ производиться съ большимъ удобствомъ черезъ гигантскіе хребты горъ и выдерживать сравненіе съ равнинною прикаспійскою дорогою, которая ктому-же будетъ нисколько не длиннѣе относительно торговли съ Азіею.

Изысканія, сдѣланныя для этой дороги, даютъ предпочтеніе направленію западнѣе военно-грузинской дороги, по такъ называемой военно-осетинской дорогѣ, т. е. сѣверной долинѣ Аръ-Дона и южной долинѣ Ліахвы, черезъ дикую горную страну осетинъ, къ Гори. Одинъ молодой инженеръ, участвовавшій въ этихъ изысканіяхъ, передавалъ мнѣ, что стоимость дороги вычислена въ 40.000,000 р., и что подъемъ нигдѣ не будетъ превышать 25 саженъ на 1,000 или $2^1/_2$ на 100 саженъ. Между тѣмъ теперешній подъемъ Сурама равенъ 45 саженямъ на 1,000. Самый длинный тунель новаго пути долженъ быть не больше 6 верстъ между тѣмъ какъ туннель Монъ-Сени равенъ 13 верстамъ, а Сенъ-Готарда — 15. При этихъ условіяхъ дорога эта, конечно, не представляется несбыточною, какъ это кажется съ перваго взгляда непосвященному человѣку, испытавшему странствованія по Кавказскимъ горамъ верхомъ или на почтовыхъ.

Безспорно, что дорога эта значительно приблизила бы центръ Кавказа — Тифлисъ къ центру Россіи и облегчила бы значительно нашему правительству трудую задачу цивилизаціи кавказскихъ горцевъ и слитія

политическихъ и экономическихъ интересовъ закавказскихъ народностей съ интересами Россіи.

Безспорно, что и въ минуты внѣшней опасности южная и западная границы Кавказа оказались бы гораздо обезпеченнѣе отъ нашествія врага при существованіи этой короткой центральной дороги черезъ хребетъ. Но дороговизна и торговое неудобство ея все-таки заставляютъ предпочесть ей, въ смыслѣ первой очереди, прикаспійскую дорогу.

* *
*

Если же прямое сообщеніе съ Тифлисомъ будетъ тѣмъ не менѣе установлено осетинскою дорогою, тогда необходимость джульфинской линіи сдѣлается гораздо настоятельнѣе и самая линія пріобрѣтетъ несравнимо большее значеніе. Можетъ быть, въ этихъ-то цѣляхъ желѣзная дорога на Джульфу и была назначена правительствомъ къ постройкѣ ранѣе бакинской линіи, какъ увѣряли меня инженеры.

Дѣйствительно, съ стратегической точки зрѣнія, никакая другая дорога не можетъ сравниться съ нею, такъ какъ она въ одно и то-же время можетъ снабжать войсками и турецкую и персидскую границу, можетъ служить одинаковою угрозою и для Эрзерума, и для Тавриза. Постройка джульфинской линіи, говорятъ, была отодвинута отъ назначенной очереди устройствомъ тифлисско-бакинской желѣзной дороги. Постройка эта уже началась, но дай Богъ, чтобы она совершилась хотя немного добросовѣстнѣе и удачнѣе несчастной первой половины этой дороги—поти-тифлисской. Судя по громаднымъ жалованьямъ, которыми общество осыпаетъ своихъ сотрудниковъ, нужно ожидать, что и дорога выйдетъ роскошная. Мнѣ передавали, напримѣръ, что главный инженеръ получаетъ въ годъ 60,000 р.

Не знаю, достигаетъ ли до 240,000 франковъ liste civile президента Французской республики, но навѣрное

такого жалованья не получали у насъ никакіе Суворовы и Ермоловы.

Обществу, строющему бакинскую линію, какъ я слышалъ, поручалось также передѣлать и привести въ исправное состояніе потійскую половину ея, на что, будто бы, выдано было около 8,000,000 р. Но не знаю по какимъ причинамъ, потійская дорога до сего временъ находится въ очень плачевномъ состояніи. А между тѣхъ такое состояніе гибельно отражается на всемъ ходѣ закавказской торговли и можетъ даже въ будущемъ подорвать всякое ея развитіе.

Инженеры увѣряли меня, что самыя грубыя ошибки и неправильности допущены были безсовѣстными иностранными инженерами, строившими эту линію наперекоръ многимъ основнымъ правиламъ техники и съ базарною небрежностью, уже вызвавшею множество потерь на постоянныя исправленія дороги. Достаточно сказать, напримѣръ, что самый большой уголъ, на который, какъ увѣряли меня спеціалисты, считается дозволительнымъ поднять рельсовый путь, равняется 10 саженямъ на 1,000; при постройкѣ русскихъ дорогъ принято теперь 8 саженей на 1,000, а между тѣмъ Сурамскій перевалъ имѣетъ, какъ сказано выше, 45 саженей на 1,000.

Вслѣдствіе этого, онъ почти не можетъ перевозить товаровъ, а черезъ него потійская дорога не можетъ быть серьезною торговою. На Сурамскомъ перевалѣ товарные поѣзды составляются не болѣе какъ изъ пяти вагоновъ и только при особыхъ усовершинствованныхъ локомотивахъ двойной силы—до 8 и 10. Такимъ образомъ, какъ и въ древности, Сурамъ служитъ скорѣе заставою между Грузіей и ріонскою долиною, чѣмъ пунктомъ сообщенія. Та систематическая остановка товаровъ, которая производится на одномъ концѣ дороги Сурамомъ, на другомъ, морскомъ ея концѣ до-

вершается пресловутымъ потійскимъ рейдомъ, почти никогда недоступнымъ кораблямъ, то по случаю штормовъ, то по случаю его переносныхъ поперечныхъ мелей (баровъ), вынуждающихъ морскихъ торговцевъ на очень мѣшкотную, разорительную и вовсе небезопасную перегрузку на мелкія береговыя суда. Но даже и для этой обременительной перегрузки не существуетъ достаточнаго количества судовъ и сколько-нибудь удобныхъ приспособленій, а часто даже мелкіе пароходы не въ состояніи перейти бары, такъ что пріѣхавшіе на пароходахъ нерѣдко бываютъ вынуждены жить по трое, по четверо сутокъ на открытыхъ якорныхъ стоянкахъ, наслаждаясь удовольствіями морской качки на одномъ мѣстѣ и просто умирая съ голоду. Понятно, что, при такихъ неподдѣльно русскихъ свойствахъ нашей единственной азіатской дороги, самая мысль о всемірномъ транзитѣ, о соединеніи Европы съ Азіей, путемъ нашихъ закавказскихъ дорогъ, можетъ показаться ребяческимъ самохвальствомъ или злою шуткою со стороны защитниковъ этой идеи. Поэтому, прежде всякихъ другихъ затѣй, слѣдовало бы прочнымъ образомъ устранить съ нашихъ закавказскихъ дорогъ черезчуръ уже кавказскія привычки управленія и эксплуатаціи, прекратить на нихъ вопіющіе безпорядки и сдѣлать ихъ хотя сколько-нибудь непохожими на тѣ наши излюбленные мосты русскихъ проселочныхъ дорогъ, къ которымъ подъѣзду нѣтъ ни съ одной, ни съ другой стороны, и которые въ пустынномъ величіи воздымаются обыкновенно среди непроходимаго озера грязи, какъ воплощенные идеалы желательнаго, но недостижимаго положенія вещей.

Но будемъ надѣяться! На Кавказѣ нѣтъ недостатка въ спасителяхъ и цивилизаторахъ, какъ и въ нашей коренной Руси.

Что касается меня, то я, какъ художникъ въ

душѣ, давно уже присматриваюсь съ любопытствомъ и поученіемъ къ этому новоявленному типу нашихъ разбитныхъ и находчивыхъ цивилизаторовъ глупой, неповоротливой Россіи. Они завелись у насъ давно, съ конца пятидесятыхъ, съ начала шестидесятыхъ годовъ; они первые пріучили насъ, дураковъ, къ англійскимъ спичамъ и тостамъ, къ торжественнымъ празднованіямъ по всей широтѣ натуры русской всякаго рода юбилеевъ себѣ и нужнымъ имъ людямъ, юбилеевъ пятилѣтія со дня пріѣзда, юбилеевъ трехлѣтія со дня какого-нибудь великодушнаго и интереснаго рѣшенія. Они первые съумѣли обратить въ доходную статью, въ ловкій практическій инструментъ — и русскую закадычную правду-матку за стаканомъ шампанскаго, и европейскій либерализмъ, и наигранные пріемы американской дѣловитости, даже серьезный англійскій костюмъ и англійскія бакенбарды, уже издали пахнущія государственною мудростью.

До этихъ ловкихъ людей Россія не знала ни ораторовъ, ни акціонерныхъ компаній, ни либеральныхъ городскихъ головъ. Они всѣ фритредеры, англоманы, жрецы свободныхъ учрежденій, безостановочнаго прогресса, необъятныхъ окладовъ и безпредѣльнаго поливанія шампанскимъ. Сварганить какое-нибудь общество, захватить паи, разыгрывать въ министерствахъ роль серьезныхъ мѣстныхъ дѣятелей и подъ шумокъ спичей и тостовъ очутиться во главѣ сытаго предпріятія, — вотъ идеалъ ихъ жизни. Они первые научреждали намъ банковъ, пооткрывали женскія гимназіи, повымостили наши грязныя улицы, освѣтили насъ газомъ, наполнили водопроводами, въ то-же время ликвидируя, разумѣется, запасные капиталы, безполезно обременявшіе наши непросвѣщенные россійскіе города, и создавъ взамѣнъ ихъ систему широкаго кредита, ощущаемаго горожанами яснѣе всего въ видѣ грандіознаго городскаго долга.

При множествѣ заводимыхъ ими трубъ,—водопроводныхъ, пожарныхъ, газовыхъ, отъ которыхъ никуда увернуться нельзя, мудрено ли было вылетать въ трубу и городскимъ капиталамъ? Потекли воды, потекли деньги, это такъ естественно, это-то именно и есть тотъ плодъ лелѣемой ими цивилизаціи, который окрещенъ ими мудренымъ словомъ «ликвидаціи», т. е. обращенія въ жидкость.

Много такихъ цивилизаторовъ пристраивалось въ свое время и къ несчастной потійской дорогѣ, несущей теперь на себѣ горькіе слѣды ихъ ревности.

* * *

Великолѣпное имѣніе Аджаметъ лежитъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ Кутаисомъ, не доѣзжая станціи Ріона, на самой желѣзной дорогѣ, которая насквозь прорѣзаетъ его богатые, чуть не дѣвственные лѣса. Это одно изъ самыхъ большихъ и доходныхъ имѣній Закавказья и славится своими сѣнокосами и лѣсами, занимающими до 5,000 дес. Еще кавалеръ Гамба въ своемъ путешествіи по Закавказью 1827 года восхищался громадностью почвы, множествомъ кабановъ, дикихъ козъ и оленей, которые водились въ ихъ дѣвственной густотѣ. Въ его время даже велся значительный торгъ оленьими рогами аджаметскихъ лѣсовъ. Лѣса эти когда-то составляли любимый охотничій паркъ имеретинскихъ царей, которые обыкновенно проводили лѣто въ своемъ замкѣ Варцихе, при сліяніи Квириллы съ Ріономъ у аджаметскихъ лѣсовъ.

Замокъ, съ его башнями и службами, былъ разрушенъ русскими, а аджаметскіе лѣса взяты въ казну. Теперь это истинно-царское имѣніе принадлежитъ князю Святополкъ-Мірскому, который получилъ его въ подарокъ, когда былъ помощникомъ кавказскаго намѣстника.

Окрестные жители очень недовольны такою пере-

мѣною, потому что, при сильной тѣснотѣ населенія и рѣдкости удобной земли, они жили главнымъ образомъ дешевою арендою казенныхъ земель Аджамета. Теперь же экономія Аджамета не сдаетъ земли въ раздачу, а эксплуатируетъ его крупными предпріятіями.

Такъ, въ послѣднюю турецкую войну, какъ мнѣ передавали мѣстные жители, громаднѣйшіе запасы сѣна были доставлены изъ Аджамета по чрезвычайно высокой цѣнѣ въ нашъ отрядъ, безполезно торчавшій у Цихилидзири, неизвѣстно зачѣмъ выдвинутый туда и неизвѣстно что тамъ дѣлавшій, если не считать, конечно, слишкомъ извѣстнаго и слишкомъ постыднаго пораженія, которымъ онъ заключилъ свои комическіе подвиги. Говорятъ, что экономія Аджамета выручила черезъ эту постоянную поставку сѣна цѣлому значительному отряду войска очень большія суммы денегъ, что одно уже даетъ понятіе о хозяйственныхъ выгодахъ этого прекраснаго имѣнія. Но еще болѣе, чѣмъ случайная выгода отъ войны, обезпечиваетъ доходность Аджамета его положеніе на желѣзной дорогѣ, соединяющей Тифлисъ съ Поти. Если-бы дорога была проведена, какъ это прежде предполагалось, на Кутаисъ, столицу генералъ-губернаторства и славный торговый центръ Имеретіи и Мингреліи, то, конечно, Аджаметъ не очутился бы въ такомъ удобномъ положеніи, какъ теперь.

Но такъ какъ дорогу повели южнѣе, миновавъ Кутаисъ, прямо на Аджаметъ, то въ настоящее время имѣніе это можетъ сбывать безъ малѣйшаго затрудненія въ Тифлисъ, Кутаисъ и Поти всѣ свои хозяйственныя произведенія. Сколько я слышалъ, значительная часть потійской желѣзной дороги уже отопляется лѣсами Аджамета. Мнѣ говорили, что Аджаметъ теперь продается и что за него уже предлагаютъ 580,000 р. Не знаю вообще, насколько вѣрны всѣ эти слухи, ко-

торые передаю такъ, какъ получилъ ихъ; но во всякомъ случаѣ нужно желать, чтобы это бывшее владѣніе имеретинскихъ царей, въ случаѣ продажи своей, попало въ руки предпріимчиваго и опытнаго хозяина, который могъ бы сотворить изъ него чудеса при необыкновенномъ богатствѣ естественныхъ условій Аджамета.

Крестьянамъ, которые плачутся по немъ, разумѣется, оно не попадетъ теперь.

* *
*

По поводу Аджамета здѣшніе жители разсказывали много любопытнаго и о недавней войнѣ.

Господи! какъ горько и стыдно дѣлалось моей русской душѣ, когда я долженъ былъ выслушивать изъ устъ имеретинъ невѣроятные разсказы о позорныхъ дѣяніяхъ нашихъ русскихъ дѣятелей, обо всѣхъ этихъ грабителяхъ и обманщикахъ, которые губили нашу армію хуже чѣмъ турки

Разбой интендантовъ не зналъ, говорятъ, никакихъ предѣловъ. Деньги потеряли для нихъ всякое значеніе, до того объѣлись они ими. Они плавали въ золотѣ. Кутаисъ и окрестности были полны ихъ наглымъ развратомъ и кутежами.

Начальникъ одного отряда, пріобрѣвшій себѣ потомъ печальную извѣстность, старикъ-армянинъ, выжившій изъ ума, про котораго старъ и малъ разсказываютъ здѣсь анекдоты какъ объ Иванушкѣ-дурачкѣ и который, по словамъ этихъ анекдотовъ, увѣрялъ своего начальника штаба: «я бульванъ, ты бульванъ, что-же мы будемъ дѣлать вдвоемъ»?—этотъ архистратигъ русскаго воинства спокойно пребывалъ почти все время войны, не помню, въ Кутаисѣ или Озургетахъ, убаюкиваемый ласками какой-то мингрельской Гуріи, подставленной ему тѣми, кому было на-руку отсутствіе начальника; а отрядъ его мерзъ и голодалъ, безъ всякаго дѣла и

смысла, окопавшись въ лагерѣ и не пробуя дѣлать шагу впередъ.

Слушая эти возмущающія душу повѣствованія туземцевъ, сознаешь, что, можетъ быть, они и преувеличиваютъ, и выдумываютъ много, но что все это до такой степени похоже на всегдашнюю нашу русскую быль, на такія же исторіи Севастополя и Балканъ, что языкъ не поднимается возразить имъ и даже усомниться.

Молча, со стыдомъ, опускаешь голову и думаешь про себя: «таковы-то мы, цивилизаторы, европейцы, миссіонеры Востока».

На площадяхъ молебны, на устахъ патріотическія рѣчи, а сзади, въ темнотѣ, воровски протянутая рука за общественнымъ добромъ.

IV

Городъ Медеи

КУТАИСЪ не произвелъ на меня того впечатлѣнія, которое я отъ него ждалъ, судя по разсказамъ и собственнымъ своимъ фантазіямъ.

Я думалъ попасть въ какіе-нибудь Армидины сады, кишащіе всею роскошью южной растительности, въ оригинальный азіатскій городъ, съ опредѣленнымъ историческимъ и національнымъ выраженіемъ, а очутился вдругъ въ какомъ-то неприбранномъ, непріютномъ русскомъ городѣ, не то уѣздномъ, не то губернскомъ, съ безхактерною физіономіей ничѣмъ неинтересныхъ построекъ, — городѣ, словно еще не оконченномъ вполнѣ и живущемъ на какихъ-то безпорядочныхъ временныхъ бивакахъ.

Такое точно впечатлѣніе производитъ обыкновенно и человѣкъ, когда онъ расшатаетъ окончательно свое скромное, но самобытное прошлое и потянется, необдумавши и неумѣючи, подражать формамъ иной, болѣе сложной жизни, ему чуждой, мало понятной, для которыхъ не приготовлено внутри его ни силъ, ни даже искренныхъ вкусовъ.

Крымскій татаринъ въ бѣлыхъ воротничкахъ и городской накидкѣ, пьющій водку, развращенный языкомъ и душою, но за то умѣющій настолько коверкать русскія слова, чтобы надувать публику,—конечно, считаетъ себя совсѣмъ русскимъ и совсѣмъ европейцемъ.

Но что касается до меня, то мнѣ всегда были противны эти ублюдки уличной цивилизаціи, и я отъ всей души предпочитаю имъ заправскихъ дикарей Крыма, обшитыхъ косматыми овчинами и буйволовою кожею, съ амулетами черезъ плечо, съ ножемъ у пояса.

Оттого мнѣ не по-сердцу и кавказскіе города, чуть смазанные сверху цивилизаціей Европы и за то совсѣмъ утерявшіе патріархальность Азіи, эти базхарактерныя птицы, отставшія отъ воронъ и неприставшія къ павамъ.

Бытъ кутаисцевъ нельзя назвать очень щепетильнымъ, потому что почти вся жизнь ихъ снаружи, хотя и безъ слѣда удобствъ.

Въ неогороженныхъ дворахъ, заваленныхъ камнями, въ тощихъ и пыльныхъ садикахъ видны столики съ самоварами, за которыми хозяева прохлаждаются чайкомъ по-русски.

Скверная мостовая, грязь, пустыри — встрѣчаютъ васъ сейчасъ же послѣ желѣзной дороги.

Правда, въ садикахъ цвѣтутъ гледичія, акація, гранатникъ, зеленѣютъ смоковницы.

Какъ-будто и точно югъ. Но всё это такъ недомо-

вито, такъ небрежно, словно вчера куплено на базарѣ, а завтра будетъ стащено опять на базаръ.

Никакого уваженія къ своему быту, никакой прочной вѣры въ свое будущее, чѣмъ дышетъ всякое нѣмецкое или швейцарское мѣстечко.

Пришлый народъ, минутные интересы, жизнь спустя рукава—такъ и рисуются сами собою въ этихъ первыхъ впечатлѣніяхъ Кутаиса.

Словно какая-то сонная рука лежитъ или по крайней мѣрѣ долго лежала на этомъ заброшенномъ городѣ, когда-то извѣстномъ своею торговлею и богатствомъ и теперь имѣющемъ всѣ условія процвѣтанія.

Все, что̀ начато, некончено; что должно быть уже кончено—еще не начато.

Вонъ черезъ живописный Ріонъ, изъ города къ подножію горнаго берега, идетъ мостъ; подъѣзжаю, что за диковина! Висятъ надъ волнами Фазиса однѣ желѣзныя цѣпи. Ужь не историческая ли аллегорія, думаю:—не эмблема ли тѣхъ цѣпей, которыми русская цивилизація оковала, наконецъ, дикія стихіи кавказской природы?

Нѣтъ, спутники мои смѣются, называютъ эти цѣпи «ожерельемъ M-me N.»

Оказывается, инженеръ такой былъ, одинъ изъ русскихъ цивилизаторовъ Кавказа, не вѣдаю, впрочемъ, когда, и не вѣдаю—вправду ли; этотъ россійскій Язонъ, вѣроятно, тоже прибывшій въ Колхиду за золотымъ руномъ, вздумалъ побѣдить древній Фазисъ не тѣмъ отсталымъ способомъ, какимъ строили черезъ него свои каменные мосты милетскіе колонисты, римляне или генуэзцы, а коварно перебросивъ черезъ него цѣпной мостъ.

Мостъ этотъ, хотя и восхитилъ начальство своею красотою и воздушною легкостью, но на практикѣ скоро оказался дѣйствительно воздушнымъ.

Онъ благополучно провалился со всѣмъ своимъ по-

лотномъ, оставивъ въ предостереженіе легкомысленному потомству, а можетъ быть и будущимъ строителямъ «самопадающихъ» мостовъ черезъ золотоносныя рѣки, эти безмолвно угрожающія желѣзныя цѣпи.

Вонъ дальше еще что-то, очень интересное и очень красивое.

Ужь не древній-ли акведукъ какого-нибудь Помпея, уцѣлѣвшій своими изящными арками въ теченіе тысячелѣтій?

Подъѣзжаю—дѣйствительно акведукъ, дѣйствительно изящныя арки и дѣйствительно развалины.

Только развалины вовсе не древняго, а самаго новаго времени, воздвигнутыя не при римлянинѣ Помпеѣ, а при русскомъ губернаторѣ графѣ Левашовѣ.

Заброшенная водокачалка уныло высится около этого начатаго и тоже заброшеннаго водопровода. А стоило бы докончить.

Вѣдь этотъ насосъ накачиваетъ не простую воду, а золотую воду Фазиса, соблазнявшую доходностью своихъ струй еще далекихъ Аргонавтовъ сѣдой древности. Но, вѣроятно, качалка эта не оставалась же вовсе безъ дѣйствія, если она существуетъ; вѣроятно же, успѣла накачать она куда-нибудь и сколько-нибудь золотой воды, хотя вода эта и не попала въ городской водопроводъ.

Правители Колхиды вообще, какъ видно, все больше хлопотали около воды. Должно быть, баснословное преданіе грековъ не давало имъ покоя. Правда, хотя и не пришлось возстановить судоходства по Ріону въ тѣхъ мѣстахъ его, гдѣ оно производилось въ древности, хотя не пришлось имъ также дать удобный доступъ въ страну Аргонавтовъ и морскимъ кораблямъ, платонически любующимся теперь на Поти изъ своего прекраснаго далека, однако ихъ пристрастіе къ водѣ несомнѣнно сказалось не только въ легендахъ ріонскаго мо-

ста и ріонскаго водопровода, но еще и въ третьей легендѣ о кутаисскомъ озерѣ. Жители увѣряли меня, что на это озеро было истрачено графомъ Левашовымъ болѣе 30,000 р. сер. изъ скудныхъ городскихъ суммъ.

Озеро это должно было, по увѣренію строителей его не только дать кутаисскому городскому саду необыкновенную свѣжесть, столь цѣнимую жителями юга въ лѣтній зной, но еще и здоровое дыханіе цѣлому городу. Не знаю, что кому дало это озеро въ дѣйствительности,—устроители его знаютъ это, конечно, лучше меня,—но только городу оно облегчило не дыханіе, а одинъ карманъ.

Когда озеро приблизилось къ своему осуществленію, оказалось, что нельзя было спрятаться никуда отъ міазмовъ и сырости, такъ что новорожденное озеро было тотчасъ-же и похоронено распорядительнымъ начальствомъ опять-таки, разумѣется, на городской счетъ и опять за нѣсколько тысячь. Мнѣ показывали безвременную могилу этихъ городскихъ капиталовъ и этой оросительной маніи кутаисскаго начальства. Заботы начальства не оставляли впрочемъ и сушу. Въ Кутаисѣ заведена была на городской счетъ садоводственная ферма, чтобы пріучить нерадивыхъ мингрельцевъ и имеретинъ къ раціональному садоводству, которымъ они впрочемъ, по странному стеченію судебъ, занимались не только до графа Левашова, но еще и до Рождества Христова, хотя, конечно, не раціональнымъ, а доморощеннымъ способомъ. Я осмотрѣлъ эту ферму, полюбовался ея запущенными аллеями, ея великолѣпными магноліевыми деревьями, теперь уже заглушаемыми, пожалѣлъ ея засохшіе пробковые дубы и ея забытыя оранжереи, изъ которыхъ, вѣроятно, въ прежнее время можно было убирать цвѣтами и растеніями не только домъ генералъ-губернатора, но и дворецъ самихъ имеретинскихъ царей.

По осмотрѣ, я пришелъ къ грустному заключенію, что какъ ни плохо доморощенное садоводство полудикихъ обитателей Ріона, но все-таки, какъ показываетъ исторія, оно уже много вѣковъ поитъ ихъ хоть какимъ-нибудь виномъ и кормитъ хоть какими-нибудь плодами; между тѣмъ раціональное садоводство русскаго начальства привело только къ тому, что цѣною затраты значительныхъ общественныхъ суммъ городу Кутаису представилось небольшое лишнее гулянье, гдѣ можно напиться нѣмецкаго пива, но нельзя купить ни одного яблока, ни одной кисти винограда. Теперь затѣя начальства брошена и ферма раціональнаго садоводства отдана въ роспоряженіе города, который тотчасъ же обратилъ этотъ храмъ Флоры въ пивную, замѣнивъ поэзію прозой.

* *
*

Гостиницы Кутаиса довольно порядочны, и если не особенно комфортны, то вполнѣ чистоплотны. Въ гостиницѣ, гдѣ остановился я, содержатель французъ держитъ очень приличный и разнообразный столъ, въ которомъ охотники могутъ полакомиться разною горною дичью и прекрасною рыбою Ріона.

Въ этомъ отношеніи Кутаисъ сдѣлалъ значительный шагъ къ усовершенствованію, если вспомнить, какъ бѣдовалъ въ немъ въ тридцатыхъ годахъ извѣстный французскій ученый Дюбуа де-Монпере. Бѣдному археологу не удалось тогда найти пріюта среди проливнаго дождя и онъ долженъ былъ провести ночь среди кучки пьяныхъ казаковъ, которые, для скорѣйшаго ознакомленія его съ характерными чертами націи, всю ночь ругались и колотили другъ друга, падая даже на постель любознательнаго путешественника. Даже прославленные Шарденомъ и Гамбою отцы-капуцины и тѣ были настолько жестоки, что не

захотѣли облегчить жребія своего странствующаго католическаго брата.

— Ah, messieurs les voyageurs, ne comptez pas sur les pères capucins de Koutaïs, трогательно предостерегаетъ своихъ неосторожныхъ соотечественниковъ злополучный археологъ, который, несмотря на всецѣлое поглощеніе своихъ вкусовъ архивною эрудиціей, немножко смалодушествовалъ при такомъ, слишкомъ ужъ ощутительномъ лишеніи житейскаго комфорта.

Отдавъ неизбѣжную дань мамонѣ, я всецѣло посвятилъ себя историческимъ памятникамъ Кутаиса и его окрестностей.

Директоръ кутаисской классической гимназіи, г. Стояновъ, знатокъ Кавказа и его древностей, авторъ весьма интереснаго путешествія въ Сванетію, былъ мой старый знакомый, гостилъ когда-то у меня въ Крыму и участвовалъ въ одномъ изъ моихъ путешествій по пещернымъ городамъ Крыма. Само собою разумѣется, что я обратился къ нему съ просьбою помочь мнѣ ознакомиться съ древностями Кутаиса.

Кутаисъ одинъ изъ самыхъ древнѣйшихъ городовъ Европы, если вѣрить археологамъ. Онъ былъ еще городомъ царицы - волшебницы Медеи, прославленной Аргонавтами, такъ что ему нѣкоторые насчитываютъ болѣе 3,000 лѣтъ.

Въ такомъ случаѣ эта неважная столица маленькой Имеретіи на цѣлыхъ пять столѣтій старше Рима, «вѣчнаго города». «Кутайя» въ глубокой древности уже была колоніей милетцевъ и родиною царя Аэта. Лазы, съ своимъ царемъ Губазомъ, уничтожили ее; но на мѣстѣ разрушенной Кутайи возникъ въ VI вѣкѣ Кутатиссіумъ, построенный персидскимъ царемъ Мермероисомъ; этотъ Кутатиссіумъ дѣлается потомъ столицею лазовъ и всей Колхидской страны, цари которой часто живутъ въ его укрѣпленныхъ замкахъ, гос-

подствуя надъ всею обильною долиною Ріона и надъ торговлею черноморскаго побережья. Это уже точные факты исторіи, занесенные въ византійскія лѣтописи Прокопія, который при императорѣ Юстиніанѣ былъ секретаремъ знаменитаго полководца и правителя Велизарія, часто боровшагося съ персами, и потому долженъ былъ знать изъ очень вѣрныхъ источниковъ мѣстности, пограничныя съ Византійскою имперіей.

Собственно Кутатиссіумъ былъ на мѣстѣ современнаго Кутаиса, т. е. на южной низменной равнинѣ Ріона, по его лѣвому берегу.

Но напротивъ его, на правой сторонѣ Фазиса, издревле существовалъ, ясно отличаемый отъ него всѣми древними писателями и особенно Прокопіемъ, также очень древній городъ Укимеріонъ.

Развалинами этого Укимеріона до сего времени покрытъ противоположный гористый берегъ Ріона, на которомъ расположена часть теперешняго Кутаиса, съ домомъ архіепископа, духовною семинаріей и знаменитымъ разрушеннымъ соборомъ Баграта.

Въ нижнемъ Кутаисѣ много слѣдовъ развалившихся церквей и часовень, мостоваго укрѣпленія, каменныхъ устоевъ нѣсколькихъ мостовъ черезъ Ріонъ, въ верхній городъ; но, по всей вѣроятности, древности эти относятся ко времени грузинскихъ и имеретинскихъ царей.

Въ этомъ можно убѣдиться изъ развалинъ хорошо сохранившейся часовни зеленоватаго камня, живописно торчащей на вершинѣ скалы, надъ самыми волнами Ріона, при выѣздѣ изъ Кутаиса въ Гелатскій монастырь, на плитахъ которой Дюбуа де-Монпере въ 1837 г. видѣлъ грузинскія надписи 1109 г. Часовня эта, сообщавшаяся, повидимому, съ группою пещеръ, вырытыхъ въ ея скалѣ, по всѣмъ признакамъ должна считаться однимъ изъ самыхъ древнихъ памятниковъ

Кутаиса; другія же развалины его гораздо позднѣйшаго времени.

Кромѣ этой зеленой часовни и сосѣдняго съ нею циклопическаго кладбища изъ громадныхъ саженныхъ плитъ, наподобіе долменовъ, — въ нижнемъ Кутаисѣ уцѣлѣлъ старый дворецъ имеретинскихъ царей, обращенный теперь въ русскую классическую гимназію.

Хотя дворецъ этотъ былъ значительно разрушенъ и даже Дюбуа видѣлъ его еще въ развалинахъ, однако зданіе гимназіи воспользовалось почти цѣликомъ сохранившимися нижними сводами и открытыми галлереями этого обширнаго помѣщенія, кольцомъ охватывающаго большой дворъ.

Посолъ нашего царя Алексѣя Михайловича, бояринъ Никифоръ Толочановъ, посланный въ 1650 г. къ имеретинскому царю Александру, видѣлъ въ этомъ дворцѣ много просторныхъ комнатъ, разрисованныхъ по стѣнамъ картинами битвъ царей имеретинскихъ. Но, конечно, теперь не осталось ни малѣйшаго слѣда этой живописи.

Прежде онъ былъ окопанъ рвами, обнесенъ древнею стѣною и заключалъ въ себѣ, кромѣ главнаго зданія и тѣнистаго сада, еще другой маленькій дворецъ надъ самымъ обрывомъ Ріона, упиравшійся своею высокою каменною аркою прямо въ воду. Этотъ «Золотой чердакъ» или чертогъ, что все равно, назначался для ночлега царскихъ гостей, а теперь занимается квартирою инспектора гимназіи, который былъ настолько любезенъ, что позволилъ намъ осмотрѣть его въ подробности.

Изъ большаго, вокругъ дворца, сада, который видѣлъ русскій посолъ, также уцѣлѣла только одна исполинская чинара (или платанъ), стоящая теперь среди обширнаго пустаго двора гимназіи.

Чинара эта большая рѣдкость и большая красота

своего рода. Ей несомнѣнно нѣсколько вѣковъ, если она еще не видѣла саму Медею или царя Аэта.

Въ обхватъ она около 15 аршинъ. Ея далеко вытянутые кругомъ сучья—цѣлыя деревья огромной толщины. Подъ необъятною тѣнью этой тысячелѣтней чинары можетъ пріютиться въ лѣтній зной вся гимназія. Дождь никогда не проходитъ сквозь ея многоэтажную листву.

Есть еще въ Кутаисѣ старики, которые хорошо помнятъ, какъ послѣдній имеретинскій царь Соломонъ судилъ и рядилъ своихъ подданныхъ подъ тѣнью этого дерева, можетъ быть на той самой каменной скамьѣ, на которой сидимъ мы теперь, и вѣшалъ осужденныхъ, съ патріархальною простотою и краткостью, на тѣхъ самыхъ могучихъ сучьяхъ стараго дерева, которыми мы теперь любуемся.

На высотѣ человѣческаго роста, чинара имѣетъ углубленіе по всей окружности, какъ-будто отъ постоянной перевязки веревкою. Увѣряютъ, что къ ней дѣйствительно привязывался канатъ парома, ходившаго черезъ Ріонъ къ дворцу царей.

Что паромы ходили черезъ Ріонъ, это видно и изъ того, что въ обрывахъ каменистаго берега Ріона мнѣ не разъ попадались грубо выдолбленныя въ камнѣ кольца, за которыя долженъ былъ привязываться канатъ.

* * *

Древности нагорнаго Кутаиса гораздо многочисленнѣе и интереснѣе. Очевидно, что этотъ, нѣкогда отдѣльный городъ Укимеріонъ былъ уже давно обращенъ въ сильную крѣпость, защищавшую долину Ріона и нижній городъ, гдѣ сосредоточивалась жизнь и торговля.

Какъ-только перейдешь ріонскій мостъ, сейчасъ же вступаешь въ царство полуразрушенныхъ стѣнъ и ба-

шенъ всякаго рода, спускающихся до самой подошвы горы, почти въ волны Ріона.

Цементъ этихъ древнихъ стѣнъ такъ крѣпокъ, что его не беретъ ничто. Огромные сплошные обломки валяются по горѣ, не разсыпавшись на свои составныя части даже послѣ паденія, даже отъ взрыва порохомъ.

Дюбуа думаетъ, судя по римскому способу постройки, что стѣны эти сложены еще византійцами при Юстиніанѣ, который укрѣплялъ и Укимеріонъ въ числѣ другихъ пограничныхъ пунктовъ своей необъятной имперіи.

Нижнее укрѣпленіе Укимеріона поддерживаетъ своими стѣнами верхнюю террасу горы, на которой было расположено верхнее, главное укрѣпленіе, теперь занятое архіерейскимъ домомъ и семинаріей. Башни обоихъ укрѣпленій кое-гдѣ еще отчасти уцѣлѣли, и жители воспользовались ими и древними стѣнами, чтобы пригородить къ нимъ, на нихъ и подъ ними свои коекакъ сбитыя, глиною смазанныя жилища, непредставляющія никакого удобства, но за то очень живописныя, въ этой общей картинѣ разрушенія. Архіерейскій дворъ, обнесенный стѣною, сохранилъ какимъ-то чудомъ, средэтого историческаго хаоса, среди обломковъ и развалинъ, на огромное разстояніе покрывающихъ гору, свои чудныя старыя деревья, многовѣковые орѣхи и липы, пріосѣняющіе молоденькую зеленую траву, сплошнымъ ковромъ устилающую большой дворъ.

Такимъ отраднымъ пріютомъ покоя и мира глядитъ въ глубинѣ этого двора скромный бѣлый домъ, съ обычною тѣнистою галлереею впереди. Подъ широкими зелеными шатрами орѣховъ, непроницаемыхъ для дождя и солнца, зеленѣетъ нѣсколько безмолвныхъ могилъ съ каменными плитами, разныхъ значительныхъ людей старой и новой Имеретіи.

Послѣ тяжкаго непривычнаго подъема по осыпямъ

каменныхъ горъ, черезъ обломки крѣпости, подъ горячимъ солнцемъ полудня, такъ свѣжо и легко дышалось въ прохладной тѣни этихъ гигантскихъ орѣховъ.

* * *

На зеленый дворъ вдругъ неслышно въѣхалъ по мягкой травѣ маститый старикъ-монахъ, съ умнымъ величественнымъ лицомъ, верхомъ на бойкой горской лошадкѣ. Несмотря на свою сѣдую окладистую бороду, онъ проворно и ловко, какъ юноша, соскочилъ съ коня, не дождавшись послушника, бросившагося къ нему съ галлереи.

Въ этихъ увѣренныхъ пріемахъ всадника сейчасъ сказался кровный кавказецъ, джигитъ по натурѣ, несмотря на его иноческое одѣяніе и почтенный видъ старца.

Это былъ преосвященный Гавріилъ, архіепископъ имеретинскій и мингрельскій. Мы подошли къ нему подъ благословеніе, и Стояновъ, хорошо знавшій архіепископа, представилъ меня ему.

Преосвященный любезно пригласилъ насъ къ себѣ, въ свой прохладный и безмолвный иноческій пріютъ.

Я былъ очень доволенъ случаемъ познакомиться съ преосвященнымъ Гавріиломъ, о которомъ еще прежде слышалъ много хорошаго отъ брата своего, директора тифлисской гимназіи, близко его знавшаго, и отъ другихъ людей, которымъ я вѣрилъ.

И русскіе, и грузины, какъ я убѣдился, одинаково высоко цѣнятъ чистоту его нравственнаго характера, его энергическую, просвѣщенную дѣятельность.

Гавріилъ вообще одна изъ выдающихся личностей грузинской интеллигенціи. Это монахъ не по имени только и по одеждѣ.

Это человѣкъ дѣйствительнаго труда и подвига. Онъ неутомимо заводитъ училища всякаго рода, неутомимо объѣзжаетъ свою слишкомъ обширную епархію, про-

никая верхомъ даже въ такую глухую и опасную дичь, какъ недоступныя горныя деревни вольной Сванетіи, пріютившіяся подъ самыми ледниками Эльборуса и Пасмты, на головокружительной высотѣ, за непроходимыми пропастями.

Возстановленіе христіанства въ одичавшей и объязычившейся Сванетіи болѣе всего обязано миссіонерской ревности Гавріила.

Жизнь Гавріила отличается монашескою скромностью и простотою, къ сожалѣнію, далеко необычною среди высшихъ прелатовъ всякихъ церквей вообще.

Въ Грузіи онъ считается вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ ученѣйшихъ архипастырей и талантливѣйшимъ проповѣдниковъ церкви.

Мнѣ много разсказывали о его необыкновенномъ дарѣ трогать сердце народа ясною простотою и теплою искренностью своего слова.

Преосвященный учился въ русской духовной академіи, чуть ли не въ Троицкой Лаврѣ, и довольно свободно говоритъ по-русски, хотя грузинское произношеніе слышится рѣзко.

Мы побесѣдовали съ нимъ о его поѣздкахъ по Сванетіи, о состояніи христіанства въ горныхъ дебряхъ Кавказа, но, къ сожалѣнію, не могли воспользоваться дальше интереснымъ обществомъ преосвященнаго, потому что спѣшили осмотрѣть развалины Стараго Кутаиса.

Соборъ Баграта, построенный грузинскимъ царемъ Багратомъ III и оконченный Багратомъ IV, въ 1003 г. по Рождествѣ Христовомъ, считается самымъ замѣчательнымъ историческимъ памятникомъ Закавказья и самымъ совершеннымъ образцомъ армяно-грузинской архитектуры. Соборъ стоитъ выше архіерейскаго двора, на горѣ, широко господствующей надъ всею окрестностью,

надъ нынѣшнимъ Кутаисомъ, прильнувшимъ къ ней кругомъ, глубоко внизу, надъ Ріономъ, который съ немолчнымъ рокотомъ и плескомъ омываетъ ея подошву. Соборъ уже наполовину разрушенъ, но еще держится своими разсѣвшимися, осыпавшимися, надвое разодранными громадными стѣнами; почти весь обхватъ его цѣлъ, и архитектурный типъ его можно видѣть довольно ясно.

Съ нами былъ альбомъ чертежей этой археологической святыни Кавказа, извлеченный изъ чрезвычайно рѣдкаго атласа Дюбуа де-Монпере. Чертежи эти давали намъ возможность уяснить нѣкоторыя неясности и разобрать точнѣе то, что уже разбирается теперь не легко.

Куполъ собора давно провалился, и на стѣнахъ, изгрызанныхъ и зазубренныхъ разрушеніемъ, въ трещинахъ, которыя расползаются сверху внизъ по уцѣлѣвшимъ еще стѣнамъ, какъ первые приступы наступающей гибели,—растутъ цѣлыя деревья, кусты, травы, странно колыхаясь своею зеленью и цвѣтами на этой необычной высотѣ, на фонѣ ярко-синяго неба, перепутываясь корнями съ каменными плитами, съ барельефами карнизовъ.

Обширный пустырь лежитъ теперь внутри этихъ высокихъ наполовину разъединенныхъ стѣнъ, на которыхъ разглядишь то остатки древнихъ фресковъ, то рѣзныя колонки оконъ и арки нишей.

Четыре огромные столба, когда-то поддерживавшіе куполъ, низвергнуты давно и отъ нихъ остались только массивные четырехугольные постаменты; обломки зеленыхъ порфировыхъ колоннъ навалены другъ на друга. Еще легко различить мѣсто алтаря, по бокамъ котораго были устроены изящныя ниши въ два этажа. Нѣсколько каменныхъ гробницъ, на видъ довольно но-

выхъ, помѣщаются внутри собора. Весь полъ его покрытъ обломками и щебнемъ.

Жутко быть долго въ этихъ развалинахъ, подъ сырою тѣнью высокихъ, какъ башня, стѣнъ, которыя уже не держатся другъ другомъ и, кажется, качаются при каждомъ сильномъ порывѣ вѣтра. Съ угрожающимъ видомъ нависли сверху надъ головою вашей то сорвавшійся съ своего гнѣзда тяжелый кусокъ карниза, то совсѣмъ накренившійся, по всѣмъ швамъ растреснувшій зубецъ стѣны. Быстро, какъ струйка воды, переползетъ черезъ него зеленая ящерица, зашелеститъ сухою дробью осыпавшійся изъ-подъ ея ногъ мелкій соръ, и тревожно вскинешь туда глазами, и ждешь, ужь не летитъ-ли оттуда давно подготовляющійся обвалъ. Снаружи украшенія собора сохранились гораздо болѣе и вообще онъ представляетъ болѣе цѣльный и грандіозный видъ.

Особенно интересна западная его сторона, откуда былъ главный входъ. Тамъ сосредоточено болѣе всего каменной рѣзьбы и скульптурныхъ украшеній. Горельефы первобытнаго стиля, изображающіе царя Баграта и ангела, фигуры льва и грифовъ, превосходный карнизъ около дверей, и вообще все, что есть наиболѣе характернаго и изящнаго въ атласѣ Дюбуа, — еще можно хорошо видѣть на этой западной стѣнѣ. Видна и знаменитая надпись о годѣ построенія, сдѣланная крайне оригинальнымъ начертаніемъ арабскихъ цифръ. Ручную надпись можно разобрать надъ восточнымъ портикомъ собора. Но остальныя фигуры и надписи, которыя Дюбуа еще видѣлъ на мѣстѣ, уже исчезли теперь. Особенно пострадалъ южный портикъ, котораго значительная часть была съ варварскою грубостью употреблена недавно на постройку небольшой новой церкви, примыкающей теперь вплотную къ собору, въ стѣнѣ

которой можно отыскать теперь много загубленныхъ украшенiй южнаго портика.

Въ высокой травѣ около западнаго входа я наткнулся на два великолѣпные каменные архитрава съ изящно вырѣзанными единорогами, леопардами, апокалипсическими птицами, съ лицомъ человѣка, и на многiе другiя замѣчательныя архитектурныя украшенiя, которыми въ высшей степени облегчались и разнообразились сплошныя стѣны собора громадной высоты и ширины.

Рѣзкость ихъ поворотовъ, уступовъ и угловъ вездѣ смягчается какою-нибудь легкою группою художественно вырѣзанныхъ колоннокъ или затѣйливыми карнизами самаго благороднаго узора. Однообразiе плоской стѣны замаскировывается рядами фальшивыхъ арокъ и нишъ, или прерывается скульптурными фигурами строгаго стиля.

Расхищенiе этой археологической святыни идетъ такъ же неутомимо и систематически, какъ и ея разрушенiе.

Въ длинной оградѣ архiерейскаго двора, также какъ и въ оградахъ многихъ сосѣднихъ домиковъ, я видѣлъ множество камней съ фигурами и надписями, наваленныхъ въ числѣ обыкновеннаго булыжника и мусору.

Правда, кавказское географическое общество предлагало г. Стоянову, какъ члену своему, устроить ограду около собора, содержать сторожа и производить раскопки въ его осыпяхъ. Но оно назначало на этотъ предметъ 200 р., на которые, разумѣется, невозможно было бы устроить даже и одну ограду, поэтому дѣло и не пошло дальше добраго желанiя.

А между тѣмъ, это такой монументъ древней архитектуры, передъ которымъ благоговѣетъ вся ученая Европа и который имѣетъ въ ней немного себѣ равныхъ.

По изслѣдованіямъ Дюбуа, храмы мцхетскіе, гелатскій и др. знаменитые древніе храмы Грузіи въ настоящемъ своемъ видѣ построены по образцу Багратова собора, но значительно уступаютъ ему размѣрами и архитектурнымъ изяществомъ.

Багратъ, женатый на дочери римскаго императора, воспользовался греческими архитекторами и каменьщиками, чтобы довершить постройку собора, замышленную въ обычномъ армянскомъ стилѣ, и такимъ образомъ византійскій характеръ базилики, въ формѣ креста, сочетался въ немъ со многими армянскими особенностями украшеній, скульптуры и проч.

Замѣчательно, что тотъ-же самый византійскій императоръ, который прислалъ мастеровъ нашему великому князю Ярославу Мудрому для постройки святой Софіи и лаврской церкви въ Кіевѣ, прислалъ такихъ же мастеровъ и грузинскому Мепе Баграту IV.

Молодой педагогъ, любезно провожавшій насъ при посѣщеніи собора, предложилъ намъ зайти на минуту въ духовную семинарію, въ которой онъ жилъ и учительствовалъ и которая была по-сосѣдству съ соборомъ. Послѣ нѣсколькихъ часовъ пѣшаго хожденія по камнямъ и жарѣ было дѣйствительно не лишне немножко отдохнуть. Мы усѣлись на длинной тѣнистой галлерейкѣ семинарскаго дома, гдѣ насъ сейчасъ же съ большимъ радушіемъ окружили товарищи нашего спутника, жившіе въ томъ-же домѣ, и на столѣ незамѣтно появилась безхитростная грузинская закуска и неизбѣжный кувшинчикъ вина.

Молодые педагоги наперерывъ другъ передъ другомъ угощали насъ кто мѣстнымъ сыромъ, кто виномъ, кто огурцами и свѣжими черешнями.

Мы искренно выпили за ихъ здоровье и съ любопытствомъ побесѣдовали съ ними объ устройствѣ семинаріи и ихъ житьѣ-бытьѣ. Эти духовныя семинаріи—

первые проводники русской цивилизаціи среди азіатскихъ народностей Кавказа. Овладѣвъ хорошо русскимъ языкомъ, ставъ нечувствительно на точку зрѣнія образованныхъ классовъ Европы, черезъ знакомство съ русскою оригинальною и переводною литературою, воспитанники семинаріи дѣлаются потомъ учителями и священниками въ разныхъ глухихъ уголкахъ Кавказа. Жизнь ихъ въ семинаріи очень трудовая и очень тяжелая.

Они не живутъ въ пансіонѣ, а разселены по квартирамъ и своимъ домикамъ по горѣ стараго Укимеріона.

Впрочемъ, жалкія земляныя и хворостяныя лачуги ихъ даже не заслуживаютъ названія домовъ.

Скорѣе это звѣриныя норы или пещеры первобытнаго человѣка. Семинаристы получаютъ очень скудную денежную стипендію (пятьдесятъ рублей въ годъ) и должны все дѣлать сами, топить свои клѣтушки, готовить кушанье, рубить дрова, носить воду, покупать что нужно. Прислуги, разумѣется, у нихъ нѣтъ никакой, и они вынуждены чередоваться въ этихъ работахъ своихъ, поневолѣ пропуская классы. Въ этомъ, конечно, неудобство и невыгода. Но въ общемъ, эта суровая сторона воспитанія гораздо полезнѣе, чѣмъ наше обычное баловство молодежи въ школахъ, пріучающихъ ее заранѣе къ такимъ запросамъ, которымъ почти никогда не отвѣчаетъ позднѣйшая жизнь, и подрывающихъ въ нашихъ юныхъ поколѣніяхъ способность настойчивой борьбы, терпѣнія и скромности.

Подкрѣпивъ свои силы, мы уже цѣлою компаніей отправились доканчивать осмотръ древняго города Медеи. Самая семинарія стоитъ среди грудъ историческихъ развалинъ и устроена изъ нихъ же; вся крутая, обширная гора кругомъ ея и собора, покрыта ими почти сплошь. Новая жизнь только отчасти воспользо-

валась этимъ громаднымъ кладбищемъ прошлаго и пріютилась почти незамѣтно въ разныхъ уголкахъ его Мы натыкались ежеминутно на остатки церквей, памятниковъ, стѣнъ, башенъ, домовъ. Повыше и посѣвернѣе собора возвышался древній акрополисъ, также полный храмовъ и другихъ построекъ; его стѣны и башни разрушены были въ послѣдній разъ вмѣстѣ съ другими укрѣпленіями и зданіями нагорнаго Кутаиса въ 1769 году, когда геройскій отрядъ русскихъ, подъ предводительствомъ Тотлебена, перешелъ непроходимые хребты Кавказа черезъ горную Осетію и спустился въ Рачинскій округъ, а оттуда въ Кутаисъ. Тотлебенъ былъ посланъ Екатериною II на помощь имеретинскому царю Соломону I и долженъ былъ бомбардировать цитадель Кутаиса, въ которой заперлись турки, съ того берега Ріона.

Турки были выбиты, Кутаисъ возвращенъ Соломону, возставшіе имеретины усмирены, но древній Укимеріонъ Прокопія съ тѣхъ поръ пересталъ существовать и, кажется, уже никогда не возстанетъ изъ своего пепла.

Любознательные археологи, въ родѣ Дюбуа де-Монпере, и въ теперешнихъ развалинахъ умѣютъ различать и дворецъ царей лазовъ, и остатки турецкихъ мечетей, и храмъ св. Георгія, улицы и рынки, водопроводы и городскія ворота.

Но, признаюсь, эти сомнительныя подробности не стоятъ потраченнаго на нихъ труда, такъ какъ губительное время сравняло теперь все въ одну кучу камней—дворцы и рынки. За то какой дивный видъ открывается со стѣнъ акрополиса и отъ маленькой церкви, окруженной старинными гробовыми плитами, надъ самымъ обрывомъ скалистой горы.

Не только весь новый Кутаисъ съ пестротою своихъ церквей, домовъ и улицъ стелется у вашихъ ногъ,

за неистово несущимся Ріономъ, но еще далеко видна вся цвѣтущая, роскошная низина ріонской равнины, цѣлыя области Имеретіи и Гуріи.

А налѣво, къ сѣверу, одно живописнѣе, одно заманчивѣе другаго, зовутъ къ себѣ сердце путешественника зеленыя, темнѣющія ущелья горъ, покрытыя курчавыми лѣсами, подымающіяся все выше, все уже, въ синіе туманы далекаго Кавказа.

Бѣлые сверкающіе черепа далекой Пасмты и ея сосѣдей-великановъ сурово выглядываютъ изъ-за голой отвѣсной стѣны Квамли, этой «скалы Прометея», и другихъ каменныхъ горъ, отдѣляющихъ Кутаисъ отъ Рачинскаго уѣзда, подымающихъ свои громады за ближними лѣсистыми горами, сквозь тѣснины которыхъ прорываются Ріонъ и Красная рѣка. Тутъ и долина Гелати, куда намъ ѣхать завтра.

*
* *

Обзоръ древняго Укимеріона окончился оригинально.

Спутники наши повели насъ черезъ хитроумный подземный ходъ, вырубленный въ краяхъ скалы и укрѣпленный кое-гдѣ кирпичными сводами. Этотъ тайникъ, когда-то совершенно закрытый отъ глазъ враговъ, но теперь уже во многихъ мѣстахъ осыпавшійся своею наружною стѣнкою и обнажившій себя, огибаетъ сѣверную стѣну укрѣпленной горы и ведетъ по очень крутому, далеко не вездѣ удобному скату къ потайному же роднику, который бьетъ изъ сердца скалы и наливаетъ свой естественный каменный бассейнъ, почти на половинѣ высоты скалы, въ полуоткрытой и полутемной пещеркѣ, заросшей ежевикою и плющемъ.

Спутники мои разсказали мнѣ по этому случаю, что въ прежнее время бассейнъ этого ключа былъ совершенно закрытъ снаружи; но одинъ имеретинъ, во время осады Кутаиса, посовѣтовалъ генералу Тотлебену раз-

бить ядрами сводъ, прикрывавшій ключъ, и прекратить осажденнымъ доступъ къ водѣ. Въ ту-же ночь черезъ этотъ самый проломъ русскіе ворвались въ цидатель и заставили турокъ сдаться.

Мы забрались въ этотъ поэтическій уголокъ напиться ключевой воды и усѣлись вздохнуть нѣсколько минутъ, свѣсивъ ноги надъ обрывомъ, любуясь шумѣвшимъ недалеко Ріономъ. Подъ нами, по дорогѣ, двигались арбы, люди, лошади, спѣшившіе въ Кутаисъ изъ окрестныхъ деревень.

Какой-то лохматый, оборванный имеретинъ несъ за плечами на базаръ огромную корзинку спѣлыхъ черныхъ черешенъ.

Наши молодые педагоги перекинулись съ нимъ нѣсколькими словами, и вдругъ я съ изумленіемъ увидалъ, что этотъ неуклюжій на видъ мужчина сталъ быстро и ловко, какъ паукъ, карабкаться по отвѣсной скалѣ, наверху которой сидѣли мы, не снимая съ своихъ плечъ тяжелой корзины, не менѣе пуда вѣсомъ.

Корзина, полная душистыхъ и сладкихъ, только-что нарваннныхъ черешень, какихъ не купишь ни у какого Елисѣева на Невскомъ проспектѣ, была уступлена безхитростнымъ торговцемъ, вмѣстѣ съ посудиною, за 2 абаза, т. е. за 40 к. Мы всѣ наѣлись до-сыта черешень, но корзина была словно не тронута. Имеретинецъ однако былъ, повидимому, очень доволенъ своимъ неожиданнымъ и выгоднымъ торгомъ, потому что не только его рискованная гимнастика по обрыву сошла за тѣ-же 2 абаза, но онъ еще охотно вызвался въ тотъ же счетъ дотащить корзину съ своими черешнями на гору въ семинарію, т. е. еще добрую версту по камнямъ и жарѣ.

V

Святыни Грузіи

Гелатскій монастырь для всей древней Грузіи, включая въ нее не только Карталинію, Кахетію и Сомхетію, но и Имеретію, и Гурію, и Мингрелію, то-же самое, что Сергіево-Троицкая лавра для стараго московскаго государства.

Этотъ высокоушедшій въ горы укрѣпленный монастырь служилъ въ теченіе вѣковъ сокровищницею грузинскихъ и имеретинскихъ царей и убѣжищемъ ихъ въ частыя минуты опасности. Въ Гелатахъ жили обыкновенно католикосы, т. е. патріархи Грузіи, такіе же верховные вожди народа, какъ и цари, часто становившіеся рѣшителями даже ихъ собственныхъ судебъ. Въ такомъ глубоко-христіанскомъ народѣ, какъ грузины, для котораго весь смыслъ многовѣковой исторіи часто заключался въ защитѣ своей вѣры, глава церкви естественнымъ образомъ становился въ положеніе, можетъ быть, еще болѣе авторитетное и непоколебимое, чѣмъ даже глава свѣтской власти.

Не посѣтить Гелати, было бы святотатствомъ для путешествующаго по Грузіи. Насъ собралась цѣлая компанія: Стояновъ, я и два учителя гимназіи, люди такіе же любознательные, какъ и мы, и кромѣ того сильно нуждавшіеся въ отдыхѣ послѣ едва законченныхъ экзаменовъ.

Къ моему изумленію, оказалось возможнымъ взобраться въ этотъ заоблачный монастырь безъ всякой романтической обстановки, невольно соединяющейся въ нашемъ воображеніи съ поѣздками по горамъ Кавказа; ни верховыхъ лошадей, ни бурокъ, ни проводниковъ по тропинкамъ—ничего не потребовалось. На-

нята была просторная буржуазная коляска четвернею, и подъ прикрытіемъ прозаическихъ городскихъ зонтиковъ, въ обыденныхъ городскихъ пальто, усѣлись мы въ ней, радуясь какъ дѣти прекрасному синему дню и чуднымъ перспективамъ, ожидавшимъ насъ впереди. Въ первомъ порядочномъ магазинѣ запаслись мы винами, не особенно разсчитывая на гостепріимство монаховъ, и весело тронулись въ путь на четверкѣ бойкихъ кабардинскихъ лошадокъ, не знающихъ ни страха, ни устали. Имеретинъ-извощикъ за всю прогулку въ облака и обратно взялъ съ насъ 15 р. и, надо отдать ему справедливость, не жалѣлъ своихъ каменноногихъ коней.

Мы выѣхали изъ Кутаиса по Рачинской дорогѣ черезъ многолюдный и зажиточный еврейскій кварталъ, который весь кишѣлъ разряженнымъ праздничнымъ народомъ по случаю шабаша.

Красивыя закавказскія еврейки въ своихъ богатыхъ и оригинальныхъ уборахъ толпились отдѣльно отъ мужчинъ, какъ подобаетъ восточнымъ женщинамъ.

Въ Закавказьѣ не только евреи, но и грузины и вообще всѣ мѣстныя христіанскія племена болѣе или менѣе соблюдаютъ общій обычай азіатскаго мусульманства, требующій почти полнаго отчужденія быта мужчины отъ быта женщины. По крайней мѣрѣ это очень замѣтно среди простонародья.

Мы ѣхали круто въ гору, но все-таки рысью. Горская лошадь имѣетъ мѣдное легкое и чугунную ногу, и то, что она продѣлываетъ здѣсь безъ всякаго напряженія, для нашей русской равнинной лошади было бы совершенно немыслимо и невѣроятно.

Сначала мы ѣхали по лѣвому берегу навстрѣчу Ріону, который, вырвавшись изъ ущелій, кружится и бѣсится въ своихъ высокихъ каменныхъ берегахъ, среди которыхъ онъ сбѣгаетъ внизъ съ одуряющею быстротою.

Дорога вьется по тѣсному карнизу горы, какъ-разъ надъ обрывами рѣки, и съ непривычки очень волнуетъ нервы, особенно когда встрѣчаются имеретинскія арбы и извощику приходится то почти переваливать на бокъ коляску, забираясь однимъ колесомъ на крутой обвалъ горы, то пробираться надъ самою пропастью, по осыпающемуся краешку дороги, поминутно срываясь колесами.

Потомъ мы бросили долину Ріона и поднялись въ ущелье его притока Цхалъ-Цители, Красной рѣки. Выше, по этому же ущелью, находится всѣмъ извѣстная пещера Язона, въ которой еще недавно производилъ свои раскопки, не особенно, впрочемъ, удачныя, нашъ извѣстный археологъ графъ Уваровъ.

Цхалъ-Цители нисколько не успокоительнѣе Ріона. Опасныя осыпи и кручи и тутъ-же на каждомъ шагу; тяжелая коляска наша то вынуждена переправляться, съ вѣрнымъ шансомъ провалиться, черезъ утлые, еле-дышащіе мостики, то наудачу переѣзжать рѣку вбродъ черезъ огромные камни, способные безъ труда раздробить колеса и опрокинуть экипажъ. Ктому-же, самое названіе брода только одна напрасная иллюзія, потому что малѣйшій дождь дѣлаетъ этотъ бродъ непроѣзднымъ.

Мы тоже изрядно черпали водицы кузовомъ своей коляски и не разъ ожидали необходимости окончить свою переправу вплавь.

Но возница нашъ и его лошадки изумляли меня своею ловкостью. Въ то время, какъ правая пристяжная, съ цѣпкостью дикой козы, бѣжитъ, не срываясь, чуть не по отвѣсному косогору скалы, на ходу перепрыгивая и обѣгая кусты и выступы камней, лѣвая почти виситъ надъ пропастью и только кончиками копытъ успѣваетъ попадать въ сыпучій край карниза.

Кажется, потеряй она на одинъ волосокъ равновѣ-

сіе—и мы всѣ, съ экипажемъ, лошадьми и пассажирами, полетимъ внизъ.

У насъ, въ Россіи, ѣзда по такимъ дорогамъ считалась бы опасною даже въ-одиночку, въ простой телегѣ, а кавказскій извощикъ запрягаетъ четырехмѣстную коляску и валитъ себѣ четверкою въ-рядъ, ежеминутно повертывая то направо, то налѣво, подъ острымъ угломъ, да еще, какъ ни въ чемъ не бывало, разминуется съ нагруженными арбами, которыя тутъ встрѣчаются цѣлыми обозами. За то какъ хороши лѣсныя ущелья, которыми ѣдемъ мы. Забудешь и ревъ Ріона, и обрывы, и опасности.

Роскошная южная растительность заполняетъ эти сочныя ущелья дотого густо, что буквально ужу не проползти. Вѣчно-зеленые лавры, мирты и лавровишни, падубъ, кровавые цвѣты гранатника, только-что отцвѣтшіе азаліи и рододендроны съ своими сверкающими лакомъ листами, персикъ, орѣхъ, айва, смоковница,—все это сплошь наполняетъ лѣсную дичь ущелья, не требуя никакого ухода, снабжая горнаго жителя своими даровыми плодами и чудными цвѣтами, рядомъ съ каштаномъ, дубомъ, грабомъ и другими болѣе обыкновенными деревьями. Плющъ и дикій виноградъ перепутываютъ этотъ разнообразный естественный садъ своими ползучими ліанами, преграждая всякую дорогу не только человѣку, но и звѣрю. Дѣлается жалко, когда сознаешь, что все это природное обиліе и красота большею частью погибаютъ безцѣльно и безплодно, никому ненужное, часто даже невѣдомое и недоступное, въ то время какъ въ другихъ странахъ есть столько людей, лишенныхъ даже самой скромной доли этой роскоши земли.

Тѣснота и гуща этихъ лѣсовъ такова, что нога моя не могла отыскать въ нихъ почвы. Ступаешь не на землю, а на переплеты упругихъ вѣтвей, на кучи су-

холома, на гніющія колоды. Дерево тутъ не допускаетъ до земли; тутъ все только лѣсъ, и вверху, и внизу, и кругомъ.

Подъемъ дороги дѣлается круче съ каждымъ шагомъ, и жаркій лѣтній день нисколько не облегчаетъ его.

Въ мылѣ не только лошади, но и мы сами.

* * *

Гелатскій монастырь торчитъ очень высоко, почти надъ самою вершиною лѣсной и скалистой горы, за Цхалъ-Цители. Его бѣлые храмы и крѣпостныя стѣны живописно вырѣзаются на яркой зелени горы, подъ знойнымъ синимъ куполомъ неба, широко опрокинутымъ надъ всею этою чудною панорамою горныхъ вершинъ и ущелій.

Только въ рѣдкихъ мѣстахъ долины и скаты коегдѣ поцарапаны виноградниками и кукурузниками, да и эти скудныя попытки людскаго хозяйства кажутся какими-то случайными и затерянными, среди торжественно царящей кругомъ дикой мощи лѣсовъ, альпійскихъ пастбищъ и скалистыхъ пустырей.

Разсѣянныя по скатамъ деревушки тоже кажутся ошибкою попавшими въ это пустынное царство горъ. Бѣдные домишки ихъ чуть прикрыты состарѣвшими соломенными крышами или замшившеюся деревянною черепицею. Это жилища пастуховъ и лѣсниковъ.

Послѣдній подъемъ на конусообразную гору Гелати такъ труденъ, что намъ пришлось выйти изъ коляски и продираться вверхъ пѣшкомъ по утомительнымъ тропинкамъ; коляска отправилась въ объѣздъ.

Мы вздохнули съ большимъ удовольствіемъ, очутившись наконецъ на верху, насквозь потные, хотя уже давно поснимали съ себя верхнее платье и шли въ одномъ бѣльѣ. Прозрачная, какъ ледъ холодная вода мо-

настырскаго колодезя показалась вкуснѣе всякаго нектара.

На высокой тѣнистой галереѣ братскаго дома усѣлись мы отдохнуть и подкрѣпить свои силы бывшею съ нами провизіей. У монаховъ ничего не достали. Настоятеля не было дома, а безъ него словно никто не смѣлъ принять на себя роль хозяина.

*
* *

Въ Гелатской лаврѣ три древнихъ уцѣлѣвшихъ храма: большой соборъ Богоматери въ срединѣ обширнаго монастырскаго двора, сзади его маленькая, но вмѣстѣ самая старая церковь св. Георгія, и впереди храмъ св. Николая, позднѣйшей постройки.

Монастырь основанъ Давидомъ Возобновителемъ, въ XI вѣкѣ, въ одно время съ Кіевопечерскою лаврою.

Большой соборъ очень напоминаетъ собою Софійскую церковь Кіевопечерской лавры, только своды его выше и изящнѣе. Какъ кіевская Софія, какъ Успенскій соборъ Москвы, какъ св. Маркъ въ Венеціи, гелатскій большой соборъ сплошь покрытъ внутри замѣчательными старинными фресками и мозаиками.

Особенно хороши знаменитыя мозаики алтаря, гдѣ все обширное золотое поле круглаго купола, занято тремя громадными фигурами Богоматери и двухъ ангеловъ, рѣдкаго искусства. Полустертыя фрески пестрыхъ сливающихся тоновъ персидскаго ковра, ласкающихъ глазъ, сплошь выстилаютъ своды, арки, стѣны, купола, будто драгоцѣнные старинные гобелены своего рода, и придаютъ собору характерный видъ истинно-византійскаго храма.

Въ этихъ огромныхъ, наивныхъ до первобытности фигурахъ, расположенныхъ безъ малѣйшаго соблюденія перспективы, нарисованныхъ безъ всякаго понятія объ анатоміи, со всѣмъ дѣтскимъ простодушіемъ средневѣ-

коваго благочестія, заключается какая-то своеобразная красота, не всякому доступная, понятная только чутью художника да умиленному настроенію вѣрующаго. Что-то цѣлостное, искреннее, гармоническое, оправдывающее самое себя и согласное со всѣмъ младенчески-таинственнымъ полуязыческимъ міросозерцаніемъ тѣхъ темныхъ временъ и тѣхъ простыхъ людей, глядитъ въ каждой чертѣ древняго рисунка.

Іоаннъ-Креститель нелѣпаго вида, въ звѣриныхъ шкурахъ и съ крыльями; столпники въ диковинныхъ столбахъ съ бородами, вросшими въ землю; громадныя глазатыя лица съ рѣзкими, будто окаменѣвшими черными морщинами; фантастическія фигуры апокалипсическихъ чудищъ, многоголовыя, многокрылыя, полулюди, полузвѣри, полуптицы,—весь бредъ пылкаго восточнаго воображенія, вдохновленнаго религіознымъ ужасомъ и религіозными чаяніями невѣдомаго, воплощенный въ формы и краски рукою художника, глубоко вѣрующаго въ реальность и въ истинность всѣхъ этихъ сновидѣній фантазіи...

Среди этихъ безчисленныхъ поблекшихъ изображеній, кишащихъ на стѣнахъ и сводахъ собора, словно полчища загробнаго міра, безмолвно столпившіяся вокругъ алтаря, дающаго смыслъ и жизнь даже въ безотрадныхъ пустыняхъ смерти, фигуры исторіи перемѣшаны съ созданіями воображенія, съ мечтаніями вѣры...

Цари, царицы, младенцы-царевичи и католикосы древней Грузіи стоятъ въ рядахъ херувимовъ, пророковъ и мучениковъ. Тутъ ужъ видна не одна сила религіозной фантазіи, а живьемъ легла печать времени и народа.

Черноволосыя фигуры съ широко-открытыми большими черными глазами, ярко-восточнаго типа, въ азіатскихъ парчевыхъ бешметахъ по пятки, съ монгольскими косами по плечамъ, съ монгольскими сердитыми

усами, въ персидскихъ и киргизскихъ шапкахъ,—попали на эти стѣны прямо съ натуры, изъ живой когда-то жизни.

Даже образы Христа и Богоматери невольно запечатлѣлись этимъ мѣстнымъ азіатскимъ колоритомъ, и съ огромныхъ мѣстныхъ иконъ глядятъ такіе-же смуглые глазатые грузины, какъ и съ портретовъ благочестивыхъ царей, щедротами своими создавшихъ когда-то этотъ домъ.

Иконостасъ почти весь заставленъ и завѣшанъ знаменитыми чудотворными иконами Грузіи; тутъ и Хахульская Божья Матерь, и Ацхурская, и Бичвинтская, и Гелатская, и многія другія. Не смотря на рабское положеніе восточной женщины, Богоматерь пользуется въ Закавказьѣ особеннымъ благоговѣйнымъ почетомъ, и нигдѣ нѣтъ столькихъ иконъ, храмовъ и празднествъ въ честь Пресвятой Дѣвы, какъ у грузинъ. Видно, недаромъ женщина была первою насадительницею христіанства въ Грузіи, недаромъ самымъ славнымъ и любимымъ царемъ Грузіи сдѣлалась потомъ царь-женщина.

Чудотворныя иконы гелатскаго храма почти всѣ огромныхъ размѣровъ и неописаннаго богатства. Онѣ стоятъ рядомъ впереди иконостаса. Большая часть ихъ имѣетъ видъ складней самаго рѣдкаго и мастерскаго золотаго чекана, усѣяннаго въ поразительномъ обиліи всевозможными драгоцѣнными камнями, иногда замѣчательной величины. Темное письмо ихъ глубочайшей древности. Но на самыхъ старыхъ, письма даже вовсе невидно: онѣ сплошь окованы золотымъ окладомъ мельчайшаго, тончайшаго узора, и на нихъ виденъ только золотой горельефъ съ египетски-неподвижными и египетски-неуклюжими фигурами. Такъ-же отчеканены и такъ же одѣты въ сплошныя ризы царскія врата. Подобныя религіозныя сокровища древности можно видѣть развѣ только въ Успенскомъ соборѣ Москвы.

Соборъ Богоматери имѣетъ шесть отдѣльныхъ круглыхъ сводовъ въ обычной формѣ креста. Въ срединномъ сводѣ, самомъ обширномъ, гдѣ сосредоточена главная масса фресокъ и иконъ, помѣщается и древнее каменное сидѣнье католикосовъ Грузіи, украшенное оригинальною каменною рѣзьбою. Множество фресокъ этого свода, изображающихъ святыхъ угодниковъ, кажутся слѣпыми, потому что глаза ихъ выцарапаны или выбиты турецкимъ мечомъ; у другихъ отрублены турками головы и руки, или совсѣмъ счищены лица... Это обычное поруганіе христіанскихъ святынь со стороны мусульманина.

Кругомъ главнаго отдѣленія собора идутъ хоры. На нихъ нужно подниматься по темной лѣстницѣ гомерической простоты. Камни, составляющіе ступени, не менѣе аршина высоты и, поистинѣ, нужно быть богатыремъ грузинскихъ сказокъ, чтобы шагать по этой лѣстницѣ гигантовъ.

За то съ хоръ можно отлично разсмотрѣть самыя старыя и самыя стертыя фрески, которыя, дѣйствительно, достойны вниманія любителей. Но еще интереснѣе маленькая ризница направо отъ алтаря. Въ ней вещей немного, всего одинъ шкафъ; это далеко не тѣ безконечныя палаты, до потолковъ наполненныя жемчужными ризами, безцѣнными митрами, сверкающими золотомъ сосудами и иконами, которыми поражаетъ путешественника ризница Сергіево-Троицкой Лавры или патріаршая ризница Москвы.

Но за то всякая вещь маленькой гелатской сокровищницы есть замѣчательная историческая реликвія.

Въ глазахъ знатоковъ древности нѣтъ цѣны древнимъ рукописямъ, евангеліямъ, украшеннымъ дивною миніатюрою VII, VIII и XI вѣковъ. Особенно интересно своимъ оригинальнымъ почеркомъ въ высшей степени простое евангеліе, съ оторваннымъ началомъ, найденное въ

недоступныхъ дебряхъ Сванетіи и относящееся къ VII или VIII вѣку. Впрочемъ, большая часть гелатскихъ евангелій имѣетъ безцѣнные оклады древнѣйшей работы, украшенные дорогими каменьями. Но и кромѣ евангелій тутъ много историческихъ рѣдкостей: корона царя Баграта III, несказаннаго богатства, сплошь унизанная жемчугомъ, изумрудами, рубинами, еще того типа, по которому дѣлались вѣнцы древнихъ библейскихъ царей, съ зубцами, увѣнчанными небольшими крестиками; тутъ митры грузинскихъ патріарховъ характерной цилиндрической формы, также богато усыпанныя камнями, и все вообще облаченіе католикосовъ, ихъ хитоны, пояса, башлыки, остроконечныя туфли, залитыя жемчугомъ, расшитыя золотомъ съ удивительнымъ вкусомъ и роскошью и также убранныя всевозможными самоцвѣтными каменьями. Тутъ, между прочимъ, сохраняется и золотой перстень царя Давида Возобновителя, соорудителя храма, портреты котораго виднѣются на фрескахъ почти каждой стѣны, перстень невѣроятной величины и массивности, съ именною печатью царя и скрытыми частицами мощей. Судя по величинѣ пальца, носившаго подобное кольцо, невольно повѣришь, что громадныя фрески—только вѣрное подобіе когда-то живой дѣйствительности, и что ступени хоръ гелатскаго храма были совершенно по ногѣ его старинныхъ молельщиковъ.

При осмотрѣ ризницы я впервый разъ услышалъ новость, которую впослѣдствіи подтвердили мнѣ имеретины и мингрельцы, имѣвшіе случай говорить со мною и которая въ высшей степени смутила меня въ качествѣ русскаго человѣка. Я не считаю возможнымъ умолчать о ней, тѣмъ болѣе, что, по сообщеннымъ мнѣ свѣдѣніямъ, она уже возбудила въ свое время громкій ропотъ не только въ мѣстномъ обществѣ, но и въ мѣстной литературѣ, тѣсно связанной пеленами цензуры.

Мнѣ разсказывали, что одно изъ знаменитыхъ и древнѣйшихъ евангелій гелатской ризницы было будто-бы взято бывшимъ кутаисскимъ губернаторомъ графомъ Левашовымъ, подъ предлогомъ чистки и поправки его въ Парижѣ, и что затѣмъ цѣны неимѣющій древній окладъ съ драгоцѣнными камнями исчезъ невѣдомо куда, и только послѣ многихъ настояній духовенства знаменитое евангеліе было возвращено монастырю, но въ самомъ обыденномъ новѣйшемъ окладѣ.

Прибавляли еще и другія возмутительныя подробности, которыхъ я не повторяю. Увѣряютъ даже, будто отъ святѣйшаго синода до сего времени объ этомъ производится слѣдствіе, и что будто слѣдствію этому ставятся со стороны свѣтскихъ властей такія препятствія, при которыхъ оно до сихъ поръ не въ силахъ придти къ концу. Я знаю, какъ люди много врутъ, путаютъ, преувеличиваютъ и даже клевещутъ; поэтому я не позволилъ бы себѣ печатно повторить этотъ оскорбительный слухъ, которому желалъ бы совершенно не вѣрить, и котораго провѣрить, конечно, не въ состояніи, если-бы я не убѣдился, что слухъ этотъ составляетъ глубоко укоренившееся убѣжденіе всего Ріонскаго края.

Съ кѣмъ бы изъ имеретинъ ни говорилъ я, прежде всего я долженъ былъ выслушивать эти горькія жалобы на дерзкое похищеніе народной святыни представителемъ русской власти и самое искреннее негодованіе на разореніе Ріонской области въ печальное время его управленія; старъ и малъ твердили одно и то-же.

Отъ простаго имеретинскаго извощика приходилось слышать тѣ-же недобрыя пожеланія бывшему правителю, какъ и отъ богатыхъ деревенскихъ князей и отъ образованныхъ горожанъ.

При этой повальной ненависти цѣлаго народа, конечно, трудно судить, насколько правда перемѣшана

съ выдумкою и пустая выдумка съ дѣйствительнымъ знаніемъ дѣла. Очень можетъ быть, что во всѣхъ этихъ враждебныхъ отзывахъ о бывшемъ кутаисскомъ губернаторѣ, извѣстною долею звучитъ нерасположеніе грузинскаго племени къ русскому владычеству. Но, допуская даже возможность всякихъ преувеличеній молвы и всякихъ пристрастій, нельзя не сознаться, что великая задача управленія иноплеменными народностями рѣшительно недостижима при такомъ прискорбномъ отношеніи мѣстнаго населенія къ представителямъ правительства; что самая возможность появленія въ управляемомъ народѣ такихъ упорныхъ и широко распространенныхъ слуховъ о беззаконіяхъ власти несомнѣнно указываетъ на какіе-нибудь существенные пороки ея и во всякомъ случаѣ на ея непригодность въ этомъ дѣлѣ.

Какъ бы ни были сильны племенныя страсти, трудно повѣрить, чтобы энергическая, честная, строго-законная администрація могла оставить по себѣ во всѣхъ слояхъ общества такую плохую память и такія строго опредѣленныя обвиненія. Развѣ Ермоловъ, Воронцовъ, Барятинскій были не русскіе люди и развѣ они дѣйствовали не среди тѣхъ-же инородческихъ племенъ Кавказа? И однако сколько добрыхъ словъ о нихъ, сколько искренняго сожалѣнія о минувшихъ съ ними порядкахъ слышалъ я въ разныхъ углахъ Кавказа отъ представителей всевозможныхъ народностей.

Мнѣ кажется, строго-публичное слѣдствіе послужило бы лучше всего къ раскрытію истины, къ разоблаченію клеветы, и къ снятію этого слишкомъ темнаго пятна съ имени людей, быть можетъ, неимѣющихъ другой возможности очиститься отъ этого всѣми раздѣляемаго, но ничѣмъ официально неформулированнаго тяжкаго обвиненія. Избѣгать гласности въ дѣлахъ подобнаго рода—это самая плохая защита и самая вредная услуга. Гласности должны прежде всѣхъ требо-

вать, какъ своего права, тѣ, имя которыхъ наиболѣе страдаетъ отъ обидныхъ слуховъ, настойчиво повторяемыхъ цѣлою страною и возбуждающихъ въ цѣломъ племени страстную ненависть.

Но, кромѣ того, само достоинство и прочность власти русской неминуемо требуютъ, чтобы подобныя явленія не оставлялись на волю случая. Ненависть къ лицу въ данныхъ обстоятельствахъ слишкомъ легко можетъ перейти въ ненависть къ племени, къ принципу. По одному представителю народъ склоненъ судить и о всемъ характерѣ власти. Безнаказанность произвола и беззаконій отдѣльныхъ правителей, въ глазахъ народа, мало знакомаго съ истинными цѣлями русской государственной власти, можетъ показаться системою управленія, одобренною свыше и предназначенною отдать интересы всего народа въ жертву личнымъ интересамъ русскихъ людей. Азіатскій востокъ слишкомъ пріучилъ грузинъ къ такому способу дѣйствій, чтобы онъ могъ показаться имъ невѣроятнымъ и со стороны Россіи. Грузинъ особенно чувствителенъ къ оскорбленіямъ своей религіи, къ посягательствамъ на свою церковь. Недаромъ вся его многовѣковая исторія — есть только защита церкви. Поэтому страстность его отношеній къ исторіи похищенія гелатскаго евангелія вполнѣ понятна. Какъ ни популярна въ грузинскомъ народѣ высоконравственная личность преосвященнаго Гавріила, однако и его репутація сильно пострадала изъ-за этого прискорбнаго дѣла. Кутаисскій владыка былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ бывшимъ губернаторомъ и, говорятъ, имѣлъ слабость уступить его настояніямъ, относительно передачи ему древней народной святыни для исправленія оклада. Этого имеретины не хотятъ простить ему.

Но евангеліе — только наиболѣе эффектный эпизодъ. Графа Левашова Имеретія поминаетъ лихомъ и за мно-

гое другое. Между прочимъ ему приписываютъ проведеніе желѣзной дороги, изъ-за личныхъ разсчетовъ, мимо Кутаиса черезъ имѣніе князя Святополкъ-Мірскаго и извѣстнаго армянскаго богача Ананова. Этому трудно вѣрить уже потому, что губернаторъ одной области не можетъ имѣть рѣшающаго вліянія въ вопросахъ государственнаго значенія, какъ направленіе желѣзной дороги, соединяющей два моря; трудно предположить, чтобы центральная власть Кавказа и общая государственная власть Россіи допустили измѣнить направленіе важнѣйшей торговой и стратегической линіи цѣлаго Закавказья въ угоду второстепеннымъ личнымъ цѣлямъ. Тѣмъ не менѣе имеретины громко твердятъ свое,—а имъ ротъ не замажешь.

* * *

Снаружи соборъ Богородицы такъ-же типиченъ, какъ и внутри. Если кутаисскій соборъ громаднѣе и величественнѣе его, за то гелатскій сохранился вполнѣ и можетъ служить прекраснымъ образцомъ для изученія византійско - грузинскаго стиля золотаго вѣка Грузіи.

Въ немъ особенное обиліе изящныхъ рѣзныхъ украшеній изъ камня вокругъ характерныхъ узкихъ и высокихъ оконъ, такъ называемыхъ «щельныхъ», многосаженной высоты, шириною менѣе аршина, не столько оконъ, сколько бойницъ, а также вокругъ дверныхъ арокъ и нишъ, по карнизамъ, изгибамъ и поворотамъ стѣнъ. Пучки тонкихъ и легкихъ витыхъ волоконъ, по 2, по 3, по 10 вмѣстѣ, съ затѣйливыми узорчатыми капителями, служатъ самымъ обыкновеннымъ орнаментомъ оконъ и дверей, слишкомъ гладкихъ простѣнковъ и угловъ.

Въ стѣнкахъ кое-гдѣ виднѣются сверхъ того особыя плиты съ очевидно очень древнимъ горельефомъ, вставленныя безъ всякой симетріи. Особенною древностью

пахнутъ подобныя плиты въ стѣнахъ маленькой церкви св. Георгія, гдѣ одна изъ нихъ раскрашена и изображаетъ св. Георгія пѣшимъ, а не на конѣ, въ формахъ младенческой простоты. При своихъ посѣщеніяхъ грузинскихъ храмовъ я замѣтилъ, что этотъ пѣшій святой Георгій попадается только на иконахъ и горельефахъ самой глубокой древности. Очень можетъ быть, что и здѣсь плита, на которой онъ высѣченъ, представляетъ уцѣлѣвшій обломокъ какого-нибудь еще болѣе древняго храма, вставленный благочестивою рукою въ стѣны сравнительно новѣйшей постройки, хотя и ей историки Грузіи считаютъ теперь чуть не 1,000 лѣтъ. Этому искренно повѣришь, посѣтивъ маленькую старую церковь св. Георгія. Она уже стала словно уходить въ землю. Фрески ея дѣтскаго рисунка, который только и могъ быть мыслимъ въ дни наивнаго средневѣковаго христіанства. За деревяннымъ иконостасомъ, писаннымъ золотомъ по черному фону, по-старовѣрчески, съ позднѣйшими славянскими надписями, видны болѣе древнія каменныя колоннки царскихъ вратъ, и самый алтарь устроенъ по древнѣйшему типу грузинскихъ церквей, т. е. престолъ его былъ прислоненъ къ стѣнѣ, а не возвышался посрединѣ, какъ теперь, и жертвенника не было вовсе. Въ большомъ соборѣ уже не то; тамъ посрединѣ каменныя ступени для престола и каменныя сидѣнья кругомъ стѣнъ.

Надъ живописнымъ обрывомъ скалъ видны еще полууцѣлѣвшія развалины трапезы очень романтическаго вида, выстланныя, какъ шпалерами. темнозеленымъ плющемъ, опутанныя гирляндами ползучихъ растеній, заросшія цвѣтущими и благоухающими деревьями. Изъ расколотыхъ амбразуръ ея удивительный видъ на пропасть и на окрестную страну горы. Огромный камень въ красномъ углу этой трапезы служилъ когда-то сѣдалищемъ католикоса. Уцѣлѣлъ только очень живо-

цисный характерный притворъ на массивныхъ гранитныхъ колоннахъ, съ грубою, но выразительною скульптурою, съ узорчатымъ круглымъ сводомъ своеобразнаго грузинскаго рисунка. На кольцѣ этого свода висѣлъ прежде колоколъ, сзывавшій братію къ трапезѣ.

Усыпальница царей грузинскихъ посрединѣ двора. Это совсѣмъ простая, почти темная часовня изъ грубыхъ огромныхъ камней, съ каменнымъ полуязыческимъ престоломъ въ крошечномъ алтарѣ. Громадныя плиты такого-же дикаго камня прикрываютъ собою безхитростныя гробницы царей Грузіи: Давида Возобновителя, Тамары и другихъ. Никакого убранства, никакого ухода, никакого благоговѣнія къ этой заброшенной исторической святынѣ.

Въ притворѣ часовни, у могилъ царей, стоитъ одинъ замѣчательный историческій памятникъ—желѣзныя ворота Дербента. Уцѣлѣла одна половина ихъ, а другую монахи, говорятъ, употребили куда-то на крышу. Ворота эти дѣйствительно большой древности. Желѣзо, съѣденное ржавчиной, превратилось почти въ уголь. Десятка два тяжелыхъ неровныхъ брусьевъ, циклопической работы, грубо, но крѣпко склепаны съ поперечными брусьями и массивными желѣзными полотнищами.

Высота этихъ воротъ 14 футовъ, а ширина одной половины—семь. На воротахъ этихъ выбита неразборчивая арабская надпись, которая однако прочтена археологами. Изъ нея видно, что ворота сдѣланы въ 1063 году, по повелѣнію Шавира изъ династіи Бени-Шедадовъ ганджинскихъ. Онѣ были устроены противъ набѣговъ кочевниковъ и запирали собою знаменитыя Каспійскія ворота, т. е. крѣпость Дербентскаго ущелья. Грузинскій царь Дмитрій, отецъ Давида Возобновителя, побивъ мусульманъ, привезъ эти ворота изъ взятой имъ

Ганджи, теперешняго Елисаветполя, и поставилъ ихъ, какъ трофей побѣды, въ гелатскомъ монастырѣ.

Молчаливые домики монаховъ, осѣненные деревьями, съ пустыми тѣнистыми галерейками, стоятъ кругомъ этихъ древнихъ храмовъ и историческихъ развалинъ. Въ дневной зной на дворѣ невидно ни одной фигуры, кромѣ провожающаго монаха... Кажется, весь старый монастырь вымеръ и обратился въ такую-же усыпальницу, какъ и часовня царя Давида.

Мы сидѣли на одной изъ верхнихъ галерей, прямо висѣвшей надъ обрывами скалъ, спрятавшись отъ солнца, и не зная чѣмъ остудить свое разгорѣвшееся тѣло. Вино было выпито—и тѣмъ хуже было для насъ.

Полдневный покой природы, такой же глубокій, какъ и ея полуночный покой, казалось, овладѣлъ теперь всею жизнью. Лѣсныя горы, широкими и далекими волнами обставшія кругомъ монастырь, словно застыли въ синемъ знойномъ туманѣ. Застыли цвѣтущія бездны, сіявшіе подъ нами каменные обвалы дороги, сады, хуторки, видимые отсюда какъ на ладони, даже сама бѣшеная и ревущая рѣка, изливы которой сверкали тамъ, внизу между лѣсовъ и скалъ, неподвижнымъ серебромъ, но которой ревъ и плескъ уже не достигаютъ сюда до мирныхъ высотъ обители...

За этими зелеными горами всѣ тоны дальнихъ горъ, сначала темносинихъ, потомъ скалистыхъ, потомъ снѣговыхъ... «Прометеевы скалы» живописно высятся своими голыми, словно ножомъ обрѣзанными, утесистыми стѣнами. За ними еще не растаявшіе снѣга Сванетскихъ горъ, а еще дальше, правѣе, вѣчные ледники главнаго хребта. Но выше насъ, выше всего, что намъ было видно отсюда, на подоблачной макушкѣ лѣсистой скалы, осѣняющей Гелати, вырѣзаются на яркой синевѣ неба развалины еще другаго монастыря, бывшаго древнимъ уже въ тѣ далекіе вѣка, когда царь

Давидъ клалъ первые камни своего знаменитаго храма, возникшаго, можетъ быть, еще въ годины первой христіанской проповѣди и первыхъ христіанскихъ гоненій.

Торжественное великолѣпіе жаркаго лѣтняго солнца, казавшагося неподвижнымъ въ своемъ царственномъ одиночествѣ, на своей полдневной высотѣ, словно залило потоками золотаго огня и эту бездонную синеву южнаго неба, и эту чудную панораму красотъ земныхъ, на которую мы любовались съ своей безмолвной монастырской галерейки...

* *
*

Монастырь *Моцамети* совершенно спрятанъ въ боковомъ ущельѣ горъ, такъ что его едва видно съ Гелатской дороги. Но пропустить его мнѣ не хотѣлось.

Моцамети, пожалуй, древнѣе сомаго Гелатскаго монастыря и тоже очень почитается народомъ. Мы добрались къ нему удивительно живописною, но съ непривычки очень опасною дорогою. Она идетъ большею частью по краямъ высокаго обрывистаго берега Цхалъ-Цители... Сама Красная рѣчка извивается внизу на днѣ прелестной благоухающей и цвѣтущей пропасти, а коляска наша четверкой въ-рядъ едва умѣщается на тѣсной дорожкѣ между скалами и бездной; если бы не привычныя лошади, прижимающіяся другъ къ другу, какъ люди, въ необходимыя минуты, и не ловкость нашего смѣлаго возницы, беззаботно погоняющаго свою четверню на самыхъ жуткихъ поворотахъ дороги, — можно было бы дорого поплатиться за подобную дерзкую поѣздку по дорогѣ, едва устроенной для пары лошадей. Хорошо еще, что не было дождя и мало было осыпей и промывовъ, которые обыкновенно разрушаютъ здѣшнія дороги съ невѣроятною быстротою.

Видъ Моцамети одинъ изъ поразительнѣйшихъ по красотѣ и оригинальности. Изъ глубокой зеленой бездны на крутомъ поворотѣ рѣки поднимаются отвѣсныя стѣны

скалъ, на высокомъ мѣстѣ которыхъ стоятъ башни, церкви и живописные домики этой маленькой древней обители, вырѣзаясь на фонѣ окрестныхъ зеленыхъ горъ. Коляску нужно бросить и взбираться на скалы пѣшкомъ.

Ворота монастыря заперты оригинальною цѣпью—гибкою и несокрушимою дикою виноградиною. Вообще виноградина нерѣдко замѣняетъ на Кавказѣ веревки, цѣпи и прочія связи. Въ Сванетіи изъ нея дѣлаются висячіе мосты черезъ пропасти и рѣки, по которымъ, впрочемъ, можетъ переходить только желѣзная нога сванета,—до того гибокъ и шатокъ этотъ воздушный мостъ. Одинъ нашъ инженеръ, дѣлавшій изысканіе дорогъ въ Сванетіи, погибъ на такомъ мосту вмѣстѣ съ своимъ багажемъ, сорвавшись съ этой неудержимо качающейся пружины.

Моцаметскій монастырь съ трехъ сторонъ окруженъ глубокою пропастью Красной рѣчки и поэтому почти неприступенъ. Кромѣ того его охраняли еще каменныя башни, двѣ изъ которыхъ стоятъ и теперь. Онъ весь скученъ на узкомъ темени скалъ и, можно сказать—состоитъ изъ обрывовъ. Негдѣ разбить сада, негдѣ устроить двора; ступишь шагъ—и наткнешься на пропасть. Убогіе домики его келій, съ зыбкими точеными лѣсенками, галерейками, балкончиками, придѣланы къ обрывамъ, какъ стрижиныя гнѣзда, и поэтически убраны плющемъ и ярко-кровавымъ гранатникомъ. Все просто, бѣдно, тѣсно до крайности. Большая, низкая комната для богомольцевъ совершенно пуста. Крошечные садики, въ родѣ цвѣтниковъ, сбѣгаютъ между келійками по обрывамъ. Въ одномъ изъ нихъ мы увидѣли закопанный въ землю огромный кувшинъ вина съ открытымъ отверстіемъ («чору»), и тутъ же маленькій черпачекъ изъ пустой тыквы, насаженный на палку. Не знаю, для кого открыто это даровое угощеніе,—для са-

михъ монаховъ, какъ утѣшеніе пустынножительства, или для странниковъ алчущихъ и жаждущихъ.

Ходъ въ церковь идетъ сквозь старую башню, тѣсною своеобразною лѣстницей. Церковь глубокой древности, но очень бѣдна. Живопись деревянной иконы Спаса чуть можно разобрать. Направо отъ входа стоитъ высоко-чтимая всею Грузіею святыня монастыря—деревянная рака на рѣзныхъ деревянныхъ львахъ, устроенная не особенно давно усердіемъ одного русскаго богомольца, пестраго и довольно безвкуснаго вида, хранящая въ себѣ мощи князей мучениковъ Давида и Константина.

Это единственныя мощи во всемъ Закавказьѣ. Князья эти въ началѣ VII вѣка владѣли восточною областью Имеретіи, землею Аргветскою, славились своимъ благочестіемъ и мужествомъ, и погибли во время нашествія на Имеретію аравійскаго халифа Мурвана Глухаго; онъ замучилъ молодыхъ князей за ихъ смѣлый отказъ принять исламъ и тѣла утопилъ въ Ріонѣ. Они были потомъ вытащены изъ воды и похоронены въ древнемъ погребальномъ склепѣ, надъ которымъ стояла полуразрушенная церковь Благовѣщенія.

Черезъ 300 лѣтъ послѣ этого событія, въ 1040 году, царь Багратъ возобновилъ церковь на ея теперешнемъ мѣстѣ и перенесъ въ нее изъ склепа останки святыхъ мучениковъ для открытаго поклоненія вѣрующихъ. Здѣсь возникъ монастырь Моцаметскій, что значитъ «мученическій».

Монахи, кажется, и теперь считаютъ мученическую смерть спеціальнымъ преимуществомъ своего монастыря. Бездны зіяютъ кругомъ, и ничего нѣтъ легче, какъ оборваться въ нихъ съ какого-нибудь чуть живаго балкончика или капризно извивающейся лѣсенки. Особенно страшно на убогомъ балконѣ убогой монастырской гостиницы. Кажется, одно неосторожное движеніе — и

нѣтъ человѣка. Голова мутится не на-шутку, пока не привыкнешь.

Недавно одинъ простой имеретинъ ночевалъ въ гостиницѣ и, выйдя въ темнотѣ на дворъ, не попалъ на лѣстницу и сорвался въ пропасть.

Монахи однако разсказываютъ это не въ видѣ предостереженія, а въ видѣ соблазна. Человѣкъ этотъ, растроганный благочестивою поэзiей святой обители, пожелалъ будто-бы сложить въ ней свои кости; Богъ услышалъ его молитву, и черезъ нѣсколько минутъ онъ уже покоился мертвый въ желанныхъ стѣнахъ монастыря. Братія его похоронила въ оградѣ своей, чего почти никто не можетъ удостоиться даже и за большія деньги. Съ такимъ оптимистическимъ складомъ мыслей можно безъ труда сжиться со всякою судьбою. Цѣлъ-ли, пропалъ ли, сытъ-ли или голоденъ, всегда найдется объясненіе въ свою выгоду.

Счастливы въ такомъ случаѣ эти моцаметскіе монахи, въ своемъ ласточкиномъ гнѣздѣ! Они съумѣли самымъ простымъ образомъ разрѣшить одну изъ неразрѣшенныхъ задачъ житейской философіи.

VI

Дворянская усадьба въ Имеретіи.

Князь Вл. М. сдержалъ свое слово и выѣхалъ за мною въ Самтреди. Я обрадовался случаю погрузиться въ настоящую деревенскую глушь Имеретіи и познакомиться на мѣстѣ и воочію съ бытомъ ея сельскаго дворянства, въ сопутствіи человѣка, такъ близко знающаго край и его обитателей. Мы нашли коляску или фаэтонъ, какъ ее обыкновенно называютъ здѣсь на Кавказѣ, и покатили очень комфортабельно по шоссейной дорогѣ, прямо на сѣверъ отъ потійскаго желѣзнаго пути,

на правый берегъ Ріона. Тутъ-же, около станціи Самтреди, но на лѣвой сторонѣ Ріона, уже начинается Гурія.

Признаюсь, эти фаэтоны на лежачихъ рессорахъ у каждой маленькой станціи желѣзной дороги, везущіе васъ по закавказскимъ проселкамъ, это шоссе, ведущее не въ Москву и не въ Казань, а просто-напросто въ деревню Кулаши, ничѣмъ не извѣстную и ничѣмъ отъ другихъ не отличающуюся,—привели меня въ большое недоумѣнье и заставили несовсѣмъ добрымъ словомъ помянуть свою родную «цивилизованную» Русь.

Ріонская равнина—это одна изъ роскошнѣйшихъ и богатѣйшихъ странъ всего Закавказья и, конечно, всей Россіи. Недаромъ она издревле привлекала къ себѣ поселенцевъ Греціи и Италіи. Это одинъ громадный неистощимо-плодородный садъ, орошенный обильнѣйшими водами, какъ теплица защищаемый отъ сѣвера стѣною Кавказа, отъ востока стѣною Сурама, широко открытый дыханію теплаго западнаго моря, жаркій какъ теплица и какъ теплица полный цвѣтовъ и плодовъ.

Въ ріонской долинѣ не бываетъ засухи, не бываетъ неурожая. Воздухъ слишкомъ насыщенъ парами, почва слишкомъ насыщена водою ключей, чтобы особенно нуждаться въ дождяхъ.

Сухо лѣто—родится прекраснѣйшая пшеница и «гоми»; влажно лѣто—лѣзутъ изъ земли цѣлые лѣса кукурузы. Даже голодъ 1879 года, отъ котораго такъ жестоко страдала Грузія, Арменія и многія другія сосѣднія области Кавказа, не могъ коснуться этого счастливаго уголка. Саранча, обычный бичъ Закавказья, висящій надъ его хозяйствомъ какъ мечъ Дамокла, точно также не посѣщаетъ ріонской долины: послѣдняя слишкомъ сыра, слишкомъ населена для нея, слишкомъ густо заросла своими лѣсами. Саранча, какъ бедуинъ, какъ всякій житель степей, любитъ просторъ, безлюдіе и сухой зной пустыни.

Въ Кулаши ѣдешь словно по Швейцаріи или южной Германіи. Такое благосостояніе, порядокъ и приличіе кругомъ.

По обѣ стороны шоссе, за рвами, полными воды, безъ конца и перерыва стелятся живописныя деревни. Крестьянскіе дома ріонскихъ имеретинъ нисколько не хуже, не меньше и нисколько не менѣе красивы, какъ и домъ любаго нѣмецкаго бауэра.

Ихъ высокія громоздкія кровли деревянной черепицы, съ точеными рѣшеточками, съ тѣнистыми галерейками, необыкновенно привѣтливо глядятъ среди своихъ широкихъ зеленыхъ дворовъ, осѣненныхъ громадными старыми деревьями, окруженныхъ тѣсною оградою стройныхъ итальянскихъ тополей.

Ровики, полные воды, опоясываютъ снаружи эту живую ограду, совершенно разобщая сосѣднія усадьбы, обезпечивая хозяина и отъ посѣщеній сосѣдскаго скота, и отъ сосѣдскаго пожара. Впрочемъ большіе пожары совершенно немыслимы въ этихъ мирныхъ хуторкахъ, гдѣ каждое строеніе одиноко тонетъ въ травѣ и деревьяхъ; гдѣ нѣтъ ни печей, ни борововъ, ни соломы; гдѣ обширные лады раздѣляютъ другъ отъ друга сосѣднія хозяйства.

Съ улицы, въ каждую усадьбу, такъ тщательно огороженную рвами и деревьями, ведутъ большія и крѣпкія ворота. Ворота — это нѣчто очень важное въ жилищѣ имеретинскаго крестьянина. Это цѣлое серьезное сооруженіе, съ обширною крышею, подъ полями которой безъ труда прячутся арбы, съ массивными столбами, съ дѣдовскими несокрушимыми скамьями по сторонамъ, на которыхъ усаживается глазѣть на улицу вся семья и на которыхъ можетъ не только посидѣть, но и выспаться утомленный прохожій. Тяжелыя ворота отворяются хозяиномъ только въ необходимыхъ случаяхъ; а чтобы скотъ, обладающій на

Кавказѣ необыкновенно смѣтливостью, не воспользовался калиткою наравнѣ съ человѣкомъ, калитки воротъ продѣланы аршина на $1^1/_2$ выше земли, такъ что шагнуть въ нихъ можно только съ каменной ступеньки. Однако гимнастическое искусство и умственное развитіе кавказскихъ скотинъ доходитъ до того, что послѣдній поросенокъ нимало не стѣсняется изобрѣтеніями хозяевъ и лѣзетъ себѣ черезъ ихъ калитки, какъ пожарный по лѣстницѣ.

* *
*

Свиньи вообще разорители Закавказья. Отъ нихъ никуда не спрячешься, противъ нихъ не защититься ничѣмъ. Маленькія, худыя, взъерошенныя, краснобураго цвѣта, съ громадными головами, съ пугливо-настороженными, торчащими вверхъ ушами, онѣ сохраняютъ на себѣ еще всецѣло, и внѣшнимъ видомъ своимъ, и своею чуткостью и смѣтливостью, типъ того дикаго родителя своего, отъ котораго онѣ произошли и съ которымъ онѣ не перестаютъ входить въ тѣсное кровное и духовное общеніе въ многочисленныхъ лѣсныхъ дебряхъ, гдѣ хозяева предоставляютъ имъ кормиться и размножаться круглый годъ, какъ имъ заблагоразсудится, безъ всякихъ затратъ на помѣщеніе, надзоръ и кормъ, безъ всякой заботы объ улучшеніи ихъ свинской породы.

Имеретины не выносятъ жира и не могутъ ѣсть нашихъ десяти-пудовыхъ сальныхъ свиней. Они не ѣдятъ даже коровьяго масла, котораго вы поэтому не встрѣтите почти нигдѣ въ Имеретіи. Если самоѣдъ и лопарь полярнаго сѣвера могутъ съ наслажденіемъ жрать пудами китовый жиръ или сальныя свѣчи, то солнце юга вызываетъ въ человѣкѣ совершенно противоположныя потребности—непобѣдимый вкусъ къ плодамъ и вину и отвращеніе отъ жира. Я подивился однако находчивости имеретина въ его вѣчной борьбѣ

съ разорителями его хозяйства, которыми онъ тѣмъ не менѣе очень дорожитъ, въ виду ихъ совершенной нетребовательности и большой доходности. Мнѣ попадалось множество свиней, съ надѣтыми на шею рогатками, въ родѣ воловьяго ярма, которыя должны уничтожать всякія попытки бѣднаго животнаго проникнуть черезъ дыру плетня, въ подворотню или другія запретныя мѣста, на горе имеретинскому хозяину.

* *
*

Цѣлыя версты тянулись зеленые сады и домовитыя усадьбы крестьянъ, чередующіяся кое-гдѣ съ болѣе обширными и болѣе богатыми усадьбами дворянъ, которыя большею частію сидятъ подъ-рядъ, цѣлыми гнѣздами, отдѣльно отъ бывшихъ своихъ крестьянъ.

Дворянскія усадьбы однако вовсе не отличаются отъ крестьянскихъ своимъ типомъ, а исключительно только размѣрами и красотою домовъ.

Тѣ-же зеленые дворы — скатертью, обнесенные тополями, среди которыхъ рѣдко раскинуты тѣнистые орѣхи, смоковницы, чинары; тѣ-же крутоверхіе деревянные дома съ прохладною галерейкою впереди; тѣже накрѣпко запертыя разукрашенныя ворота на улицу. Отступленій отъ этого типа очень немного, хотя попадаются и двухъ-этажные, и каменные дома.

* *
*

Мы въѣхали въ мирные зеленые сады князя Вл. М... уже вечеромъ, по длинной тѣнистой аллеѣ. Домъ его представлялъ обычный типъ здѣшнихъ среднихъ дворянскихъ домовъ. Срубленный въ углы изъ двухвершковыхъ досокъ, связанныхъ столбами по простѣнкамъ, съ потолками безъ насыпки, съ неподсыпаннымъ одиночнымъ поломъ, приподнятымъ аршина $1^1/_2$ надъ землей и незащищеннымъ фундаментомъ, домъ этотъ очень забавлялъ и изумлялъ меня, жителя щигров-

скихъ снѣговъ и курскихъ морозовъ, привыкшаго видѣть помѣщичьи дома,—закупоренные какъ бочки съ керосиномъ, законопаченные, заштукатуренные, обшелеванные, обмазанные и засыпанные сверху и снизу, съ двойными потолками, двойными полами, двойными дверями, съ множествомъ огромныхъ печей, топящихся по два раза въ день.

Эти щели чуть не въ палецъ, свободно пропускающія веселый свѣтъ солнца и сквозь стѣны, и сквозь полъ, невольно радуютъ мое запуганное сѣверное сердце и убѣдительно говорятъ ему, что не вездѣ же на свѣтѣ медвѣжья берлога, что есть же и у насъ, на Руси, счастливые уголки, гдѣ не страшна зима, гдѣ январскій воздухъ не кажется смертельнымъ врагомъ, отъ котораго стынетъ душа и тѣло, и которому нельзя позволять просунуть въ жилище человѣка даже своего носа.

Длинная тѣнистая галерея, обнесенная кругомъ деревянными рундуками, составляетъ обычную гостиную грузинскаго дома, въ которой проводятъ гораздо больше времени, чѣмъ внутри его. Впрочемъ, въ расположеніи и убранствѣ дома князя М... уже не замѣтно ничего мѣстнаго, грузинскаго, и онъ совершенно походитъ въ этомъ отношеніи на наши русскіе дома.

* *
*

Вдова-княгиня, мать князя В..., его дядя и молодая кузина не говорятъ ни слова по-русски, и я долженъ былъ отвѣчать на ихъ любезныя привѣтствія и гостепріимныя приглашенія всякаго рода черезъ молодаго князя, ставшаго поневолѣ моимъ толмачемъ.

Тѣмъ не менѣе, мы бесѣдовали другъ съ другомъ за чаемъ и за ужиномъ, которымъ меня накормили хлѣбосольные хозяева. Тутъ я въ первый разъ хорошо ознакомился съ особенностями грузинской кухни, которую потомъ мнѣ пришлось изучать очень часто.

Очень крутая каша изъ «гоми», совершенно напоминающая нашу пшенную кашу, безъ соли, ставится передъ каждымъ, взамѣнъ хлѣба, и ею, какъ хлѣбомъ, заѣдаютъ всякое кушанье. На приборъ каждаго кладутся кромѣ того огромные и тонкіе блины изъ суховатаго тѣста безъ масла, которые можно свертывать и рвать какъ бумагу. Это «ловаши». Они служатъ грузину заразъ и тарелкою, и салфеткою, и хлѣбомъ. Простые грузины въ нихъ завертываютъ, на нихъ кладутъ и подаютъ разное мясо, ими же утираются или заѣдаютъ пищу. Вообще хлѣбъ играетъ большую роль въ столѣ грузина. Нашего обыкновеннаго хлѣба у нихъ нѣтъ, ни чернаго, ни бѣлаго. Но за то есть множество сортовъ своего особаго хлѣба, который всегда подается въ большомъ изобиліи. Кромѣ «гоми» и «ловашей», у нихъ есть, напримѣръ, еще «ходжа - пури», родъ прѣсныхъ лепешекъ, съ сырнымъ припекомъ, есть «чади», тоже родъ лепешекъ изъ кукурузной муки, превосходнаго вкуса, пока онѣ теплы и мягки.

Мѣстный соленый сыръ (квели) также имѣетъ важное значеніе въ столѣ грузина, который заѣдаетъ имъ всякую всячину, но особенно вино. Остальное кушанье почти исключительно состоитъ изъ разнаго рода мясъ, жареныхъ, вареныхъ, маринованныхъ. Грузинскій столъ вообще неизысканъ, деревенски простъ, но обиленъ и сытенъ.

Впрочемъ главное украшеніе и центръ тяжести всякаго грузинскаго обѣда—это не ѣда, а питье. Вино—свое, и самый небогатый человѣкъ пьетъ и льетъ его кувшинами, какъ мы, жители русской деревни, пьемъ свой квасъ. Несмотря на то, что мы ужинали совершенно одни, любезные хозяева по грузинскому обычаю провозгласили нѣсколько тостовъ за меня и моихъ родныхъ, и мы порядочно таки выпили на сонъ

грядущій вкуснаго и неособенно легкаго мѣстнато вина.

* * *

Утро я хотѣлъ посвятить на осмотръ имеретинскаго хозяйства, и поэтому отправился съ своимъ обязательнымъ хозяиномъ пошляться по Кулашамъ.

Меня сразу поразила сравнительная простота, пустота и безжизненность здѣшняго помѣщичьяго хозяйства. Экономій, въ нашемъ русскомъ смыслѣ, съ разнаго рода постройками и заведеніями, со всевозможнымъ, дорого стоющимъ инвентаремъ, со множествомъ должностныхъ и рабочихъ людей всякаго сорта, тутъ и помину нѣтъ.

Здѣшнее дворянство большею частію не имѣетъ ни возможности, ни охоты серьезно заниматься хозяйствомъ. Состоянія всѣхъ расшатаны страшно, всѣ въ неоплатныхъ долгахъ, ни у кого почти нѣтъ свободнаго оборотнаго капитала для необходимыхъ затратъ; а хозяйственныхъ, техническихъ или коммерческихъ знаній еще меньше у всѣхъ, чѣмъ денегъ. Поэтому грузинское дворянство въ большинствѣ своемъ вовсе не хозяйчаетъ, даже не пытается хозяйничать, а просто живетъ на доходы своихъ имѣній, стараясь какъ можно менѣе тратить на поддержку имѣнія и оплачивать даже необходимый рабочій трудъ не деньгами, а самыми продуктами хозяйства.

Поэтому безмятежный сонъ и трогательное спокойствіе, слишкомъ непривычные и потому отрадные, какъ всякій идеалъ, для русскаго хозяйственнаго глаза, царствуетъ въ усадьбахъ кулашскихъ помѣщиковъ.

Тутъ не увидите ни конныхъ заводовъ съ длинными конюшнями, ни скотныхъ дворовъ, ни хлѣбныхъ магазиновъ, ни сараевъ съ земледѣльческими орудіями, ни артелей пахарей, выѣзжающихъ на вы-

кормленныхъ экономическихъ лошадяхъ съ плугами, сѣялками и запашниками.

Около дома кухонька безъ трубы, съ очагомъ посрединѣ, гдѣ въ одно и то-же время готовятъ себѣ кушанье господа и ихъ прислуга, да маленькія клѣтушки для хлѣба и птицъ, — вотъ и вся усадьба дворянина средней руки. Скотъ загоняется прямо въ лѣсахъ и горахъ. За дворомъ, оттѣненнымъ рѣдкими большими деревьями, обыкновенно тянутся кукурузники и виноградники, содержимые почти первобытно, съ разсѣянными среди нихъ плодовыми деревьями. Однѣ только усадьбы обрабатываются наймомъ; поля же отдаются крестьянамъ изъ-полу, даже на крестьянскихъ сѣменахъ, чтобы избѣгнуть всякихъ хлопотъ и расхода. Сѣютъ почти исключительно яровые хлѣба, кукурузу и гоми (кавказское просо), рѣже—пшеницу.

Рабочихъ достать почти нельзя, вслѣдствіе крайне высокихъ цѣнъ и большаго нежеланія имеретинскихъ крестьянъ наниматься на работу чужаго поля, вмѣсто своего собственнаго. Обыкновенному годовому работтнику, вмѣсто 45 и 50 р., за которые онъ живетъ въ средней Россіи, здѣсь платятъ 120 и 150 р. въ годъ, но и то онъ работаетъ спустя рукава, а требователенъ втрое больше русскаго. Впрочемъ, и такихъ трудно найти.

Жалко ходить по цѣлымъ лѣсамъ черешень, тутовыхъ и фиговыхъ деревъ, орѣховъ разнаго рода, оплетенныхъ вездѣ виноградомъ, принадлежащимъ помѣщикамъ и совершенно никѣмъ неохраняемымъ. Не только всякій идетъ туда нарвать себѣ плодовъ зрѣлыхъ и незрѣлыхъ, но прохожіе и проѣзжіе безжалостно ломаютъ цѣлыя вѣтви съ плодами, а когда понадобится—губятъ и цѣлыя деревья. Свиньи табунами роются въ густой травѣ этихъ лѣсковъ, пожирая массами опадающія спѣлыя ягоды и орѣхи. Хо-

зяйки грузинскія въ этомъ отношеніи мало домовиты, рѣдко что запасаютъ въ-прокъ, рѣдко когда варятъ, сушатъ или солятъ ягоды, а пользуются ими, пока онѣ на деревѣ.

Вообще хозяйство грузинскаго дворянства производитъ впечатлѣніе поразительнаго безсилія и дремоты. Оно должно или вовсе замереть въ непробудномъ снѣ, или энергически стряхнуть съ себя средневѣковыя отношенія къ землѣ и труду, вооружить способную грузинскую молодежь реальными знаніями, путемъ дѣятельнаго образованія, создать капиталы для хозяйственныхъ учрежденій, обществъ, фермъ, складовъ и проч. Иначе грузинскому дворянству въ самомъ скоромъ времени грозитъ всеобщее экономическое крушеніе, съ которымъ, разумѣется, тѣсно связано и общественное значеніе ихъ въ своей странѣ. Участь испанскихъ гидальго, въ дырявыхъ плащахъ подъ рыцарскими гербами, не особенно соблазнительна и должна, кажется, образумить самыхъ безпечныхъ и самыхъ легкомысленныхъ.

Два года тому назадъ, помнится, грузинское дворянство все цѣликомъ обращалось чрезъ намѣстника съ всеподданнѣйшею просьбою къ государю императору о сложеніи съ дворянства громадныхъ недоимокъ старыхъ лѣтъ. Не знаю, могла-ли быть удовлетворена эта просьба, мотивированная тѣмъ, будто обстоятельства дѣлаютъ Закавказье театромъ постоянныхъ войнъ, разорительныхъ для дворянства и не дозволяющихъ возникнуть въ Грузіи прочному хозяйственному строю.

Но, во всякомъ случаѣ, подобныя экстренныя мѣры не избавятъ край отъ неминуемо грозящей ему судьбы, если грузинскіе помѣщики будутъ искать причинъ своего повальнаго экономическаго упадка внѣ себя самихъ. Война войною, и въ отговоркахъ этихъ есть

своя доля правды. Но было бы натяжкою утверждать, что война уже такъ часто посѣщаетъ Кавказъ въ последніе годы. Война дѣйствуетъ вообще разорительно на все государство, но специально на Грузію она могла бы гибельно дѣйствовать только въ случаѣ оборонительной войны, при частыхъ вторженіяхъ непріятеля, чего, къ счастію, мы уже давно не запомнимъ. Напротивъ того, сосредоточеніе нашихъ собственныхъ войскъ въ закавказскихъ провинціяхъ должно было бы служить одною изъ могучихъ причинъ процвѣтанія края, такъ какъ десятки милліоновъ рублей, издержанныхъ на армію и арміею, большею частію поневолѣ остаются въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ стоитъ войско. Мѣстные жители получаютъ столько случаевъ сбывать возвышенною цѣною всевозможные продукты своего хозяйства, промысловъ и торговли, служить войску своими перевозочными средствами, вообще имѣть при немъ заработки всякаго рода, что можно положительно ожидать сильнѣйшаго обѣднѣнія Закавказскаго края по уходѣ изъ него войскъ.

Мы уже не говоримъ о томъ, что потребности войны и войска создали множество удобныхъ путей сообщенія и много новыхъ центровъ торговли и промышленности, которыхъ Закавказье не видало бы при другихъ условіяхъ.

Война вліяетъ вредно на хозяйство Грузіи совсѣмъ другою, нравственною стороною своею. Она помогаетъ старому рыцарству Грузіи пребывать въ старыхъ рыцарскихъ преданіяхъ, вкусахъ и обычаяхъ. Она сталкиваетъ его слишкомъ часто съ Азіей, воспитываетъ его слишкомъ долго мечемъ и копьемъ и поневолѣ заслоняетъ отъ него Европу, дѣлаетъ его чуждыми ея мирныхъ идеаловъ промышленнаго труда и высокой образованности.

До сихъ поръ идеалъ наѣздника и воина крѣпко

сидитъ въ головѣ и сердцѣ каждаго грузина, какой бы университетъ ни прошелъ онъ, какимъ бы спеціальностямъ ни посвятилъ себя. Я крѣпко убѣдился въ этомъ во время своихъ поѣздокъ по деревнямъ и городамъ Закавказья.

Кажется, съ вами бесѣдуетъ человѣкъ вполнѣ европейскаго воспитанія и понятій, самой миролюбивой и даже педантической профессіи, безупречно либеральный и прогрессивный, говорящій цивилизованнымъ языкомъ литературы, одѣтый въ фасоны Петербурга и Одессы. Вы совершенно забываете съ нимъ, что вы въ Азіи, что передъ вами кавказецъ; но вдругъ застучали стаканы, зазвенѣла зурна, раздалась плачущая, плакать заставляющая наивная грузинская пѣсня,—и какъ чудомъ какимъ перерождается мнимый европеецъ. Черные азіатскіе глаза вспыхиваютъ удалымъ огнемъ, трезвыя книжныя фразы внезапно замѣняются радостнымъ гиканьемъ дикаря—и вы уже видите его вполнѣ своимъ, такимъ же, какъ они, съ полнымъ азарпештомъ въ рукѣ, за веселою попойкою, за дружною пѣснью, носящимся въ лезгинкѣ, скачущимъ на конѣ въ отчаянной джигитовкѣ.

Таковы, мнѣ кажется, всѣ грузины, отъ помѣщика и воина до судьи, учителя, попа, чуть не до самыхъ архипастырей ихъ.

И, знаете-ли, я долженъ покаяться, что меня лично очаровывала эта искренняя впечатлительность и порывистость грузинскаго характера. Въ немъ столько молодости и свѣжести жизни, къ сожалѣнію, давно забытыхъ трезвыми, возмужалыми обществами Европы. Конечно, грузинское веселье всегда очень близко граничитъ съ ссорою, и дружескій стаканъ вина у нихъ очень скоро замѣняется ударами кинжала.

Но все-таки, сами по себѣ, безпечная удаль и веселая общительность необыкновенно располагаютъ къ

нимъ человѣка, привыкшаго у себя дома видѣть столько скуки, сдержанности и натянутости.

И однако, тѣмъ не менѣе, несмотря на трогательныя поэтическія воззванія Альфонса Доде, le chaperon rouge, цыганствующее начало жизни, вездѣ вынуждено слагать свою бродячую арфу передъ прозаически-суровою прялкою хлопотливой хозяйки. Вездѣ въ мірѣ скопидомъ-муравей баснописца получаетъ право съ презрительною ироніею отворачиваться отъ легкомысленной, веселой стрекозы и самодовольно уносить свое сытое брюшко въ свой тепло насиженный домъ, оставляя на морозѣ голодную жрицу танцевъ и пѣсенъ. Этотъ жребій крыловской стрекозы несомнѣнно виситъ и надъ хозяйственнымъ будущимъ грузинскаго дворянства, какъ-бы ни были симпатичны намъ его душевныя свойства.

VII

Крестьянское хозяйство имеретина

ЗА то какая разница хозяйство имеретинскаго крестьянина! Не нужно ѣздить ни въ какую Голландію, ни въ какую Швейцарію. Наше мелкопомѣстное дворянство среднихъ губерній живетъ гораздо менѣе удобно и домовито, чѣмъ здѣшній крестьянинъ.

Имеретія — это земной рай для мелкихъ собственниковъ, которые могутъ сами обрабатывать свое поле. Могу сказать смѣло, что нигдѣ въ Россіи я не видѣлъ такого сплошнаго благосостоянія, какъ среди крестьянскаго населенія ріонской равнины, даже среди бывшихъ временно-обязанныхъ крестьянъ имеретинскихъ князей. Далѣе, къ горамъ, говорятъ, они живутъ еще лучше, еще зажиточнѣе.

Огромное преимущество здѣшняго крестьянства въ томъ, что оно поселено цѣлыми рядами отдѣльныхъ хуторковъ, совершенно разобщенныхъ отъ сосѣдей садами и огородами. Отъ воды дѣться некуда; почва не знаетъ утомленія; почти круглый годъ весна и лѣто, круглый годъ работай не спѣша; въ этомъ южномъ климатѣ земля и солнце родятъ вмѣсто овса и пеньки дорогіе плоды, душистое вино; небольшой клочекъ поля можетъ прокормить семью; топить почти не нужно, шубъ ненужно; расходы дома уменьшаются вдвое, втрое противъ русскаго мужика, которому нужны сани зимою, телега лѣтомъ, тулупъ и валенки, огромная печь, вѣчно пожирающая топливо, и большіе запасы желудочнаго топлива на ту-же зиму, уже не для избы, а для человѣка; у русскаго вся работа сбивается въ пять-шесть мѣсяцевъ и поневолѣ обращаетъ въ «страдную пору» единственные дни, въ которые ему можно свободно дышать и жить. Остальное время онъ замуравленъ въ медвѣжью берлогу, обреченный на невольное бездѣйствіе, на безплодное проѣданье своихъ лѣтнихъ заработковъ.

* * *

Отрадно войти во дворъ кулашскаго крестьянина средней руки, черезъ его заповѣдныя дѣдовскія ворота. Зеленымъ сукномъ стелется его обширный дворъ, среди котораго пріютились, подъ густою тѣнью громадныхъ орѣховъ, его домики и разныя хозяйственныя постройки. Тѣсный строй высокихъ, пирамидальныхъ тополей живописно обрамляетъ этотъ зеленый четырехугольникъ. Ровная алейка изъ чинаръ идетъ посрединѣ двора къ дому, заботливо обсаженная кругомъ тигровыми лилеями, ирисами и др. простыми цвѣтами.

Хозяинъ встрѣчаетъ насъ низкими поклонами, безъ шапки; въ другихъ мѣстахъ я не видалъ, чтобы гру-

зины кланялись съ такимъ подобострастіемъ. Но онъ—временно-обязанный, недавно бывшій крѣпостнымъ, а со мною его прежній господинъ. Вѣроятно, его положеніе требуетъ такой исключительной учтивости, невполнѣ согласной съ общими нравами народа.

Мы просимъ его показать намъ всѣ подробности крестьянскаго хозяйства и объясняемъ ему, что я гость издалека, никогда не видалъ Имеретіи и имеретинъ. Хозяинъ съ большою готовностію ведетъ насъ въ свой домъ и старается объяснить намъ все, чего мы не знаемъ. У него по здѣшнему обычаю два дома, одинъ въ родѣ кунацкой татаръ, для гостей и мужчинъ, другой—семейный.

Неизбѣжная галерейка впереди, съ очень низкими скамейками, устланными ковриками, и за нею большая комната, составляетъ собственно гостиную часть дома. Эта первая комната убрана съ тщательностью, мало напоминающею наши крестьянскія избы. Тутъ орѣховый шкафъ съ посудою, сдѣланный подъ лакъ, весьма акуратно уставленный бутылками, чашками, и висячій поставецъ и широкія «тахты» (диваны), покрытыя коврами и «мутаками» (круглые вальки въ цвѣтныхъ чехлахъ). Тахты для бесѣды, для гостей, а для хозяина особая широкая кровать. На стѣнахъ опрятно развѣшано разное платье, очень чистое и приличное, мѣдный бубенъ, четырехструнная гитара, сѣдла и всякая всячина. Ничего того, что составляетъ принадлежность грубаго домашняго хозяйства, а только все то, чѣмъ можно забавить и угостить себя и гостей, что нестыдно людямъ показать.

Въ этомъ парадномъ отдѣленіи имеретинскаго жилища помѣщается не только глава и хозяинъ дома, мужчина—вѣнецъ созданія, для котораго существуетъ и жена, и весь домъ, но и первый другъ его, первое сокровище всякаго истаго кавказца—верховой конь. Коня

имеретинъ помѣщаетъ всегда тамъ, гдѣ онъ спитъ самъ. Онъ бережетъ его, какъ зеницу ока, и не довѣритъ его ничьему чужому глазу, особенно ночью. Въ той-же гостиной комнатѣ, въ самомъ заду ея, сдѣлано возвышеніе съ яслями, и на этомъ-то возвышеніи пребываетъ всю зиму, какъ на престолѣ, лучшее украшеніе имеретинской гостиной. Сзади гостиной помѣщается въ домикѣ только давильня съ пресомъ для вина и громадными каменными кувшинами («чорами»).

Въ семейномъ домѣ тоже двѣ комнаты, но тамъ уже далеко нѣтъ того приличія и чистоты. Всевозможная хозяйственная и куконная посуда, деревянныя блюда, корыта, горшки, мотыки для кукурузы, рѣшета для шелковичнаго червя изъ толстаго камыша, еще съ сѣменами червей, коконами и только-что вылупившимися бабочками,—все это заваливаетъ переднюю комнату, гдѣ въ лавкахъ и тахтахъ спятъ женщины съ дѣтьми. За нею идетъ очень обширная задняя комната съ очагомъ посрединѣ, замѣняющая кухню и рабочую, служащая обычнымъ мѣстопребываніемъ всей семьи и близкихъ къ ней людей въ будніе дни. Очагъ совсѣмъ открытый, т. е. просто мѣсто на полу, выстланное камнемъ, на которомъ разводится огонь и надъ которымъ виситъ цѣпь съ котелкомъ. Даже въ крышѣ нѣтъ ни трубы, ни настоящаго отверстія, а только деревянная черепица ея слегка приподнята, чтобы пропускать дымъ. Тутъ тоже разныя орудія хозяйства, даже маленькій ручной жерновъ, на которомъ до сихъ поръ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Кавказа, женщины продолжаютъ молоть свой хлѣбъ. Впрочемъ, такіе жернова на моей памяти были еще у нашихъ курскихъ крестьянъ. Кромѣ жилыхъ домовъ у каждаго имеретинскаго крестьянина непремѣнно стоитъ на дворѣ, гдѣ-нибудь подъ тѣнью орѣха, высокая сушильня на столбахъ для «семенди», т. е. кукурузы, а подъ нею и около нея

прячутся арбы и разныя своеобразныя, почти первобытныя орудія имеретинскаго земледѣлія. Плуги и бороны живо напоминаютъ тѣ счастливыя времена, когда Церера проводила по землѣ свои первыя борозды, и трудно сомнѣваться, чтобы во дни Язона и Улиса обитатели Колхиды не пахали свою золотоносную почву этими самыми агрономическими изобрѣтеніями.

Тесовая «саманница» для мякины и соломы, также высоко отъ земли, подъ нею тесовый свинятникъ, да отдѣльная тесовая кладовая, вотъ и всѣ хозяйственныя строенія имеретина. Особыхъ амбаровъ и конюшень у него нѣтъ. За первымъ жилымъ дворомъ идетъ другой, такой-же зеленый и тѣнистый дворъ, обращенный частію въ садъ, частію въ огородъ; тутъ и табакъ, тутъ стручковый и гвоздичный перецъ, тутъ острогонъ (который имеретины называютъ «торхунъ»; немудрено, что наше простонародное названіе острогона «торгунъ» взято изъ Грузіи), падлажаны, пастернакъ, укропъ; тутъ любимая грузинами, по ихнему чрезвычайно пахучая, по моему чрезвычайно вонючая, травка, которую они подмѣшиваютъ въ кушанье и называютъ «кинзи», вообще всякія огородныя, почти исключительно душистыя травы.

Тутъ-же и пасѣка имеретина въ маленькихъ долбленыхъ деревянныхъ колодахъ, не стоячихъ, какъ наши ульи, а лежачихъ и складныхъ. Третій участокъ— это сплошная кукуруза, но и среди нея разбросаны во множествѣ плодовыя деревья. Гранаты, фиги, яблони, черешни, вишни, айва, персики какой-то гладкой породы, шелковица, орѣхи волошскіе и фундуки,—послѣднихъ особенное изобиліе.

Почти каждое дерево оплетено виноградомъ, который только кое-гдѣ поддержанъ тычками; хмѣль и ежевика добровольно присоединяютъ свои крѣпкія плети къ высящимся лозамъ винограда, такъ что иное дерево

представляетъ собою поразительную густоту и еще болѣе поразительное разнообразіе плодовъ.

За третьимъ садомъ — четвертый, нѣчто въ родѣ бахчи. Это участокъ самый низменный и влажный; между грядами его почти круглое лѣто держится вода. Тутъ арбузы, дыни, тыквы, огурцы, фасоль или, такъ называемая грузинами, «лобіа», самое обычное и самое любимое кушанье всего закавказскаго простонародья, какъ у насъ въ Россіи незамѣнимыя наши «картошки»; кромѣ того добрая половина участка засѣяна камышомъ, продуктомъ крайне нужнымъ для имеретина, потому что онъ дѣлаетъ изъ него крыши для своихъ хозяйственныхъ строеній.

Каждый изъ этихъ четырехъ садовъ окруженъ тѣсными рядами деревьевъ и рвами. Всего въ усадьбѣ кулашскаго крестьянина средней руки 10 «кцевовъ», а «кцева» можетъ считаться приблизительно за нашъ осьминникъ, т. е. $^1/_3$ десятины; здѣсь еще мѣрятъ землю первобытнымъ способомъ, т. е. присаживаясь къ землѣ и обхватывая въ обѣ стороны руками, откуда собственно и произошло въ древности названіе «сажень», какъ л о к о т ь произошелъ отъ мѣры черезъ согнутую руку, п я д ь—отъ распяленной ладони, футъ (нѣмецкое Fuss, англійское foot) отъ длины ступни, в е р ш о к ъ— отъ верхняго сустава пальца, и т. п.

Весь земельный надѣлъ такого крестьянина равняется 23 кцевамъ, т. е. $7^1/_2$ дес., слѣдовательно немного болѣе того, что получилъ нашъ черноземный крестьянинъ на тягло (2 души, т. е. $5^1/_2$—6 дес.).

Счастливымъ условіемъ для здѣшнихъ крестьянъ было то обстоятельство, что они удержали у себя весь земельный надѣлъ, которымъ пользовались при крѣпостномъ состояніи; а такъ какъ историческія обстоятельства заставляли грузинское дворянство воспитывать въ себѣ болѣе воинственные, чѣмъ хозяйственные вкусы, то

естественно, что они не жалѣя отдавали землю въ пользованіе своимъ крѣпостнымъ, увеличивая за то оброки и послуги разнаго рода.

Впрочемъ и у самихъ имеретинскихъ дворянъ осталось достаточно земель, если судить по тому, что, напримѣръ, для участія въ дворянскихъ выборахъ въ Кутаисской губерніи требуется цензъ въ 1,500 кцевовъ или 500 дес. земли, между тѣмъ какъ въ большинствѣ губерній средней земледѣльческой Россіи цензъ этотъ равняется 200 дес., да и то возбуждаетъ жалобы.

Здѣшній крестьянинъ платитъ своему бывшему помѣщику 3 р. въ годъ за дворъ, т. е. усадьбу, 4 р. за лѣсъ, участокъ котораго непремѣнно принадлежитъ каждому крестьянину, а съ поля платитъ ему натурою—$^{1}/_{4}$ урожая. О недоимкахъ оброка здѣсь даже и не говорятъ, ихъ не бываетъ.

Этого иначе и быть не могло при такомъ благосостояніи крестьянъ. Они сами сознаютъ, что бытъ ихъ чрезвычайно улучшился послѣ освобожденія. Однако мнѣ они прямо говорили, что дѣло пошло бы еще гораздо лучше, если-бы они были увѣрены, что земля, которую они обработываютъ, дѣйствительно будетъ ихъ, а не помѣщичья. Хотя многіе уже выкупили свои надѣлы, но всетаки большинство остается въ обязательныхъ отношеніяхъ къ дворянству. Хозяйство имеретинскаго земледѣльца—это такая полная чаша, о которой нашему русскому хозяину и во снѣ не снится. Уже одно разнообразіе плодовъ и овощей, которые онъ воздѣлываетъ, показываетъ ясно, что онъ позволяетъ себѣ думать не объ одномъ насыщеніи чрева чѣмъ попало, но и о нѣкоторыхъ тонкостяхъ жизни.

Здѣшніе крестьяне увѣряли меня, что они не продаютъ ничего изъ садовъ и огородовъ своихъ, ни винограда, ни вина, ни меду, ни овощей. Все это они держатъ исключительно для себя. Продается только одна

кукуруза. Но за то ничего почти и не покупается. Закопавъ въ землю нѣсколько большихъ кувшиновъ вина, насушивъ любимыхъ плодовъ и травъ, набивъ кукурузою свою вышку, имеретинъ весело можетъ встрѣчать зиму и не нуждается искать дополнительныхъ заработковъ гдѣ-нибудь на сторонѣ. Удивительный климатъ и удивительная почва сторицею вознаграждаютъ его трудъ. Все растетъ и наливается по часамъ. Тополи, только-что посаженные прошлою весною тонкими лозочками, стоятъ уже въ руку толщины, сажени 4 въ вышину, и все такъ. Орѣхъ, которому всего 40 лѣтъ, закрываетъ своими громадными суками цѣлую площадь и кажется 300-лѣтнимъ.

Имеретинскія женщины также не остаются безъ дѣла въ крестьянскомъ хозяйствѣ; онѣ раздѣляютъ труды мужчинъ по огороду и саду, выводятъ и разматываютъ шелковичные коконы и не только готовятъ шелкъ-сырецъ, но еще ткутъ изъ него очень плотныя, хотя и грубоватыя ткани, совершенно напоминающія извѣстную китайскую «чу-се-чу», за которую, вѣроятно, и сбываются часто на разныхъ нижегородскихъ, полтавскихъ и крещенскихъ ярмаркахъ.

Послѣднее время аршинъ такой шелковой ткани стоилъ на деревенскихъ базарахъ копѣекъ 60, а въ Тифлисѣ до одного рубля. Вообще всѣ здѣшніе крестьяне безъ исключенія занимаются шелководствомъ; нѣсколько лѣтъ тому назадъ во время полнаго неурожая хлопка въ Сѣверной Америкѣ, всѣ бросились даже на воздѣлываніе хлопка и заработали на немъ изрядно. Къ сожалѣнію, послѣ того цѣны сильно упали, занятіе хлопкомъ оказалось невыгоднымъ и прекратилось совершенно.

* * *

Когда мы осмотрѣли все хозяйство одного изъ домовитыхъ кулашскихъ крестьянъ, онъ пригласилъ насъ

сдѣлать ему честь отвѣдать его хлѣба-соли. Быстро появился на галерейкѣ низенькій столикъ, а немъ «пури» (лепешки), медъ, огурцы, зеленая «алыча» (очень вкусная кавказская слива) и бутылка молодаго домашняго вина.

Мы выпили этого слабаго и кисловатаго напитка, пожелавъ благополучія хозяину и дому его. Онъ отвѣтилъ намъ по восточному обычаю, конечно, по-имеретински, что необыкновенно счастливъ видѣть подъ кровлею своею такого далекаго и рѣдкаго гостя, какъ русскій господинъ изъ Москвы.

Я не остался въ долгу и просилъ своего спутника увѣрить нашего колхидскаго Авраама, что, сколько я ни странствовалъ по разнымъ землямъ, нигдѣ не находилъ такого благосостоянія и гостепріимства.

Съ низкими поклонами благодарилъ и провожалъ насъ довольный хозяинъ не только на улицу, но и до самаго дома князя.

* * *

Среди многихъ непріятныхъ впечатлѣній, которыя приходится мнѣ здѣсь испытывать по поводу разныхъ грѣховъ нашего владычества на Кавказѣ, я съ глубокою радостью и съ чувствомъ гордости убѣдился, что мы, русскіе, все-таки принесли Грузіи великое и ничѣмъ незамѣнимое добро: мы спасли ея будущее и дали ей возможность сдѣлаться, наконецъ, истинно-европейскою страною, освободивъ въ 60-хъ годахъ ея крѣпостныхъ крестьянъ.

Этого никогда не должна забыть Грузія. Крѣпостное право было укоренено въ Грузіи сильнѣе, чѣмъ въ какомъ-нибудь другомъ государствѣ, и, по особеннымъ обстоятельствамъ, Грузіи должно было чувствоваться особенно тяжело. Странно было бы видѣть безъ рабства эту маленькую страну, на которую въ теченіе цѣлыхъ столѣтій могучіе мусульманскіе сосѣди ея, турки

персы и хищные кавказскіе горцы, — глядѣли какъ на «оленій паркъ» Людовика XV своего рода, воспитывавшій красавицъ дѣвъ и красавцевъ юношей для ихъ гаремовъ. Никакое колхидское золото не привлекало къ себѣ столькихъ жадныхъ завоевателей, какъ необыкновенная красота грузинскаго племени. Эта красота стала несчастіемъ и проклятіемъ Грузіи, она исторически развратила ее. Грузинскія страны Закавказья почти постоянно платили огромную дань туркамъ и персамъ молодыми невольниками и невольницами. Лезгины и черкесы собирали эту дань оружіемъ. Идея невольничества естественно проникла весь общественный духъ грузинъ и стала чѣмъ-то до такой степени обычнымъ и простымъ въ грузинскихъ странахъ, что перестала возмущать нравственное чувство даже лучшихъ людей ихъ.

Торговля невольниками, начавшаяся еще во времена грековъ и римлянъ, сдѣлалась одною изъ основныхъ и любимѣйшихъ промышленностей грузинскаго племени. Князья брали въ плѣнъ сосѣдей и проѣзжихъ и продавали ихъ. Безчисленныя междоусобныя войны обращались черезъ это въ выгодныя торговыя предпріятія. Пристани древней Колхиды и всего кавказскаго побережья пріобрѣли славу главныхъ невольничьихъ рынковъ Европы. Особенно Мингрелія работала и зарабатывала много на этомъ дѣлѣ, пользуясь своимъ приморскимъ положеніемъ. Эта старая привычка работорговли держалась въ Грузіи до самаго присоединенія къ Россіи, и въ XVIII вѣкѣ свирѣпствовала почти такъ же, какъ и въ средніе вѣка.

Вотъ, напримѣръ, отрывокъ изъ одного историческаго документа, занесеннаго въ первый томъ актовъ кавказской археографической комиссіи, клятвеннаго условія нѣкоторыхъ карталинцевъ, даннаго ими въ 1747 году по требованію грузинскаго католикоса: «Сіе условное

письмо поднесли мы, Авали-швили Петръ, Ростома-швили Заалъ, нашъ дворянинъ, и другіе, всѣ вообще наши подданные дворяне и крестьяне, вамъ, нашему государю, грузинскому католикосу-патріарху, царевичу господину Антонію въ томъ, что въ нашемъ домѣ и владѣніи и между нашими крестьянами было много зловредныхъ и лукавыхъ дѣлъ: *плѣнопродавство*, убійства, грабежи, прелюбодѣянія и много законопреступныхъ дѣяній. Вы, какъ жертвующій собою за вашъ народъ, пожаловали въ нашъ домъ и по долгу вашего званія приказали намъ, научили и наставили. И мы сіе условіе доложили и сдѣлали обѣтъ передъ Богомъ и святою небо-подобною соборною церковью,—отнынѣ впредь *не вмѣшиваться ни въ продажу плѣнныхъ*, ни въ убійства, и какія были между нами злодѣйства, дурныя привычки и богопротивныя дѣла, отъ всего отстать и пресѣчь, буде же отнынѣ впредь освѣдомитесь, что преступимъ вашу заповѣдь, то вы, не отвѣчая предъ Богомъ, взыщите съ насъ такъ, какъ съ злодѣевъ и разбойниковъ: духовно осудите насъ вы, а тѣлесно передайте царямъ, и пусть наша кровь послужитъ законнымъ удовлетвореніемъ. *Какъ знать, быть можетъ для государства потребуютъ плѣнниковъ*, но и въ такомъ случаѣ докладывать вамъ, а равно извѣщать, *если кто будетъ заниматься въ нашемъ владѣніи плѣнопродавствомъ, стараться поймать какъ самого плѣнника, такъ и продавца*, и доставить ихъ къ вамъ» и такъ далѣе.

Страна, привыкшая въ теченіе вѣковъ промышлять плѣномъ, продажею людей, разумѣется, не могла и сама обойтись безъ учрежденія невольничества. Не только дворянинъ и князь имѣли своихъ крѣпостныхъ, но даже крѣпостной и крѣпостной крѣпостнаго могъ имѣть своего раба или купленнаго человѣка (*мона*). Были также и дворяне въ крѣпостной зависимости своего

рода отъ князей,—до такой степени все снизу и доверху сжилось съ идеею насилія и зависимости. Вѣчная воинственная жизнь грузинскаго дворянства дѣлала его естественнымъ защитникомъ и покровителемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и господиномъ трудящихся классовъ. Надъ знатнымъ дворяниномъ не могло быть суда и закона; рыцарское дворянство Грузіи было сильнѣе ея царей. а дѣло внѣшней защиты государства отодвигало на задній планъ всѣ другіе интересы. Поэтому только немногіе грузинскіе цари пытались дѣлать нѣкоторыя робкія попытки обуздать хотя сколько-нибудь своеволіе дворянъ надъ послѣдними.

Въ извѣстныхъ законахъ царя Вахтанга, составленныхъ въ началѣ XVIII столѣтія, не находится почти ни одного распоряженія, существеннымъ образомъ ограничивающаго произволъ владѣльцевъ. Въ древнѣйшихъ законахъ и того менѣе.

«Кто убьетъ или изувѣчитъ своего крестьянина за какое-либо преступленіе, *тотъ заслуживаетъ гнѣва царя и католикоса*, ибо никто не имѣетъ права казнить своего крестьянина безъ царя», говоритъ 25-я статья законовъ царя Вахтанга, причемъ прибавляетъ: «впрочемъ, если-бы господинъ и подлинно казнилъ или изувѣчилъ своего крестьянина, то сей послѣдній и наслѣдники *его не вправѣ требовать отъ него удовлетворенія*».

Правда, семья убитаго получала черезъ это право на свободу, но это право почти всегда оставалось мертвою буквою, такъ какъ другихъ судей, кромѣ князей-помѣщиковъ, не существовало почти нигдѣ; за кровь крестьянина законъ взыскивалъ въ 15 разъ дешевле, чѣмъ за кровь знатнаго князя.

Помѣщикъ былъ полный господинъ личности, чести и имущества своего крестьянина. Любую дѣвушку онъ свободно бралъ себѣ въ прислугу и въ наложницы, продавалъ враздробь членовъ семьи въ разныя страны

и разнымъ господамъ. И хотя относительно барщины и оброковъ существовали обычаи, по которымъ крестьянинъ долженъ былъ работать на помѣщика только отъ 10 до 50 дней въ году и отдавать ему не болѣе $^1/_4$ части жатвы и всякихъ плодовъ, однако существовали подати подъ другими заглавіями, всегда предоставлявшія помѣщику возможность обобрать до нитки своего крестьянина.

Таковы были, напримѣръ, страшныя своею неопредѣленностію, обязанности крестьянъ оказывать пособіе помѣщику въ уплатѣ его долговъ и при покупкѣ имѣнія, въ разныхъ чрезвычайныхъ случаяхъ его жизни, какъ, напримѣръ, при женитьбѣ, похоронахъ и проч.; кромѣ того, крѣпостные обязаны были содержать помѣщика съ его семействомъ и свитою, насколько бы времени ни заѣхалъ онъ къ нимъ.

Духовенство не могло существенно смягчить зла, потому что въ Грузіи духовные были родственники тѣхъ-же дворянъ и, какъ они, владѣли крестьянами.

Царская власть всецѣло зависѣла отъ дворянства. Провинція за провинціей отходила отъ грузинскихъ царей; они все болѣе и болѣе нуждались въ доброхотныхъ подаяніяхъ дворянства, а дворянству неоткуда было извлекать этого пособія, кромѣ какъ изъ имущества крѣпостныхъ.

Пользуясь совершеннымъ отсутствіемъ паспортовъ и полицейской власти, крестьяне, тѣснимые помѣщиками или налогами, тысячами бѣжали и переселялись въ другія мѣстности. Безконечныя войны и дробленіе наслѣдствъ разоряли дворянъ, а роскошь и праздность ихъ не уменьшалась, но увеличивалась; то, что прежде ложилось на плечи цѣлыхъ многолюдныхъ селеній, теперь ложилось на немногіе, оставшіеся у нихъ дворы.

Изъ нихъ помѣщикъ набиралъ свою прислугу, ихъ доходами онъ оплачивалъ свои попойки и свои походы.

Черезъ это положеніе крѣпостныхъ Грузіи, ко времени присоединенія ея къ Россіи, сдѣлалось невыносимымъ.

Было много владѣльцевъ, имѣвшихъ сообща всего нѣсколько дымовъ крестьянъ, и даже встрѣчались случаи, когда 1 дымъ принадлежалъ нѣсколькимъ наслѣдникамъ.

Изъ интересной статьи г. Калантарова, помѣщенной въ «Сборникѣ свѣдѣній о Кавказѣ», т. II, видно, что въ собственной Грузіи, въ началѣ 60-хъ годовъ, 16,500 дымовъ крѣпостныхъ крестьянъ были распредѣлены между 3,242 помѣщиками, т. е. среднимъ числомъ приходилось на каждаго помѣщика 5 дымовъ, изъ нихъ 869 человѣкъ имѣли менѣе чѣмъ по 4 дыма.

* * *

Государство, при такомъ общественномъ и экономическомъ положеніи, двигалось къ гибели быстрыми шагами. Крестьянинъ не былъ заинтересованъ ни въ развитіи своего благосостоянія, которое ежедневно могло быть уничтожено по прихоти его владѣльца, ни въ защитѣ государства, гдѣ онъ не находилъ для самого себя ни свободы, ни правосудія, ни обезпеченія.

Правда, многія условія на дѣлѣ смягчали и значительно видоизмѣняли безусловное юридическое безправіе крѣпостныхъ. Грузинское дворянство, по нравамъ, образу жизни и образованію своему, было очень близко къ крестьянству, невольно поэтому становилось къ нему въ нѣсколько родственныя, патріархальныя отношенія и старалось, во многихъ случаяхъ, оберегать имущество и личность крестьянина, какъ своего домочадца.

Съ другой стороны, грузинскій крестьянинъ никогда не переставалъ быть человѣкомъ оружія и никогда не убивалъ въ себѣ вполнѣ чувства своего достоинства. Кровавая расправа съ помѣщикомъ за ос-

корбленіе и притѣсненіе составляла въ Грузіи обычное явленіе, и безмолвная угроза ея сдерживала произволъ дворянства гораздо дѣйствительнѣе, чѣмъ увѣщанія католикоса и безсильные законы царя.

Народъ, привыкшій носить оружіе, никогда не можетъ совершенно обратиться въ смиреннаго раба.

И это чувство внутренней независимости человѣка было тѣмъ рѣзче и замѣтнѣе, чѣмъ ближе къ вольнымъ горамъ, чѣмъ дальше отъ государственнаго центра были провинціи Грузіи. Съ полудикимъ сванетомъ и самурзаканцемъ уже нельзя было обращаться, какъ съ мингрельцемъ, а мингрелецъ и имеретинъ, въ свою очередь, по чувству свободолюбія, стояли далеко выше приниженныхъ и угнетенныхъ карталинцевъ.

Но, не смотря на всѣ эти облегчающія условія, крѣпостная неволя дѣлала невозможною дальнѣйшую экономическую жизнь страны. Обѣднѣли не только крестьяне, но и дворяне и сами цари грузинскіе.

Нація пришла къ стѣнѣ, у которой волею-неволею нужно было остановиться.

Эту стѣну могло опрокинуть только великое слово 19-го февраля.

VIII

Кулашскій кланъ

КУЛАШИ—это дворянскій кланъ своего рода, подобный кланамъ горной Шотландіи.

Кулаши населены сплошь древнею фамиліей князей Микеладзе и ихъ бывшими крѣпостными людьми. Многіе изъ Микеладзе удержали за собою титулъ тавадовъ, т. е. князей, другіе не могли доказать своего

княжества и теперь считаются дворянами. Насколько древенъ этотъ родъ—можно судить по тому, что недавно въ окружной судъ былъ представленъ документъ о подаркѣ имѣнія родомъ Микеладзе 800 лѣтъ тому назадъ, какъ увѣрилъ меня одинъ изъ князей Микеладзе. Сами Микеладзе полагаютъ, что родъ ихъ существуетъ не менѣе 1000 лѣтъ. Теперь ихъ нѣсколько сотъ человѣкъ въ Кулашахъ. Понятно, что, размножившись до такой степени, они значительно обѣднѣли. Многіе изъ нихъ обратились въ мелкопомѣстныхъ дворянъ и ведутъ самую скромную жизнь, но нѣкоторыя отрасли еще богаты и пользуются значеніемъ. Такъ, князь А. Микеладзе, домъ котораго я посѣтилъ потомъ, былъ недавно губернскимъ предводителемъ кутаисскаго дворянства, удостоивался чести принимать у себя покойнаго государя, и вообще считается какъ-бы представителемъ всего рода и однимъ изъ вліятельнѣйшихъ людей своего края.

* * *

Къ обѣду собрались въ домѣ князя родные и сосѣди.

Пріѣхала княгиня М., кузина хозяина, красивая женщина, съ юною хорошенькою дочкою Като, все цвѣтущее личико которой, казалось, было поглощено ея необыкновенно большими и необыкновенно черными глазами яркой, сверкающей свѣжести.

Она была совсѣмъ ребенокъ, всего 13 лѣтъ, а ужъ смотрѣла 17-тилѣтнею.

Пріѣхалъ молодой князь С. въ живописномъ мѣстномъ нарядѣ конвоя Его Величества, ловкій и милый.

Юноша—совершенно подъ-пару молоденькой княжнѣ.

И много другихъ. Мужчины собрались особо, женщины тоже. Пошли разсказы, воспоминанія, смѣхъ и крикъ...

Обѣдъ былъ устроенъ въ самой парадной изъ всѣхъ столовыхъ—въ душистой зелени тѣнистаго и широкаго

двора, подъ шатрами дѣдовскихъ орѣховъ. Притащили туда цѣлые боченки вина, всякія жареныя и вареныя мяса, и всѣ обсѣли кругомъ безцеремонную деревенскую трапезу. Простота и добродушная веселость грузинской пирушки отрадно дѣйствуетъ послѣ натянутости и скуки нашихъ собственныхъ общественныхъ собраній. Мы, русскіе образованные люди, дѣйствительно стали какъ-то очень скучны и какъ-то черезчуръ озабочены въ последнее двадцатилѣтіе нашей исторіи.

Наша старая дворянская веселость исчезла вмѣстѣ съ крѣпостнымъ правомъ, вмѣстѣ съ тою почвою безмятежнаго досуга и обезпеченнаго будущаго, которая казалась нашимъ отцамъ незыблемою, какъ гранитная скала. Конечно, мы многому учились, мы многому научились въ эти наши тяжелые Lehrjahre; конечно, мы даже сдѣлали за это время довольно много. Вообще говоря, мы пережили жестокій кризисъ и успѣли перевалить, хотя далеко неблагополучно, изъ своего періода общественной наивности въ періодъ суровой общественной сознательности. Такая важная стадія въ ростѣ народнаго организма не можетъ пройти безъ болѣзни и страданій. И мы дѣйствительно до сихъ поръ еще болѣемъ и страдаемъ; мы до сихъ поръ еще настроены слишкомъ мрачно и тяжко, потерявъ свой прежній безмятежный миръ и не приблизясь еще къ осуществленію своихъ грезъ счастливаго будущаго.

Однако, такъ или иначе, по той или другой причинѣ, изъ нашего образованнаго общества бѣжало веселье, спокойное и свѣтлое настроеніе духа, простодушная, незадумывающаяся общительность, чуждая подозрѣнія и заднихъ мыслей. Мы уже разучились смѣяться искренно и добро, мы потеряли и способность, и вкусъ проживать минуту удовольствія ради самой этой минуты, беззаботно отдаваться ей и вѣрить въ нее, ничтоже сумняшеся.

У грузинскаго дворянства эта сгарая черта характера уцѣлѣла вполнѣ. Хотя оно тоже пережило тяжелую для него экономическую эпоху, хотя она даже придавила его интересы, можетъ быть, тяжелѣе, чѣмъ у насъ,—однако, оно съумѣло уберечь и въ этихъ новыхъ обстоятельствахъ чувство непосредственной жизни, ту искру веселья и ту страстность впечатлѣнія, безъ которыхъ человѣкъ пахнетъ слишкомъ много книжкою и слишкомъ мало живымъ человѣкомъ.

Средневѣковой кланъ князей Микеладзе далеко не распался и, не смотря на многія существенныя новшества, внесенныя въ его исторію необозримою цивилизаціей XIX вѣка, — еще не совсѣмъ потерялъ свой феодальный и патріархальный характеръ. Всѣ Микеладзе еще тѣсно держатся другъ друга, гдѣ бы ни жили они и какъ-бы далеко ни раздвинулись ихъ связи и родство.

«Гдѣ бы вы ни встрѣтили Микеладзе, хотя-бы въ Америкѣ,—говорили мнѣ мои радушные собесѣдники, — будьте увѣрены, что онъ изъ Кулашей. Кромѣ Кулашей нѣтъ и не было Микеладзе нигдѣ на свѣтѣ, и кромѣ Микеладзе нѣтъ никого въ Кулашахъ». Въ Гунибѣ, мнѣ какъ-то передавали потомъ, будто во время турецкой кампаніи 1855 года, кулашскіе Микеладзе составили изъ себя цѣлую дружину конной милиціи и показали чудеса храбрости. Вообще Микеладзе извѣстны своею удалью и храбростью. — «На Кавказѣ не было ни одной самой маленькой войны, въ которой бы не палъ на полѣ битвы хотя одинъ изъ Микеладзе. А Дагестанъ усѣянъ ихъ костями!» съ грустью заявляли мнѣ собравшіеся на пирушку члены этого своеобразнаго клана.

Одинъ изъ главныхъ представителей рода, князь А... Микеладзе, о которомъ я уже говорилъ выше, былъ начальникомъ грузинской милиціи въ турецкую

войну, и мнѣ разсказывали, что дружина его съ безумною отвагою шла въ огонь и въ воду за своимъ любимымъ вождемъ. Многіе изъ этой дружины уже не увидѣли болѣе родимыхъ полей.

«Русскіе все подозрѣваютъ, что мы, грузины, не любимъ Россіи,—заговорили мнѣ по этому поводу кулашцы,—но они забываютъ, что съ первымъ выстрѣломъ на Кавказѣ всегда первымъ падаетъ грузинъ. Мы идемъ всегда впереди, всегда первые на враговъ Россіи.»

Этому можно было повѣрить, глядя на мощныхъ и ловкихъ людей, окружавшихъ меня на обѣдѣ въ Кулашахъ. Все это лихіе наѣздники, большею частію георгіевскіе кавалеры, хотя нѣкоторые изъ нихъ, не получивъ необходимаго школьнаго образованія, еще не заслужили офицерскихъ чиновъ.

У старика К..., дяди моего хозяина, пуля до сихъ поръ сидитъ въ груди, и онъ охотно показываетъ ее любопытнымъ, обнажая при этомъ грудь геркулеса, самъ здоровый, веселый, красный, какъ сырая говядина, не смотря на свою старость. Впрочемъ, это пуля не врага, а пріятельской свадебной шутки. Выстрѣлъ, ударъ кинжала въ этой атмосферѣ среднихъ вѣковъ значитъ то-же самое, что у насъ какое-нибудь колкое слово. Когда грузины собираются на свои народные праздники, именины, свадьбы, то всегда устраиваютъ такъ называемое «томаша», т. е. игры. Особенно большое «томаша» бываетъ въ храмовые дни. Выѣзжаетъ на площадь иногда нѣсколько тысячъ всадниковъ; мѣстныя красавицы, княгини и крестьянки, являются толпами въ своихъ лучшихъ нарядахъ; изъ церкви выносится нарочно хранимый на этотъ случай, освященный попами, огромный мячъ; всадники и пѣшіе дѣлятся на двѣ партіи, и начинается невообразимая свалка; каждая партія старается отбить

себѣ завѣтный мячъ и донести его до назначенной грани; крестьяне тутъ мѣшаются съ князьями, лошади съ людьми, грудью раздвигая пѣшія толпы; всѣ давятъ и толкаютъ другъ друга, вырывая изъ рукъ подхваченный мячъ и подбрасывая его своимъ. Страсти и самолюбія партій разгораются до крайнихъ предѣловъ; раны и увѣчья на томашахъ — самое обычное явленіе. Даже убійства часты. Побѣдители съ торжествомъ возвращаютъ мячъ въ церковь и чествуются какъ герои. Потребность празднествъ, пированія, веселій еще такъ сильна въ грузинскомъ народѣ, что не только князья, но простые крестьяне нерѣдко разоряются на угощенія.

Средне-вѣковой обычай господъ посѣщать своихъ вассаловъ еще и теперь не вполнѣ вывелся въ Имеретіи. Имеретинскіе цари при самомъ присоединеніи Имеретіи къ Россіи еще странствовали по своей вотчинѣ отъ одного жителя къ другому, поочереди, не минуя даже состоятельныхъ крестьянъ и опасаясь оскорбить пропускомъ кого-нибудь изъ важныхъ князей; вся многочисленная свита, провожавшая ихъ, съ своими конями и слугами, кормилась и содержалась при этомъ на счетъ хозяевъ по нѣсколько недѣль и мѣсяцевъ, такъ что послѣ прохожденія царскаго двора цѣлая мѣстность иногда оставалась, разоренною какъ послѣ нашествія непріятеля.

И до сихъ поръ имеретинскіи крестьянинъ низачто не возьметъ ничего съ князя, остановившагося у него на ночлегъ съ своею свитою, хотя-бы князь этотъ прожилъ у него нѣсколько дней. Крестьяне и сами приглашаютъ къ себѣ князей, гордясь знакомствомъ знатныхъ людей, и князья безъ всякаго стѣсненія принимаютъ приглашеніе. Гостепріимный имеретинъ тогда поставитъ домъ кверху дномъ, чтобы только угостить на-славу и не осрамиться передъ добрыми

21*

людьми, зарѣжетъ быка, откопаетъ «соры» съ самымъ старымъ виномъ, словомъ—разорится въ пухъ и прахъ, а ужь угоститъ, какъ только можетъ. Да и умѣютъ же пить имеретины, Богъ ихъ прости!

Эти могучіе организмы, полные огня и веселья, словно играючи опорожняютъ кувшинъ за кувшиномъ, пересыпая обѣдъ неумолкаемыми остротами и шутками. Пустыя бутылки то и дѣло взлетаютъ на воздухъ, назадъ черезъ головы, и катятся по мягкой травѣ, гдѣ ихъ подхватываетъ сообразительная прислуга для того, чтобы наполнить вновь виномъ изъ огромныхъ кувшиновъ, пріютившихся въ холодкѣ, подъ сѣнью настоящаго Мамврійскаго дуба.

Старичекъ-виночерпій, присѣвшій на корточкахъ, не успѣваетъ даже оглядываться, не только оторваться отъ своего дѣла.

Дамы имеретинскія нисколько не церемонны и по возможности не отстаютъ отъ мужчинъ въ веселой болтовнѣ, хотя не могутъ не отстать въ опустошеніи бутылокъ. Обращеніе съ ними мужчинъ просто до трогательности. Молодыхъ дѣвушекъ добродушно берутъ за подбородокъ, гладятъ по щечкѣ и по головкѣ, треплютъ по плечу и дружески обнимаютъ. Правда, все это болѣе или менѣе члены одного рода, родня другъ другу, хотя и порядочно дальняя. Молодой хозяинъ переводитъ мнѣ многое изъ остротъ и игривыхъ разсказовъ этихъ веселыхъ собесѣдниковъ, и я невольно присодиняюсь къ общему хохоту, къ которому и безъ того неудержимо располагаетъ это легкое и веселое, само собою льющееся въ горло вино. Его пьется такъ много, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Если-бы выпить столько у насъ на Руси нашихъ французскихъ винъ, право, и съ мѣста бы не всталъ, а здѣсь только разумъ чуть застилается веселымъ туманомъ, да словно

какая-то дружелюбная волна, влекущая въ заманчивую даль, начинаетъ легонечко поколыхивать его.

Однако удалые наѣздники, хотя и подъ хмѣлькомъ, не теряютъ вѣры въ крѣпость своихъ ногъ и рукъ. Послѣ обѣда сама собою начинается джигитовка. Осѣдланные кони гостей паслись тутъ-же на зеленомъ дворѣ, въ тѣни деревьевъ, и кому-то пришло на умъ показать свою прыть. Лошадь быстро поймана, и въ одно мгновеніе ловкій всадникъ очутился на ней верхомъ. Градъ ударовъ нагайки сыплется въ задатокъ и безъ того ретивому коню, и онъ несется какъ сумашедшій черезъ весь дворъ, подъ широко распростертыми вѣтвями орѣховъ, мимо опустошенныхъ кувшиновъ вина и груды моющихся тарелокъ, понукаемый дикимъ гиканьемъ расходившагося наѣздника, который почти совсѣмъ прилегъ на его шеѣ.

Старый К. не выдерживаетъ и тоже срывается съ мѣста, тоже бросается къ осѣдланному коню. За нимъ вскакиваетъ молодежь. Перепуганныя жены и матери тщетно пытаются остановить за рукава и за полы разгулявшуюся удаль кулашскаго рыцарства.

Маленькая жена К. повисла на его рукѣ съ громкими укоризнами, и старикъ смущенно отталкиваетъ ее, видимо непривычный сопротивляться гнѣву супруги, но въ то-же время чувствующій, что храброму рыцарю непригоже на глазахъ товарищей поддаваться бабьей юпкѣ.

Крикъ, смѣхъ, пронзительныя просьбы женщинъ и поддразнивающія понуканія мужчинъ, остроты и брань,— смѣшиваются въ какой-то ярмарочный гулъ. Старикъ съ усиліемъ вырывается и молодцомъ, по-юношески, взлетаетъ на коня. Соперникъ его вскакиваетъ на другаго, вмѣсто дротиковъ у нихъ въ рукахъ очутились какія-то палки, и оба начинаютъ неистово носиться по двору, увертываясь другъ отъ друга, настигая и ста-

раясь сорвать другъ друга съ сѣдла, то вставая во весь ростъ на стремена и даже на сѣдло, то на всемъ скаку сползывая чуть не подъ брюхо лошади и схватывая рукою съ травы брошенную шапку, или мѣтко попадая дротикомъ и назадъ, и впередъ себя.

Я, разинувъ ротъ, глядѣлъ и на этихъ сѣдоусыхъ наѣздниковъ, проворныхъ и смѣлыхъ какъ юноши, и больше, пожалуй, на этихъ необыкновенныхъ маленькихъ лошадокъ, которыя, казалось, сами до мозга костей проникались духомъ удали и соревнованія, то съ воспаленными глазами носились вихремъ по двору, то мгновенно останавливались какъ вкопанныя, дрожа всѣми нервами и тяжко дыша, то выписывали такіе крутые, частые и быстрые повороты, словно онѣ были сдѣланы не изъ костей, а изъ резины.

Разгорячить до-нельзя лошадь ударами нагайки, пустить ее въ отчаянную скачку и вдругъ, на всемъ скаку, какъ можно рѣзче и внезапнѣе осадить или круто повернуть ее — это обычные пріемы верховой ѣзды Кавказа.

Немудрено, что грузинскія женщины, зная эти отчаянные обычаи своихъ мужчинъ и видя, сколько кувшиновъ опустошено вокругъ нихъ за обѣдомъ, съ большимъ опасеніемъ встрѣчаютъ вспышки ихъ хмѣльной удали. Рѣдкія игры послѣ порядочнаго обѣда кончаются благополучно.

Признаюсь, много праздной силы и здоровья должно шевелиться въ организмѣ человѣка, чтобы подобная игра могла тѣшить его и быть для него дѣйствительною игрою. Но эти первобытные организмы сами просятъ какого-нибудь щедраго расхода накопленныхъ силъ, какого-нибудь необычнаго напряженія ихъ. Ихъ не заѣдаетъ ни книжка, ни мысль, ни забота. Эти князья сами увѣряли меня, что, дѣтьми, ихъ кормили грудью до 5 лѣтъ. Многіе въ 15 лѣтъ еще читать не

умѣютъ, а охотниковъ до школьной науки среди нихъ мало до-нельзя. Кормить молокомъ 5 лѣтъ сряду — можно выпоить бычковъ на-славу, нечего говорить! Извѣстный сванетскій князь Тенгизъ-Дадешкильянъ, богатырь и великанъ, какихъ теперь рѣдко встрѣтишь, кормился грудью, какъ передавали мнѣ въ Кулашахъ, даже до 7 лѣтъ. Кормили его будто-бы 2 кормилицы разомъ, одной не хватало на отпой этого молодаго титана; черезъ 6 мѣсяцевъ кормилицы перемѣнялись на свѣжихъ, а черезъ годъ перемѣнялись еще разъ.

Впрочемъ, продаю за что́ купилъ.

Эти обычаи древности теперь угасаютъ, и новое поколѣніе уже далеко не то, что́ ихъ отцы и дѣды. Но, безъ сомнѣнія, такой оригинальный способъ выкармливанія находился въ связи съ громаднымъ ростомъ и силою старинныхъ людей, разсказами о которыхъ полны былины и сказки Грузіи и Сванетіи. Кулашскіе князья сообщали мнѣ между прочимъ, что въ одной изъ сосѣднихъ съ ними старыхъ церквей хранится шапка богатыря, въ которую можетъ спрятаться человѣкъ, и сабля его, которую нельзя поднять двумя руками; около другой церкви въ могилѣ будто-бы найденъ скелетъ другаго богатыря, локтевая кость котораго равнялась полутора аршинамъ, а зубы были длиною въ вершокъ. Одинъ изъ собесѣдниковъ моихъ увѣрялъ, что видѣлъ этотъ скелетъ своими глазами и что его отвезли въ Кутаисъ, къ графу Левашову, какъ замѣчательную рѣдкость. Не знаю, насколько можетъ быть правды во всѣхъ этихъ диковинныхъ розсказняхъ восточнаго воображенія, но важно то, что весь Кавказъ твердо вѣритъ въ предковъ-исполиновъ, напоминающихъ Полифема, Атланта или сванетскаго Амирана.

* * *

Вечеромъ кулашскія дамы затѣяли пѣніе подъ звуки гитары, меланхолическое, кроткое, не столько музы-

кальное, сколько трогательное. Вообще,—сколько я могъ вслушаться въ грузинскую музыку, — это народъ совершенно немузыкальный, хотя страстно любящій пѣніе и звуки. Мелодіи ихъ первобытной наивности и простоты, бѣдны и сухи до крайности, сравнительно съ какими-нибудь славянскими или нѣмецкими пѣснями.

Но мнѣ тѣмъ не менѣе было очень пріятно и интересно послушать цѣлый репертуаръ ихъ поэтическихъ народныхъ мотивовъ какого-то дѣтскаго характера, смыслъ которыхъ растолковывалъ мнѣ обязательный хозяинъ.

Къ ужину съѣхалось еще больше гостей, пирушка стала еще развязнѣе и дружелюбнѣе, вино полилось еще щедрѣе, тосты стали раздаваться чаще, и за каждымъ тостомъ всѣ собесѣдники, женщины и мужчины, дѣти и старики, бывшіе гвардейцы, побывавшіе въ Парижѣ, говорящіе по-французски, и безграмотные милиціонеры, всю жизнь невыѣзжавшіе съ Кавказа, всѣ дружно затягивали хоромъ какую-нибудь любимую народную пѣсню.

Грузины, всѣ безъ исключенія, принимаютъ участіе въ этихъ застольныхъ пѣсняхъ, такъ что умѣнье пѣть составляетъ своего рода обязательную сторону воспитанія.

Старики помолодѣли за чарками вина, за веселыми пѣснями, и пристыживали юношей своею энергіей. Не смотря на полнѣйшую простоту и безцеремонность этой пирушки, въ ней вмѣстѣ съ тѣмъ соблюдался строжайшій этикетъ. «Тулумбаши», т. е. распорядитель пира, избранный цѣлымъ столомъ, провозглашалъ тосты въ строжайшей послѣдовательности, не забывая никого, до послѣдняго мальчишки, сидѣвшаго за столомъ, и чрезвычайно тонко распредѣляя ихъ, по степенямъ подобающаго уваженія всѣхъ присутствующихъ. Сначала чествовались старыя дамы, потомъ молодыя, смотря

по положенію ихъ, потомъ я, какъ гость, въ честь ко тораго собралась пирушка, потомъ остальные мужчины, тоже по рангамъ и родству. Каждый, за кого пили и кому пѣлись пѣсни, долженъ былъ благодарить и въ свою очередь отвѣчать тостомъ. Понятно, что тостамъ этимъ не бываетъ конца за длинными и многолюдными обѣдами. Послѣдній тость пьется за тулумбаши, и затѣмъ дозволяется только одинъ, уже взаправду послѣдній, въ честь «святой Богородицы». Насидѣлись таки мы за кулашскими пирушками! Обѣдъ длился часа 3, а ужинъ съ 12 ночи до 4-хъ часовъ утра. Солнце было уже порядочно высоко, когда мы добрались до тоста святой Богородицы!

Длинный и худощавый князь, отецъ хорошенькой Като, оказался неумолимымъ и деспотическимъ тулумбаши: онъ никому не давалъ спуску и заставлялъ всѣхъ заняться въ осушиваніи кубка. Только мнѣ одному, какъ новичку и чужестранцу, онъ оказывалъ снисхожденіе не въ примѣръ прочимъ, можетъ быть, съ нѣкоторымъ презрѣніемъ къ моей россійской неспособности осушать грузинскіе кувшины. Такимъ же неутомимымъ запѣвалою и весельчакомъ оказался этотъ болѣзненный на видъ тулумбаши. Когда дѣло дошло до лезгинки, онъ досталъ откуда-то бубенъ и сталъ ловко отчесывать на немъ костяшками своихъ худыхъ, но проворныхъ пальцевъ.

Многіе пробовали пройтись въ лезгинкѣ, но она какъ-то не удавалась, пока наконецъ не выступила красивая и рослая княгиня. Съ ней въ парѣ сталъ князь С..., хорошенькій юноша въ яркоцвѣтномъ шелковомъ бешметѣ съ откидными рукавами, кудрявый, бѣлокурый и румяный какъ ребенокъ. Княгиня была безъ «тавсакрави» на головѣ, а по-мингрельски, съ однимъ легкимъ покрываломъ, въ распашномъ націо-

нальномъ платьѣ, перехваченномъ поясомъ поверхъ бѣлой шелковой рубашки.

Я дѣйствительно увидѣлъ, наконецъ, лезгинку во всей ея своеобразной граціи. Лезгинку можно танцовать только въ характерныхъ нарядахъ Грузіи или Дагестана. Эти яркіе, взвивающіеся рукава, пестрота красокъ, гибкія таліи, перетянутыя сверкающими поясами, лоскъ шелка и блескъ серебра, все это составляетъ необходимое условіе прелестнаго танца Азіи.

Женщина идетъ какою-то плавною и ласковою поступью, манящею куда-то, чарующею и разнѣживающею духъ. Это самъ соблазнъ женской любви, дружелюбно дразнящей, граціозно шаловливой, словно вызывающей на состязаніе всю силу, удаль и ловкость мужчинъ, сулящей ему себя только въ награду побѣды. А мужчина—это сама страсть, это весь восторгъ первыхъ любовныхъ порывовъ. Съ смѣлою, самоувѣренною граціей, молодецки подбоченясь, лихо и ловко притопывая мягкими сапожками, облетаетъ красавецъ юноша кругомъ своей подруги, словно ему хочется со всѣхъ сторонъ упиться ея созерцаніемъ. Все быстрѣе и тѣснѣе дѣлаются его круги, все чаще и мельче отбиваютъ молодецкую дробь быстро несущіяся ноги. Онъ раздвигаетъ свои руки, подхвативъ кончики живописныхъ рукавовъ, какъ распускаетъ могучія крылья молодой орелъ, устремившійся за испуганною птицей, намѣченною имъ въ жертву. Онъ словно хочетъ захватить теперь этими распростертыми крыльями въ объятія свои танцующую передъ нимъ красавицу и учащаетъ вокругъ нея свои страстные круги, словно зорко высматривая, откуда ловчѣе налетѣть ему на нее.

Вотъ онъ выпустилъ на воздухъ концы яркихъ рукавовъ, которые взвѣваются, какъ цвѣтныя перья красивой птицы, и изъ одной руки въ другую начинаетъ перелетать сверкающій кинжалъ.

Кажется, всѣми соблазнами мужественной красоты и мужской удали хочетъ увлечь свою орлицу этотъ взыгравшій страстью орленокъ. И она, кажется, дѣйствительно охвачена, наконецъ, его увлеченіемъ. Въ какомъ-то стыдливомъ упоеніи, потупляясь и замирая, приближается она къ нему, маня его граціознымъ движеніемъ руки. Онъ несется навстрѣчу къ ней, полный смѣлаго вызова, полный торжества. И вдругъ опять мгновеніе страха и нерѣшительности. Словно электрическая искра отталкиваетъ въ стороны танцующихъ, и опять начинается, съ новыми варіаціями, съ новыми усложненіями, та-же страстная игра соблазняющей и неподдающейся орлицы съ удалыми приступами неутомимо преслѣдующаго ее, жадно налетающаго на нее орленка.

Молоденькія дѣвушки, непознавшія сладкихъ чаръ жизни, даже самыя красивыя и ловкія, не умѣютъ танцовать лезгинку,—въ этомъ убѣдился я своими глазами. Только женщина, пока молодо сердце ея, въ состояніи придать этому танцу тотъ скрытый въ немъ поэтическій и жизненный смыслъ, который вызвалъ его на Божій свѣтъ и сдѣлалъ его однимъ изъ очаровательнѣйшихъ и увлекательнѣйшихъ танцевъ міра.

IX

Кочеванье по князьямъ

Я былъ очень доволенъ, что перезнакомился со многими изъ кулашскихъ князей. У нѣкоторыхъ довелось таки и побывать. Тутъ однако не все предвители средневѣковыхъ нравовъ и феодальнаго культа. Уже встрѣчаются люди, хорошо образованные, вполнѣ

русскіе, гораздо болѣе привыкшіе къ Петербургу и обычнымъ пріемамъ цивилизаціи, чѣмъ къ національнымъ и мѣстнымъ особенностямъ Кулашей. Мы проѣхали верхами цѣлою кавалькадою къ одному изъ такихъ представителей, князю Д..., усадьба котораго уже вполнѣ напомнила мнѣ обычное устройство нашихъ порядочныхъ помѣщичьихъ имѣній. Князь Д... много путешествовалъ по Европѣ, учился въ Петербургѣ и въ образѣ жизни своей почти не сохранилъ ничего грузинскаго. Когда мы возвращались отъ него, напившись чаю, черезъ Кулаши, была уже ночь. Въ мирныхъ дворянскихъ усадебкахъ мирно зажигались огоньки; а подъ громаднымъ многовѣковымъ орѣхомъ передъ старою кулашскою церковью, по прадѣдовскому обычаю, собралось на свой сельскій форумъ многочисленное кулашское рыцарство.

Старики, съ воинственными сѣдыми усами, худые и толстопузые, съ длинными трубками въ зубахъ, съ длинными кинжалами за поясомъ, важно возсѣдали на земляномъ холмикѣ, приподнятомъ кряжистыми корнями орѣха, и вели между собою какую-то неспѣшную бесѣду.

Это единственный общественный клубъ патріархальнаго кулашскаго помѣщичества, гдѣ можно потолкаться среди своихъ, услышать всѣ скудныя мѣстныя новости, покалякать съ пріятелями и кумовьями о томъ и о другомъ.

Оффиціальныя сборища кулашскаго дворянства тоже происходятъ подъ этою Мамврійскою дубравою, какъ и вообще всякія народныя собранія кавказскихъ жителей. Весь родъ Микеладзе стѣною стоитъ другъ за друга и въ дѣлахъ выборовъ дѣйствуетъ какъ одинъ человѣкъ.

Страшная масса людей и шаровъ появляется въ Кутаисѣ изъ Кулашей, когда наступаютъ дни дворянскихъ выборовъ. Являются даже такіе, которые не

имѣютъ во владѣніи 1,500 кцевовъ и потому не могутъ участвовать въ выборахъ. Ихъ присутствіе тѣмъ не менѣе бываетъ внушительно для другихъ, и рѣдко какая партія можетъ одолѣть когда-нибудь эту тѣсно сплоченную родовую дружину Микеладзе, которая даже и становится обыкновенно цѣлымъ своимъ станомъ.

Молодой князь, хозяинъ мой, былъ встрѣченъ очень дружелюбно кружкомъ своихъ родичей, бесѣдовавшихъ подъ дубомъ. Онъ представилъ меня каждому изъ собесѣдниковъ, и мы слѣзли съ коней посидѣть полчаса на этой, кстати попавшейся намъ дворянской «громадѣ».

Всѣ Микеладзе теперь толковали и шумѣли, какъ обиженныя пчелы въ ульѣ, по поводу строгаго осужденія тифлисскимъ окружнымъ судомъ одного изъ князей Микеладзе, извѣстнаго разбойника Георгія Микеладзе, когда-то офицера русской гвардіи, человѣка съ образованіемъ и очень способнаго, который давно уже прокутилъ свое послѣднее достояніе и теперь сталъ промышлять самыми дерзкими разбоями. Хозяинъ мой, какъ житель Тифлиса, посѣщалъ въ тюрьмѣ заключеннаго Георгія, самъ былъ на судѣ, и потому всѣмъ Микеладзе неудержимо хотѣлось выслушать отъ него что-нибудь о бѣдномъ Георгіѣ, котораго всѣ безъ исключенія жалѣли, хвалили, любили и чуть не оплакивали.

Среди дворянъ сидѣлъ подъ дубомъ и рослый попъ, тоже изъ числа Микеладзе; его слово имѣло, повидимому, особенный вѣсъ въ глазахъ остальныхъ собесѣдниковъ; я хотѣлъ разспросить его поподробнѣе о церковныхъ древностяхъ Кулаша, но интересъ къ судьбѣ одного изъ Микеладзе дотого былъ великъ въ немъ, что и онъ, подобно товарищамъ своимъ, былъ всецѣло погруженъ сердцемъ и мыслью въ разсказы о горестномъ процессѣ князя Георгія.

Мы посидѣли въ ихъ оригинальной компаніи, любуясь поэтическими тѣнями стараго храма и стараго орѣха,

капризно перепалзывающими по освѣщенной луною площадкѣ, слушая встревоженные толки стариковъ, глубоко огорченныхъ безчестіемъ, которое было нанесено судебнымъ приговоромъ всему древнему княжескому роду ихъ.

Это чувство рода господствуетъ надъ всѣми другими общественными интересами Кулашей. Умретъ какой-нибудь популярный членъ рода,—всѣ Микеладзе носятъ трауръ, воздерживаются отъ празднествъ и веселья. Обида одному Микеладзе считается общею обидою. Прежняя исторія князей Микеладзе, судя по разсказамъ стариковъ, это сплошная междоусобная война съ разными княжескими фамиліями, безконечное чередованіе наслѣдственныхъ ссоръ и кровавой мести. Дѣдъ моего молодаго хозяина напалъ на князя Гуріеля и взялъ въ плѣнъ его и 50 человѣкъ свиты, на пути ихъ изъ Мингреліи въ Гурію, за то, что князь этотъ, женившійся на одной изъ Микеладзе, не явился за нею, а оставилъ ее въ домѣ родителей.

Неудивительно, что эти воинственные средневѣковые вкусы до сихъ поръ никакъ не угаснутъ въ роду Микеладзе и что имя ихъ даже теперь часто попадается въ разныхъ подвигахъ самоуправства и дикой удали. Еще надняхъ газеты печатали разсказъ о нѣкоемъ князѣ Иванѣ Микеладзе, который въ теченіе нѣсколькихъ дней велъ правильную войну съ своими крестьянами, изъ-за владѣнія землею; при перестрѣлкѣ, княжеская дружина убила на-смерть нѣсколькихъ крестьянъ и многихъ поранила, а сама осталась владычицей поля.

Въ прежнее время семейныя ссоры переходили тѣмъ легче въ настоящую войну, что князья жили, какъ и до сихъ поръ они живутъ въ Кулашахъ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, окруженные своимъ крестьянствомъ и подвластными имъ дворянами, такъ что цѣлая мѣстность могла подняться и вооружиться сразу.

*
* *

Въ Кулашахъ мы познакомились съ молодою княгиней Л. Ц., которая взяла съ насъ слово посѣтить ея домъ, верстахъ въ 25 отъ Кулашей, около Хони. Это уже самая глубь Имеретіи. Хони, одинъ изъ старинныхъ центровъ мѣстной жизни, теперь служитъ мѣстомъ пребыванія мироваго судьи, судебнаго слѣдователя и разныхъ другихъ административныхъ лицъ. Въ Хони и почтовая контора. Хорошее шоссе идетъ къ нему отъ Кулашей, поэтому не было необходимости трястись верхомъ по жарѣ и пыли, а можно было нанять въ Кулашахъ покойный фаэтонъ.

Мы еще разъ проѣхали насквозь всѣ Кулаши, еще разъ налюбовались благосостояніемъ его крестьянскаго хозяйства, его безчисленными дворянскими усадьбами и сплошными зелеными садами, въ которыхъ онъ утопаетъ. Съ удивленіемъ увидѣлъ я, что половина Кулашей заселена евреями. Это тоже бывшіе крѣпостные Микеладзе, поселившіеся въ Грузіи съ незапамятныхъ временъ. Кулашскіе евреи говорятъ по-грузински и не знаютъ болѣе никакого языка. Но они сохранили въ строгой чистотѣ свою древнюю религію, свой племенной типъ и свою племенную склонность къ торговлѣ. Черезъ нихъ Кулаши превратились въ постоянный базаръ. Лавочки на каждомъ шагу, со всѣмъ, что только хочешь. Черные пейсики толпятся на площади вокругъ своей синагоги, словно гдѣ-нибудь въ Бердичевѣ.

Вообще Закавказье переполнено евреями. Есть сильные историческіе поводы думать, что само происхожденіе иберійцевъ, Иберіи, имѣетъ тѣсную связь съ потомками Евера или Ебера. Имеръ, по мнѣнію многихъ ученыхъ, только видоизмѣненіе имени Иберъ. Несомнѣнно, что типъ грузина глубоко проникнутъ чертами еврея и что иногда эти два типа трудно различить. Въ языкѣ грузинскомъ, особенно же въ названіяхъ мѣстностей, также много еврейскихъ звуковъ. По сказаніямъ

древнихъ историковъ, въ прежніе вѣка грузинское и армянское Закавказье было еще сильнѣе заселено евреями.

И теперь еврейскія общины встрѣчаются въ такихъ глухихъ мѣстностяхъ, касъ дикая Сванетія, Дагестанъ и проч. Имеретія особенно обильна евреями. Разрушеніе Іерусалима Титомъ тутъ однако нипричемъ, потому что евреи уже жили въ Закавказьѣ за многіе вѣка до Рождества Христова, даже до плѣненія Вавилонскаго и Кирова освобожденія.

*
* *

Мы весело проѣхали довольно длинную дорогу, бесѣдуя о разныхъ интересныхъ предметахъ съ моимъ молодымъ спутникомъ, который вызвался проводить меня изъ своего дома не только въ Хони, но и дальше въ Мингрелію. Домъ княгини Л. Ц., одной изъ значительныхъ и богатыхъ владѣлицъ мѣстности, уже не имѣетъ въ себѣ ничего народнаго и характернаго, а устроенъ по общему типу европейскихъ домовъ. Только широкія низкія тахты, устланныя коврами, обложенныя цвѣтными мутаками, да красивые рѣзные камины изъ мрамора и слюды, въ персидскомъ вкусѣ, напоминаютъ, что вы въ Грузіи, а не въ Россіи. Княгиня— еще молодая женщина, съ глазами настоящей грузинки, любезная и гостепріимная. Вообще, глаза грузинскихъ женщинъ — это что-то особенное, что-то донельзя прекрасное, неподдающееся никакому описанію. Кто не видалъ глазъ молодыхъ грузинокъ, тотъ не знаетъ, что значитъ человѣческій глазъ, до какой обворожительности можетъ доходить его красота.

Мнѣ не особенно по-душѣ типъ грузинской и вообще восточной красоты. Въ немъ слишкомъ мало того теплаго, дружественнаго настроенія, того жизненнаго сродства съ вашими собственными вкусами и потребностями, той чуткой отзывчивости на все, что вамъ

дорого въ мірѣ, которыя такъ привлекательны въ образѣ европейской женщины. Красота грузинки имѣетъ въ себѣ что-то статуарное, словно неспособное ни на какое мирное и плодотворное примѣненіе къ ежедневнымъ условіямъ жизни, ни на какую продолжительность и постоянство. Она представляется скорѣе какимъ-то страдательнымъ предметомъ восторга и наслажденій.

Но, тѣмъ не менѣе, самый симпатичный глазъ европейской красавицы покажется блѣднымъ, тусклымъ и холоднымъ передъ глазами хорошенькой грузинки.

Чудный разрѣзъ этихъ огромныхъ, широко раскрытыхъ глазъ, густая, глубокая, какъ бархатъ мягкая чернота ихъ диска, почти не оставляющаго мѣста синему бѣлку, длинныя, черныя рѣсницы, отѣняющія его сверху и снизу изящными отгибами своихъ густыхъ и тонкихъ стрѣлъ, и, наконецъ, въ тѣни этихъ рѣсницъ—волшебный блескъ и сверкающая свѣжесть глазныхъ влагъ, переливающихъ своею упругою и прозрачною выпуклостью, будто поверхность какого-то таинственнаго чернаго озера,—все это производитъ на непривычнаго наблюдателя обаятельное впечатлѣніе. Кажется, будто что-то сплошь черное и вмѣстѣ огненное, что-то до краевъ полное влаги и свѣта—глядитъ на васъ и пронизываетъ васъ своими жгучими лучами.

У княгини Ц. было нѣсколько человѣкъ гостей, между прочимъ одинъ подлинный русскій, мѣстный мировой судья, весьма общительный человѣкъ, отъ котораго я узналъ много интереснаго про обычаи и условія этого края; остальные были чистокровные грузины, въ томъ числѣ мѣстный судебный слѣдователь Э., въ которомъ однако университетское воспитаніе уже успѣло уничтожить почти всякій внѣшній слѣдъ грузина. Въ оживленномъ разговорѣ и неумолкаемыхъ разсказахъ прошелъ довольно длинный обѣдъ, также очень мало

напоминавшій Грузію, а къ вечеру все наше общество согласилось переночевать верстъ за семь, въ домѣ родственника княгини, князя С. Ц., который тоже былъ въ числѣ гостей и зазвалъ къ себѣ всѣхъ насъ.

Цулукидзе, какъ Микеладзе и другія княжескія фамиліи Имеретіи, тоже живутъ почти сплошными гнѣздами, составляя изъ себя своего рода дворянскіе кланы.

По дорогѣ мы ознакомились съ замѣчательными древностями Хони. Церковь ея считается одною изъ старѣйшихъ за Кавказомъ, старше Гелатской, и представляетъ много оригинальнаго. Между прочимъ, въ ней видѣлъ я икону св. Георгія, изображеннаго пѣшимъ, безъ коня, глубочайшей древности. Не только кипарисовая доска ея стлѣла въ трутъ и крошится отъ прикосновенія пальцевъ, такъ что нижній край ея кажется обглоданнымъ, но даже самое золото сплошнаго оклада ломается и сыпится какъ гнилушка. Икона эта въ 1 аршинъ высоты и пользуется громаднымъ почитаніемъ. До какой степени стара церковь, можно убѣдиться изъ того, что на стѣнахъ ея ограды, прямо на голыхъ камняхъ, успѣли вырости огромныя деревья смоковницы и гранатника. Вообще сила здѣшней растительности кажется сверхъестественною, непохожею ни на что, къ чему мы привыкли. На большой площади Хони, передъ церковью, стоятъ, напримѣръ, три титаническія дерева, липа и чинары, можетъ быть тысячнаго возраста. Обхватить ихъ могутъ развѣ пять, шесть человѣкъ; вѣтви ихъ толщиною своею превосходятъ самые могучіе дубы нашихъ лѣсовъ, а вдобавокъ ко всему—на нихъ, какимъ-то чудомъ, выросли огромныя деревья другой породы, тоже считающія себѣ не одно столѣтіе. На одномъ я могъ разсмотрѣть цѣлое тутовое дерево, толстую чинару и густо переплетенный, безконечно развѣтвившійся плющъ, стволъ

котораго въ Имеретіи и Мингреліи не уступаетъ толщиною никакому дереву. На другомъ видна была смоковница, обильно усѣянная зелеными плодами, и кромѣ того—большой дикій камень въ нѣсколько пудовъ вѣсу, плотно вросшій въ стволъ.

Деревья эти—историческая знаменитость; смотрѣть ихъ нарочно пріѣзжаютъ въ Хони.

*
* *

Въ домъ князя С. Ц. мы пріѣхали уже поздно, по закатѣ солнца. Старинный домъ этотъ совершенно своеобразной и по здѣшнему роскошной архитектуры, съ большими балконами, со множествомъ рѣзныхъ украшеній между колоннъ и съ живописнымъ фронтономъ. Громадный зеленый дворъ, покрытый деревьями, стелется по обычаю передъ нимъ, и въ его зеленой тѣни незамѣтно прячутся разныя жилыя постройки усадьбы.

Вся компанія наша безцеремонно расположилась на дворѣ, кто на стульяхъ и лавкахъ, кто на коврахъ и прямо на травѣ, вокругъ чая, плодовъ и угощеній всякаго рода; только надвинувшаяся черная ночь заставила насъ перебраться на балконъ въ гостиную.

Собственно, это не балконъ, а открытая спереди, глубокая просторная комната, въ родѣ нашихъ залъ, служащая для танцевъ, игръ и бесѣдъ.

Живописная и оргинальная рѣзьба, ярко раскрашенная въ персидскомъ вкусѣ, сплошь покрываетъ потолокъ этой залы, съ средины котораго спускается, вмѣсто лампы, такой же оригинальный цвѣтной фонарь. Деревянныя крашеныя тахты идутъ кругомъ. Въ гостиной, убранной по-европейски, сейчасъ же появились «нарды» — персидскія кости съ большою раскладною доскою, и обыкновенныя наши шашки, въ которыя принялись играть дамы и кавалеры. Молодой хозяинъ принесъ также книжку на грузинскомъ языкѣ и сталъ громко читать отрывки изъ знаменитой поэмы Руста-

вели «Барсова кожа», которую знаетъ чуть-ли не наизустъ каждый грузинъ, особенно каждая грузинка. Замѣчательно, что въ этой восточной странѣ женщины гораздо грамотнѣе и литературнѣе мужчинъ. Въ то время, какъ въ Грузіи нетрудно встрѣтить довольно богатыхъ князей, неумѣющихъ читать и писать, каждая грузинская мать обязана не только умѣть читать сама, но еще непремѣнно научить читать свою дочь. Молодые грузины посылаются въ гимназіи и школы гораздо болѣе по настоянію матерей, чѣмъ по желанію отцовъ.

Можетъ быть, въ этомъ сказывается до сихъ поръ примѣръ великой царицы Тамары, при которой Руставели сочинилъ свою поэму и которая отличалась особенною любовью къ образованію. Я видѣлъ у княгини Ц. портретъ царицы въ ея юности и готовъ согласиться, что она была самымъ счастливымъ олицетвореніемъ грузинскаго духа. По крайней мѣрѣ, все, что есть характернаго и прекраснаго въ физическомъ типѣ грузинки, воплощено съ полнымъ совершенствомъ въ прелестномъ образѣ этой царицы-красавицы.

*
* *

На балконѣ, куда прямо дышала темно-синяя звѣздная ночь, ударилъ веселый бубенъ и раздались складныя хлопанья рукъ, которыми всѣ присутствующіе сопровождаютъ обыкновенно, будто акомпанементомъ музыки, плавныя движенія лезгинки. Мы всѣ высыпали на балконъ.

Старики расходились, и одинъ изъ дядей молодаго хозяина, схвативъ «даиры» — большой бубенъ, бойко выбивалъ на немъ лезгинку, въ то время какъ стоявшая кругомъ публика съ увлеченіемъ прихлопывала руками въ тактъ танцующимъ. Княгиня Л. сдѣлала только нѣсколько изящныхъ и ловкихъ круговъ, чтобы открыть танцы; за нею пошли уже всѣ. Даже маленькія

дѣти ловко отплясываютъ лезгинку. Мнѣ очень понравилось отсутствіе жеманства и пустой конфузливости въ грузинскихъ дѣтяхъ, ихъ удивительное послушаніе старшимъ. По одному слову, даже кивку старшаго брата, младшіе братья и сестры, не раздумывая и не возражая, бросаются въ танцы и вообще исполняютъ, что скажутъ старшіе; они же большею частію и прислуживаютъ старшимъ съ совершенною простотою и непринужденностію. Но въ грузинской семьѣ поражаетъ еще одно отрадное явленіе. Вы не видите въ ней никакой раздвоенности, никакой поколѣнной розни. Что любятъ, во что вѣрятъ старики, то любятъ, въ то вѣрятъ ихъ дѣти и внуки. Скептицизмъ, разочарованіе, рановременныя думы и заботы еще не проникли въ эту средневѣковую семью. Все общество еще живетъ однѣми и тѣми же привычками и убѣжденіями, которыя пока приходятся по плечу всѣмъ; внутренній міръ его не расшатанъ, не сбитъ съ своихъ крюковъ; если и есть въ немъ два поколѣнія, то все-таки нѣтъ двухъ разныхъ, двухъ враждебныхъ другъ другу, другъ друга отрицающихъ міровъ, какъ въ нашемъ современномъ обществѣ.

Конечно, такое единодушіе вызывается больше всего неподвижностью мысли и жизни; съ этой точки зрѣнія мы вовсе не восхваляемъ его. Но, тѣмъ не менѣе, мое непосредственное чувство, утомленное безъисходными волненіями и рознью нашего собственнаго внутренняго міра, съ какимъ-то дѣтскимъ довольствомъ отдыхало въ этой атмосферѣ общественнаго простодушія.

Старики поютъ, пляшутъ, хохочутъ, съ одушевленіемъ участвуютъ во всѣхъ потѣхахъ молодежи, отъ которой отличаются только сѣдыми усами да тучнымъ тѣломъ. Молодежь смотритъ на нихъ съ дружелюбнымъ чувствомъ родства, какъ на себя самихъ, учится отъ нихъ, подражаетъ имъ. Веселье бьетъ здѣсь ключемъ,

и простота здѣшней жизни, сравнительно съ изысканностью и искусственностью нашего собственнаго быта, только усиливаетъ способность здѣшняго человѣка безхитростно и безраздумно наслаждаться скромными радостями настоящаго.

Книжная отрава еще не разлита въ этихъ здоровыхъ мозгахъ; эти первобытные организмы еще питаются, не лжемудрствуя, плодами древа жизни, не вкушая соблазнительныхъ плодовъ познанія добра и зла.

Матеріальная обстановка грузинскаго дворянства несравненно бѣднѣе и скромнѣе нашей. Она напоминаетъ гораздо болѣе бытъ нашихъ старыхъ деревенскихъ помѣщиковъ временъ Багрова-дѣда, чѣмъ нашу теперешнюю, до крайности усложнившуюся и удорожившуюся жизнь.

Дешевое обиліе простыхъ домашнихъ вещей и отсутствіе почти всего покупнаго, множество прислуги и домочадцевъ, почти неимѣющихъ занятій, но за то и вознаграждаемыхъ очень скудно, — вотъ общій характеръ здѣшняго помѣщичьяго быта; подумаешь, что въ немъ воскресъ нашъ до-реформенный деревенскій бытъ.

Столы гнутся отъ жареныхъ и вареныхъ мясъ, отъ куръ, индѣекъ, поросятъ, барановъ, отъ домашнихъ огурцовъ, домашняго сыра, домашняго вина; но выписнаго ничего, даже у самыхъ богатыхъ. Ловаши растянуты по всему столу, у каждаго прибора, одинаково — у простаго мужика и у знатнаго князя; одинаково льется изъ глинянаго кувшина самодѣльное вино. Если и подается нѣчто въ родѣ суповъ и соусовъ, «чихиртма», «сацеви», то опять-таки изъ своего домашняго мяса, опять-таки всѣмъ доступное, что можно встрѣтить въ каждомъ маленькомъ духанѣ, не только въ разукрашенныхъ княжескихъ столовыхъ. Общность вкусовъ, привычекъ и всего вообще быта у дворянства и крестьянства Грузіи поражала меня не разъ. Здѣшнія

празднества, здѣшніе наряды, всѣ вообще здѣшніе нравы, дѣйствительно, безъ преувеличенія, можно назвать народными; къ сожалѣнію, этого рѣшительно нельзя сказать про наши русскіе нравы, гдѣ образованное сословіе во всѣхъ сторонахъ своей жизни, внутренней и внѣшней, въ своихъ убѣжденіяхъ, въ своихъ костюмахъ, даже въ рѣчи своей представляетъ словно отдѣльный отъ крестьянства народъ, часто чуждый и непонятный ему. Помѣщичество Грузіи до сихъ поръ проводитъ свою жизнь очень сходно съ тѣмъ, какъ проводили ее наши дѣды крѣпостнаго времени. Пирушки, кутежи, охота, переѣзды цѣлымъ обществомъ другъ къ другу —составляютъ ихъ главное занятіе, при которомъ не приходится удѣлять много времени и заботъ своему хозяйству. Оттого-то большинство небогатыхъ помѣщиковъ дошло теперь до жалкаго положенія.

Тѣ, которые побогаче, хотя сами мало занимаются хозяйствомъ, ведутъ его однако лучше; они обыкновенно имѣютъ управителей и дворецкихъ изъ бывшихъ княжескихъ дворянъ, особаго промежуточнаго сословія между крестьянами и князьями. Эти «княжескіе дворяне» представляютъ собою очень своеобразный остатокъ феодальныхъ отношеній Грузіи. Съ одной стороны, они сами имѣли крестьянъ и землю; съ другой стороны, они были обязаны разнаго рода службою своимъ князьямъ и считались имъ подвластными. Отношенія эти, впрочемъ, имѣли полусемейный характеръ и вѣроятно возникли на почвѣ старыхъ родовыхъ связей. Князья не имѣли права заставить своихъ дворянъ работать, потому что это сочлось бы за кровную обиду дворянину, за тяжкое нарушеніе его правъ. Но за то дворяне обязаны были услуживать князьямъ дома, завѣдывать ихъ имѣніемъ и дѣлами, сопровождать ихъ и семейства ихъ въ поѣздкахъ или на войну, охотиться съ ними. Чѣмъ многочисленнѣе собиралась вокругъ

князя свита этихъ дворянъ, чѣмъ богаче были ихъ одежда, кони и оружіе, тѣмъ больше славы и почета было князю.

Съ другой стороны, подъ крыло вліятельнаго и богатаго князя выгоднѣе было пріютиться дворянину; можно было легче нажиться на счетъ другихъ, получать щедрѣе подарки отъ самого князя; въ нуждѣ, въ опасности, онъ былъ надежная защита своему вассалу. Оттого-то имущество княжескаго дворянина не считалось его полною собственностью, а право на него имѣлъ еще и князь, способствовавшій прямо или косвенно пріобрѣтенію этого имущества. Когда въ 1867 году, вмѣстѣ съ освобожденіемъ крѣпостныхъ крестьянъ, княжескіе дворяне были освобождены отъ своей вассальной зависимости отъ князей, то третья часть ихъ земель была передана князьямъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не состоялось добровольнаго соглашенія; даже изъ купленныхъ земель и земель полученныхъ въ приданое, княжескій дворянинъ долженъ былъ уступать часть своему патрону-князю.

Это сословіе княжескихъ дворянъ, напоминающее собою отчасти польскую шляхту и древнюю гелейту германскихъ вождей, отчасти кліентовъ Рима,—до сихъ поръ остается въ тѣсныхъ бытовыхъ отношеніяхъ къ своимъ стариннымъ господамъ. Я видѣлъ ихъ и въ домѣ княгини Л., и въ домѣ князя С., въ ихъ воинственныхъ нарядахъ, съ торжественною и безмолвною важностью исполняющихъ обязанности дворецкихъ и кравчихъ своего рода.

Они не садились за столъ, а дѣятельно обходили его, наблюдая за прислугою, подливая вино, приказывая подносить кушанье то тому, то другому, исполняя съ достоинствомъ всѣ отдаваемыя имъ приказанія.

* * *

Вечеръ у князя С. закончился длиннымъ ужиномъ въ большой, характерно расписанной столовой, съ персидскими каминами и рѣзьбою. Тотъ-же строгій этикетъ въ разсаживаніи гостей и порядкѣ тостовъ; вездѣ первое мѣсто женщинѣ, старшинству лѣтъ, рѣдкому гостю.

Важная и молчаливая старушка, глава семьи, въ своей черной кружевной косынкѣ, повязанной подъ подбородокъ, предсѣдательствовала за столомъ, получая первыя блюда и первые тосты. Вино лилось рѣкою, тулумбаши неутомимо провозглашалъ тосты и смѣшилъ публику своимъ остроуміемъ и забавными выходками; національныя пѣсни хоромъ подхватывались послѣ каждаго осушеннаго стакана мужчинами, женщинами, дѣтьми, сопровождаемыя ударами бубна, которымъ усердно работалъ молодой хозяинъ. Даже старинныя тяжеловѣсныя «азарпешты» на длинныхъ ручкахъ изъ фигурнаго серебра, которыми прежде черпало и пило вино прямо изъ кувшина грузинское рыцарство, появились на столѣ и стали переходить отъ одного къ другому, хотя ясно было видно, что эта почтенная дѣдовская чара уже далеко не по-плечу новѣйшимъ грузинскимъ желудкамъ.

* * *

Только къ разсвѣту добрались мы до своихъ постелей, совсѣмъ забывъ, что раненько придется отправиться въ путь.

X

Монастырь Большаго Дуба

ПРЕКРАСНО раннее утро въ этой странѣ обилія и красоты. Мы выѣхали верхами на лошадяхъ, нанятыхъ въ Хони, съ проводникомъ имеретиномъ; всѣ милые хозяева наши, всѣ вчерашніе спутники и со-

бесѣдники высыпали на балконъ, ярко освѣщенный утреннимъ солнцемъ, проводить насъ дружескими пожеланіями.

Царственныя снѣговыя вершины Кавказа сіяли во всемъ своемъ величіи въ молодой синевѣ утра, еще рѣзче выдѣляя туманами своей дали темнозеленые курчавые холмы, заслонившіе ихъ отъ насъ. Справа Сванетскій хребетъ, обрывистая Квамли, слѣва Аджарскія и Лечгумскія горы. Мы ѣдемъ живописной долиной, до краевъ переполненной зеленью, плодородіемъ, многолюдствомъ, словно какая-то волшебная кошница...

Сады и дворы тянутся на цѣлыя версты; кажется, что мы никакъ не выѣдемъ изъ одной безконечной деревни...

* * *

Имеретія отдѣляется отъ Мингреліи историческою рѣкою Цхени-Цхали, Гиппусомъ древнихъ. Цхени-Цхали по-мингрельски, Гиппусъ по-гречески—значитъ одно и то-же: «Конская рѣка», «Конка». «Конка»—это дѣйствительно дорогой рубежъ. Онъ безъ всякихъ карауловъ и крѣпостей охраняетъ предѣлы страны. Туземцы прозываютъ эту рѣку «Бѣшеною», и достаточно переправиться черезъ нее одинъ разъ, чтобы отъ всей души оправдать это прозвище.

Намъ пришлось переѣхать по крайней мѣрѣ пять рукавовъ этой капризно разливающейся, безпорядочной и разрушительной рѣки, прежде чѣмъ мы добрались до пресловутаго парома.... Не только нашему брату москалю изъ мирныхъ Щигровскихъ полей,—самымъ завзятымъ кавказскимъ джигитамъ жутко бываетъ переправляться черезъ ея безумно крутящіяся, безумно несущіяся бурыя воды... Лошадь уходитъ выше брюха и ступаетъ съ нерѣшимостью и страхомъ между огромныхъ камней, безпорядочно нагроможденныхъ на днѣ рѣки, то и дѣло срываясь копытами, неожиданно натыкаясь и прова-

ливаясь. Она употребляетъ неестественныя усилія, чтобы одолѣть упорно подмывающую ее, неистово опрокидывающую ее стремнину рѣки. Должно быть, и ея голова кружится такъ же какъ моя, очутившись въ этомъ дьявольскомъ водоворотѣ, посреди одуряющаго клокотанья, плеска, пѣны и гула водъ, мелькающихъ въ глазахъ съ быстротою стрѣлы...

— Не смотри на воду, смотри наверхъ!...—кричитъ мнѣ встревоженнымъ голосомъ проводникъ-имеретинъ, по опыту знающій, чѣмъ иногда кончаются переправы Я самъ понялъ, что смотрѣть на воду нельзя, что въ одно мгновеніе полетишь головою внизъ... Никакая качка корабля не овладѣваетъ такъ быстро головою нервнаго человѣка, какъ это безостановочное круженье водяной пучины. Только теперь я вдругъ замѣтилъ, что всѣ наши лошади шли почти лежа, инстинктивно наклонившись противъ теченія подъ очень острымъ угломъ... Всадники почти всѣмъ тѣломъ висѣли въ воздухѣ надъ водоворотомъ рѣки...

Эта картина была не особенно ободрительна, и исполняя совѣтъ проводника—я поспѣшилъ воздѣть свои очи горѣ, къ мирной синевѣ неподвижнаго безоблачнаго неба...

Конь мой вдругъ оступился всѣмъ передомъ и чуть не слетѣлъ съ ногъ.—«Бей плетью больнѣе, бей плетью!» командовалъ мнѣ имеретинъ, прокладывавшій путь впереди всѣхъ насъ...

Нѣсколько хорошихъ ударовъ нагайки дѣйствительно ободрили моего конька и придали стойкость его ногамъ...

По колѣна мокрые, забрызганные водою, мы, наконецъ, добрались до маленькаго парома, на которомъ переѣзжаютъ слишкомъ глубокое главное русло. Намъ навстрѣчу подъѣхала съ той стороны рѣки живописная кавалькада мингрельскихъ женщинъ въ богатыхъ цвѣт-

ныхъ нарядахъ, въ бѣлыхъ покрывалахъ; всѣ онѣ были верхами, а нѣкоторыя подъ зонтиками. Одна изъ женщинъ сидѣла на сѣдлѣ по-мужски ловко и увѣренно, какъ любой джигитъ. Въ было е время грузинскія женщины не знали другой ѣзды, и женскія сѣдла завелись только въ недавніе годы. Это была семья какой-то княгини, отправлявшаяся въ гости къ сосѣдямъ.

* * *

Мартвили было видно намъ еще отъ Хони, а за Цхени-Цхали его бѣлыя церкви и башни совершенно отчетливо вырѣзались на темномъ фонѣ лѣсныхъ горъ. Конусообразная гора, на макушкѣ которой пріютился знаменитый монастырь, торчитъ высоко отъ окружающихъ ее лѣсовъ. Вскарабкаться на эту гору очень трудно даже кавказскимъ лошадямъ, да и то приходится остановиться, не доѣзжая самой вершины, и идти въ монастырь пѣшкомъ.

Мартвили съ глубочайшей древности служилъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ «дчкондидели», главныхъ митрополитовъ Мингреліи, имѣвшихъ власть почти равную царской, короновавшихъ мингрельскихъ царей, считавшихся верховными покровителями вдовъ и сиротъ цѣлаго царства и нерѣдко водившихъ на войну мингрельскихъ воиновъ, съ крестомъ и пастырскимъ посохомъ въ рукахъ.

Теперь эта замѣчательная историческая святыня Мингреліи совершенно заброшена и приходитъ почти въ разрушеніе. Мы долго бродили по пустынному ея двору, пока нашли какую-нибудь живую душу. Епископъ Виссаріонъ, викарій Мингреліи, живетъ въ Мартвили, въ скромномъ, построенномъ имъ домикѣ, въ обстановкѣ совершенно иноческой простоты и скудости. Онъ принялъ насъ очень любезно въ своей прохладной и чистенькой келіи и сообщилъ мнѣ нѣсколько интересныхъ свѣдѣній о Мартвили.

Древнѣе этой святыни нѣтъ ни одной въ цѣломъ

Закавказьѣ. По словамъ епископа, она основана лѣтъ 40 послѣ Рождества Христова апостоломъ Андреемъ Первозваннымъ. На этой горѣ онъ нашелъ громадные священные дубы, которымъ язычники-жители поклонялись и приносили жертвы. Апостолъ срубилъ дубы и на мѣстѣ ихъ воздвигъ церковь.

Епископы, жившіе при этой церкви, стали называться «дчкондидели» отъ мингрельскаго слова «дчконъ»—дубъ, то есть «епископы изъ страны большихъ дубовъ»; Мартвили до сихъ поръ называется у мингрельцевъ «Дчконъ-диди»—«Большой дубъ». Въ царствованіе Дадьяновъ епископомъ Мартвили былъ всегда одинъ изъ братьевъ царя. Епископъ Виссаріонъ—тоже Дадьянъ и близкій родственникъ бывшимъ владѣтелямъ Мингреліи. Мартвили служилъ и усыпальницею династіи Дадьяновъ.

Прежде въ Мингреліи было три митрополіи: одна въ Цаиши у Зугдидъ, другая въ Лечгушѣ и третья, главная—въ Мартвили. Но при Александрѣ Благословенномъ св. синодъ закрылъ двѣ митрополіи, а въ Мартвили оставилъ одного епископа. Въ недавнее время графъ Левашовъ выхлопоталъ упраздненіе и послѣдней мингрельской епархіи, такъ что въ 1873 г. вся Мингрелія приписана къ Имеретіи; хотя Виссаріонъ и былъ назначенъ въ 1875 г. епископомъ Мартвили, но только въ качествѣ викарія преосвященнаго Гавріила имеретинскаго и мингрельскаго.

По мнѣнію Виссаріона, это крайне неудобно для религіозныхъ интересовъ Мингреліи. Мингрелія гораздо болѣе и значительнѣе Имеретіи, имеретины не понимаютъ ея языка, и какъ ни дѣятеленъ былъ преосвященный Гавріилъ, онъ не въ состояніи былъ часто посѣщать Мингрелію и управлять ея церквами. Между тѣмъ, съ Мингреліи получаются большіе церковные доходы, насчетъ которыхъ могъ бы легко содержаться

особый епископъ. Въ Мартвили прежде было духовное училище, но оно сгорѣло нѣсколько лѣтъ тому назадъ и теперь переведено пососѣдству въ Навогалеви, а Мартвили обречено на полное запустѣніе; даже не дали средствъ на перестройку разрушающихся зданій, на которыя уже были представлены планы и смѣты. Теперь епископъ долженъ былъ построить себѣ помѣщеніе на собственный счетъ изъ получаемыхъ имъ 1,500 р. жалованья, а архидіаконы, пѣвчіе и причтъ живутъ въ развалинахъ, ежедневно грозящихъ разрушеніемъ. Епископъ былъ такъ обязателенъ, что вызвался быть нашимъ чичероне по монастырю, и мы дѣйствительно убѣдились, въ какомъ невозможномъ состояніи запущенности и разрушенія находится старый домъ причта, съ его оригинальными рѣшетками, рѣшетчатыми окнами, галлереями и балконами.

Главный храмъ Мартвили по всей справедливости долженъ быть причисленъ къ числу древнѣйшихъ и прекраснѣйшихъ созданій грузинской архитектуры, наравнѣ съ соборомъ Баграта, Гелати и другими. Если вѣрить историку Вахушту, онъ основанъ въ X вѣкѣ по Рождествѣ Христовомъ, а Дюбуа де-Монпере увѣряетъ, что онъ построенъ изъ матеріаловъ стараго языческаго капища. Скульптурныя украшенія его щельныхъ и круглыхъ оконъ, его входовъ и выступовъ—необыкновенно древняго типа. Внутри тѣ-же величественные стройные своды, расписанные отъ купола до пола изображеніями святыхъ угодниковъ, та-же замшившаяся пестрота красокъ, та-же первобытная наивность и выразительность рисунка, какъ и въ центральномъ храмѣ Гелати. Подъ отсырѣвшимъ, полуслѣзлымъ слоемъ старыхъ ѳресокъ, которыхъ цвѣты и ѳигуры слились отъ времени въ какой-то неясный узоръ, виденъ глянцовитый слой другихъ, еще болѣе старыхъ ѳресокъ. Драгоцѣнныя иконы въ сплошныхъ золоче-

ныхъ окладахъ, безъ слѣда живописи, глубокой древности; серебряные, затѣйливо выкованные ларцы съ мощами, кресты восточной роскоши и восточной пестроты, затканные бирюзою, жемчугомъ, всякими разноцвѣтными камнями и эмалью, необыкновенныхъ формъ, необыкновенно тонкой работы, во множествѣ хранятся еще въ Мартвили... Но замѣчательнѣе всего древнее писанное евангеліе, въ драгоцѣнномъ кованомъ ларцѣ. Во всѣхъ старинныхъ храмахъ Грузіи книгопечатаніе еще не признается на полныхъ правахъ гражданства и обязательно употребляются древнія рукописныя евангелія. Въ алтарѣ престолъ изъ греческаго бѣлаго мрамора, единственный въ Грузіи, и сидѣнье епископа; жертвенникъ отдѣльно отъ алтаря въ особомъ придѣльникѣ, какъ во всѣхъ древнихъ грузинскихъ храмахъ. Бѣло-мраморная плита прикрываетъ мѣсто, гдѣ похороненъ послѣдній царь мингрельскій—Давидъ Левановъ Дадьянъ. Много тутъ и другихъ мраморныхъ плитъ Дадьяновъ и Гурьелей. Но до XIX вѣка Дадьяны хоронились проще: цѣлый сѣверный придѣлъ наполненъ ихъ простыми надгробными плитами изъ дикаго камня съ кольцами, за которыя поднимались плиты, чтобы открыть ходъ въ общій склепъ.

Епископъ показалъ намъ и древнюю башню съ кельей схимника, торчащую изъ глубины пропасти, и всѣ уцѣлѣвшія рѣдкости своего пустыннаго скита. Въ древности въ этой башнѣ затворялись столпники. Дюбуа-де-Монпере увѣряетъ, что башня и церковь, помѣщающаяся въ ея верхней части, построены изъ матеріаловъ древняго языческаго капища.

* * *

Въ западномъ углу монастыря, за чертой его ограды, среди тихой зеленой поляны, охваченной кругомъ пропастью, стоитъ липа невѣроятныхъ размѣровъ, необъятной толщины и высоты. Вѣтви ея — громадныя де-

ревья, корни — цѣлые холмы. Другая такая-же титаническая липа уже упала. Очень можетъ быть, что этотъ степной великанъ — остатокъ еще тѣхъ первобытныхъ священныхъ рощъ, которыя когда-то истреблялъ Христовъ апостолъ и отъ которыхъ получили свое названіе Мартвильскіе «дчкондидели». Современный представитель этихъ «дчкондидели» удивлялъ меня своею юношескою подвижностью и своимъ воинственнымъ видомъ удалаго джигита. Огромнаго роста, цвѣтущій и веселый, проворно взлѣзавшій на скалы, онъ, казалось, гораздо болѣе напоминалъ собою этихъ старинныхъ «дчкондидели», что водили въ кровавую сѣчу дружины мингрельскихъ храбрецовъ, ободряя ихъ столько-же своимъ пастырскимъ благословеніемъ, сколько силою своихъ могучихъ мышцъ, чѣмъ нашихъ современныхъ архіереевъ-книжниковъ съ ихъ академическимъ этикетомъ и академическою безжизненностью.

Епископъ Виссаріонъ далеко не безвыходно живетъ въ своемъ горномъ скитѣ. Тутъ нравы духовенства вообще гораздо проще и жизненнѣе нашихъ; архіерею приходится постоянно странствовать по епархіи. То и дѣло его приглашаютъ отслужить въ той или другой церкви или провожать покойника. За одно такъ называемое «оплакиванье» онъ получаетъ съ князей хорошія деньги. Богатые мингрельцы, разсказывали мнѣ, по двѣ недѣли не хоронятъ своихъ покойниковъ, а держатъ ихъ въ гробу, пока съ ними не простятся всѣ родные. Какъ только подъѣзжаетъ новый родственникъ, звонятъ въ колокола, и наемные плакальщики высыпаютъ на дворъ, чтобы вмѣстѣ съ прибывшимъ громко оплакивать покойника. Епископъ все это время сидитъ въ облаченіи у гроба и провожаетъ его потомъ до могилы... Говорятъ, эти доходы епископа въ нѣсколько разъ превышаютъ его скромное жалованье.

*
* *

Мы расположились отдохнуть и пообѣдать въ Навогалеви. Тамъ и духовная семинарія съ 400 воспитанниковъ, и мировой судья, и судебный слѣдователь, стало быть—нѣчто въ родѣ городка. Духанъ попался очень чистенькій и оживленный. Намъ подали и «чахиртмы», и «сацеви», и сыру, и рыбы, и вина...

Наѣлись, напились, выспались и лошадей накормили. Цѣлая толпа мингрельцевъ въ характерныхъ мѣстныхъ нарядахъ наполняла столовую духана. Кто пилъ, кто игралъ въ карты. Въ здѣшнемъ простолюдинѣ гораздо болѣе сознанія своего достоинства и тароватыхъ привычекъ, чѣмъ въ нашемъ смиренномъ мужикѣ. Всѣ одѣты красиво и щеголевато, въ яркихъ цвѣтахъ, въ серебрѣ, въ оружіи. Досугъ, развлеченіе — для нихъ такъ-же необходимы, какъ ѣда и сонъ. Мингрелецъ лѣнивѣе имеретина и не охотникъ до хозяйственныхъ трудовъ, особенно-же захудалая мингрельская шляхта, которой тутъ множество. Онъ гораздо болѣе склоненъ къ торговлѣ, къ праздносуетливой жизни базаровъ и кофеенъ, и въ этихъ вкусахъ его, какъ и въ его изящной и ловкой наружности, быть можетъ, сказалась кровь древняго греческаго и итальянскаго поселенца, которая несомнѣнно присутствуетъ въ жилахъ приморскаго мингрельца. Башлыкомъ своимъ, всегда какихъ-нибудь пріятныхъ цвѣтовъ, всегда тонкаго сукна, всегда съ позументами и кистями, мингрелецъ умѣетъ распоряжаться съ неистощимою изобрѣтательностью и кокетливостью. Онъ то взгромоздитъ его на головѣ высокимъ грознымъ тюрбаномъ, ухарски спустивъ мимо уха серебряную кисть, — тогда тонкія и смуглыя черты его южнаго лица глядятъ настоящимъ курдскимъ башибузукомъ,—то вольно распуститъ его по плечамъ, какъ усталый пилигриммъ крестовыхъ походовъ, то завяжетъ его подъ подбородкомъ въ какую-нибудь граціозную петлю. Франты они страшные! цѣлые фунты

серебра висятъ у нихъ на поясахъ и перевязяхъ, въ видѣ разныхъ привѣсокъ, собачекъ, пуговицъ, пряжекъ, кисточекъ, на груди, въ массивной оправѣ, патроновъ, кинжаловъ, оправленныхъ въ сплошное серебро, шашекъ съ серебряными рукоятками, въ перехваченныхъ серебромъ ножнахъ, пистолетовъ тоже въ серебрѣ...

Впрочемъ, въ этомъ отношеніи не уступаютъ имъ ни имеретины, ни грузины, ни горцы Кавказа. Старинный головной уборъ Ріонской долины, въ которомъ обыкновенно изображаютъ въ этнографическихъ сборникахъ имеретинъ и мингрельцевъ, мягкая плоская накладка на голову, привязанная тесьмою, уже встрѣчается теперь очень рѣдко и вездѣ уступила мѣсто башлыку и папахѣ, точно такъ-же какъ пресловутая старинная прическа мингрельцевъ — цѣлая копна волнистыхъ длинныхъ волосъ уступила мѣсто гораздо болѣе удобной въ жару короткой стрижкѣ и даже прямо татарскому бритью головы.

Мингрельцы словно всѣ на-подборъ рослый и статный народъ, словно на подборъ всѣ отлично одѣты, всѣ глядятъ самоувѣренно съ оттѣнкомъ воинственной отваги, хотя храбростью своею уступаютъ имеретинамъ и особенно гурійцамъ. Можно сказать смѣло, что это прекраснѣйшій народъ цѣлой Европы, достойный того, чтобы считаться родоначальникомъ кавказскаго племени...

Народъ этотъ не только красивый, но и преспособный. Имеретинъ и мингрелецъ, какъ мнѣ передавали мѣстные наблюдатели, — это парламентаристы по природѣ, удивительные мастера устраивать партіи, говорить остро, бойко, съ весьма тонкими оттѣнками мыслей, подводить всевозможные юридическіе подвохи, которые сдѣлали-бы честь и ученому адвокату.

Народъ общественныхъ сходокъ, всегдашней жизни на площадяхъ и базарахъ, жадный до новостей и бол-

товни, отчасти подобный тѣмъ аѳинскимъ гражданамъ, которые упражняли свое естественное краснорѣчіе столько-же въ публичныхъ преніяхъ агоры, сколько вокругъ прилавковъ рынка и на набережныхъ Пирея.

Кутаисскіе адвокаты, мировые судьи Хони и Наво-галеви, всѣ увѣряли меня, что страсть къ тяжбамъ у имеретина и мингрельца доходитъ до азарта. Онъ готовъ бросить самыя необходимыя ему дѣла, чтобы только имѣть наслажденье потолкаться среди судей и адвокатовъ, изобрѣсти какую-нибудь ловкую кляузу противъ сосѣда и поломать съ нимъ на всей честной публикѣ копья своего остроумія и своей находчивости. Небогатый имеретинъ готовъ отдать послѣдніе нѣсколько сотъ рублей адвокату, чтобы только доѣхать противника и восторжествовать надъ нимъ въ тяжбѣ, которыя обыкновенно тянутся у нихъ безконечно, по-многу лѣтъ сряду.

Вообще мы въ Россіи составили себѣ довольно неосновательное мнѣніе о тупости и малоспособности грузинскихъ племенъ.

Правда, въ грузинѣ недостаетъ выдержки, терпѣнья, постоянства, недостаетъ часто трудолюбія. Это его великій органическій грѣхъ, который объясняетъ многое въ его исторіи и отчасти въ его настоящемъ экономическомъ положеніи. Но народы юга имѣютъ достоинства и недостатки именно народовъ юга, а не какихъ-нибудь жителей снѣговыхъ пустынь.

Итальянца нельзя мѣрить аршиномъ норвежца, и если онъ сталъ народомъ-соловьемъ, народомъ-художникомъ, народомъ-поэтомъ, несправедливо было-бы закрыть на это глаза и помнить только то, что саксонецъ безконечно обогналъ его въ дѣлѣ обученья грамотѣ и унавоживанья полей.

То-же самое—грузины съ соотчичами своими, имеретинами и мингрельцами. Они не развили въ себѣ не-

сокрушимыхъ прозаическихъ силъ паука, съ безошибочнымъ разсчетомъ, съ неумолимою суровостью разставляющаго свои тенета разнымъ веселымъ легкокрылымъ созданіямъ, какъ развилъ въ себѣ ихъ всегда толстый, всегда румяный, всегда богатый армянинъ. Они побиты на-голову армяниномъ на полѣ промышленной и торговой жизни своей, они попались ему въ лапы и не скоро высвободятся изъ нихъ.

Но изъ этого печальнаго факта еще никто не вправѣ вывести, чтобы грузинъ былъ умственно ничтожнѣе и безталаннѣе армянина, чтобы его духъ былъ скуднѣе и ниже армянскаго духа, точно также какъ раздавленный германцемъ французъ еще не сталъ черезъ это народомъ менѣе способнымъ, чѣмъ германецъ...

Національная борьба грузина съ армяниномъ имѣетъ тотъ-же смыслъ и тотъ-же конецъ, какъ былая сословная борьба рыцарей, часто смѣлыхъ, великодушныхъ, но въ то-же время лѣнивыхъ и беззаботныхъ, съ плутоватымъ молчаливымъ разсчетомъ мѣщанскаго мѣшка, часто пошлымъ, часто униженнымъ, но всегда одинаково твердымъ, всегда побѣждавшимъ въ концѣ концовъ...

Самая потребность лѣни и развлеченія, ради которыхъ южный житель вообще, грузинскія-же племена въ особенности, жертвуютъ многими важными интересами своими, требуетъ болѣе безпристрастнаго анализа. Въ этой потребности не все такъ глупо, не все такъ неосновательно и такъ невыгодно, какъ это кажется съ односторонней точки зрѣнія нашихъ сухихъ житейскихъ практиковъ

Странно забывать, что именно досугъ, именно извѣстное *право лѣни* есть одно изъ условій благополучія, къ которому стремится человѣкъ, не только съ личной, но и съ общественной точки зрѣнія. Это есть самое практическое и самое осязательное проявленіе свободы человѣка, свободы тѣла и духа его, точно

такъ-же какъ обязательная работа есть самое наглядное выраженіе человѣческаго рабства, съ которымъ его связываетъ не только внутренній смыслъ, но и общій корень слова.

Если мы сочувствуемъ движенію цивилизаціи, замѣнившему машинами ручной трудъ человѣка, узаконившему для каждаго рабочаго опредѣленное число рабочихъ часовъ, то именно потому, что считаемъ досугъ священнымъ правомъ и естественною цѣлью человѣка.

Самыя заботы государства и нравственныхъ людей возвысить благосостояніе общества гораздо болѣе имѣютъ въ виду обезпеченіе этому обществу извѣстнаго досуга отъ обязательнаго труда, чѣмъ доставленіе ему тѣхъ или другихъ матеріальныхъ излишковъ, далеко не столь важныхъ и не столь необходимыхъ въ жизни человѣка.

Если-же заботы о благосостояніи вырождаются въ одностороннее и безостановочное стремленіе къ накопленію богатствъ, то онѣ, значитъ, изъ-за средствъ забываютъ о цѣли и въ сущности обращаютъ благосостояніе въ самый тяжелый обязательный трудъ, не оставляющій человѣку времени для основныхъ естественныхъ условій жизни. Мы дѣйствительно видимъ на каждомъ шагу, что богатые люди — самые несчастные люди, что усложненье ихъ интересовъ и подъемъ требованій дѣлаетъ для нихъ невозможнымъ беззаботное спокойствіе духа, часто присущее человѣку, даже едва обезпеченному въ своемъ завтрашнемъ днѣ.

Ктому-же нужно сказать, что грузинскій простолюдинъ имѣетъ въ сущности все, что нужно его скромнымъ вкусамъ, имѣетъ, пожалуй, болѣе чѣмъ любыя изъ самыхъ хозяйственныхъ націй. У него всегда винцо въ кувшинѣ, кукуруза въ запасѣ, у него всегда подъ рукою добрый конекъ и щеголеватый кинжалъ. Почти у всякаго есть деньги. Больше ему ничего не нужно, онъ не хочетъ пріобрѣтать лишняго и усложнять свои

простыя потребности цѣною своего веселья и душевнаго покоя. Въ этомъ еще нѣтъ большаго грѣха... Впрочемъ, говорю это собственно о грузинскомъ поселянинѣ, а не о дворянствѣ грузинскомъ.

Не желая смущать читателя никакими остроумными парадоксами, мы самымъ искреннимъ образомъ убѣждены, что если грузинскій складъ вкусовъ слишкомъ пересаливаетъ одну естественную потребность человѣка въ досугѣ и наслажденіяхъ минуты, то противоположный грузинскому вкусъ, полнѣе всего олицетворяемый на Кавказѣ армянами, который можно назвать культомъ наживы ради наживы, еще, быть можетъ, болѣе пересаливаетъ другое естественное свойство человѣка— его заботу о своемъ кускѣ хлѣба, заслоняя этимъ кускомъ высшія стороны жизни и обращая человѣка въ раба обстоятельствъ съ другаго конца...

XI

У развалинъ Археополиса

СМОТРИТЕЛЬ духовнаго училища въ Навогалеви, знакомый князя М., узнавъ о нашемъ пріѣздѣ, забѣжалъ къ намъ въ духанъ и охотно вызвался сопровождать насъ въ Наколакеви и далѣе къ Сенаки, въ глубь Мингреліи. Онъ познакомилъ насъ и съ мѣстнымъ мировымъ судьей, г. К., который живетъ очень близко отъ духана въ маленькой квартиркѣ на холостую ногу.

Насъ сразу собралась цѣлая компанія. У мироваго судьи мы нашли молодаго священника, благочиннаго округа, который верхомъ на катерѣ (т. е. мулѣ) отправлялся въ объѣздъ своихъ церквей. Это было очень кстати, и К. тоже приказалъ привести себѣ лошадь,

чтобы проѣхаться съ нами въ компаніи. Здѣшняя простота и дружелюбность отношеній между людьми, такъ мало похожая на обычную нашу недовѣрчивость и стѣсненность въ обращеніи, необыкновенно располагаетъ въ пользу грузинскаго племени симпатіи путешественника. Есть что-то дѣйствительно человѣчное въ этой, сразу, безъ труда и натяжки рождающейся близости между человѣкомъ и человѣкомъ; сегодня они только что встрѣтились на нѣсколько часовъ, завтра они разстанутся навсегда,—но они оба люди, и потому чувствуютъ себя родными другъ другу, имъ дорого доброе слово этого случайнаго брата, имъ пріятна посильная услуга ему...

* * *

Послѣ довольно рискованной переправы вбродъ черезъ разливы Абаши, мы опять очутились въ странѣ лѣсныхъ холмовъ, изъ-за которыхъ чудною рамою этой великолѣпной картины продолжали сіять далекіе снѣга Кавказскихъ хребтовъ.

Мингрелія обработана гораздо хуже, чѣмъ Имеретія, и не представляетъ собою того радующаго хозяйственнаго впечатлѣнія, какъ домовитые хуторки и сады имеретинскихъ крестьянъ. Крестьянамъ здѣсь принадлежитъ мало земель, потому что огромная часть земель, по старинѣ, находится во владѣніи бывшаго царскаго рода Дадьяновъ, раздробившагося и размножившагося въ настоящее время, какъ песокъ морской.

Намъ попадалось очень много хлопчатника, котораго мы почти не видали въ Имеретіи, но винограда за то встрѣчалось очень мало: мингрельскія вина далеко уступаютъ собою имеретинскимъ и по качеству и по количеству, не говоря о кахетинскихъ. Замѣтна была нѣкоторая разница и въ благоустройствѣ страны. Хотя мы большею частью ѣхали по шоссе, но это шоссе—только одно тщеславное названіе. Куски щебня

изъ сосѣдней рѣки или ручья, кое-гдѣ насоренные поверхъ дорожки, мѣшающіе лошади ступать твердо и сбивающіе ей копыто острыми краями своихъ камней, да оголенныя сваи мостиковъ, давно уже сгнившихъ и разобранныхъ, служащихъ гораздо болѣе «путями разобщенія», чѣмъ «путями сообщенія», — вотъ вамъ эти домашнія мингрельскія шоссе. Они находятся въ завѣдываніи полиціи и устраиваются мѣстными «земскими» средствами. Говорятъ, на шоссе этого уѣзда назначается по 30,000 руб. въ годъ, кромѣ работъ натурою, съ которою здѣсь, къ слову сказать, мало церемонятся; нѣтъ сомнѣнія, что эти 30,000 исправно выписываются въ расходъ, но какъ допускается рядомъ съ этой смѣтою существованіе этихъ шоссе безъ мостовъ и камня—это уже выше нашего разума.

Вообще, чего не наслушаешься здѣсь про подвиги нашей кавказской администраціи! Я, разумѣется, не вѣрю доброй половинѣ всего, что случайно попадаетъ мнѣ въ уши при моихъ мимолетныхъ встрѣчахъ съ самымъ разнообразнымъ здѣшнимъ людомъ, на ночлегахъ и дневкахъ моихъ въ духанахъ, лавкахъ и на дорогахъ. Но и остальной половины слишкомъ довольно. Одни исчисляютъ въ нѣсколько милліоновъ состояніе незадолго передо мною удалившагося изъ Кавказа военнаго администратора, ничѣмъ другимъ не прославившагося; другіе, словно сговорившись, ужасаютъ меня цѣлыми серіями возмутительныхъ разсказовъ о нашихъ батумскихъ и карсскихъ порядкахъ. Наше кавказское чиновничество, повидимому, вошло во вкусъ обезземеленья туземныхъ племенъ и избрало себѣ его любимѣйшею системою управленія. Выселенія въ Турцію береговыхъ жителей Черноморскаго округа, джигетовъ, шапсуговъ и всякаго имени черкесскихъ племенъ западнаго хребта изъ-за Кубани, Бѣлой, Лабы, оставило такое соблазнительное наслѣдство кавказскому чиновничеству, военному и

гражданскому, которое не могло не возбудить надолго аппетита къ лакомымъ кусочкамъ. Цѣлыми тысячами десятинъ отводились высшимъ служилымъ людямъ Кавказа плодородныя земли изгнанныхъ племенъ, ихъ старые сады и плантаціи. Когда черкесская дѣлежка была кончена, захотѣлось абхазской; равно въ Абхазіи—рай земной, растительность чуть не тропическая, плодородіе почвы баснословное, вся страна — одинъ сплошной садъ... Сами абхазцы — отличный народъ, даровитый, тонкій, изящный,—французы Кавказа, какъ ихъ величаютъ въ Грузіи; они большею частью христіане и притомъ старинные христіане, со временъ Андрея Первозваннаго и Симона Хананейскаго. У абхазцевъ великолѣпные сады и плантаціи на берегу моря. И ихъ, и сады ихъ бросили на произволъ судьбы, не оставивъ на защиту ихъ ни одной роты войска. А когда турки забрали ихъ имущества, женъ и дочерей, и потребовали, чтобы они стали на ихъ сторону, абхазцевъ, ненавидящихъ турокъ, сдѣлали бунтовщиками. Собственною непредусмотрительностью, собственною небрежностью своею мы убили чудную страну, которая долго теперь не оправится, которую уже ничѣмъ не вознаградишь. Все пусто тамъ до сихъ поръ, какъ передаютъ очевидцы. За то сколько создалось удобныхъ поводовъ, чтобы отдѣлаться отъ этого безпокойнаго племени, какъ отдѣлались мы уже отъ многихъ кавказскихъ племенъ, чтобы бросить на растерзаніе нашей чиновнической корысти новые десятки тысячъ десятинъ земли, такъ кстати присовокупляемые къ двойнымъ окладамъ, къ сокращеннымъ пенсіямъ, къ бакинскимъ нефтянымъ источникамъ и кубанскимъ пажитямъ, которыми кавказская администрація такъ обильно осыпаетъ своихъ великихъ административныхъ мужей, неизвѣстно чѣмъ заслужившихъ передъ отечествомъ.

Повторяю—можетъ быть, многое, что я слышалъ въ Мингреліи, Имеретіи, Тифлисѣ, — отчасти клевета на нашу администрацію; но было бы безсовѣстно скрывать эти повальные отзывы мѣстнаго населенія. Изъ чего-нибудь да родятся же они. Неужели же цѣлый народъ можетъ быть зараженъ такою нахальною лживостью?

Здѣсь всѣ твердятъ, что въ Абхазіи затѣвали учинить такую же дѣлежку, какъ и у черкесовъ, такую же, какая до сихъ поръ продолжается въ Баку. Недаромъ и газеты подтверждаютъ это своими недавними извѣстіями объ отдачѣ цѣлой области корабельныхъ лѣсовъ Абхазіи въ собственность немногимъ счастливцамъ, безъ которыхъ бѣдный Кавказъ не въ силахъ справиться съ собственными богатствами.

Здѣсь же твердятъ, что съ лазами и аджарцами новоприсоединенныхъ областей творится то-же; что чуткое на поживу чиновничество дѣлаетъ все на свѣтѣ, чтобы сдѣлать невозможною мирную жизнь этихъ племенъ въ ихъ родовыхъ гнѣздахъ. Поселить въ туземныхъ племенахъ неудовольствіе, волненія, безпорядки, бросить ихъ намѣренно въ объятія Турціи, убѣдить правительство, что цивилизація и русское владычество несовмѣстны съ ихъ разбойничьими вкусами, и потомъ, въ видѣ мудрой государственной мѣры, выкинуть ихъ изъ ихъ собственной страны, чтобы вознаградить самихъ себя за свои государственныя заслуги садами и полями, терпѣливо, въ теченіе столѣтій, воздѣлываемыми этими мнимыми разбойниками, — вотъ та система, которая смѣло теперь поднимаетъ голову въ Батумѣ и Карсѣ. Эта система во сто разъ гибельнѣе и позорнѣе для Россіи всякаго норманскаго завоеванія: то по крайней мѣрѣ оставляло на мѣстѣ покоренныхъ саксовъ и бриттовъ, земли которыхъ дѣлились между дружиною завоевателей.

Кстати вспоминаю, что въ томъ-же родѣ разсказы

слышалъ я въ Кутаисѣ и объ извѣстномъ сванетскомъ бунтѣ 1876 года, когда были убиты полковникъ Реусъ и мѣстный уѣздный начальникъ. Вся экспедиція въ Вольную Сванетію была буквально выдумана, какъ передавали мнѣ мѣстные жители. Чиновникамъ хотѣлось отличій и взятокъ, и выдумали сванетскій мятежъ. Жаль только, что вмѣстѣ съ неосторожными затѣйщиками погибли и неповинные люди, какъ молодой врачъ и приставъ М. Преступника, котораго выдачи требовали у сванетовъ, говорятъ, вовсе не было въ селѣ. Когда полудикіе сванеты, напуганные вторженьемъ начальства и военной команды, выслали 2-хъ депутатовъ объявить, что они во всемъ покорны правительству, просятъ не дѣлать имъ вреда и разъяснить имъ хорошенько, чего хотятъ отъ нихъ, то полковникъ Реусъ, не называвшій сванетовъ иначе, какъ собаками, крикнулъ солдатамъ: «на штыки ихъ, собакъ!» Солдаты исполнили приказъ—и парламентеры были подняты на штыки. Тогда изъ всѣхъ башенъ сванетскаго селенья грянули выстрѣлы. Реусъ былъ убитъ, солдаты бѣжали, остальное начальство спряталось въ домѣ сельскаго старшины, который ручался за полную безопасность ихъ. Ночью крыша его дома была разобрана, самъ старшина и всѣ гости его были перестрѣляны сверху. На судѣ солдаты объясняли потомъ, будто-бы Реусъ приказалъ взять на штыки лаявшихъ кругомъ собакъ, и что будто-бы солдаты не такъ поняли его слова, а отнесли ихъ къ сванетамъ. Но эта натяжка, кажется, слишкомъ очевидна. Потомъ снарядили цѣлый отрядъ съ орудіемъ противъ 60 человѣкъ сванетовъ, защищавшихся въ своихъ башняхъ кремневыми ружьями. Всѣ остальныя селенія безпрекословно впустили къ себѣ русское войско. Поляки вообще во множествѣ служатъ на Кавказѣ приставами и ихъ помощниками, грабятъ безжалостно, и больше, чѣмъ кто-нибудь, возстановляютъ

туземцевъ противъ русскаго владычества... Говорятъ, этому польскому элементу покровительствовали нѣкоторые бывшіе чины высшей кавказской администраціи...

* * *

Проѣзжая Мингрелію, можно увѣровать, что въ древности здѣсь поклонялись деревьямъ, какъ божествамъ. Всюду на темени сосѣднихъ лѣсныхъ холмовъ виднѣлись намъ расчищенныя, покрытыя поляны, на которыхъ еще свято сохраняются маститые дубы и липы громадныхъ размѣровъ, совершенно подъ-стать тѣмъ великанамъ, которымъ я изумился въ Мартвили и Хони... На высотѣ своихъ холмовъ, въ своемъ царственномъ одиночествѣ, эти древніе степные исполины дѣйствительно производятъ впечатлѣніе какихъ-то богамъ воздвигнутыхъ сооруженій... Въ Банза до сихъ поръ сохранился первобытный обрядъ поклоненія деревьямъ. Въ извѣстные праздники вырываютъ, безъ помощи лопатъ, голыми руками, молодое дерево, обносятъ его вокругъ храма и съ разными обрядами ставятъ у церкви корнями внизъ.

Въ Мингреліи, Имеретіи, Кахетіи до сихъ поръ есть много мѣстъ, гдѣ приносятъ жертвы старымъ толстымъ деревьямъ, собираются молиться вокругъ нихъ, ставятъ внутри ихъ иконы, женщины обводятъ ихъ нитками, какъ стѣны храмовъ... Точно также сохранился языческій обычай приносить въ жертву животныхъ, особенно пѣтуховъ. У одной церкви, разсказывали мнѣ, въ извѣстный праздникъ рѣжется въ жертву до 1,000 пѣтуховъ.

* * *

Но древнѣе всякихъ воспоминаній древности—городъ Наколакеви,—къ которому добрались мы послѣ многихъ часовъ утомительной верховой ѣзды, уже вечеромъ. Имя Наколакеви—это буквальный переводъ на мингрельскій языкъ греческаго названья *«археополисъ»*

и означаетъ: «бывшій городъ» или «древній городъ». Для того, чтобы въ глубокой древности заслужить названіе «древняго» города, нужно было прожить много столѣтій.

Ученые дѣйствительно увѣряютъ, что Наколакеви есть знаменитый въ греческихъ легендахъ городъ Эа, столица Колхиды, гдѣ совершались чародѣйства Медеи, куда Язонъ ѣздилъ за золотымъ руномъ и гдѣ потомъ многоумный Улиссъ пребывалъ въ плѣну у коварной волшебницы Цирцеи...

Въ V вѣкѣ по Рождествѣ Христовѣ, Археополисъ считался самымъ крѣпкимъ городомъ Лазики и былъ христіанскою столицею лазовъ; въ немъ до сихъ поръ уцѣлѣли развалины церкви VI вѣка, построенной при Юстиніанѣ.

Дѣйствительно, Археополисъ кажется неприступнымъ съ той стороны, откуда мы ѣхали. Его живописныя развалины, густо заросшія лѣсомъ, глядятъ чуть не изъ-подъ облаковъ, на утесистыхъ гребняхъ, провожающихъ справа русло Техура. Теперешній Наколакеви лежитъ у его ногъ по другую сторону рѣки. Очень большой и высокій каменный мостъ, перекинутый черезъ Техуръ, охранялся и снизу сильнымъ укрѣпленіемъ, которое, однако, теперь разрушено по глупости какого-то уѣзднаго начальника, попавшаго за это подъ судъ. Въ укрѣпленіи, вѣроятно, былъ прежде монастырь, и до сихъ поръ сохранилась очень древняя церковь Сорока Мучениковъ, которую мы посѣтили. Большая плита изъ дикаго камня съ сорока грубо продѣланными въ ней кружками показывается въ притворѣ у самаго входа, и провожавшие насъ попы объяснили намъ, то подъ нею погребены тѣ самые 40 мучениковъ, «претерпѣвшіе мразъ озера Севастійскаго», которыхъ память чествуетъ наша Церковь 9-го марта.

Какъ ни сомнительна подобная легенда, но Мингре-

лія вѣритъ ей и стекается въ маленькую старенькую церковку молиться 40 угодникамъ. На стѣнахъ, окружающихъ дворъ церкви, какъ и въ древней церкви Хони, успѣли вырости среди камней цѣлыя громадныя деревья, и одинъ маститый орѣхъ, не довольствуясь цементомъ стѣны, спустилъ свои ползучіе корни въ глубину почвы...

Благодаря провожавшему насъ благочинному, причтъ церкви весьма любезно спѣшилъ показать намъ всѣ достопримѣчательности Археополиса, пока не совсѣмъ еще надвинулась черная ночь. По узенькой, осыпающейся тропинкѣ спустились мы, мимо моста, черезъ живописные обрывы Техура, клокотавшаго внизу, къ оригинальному подземному ходу, что велъ когда-то изъ крѣпости къ рѣкѣ, пробуравивъ наискось всю огромную толщу скалы. Эта подземная труба очень напоминаетъ тайникъ въ Уплисъ-Цихе, хотя не такъ крута и не такъ опасна, какъ тамъ. Въ скалахъ обрывистаго берега замѣтны огромныя каменныя кольца, очевидно служившія когда-то для привязи судовъ, ходившихъ по Техуру.

На той сторонѣ рѣчки пришлось карабкаться къ развалинамъ Археополиса чуть не на рукахъ, пробираясь черезъ колючую чащу лѣса и осыпи камней... Насквозь мокрые добрались мы наконецъ до разрушенныхъ балокъ стѣнъ замка, вѣнчавшаго скалу съ этой стороны. Мы отдохнули на верху его стѣнъ, свѣсивъ ноги внизъ надъ пропастью Техура. Милый, скромный городокъ съ своими зелеными садами и привѣтливыми домиками стелется весь передъ нами на той сторонѣ рѣки. Великолѣпенъ отсюда видъ внизъ на пѣнившуюся и рокотавшую пропасть Техура и на широкую панораму окрестностей...

Однако утомленье верховой ѣзды и карабканья по скаламъ сказалось само собою. Мы не рѣшились бродить по лѣсу, отыскивая другія развалины, которыми

на много верстъ покрыта древняя Эа, тѣмъ болѣе, что въ нихъ тѣ-же камни и плиты и никакихъ другихъ болѣе осмысленныхъ остатковъ... Ктому-же ночь гнала насъ далѣе...

Внизу мы освѣжились нѣсколькими бутылками пива, которыя такъ кстати предложилъ намъ священникъ, и поскакали въ путь, торопясь добраться на ночлегъ до станціи Ново-Сенаки.

*
* *

Скоро сдѣлалось черно какъ въ чернильницѣ, и мы ѣхали наудачу среди густѣвшихъ кругомъ садовъ, ежеминутно рискуя оборваться куда-нибудь въ ручей, наткнуться на заборъ или дерево...

Усталыя лошади начинали спотыкаться на всюду разбросанные камни, которые служатъ единственнымъ признакомъ шоссе.

Я только теперь съ изумленіемъ замѣтилъ, что за нами неотступно слѣдовалъ, нигдѣ не отставая отъ лошадей, мальчишка-мингрелецъ изъ Новогалеви, которому отецъ приказалъ принять въ Сенаки лошадь смотрителя училища и вернуться на ней домой. Отъ Новогалеви до Сенаки не болѣе ни менѣе какъ 32 версты, и удалой мальчикъ сдѣлалъ этотъ переходъ, ни разу не присѣвъ... Правда, во многихъ мѣстахъ онъ бросалъ шоссе и бѣжалъ по ближнимъ тропинкамъ, но какъ бы то ни было, когда смотритель слѣзъ съ коня у крыльца сенакской гостиницы, смуглая дѣтская ручонка тотчасъ же потянулась къ уздѣ, и смѣлый дѣтскій голосокъ произнесъ сурово: «давай рубль!» — Рубль — это была цѣна коня и мальчика — вмѣстѣ, за цѣлыхъ 2 дня ѣзды (считая возвращенье); мы тоже заплатили всего 10 рублей за 3-хъ своихъ лошадей и проводника отъ самаго Хони до Сенаки. Однако мы не сразу добрались до ночлега. Такъ захотѣлось подкрѣпить себя чѣмъ-нибудь и освѣжиться, что когда во-

кругъ насъ заискрились огоньки базара Старо-Сенаки, мы всѣ безъ дальняго размышленія, словно по уговору, спѣшились у открытаго прилавка перваго попавшагося духана и потребовали себѣ обычныхъ грузинскихъ угощеній—сыру съ хлѣбомъ, балыка и вина... Тутъ же на деревянной лавочкѣ все это было съ жадностью уничтожено; хотя уже была ночь, множество празднаго народа стояло, сидѣло и лежало вокругъ духана и внутри его. Кто ѣлъ, кто курилъ, кто болталъ, кто слушалъ... Сейчасъ было видно, что это—привычный клубъ, въ которомъ собираются покоротать время, поглазѣть на пріѣзжающихъ, покалякать о новостяхъ старо-сенакскіе обыватели...

Для нихъ пріѣздъ нашей кавалькады былъ, разумѣется, неожиданнымъ развлеченіемъ, послѣ котораго можно было съ спокойною совѣстью отправиться на постели...

Наконецъ, сквозь совершенно слѣпую черноту ночи доползли мы кое-какъ и до Ново-Сенаки. Пробираемся между стѣнами густыхъ садовъ, разведенныхъ какимъ-то молодцомъ англичаниномъ, который ухитрился изъ небольшаго клочка купленной имъ земли извлекать огромный доходъ, заведя такой образцовый садъ и такіе рѣдкіе фрукты, о которыхъ даже не подозрѣвала текущая молокомъ и медомъ Мингрелія.

Въ Ново-Сенаки уже не только духаны, но и гостиницы на европейскій манеръ, и не одна, а нѣсколько; вонъ передъ нами вывѣска «Кавказъ-Hôtel», съ освѣщенною залою, съ открытымъ балкономъ, на которомъ какіе-то два генерала аппетитно попиваютъ что-то... Къ сожалѣнію, всѣ номера щеголеватаго «Кавказъ-Hôtel'я» заняты, и приходится пріютиться напротивъ него, въ гостиницѣ поскромнѣе.

Тутъ ужъ можно поужинать и достать вина повкуснѣе, чѣмъ въ духанѣ базара, а главное—можно

заснуть въ довольно чистой и довольно мягкой постели.

Господи! да какая же постель не покажется чистою и мягкою послѣ столькихъ часовъ тряски на сѣдлѣ, лошадинаго поту и шоссейной пыли!...

Да и заснули же мы за то, да и выспались же на славу, словно хотѣли отомстить по-русски заразъ и всѣмъ этимъ водоворотамъ Цени-Цхали, и крутизнамъ Мартвили, и осыпямъ Археополиса, и всѣмъ мучительнымъ мингрельскимъ рѣдкостямъ...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Тифлисъ и Кахетія

I

Азіатскій Теплицъ

У насъ въ Россіи мало кто знаетъ, что мы, русскіе, обладаемъ своимъ собственнымъ, хотя и азіатскимъ Теплицомъ, Теплицомъ и по имени и по дѣйствительнымъ свойствамъ своихъ теплыхъ водъ. Этотъ нашъ Теплицъ — Тифлисъ, по туземному Тбилиси, отъ грузинскаго слова «тбили» — теплый, очевидно, общаго индоевропейскаго корня.

Въ Тифлисѣ до сихъ поръ существуютъ обильные источники горячей сѣрной воды, изстари прославившіе городъ какъ цѣлебное мѣсто и до сихъ поръ составляющіе громкую славу его дѣйствительно возстановляющихъ бань...

Какъ во всѣхъ Kurort'ахъ Германіи, и тифлисскіе цѣлебные источники украшены легендою, почти такою-же, какъ Баденъ-Баденъ и другія прославленныя своею чудотворностью минеральныя воды Европы.

Нѣкій древній грузинскій царь, охотясь въ дремучихъ лѣсахъ, когда-то покрывавшихъ котловину Куры

на мѣстѣ нынѣшней шумной столицы Кавказа, ранилъ стрѣлою оленя. На его глазахъ олень, истекавшій кровью, бросился къ одному изъ теплыхъ сѣрныхъ ключей, обильно орошавшихъ лѣсъ, погрузился въ него, выскочилъ на другой берегъ и, къ изумленію царя, умчался въ чащу, бодрый и сильный, словно у него не было ни раны, ни потоковъ крови... До такой степени подѣйствовала на него разомъ чудотворная вода Тбилиси. Съ тѣхъ поръ по повелѣнью царя здѣсь возникло поселенье, и сѣрныя воды Тбилиси получили широкую славу.

Какъ-бы то ни было, а Тифлисъ во всякомъ случаѣ — одинъ изъ самыхъ старыхъ городовъ не только Россіи, но и всей Европы. Древность Кіева и Новгорода моложе его цѣлыми столѣтіями... Онъ теперь считаетъ себѣ уже полтора тысячелѣтія. Вначалѣ онъ дѣйствительно былъ весь деревянный—дворцы, домà, даже стѣны крѣпости — и весь окруженъ лѣсами... Старые армянскіе историки всю область Тифлиса называли когда-то «страной лѣсовъ» (Пайта-каранъ); авлабарскіе лѣса покупались и продавались еще въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, а теперь Авлабаръ одна изъ составныхъ частей Тифлиса, такая-же голая, выжженная и каменистая, какъ и остальной городъ. До сихъ поръ не забыто преданіе о томъ, какъ жители Тбилиси били оленей на Верѣ, той самой теперь сухой и открытой степи, гдѣ стоитъ громадный крестъ въ память спасенія отъ смерти императора Николая и черезъ которую путешественникъ изъ Россіи, двигающійся черезъ перевалъ Казбека, обыкновенно въѣзжаетъ въ Тифлисъ. Теперь Вера уже давно вошла въ черту города, и я имѣлъ удовольствіе, подобно другимъ, проѣхать черезъ нее въ славную грузинскую столицу.

* * *

Дѣйствительно, не легко вообразить себѣ, даже человѣку, одаренному восточнымъ воображеніемъ, что,

въѣзжая въ Тифлисъ, вступаешь въ прежнюю «область лѣсовъ», когда-то населенную оленями... Тифлисъ — это громадная каменная сковорода, помѣщенная среди окружающихъ возвышенностей съ такимъ вполнѣ удачнымъ разсчетомъ, чтобы никакое дуновенье вѣтра не могло освѣжить невыносимо-стоячаго зноя, который наваливается въ теченіе всего лѣтняго полугодія на голые каменные дома, на открытыя каменистыя улицы, на нависшіе со всѣхъ сторонъ каменные обрывы и скаты горъ...

На этой каменной сковородѣ, прикрытой сверху, какъ глухимъ колпакомъ, раскаленнымъ, вѣчно безоблачнымъ синимъ сводомъ, нѣсколько мѣсяцевъ сряду жарятся бѣдные тифлисцы, и надо изумляться могучей силѣ природы, которая даже и въ этой безнадежной обстановкѣ пещи вавилонской создаетъ столько цвѣтущихъ и сочныхъ организмовъ, столько физической красоты, столько душевной веселости, наконецъ столько шуму и дѣятельности... Къ сожалѣнію, Дантъ не былъ знакомъ съ лѣтними муками тифлисской атмосферы, а то бы онъ, безъ сомнѣнія, включилъ эту сухую, горячую сковороду въ число мукъ своего ада, и талантливому Густаву Доре не было-бы никакой нужды насиловать свою фантазію изобрѣтеніемъ подходящей иллюстраціи, а было бы вполнѣ достаточно выписать одну изъ тѣхъ превосходныхъ фотографическихъ коллекцій Тифлиса, которыми по справедливости можетъ гордиться здѣшняя фотографическая мастерская Барканова. Но великъ Богъ земли Русской!... Грузины, армяне, татары, круглое лѣто не снимающіе бараньихъ шапокъ на ватѣ и двойныхъ суконныхъ одеждъ, какъ-будто даже не замѣчаютъ, что въ Тифлисѣ лѣтомъ бываетъ жарко, какъ-будто и не подозрѣваютъ, что существуютъ на свѣтѣ города и селенія, гдѣ люди не обречены жариться, какъ караси на плитѣ, гдѣ пекутъ

въ золѣ только одни картошки, — «чортовы яблоки» своего рода, но никакъ не живаго человѣка, образъ и подобіе Божіе. Балованный народъ, сановники, чиновники, кто повыше, разбогатѣвшіе европейскіе негоціанты, тѣ всѣ удираютъ куда попало изъ Тифлиса, какъ-только наступаетъ эта томительная жаркая пора... Удираютъ въ Коджоры поближе, въ Манглисъ — подальше, въ Бѣлый Ключъ, вообще куда-нибудь въ горы, въ лѣса, по возможности, поближе къ облакамъ небеснымъ, если не за облака, отъ этихъ черезчуръ уже горячихъ объятій матери-земли... Недавній дворъ намѣстника отъѣзжалъ дальше всѣхъ и выше всѣхъ въ чудныя, тѣнистыя дебри Боржома,

Въ горы, гдѣ темнѣютъ ели,
Шумны, веселы, могучи,
Воды плещутъ, птицы свищутъ
И по волѣ мчатся тучи...

Даже помыслить радостно объ этихъ безконечныхъ галлереяхъ сосновыхъ стволовъ, полныхъ прохлады и зеленаго сумрака, тому, кто осужденъ изнывать на безжалостномъ припекѣ тифлисскихъ мостовыхъ съ 3 часовъ утра до 9 часовъ вечера... Онъ бы радъ-радехонекъ, какъ богачъ евангельской притчи, погруженный въ геенну огненну, освѣжить свои уста хотя-бы прикосновеніемъ омоченнаго пальца бѣднаго Лазаря, ликующаго на прохладныхъ лонахъ Авраама, въ Манглисѣ и Боржомѣ.

Но въ томъ-то и горе, что на этомъ грѣшномъ свѣтѣ все бываетъ совсѣмъ наоборотъ, чѣмъ въ мірѣ, «идѣ же нѣсть печали ни воздыханія»; въ нашей земной юдоли, не исключая и славнаго въ исторіи города Тбилиси, бѣдные Лазари обыкновенно бываютъ осуждены все лѣто мучиться въ гееннѣ огненной, посматривая съ безплодною завистью на Авраамовы лона бо-

гачей, удалившихся къ прохладнымъ высямъ небесъ, на высокія горы, въ тѣнистые лѣса, въ райскія дачи, обильные сладкими плодами «древа жизни» и еще болѣе сладостными плодами древа «познанія добра и зла». Страдаютъ отъ тифлисскихъ жаровъ, какъ мы уже сказали, пришельцы, а не туземцы, именно тѣ изъ пришельцевъ, которымъ ихъ дѣла или ихъ средства не дозволяютъ бѣжать въ горы. Но въ послѣдніе годы европейская цивилизація настолько проникла въ древнюю резиденцію Сассанидовъ, что геенна огненная потеряла часть своихъ ужасовъ. Нѣмцы, выдумавшіе обезьяну, разумѣется, сейчасъ-же выдумали и въ Тифлисѣ свою «нѣмецкую колонію», т. е. цѣлую деревню, полную садиковъ, въ которыхъ даже и небогатые жители могутъ нанимать себѣ недорогія квартирки и пользоваться природою, хотя въ значительной миніатюрѣ. Въ этихъ мирныхъ частныхъ садикахъ возникли теперь и общественныя увеселенія, кегли и пиво и мѣстное винцо, столики для чая, арфянки, тирольки и мѣстные грузинскіе оркестры, — все какъ слѣдуетъ въ цивилизованной столицѣ. Въ нѣмецкую колонію уже въѣзжаешь какъ на дачу — вездѣ тѣнь и зелень, вездѣ шумъ завиднаго грузинскаго веселья.

Но самый центръ увеселеній на окраинѣ города, за нѣмецкою слободой, — «кружокъ», замѣняющій наши лѣтніе клубы, всегда биткомъ набитый гуляющими, мѣсто всеобщаго свиданія порядочнаго общества, танцевъ, мазурки, всяческихъ приличныхъ развлеченій... Тамъ перезнакомитесь со всѣми, съ безцеремонностью, вообще отличающею южную жизнь, тамъ увидите всѣхъ, кого вамъ нужно, кто вамъ интересенъ. Но «кружокъ» — это почти ужь не садъ, а нѣчто въ родѣ парижскихъ closeries, полузакрытыя, полуоткрытыя галлереи, нѣсколько тѣсныхъ дорожекъ съ деревьями, — никакой природы и простора. Собственно обществен-

нымъ городскимъ садомъ считается Муштаидъ... Это Булонскій лѣсъ, Пратеръ или Сокольники грузинской столицы. Тамъ уже и верховые, и экипажи, и зеленыя лужайки, и чащи, и всякія увеселительныя заведенія, а главное—тамъ дѣйствительно свѣжій воздухъ, дѣйствительная природа.

Удивительно какъ любитъ веселиться и отдыхать грузинское населеніе: проѣзжая чрезъ нѣмецкую слободу къ Муштаиду, на всякомъ шагу видишь какой-нибудь клубъ, какое-нибудь собраніе, какое-нибудь гулянье,—и все набито биткомъ, отовсюду несется музыка и пѣсни, вездѣ льется вино и сыпятся деньги...

И это поютъ и кутятъ не богачи, не одни дѣти досуга и достатка, а вся многотысячная рабочая толпа Тифлиса, весь ремесленный и торговый людъ города. Посмотрите на нихъ, — вы, можетъ быть, и осудите ихъ, но, можетъ быть, и позавидуете этому счастливому національному характеру, полному страстной жизненности, самоувѣренности и безпечности...

Посмотрите, съ какимъ сознаньемъ своего достоинства, съ какимъ наивнымъ чувствомъ своего равенства со всѣми, кого только видятъ они кругомъ себя, своихъ одинаковыхъ правъ на все, что только доступно другому, эти щегольски разодѣтые въ серебро и цвѣтныя сукна, черноглазые, черноволосые красавцы съ сверкающими бѣлыми зубами, съ румяными щеками, вооруженные какъ воины, свободно болтаютъ, острятъ, хохочутъ, бранятся...

Вамъ въ голову не придетъ, что это собраніе лакеевъ, мелкихъ прикащиковъ и разныхъ другихъ ничтожныхъ, скудно оплачиваемыхъ профессій...

Вы подумаете, что это храбрые вольные рыцари на пирушкѣ, а не поденьщики, прогуливающіе вечеромъ заработокъ своего дня...

Правда, у грузинъ удивительное смѣшенье аристо-

кратическихъ учрежденій съ демократическими нравами. И поденьщикъ, и лакей, и поваръ, часто безграмотный, часто ровно ничего не знающій, въ то-же время можетъ оказаться несомнѣннымъ княземъ стариннаго рода, изъ историческихъ фамилій какихъ-нибудь «адзе», «идзе» или «швили». Только въ Грузіи можно встрѣтить этотъ оригинальный типъ демократической аристократіи и аристократической демократіи: съ одной стороны, князя, сплошь да рядомъ спокойно чистящаго сапоги самому неважному барину; съ другой стороны, кучера или повара, который съ горделивымъ достоинствомъ подаетъ вамъ руку и зарубитъ васъ какъ собаку, если вы позволите себѣ оскорблять его честь.

*
* *

Черезъ европейскій Тифлисъ, съ его широкими проспектами, сквэрами, бульварами, съ рядами великолѣпныхъ магазиновъ, изящными экипажами, модными нарядами Парижа и Петербурга, мимо дворцовъ, гимназій, музеевъ, черезъ всѣ эти Головинскіе и Михайловскіе проспекты, Дворцовыя и Графскія улицы, перенеситесь въ старый туземный Тифлисъ, сбившійся у подножія древней исторической крѣпости, торчащей своими полуразрушенными башнями высоко на обнаженныхъ утесахъ, подъ защитою такого-же стараго Метехскаго замка, оберегавшаго переправу Куры съ того берега.

Здѣсь, въ этой тѣсной, но безопасной складкѣ горъ, вокругъ крутой излучины рѣки, сбился въ кучу грузинскій Тбилиси, старая столица Вахтанговъ и Давидовъ, настоящій историческій городъ древняго Востока, городъ своеобразныхъ азіятскихъ обычаевъ, своеобразной азіятской физіономіи, несравненно болѣе интересный туристу и художнику, чѣмъ весь просторъ и удобство цивилизованнаго новѣйшаго Тифлиса. Тутъ вы найдете почти всѣ чтимыя святыни города: Сіонскій

соборъ грузинъ съ этой стороны и Метехскій соборъ съ той стороны Куры, Ванкскій соборъ армянъ, Аліеву мечеть персовъ; только самое небольшое число изъ 48 церквей Тифлиса, грузинскихъ и армянскихъ, размѣщено въ другихъ, новыхъ частяхъ города. Тутъ и армянскій базаръ со многимъ множествомъ духановъ и лавочекъ, и оригинальпые «темные-ряды», и старинные грязные караванъ-сараи, и персидскій кварталъ, примыкающій къ подножію крѣпости безчисленными ступенями своихъ плоскихъ крышъ...

Тутъ, повторяемъ, вся Грузія, вся Азія, вся древняя исторія, насколько она еще уцѣлѣла въ Тифлисѣ...

Узкіе, вьющіеся переулочки, крошечныя, неправильныя площадки, темные, грязные переходы между тѣсно сдвинутыхъ стѣнъ по крутизнамъ берега, по обрывамъ скалъ... Грязно и тѣсно вездѣ, но вездѣ за то тѣнисто и сыровато, оттого, можетъ быть, такъ людно и шумно... Совсѣмъ не то, что на этихъ великолѣпныхъ широкихъ проспектахъ новаго города, открытыхъ съ утра до ночи припеку солнца, удушающихъ прохожаго бѣлою известковою пылью изъ-подъ колесъ безпрерывно несущихся экипажей.

Востокъ и югъ выработали себѣ типы построекъ и типы городовъ нисколько не глупѣе, а можетъ быть гораздо практичнѣе нашихъ. Если въ Петербургѣ, проводящемъ девять мѣсяцевъ сряду въ снѣгахъ, дождяхъ и слякоти, или въ вѣчно туманномъ Лондонѣ, гдѣ два мильона людей, самыхъ дѣятельныхъ въ цѣломъ мірѣ, снуютъ безостановочно взадъ и впередъ, гдѣ дома поневолѣ строятся высокіе какъ башни, пространные какъ стѣны крѣпости,—широкія улицы, обширныя площади являются насущною необходимостью, чтобы допустить лучъ солнца въ эти глубокіе и холодные коридоры, то на горячемъ югѣ сухой, бездождной Азіи, не знающей морозовъ зимы, нѣтъ никакого повода замуровываться людямъ въ гро-

мадные много-этажные сундуки изъ камня и желѣза и открывать жгучимъ лучамъ солнца свои улицы, свои любимыя мѣста собраній на площадяхъ и базарахъ... Ни широта, ни прямота не нужны южному азіатскому городу и невозможны для него...

Ему нужно совсѣмъ другое, и онъ необыкновенно практично достигъ этого другаго своими, можетъ быть жалкими для насъ, можетъ быть смѣшными намъ, но для него чрезвычайно удобными постройками.

Его уличка вьется змѣею уже потому одному, что азіатскій городъ рѣдко строится на равнинѣ, а почти всегда на скалахъ или въ тѣснинѣ рѣки. Но, и помимо этого, изгибы узкой улицы даютъ ему на всякомъ поворотѣ всего болѣе ему необходимую тѣнь отъ солнца. Тотъ-же смыслъ и въ узости этихъ улицъ: въ узкой улицѣ почти не бываетъ такого часа дня, когда бы хотя одна сторона домовъ не бросала отъ себя тѣни... А чтобы еще болѣе увеличить тѣнь и прохладу улицъ, сами дома азіатскаго города Тифлиса, точно также какъ Каира или Алеппо, представляютъ изъ себя своего рода навѣсы для улицъ. Ихъ плоскія крыши выступаютъ концами своихъ бревенъ, застланныхъ какъ террасы, довольно далеко отъ стѣнъ, такъ что нерѣдко эти выступы должны быть поддержаны рядами косыхъ упорокъ, въ родѣ кронштейновъ, обыкновенно красиво вырѣзанныхъ и разукрашенныхъ... Въ свою очередь верхній этажъ дома точно также выступаетъ дальше нижняго, образуя еще болѣе глубокій навѣсъ надъ проходящею внизу улицею. Если въ домѣ три этажа, что, впрочемъ, случается нечасто, то каждый верхній этажъ дѣлаетъ соотвѣтствующій выступъ надъ нижнимъ, а такъ какъ домà стоятъ съ обѣихъ сторонъ улицы, то вслѣдствіе этого способа постройки они могутъ сблизиться наверху на довольно короткое разстояніе, не

стѣсняя внизу улицы, которая такимъ образомъ обращается наполовину въ крытую галлерею...

Какъ хотите, а только, испытавъ на собственной своей шкурѣ дѣйствіе раскаленной сковороды, на которой черти грѣшниковъ жарятъ, поневолѣ признаешь остроумнымъ старый азіатскій способъ постройки городовъ и отъ всей души отдашь предпочтеніе какой-нибудь Сіонской или Армянской улицѣ Тифлиса передъ всевозможными Головинскими и иными проспектами, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока ихъ не обратятъ въ тѣнистые бульвары.

Впрочемъ, дома стараго Тифлиса имѣютъ сходнаго съ общимъ типомъ азіатскаго юга только плоскую крышу и эти навѣсы этажей... Но они сохраняютъ вмѣстѣ съ тѣмъ свой особенный грузинскій стиль, особенно въ наружной орнаментація. Галлерея — вотъ существеннѣйшая и характернѣйшая часть грузинскаго дома. Даже въ новомъ Тифлисѣ, въ домахъ, сильно приближающихся къ европейскому типу, грузины и армяне придаютъ галлереѣ такое господствующее развитіе, что домà ихъ все-таки отличаются отъ обычныхъ русскихъ. И снаружи на улицу и снутри во дворъ, по обоимъ своимъ этажамъ, грузинскій домъ обнесенъ сквозными галлереями съ разными затѣйливыми колонками, иногда съ разноцвѣтными стеклами, съ живописными рѣшеточками. Разъ грузинъ сошелъ съ первобытной плоской кровли своей, которыя теперь уцѣлѣли только въ наиболѣе старинныхъ кварталахъ, въ домахъ бѣднаго класса,—вся домашняя жизнь его сосредоточивается гораздо болѣе въ этихъ полуоткрытыхъ прохладныхъ галлереяхъ, чѣмъ въ скучной глуши дома.

*
* *

Узкая, темная улица не мѣшаетъ тифлисцу, какъ всякому истому азіатцу, подышать чистымъ воздухомъ ранняго утра или тихаго солнечнаго заката... Къ ночи

вы увидите на всѣхъ земляныхъ крышахъ Армянскаго базара или Персидской слободки цѣлыя живописныя группы женщинъ, дѣтей, стариковъ, мирно бесѣдующихъ на разостланныхъ коврахъ, распивающихъ чай, угощающихъ своихъ знакомцевъ. Часто слышатся сверху дѣвичьи пѣсни, звуки зурны и бубна... Вся праздная жизнь толпы, не отлившая въ общественные садики и гулянья на края города, поднимается изъ грязныхъ торговыхъ переулковъ сюда, на верхъ домовъ, подъ открытое небо, остывшее теперь отъ дневнаго жара...

*
* *

Но восточный человѣкъ чувствуетъ себя также хорошо и въ привычной толкотнѣ грязнаго базара, гдѣ онъ иногда проводитъ цѣлый день. Куда и зачѣмъ пойдетъ онъ отсюда? Тутъ его заработокъ, его газетный клубъ, его гостиная, его театръ, его столовая. Почти никто изъ бѣднаго люда, пріѣзжающаго въ городъ, не беретъ съ собой пищи. Не смотря на страшную дороговизну моднаго европейскаго Тифлиса, въ азіатскомъ Тифлисѣ туземецъ можетъ наѣсться и напиться за нѣсколько копѣекъ, да еще какъ весело наѣсться и напиться! подъ звуки музыки, въ пріятельской компаніи, среди смѣха и болтовни. Никогда не убывающая толпа всевозможнаго люда кишитъ цѣлый день по всѣмъ переулкамъ и закоулкамъ Армянскаго базара. Кто что заработалъ здѣсь, тутъ-же и оставляетъ весь свой заработокъ съ обычною грузинскою безпечностью и евангельскою беззаботностью о завтрашнемъ днѣ... Зарабатываются нерѣдко рубли въ день, не только копѣйки, но домой все равно не возвращаются... Если ѣсть и пить больше не хочется, поясокъ новый купитъ, шапку ухарскую, а уже домой не понесетъ...

Господи! какихъ тутъ народовъ не увидишь! персы, окрашенные хенной, будто въ какую-то огненную краску,

мингрельцы, лезгины, турки, нухинскіе татары, даже арабы черные...

Кто и работаетъ, то не спѣша, съ прохладою, не отказывая себѣ ни въ наслажденіяхъ бесѣды, ни въ спокойномъ зрѣлищѣ разныхъ базарныхъ новинокъ и приключеній. Та-же досужая неспѣшность и у продавца, и у покупателя, и у случайнаго прохожаго. Никто не хочетъ упустить случая поболтать, поглазѣть.

И вся обстановка восточнаго рынка словно приноровлена къ этой жизни толпы, не дорожащей временемъ, неимѣющей никакихъ хитрыхъ вкусовъ и далекихъ замысловъ жизни сегодняшняго дня, безъ помышленія о чемъ-нибудь другомъ.

Всѣ эти безчисленныя лавчонки, маленькія, скученныя другъ на дружку,—наружу, прямо на площадь и на улицу... Никакихъ дверей и оконъ; даже кузни, слесарни, кухни здѣсь же прямо на мостовой въ низенькихъ углубленіяхъ дома... Портные, поднявъ ноги, съ нитками въ зубахъ, на глазахъ всѣхъ спокойно шьютъ свои черкески, снимаютъ мѣрки, утюжатъ и стегаютъ, и кліенты ихъ также спокойно стаскиваютъ съ себя на всей честной публикѣ шаровары и бешметы. Цирюльникъ точно также откровенно мылитъ щеки и бороду черноусаго грузинскаго франта или голую синюю голову мусульманина, не то громко постригиваетъ своими ножницами, перебрасываясь шутками съ сосѣдями и прохожими.

Всѣ моются, брѣются, стригутся, одѣваются и раздѣваются, какъ у себя въ спальнѣ, на этомъ родномъ для всѣхъ, гостепріимномъ базарѣ.

Интереснѣе всего персидскія кухни, которыя тутъ на каждомъ шагу. Изъ нихъ всегда валитъ аппетитный паръ и вокругъ нихъ всегда толпа. Огромныя оловянныя мисы вмазаны въ печь и подъ ихъ тяжелыми

крышками что-то кипитъ, ворчитъ, бурчитъ, возбуждая нервы проголодавшагося прохожаго. Очаги и печи наполняютъ кухоньку сзади, а сбоку, поближе къ улицѣ, косыя полки, на которыхъ разставлена всевозможная туземная посуда, большія деревянныя блюда въ полтора аршина и въ аршинъ поперечника, выдолбленныя поперекъ повидимому изъ толстаго орѣховаго ствола, кувшины и кувшинчики затѣйливыхъ формъ, длинногорлые, пестро раскрашенные. Иногда сзади кухни особая маленькая столовая, гдѣ безвыходно сидятъ посѣтители. Въ персидской кухнѣ все необыкновенно чисто, вкусно и дешево. Тутъ вамъ готовятъ кебакъ, тоненькіе сочные ломтики мяса, осыпанные душистымъ краснымъ порошкомъ кинзи, жарятъ восхитительный бараній шашлыкъ на желѣзныхъ спицахъ, варятъ пловъ, сацеви, чахиртолу и всякую всячину. Множество пшеничныхъ чуреков (хлѣбъ) навалено впереди лавки, а ловаши готовятся почти ежеминутно свѣжіе, потому что истребляются ежеминутно. Оригинально происходитъ это приготовленіе: поваръ персіянинъ, обвязавшись тряпками поверхъ бритой головы своей, быстро смазываетъ жидкимъ тѣстомъ внутренность только-что вытопленной маленькой, открытой сверху печки, а когда на стѣнкахъ печки образуется легкая кора изъ засыхающаго тѣста, вдругъ опрокидывается внизъ головою въ верхнее отверстіе и возвращается оттуда съ цѣлымъ холстомъ тонкаго тѣста длиною въ ½ аршина и болѣе, которое можно свертывать какъ салфетку и которымъ можно утираться какъ салфеткой. Ловаши служатъ грузину въ одно время тарелкою, салфеткою и бумагою для завертыванія съѣстнаго.

Тутъ же около кухни—дешевыя кондитерскія своего рода — фруктовыя лавки. На такихъ-же косыхъ полкахъ, на такихъ-же своеобразныхъ и огромныхъ блюдахъ лежатъ горы черешень, зеленый алыча (чер-

кесская слива), недоспѣлыхъ грецкихъ орѣховъ еще въ шкурахъ, бѣлыхъ тутовыхъ ягодъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всякая овощь, отъ картофеля и огурцовъ до любимаго грузинскаго лобіи (фасоли), салата и острогона. Кабачки тоже подъ рукою, но приличные, какъ всѣ другія лавки, безъ спеціальныхъ россійскихъ сценъ драки, ругни и безобразій... Бурдюки вина всѣхъ размѣровъ—отъ огромныхъ быковъ, буйволовъ, кабановъ, до крошечныхъ козлятъ—наполняютъ такой кабачокъ вмѣсто нашихъ обычныхъ бочекъ водки; для распивки тутъ-же стоятъ разноцвѣтные графинчики и кувшинчики разнаго вида и краски... Дешевое вино льется обильно среди этой толпы базара, не вызывая грубаго пьянства, незамѣтно испаряясь въ болтовнѣ, смѣхѣ и въ движеньи на солнечномъ жару.

Тутъ не только торговля, но всякое ремесло, всякія восточныя фабрикаціи. Сѣдельники, сапожники, шапочники готовятъ свой товаръ тутъ-же на глазахъ многочисленныхъ своихъ заказчиковъ. Кузнецы и мѣдники гремятъ, какъ Вулканы, своими молотами, заглушая даже шумъ базара, съ такимъ увлеченнымъ соревнованьемъ, какъ-будто эта дьявольская музыка доставляетъ ихъ нервамъ самое тонкое наслажденіе. Кожевникъ безъ церемоній расталкиваетъ толпу и очищаетъ себѣ часть мостовой, чтобы разослать только-что смоченныя сафьянныя кожи и телячьи опойки. Толстопузые армянеоружейники съ сѣдыми усами, въ яркихъ шароварахъ, въ восточныхъ бешметахъ, важно возсѣдаютъ на прилавкахъ, поджавъ коротенькія ноги, и съ искусствомъ настоящихъ мастаковъ своего дѣла осторожно оправляютъ драгоцѣнныя лезвія старинныхъ кинжаловъ, насѣкаютъ серебромъ и чернью костяныя рукоятки, вяжутъ и обтягиваютъ ножны... Пестрая толпа грузинъ, татаръ, горцевъ съ восхищеннымъ любопытствомъ обступаютъ эти интереснѣйшія для кавказца мастерскія,

слѣдя съ одобрительнымъ удивленіемъ за ловкостью пальцевъ этихъ жирныхъ, но опытныхъ слесарей.

Чего тутъ нѣтъ для услажденія воинственной души кавказскаго человѣка! Почти каждая слесарная лавочка— въ то-же время и музей древностей, за которыя дорого далъ бы иной нашъ любитель стариннаго оружія. Тутъ вооруженье разныхъ вѣковъ и разныхъ народовъ Кавказа: хевсурскія, лезгинскія, абхазскія, остатки генуэзцевъ и крестоносцевъ, арабовъ и турокъ... Желѣзные тяжелые бердыши, перьяники, топорики, рогатыя коровьи головы на такихъ же желѣзныхъ рукояткахъ, колчаны со стрѣлами, еще до сихъ поръ не вездѣ въ горахъ вышедшіе изъ употребленія, луки, дротики, круглые щиты изъ буйволовой кожи, съ стальными бляхами и насѣчками, шлемы съ затыльниками изъ стальной сѣти, кольчужныя рубашки, желѣзныя суставечатыя перчатки съ кольчугами, стальные расписныналокотники,—цѣлый арсеналъ стариннаго рыцарскаго вооруженія, въ которомъ и до сихъ поръ щеголяютъ въ торжественныхъ случаяхъ многіе кавказскіе горцы, но которые, однако, начинаютъ все болѣе и болѣе дѣлаться рѣдкостью. Такою-же любопытною, исчезающею стариною смотрятъ и всѣ эти оригинальныя музыкальныя орудія старой грузинской и горской жизни, самой разнообразной формы и самой тонкой отдѣлки, украшенныя по дорогому дереву сложными узорами перламутра, всѣ эти старыя пузатыя гитары съ натянутымъ пузыремъ, съ двойными корпусами, точно такъ же какъ старинные рога и кубки, золотые, серебряные, причудливыя лампы изъ огромныхъ кокосовыхъ орѣховъ, красные и пестрые кувшинчики и прочія восточныя рѣдкости, наполняющія многія изъ лавокъ.

* * *

Глубокимъ Востокомъ пахнуло на меня, когда я вступилъ подъ низкіе своды длинныхъ «темныхъ ря-

довъ». Это первообразъ нашихъ гостиныхъ рядовъ московскаго Китай-города, Нижняго и проч. старыхъ городовъ. Тутъ холя завсегдатаямъ азіатскаго базара!... Прохладно какъ въ могилѣ, ниоткуда не зайдетъ палящій зной солнца. А между тѣмъ всевозможныя лавки, ситцы и бакалеи, и тѣ-же сытые армянскіе торговцы, съ поджатыми подъ себя ногами, въ безмолвномъ ожиданіи сидятъ на прилавкахъ, съ хищническимъ огнемъ въ черныхъ глазахъ, сурово опустивъ свои крѣпкіе и длинные какъ клювы носы, точь-въ-точь будто разсѣвшіеся по степнымъ курганамъ коршуны, подстерегающіе добычу... Вся эта древне-азіатская обстановка, эти одежды Библіи и «Тысячи одной ночи», эти тѣсные и таинственные переходы — напоминаютъ воображенію давно забытыя впечатлѣнія дѣтства, когда, бывало, съ поэтическимъ ужасомъ вчитывался и вслушивался въ похожденія какого-нибудь Али-бабы и 40 разбойниковъ... Вотъ кстати и тѣ самые ослы, которыхъ навьючивалъ счастливый Али-баба сокровищами темной пещеры... Здѣшніе осленки, или яшики, такъ малорослы, что ихъ рѣшительно не видно подъ вязанками дровъ, навьюченныхъ на нихъ безъ всякаго милосердія... Цѣлыми десятками гонитъ ихъ какой-нибудь татаринъ или горецъ, привязавъ другъ къ другу за хвосты, запруживая ими узкіе переулки базара, и издали кажется, будто вьюки дровъ сами плывутъ, покачиваясь, по улицѣ, пока разглядишь эти потѣшныя длинныя, сѣрыя уши, словно сваленныя изъ плотнаго войлока, что торчатъ и пугливо настороживаются среди такихъ же сѣрыхъ вязанокъ... Прошли дрова, смотришь—цѣлый рядъ копенъ зеленаго степнаго сѣна сталъ проплывать сквозь тѣсноту базарной толпы, колыхаясь какъ на волнѣ, и опять не видать, кто везетъ это сѣно, словно это вдругъ двинулась въ путь сама травяная степь, какъ бирманскій лѣсъ въ драмѣ Шекспира. Не скоро откроешь даже

копыта и уши этихъ крошечныхъ, низкихъ яшаковъ, кругомъ обваленныхъ и обвязанныхъ сѣномъ; рядомъ стоишь, все кажется—копна ползетъ, а не яшакъ идетъ... Они здѣсь не больше крупной меделянской собаки.

Всего забавнѣе, когда штукъ 20 такихъ осликовъ съ корзинами опрятно уложеннаго угля, съ дровами или сѣномъ, осторожно спускаются съ крутаго ската горы, почти садясь на свои хвосты.

Но и кромѣ яшаковъ всевозможныя домашнія животныя толкутся тутъ на базарѣ: рыжія козы и овцы, пригнанныя пастухами на продажу, верблюды изъ Баку съ керосиномъ и всякимъ товаромъ; буйволы желѣзнаго цвѣта, желѣзнаго склада, словно рожденные для ярма, неуклюже вламываются въ толпу, таща за собою громадныя нагруженныя арбы съ тупицами, выдолбленными изъ исполинскаго бука, допотопной формы, допотопнаго размѣра, допотопной тяжести... Ревутъ, скрипятъ, визжатъ, словно хотятъ сейчасъ разсыпаться со злости немазаныя колеса этихъ ковчеговъ Ноевыхъ, и ихъ дружное пѣніе заглушаетъ собою даже гулъ и крики базара.

Возницы такого же первобытнаго до-историческаго вида возсѣдаютъ наверху этихъ громоздкихъ возовъ, съ копьями своего рода, которыми они покалываютъ вмѣсто кнута толстокожихъ чудовищъ, влачащихъ на своихъ плечахъ ихъ ковчеги...

Лохматыя бараньи шапки рыжей шерсти гигантскими грибами покрываютъ маленькія головы этихъ степныхъ грузинъ и татаръ, придавая имъ поистинѣ дикій и свирѣпый видъ, нисколько не отвѣчающій ихъ мирнымъ нравамъ.

Чудовищныхъ лохматыхъ шапокъ этихъ массы толкутся среди базара; есть и другіе, такіе-же громадные, той-же формы грибы, но только черные, гладкіе, гораздо болѣе щеголеватые. Какъ выноситъ кавказская

голова эту тяжесть и эту парню въ знойный южный полдень, — отказываюсь понять. Туземцы увѣряютъ тѣмъ не менѣе, что только въ буркѣ да бараньей шапкѣ и можно спрятаться отъ ихняго солнца. Оттого-то и полонъ весь лѣтній базаръ бурками и папахами.

Впрочемъ, большинство поденныхъ рабочихъ, копачей, носильщиковъ, каменьщиковъ, — не въ папахахъ, а въ легкихъ войлочныхъ и суконныхъ ермолкахъ, иногда просто желтыхъ, какъ верблюжье сукно, иногда красиво расшитыхъ шелками и золотомъ по красному и другому яркому фону. Рабочіе тутъ всѣ персы, какъ и вообще на Кавказѣ. Они самые неутомимые, самые покладные, самые доступные... Одѣты они въ распашныя накидки, въ-родѣ бурнусовъ или мантій, а когда работаютъ—остаются босоногими, съ открытою грудью, едва не въ однихъ панталонахъ...

Водовозы и водоносы тоже персы. Они составляютъ особое сословіе тулухчей, имѣющее весьма важное значеніе въ жизни города. Черезъ базаръ то и дѣло продираются «жерики», т. е. мулы, и простыя лошади, обвѣшанныя мокрыми тулухами. Тулухъ — это большой кожаный мѣхъ въ формѣ воронки, съ кишкою на концѣ; они ловко пристегиваются съ обѣихъ сторонъ лошади или мула, поверхъ толстаго слоя попонъ, защищающихъ лошадь отъ просачивающейся и плескающей воды... Въ эти тулухи наливается вода, а выливается она сквозь рукавъ кишки, обыкновенно подобранный вверхъ. Водоносы несутъ тяжелую службу. У нихъ на спинѣ также толстая кожаная подкладка, какъ и на бокахъ лошадей. Они набираютъ воду глубоко внизу изъ Куры, подъ обрывами берега, въ огромные каменные кувшины или, вѣрнѣе, боченки, нацѣпляютъ ихъ широкими ремнями — одинъ на спину, другой на плечо — и карабкаются затѣмъ медленнымъ шагомъ наверхъ по какому-нибудь узенькому, скользкому и

осыпающемуся проходу... Жалко бываетъ смотрѣть, какъ мучительно совершаютъ они свое восхожденіе по этому тернистому пути съ полными кувшинами... Часто, выбившись изъ силъ за цѣлый день этой каторжной работы Данаидъ, вѣчно черпающихъ и вѣчно выливающихъ, они валяются какъ попало на этомъ же самомъ крутомъ спускѣ берега или у его подножія, тяжело дыша въ одолѣвшемъ ихъ снѣ, босоногіе, загорѣлые, темнѣе всякой бронзы, раскинувъ прямо подъ припекомъ солнца, прямо на горячихъ камняхъ, свои худые, терпкіе, какъ канаты цѣпкіе и жилистые члены...

Сродни этому сословію и другой цехъ тифлисскихъ поденьщиковъ — носильщики или *муши*. Тотъ, кто не видалъ тифлисскаго муши, никогда не повѣрить, въ какую неутомимую и могучую вьючную скотину можетъ обратить себя человѣкъ. Муши цѣлыми поколѣніями воспиталъ въ себѣ изумительную сноровку къ переносу тяжесгей; точно также какъ у верблюда и буйвола тысячелѣтняя привычка носить ярмо образовала особый складъ шеи, спины и ногъ, такъ и у кавказскаго муши вы сразу отгадаете его ремесло по необыкновенно широкой, согнутой въ горбъ спинѣ, длинной шеѣ и мозолистымъ, короткимъ ногамъ. Это—двуногій верблюдъ своего рода, такой-же выносливый, такой-же поразительной силы, такой-же поразительной умѣренности привычекъ и кротости нрава. Муши умѣетъ ходить согнувшись пополамъ, то есть образуя почти горизонтальную поверхность изъ верхней половины своего тѣла. Спина его дѣлается, такимъ образомъ, очень удобною подстановкою для цѣлаго воза тяжестей, а слегка скрюченныя, крѣпкія и короткія ноги его ступаютъ увѣренно и стойко подъ давленіемъ иногда невѣроятной ноши, взбираясь съ нею на какую хотите высоту. Я видѣлъ муши на улицахъ Тифлиса, которые, безъ преувеличенія, несли на себѣ столько, сколько у

насъ обыкновенно поднимаетъ небольшая крестьянская лошадь. Тащить одному на своей спинѣ огромные диваны, комоды, сундуки—ему нипочемъ...

Понятно, что у него на спинѣ несъемная кожаная подушка, какъ сѣдло на лошади... Муши пользуются славою необыкновенно честныхъ людей, иначе, само собою разумѣется, самое ремесло ихъ было бы невозможно. Муши всѣмъ цехомъ издавна и строго наблюдаютъ другъ за другомъ, и случаевъ обмана или воровства среди нихъ почти не встрѣчается.

Всякій чужестранецъ и пріѣзжій смѣло вручаетъ свои пожитки первому попавшемуся муши и приказываетъ ему отнести куда нужно, нисколько не заботясь слѣдовать за нимъ. Даже деньги и драгоцѣнныя вещи безъ страха пересылаютъ съ муши. Случалось, что нанявшій носильщика приказывалъ ему ждать его по адресу, а самъ забывалъ о немъ и являлся къ мѣсту назначенія многими часами позже. Вѣрный муши терпѣливо сидѣлъ у порога указаннаго дома, не разлучаясь съ своею ношею, дожидаясь возвращенія своего минутнаго хозяина. На углу улицъ важно возсѣдаютъ на своихъ подмосткахъ, поджавъ ноги, многоученые *мирзы* —публичные *писцы*, въ классическихъ своихъ, непомѣрно высокихъ и узкихъ бараньихъ шапкахъ, надѣтыхъ на затылокъ, столь излюбленныхъ персіянами... Передъ ними узенькіе деревянные ящики съ чернильницами, перьями, ножичками. Толпа постоянно окружаетъ этихъ необходимыхъ всѣмъ грамотѣевъ, и они бойко валяютъ тутъ-же, на колѣнкахъ, письма, прошенія, жалобы, договоры, кому что нужно; читаютъ письма, толкуютъ бумаги, даютъ совѣты по всякимъ судебнымъ казусамъ за очень умѣренное вознагражденіе и безъ всякихъ дальнихъ мытарствъ...

Эти доморощенные азіатскіе нотаріусы, съ моей точки зрѣнія, все-таки имѣютъ нѣкоторое преимуще-

ство передъ нашими младшими и старшими по своей дешевизнѣ и доступности...

II

Древности Тифлиса

Въ Тифлисъ я пріѣхалъ погостить къ брату своему, директору тифлисской гимназіи, старому другу и спутнику многихъ моихъ странствованій какъ по разнымъ странамъ Россіи и Европы, такъ и по житейскому морю. Отдыхая душею и тѣломъ среди родной, гостепріимной семьи, какъ у себя дома, я находилъ, однако, время обѣгать всѣ уголки Тифлиса рука-объ-руку съ своимъ старымъ другомъ, который мнѣ, конечно, служилъ самымъ лучшимъ чичероне, какъ своего рода кавказскій старожилъ, пробывшій здѣсь уже 16 лѣтъ, и, главное, какъ человѣкъ, любящій не менѣе меня наблюдать все характерное и интересное въ жизни той страны, гдѣ приходится быть.

Нашимъ постояннымъ спутникомъ былъ милый, бѣлоголовый мальчишка въ бѣлой папахѣ и бѣлой черкескѣ, съ умными, пытливыми глазенками, уже смѣлый и любопытный, мой соименникъ и по имени, и по отчеству, и по фамиліи, слѣдовательно въ извѣстномъ смыслѣ новое изданіе меня самого, безъ сомнѣнія, значительно улучшенное и дополненное противъ стараго. Его кавказская ребяческая душа уже вполнѣ освоилась съ крутизнами и обрывами, точно также какъ и его ножонки, окрѣпшія въ частыхъ лазаньяхъ по горамъ, такъ что онъ совершенно законно пристыживалъ подъ-часъ наше малодушіе, колебавшееся передъ какимъ-нибудь рискованнымъ шагомъ во время карабканья по скаламъ, окружающимъ городъ...

Чего-чего не обѣгали, не облазали мы въ старой столицѣ Грузіи!

Рѣдкій городъ такъ живописенъ и своеобразенъ какъ Тифлисъ. Его съ трехъ сторонъ стѣснили горы— Мта-Цминда съ запада, своими горными сланцами, поднятыми болѣе чѣмъ на 1,000 футовъ выше города, а съ юга—горы Таборисъ-Мта и обрывистые какъ стѣна утесы Салалакскаго гребня, на высотѣ которыхъ и теперь еще лѣпятся полуразрушенныя башни и стѣны древней персидской крѣпости... Отроги этихъ горъ доходятъ почти до самой Куры, оставляя мѣстами только небольшія ровныя пространства, и такъ стѣсняютъ своими обрывами теченье Куры, что, вмѣсто 100 и 150 саженъ своей обычной ширины, она сдавлена у подножія крѣпости, подъ воротами Метеха, въ узкое и глубокое русло, не болѣе 15 саженъ ширины, съ берегами 25-тисаженной высоты... А на противоположномъ лѣвомъ берегу Салалакскимъ утесамъ почти подаютъ руку Махатскія скалы, едва раздвинутыя стремниною Куры отъ своихъ каменныхъ сосѣдей... На крайнемъ выступѣ этихъ скалъ стоитъ прославленный въ тифлисской исторіи замокъ Метехъ, основанный еще около 500 года нашей эры сыномъ знаменитаго Вахтанга Горгаслана, грузинскимъ царемъ Дарчи, какъ первое зерно новаго города Тифлиса.

Метехъ до сихъ поръ обнесенъ стѣнами и заключаетъ въ себѣ древній метехскій храмъ и тюрьму; прежде же онъ служилъ обычнымъ осаднымъ дворомъ царямъ и католикосамъ Грузіи, которые имѣли тутъ свои дворы еще со времени Дарчи. Двумя короткими мостами, расположенными почти рядомъ, закурская сторона Тифлиса, или Авлабаръ, называвшаяся встарину Исни, сообщается съ самою главною старинною частью города, гнѣздомъ историческаго Тбилиси, называвшеюся прежде Кала, то-есть крѣпость, именно тѣми самыми

мѣстами, которыя я описалъ въ предъидущей главѣ,— гдѣ помѣщается Армянскій базаръ, сѣрныя бани на Майданѣ, Сіонская улица и пр. Кала еще недавно была обнесена съ трехъ сторонъ стѣною и башнями, построенными царемъ Гурамомъ въ VI вѣкѣ, а съ востока примыкала къ обрывамъ рѣки. Стѣна эта, также какъ и стѣна, окружавшая весь Авлабаръ, еще была включена въ опись Тифлиса, составленную нашимъ правителемъ Грузіи кн. Циціановымъ въ 1803 г. На самомъ берегу, между Сіонскимъ соборомъ грузинъ и Ванкскимъ соборомъ армянъ, недавно стояли великолѣпные дворцы персидскихъ царей, царицъ и царевичей Грузіи, между прочимъ знаменитый дворецъ царя Ростома, который съ такимъ восторгомъ описывается путешественниками XVII и XVIII столѣтія—Шарденомъ, Турнефоромъ и другими, блиставшій мозаиками, позолотою, драгоцѣнными сосудами; дворцы были разрушены вмѣстѣ со всѣмъ Тифлисомъ незадолго до присоединенія Грузіи къ Россіи, именно въ 1795 г., въ дни великаго погрома Грузіи Ага-Магометъ-ханомъ, шахомъ персидскимъ.

Въ составъ Кала входила также старая персидская цитадель, основанная еще персидскимъ вождемъ Убарабомъ въ концѣ IV вѣка, занимавшая гребни Салалакскихъ скалъ и теперешній персидскій кварталъ и бывшая главнымъ оплотомъ Тифлиса. Цитадель эта когда-то доходила до самой Куры, но въ настоящее время уцѣлѣли только немногія верхнія башни ея, а отъ нижней части уже не осталось слѣдовъ, да и въ началѣ XVIII столѣтія, судя по отзывамъ путешественниковъ, укрѣпленіе это, когда-то славившееся неприступностью, уже было приведено почти въ разрушеніе и охранялось ничтожнымъ гарнизономъ.

Что же касается новѣйшей части Тифлиса, занимаемой Головинскимъ проспектомъ, Михайловской,

Ольгинской и другими, такъ сказать, европейскими улицами, то вся она возникла сравнительно очень недавно, въ дни русскаго владычества, около прежняго загороднаго квартала Гаретубани, по равнинѣ, примыкавшей съ сѣвера къ Кала. Вообще, вслѣдствіе гористыхъ условій мѣстности, Тифлисъ могъ удобно раздвигаться на сѣверъ, по обоимъ берегамъ Куры, и онъ дѣйствительно разросся къ сѣверу съ необыкновенною быстротою и съ большею для себя выгодою, поглотивъ селенія Куки, Чугуреты и др.

Главнымъ образомъ, Тифлисъ сталъ европейскимъ городомъ при князѣ Воронцовѣ. Михайловская улица и Михайловскій проспектъ, длиннѣйшая улица Тифлиса, имѣющая 2¹/₄ версты длины, названы въ честь его имени. Онъ устроилъ первые тротуары, насадилъ деревья по Головинскому проспекту, этой главной артеріи новаго Тифлиса, обстроенной при немъ прекрасными многоэтажными домами со множествомъ богатыхъ магазиновъ, имѣющей 211 саж. ширины, какъ любая площадь азіатскаго города.

Впрочемъ, до самаго начала 60-хъ годовъ Тифлисъ представлялъ собою невылазную клоаку вонючей грязи, такъ что черезъ площади его повременамъ было рискованно переѣзжать даже верхомъ; къ началу 1863 года мостовыя покрывали уже 42,000 кв. саж., а черезъ 17 лѣтъ, въ 1879 г. были замощены цѣлыхъ 160,000 кв. саж. тифлисскихъ площадей и улицъ.

При Воронцовѣ, на мѣстѣ прежнихъ салалакскихъ садовъ возникла самая аристократическая часть города, Салалаки, съ прямыми, широкими улицами, вообще застроились всѣ окраины города на правомъ берегу Куры до самой Давидовой горы, а на лѣвомъ, черезъ устроенный имъ Михайловскій мостъ, достигли даже до нѣмецкой колоніи.

Воронцовъ построилъ въ Тифлисѣ и первые театры—

русскій и итальянскій, при немъ въ первый разъ, въ теченіе всей многовѣковой исторіи Грузіи, грузины услышали драматическія представленія на своемъ родномъ языкѣ.

Въ Тифлисѣ начинають издаваться при немъ первая газета «Кавказъ» на русскомъ и армянскомъ языкахъ, первые кавказскіе календари, учреждаются кавказскій учебный округъ, публичная библіотека, кавказское географическое общество, магнитная и метеорологическая обсерваторія въ Тифлисѣ, кавказское общество сельскаго хозяйства, устраивается выставка сельско-хозяйственныхъ и ремесленныхъ произведеній Закавказья и его природныхъ богатствъ; европейскіе товары, съ помощью облегчительныхъ пошлинъ въ приморскихъ портахъ, получаютъ право безплатнаго транзита черезъ Тифлисъ въ Азію, точно такъ же какъ и азіатскіе товары получаютъ это право для прохода изъ Баку черезъ Тифлисъ, Редутъ-Кале или Сухумъ-Кале въ Европу. Разнородныя банковыя операціи предоставляются вновь основанному приказу общественнаго призрѣнія, всѣ части управленія получаютъ прочную и современную организацію...

Такія дружныя и капитальныя преобразованія общественной жизни Тифлиса, разумѣется, послужили къ совершенному перерожденію города и быстро придали ему характеръ значительнаго европейскаго центра жизни.

При князѣ Барятинскомъ и великомъ князѣ Михаилѣ Николаевичѣ этотъ ростъ Тифлиса продолжался въ томъ же направленіи, такъ что въ результатѣ получился—вмѣсто маленькаго грузинскаго города, имѣвшаго въ началѣ XIX столѣтія едва 20,000 жителей и не болѣе 3,000 домовъ съ земляными крышами—нынѣшній стотысячный Тифлисъ, шумная и блестящая столица Кавказскаго намѣстничества, считающая въ себѣ уже 12½ тыс. жилыхъ строеній, изъ которыхъ болѣе 6,000 крыты

желѣзомъ, черепицей или деревомъ и около 30% всего числа имѣютъ 2 или болѣе этажей...

Изъ древнихъ храмовъ Тифлиса болѣе всего достоинъ вниманія Сіонскій храмъ. Планъ его былъ начертанъ еще Вахтангомъ Горгосланомъ въ концѣ V вѣка, хотя, повидимому, не былъ имъ выполненъ. Царь Гурамъ, жившій вѣкомъ позже, уже возобновляетъ Сіонскій и Метехскій соборы, какъ старые. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Сіонскій храмъ разрушался такое-же безчисленное число разъ, какъ и самъ многострадальный Тифлисъ. Въ XIII вѣкѣ султанъ Джелалъ-Эддинъ приказываетъ снять съ него куполъ и по высокимъ, нарочно устроеннымъ подмосткамъ въѣзжаетъ на его вершину, чтобы оттуда любоваться картиной мученія тифлисскихъ жителей.

Сіонскій соборъ по наружности совершенно подобенъ всѣмъ извѣстнымъ древнимъ храмамъ—кутаисскому, мартвильскому и пр., т. е. представляетъ собою на крестообразномъ основаніи осьмиугольную башню съ осьмиугольною пирамидальною крышею и длинными «щельными» окнами, довольно скудно украшенную снаружи горельефами крестовъ, деревьевъ, звѣрей и т. п. Въ самомъ Тифлисѣ почти всѣ церкви грузинъ и армянъ имѣютъ ту-же архитектуру.

Внутри—Сіонскій храмъ, также какъ и всѣ храмы. мною уже описанные въ прежнихъ очеркахъ Кавказа,—чрезвычайно напоминаетъ обычную обстановку византійско-русскихъ храмовъ, подобныхъ Успенскому въ Москвѣ или Софійскому въ Кіевѣ. Сплошная пестрая живопись по золоту покрываетъ всѣ своды и стѣны наивно-грубыми огромными фигурами святыхъ угодниковъ и ангеловъ. Вамъ чудится, что вы у себя дома, въ одномъ изъ давно знакомыхъ вамъ святилищъ какого-нибудь древняго русскаго города.

Впечатлѣніе это еще болѣе усиливается наружнымъ

видомъ грузинскаго духовенства, до такой степени сходнаго съ нашимъ во всѣхъ подробностяхъ одежды и пріемовъ, что поистинѣ удивляешься силѣ нашего семинарскаго воспитанія, положившаго такой неизгладимый общій отпечатокъ на столь различныя народности.

Духовная семинарія въ Тифлисѣ учреждена для Какавказья еще въ 1817 году при Ермоловѣ и, понятно, имѣла время прочно привить свои обычаи грузинскому духовенству, а воспитаніе грузинскихъ архіереевъ въ нашихъ русскихъ духовныхъ академіяхъ—окончательно слило въ одну неразличимую касту духовенство русское и грузинское. Гнуслявый и унылый вой сіонскихъ пѣвчихъ, такъ мало похожій на наши стройные архіерейскіе хоры, одинъ только напоминалъ намъ Грузію.

Множество мраморныхъ плитъ съ надписями вдѣланы въ помосты двора, притворовъ и храма. Между ними есть исторически-интересныя. Въ разницѣ храма точно также много историческихъ сокровищъ, собранныхъ сюда даже изъ древнихъ монастырей провинціи, какъ напр. Бобдійскаго и другихъ.

Нѣсколько толстыхъ грузинскихъ поповъ сидѣли на лавочкѣ въ тѣни собора, въ ожиданіи какой-то службы, и важно раздавали своими пухлыми руками благословеніе загорѣвшимъ и худымъ богомольцамъ, подходившимъ къ нимъ благоговѣйно, какъ къ иконамъ...

Разспросивъ этихъ грузныхъ святыхъ отцовъ кое о чемъ, интересовавшемъ насъ въ храмѣ, мы отправились въ главную святыню армянъ—Ванкскій соборъ, также на берегу Куры, только нѣсколькими кварталами повыше Сіонскаго...

Ванкскій соборъ гораздо своеобразнѣе Сіонскаго. Его колокольня, крытая красивыми голубыми изразцами, древніе входы съ арками, расписанными красками и позолотой, врѣзанныя въ наружныя стѣны характерныя древнія плиты съ грубыми скульптурными изображе-

ніями,—все это придаетъ ему особенный характеръ и производитъ впечатлѣніе болѣе глубокой древности. Внутри храма алтари идутъ въ линію иконостаса, почти какъ въ католическихъ церквахъ, безъ царскихъ вратъ, съ такими же, какъ у католиковъ, низенькими дверочками. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ армянскомъ храмѣ замѣтно и вліяніе Востока: мѣста для женщинъ сзади отдѣлены особенною оградою, и хоры ихъ закрыты отъ взоровъ частою рѣшеткою, какъ въ караимскихъ синагогахъ.

Армянскій епископъ живетъ въ обширномъ дворѣ собора, который вообще окруженъ жилыми постройками причта. Когда мы проходили черезъ дворъ, много женщинъ въ типическихъ армянскихъ шапочкахъ, съ типическими черными локонами, сидѣли за чайными столиками у своихъ домиковъ, на галерейкахъ или подъ тѣнью деревъ.

Вообще въ этой мѣстности во всѣхъ окружающихъ улицахъ живутъ почти исключительно армяне. Ихъ всегда было значительно больше въ Тифлисѣ, чѣмъ хозяевъ-грузинъ. Турнефоръ въ 1703 году насчитывалъ въ Тифлисѣ 14,000 армянъ всего на 2,000 грузинъ. и 3,000 мусульманъ. При Ермоловѣ, въ 1835 году, по свидѣтельству кавалера Гамбы, на 15,000 армянъ въ Тифлисѣ приходилось всего 9,000 грузинъ. Да и теперь, по переписи 1879 г., армянъ въ Тифлисѣ считается свыше 37,000 душъ обоего пола, а грузинъ разныхъ оттѣнковъ всего только свыше 21,000 душъ.

Объяснить это не трудно, такъ какъ грузины въ теченіе вѣковъ составляли боевое сословіе, постоянно истреблявшееся въ безпрерывныхъ междоусобицахъ и нашествіяхъ азіатскихъ народовъ; при завоеваніи Грузіи, персы, монголы и другіе уводили ихъ массами въ плѣнъ или на далекія переселенія; достаточно, напр., сказать, что въ 1618 году шахъ Аббасъ, отнявъ Грузію

у турокъ, угналъ изъ нея 80,000 семействъ, т. е. до 500,000 народу, въ самыя отдаленныя области Персіи; то-же сдѣлалъ потомъ и Надиръ-шахъ, и наконецъ его преемникъ Ага-Магометъ-ханъ, о страшномъ нашествіи котораго мы говорили выше, всеготолько за шесть лѣтъ до присоединенія Грузіи къ Россіи отвелъ въ персидскій плѣнъ 20,000 грузинъ, уцѣлѣвшихъ отъ истребленія...

Если къ этому прибавить цифры грузинъ, истребленныхъ въ разное время такими жестокими побѣдителями, какъ монголы, аравитяне, персы, турки, лезгины, то вполнѣ будетъ понятно сравнительно ничтожное число грузинъ въ столицѣ Грузіи.

Тимуръ топталъ собранныя толпы грузинскихъ юношей и дѣтей конями своихъ дикихъ наѣздниковъ; султанъ Джелалъ-Эддинъ въ XIII вѣкѣ бросалъ ихъ тысячами въ рѣки и одинъ истребилъ до 100,000 грузинъ! То-же дѣлали и всѣ другіе въ иныхъ размѣрахъ, инымъ способомъ.

Армяне были гораздо болѣе мирнымъ классомъ, чѣмъ грузины, занимались торговлею и промыслами, поэтому ихъ гораздо менѣе опасались побѣдители, а они имѣли гораздо менѣе случаевъ гибнуть во время нашествій и войнъ.

Кромѣ того молодыми грузинскими женщинами и мальчиками, славившимися своею красотою, въ теченіе вѣковъ производилась дѣятельная торговля съ Востокомъ и Константинополемъ, самими царями и князьями Грузіи, что служило и къ прямому сокращенію населенія, и къ подрыву семейной нравственности, вообще среди грузинъ гораздо болѣе слабой, чѣмъ въ строгой армянской семьѣ...

Надо сказать еще, что огромный наплывъ армянъ въ Тифлисъ много зависѣлъ отъ близкаго сосѣдства турецкой Арменіи; Гамба былъ личнымъ свидѣтелемъ того, какъ въ началѣ русскаго владычества турецкіе

армяне переселялись во множествѣ въ Тифлисъ и другіе города Грузіи подъ защиту русскаго закона изъ турецкаго царства всяческихъ беззаконій и безпорядковъ.

Впрочемъ, тифлисскіе армяне дотого отожествили себя съ грузинами, что многіе изъ нихъ только недавно стали учиться по-армянски, громадное же большинство говоритъ и живетъ по-грузински. Это обстоятельство, конечно, сильно помогло имъ овладѣть издавна и всецѣло грузинскою столицею, захвативъ въ свои руки всю торговлю, всю денежную силу.

Не смотря на глубоко-восточный складъ бытовыхъ обычаевъ и вкусовъ армянъ, унаслѣдованныхъ ими чуть не съ библейскихъ временъ, современные тифлисскіе армяне обнаруживаютъ рѣшительный поворотъ ко многому европейскому и успѣли проявить въ этомъ отношеніи блестящія практическія качества.

Торговая предпріимчивость и смѣлость ихъ оборотовъ ставитъ ихъ на равную доску съ самыми искусными торговыми націями Европы и Америки. Они не жалѣютъ денегъ на основательное обученіе дѣтей своихъ заграницею всякой спеціальности, которая можетъ принести практическую выгоду и которая близка ихъ интересамъ. Въ Тифлисѣ уже можно встрѣтить множество молодыхъ армянъ, прекрасно образованныхъ, побывавшихъ вездѣ, совершенно усвоившихъ себѣ общеевропейскій складъ мыслей и жизни.

Хотя у нихъ остается господствующая черта племени—нѣсколько одностороннее влеченіе къ наживѣ, но оно уже принимаетъ смягченную, облагороженную форму обычныхъ стремленій западной буржуазіи.

Впрочемъ, среди армянъ есть теперь и ученые, и литераторы; въ блестящемъ караванъ-сараѣ Арцруни, полномъ магазиновъ и складовъ, съ освѣщенными газомъ галлереями, даже устроенъ теперь особый армянскій

театръ, съ постоянною труппою, всегда полный публики; существуетъ особое «армянское благородное собранiе», особые армянскiе журналы и армянскiя книжныя лавки; меня увѣряли, что литература армянъ, не считая драгоцѣнныхъ историческихъ памятниковъ, очень богата теперь переводными произведенiями замѣчательнѣйшихъ писателей Европы, преимущественно реальнаго характера, напр. Дарвина, Бокля, Льюиса и прочихъ. Школъ у армянъ также много. Что армянскiй народъ вообще способенъ къ научнымъ работамъ — доказывается не только положительнымъ умомъ армянина, но и нѣкоторыми фактическими примѣрами ихъ научной дѣятельности, какъ, наприм., изстари существующимъ въ Венецiи ученымъ армянскимъ обществомъ мехетаристовъ, извѣстнымъ во всей Европѣ своими капитальными изслѣдованiями и изданiями...

Типъ объевропеившагося армянина красивъ и симпатиченъ. Въ немъ исчезаютъ то жадное выраженiе долбоносой хищной птицы, та грубая рѣзкость въ чертахъ лица, которыя свойственны первобытному, непочатому цивилизацiей типу армянскаго торгаша, признающаго одинъ культъ серебрянаго рубля; а вмѣстѣ съ тѣмъ все обилiе чернаго сверкающаго волоса, черныхъ сверкающихъ влагъ въ глазу, бѣлыхъ сверкающихъ зубовъ въ румяныхъ губахъ и здороваго румянца на смуглыхъ щекахъ, вся сила и рослость организма, отличающiя такъ выгодно армянина отъ его различныхъ сосѣдей и, можетъ быть, объясняемыя умѣренностью жизни и строгостью семейныхъ нравовъ армянъ, — остаются во всей своей неприкосновенности въ армянской просвѣщенной молодежи.

Признаюсь, глядя на этотъ загадочный народъ, умѣвшiй сохранить въ теченiе не вѣковъ, а тысячелѣтiй свое имя, свои преданiя, свои особенности быта,

владычествующаго надъ своими побѣдителями и завоевателями вездѣ, гдѣ только ни живетъ онъ, силою своей предпріимчивости и настойчивости,—я задавался довольно малодушными мыслями насчетъ будущности другихъ племенъ Кавказа. Болѣе всего поражало меня феноменальное физическое здоровье армянъ.

Я вовсе не встрѣчалъ армянъ болѣзненныхъ и слабыхъ. Если вы видите армянина, то значитъ вы видите цвѣтущій, хорошо упитанный, богатый силами организмъ. Всѣ они красны, всѣ они толсты, всѣ они могучи, словно на-подборъ,—мужчины, какъ и женщины, какъ дѣти.

Эта племенная, тысячелѣтіями утвердившаяся сила тѣлеснаго здоровья стóитъ многаго, обѣщаетъ и объясняетъ многое.

Трудно не уступить передъ напоромъ этой обдуманной, настойчивой и вмѣстѣ энергически-страстной силы, не вѣдающей болѣзненныхъ колебаній нервовъ, неясныхъ сомнѣній, никакихъ вообще иллюзій ума и сердца, на все глядящей смѣлымъ, увѣреннымъ въ себѣ глазомъ неутомимаго практика, вездѣ и всегда устремляющейся только за тѣмъ, что можно достать, и только какъ, такъ нужно достать...

Немудрено, что, при этихъ практическихъ свойствахъ армянина, эта нація торговцевъ и ремесленниковъ, всегда чуждавшаяся войны, выдвинула изъ своей среды лучшихъ воиновъ русской кавказской арміи, всѣхъ этихъ Бебутовыхъ, Тергукасовыхъ, Лазаревыхъ...

Немудрено также, что практическія свойства армянъ сдѣлали для нихъ до такой степени безопасною торговую конкуренцію другихъ племенъ Кавказа, что, не говоря уже объ экономически порабощенныхъ ими грузинахъ, татарахъ, русскихъ, даже евреи, вызывающіе во всѣхъ странахъ міра такой дружный вопль противъ своего искусства эксплуатаціи, держатъ себя

въ Закавказьѣ, въ присутствіи армянина, ниже травы, тише воды, и не составляютъ никакого опаснаго элемента, какъ ничтожные маленькіе мышенки въ присутствіи большихъ крысъ..

Какъ-бы то ни было, а въ поразительномъ физическомъ здоровьѣ армянской націи нельзя не видѣть признака удачъ и успѣховъ ихъ будущаго, вѣрнѣйшаго доказательства того, что ихъ общественная роль еще далеко не закончена...

Но при этомъ, конечно, необходимо желать прежде всего, и для блага самихъ армянъ, и для блага страны, гдѣ живутъ они, дабы эти удивительныя практическія силы націи, сохранившей свою физическую дѣвственность въ теченіе тысячелѣтій, были наконецъ одухотворены не однимъ соблазномъ личной наживы, такъ часто обращающей армянина въ бездушнаго и безжалостнаго эксплуататора, чуждаго всякихъ нравственныхъ принциповъ, но и высокими общественными идеалами просвѣщенной европейской мысли.

Чѣмъ больше рѣшительныхъ шаговъ сдѣлаетъ по этому пути армянская нація, тѣмъ прочнѣе, обширнѣе и, главное, плодотворнѣе станетъ ея значеніе въ ряду общественныхъ силъ нашего Закавказья...

III

Уличная жизнь Тифлиса

ВЪ Тифлисѣ не упустите осмотрѣть древнюю Алиеву мечеть, очень близко отъ Метехскаго моста. Ея заостренный луковицею куполъ и изящный минаретъ, весь выложенный кругомъ старинными ярко-голубыми изразцами, живописно высятся изъ тѣсноты окру-

жающихъ домовъ, поднимаясь тяжкимъ основаніемъ своимъ отъ самой глубины берега, прямо изъ бурыхъ волнъ пѣнящейся и ревущей Куры. Отсюда снизу, съ моста вообще хорошо посмотрѣть на поднимающійся вверхъ широкимъ амфитеатромъ, по крутизнамъ скалистаго берега, Старый Тифлисъ, съ его безчисленными уступами плоскихъ крышъ и длинныхъ галлерей, открытыхъ на Куру, съ глубокими устоями его нижнихъ домовъ, омываемыми Курою... Кажется, шагать можно по этимъ оригинальнымъ ступенямъ, незамѣтно ведущимъ отъ волнъ рѣки къ дальнимъ высямъ Салалакскаго гребня и Давидовой горы.

Но если отсюда это только кажется глазу, то, отправившись въ тернистое путешествіе къ монастырю святаго Давида или на утесы старой персидской цитадели, дѣйствительно убѣдишься, что въ Тифлисѣ земляная крыша нижняго дома служитъ весьма часто единственнымъ дворомъ для верхняго дома и улицею для общаго прохода... Тѣ-же каменныя ступени, иногда аршинной высоты каждая, что ведутъ во внутренность дома, поднимаютъ васъ потомъ на его крышу, потомъ ныряютъ куда-нибудь подъ галлерейку, мимо хлѣвовъ, садиковъ, грязныхъ двориковъ, опять выкарабкиваются куда-нибудь на просторъ и опять съ крыши на крышу, съ уступа на уступъ, наконецъ, приводятъ васъ, облитаго пòтомъ, съ ногами, дрожащими отъ непривычнаго напряженія, задыхающагося и утомленнаго, на такую головокружительную кручу, съ которой дѣйствительно весь Тифлисъ виденъ въ великолѣпной и оригинальной панорамѣ, но равнодушно переносить которую пріучаешься только послѣ многихъ странствованій по горамъ...

За то же и знаешь всю истинную домашнюю и хозяйственную жизнь тифлисскаго обитателя, полазавъ по этимъ домамъ-ступенямъ, по этимъ улицамъ

крышъ. Тутъ вообще, какъ и вездѣ на югѣ, внутренняя жизнь на-распашку: никто почти ничего не скрываетъ и даже не понимаетъ, зачѣмъ нужно скрывать. Не только обѣды, веселья, пріемъ гостей происходятъ на глазахъ всѣхъ, но и спятъ, и одѣваются, и раздѣваются, и занимаются всѣми домашними приготовленіями тоже у всѣхъ на глазахъ, на открытыхъ всѣмъ галлереяхъ, или въ низенькихъ переднихъ комнатахъ, настежъ отворенныхъ ради прохлады... Вотъ ужъ дѣйствительно публичная жизнь!...

* * *

Монастырь Давида теперь уже, кажется, не имѣетъ монаховъ, и только изрѣдка происходитъ въ немъ служба... Церковь, основанная въ VI вѣкѣ, перестроена была въ XVI-мъ, но въ 1809 г. была еще въ развалинахъ. Теперешняя церковь возобновлена уже русскими. Монастырь господствуетъ надъ всѣмъ Тифлисомъ, живописно пріютившись на высотѣ 2,400 футовъ, на уединенномъ скалистомъ уступѣ отвѣсной горы Мта-Цминда, которой онъ далъ названіе (Церковная гора).

Надъ монастыремъ гора идетъ еще гораздо выше и круче, а тотчасъ за нею—коджарская дорога. Тифлисская дѣтвора и школьная молодежь храбро перелѣзаютъ эту гору по козлинымъ, осыпающимся тропкамъ, чтобы сократить путь на нѣсколько верстъ, и Господь, охранящій младенцевъ, охраняетъ и ихъ въ этомъ головоломномъ пути. Но для насъ, жителей русской равнины, еще не освятившихъ себя крещеніемъ Дагестана, попытка взобраться дальше на гору оказалась невозможной...

* * *

Изъ-подъ церкви выбивается ключъ, а въ небольшомъ гротѣ изъ алагетскаго камня съ сѣверной сто-

роны храма покоится дорогой для Россіи прахъ Александра Сергѣевича Грибоѣдова, перевезенный сюда изъ Тегерана въ 1829 году, въ то самое время, какъ по Грузіи путешествовалъ еще болѣе знаменитый соименникъ и собратъ Грибоѣдова, другой Александръ Сергѣевичъ, Пушкинъ, по странной случайности встрѣтившій на пути его гробъ.

Печальная бронзовая женщина припала къ кресту, воздвигнутому на пьедесталѣ изъ траурнаго чернаго мрамора, и крѣпко обняла его обѣими руками...

Подъ портретомъ поэта, врѣзаннымъ въ пьедесталѣ, кромѣ надписи о годахъ рожденія и смерти Грибоѣдова, начертана женою великаго писателя трогательная эпитафія; съ одной стороны: «Незабвенному его Нина», а съ другой: «Умъ и дѣла твои безсмертны въ памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя?»...

Трудно избрать болѣе поэтическій уголокъ для гробницы поэта, какъ этотъ горный монастырь, висящій птичьимъ гнѣздомъ надъ живописнымъ лабиринтомъ улицъ и садовъ Тифлиса...

Ручей св. Давида считается своего рода чудотворнымъ у грузинъ, какъ всѣ ключи старыхъ монастырей. Преданіе разсказываетъ, что на теперешней горѣ Мта-Цминда, въ XVII вѣкѣ жилъ и поучалъ жителей одинъ изъ 13 сирійскихъ отцовъ, св. Давидъ Гореджельскій.

Одна молодая дѣвушка, дочь знатнаго человѣка, подученная своимъ возлюбленнымъ, оклеветала святаго подвижника, когда обнаружилась ея беременность... Но Господь чудесно оправдалъ невиннаго. Передъ всѣмъ судомъ, говоритъ легенда, святой дотронулся посохомъ до чрева дѣвушки и громко спросилъ: кто отецъ зарожденнаго ребенка?... Ребенокъ изъ чрева

матери назвалъ имя истиннаго обольстителя, и по молитвѣ святаго дѣвушка вмѣсто ребенка родила камень..

Съ тѣхъ поръ открылся на горѣ Мта-Цминда чудотворный ключъ, вода котораго имѣетъ силу оплодотворять безплодныхъ женщинъ...

Въ четвергъ на седьмой недѣлѣ послѣ Пасхи множество народа стекается въ древній монастырь пить священную воду и служить молебны св. Давиду, которому вообще посвящены четверги. Особенно много бываетъ женщинъ. По грузинскому обычаю, онѣ въ знакъ благоговѣнія своего обводятъ нитками стѣны монастыря и приносятъ къ нему изъ-подъ горы небольшіе камешки, вѣроятно, въ воспоминаніе древняго чуда... Если камешекъ послѣ молитвы пристанетъ къ стѣнѣ, то, значитъ, молитва услышана,—засидѣвшаяся дѣвушка будетъ имѣть жениха, бездѣтная мать родитъ ребенка...

Матери, у которыхъ часто умираютъ дѣти, даже посвящаютъ новорожденныхъ святому Давиду на извѣстное число лѣтъ, съ извѣстными обрядами; посвященный все время срока своего не стрижетъ волосъ и не снимаетъ бѣлой одежды, пока въ назначенный день не приведутъ его босоногаго на священную гору въ церковь угодника, гдѣ священникъ обрѣзываетъ ему волоса, надѣваетъ цвѣтное платье и служитъ молебенъ, съ обычнымъ у грузинъ жертвоприношеніемъ барана или быка.

Хорошо тоже подниматься и къ старой крѣпости, тоже по крышамъ, трубамъ, дворикамъ, лѣсенкамъ, темнымъ проходцамъ, по утесамъ и тропкамъ... Такъ-же живописно и характерно, но и такъ-же грязно и вонюче...

За то, когда взберешься, видъ восхитительный на весь Тифлисъ. Очень близко отъ крѣпости—древность, какихъ не найдешь даже въ этомъ городѣ древностей:

это остатки храма огнепоклонниковъ, уцѣлѣвшіе отъ того почти до-историческаго времени, когда религія персидскихъ маговъ была господствующею въ Грузіи...

Тифлисцы были когда-то огнепоклонниками не хуже пресловутыхъ жрецовъ бакинскаго вѣчнаго огня... Теперь близъ капища подземному огню стоитъ Петхаина, или Виѳлеемскій храмъ армянъ...

Крѣпость кажется совершенно неприступною. Громадныя четырехугольныя башни поднимаются прямо изъ пропастей, а стѣны лѣпятся по самому гребню утеса... Жутко пробираться подъ ихъ грозною тѣнью по вьющейся тропинкѣ, надъ обрывами пропасти.

За крѣпостью, по ту сторону, въ совершенно закрытой отъ вѣтровъ пазухѣ горъ, по южному скату крѣпостныхъ утесовъ, разбитъ ботаническій садъ, въ которомъ очень мало ботаническаго, но довольное количество пьющаго и поющаго народа. Ботаническій садъ, какъ и всѣ сады Тифлиса, обращены въ публичное гулянье. Порядочной публики мало, а все большею частью кутятъ пресловутые тифлисскіе «кинто». Кинто — это герои тифлисскихъ базаровъ, продавцы фруктовъ и всякой всячины, — столько же ловкіе торгаши, сколько ловкіе мошенники и воры, веселые разсказчики и болтливые сплетники, какъ Фигаро́ сверкающіе неистощимыми остротами и насмѣшками, цинически-наглые и неотвязчивые, какъ парижскіе gamins, беззаботныя и лѣнивыя дѣти природы, какъ неаполитанскій лацарони. Кинто—это въ высшей степени своеобразное созданіе тифлисской жизни, продуктъ блаженнаго юга, полнаго обиліемъ и досугомъ, жаромъ солнца и художническими потребностями натуры...

Типъ кинто до такой степени опредѣлился въ понятіяхъ тифлисскаго жителя, что въ переносномъ смыслѣ имъ здѣсь обозначаютъ цѣлую категорію нравственныхъ и умственныхъ свойствъ человѣка.

«Литературный кинто»—напримѣръ: это кличка, сплошь да рядомъ примѣняемая здѣсь къ журналистамъ извѣстнаго пошиба и дѣйствительно выражающая чрезвычайно мѣтко столь распространенное теперь, часто бойкое и талантливое, но всегда дерзкое, всегда безпринципное издѣвательство нѣкоторыхъ газетчиковъ надъ всѣмъ, что уважается уважающимъ себя обществомъ.

* * *

Бродя по саду, наслушаешься-таки грузинской музыки! Богъ прости за это грузинъ. Въ ихъ жизни есть много хорошаго и удобнаго. Но судьба наказала ихъ ужаснѣйшею изъ музыкъ и, вѣроятно, ужаснѣйшими изъ ушей, потому что они съ удовольствіемъ слушаютъ эту музыку, способную на-смерть зарѣзать самаго немузыкальнаго и нетребовательнаго смертнаго. Боже! чего тутъ нѣтъ, въ этомъ мучительномъ оркестрѣ! И турецкій барабанъ, и бубны, и какія-то мудреныя скрипки странныхъ формъ, и дудочки, и сопѣлочки, и визгъ, и свистъ, и шумъ, и трескъ. Только нѣтъ никакой мелодіи, никакой гармоніи.

А грузины слушаютъ, и глаза у нихъ разгораются, и яркіе бѣлые зубы подъ яркими черными усами осклабляются торжествующими улыбками, и хорошенькія грузинки «волоокія», какъ гомерова богиня, тоже улыбаются, торжествуютъ и наслаждаются. Счастливая наивность! sancta simplicitas... Это наивное грузинское веселье однако до такой степени весело, что и наблюдатель становится веселъ отъ ихъ веселья.

Нашъ поэтъ Полонскій воспѣлъ тифлисскаго пѣвца въ своемъ стихотвореніи «Сатаръ». Но поэту въ тифлисской пѣснѣ слышался только «рыдающій, глухой молящій дикій крикъ», а не тѣ звуки простодушнаго, такъ сказать, неумѣлаго дѣтскаго веселья, которые на всякомъ шагу слышалъ здѣсь я...

Какъ-будто издали, съ востока, братъ больной.
Черезъ тебя мнѣ шлетъ упрекъ иль ропотъ свой...

говоритъ поэтъ «пѣвцу на земляной кровлѣ». Истинно признаюсь, читатель, что этотъ «больной восточный братъ» мнѣ показался во много разъ счастливѣе насъ самихъ, его западныхъ братьевъ, — потому, можетъ быть, я и не разслушалъ воплей въ его безтолковой азіятской пѣснѣ.

Впрочемъ, поэты вообще—за грузинскую пѣсню. Даже Пушкинъ находилъ «голосъ пѣсенъ грузинъ пріятнымъ» и оставилъ намъ на память одну изъ нихъ, увѣряя довольно лукаво, что «въ ней есть какая-то восточная безсмыслица, имѣющая свое поэтическое достоинство».

«Не хочу обладать міромъ: хочу твоего взора;
Отъ тебя ожидаю жизни,
Черная роза, освѣженная росою!
Избранная любимица природы! Тихое, потаенное сокровище! отъ тебя ожидаю жизни.»

Такъ кончается эта пѣсня. Неудивительно, что она понравилась молодому поэту съ африканскою кровью въ жилахъ, который, безъ сомнѣнія, имѣлъ случай изучить близко плѣнительную красоту грузинскихъ женщинъ.

Кто помнитъ записки Пушкина, тотъ знаетъ, конечно, сколько удачи выпадало въ этомъ случаѣ на долю поэта, который, даже случайно зайдя въ тифлисскія бани, прежде всего наткнулся на грузинскую красотку. «Болѣе 50 женщинъ, молодыхъ и старыхъ, полуодѣтыхъ и вовсе неодѣтыхъ, сидя и стоя, раздѣвались, одѣвались на лавкахъ, разставленныхъ около стѣнъ; я остановился.

«Пойдемъ, пойдемъ!—сказалъ мнѣ хозяинъ.—Сегодня вторникъ, женскій день. Ничего, не бѣда!..—Конечно, не бѣда...—отвѣтилъ я ему.—Напротивъ.»

«Появленіе мужчинъ не произвело никакого впечатлѣнія. Онѣ продолжали смѣяться и разговаривать между собою. Ни одна не поторопилась покрыться своею чадрою; ни одна не перестала раздѣваться. Казалось, я вошелъ невидимкой. Многія изъ нихъ были въ самомъ дѣлѣ прекрасны. За то не знаю ничего отвратительнѣе грузинскихъ старухъ: это вѣдьмы.»

* * *

Кстати, я тоже долженъ сказать нѣсколько словъ о «славныхъ тифлисскихъ баняхъ», какъ ихъ называетъ Пушкинъ.

Нагулявшись по саду, мы спустились мимо крѣпости по очень сквернымъ обрывамъ, черезъ старинный персидскій кварталъ въ Салалаки. Этотъ спускъ былъ настоящимъ путешествіемъ по Азіи, черезъ безчисленное множество плоскихъ земляныхъ крышъ, прикрѣпленныхъ къ утесамъ крѣпости, вьющіяся лѣсенки, темныя крытыя галлереи.

Наступила уже ночь, и освѣщенныя красными огнями окна этихъ висячихъ въ воздухѣ ласточкиныхъ гнѣздъ еще болѣе усиливали темноту горной твердыни, надъ которой живописно вырѣзались высоко наверху, на фонѣ яснаго неба, гигантскіе силуэты древнихъ башенъ и стѣнъ.

Персіяне цѣлыми семьями сидѣли на коврикахъ по своимъ землянымъ крышамъ, молчаливо отправляя вечернюю трапезу послѣ трудоваго дня.

Художникъ далъ бы много, чтобы передать на полотнѣ всѣ эти разнообразныя характерныя группы истаго азіятскаго и мусульманскаго уголка, словно ожидавшія его кисти съ неподвижностью статуй.

Всѣ эти этажи плоскихъ кровель, облѣпившіе гору отъ подножія башенъ до крышъ Салалаки, пріютились сюда, подъ защиту крѣпостныхъ твердынь, еще въ

дальніе и давніе вѣка, когда утесы эти служили центромъ персидскаго насилія надъ Тифлисомъ и Грузіей, когда ненавистному персіянину было сколько-нибудь безопасно только здѣсь, въ близкомъ сосѣдствѣ съ персидскою силою и персидской властью, подъ постоянною угрозою мусульманскихъ бойницъ стараго «Кала», неправленныхъ на грузинскій и армянскій Тифлисъ.

*
* *

Бани теплыхъ сѣрныхъ ключей, давшихъ имя Тифлису, показавшіяся Пушкину роскошнѣе всего, что только онъ видѣлъ въ Россіи и Турціи, помѣщаются на Майданѣ и не только теперь не роскошны, но положительно грязны и вонючи. Лучшими банями считаются бани князя Ираклія Грузинскаго и князя Сумбатова. Въ первыхъ есть всего только одинъ мраморный номеръ,во вторыхъ—ни одного, остальные номера—просто каменные подвалы своего рода, глухіе, сырые, малопріютные.

Вслѣдствіе всеобщаго упадка патріархальныхъ нравовъ Грузіи, мы уже не встрѣтили теперь при входѣ въ этотъ азіатскій рай, какъ счастливецъ Пушкинъ, ни старыхъ фурій, ни юныхъ гурій, а прозаически отдали себя въ распоряженіе стараго персіянина обыкновеннаго мужескаго пола, хотя и не безносаго, какъ пушкинскій баньщикъ. Если тифлисскія бани «не красны углами, то красны пирогами» по русской пословицѣ. Онѣ въ самомъ дѣлѣ воскрешаютъ человѣка, какъ живая вода, о которой говорится въ сказкахъ. Сначала кинули меня въ каменный бассейнъ, полный теплой сѣрной воды, которая струится въ него изъ особыхъ крановъ. Я сталъ словно вариться потихоньку на легкомъ огонькѣ и почувствовалъ себя такъ сладко и покойно, что, казалось, вѣкъ бы не вышелъ изъ этого отраднаго полузабытья, вѣкъ бы сидѣлъ въ этой теп-

лой ласкающей влагѣ, въ которой незамѣтно стихаютъ всякія волненія крови, всякое раздраженіе нервовъ, смягчаются старыя боли тѣла, засыпаетъ убаюканная, какъ въ колыбели ребенка, вѣчно безпокойная мысль.

Братъ варился въ другой сосѣдней ваннѣ, также стихшій и также, повидимому, довольный этимъ чуднымъ грузинскимъ кейфомъ. И мы безмолвно созерцали другъ друга, какъ два блаженныхъ избранника на лонѣ Авраамовомъ, не чувствуя ни силъ, ни желанія развлекать бесѣдою это растительное благополучіе младенцевъ въ утробѣ матери.

Когда я достаточно разварился и распарился и цвѣтъ моего тѣла сталъ походить на хорошо просоленную солонину, опытный поваръ, варившій меня въ своемъ каменномъ котлѣ, сообразилъ, что я теперь годенъ для дальнѣйшей стряпни, и безжалостно вытащилъ меня изъ теплой воды на длинную голую лавку, гдѣ я долженъ былъ подвергнуться всевозможнымъ пыткамъ, какъ въ застѣнкѣ какой-нибудь нюрнбергской тюрьмы...

Чего только не дѣлалъ со мною этотъ азіатскій мучитель!... Онъ мялъ меня, онъ билъ меня, онъ меня всячески щипалъ и трепалъ, онъ трясъ и дергалъ мои руки и ноги, словно хотѣлъ вылущить ихъ изъ ихъ суставовъ, крутилъ ихъ назадъ какъ разбойнику, пойманному съ поличнымъ, онъ неистово топталъ меня, вспрыгнувъ въ какомъ-то гимнастическомъ упоеніи мнѣ на плеча своими худыми босыми ногами и выдѣлывая на мнѣ, по моей грѣшной спинѣ, по моимъ многострадальнымъ ребрамъ, такіе отчаянные антраша, которымъ позавидовалъ-бы любой балетчикъ. Я переносилъ всѣ эти дикія упражненія азіатца въ нѣмомъ ужасѣ и суевѣрной покорности, согнувъ подъ нимъ выю и терпѣливо нося его на своемъ хребтѣ, какъ гоголевскій Хома Брутъ послушно носилъ вскочившую на него вѣдьму... Но вѣдь вѣдьма по крайней мѣрѣ ока-

залась красавицею, дочкою сотника, и наградила бѣднаго бурсака поцѣлуями своихъ обольстительныхъ устъ, а я не заслужилъ отъ прыгавшаго по мнѣ мучителя ничего кромѣ жесткой, поистинѣ ежевой рукавицы, которою онъ сталъ меня далеко неласково гладить, поваливъ носомъ на лавку...

Но вотъ вдругъ кончилось это жесткое струганье моего тѣла, которое персіянинъ, повидимому, принималъ за деревянную доску, подготовляемую подъ лакъ кускомъ пемзы... Какой-то пузырь очутился въ проворныхъ рукахъ расходившагося, вдохновеннаго баньщика...—Быстро сталъ онъ взбивать что-то въ этомъ пузырѣ—и въ одно мгновеніе ока я вдругъ сталъ тонуть въ ароматической воздушной волнѣ изъ взбитаго миндальнаго мыла...

Дрожащая, колыхающаяся гора легкой пѣны съ волшебной быстротой разросталась надо мною, погружая меня въ себя совсѣмъ—съ головою и ногами...

И вдругъ этотъ душистый сонъ исчезъ разомъ, словно кто-то сдунулъ съ меня окутавшее меня воздушное облако, и я очутился опять въ глубинѣ каменнаго котла, опять въ теплой сѣрной водѣ, непріятно шибнувшей въ носъ послѣ сладкаго запаха миндаля,— и опять впалъ въ счастливую полу-дремоту, изъ которой никогда-бы не хотѣлось выходить...

Брата въ эту минуту уже тащилъ на муку палачъ-азіатъ.

* * *

Баню мы закончили также по-азіатски. Потребовали себѣ изъ сосѣднихъ персидскихъ кухонь кебаба съ кинзи, шашлыка, лавашей, кахетинскаго вина, чтобы уже вполнѣ вкусить наслажденій персидской бани; и ѣлось-же отлично всѣхъ этихъ горячихъ и вкусныхъ яствъ, принесенныхъ прямо съ пылу, безъ тарелокъ, завернутыхъ прямо въ лаваши... Послѣ лазанья по

утесамъ и землянымъ крышамъ, послѣ своеобразнаго массажа, который задалъ намъ этотъ бритый профессоръ шведской гимнастики, послѣ часовой варки въ котлѣ—захочется ѣсть самому завзятому постнику...

Но обоихъ насъ оставилъ далеко позади себя нашъ маленькій бѣлобрысый черкесенокъ, убиравшій душистое мясо и запивавшій его вкуснымъ цинондальскимъ виномъ, какъ настоящій кавказскій джигитъ послѣ жестокаго боя...

IV

Былое Тифлиса

ПЕРСІЯНЕ теперь мучаютъ только посѣтителей бани, жарятъ только кебабъ, бьютъ только камни мостовыхъ. Они обратились въ мирное рабочее сословіе Грузіи, безотвѣтное и выносливое какъ вьючный скотъ, самое бѣдное, самое незначительное по вліянію и власти.

Но недалеко то время, когда персы, арабы, монголы, турки—въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ мучили и терзали бѣдную Грузію, бѣдный Тифлисъ, когда они были деспотическими повелителями грузина и армянина, господами среди рабовъ, когда магометанину принадлежала вся здѣшняя сила и когда онъ могъ пользоваться безпрекословно всѣмъ здѣшнимъ богатствомъ...

Та персидская крѣпость, что торчитъ теперь въ развалинахъ на утесѣ, окруженная, какъ пастухъ стадомъ овецъ, тѣсно сбившимися къ ней домами персіянъ, дѣйствительно владычествовала когда-то и надъ Тифлисомъ и надъ всею Грузіей, и ея теперешнія развалины весьма наглядно выражаютъ собою освобожденіе Грузіи и Тифлиса отъ ея гнета...

Судьба Грузіи вообще, Тифлиса въ особенности, относительно Азіи поистинѣ ужасна, и кажется, ничто никогда не заставитъ грузина усыпить въ своемъ сердцѣ вражду къ азіятскому мусульманству, которую онъ воспиталъ тысячелѣтіемъ... Это самое вѣрное ручательство внутренняго сродства Грузіи съ Россіей.

Тяжело читать длинный скорбный листъ тифлисскихъ разореній, грузинскаго страданія.

Тифлисъ постоянно горитъ, постоянно разрушается, постоянно истребляется — въ теченіе долгихъ вѣковъ сряду... Разореніе города, избіеніе жителей — въ его исторіи являются чѣмъ-то не только обыкновеннымъ, но даже какъ-бы необходимымъ очереднымъ явленіемъ его нормальной жизни, какъ нѣкоторыя болѣзни человѣческаго возраста.

Врядъ-ли можно сосчитать всѣ его возрожденія изъ пепла, всѣ кровавые фазисы, въ которыхъ онъ, такъ сказать, мѣнялъ свою историческую шкуру, пока не достигъ своего теперешняго блестящаго положенія — торговаго европейскаго города, столицы закавказскихъ областей.

Персы пробуютъ разрушать Тифлисъ еще при первой постройкѣ его Вахтангомъ Горгасланомъ.

До конца VI-го вѣка нашей эры Тифлисомъ и Грузіей управляютъ цари персидской крови Сассанидовъ, персидскаго обычая, персидской вѣры, тѣснившіе христіанъ; послѣ короткаго владычества Багратидовъ, еврейскаго племени, въ началѣ VII-го вѣка персы опять подчиняютъ себѣ Тифлисъ и держатъ свой гарнизонъ въ тифлисской крѣпости. Освобожденіе отъ персовъ было еще худшимъ бѣдствіемъ для Тифлиса: въ 626 году его взяли приступомъ хозары, соединившіеся съ византійцами императора Ираклія. Почти все населеніе было истреблено, всѣ храмы и зданія разрушены.

«Стоны и вопли матерей къ дѣтямъ раздавались

подобно блеянью многочисленнаго стада овецъ къ ягнятамъ своимъ», повѣствуетъ лѣтописецъ. «За ними вслѣдъ бросались враги немилосердные; руки ихъ проливали потоки крови; ноги ихъ давили трупы. Когда прервались голоса, вопли и стоны, и когда ни одинъ не остался въ живыхъ, тогда только узнали хищники, что насытились мечи ихъ.»

Обоимъ правителямъ Тифлиса, персу и грузину, хозарскій царь приказалъ выколоть глаза, содрать съ живыхъ кожу, выдѣлать ее и набивъ сѣномъ повѣсить на зубцахъ стѣны.

«Все безчисленное войско, тяжело нагрузившись, приносило предъ своего повелителя груды и громады сокровищъ, и такъ много они приносили, что утомительно было глядѣть на несмѣтное количество талантовъ золота и серебра. Но кто въ состояніи разсказать объ украшеніяхъ церквей, объ утвари, унизанной жемчугомъ?» съ ужасомъ передаетъ лѣтописецъ.

Это только одинъ образчикъ изъ военныхъ нравовъ старой азіатской исторіи, только одинъ изъ тѣхъ безчисленныхъ погромовъ огнемъ и мечомъ, сплошную цѣпь которыхъ представляетъ собою лѣтопись Тифлиса.

Въ 731 г. Мурванъ-Глухой, военачальникъ халифа Омара, съ своими арабами опустошаетъ Грузію и Тифлисъ до того, что «не осталось почти ни одного уцѣлѣвшаго строенія».

Черезъ 13 лѣтъ арабы опять вторгаются въ Грузію, разоряютъ Тифлисъ, убиваютъ царя.

Вслѣдъ за ними сквозь Дарьялъ прорываются хозары, опять разоряютъ Тифлисъ и угоняютъ къ себѣ въ степи массы плѣнныхъ.

За ними опять арабы, опять разореніе и плѣнъ,— конца нѣтъ!...

Арабы владѣли Тифлисомъ до самаго XI-го столѣтія.

Съ 1042 года имъ вновь овладѣваютъ грузинскіе Багратиды, но уже въ 1073 году турки-сельджуки успѣваютъ взять Тифлисъ приступомъ, еще разъ разоряютъ его, еще разъ утверждаютъ въ немъ магометанство.

Только въ 1122 году Давидъ Возобновитель отбиваетъ его у турокъ послѣ долгой осады.

Но истиннаго процвѣтанія Тифлисъ достигъ при славной царицѣ Тамарѣ, которая присоединила къ Грузіи Арменію, подчинила себѣ всѣ горы и берега Кавказа и смирила исламъ грозою своего оружія. Однако послѣ смерти Тамары дѣло рукъ ея стало постепенно распадаться, и Грузію вмѣстѣ съ Тифлисомъ постигли прежнія бѣдствія...

Въ 1226 году султанъ хорасанскій Джелаль-Эддинъ, вырѣзавъ все населеніе пройденныхъ областей, взялъ приступомъ Тифлисъ и уничтожилъ городъ. «Въ безграничномъ звѣрствѣ своемъ, враги истребляли христіанъ до того, что всѣ улицы, овраги, ямы были наполнены убитыми», говоритъ очевидецъ, оставившій описаніе этого бѣдствія. Бо̀льшую часть убитыхъ бросали въ рѣку.

Султанъ велѣлъ разломать всѣ церкви до основанія, и дерзость его дошла до того, что онъ велѣлъ снять куполъ съ Сіонскаго храма, устроить на высотѣ храма сѣдалище и для входа туда сдѣлать мостъ, длинный, высокій и удобный. Онъ велѣлъ взять иконы Спасителя и Сіонской Божіей Матери и поставить посрединѣ надъ рѣкою. Связанныхъ попарно обоего пола лицъ приводили къ мосту, приказывали попирать иконы и отказаться отъ вѣры Христовой, а въ случаѣ отказа отсѣкали имъ головы. Весьма многіе отказывались отъ поруганія святынь, и мы имѣемъ великое сонмище ис-

повѣдниковъ и мучениковъ, котораго исчислить нельзя: я же полагаю, что ихъ было до 100,000 жертвъ.»

Черезъ 12 лѣтъ монголы, двинувшіеся на Россію, овладѣли Тифлисомъ и уничтожили его. Монголы держатся въ Грузіи болѣе столѣтія и хотя въ половинѣ XIV-го вѣка оставляютъ его, но послѣ того Тимуръ еще шесть разъ вторгается въ Грузію и въ 1388 году разрушаетъ Тифлисъ, побивъ и плѣнивъ жителей «безъ числа и счета», по выраженію армянскаго историка. Во всей Грузіи не осталось камня на камнѣ. Царь грузинскій попадаетъ къ нему въ плѣнъ вмѣстѣ съ царицей. Кровожадный завоеватель велитъ собрать на гумнахъ Тифлиса всѣхъ дѣтей его и топчетъ ихъ конями своихъ дикихъ наѣздниковъ. Теперешняя Калаубанская церковь св. Георгія воздвигнута на мѣстѣ этого безчеловѣчнаго мучительства.

Только-что царь Александръ успѣлъ сколько-нибудь возобновить развалины Тифлиса и обнести его новыми стѣнами, какъ въ Грузію вторгся тавризскій ханъ Джаханъ, взялъ Тифлисъ и опять разорилъ и обезлюдилъ его.

Съ XVI-го вѣка начинается опять владычество и мучительство персовъ. Первый овладѣлъ Тифлисомъ персидскій шахъ Измаилъ въ 1518 году. Онъ потопилъ въ Курѣ древнія святыни христіанства, разрушилъ храмы и построилъ мечеть въ укрѣпленномъ имъ Тифлисѣ.

Однако грузинскіе цари не сразу уступаютъ шахамъ свою столицу. Они не разъ вырываютъ ее изъ рукъ мусульманъ, обагряя своею и вражескою кровью камни многострадальнаго города; но всякій разъ персіяне черезъ короткое время возвращаютъ его назадъ еще съ большимъ кровопролитіемъ, еще съ бóльшимъ разореніемъ... Въ теченіе всего XVI-го столѣтія Тифлисъ перекидывается изъ рукъ въ руки, какъ мячъ въ игрѣ дѣтей, отъ персовъ къ туркамъ, отъ турокъ къ грузинамъ,

отъ грузинъ опять къ персамъ. Не смотря на всю изумительную нравственную стойкость грузинскаго племени, христіанство расшатывается этими безвыходными бойнями и разрушеніями до того, что грузинскіе цари принимаютъ наконецъ магометанскую вѣру шаховъ персидскихъ, воспитываются въ обычаяхъ персидскаго двора и дѣлаются постоянными данниками и ставленниками шаха. Но и это не спасаетъ отъ разоренія ни Тифлиса, ни Грузіи.

Въ 1616 году шахъ Аббасъ обагрилъ ее кровью изъ конца въ конецъ. Мусульманскій историкъ считаетъ однихъ павшихъ на полѣ битвы до 70,000, не считая 100,000 отведенныхъ въ плѣнъ. Вмѣсто плѣненныхъ поселены татары изъ Малой Азіи. Только въ XVIII-мъ столѣтіи, именно въ 1722 г. грузинскій царь Вахтангъ VI торжественно принялъ Христову вѣру. Но это навлекло на него жестокую междоусобную войну и разореніе лезгинами Тифлиса, успѣвшаго къ тому времени снова разбогатѣть и обстроиться. Царь Вахтангъ обращается къ помощи Петра Великаго и спасается съ своимъ семействомъ въ единовѣрную Россію, гдѣ онъ и умеръ. Между тѣмъ Персія втягивается въ непрерывныя войны съ Турціей. Въ Тифлисѣ утверждаются турки, пока шахъ Надиръ не беретъ его назадъ силою.

Грузія растерзывается на части усобицами и соперничествомъ князей, спорящихъ за престолъ и продающихъ врагамъ свое отечество. Тифлисъ поочереди переходитъ отъ одного царька къ другому.

Царь Ираклій II, со всѣхъ сторонъ терзаемый врагами и претендентами, рѣшается наконецъ прибѣгнуть къ покровительству могущественной Россіи, и въ 1783 году Екатерина посылаетъ на защиту Тифлиса свои войска.

Это уже канунъ присоединенія. Всѣ силы Грузіи

истощены, всякая будущность потеряна. Никакихъ устоевъ государственнаго организма, ни внутреннихъ, ни внѣшнихъ, шатаніе и рознь кругомъ. Но судьба готовила ей еще одинъ послѣдній ударъ. Въ концѣ 1795 года, немного лѣтъ спустя послѣ удаленія изъ Грузіи русскаго войска, вторгнулся въ Грузію персидскій шахъ Ага-Магометъ-ханъ, свирѣпый эвнухъ Надиръ шаха.

Тифлисъ былъ взятъ и разрушенъ до основанія; 6 дней сряду грабили и жгли его персіяне. Кура была завалена трупами; дѣтей рубили пополамъ, пробуя остроту сабель. Современникъ, видѣвшій дымящіяся развалины Тифлиса, въ одной только башнѣ нашелъ до 1,000 тѣлъ. Чумный воздухъ стоялъ надъ гніющими грудами тѣлъ, которыхъ некому было убирать. «Храброе персидское войско показало невѣрнымъ грузинамъ образецъ того, чего они должны ожидать въ день судный!» съ гордостью высказываетъ по этому случаю біографъ Ага-Магометъ-хана.

Немудрено, что скоро послѣ этого безчеловѣчнаго погрома въ Тифлисѣ свирѣпствуетъ страшная чума.

Въ 1798 году умираетъ наконецъ старецъ Ираклій II, несчастный царь Грузіи, а въ 1800 году его наслѣдникъ—Георгій XII уже проситъ о присоединеніи Грузіи къ Россіи.

18-го декабря 1800 г. подписывается императоромъ Павломъ манифестъ о присоединеніи Грузіи, 22-го декабря умираетъ давно уже больной Георгій XII, въ началѣ 1801 г. генералъ Кноррингъ устанавливаетъ въ Тифлисѣ временное верховное правительство, а 8-го мая 1802 г. католикосъ Грузіи, царевичи, князья, дворяне и всѣ сословія царства торжественно приводятся къ присягѣ на вѣрность русскому престолу.

Время вѣковѣчныхъ страданій и бѣдствія окончилось для Грузіи. Она вошла въ плоть и кровь Россіи и стала ея передовою твердынею противъ Азіи.

Подъ могучимъ напоромъ великаго единовѣрнаго народа, Грузія теперь сама смѣло двинулась навстрѣчу давившему ее отовсюду азіатскому исламу, слила воедино древнія, разрозненныя части свои, возвратила въ свое лоно Арменію и всѣ предѣлы когда-то обширнаго царства своей славной царицы Тамары, и Тифлисъ, обращенный въ груды окровавленныхъ камней азіатскимъ варваромъ на самомъ порогѣ XIX-го столѣтія,— сталъ въ самое скорое время тѣмъ блестящимъ, богатымъ и цивилизованнымъ Тифлисомъ, какимъ я теперь увидѣлъ его и какимъ онъ могъ сдѣлаться только подъ сѣнью мира и безопасности.

*
* *

Такими-то воспоминаніями огня, крови и слезъ полна эта старая персидская кала, что̀ безмолвно высится своими обглоданными каменными зубцами на этихъ неприступныхъ Сололакскихъ утесахъ и у подножія которой такъ довѣрчиво пріютился теперь мирный ботаническій садъ, полный веселыхъ пѣсенъ и шутокъ безпечно гуляющихъ грузинъ.

Тифлисцы по справедливости могутъ смотрѣть на эти мрачныя башни съ тѣмъ чувствомъ ненависти и радостнаго торжества, съ какимъ смотрѣли когда-то освобожденные сыны Швейцаріи на развалины Zwing-Uri, когда-то грознаго и безжалостнаго владыки своего, сокрушеннаго геройствомъ Теля и его сподвижниковъ.

V

Народное образованіе въ Тифлисѣ

Какъ ни много еще остается желать для развитія Тифлиса въ отношеніи его промысловъ, торговли, образованія и общежитія, но когда знакомишься ближе съ тѣмъ, что̀ уже есть въ немъ теперь, и вспоминаешь кровавыя лѣтописи его недавней, такъ сказать, надняхъ только закончившейся азіатской эпохи, принужденъ сознаться, что 80 лѣтъ не прошли даромъ для древней столицы Сасанидовъ и Багратидовъ. Лучше всего, вѣрнѣе всего судить объ историческомъ ростѣ города, духовномъ и матеріальномъ, по успѣхамъ его образованія.

Каковы были школы Тифлиса въ вѣка постоянныхъ нашествій, осадъ и разореній — можно себѣ представить и безъ особенно близкаго знакомства съ исторіей грузинскаго просвѣщенія... Если арабы, во время владычества своего, еще въ VIII-мъ вѣкѣ устроили обсерваторію на высотахъ тифлисской цитадели, то ихъ ученыя упражненія надъ звѣздами небесными остались при нихъ и не коснулись покоренныхъ грузинъ. Только въ IX вѣкѣ учреждаются въ Грузіи школы грамотности при церквахъ и высшія церковныя школы при архіерейскихъ монастыряхъ. Царица Тамара заводила во множествѣ церковныя училища, покровительствовала поэтамъ; при ней знаменитый Шота Руставели написалъ свою «Барсову кожу», нѣчто въ-родѣ Державинской «Фелицы»; при ней жили и другіе извѣстные писатели и поэты Грузіи—Моисей Хонскій, Чахруха, Шевтели и пр... Но вмѣстѣ съ былою славою и силою царства Тамары миновали эти счастливыя времена грузинскаго просвѣщенія, и съ половины XV-го столѣтія начинается его сильнѣйшій упадокъ. Правда, въ XVIII вѣкѣ, среди царскаго

семейства Грузіи, всецѣло преданнаго интригамъ и усобицамъ, какимъ-то чудомъ появляется такой ученый царь, какъ Вахтангъ VI, собравшій и возстановившій древнія грузинскія лѣтописи, написавшій для своего народа пресловутый сводъ «Вахтанговыхъ законовъ»; проявляется такой любомудръ, какъ сынъ его — царевичъ Вахушта, составившій почти единственную исторію и географію Грузіи, собственноручно начертившій карту земли своей.

Но это были рѣдкія и случайныя исключенія. Въ общемъ же Грузія въ теченіе послѣднихъ вѣковъ оставалась почти безъ школъ, безъ образованія, безъ науки. Уцѣлѣли только немногія школы въ укрѣпленныхъ горныхъ монастыряхъ, да въ Телавѣ и Тифлисѣ были основаны двѣ духовныя семинаріи. Кромѣ немногихъ старинныхъ лѣтописцевъ, сдѣланнаго въ X-мъ столѣтіи перевода священныхъ и церковныхъ книгъ, да нѣкоторыхъ поэмъ и народныхъ пѣсенъ,— въ ней почти не существовало никакой литературы. О литературѣ ученой не было и помину, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ трудовъ патріарха Антонія, переведшаго физику Вольфа и философію Баумейстера; но Антоній — авторъ весьма обширной грузинской мартирологіи и катихизиса — былъ столько же русскимъ, сколько грузиномъ, такъ какъ въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны онъ былъ архіепископомъ у насъ во Владимірѣ-на-Клязьмѣ. Существовавшія немногія жалкія училища Грузіи были узко-церковнаго характера и оставались безъ вліянія на массы населенія. Одна только счастливая особенность отличала въ этомъ отношеніи грузинское племя и сберегала въ немъ способность къ лучшему будущему: это—грамотность грузинской женщины. Недаромъ въ исторіи Грузіи женщина, въ лицѣ святой просвѣтительницы Нины, въ лицѣ великой царицы Тамары, играетъ такую выдающуюся роль.

Въ глуши грузинской семьи продолжалъ незамѣтно тлѣть среди военныхъ бурь и домашнихъ оргій скрытый огонекъ будущаго просвѣщенія.

Матери считали своимъ христіанскимъ долгомъ обучать дочерей грамотѣ, чтобы дать имъ возможность уразумѣть самимъ слово Божіе и впослѣдствіи вразумить ему же своихъ дочерей...

Въ то время, какъ важнѣйшіе сановники царства, по всеобщему обычаю грузинскихъ дворянъ, прикладывали вмѣсто своихъ подписей именныя печати, многія грузинскія женщины съ увлеченіемъ учили на-память «Барсову кожу» или читали дѣянія святыхъ мучениковъ...

Въ дни присоединенія Грузіи, имеретинскій царь Соломонъ не могъ отвѣчать на письмо нашего военачальника князя Циціанова потому только, что писарь его («диванъ») уѣхалъ въ Тифлисъ, *а между приближенными царя не было никого грамотнаго*, *и самъ онъ былъ также неграмотенъ*.

Донесеніе генерала Циціанова императору Александру I-му достаточно свидѣтельствуетъ о полнѣйшемъ невѣжествѣ, въ которомъ начало русскаго владычества застало Грузію. Даже судопроизводство происходило словесно, почти безъ всякаго письма, и рѣдкій изъ князей зналъ правила своего роднаго языка. Такъ что Циціановъ хлопоталъ прежде всего «о введеніи въ Грузіи *первыхъ лучей пресвѣщенія*, буде не вообще народнаго, то хотя здѣшняго дворянства».

По свидѣтельству одного изъ старожиловъ Тифлиса, генерала Мамацева, у котораго мы заимствовали нѣкоторыя свѣдѣнія по этому предмету, когда русскіе пришли въ опустошенный Тифлисъ, «*въ краѣ не было нигдѣ никакихъ школъ*».

Первое училище, онованное русскими еще въ 1802 г., «тифлисское благородное училище для грузинскаго бла-

городнаго юношества»—разбѣжалось почти сейчасъ же послѣ своего открытія, такъ что кн. Цицiановъ, пріѣхавъ въ Тифлисъ въ 1803 г., *не нашелъ ни учителей, ни учениковъ, ни самаго училища.* Пришлось создавать его вновь, но ужасъ воинственнаго грузинскаго юношества передъ просвѣщеніемъ Европы и полное равнодушіе къ нему невѣжественныхъ отцовъ — не давали ходу и новому заведенію; приходилось заманивать въ него наградами и подарками и смотрѣть спустя рукава на лѣнь и безчинства разнаго рода.

Въ 1830 году училище было преобразовано въ гимназію, въ ту самую тифлисскую классическую гимназію, которая помѣщается теперь рядомъ съ дворцомъ намѣстника на самомъ людномъ мѣстѣ Головинскаго проспекта—такъ называемой «Царской площади», и съ которою я успѣлъ хорошо ознакомиться, проживъ въ ней у брата все время моего двукратнаго пребыванія въ Тифлисѣ...

Эта гимназія уже прожила теперь болѣе 50 лѣтъ, уже сыграла золотую свадьбу и сочла свои грѣхи и заслуги за цѣлое полустолѣтіе. Главнымъ создателемъ и вдохновителемъ ея былъ первый ея директоръ Груберъ, бывшій потомъ попечителемъ Виленскаго и Казанскаго округовъ. Но только въ послѣднее время она достигла того поистинѣ цвѣтущаго и отраднаго положенія, въ которомъ я ее видѣлъ и въ которомъ искренно желалъ бы видѣть всякую гимназію не только нашихъ далекихъ инородческихъ окраинъ, не только нашихъ родныхъ губернскихъ городовъ, но даже и столицъ нашихъ...

Теперь въ этой тифлисской гимназіи, изъ которой 50 лѣтъ тому назадъ ученики разбѣгались въ горы, уже учится болѣе 700 мальчиковъ, большею частью туземцевъ, не только армянъ и грузинъ, но и татаръ и горцевъ всякихъ наименованій. Наплывъ дѣтей въ

гимназію теперь такой, что ежегодно подается 250 — 300 прошеній о пріемѣ, но принимать всѣхъ уже некуда и половина остается поневолѣ за дверьми заведенія... Въ одномъ только пансіонѣ болѣе 150 воспитанниковъ; такъ что изъ одной тифлисской гимназіи, имѣющей теперь уже 17 классовъ основныхъ и паралельныхъ, можно было бы весьма удобно выкроить двѣ изрядныя гимназіи обычнаго размѣра. Изъ туземцевъ болѣе всего стремятся учиться тифлисскіе армяне, ихъ въ гимназіи 32—33%, потомъ слѣдуютъ грузины (17 — 15%) и наконецъ мусульмане; армяне учатся не только охотнѣе, но еще и гораздо настойчивѣе другихъ, такъ что проявляютъ уже въ дѣтствѣ и юности свои замѣчательныя практическія свойства, сдѣлавшія ихъ обладателями кавказской торговли и промышленности. Изъ числа оканчивающихъ курсъ гимназіи 60% армянъ!

Впрочемъ нужно сказать, что въ самомъ населеніи Тифлиса армяне являются преобладающимъ элементомъ, какъ люди спеціально городскихъ, а не сельскихъ профессій. Тифлисская гимназія представляетъ собою интересное явленіе въ педагогическомъ смыслѣ, начиная уже съ самыхъ размѣровъ своихъ и кончая изумительнымъ смѣшеніемъ языковъ...

Легче управиться съ 3-мя обыкновенными русскими гимназіями, чѣмъ съ этимъ столпотвореніемъ вавилонскимъ, гдѣ нужно примѣниться къ потребностямъ и свойствамъ десятка разныхъ другъ другъ враждебныхъ народностей, ко всѣмъ этимъ армянамъ, грузинамъ, татарамъ, лезгинамъ, осетинамъ, черкесамъ, евреямъ, полякамъ, русскимъ и пр., и пр.

Оттого-то тифлисской гимназіи еще недавно приходилось переживать весьма печальные дни.

Разнообразіе и широта теперешнихъ педагогическихъ средствъ гимназіи, кажется, уже въ состояніи отвѣчать наконецъ разнообразію потребностей. Гимназія уже воро-

чаетъ теперь сто-тысячныхъ бюджетомъ, имѣя кромѣ того серьезныя средства въ недавно созданныхъ ею учрежденіяхъ «ученическаго фонда» и «общества вспомоществованія учащимся», открытаго въ 1874 году.

Кромѣ того, при гимназіи существуетъ «ссудо-сберегательная касса для служащихъ по учебному вѣдомству», имѣвшая въ теченіе 12 лѣтъ болѣе 340,000 рублей въ своемъ оборотѣ.

Все это указываетъ на дѣятельную и разностороннюю внутреннюю жизнь.

Съ помощью этихъ средствъ гимназія поставила и учебную часть свою очень плодотворно и практично.

Безчинства и вредныя шалости искусно парализованы въ ней цѣлымъ рядомъ полезныхъ занятій, привлекательныхъ для ребенка. Прекрасно организованная ученическая читальня, созданная главнымъ образомъ пожертвованіями самихъ воспитателей и учителей на счетъ ежегоднаго вычета 1 процента изъ ихъ содержанія, имѣетъ теперь уже болѣе 5,000 книгъ; просторное и свѣтлое помѣщеніе этой читальни, удобная и красивая мебель, множество цѣнныхъ иллюстрированныхъ изданій, покрывающихъ ея столы, картины и карты на стѣнахъ,—все это въ высшей степени должно расположить дѣтей къ занятіямъ и отвлекать ихъ отъ унылаго бездѣльничанья, къ сожалѣнію столь обычнаго въ нашихъ пансіонахъ... Не хотите читать, — ступайте въ другую залу, обставленную съ такимъ же вкусомъ и такъ-же разумно: это классъ свободнаго рисованія, увѣшанный гипсами и оригиналами. Для пѣнія и музыки тутъ цѣлая школа, содержаніе которой обходится гимназіи въ 2,500 рублей въ годъ. Оркестръ и хоръ тифлисской гимназіи хорошо знакомы жителямъ Тифлиса, которые всегда поощряютъ ученическіе концерты, устраиваемые обыкновенно или въ пользу бѣдныхъ учениковъ, или для учрежденія при

гимназіи какого-нибудь полезнаго занятія... Къ концертамъ часто присоединяются и литературныя чтенія. Кромѣ искусствъ, желающіе могутъ заняться какимъ-нибудь мастерствомъ — столярнымъ, токарнымъ, рѣзнымъ или переплетнымъ; для этого тоже особыя мастерскія, полныя верстаковъ и инструментовъ. Доморощенные юные столяры не только чинятъ всю мебель гимназіи, но начали уже снабжать ее новою; въ VIII классѣ гимназіи, напримѣръ, всѣ парты на 40 человѣкъ сдѣланы исключительно мастерствомъ самихъ учениковъ. А книгъ они переплетаютъ по нѣскольку тысячъ въ годъ.

Гимнастикѣ въ тифлисской гимназіи придано особенное значеніе. 4 часа ежедневно идутъ занятія гимнастикой для приходящихъ и пансіонеровъ, чтобы дать возможность всякому классу поупражнять свои мускулы, къ великому благу для здоровья дѣтей, которыя здѣсь на Кавказѣ привыкли гораздо болѣе къ физическимъ упражненіямъ, чѣмъ наши русскія дѣти, и потому гораздо болѣе насъ страдаютъ отъ постоянно сидячей жизни за книжкой.

Одно изъ наиболѣе отрадныхъ впечатлѣній я вынесъ изъ посѣщенія гимназической больницы.

Домикъ больницы уже снаружи не похожъ нисколько на что-нибудь казенное, а внутри онъ въ каждой подробности своей проникнутъ духомъ доброй семьи и домовитости.

Вездѣ чистота, свѣтъ солнца, цвѣты и растенія, картины на стѣнахъ, вездѣ добрыя, опрятныя женщины вмѣсто полупьяныхъ грубыхъ фельдшеровъ и сторожей...

По лицамъ дѣтокъ уже сейчасъ чуешь, что они дѣйствительно отдыхаютъ здѣсь и получаютъ не одну формальную помощь.

Черезъ посредство такихъ практическихъ воспитательныхъ мѣръ, гимназіи удалось поднять не только

нравственное настроеніе своихъ воспитанниковъ, но и успѣхи ихъ ученья, чему много помогла честная готовность педагогическаго персонала жертвовать свои скудные досуги на дополнительные уроки, послѣ-обѣденныя репетиціи, литературные вечера и на занятія классныхъ наставниковъ...

Успѣхи учениковъ убѣдительнѣе всего выразились въ рѣзкомъ ослабленіи цифры остающихся на другой годъ въ томъ-же классѣ...

Какое вообще значеніе имѣла тифлисская гимназія въ судьбахъ края, можно судить по тому, что почти всѣ туземные дѣятели Кавказа, снискавшіе себѣ извѣстность въ томъ или другомъ отношеніи, дѣйствующіе теперь здѣсь на судебномъ, ученомъ или административномъ поприщѣ, были воспитанниками этой гимназіи.

«Мы хорошо помнимъ, что въ первое время въ здѣшнихъ домахъ не говорили по-русски, и нельзя было слышать разговора на русскомъ языкѣ», высказался въ своей юбилейной рѣчи одинъ изъ природныхъ тифлисцевъ, г. Инсарловъ; «*гимназія же всѣхъ насъ, туземцевъ, превратила въ русскихъ людей.* Мы начали жить по-русски: наша домашняя жизнь, домашній бытъ, пріемы, обстановка — все русское. *Теперь во всѣхъ почти домахъ у насъ говорятъ по-русски, какъ народнымъ языкомъ, безъ котораго* обойтись мы не можемъ, такъ какъ русскій языкъ сдѣлался уже нашимъ роднымъ языкомъ. А этимъ мы обязаны тифлисской гимназіи.»

Но въ Тифлисѣ не одна только классическая гимназія. Тифлисъ относительно числа и разнообразія своихъ учебныхъ органовъ не уступитъ никакому русскому городу, кромѣ столицъ. Въ немъ еще есть реальное училище, классическая прогимназія, женская прогимназія, Александровскій учительскій институтъ, кромѣ частной мужской гимназіи, частной женской гимназіи, частнаго реальнаго училища, частной прогимназіи, кромѣ

городскихъ, приходскихъ и частныхъ начальныхъ училищъ. Однихъ женскихъ общественныхъ или городскихъ училищъ въ Тифлисѣ 8, а начальныхъ гораздо болѣе... Немудрено послѣ этого, что при переписи 1876 г. около 45 проц. тифлисскихъ грузинъ мужескаго пола свыше 7 лѣтъ возрастомъ оказались грамотными, между тѣмъ какъ недавно еще цари и сановники не умѣли писать по-грузински.

Нужно согласиться, что этого очень довольно для того исторически-короткаго времени, которое протекло отъ разоренія Ага-Магометъ-хана до проекта тифлисскаго университета. Даже и 80 лѣтъ не великій промежутокъ времени для превращенія военной персидской стоянки въ образованный европейскій городъ.

VI

Степи Іоры

ИЗЪ Тифлиса мы дѣлали только небольшія экскурсіи, въ ожиданіи того времени, когда окончатся занятія въ гимназіи и брату моему явится возможность отправиться со мною въ далекій и трудный путь, составлявшій главную цѣль моей кавказской поѣздки, въ нагорный Дагестанъ.

Мы успѣли посѣтить, между прочимъ, самый обычный и, кажется, самый старинный дачный пріютъ тифлисцевъ — Коджоры, которые лежатъ недалеко отъ Тифлиса, по дорогѣ въ Манглисъ, на высокихъ горахъ, окаймляющихъ Куру справа.

Насъ собралась маленькая кавалькада, съ грузинскою княжною во главѣ, съ двумя молодыми гвардейцами, въ качествѣ военной охраны своего рода. Одинъ изъ спутниковъ нашихъ былъ сынъ популярнаго въ

Грузіи князя Л. И. Меликова, исправлявшаго тогда должность намѣстника Кавказа; другой — сынъ тоже извѣстнаго за Кавказомъ князя Тенгиза Дадешкильяна, владѣтеля Сванетіи, отчаянный джигитъ, который успѣлъ заслужить репутацію храбреца и рубаки въ послѣднюю болгарскую войну.

Этотъ молодой сванетскій удалецъ удивительно ловко гарцовалъ впереди насъ, на бѣломъ карабахѣ высокой крови, воспитанномъ въ табунахъ самого хана карабахскаго и, говорятъ, прельщавшемъ покойнаго Скобелева, который его торговалъ для своего ахалъ-текинскаго похода.

Мы сдѣлали прелестную горную прогулку, наслаждаясь видами на долину Куры, исчезавшую у нашихъ ногъ, и на темнѣвшія слѣва Ахалцыхскія горы. Коджоры всѣ спрятаны въ зелени, раскинувшись съ непринужденностью истинной деревни по лѣснымъ горамъ и лощинамъ. Послѣ сильнаго зноя на горахъ, сталъ моросить дождь, такъ-что мы попали въ освѣжительную прохладу и сырость.

Весьма помѣстительный домъ, съ тѣнистыми галлереями, нанимается казною для лѣтняго помѣщенія помощника намѣстника, который, однако, еще не успѣлъ въ то время переѣхать сюда изъ Тифлиса, а только отправилъ часть своего семейства.

Мы были радушно приняты въ немъ почтенною княгинею, близкою родственницею князя, и послѣ сытнаго грузинскаго обѣда скоро успѣли набродиться по зеленымъ холмамъ и незатѣйливымъ дачкамъ этого тихаго горнаго пріюта, такъ что возвратились въ Тифлисъ почти засвѣтло.

А между тѣмъ, мы заботливо оснащались въ свой дагестанскій походъ, достали всевозможныя рекомендательныя письма отъ однихъ лицъ, власть имущихъ, къ другимъ, имѣющимъ власть, разные открытые листы,

подорожныя, маршруты. Въ Тифлисѣ даже коренные жители мало знакомы съ путями черезъ горный Дагестанъ, словно онъ отстоитъ отъ нихъ за цѣлыя тысячи верстъ. Почти никто не могъ указать даже удобнѣйшаго и наиболѣе обычнаго перевала черезъ хребетъ, и вообще трудно было встрѣтить человѣка, который-бы самъ сдѣлалъ это рискованное путешествіе.

Наконецъ, все было готово, и рано утромъ, въ самый знойный день, почтовая перекладная тройка покатила насъ, со всѣми нашими походными чемоданами и корзинами, набитыми провизіей, съ запасомъ необходимыхъ книгъ, съ разнымъ горячимъ и холоднымъ оружіемъ про всякій случай, по ровной степной дорогѣ, вдоль берега Куры, въ Кахетію, текущую виномъ и медомъ.

Братъ вырвался на волю послѣ изнурительныхъ мѣсяцевъ экзамена, этой педагогической «страдной поры» своего рода, и его здоровая деревенская натура, не выносящая долгаго комнатнаго заточенія, встрепенулась здѣсь, на вольномъ воздухѣ степи, всею радостною полнотою жизненныхъ силъ своихъ, придавленныхъ разными вредными неправильностями нашего искусственнаго городскаго и особенно служебнаго быта.

Мы ѣхали черезъ зеленую степь Муганлы, еще не выжженную солнцемъ, благодаря необычно частымъ дождямъ.

Куру мы стали бросать все правѣе и правѣе, направляясь наперерѣзъ теченію Іоры.

Іора—это истая рѣка степей, какъ и нижняя Кура.

По лѣвую сторону Іоры—безплодная Ширакская степь, по правую—Караязская. Почтовыя дороги тщательно обѣгаютъ эту пустынную область Іоры.

Дорога въ Кахетію, въ Южный Дагестанъ, въ старыя прикаспійскія ханства Баку, Шемахи, Кубы, огибаетъ Іорскія степи съ сѣвера и сѣверо-востока, а до-

рога въ Елисаветополь (древнюю Ганджу), съ юго-запада, по правому берегу Куры.

Мы слѣдовали первою дорогою на Сигнахъ, съ котораго начинается Кахетія и въ которомъ дорога эта рѣзко раздваивается: одна вѣтвь поворачиваетъ направо, къ Каспію, другая круто налѣво, почти назадъ, въ глубь Кахетіи, въ Телавъ, къ подножію великаго хребта.

Равнина, черезъ которую намъ пришлось безостановочно ѣхать цѣлый день, была далеко не безжизненна. Сейчасъ видно, что мы попали на старый, давно укоренившійся торговый путь. Проѣзда не было отъ обозовъ, то шедшихъ навстрѣчу, то обгоняемыхъ нашею тройкою. Но это уже не знакомыя, намозолившія глазъ безконечныя вереницы русскихъ телегъ, съ разноцвѣтными дугами, съ важистыми толстоногими коренниками, съ бородачами-извозчиками въ тульскихъ шляпахъ, въ лиловыхъ «александрійскихъ» рубашкахъ, съ красными ластовицами, на которыя пересталъ уже глядѣть, которыхъ просто не видишь, даже смотря на нихъ,—до такой степени часто и много встрѣчается ихъ по столбовымъ дорогамъ родной Руси.

Нѣтъ, здѣсь глазъ жадно бросается на поражающую его новизну всей путевой обстановки. Длиннѣйшія крытыя фуры запряжены здѣсь четвериками въ-рядъ, и на высокихъ частыхъ дугахъ, прикрывающихъ эти повозки, висятъ яркіе ковры, затѣйливые, узорчатые войлоки и цыновки. Все тщательно раскрашено, украшено, раззолочено. Лошади и мулы въ пестрыхъ и картинныхъ уборахъ, будто разряжены на какой-нибудь праздникъ. Шлеи живописно убраны въ нѣсколько рядовъ блестящими бляхами; сѣточки, подвѣсочки, кисточки изъ разноцвѣтнаго бисера и стекляруса широкими повязками висятъ надъ глазами лошади, спуская со лба ея пушистые хвосты краснаго и желтаго цвѣта; вездѣ звенятъ и качаются гремушки и бубенчики; хомуты

такіе-же яркіе, такіе-же расписные. Въ этомъ есть много общаго у закавказца съ испанцемъ, такимъ-же южаниномъ, такимъ-же охотникомъ до пестраго и яркаго въ уборахъ своихъ муловъ, ословъ и лошадокъ. Въ фургонахъ этихъ масса народа, человѣкъ по 20, масса сундучковъ, узелковъ; повернуться негдѣ, но всѣ сидятъ, однако, прилично и по-человѣчески, не навалены, какъ битыя туши, другъ на друга, въ ту-же самую телегу, на которой возятъ навозъ и глину. Это обычные татарскіе дилижансы, посредствомъ которыхъ сообщается простое населеніе восточнаго Закавказья и которымъ можетъ пользоваться, по его дешевизнѣ, каждый рабочій; существенное удобство, котораго, къ сожалѣнію, лишена наша православная Русь вездѣ, куда еще не проникла желѣзная дорога, съ ея вагонами 3-го и 4-го классовъ.

Въ этой привычкѣ доставить себѣ сколько-нибудь пристойный и удобный способъ передвиженія, въ этомъ рѣшительномъ устраненіи отъ себя всякой скотской и грязной обстановки, сказывается та-же утѣшительная черта нашихъ южныхъ племенъ, которая поражала меня уже не разъ: уваженіе къ своему достоинству человѣка, сознаніе своего права пользоваться удобствомъ жизни наравнѣ съ другими людьми, по мѣрѣ своихъ средствъ и способовъ. Въ этомъ отношеніи нашъ далекій югъ, нашъ азіатскій востокъ гораздо ближе къ цивилизованнымъ обычаямъ Западной Европы, чѣмъ нашъ братъ, сиволапый мужикъ, изъ черноземныхъ полей, со всѣмъ свинствомъ и распущенностью своего домашняго и общественнаго быта.

Татарки здѣсь всѣ красныя, съ головы до ногъ: красныя широкія шальвары, красные широкіе головные платки, спускающіеся по плечамъ до пояса, красные бешметы, разукрашенные бляхами, пуговицами, висящею по рукавамъ бахромою и всякою всячиною

нисколько не меньше, чѣмъ разукрашены гривы и чубы ихъ лошадей. Фуры тоже всѣ разукрашены краснымъ съ золотомъ; въ фурахъ набито, обыкновенно, множество дорожныхъ сундуковъ, раззолоченныхъ, опять-таки, по красному, такъ-что, когда двигается нѣсколько фуръ, набитыхъ татарскими женщинами, то онѣ кажутся издали, на фонѣ зеленой степи, какими-то громадными кровавыми цвѣтами. Странно, что у насъ, въ степной черноземной полосѣ Россіи, называютъ татарками большія кровавыя шапки колючекъ, растущихъ вездѣ по полямъ,—до такой степени произвела впечатлѣніе на русскаго, тоже очень любящаго красный цвѣтъ, эта исключительная любовь къ красному татарской женщины.

Ближній народъ ѣздитъ, конечно, не въ извозчичьихъ фургонахъ, а на своихъ доморощенныхъ арбахъ. Два исполинскія буковыя колеса несутъ на себѣ деревянную площадку, дышло которой безъ труда покоится на выносливой спинѣ пары буйволовъ. Поставьте на эту площадку стогъ сѣна, скирдокъ хлѣба, груду ящиковъ или кулей, — все, что хотите, что только умѣстится на ней,—и эти черные, изъ желѣза выкованные звѣри, ближайшіе товарищи носорога и бегемота, страшнаго скелета, страшной мускулатуры, попрутъ себѣ спокойно этотъ огромный возъ, не раздумывая, не разсчитывая его вѣса, не спѣша и не останавливаясь. Безцѣнная скотина для крутыхъ подъемовъ и спусковъ кавказскаго предгорья. Цѣлыя стада буйволовъ пасутся тутъ кругомъ, въ этой зеленой степи. Стада коровъ чередуются съ ними. Здѣшніе пастухи, однако, не съ одними кнутами да тростниковыми дудочками, какъ у насъ, и имъ, повидимому, некогда бываетъ ковырять по цѣлымъ днямъ лапти въ тѣни какого-нибудь уютнаго кусточка. Около каждаго стада по нѣсколько верховыхъ, на бойкихъ конькахъ, съ ружьями за плечами, съ кинжаломъ

у пояса. Тутъ мѣста опасныя, народъ очень плохъ насчетъ разбоя и грабежа.

Закавказскій татаринъ вообще жестокъ нравомъ, корыстенъ и безнравственъ. А тутъ почти безлюдная степь на сотни верстъ и непрерывное движеніе товаровъ. Соблазнитъ поневолѣ, особенно когда еще далеко не забыты недавнія преданья постоянныхъ войнъ, грабежей, разореній, безотрадное царство всякаго насилія, не совсѣмъ прекратившееся еще въ началѣ нашего столѣтія.

Караваны верблюдовъ, давно уже мною не виданныхъ, безконечною цѣпью проплываютъ мимо насъ, намъ навстрѣчу. Съ суровымъ и презрительнымъ равнодушіемъ глядятъ впередъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія ни на насъ, ни на все, что дѣлается кругомъ, эти ветхо-завѣтные звѣри-исполины, уже какую тысячу лѣтъ мѣряющіе своими лохматыми толкачами глубокіе пески и каменистыя дороги старой Азіи. Жалкою, ничтожною тварью копошится около ихъ могучихъ и величественныхъ фигуръ наша маленькая лошадиная тройка, а они шагаютъ себѣ да шагаютъ своимъ машистымъ шагомъ, неслышно волоча за собою цѣлое сооруженіе изъ тюковъ и ящиковъ, важно раскачивая свои мохнатые горбы, гордо и прямо поднявъ свои головы, съ волосами и ушами какъ у человѣка, съ разумнымъ взглядомъ человѣка.

Попадаются караваны и другаго рода, подлинно азіатскіе, какіе ходили въ Бактріи и Аравіи, безъ всякихъ повозокъ; на горбахъ висятъ, по обѣ стороны, плоскіе жестяные боченки съ керосиномъ, которымъ Баку снабжаетъ всю Россію. Бѣдныя животныя сплошь улиты просачивающимся керосиномъ и представляютъ изъ себя уже далеко не величественный видъ. Множество развьюченныхъ верблюдовъ пасутся на степи; среди зеленой травы стоятъ цѣлые станы снятыхъ съ нихъ товарныхъ тюковъ.

Арбы, съ выпряженными буйволами, тоже отдыхаютъ здѣсь, на общемъ даровомъ пастбищѣ. Высоко задралось дышло и деревянное днище тяжело нагруженной арбы, уже не удерживаемой въ равновѣсіи ярмомъ буйвола, и подъ тѣнью этого удобнаго походнаго шалаша сладкимъ сномъ отдыхаютъ татары, татарки, татарчата, утомленные знойнымъ днемъ и длинною дорогою.

Все полно жизни, движенья, несмотря на степь, несмотря на жаръ.

Это важный и давній трактъ нашей персидской торговли, путь въ Европу, въ Русь, изъ глубины Азіи, изъ Тегерана и Герата черезъ Рештъ, черезъ Баку въ Тифлисъ и къ Черному морю. Селъ тутъ нѣтъ, попадаются только духаны. И какъ оцѣниваешь ихъ въ этой невыносимой жарѣ, среди этой степной безпріютности.

Духанъ — удивительно счастливая выдумка кавказскаго населенія. Въ немъ сказалось то-же чувство человѣческаго достоинства закавказца, та-же общечеловѣчная потребность его, о которыхъ я только-что говорилъ.

Закавказскій духанъ — далеко не нашъ, россійскій кабакъ. Насколько кабакъ гадокъ, вреденъ, невозможенъ, настолько хорошъ, почтененъ и полезенъ духанъ. Путешественнику доѣхать до духана — истинная отрада. Часто это—его спасеніе. Въ духанѣ—все, что необходимо дорожному человѣку,—разумѣется, неизбалованному разными столичными глупостями. Въ духанѣ прохлада, полутьма, просторъ. Правда, это часто простая плетушка, вымазанная глиною, съ высоты которой заглядываетъ иногда клочекъ далекаго неба, но вамъ до этого нѣтъ рѣшительно никакого дѣла. Тутъ спасетесь отъ жары, отъ дождя, отъ утомленія. Тутъ изжа-

рите себѣ бараній шашлыкъ прямо надъ камнемъ очага, на полу, посерединѣ «залы ресторана», тутъ сварите себѣ пшенный кулешъ въ котелкѣ на цѣпи, что висить сверху вмѣсто бронзовой люстры.

Тутъ, что всего главнѣе, освѣжите ваши глотки, наполните ваши бутылки или боченки легкимъ, свѣжимъ мѣстнымъ виномъ, которое самый завзятый постникъ можетъ поглощать среди кавказской жары, безъ всякаго вреда и опасности, цѣлыми бутылками. Чего вамъ еще больше? Но духанъ, кромѣ того, лавочка, снабженная всѣмъ насущнымъ для путника. Тутъ не только балыкъ, жареная баранина и огурцы, но и стеариновыя свѣчи, и табакъ, и чай съ сахаромъ, и простая посуда, и бумага, и мало-ли еще что?

А какія любопытныя, какія поучительныя встрѣчи и знакомства дѣлаются въ духанѣ! Какихъ характерныхъ типовъ насмотритесь вы здѣсь, какихъ наслушаетесь характерныхъ разговоровъ! Проживете нѣсколько лѣтъ въ городской гостиницѣ — и не узнаете десятой доли того, что откроется вамъ въ два, три мѣсяца безцеремонныхъ странствованій по закавказскимъ проселкамъ, по смиреннымъ глинянымъ духанамъ, съ плоскою земляною крышею, заросшею вѣниками.

Трудно, конечно, прививать искусственно къ одному народу нравы другаго, созданные вѣками и особенностями исторіи, но нельзя не сказать, что безпріютная деревенская жизнь нашихъ русскихъ, особенно черноземныхъ губерній, до сихъ поръ не выработавшая себѣ ничего болѣе удобнаго и приличнаго, какъ кабакъ, выиграла бы безконечно во всѣхъ отношеніяхъ, еслибы этотъ кабакъ, съ его голымъ, животнымъ пьянствомъ, замѣнился чѣмъ-нибудь подобнымъ кавказскому духану.

Польша, Западный край, балтійскія области наши имѣютъ корчму — нѣкоторое подобіе духана, но все-таки

не духанъ; въ корчмѣ, во-первыхъ, нѣтъ лавки съ разными товарами и, во-вторыхъ, корчма нашего запада слишкомъ пропиталась жидомъ и всѣми жидовскими обычаями, такъ что во многихъ мѣстностяхъ является тѣмъ потайнымъ гнѣздомъ плутовства и эксплуатаціи всякаго рода, откуда паукъ-жидъ, господствующій надъ округомъ, ведетъ всѣ свои коварныя нити и сѣти, разставляемыя неопытному мѣстному населенію.

Кавказскій духанъ полонъ пока простоты и простодушія чисто-патріархальныхъ; еще пока безхитростно наливаетъ изъ бурдюка стаканы неподдѣльнаго вина, не жаритъ, вмѣсто барана, кошки и не заглядываетъ насильно во всѣ щелочки чужихъ кармановъ.

По пути мы встрѣчали большія толпы крестьянъ, вызванныхъ изъ разныхъ губерній и уѣздовъ Закавказья для уничтоженія саранчи. Они возвращались домой, потоптавъ, что могли, въ Тифлисскомъ уѣздѣ. Организація этого дѣла первобытно-груба и первобытно-несправедлива.

Въ самый разгаръ рабочей поры, крестьянъ-хозяевъ гонятъ отъ ихъ собственныхъ хозяйствъ за сотни и десятки верстъ, въ иныя губерніи и уѣзды, на чужія хозяйства, чаще всего, конечно, на княжескія, потому что въ Карталиніи, опустошаемой саранчею, кругомъ все княжескія владѣнія, и при этомъ не только не даютъ никакого вознагражденія за убытки собственнаго, не въ пору покинутаго хозяйства, за тяжелый трудъ и дальній проѣздъ, но даже не кормятъ на мѣстахъ эти огромныя арміи рабочихъ по реквизиціи ничѣмъ, кромѣ сухаго хлѣба. Особенно тяжелъ этотъ вынужденный постъ для имеретинъ и мингрельцевъ, довольно изысканныхъ и разнообразныхъ въ своей пищѣ и, кто-му-же, никогда не знающихъ саранчи на своихъ поляхъ, такъ-что они никогда не могутъ разсчитывать на круговую поруку въ этомъ дѣлѣ, — единственное

разумное оправданіе практикующихся насильственныхъ ополченій закавказскаго крестьянства противъ саранчи.

Мы ничуть не возстаемъ противъ энергическаго и обязательнаго участія всего населенія въ борьбѣ противъ страшнаго стихійнаго врага, способнаго погубить благосостояніе цѣлаго края. Мы одобряемъ, въ этомъ случаѣ, даже самыя рѣшительныя военныя мѣры и самую непоколебимую строгость законовъ. Но мы возмущаемся неразумностью, несправедливостью, а потому и безсиліемъ той системы, которая существуетъ въ Закавказьѣ въ настоящее время, по истребленію саранчи. Военными мѣрами высылаютъ какого-нибудь имеретина, изъ какой-нибудь долины Ріона, куда-нибудь на Іору, на Алазань, а самыхъ главныхъ и состоятельныхъ владѣтелей этой именно Іоры и Алазани, наиболѣе страдающихъ отъ саранчи, наиболѣе выигрывающихъ отъ быстраго уничтоженія ея: князей, дворянъ, духовенство, богатыхъ землевладѣльцевъ, — вовсе не привлекаютъ къ участію въ этомъ истребленіи ни лично, ни денежно. Они не платятъ ни копѣйки спеціальнаго налога на истребленіе, не высылаютъ ни одного человѣка, а владѣютъ почти всею страною.

Между тѣмъ привлеченіе ихъ къ повинности въ томъ или другомъ видѣ могло бы, по крайней мѣрѣ, обезпечить подневольнаго работника-крестьянина необходимою ему пищею, дать ему его привычный стаканъ вина среди удушающей жары степей, вознаградить хотя скромною платою за всѣ тѣ труды и потери, которые онъ вынужденъ нести ради удобства другихъ и пользы цѣлаго края.

Нѣкоторые уѣздные начальники настойчиво заявляли о необходимости всесословной повинности по истребленію саранчи въ комитетѣ, который былъ образованъ въ Тифлисѣ для выработки мѣръ противъ бѣдствія. Но ихъ голосъ остался вопіющимъ въ пустынѣ. Старыя

сословныя пристрастія и предразсудки, точно такъ же какъ всесиліе чиновнической рутины, боящейся, какъ огня, всякаго новаго слова, всякихъ свѣжихъ слѣдковъ, не дали пробиться сквозь себя правдивой мысли, а, между тѣмъ, примѣненіе, очевидно, несправедливой и неудобной системы возбудило большой ропотъ среди закавказскихъ крестьянъ, и цѣлыя партіи ихъ, какъ я уже разсказывалъ ранѣе, въ одномъ изъ первыхъ очерковъ своихъ, отказывались отъ исполненія повинности и разбѣгались по домамъ. Если переданные мною разсказы о смертности, развившейся среди рабочихъ партій, вслѣдствіе несвоевременной раздачи хлѣба и отсутствія воды, могли быть значительно преувеличены, какъ о томъ заявляли мнѣ впослѣдствіи нѣкоторые мѣстные жители, то все-таки самая система не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. Только введеніе земскихъ учрежденій въ Закавказьѣ, къ чему оно готово нисколько не менѣе нашихъ русскихъ губерній, могло бы, мало-помалу, привить здѣшнему обществу тѣ здоровые взгляды на мѣстныя нужды и мѣстныя обязанности, которыя, благодаря тому-же земству, уже стали азбукою во множествѣ самыхъ глухихъ уѣздовъ Россіи. Относиться въ этомъ отношеніи съ недовѣріемъ къ населенію Грузіи было бы ребячествомъ, ничѣмъ не оправдываемымъ, и положительною несправедливостью. Не говорю уже, что это была бы грубѣйшая политическая ошибка съ нашей стороны, которая могла приготовить намъ въ будущемъ, какъ всѣ подобныя слѣпыя и узкія системы, много неожиданнаго горя и неожиданныхъ хлопотъ.

Долину Іору мы перерѣзали въ ея верховьѣ. Она обрисовалась, среди степей, темною сочною зеленью своихъ луговъ и частыми стогами свѣжаго сѣна, раскинутыми по этимъ лугамъ, будто сплошныя гнѣзда грибовъ. Табуны лошадей, стада коровъ и буйволовъ весело пестрятъ эти луга. Нагруженные сѣномъ и всякою

всячиною яшаки встрѣчаются на каждомъ шагу. Но вотъ опять потянулась та-же неоглядная, желто-зеленая степь. Опять снуютъ мимо ярко-синія ракши и стаи шумливыхъ скворцовъ; опять орлы плаваютъ въ бездонной синевѣ и ястреба неподвижно торчатъ на телеграфныхъ столбахъ, какъ разбойники въ засадѣ.

Мы приближаемся уже къ долинѣ Алазани, а до сихъ поръ не встрѣчаемъ еще никакой культуры. Не только о садахъ, виноградникахъ, табачныхъ плантаціяхъ, даже о полѣ — помину нѣтъ. Все одна только трава, одно пастбище, одна первобытная азіатская дичь.

Удивительна эта мертвенность хозяйственныхъ промысловъ въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ многолюдною и цвѣтущею Кахетіей, на тучныхъ земляхъ, которыя просто сами зовутъ къ себѣ обработывающую руку.

Тайна этого промышленнаго сна объясняется, впрочемъ, безъ труда. Всѣ эти громадныя пространства принадлежатъ большимъ грузинскимъ фамиліямъ, которыя настолько богаты, что могутъ удерживать ихъ за собою, не передавая въ руки мелкой собственности, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, настолько скудны свободными капиталами, хозяйственнымъ знаніемъ и предпріимчивостью, что не въ силахъ сами обратить эти зеленыя пустыни въ цвѣтущіе сады и сытыя поля.

Обширныя владѣнія князей Андрониковыхъ и другихъ тянутся, напримѣръ, на многіе десятки верстъ безплодною равниною около Іоры. Трудно сомнѣваться, что будь, вмѣсто этихъ 2-хъ, 3-хъ магнатскихъ мѣстностей, масса мелкихъ фермерскихъ хозяйствъ, вся страна быстро приняла бы другой видъ, закишѣла бы плантаціями, садиками, поселками. Видно, «латифундіи» губятъ не одну Италію!

VII

Обитель св. Нины

После ста слишкомъ верстъ жаркой и гладкой степи, мы начинаемъ, наконецъ, забираться на живописные, прихотливые холмы, спускаться съ нихъ и опять подниматься. Это уже первое предчувствіе горъ, первые аванпосты ихъ. Тутъ уже вы въ другомъ мірѣ. Пустыня кончилась, и кругомъ васъ зеленѣютъ виноградники, сверкаютъ поспѣвающими плодами тѣнистые садики, пріютившіе подъ своею сѣнью опрятные каменные домики.

Поднялись еще выше, на довольно крутой холмъ, и вдругъ передъ нами, какъ на эффектной картинѣ, появился живописный Сигнахъ, видный теперь весь отъ макушки до пятокъ. Мы въ Кахетіи.

Сигнахъ — одна изъ самыхъ красивыхъ и оригинальныхъ мѣстностей Закавказья. Онъ раскинулся по нѣсколькимъ холмамъ и утесамъ, сбившимся въ тѣсную кучку естественныхъ редутовъ. Трудно было бы выбрать другое мѣсто, до такой степени неприступное, до такой степени удобное для защиты страны. Скалы Сигнаха — это Богомъ воздвигнутый грозный замокъ, въ воротахъ роскошной Алазанской долины. Рука человѣка еще больше усилила неприступность природныхъ твердынь Сигнаха, увѣнчавъ крѣпостью темя серединнаго утеса, опоясавъ старинными зубчатыми стѣнами и башнями гребни сосѣднихъ холмовъ. По обрывамъ скалъ, по крутымъ скатамъ холмовъ лѣпится, вправо отъ крѣпости, внизъ отъ нея, старинный порубежный городъ Кахетіи, ея вѣрный историческій сторожъ, обильно улитый кровью враговъ и братьевъ своихъ, посѣдѣвшій въ безконечныхъ бояхъ, осадахъ, пожарахъ и разореніяхъ.

Сигнахъ по-грузински значитъ «убѣжище»; онъ оправдывалъ это почетное имя свое въ теченіе своей многовѣковой тяжелой исторіи. Городъ очень обширенъ и раскинулся теперь довольно свободно, забравшись своими веселыми домиками и садами на всѣ сосѣднія возвышенности, густо наливъ собою всѣ повороты многочисленныхъ вьющихся ущелій и лужковъ, спрятанныхъ между подножьями его холмовъ. Причудливые гребни утесовъ Сигнаха, его характерные храмы, зубцы его древнихъ стѣнъ и башенъ—вырѣзались передъ нами, при чудномъ закатѣ солнца, ярко освѣщеннымъ, смѣло набросаннымъ первымъ планомъ на мягкомъ фонѣ исчезающей вдали сырой низины, среди которой сверкала и извивалась серебряною чешуею змѣя - красавица Алазань, а еще дальше за нею, за предѣлами горизонта, будто таинственное сновидѣніе, уже обрисовывались какою-то безплотною нѣжною кистью дымчато-голубыя, расплывающіяся въ знойныхъ туманахъ воздуха, далекія очертанія грознаго Кавказа.

* * *

Долго пришлось спускаться нашей тряской перекладной по вьющейся улиткою пыльной дорогѣ съ крутаго холма, на которомъ расположена новая часть Сигнаха. Еще дольше, еще тягостнѣе былъ подъемъ на скалистыя кручи стараго города, послѣ того, какъ мы вверглись, наконецъ, въ глубокую яму у подошвы холма.

Поистинѣ, не для экипажей и не для мирныхъ европейскихъ путешественниковъ, а для однихъ только лихихъ наѣздниковъ да неутомимыхъ горныхъ лазуновъ устроены такія дороги, такіе города. Движенье, веселье, шумная и смѣлая жизнь, такъ мало свойственныя нашимъ соннымъ уѣзднымъ городкамъ, охватили насъ съ перваго нашего шага по городскимъ улицамъ.

Вездѣ гуляли разодѣтыя толпы женщинъ, дѣтей, мужчинъ, вездѣ пили, ѣли, пѣли, играли, вездѣ стоялъ говоръ, крикъ, хохотъ. Мелкая торговля, вполнѣ приноровленная къ нуждамъ и вкусамъ тароватой демократической толпы, кишитъ въ этихъ тѣсныхъ вьющихся переулкахъ. Духаны на каждомъ шагу, тѣсно набитые кутящимъ и болтающимъ народомъ.

Мы остановились въ довольно убогой гостиницѣ, среди тѣнистаго переулка, гдѣ всегда пристаютъ почтовыя лошади. Къ счастью, нашелся маленькій балкончикъ, висѣвшій со 2-го этажа, на которомъ можно было усѣсться за чай, съ котораго вся шумная жизнь торговаго переулка была видна какъ на ладони.

Ночь навалилась черная, и въ узенькомъ переулкѣ, среди высокихъ домовъ, скоро стало темнѣе, чѣмъ въ чернильницѣ. Только яркія пятна отъ фонарей и освѣщенныхъ оконъ пестрили эту настоящую южную темноту, и около этихъ одинокихъ оазисовъ свѣта толпились, будто ночныя бабочки вокругъ зажженной свѣчи, веселые обыватели Сигнаха съ своею музыкою, пѣснями и болтливымъ винцомъ. Мы перевѣсились черезъ перила и молча вслушивались сверху въ эти малознакомые намъ звуки народной грузинской жизни, всматривались въ эту двигающуюся шумную и оживленную темноту. Отовсюду, изъ всѣхъ узенькихъ и высокихъ домовъ, окружавшихъ улицу, свѣшивались такіе-же балкончики, и почти на всѣхъ ихъ не столько виднѣлись намъ, сколько чуялись, по шороху и шепоту, темныя фигуры, наслаждавшіяся, подобно намъ, прохладою ночи и суетою базара.

Вонъ, почти у самыхъ ногъ нашихъ, въ дверяхъ освѣщеннаго духана, толпа собралась вокругъ уличныхъ музыкантовъ, которыхъ характерныя фигуры, съ приставленными ко рту дудочками, со скрипками, зажатыми подъ бороду, замѣтны даже отсюда на фонѣ

огня. Надоѣдливо и горько, какъ плачъ разобиженнаго ребенка, жалуется на что-то темному воздуху ночи меланхолическая зурна... Турецкій барабанъ усердно поддерживаетъ ее своимъ отрывочнымъ грубымъ басомъ, словно огромный неуклюжій песъ, сострадательно воющій вмѣстѣ съ плачущимъ младенцемъ. Все неотвязчивѣе, все пронзительнѣе и жалостнѣе надрывается дудочка, и ея не прерывающіеся тоскливые звуки стоятъ среди темноты ночи, какъ жужжанье комара, хватая и теребя безъ сожалѣнія каждую ниточку нерва, не давая ни отдыха, ни пощады, все учащая и учащая неудержимую быстроту своего темпа, разростаясь, наконецъ, во что-то неимовѣрно-раздражительное, возмущающее, одуряющее, какъ немолкаемый вой кружащагося дервиша, обращающаго напослѣдокъ свои захлебывающіеся клики: «Алла, Алла!» въ одинъ сплошной отчаянный лай... Намъ, однако, не пришлось переночевать въ не совсѣмъ комфортабельной гостиницѣ Сигнаха. Князь Д—въ, начальникъ городскаго училища, былъ такъ любезенъ, что почти насильно перетащилъ насъ и чемоданы наши въ свою помѣстительную квартиру при училищѣ. Побесѣдовавъ съ своимъ гостепріимнымъ хозяиномъ о многомъ, интересовавшемъ насъ въ Сигнахѣ и Кахетіи, и поуживавъ у него, мы отлично выспались послѣ тряски перекладной. Рано утромъ любезный хозяинъ нашъ вызвался показать намъ городъ и Бобдійскій монастырь.

Встать рано было необходимо, потому что въ Бобдійскій монастырь мы вздумали идти пѣшкомъ. Мы полюбовались нѣсколько минутъ на прекрасные виды, открывавшіеся на городъ и окрестности съ широкаго балкона училища, и, напившись чаю, двинулись въ путь по тѣнистымъ еще переулочкамъ. Бобдійскій монастырь стоитъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, на высокой лѣсистой горѣ. Мы весело взбирались по

ея каменистымъ дорожкамъ, то и дѣло останавливаясь, чтобы насладиться разнообразными перспективами города, горъ и Алазанской долины, мѣнявшимися съ каждымъ поворотомъ тропы, при каждомъ новомъ подъемѣ.

Ясное и свѣжее утро молодило душу и наполняло радостнымъ замираньемъ.

Мы шли мимо зеленыхъ горныхъ лужковъ, заросшихъ цвѣтами, сквозь росистыя чащи лѣсковъ. У ногъ нашихъ, надъ нами и кругомъ насъ, стояла чудная красота Божьяго міра.

Вдругъ на этихъ чистыхъ горныхъ высяхъ медленно ударилъ церковный колоколъ, и тихіе раскаты его волнами потекли по неподвижному утреннему воздуху. Это благовѣстили въ монастырѣ.

Величественный благовѣстъ разносился, будто утренняя молитва проснувшихся горъ, по глухимъ ущельямъ, по лѣснымъ вершинамъ. Монастырь поднятъ на 3,000 футовъ отъ земли. Онъ ютится въ небольшой котловинкѣ, на вершинѣ горы, и виденъ издалека съ долины Алазани. Можетъ быть, это самый древній изъ всѣхъ древнихъ храмовъ Грузіи. Его построилъ, еще въ самомъ началѣ IV вѣка, первый грузинскій царь-христіанинъ — Миріанъ, по убѣжденію святой Нины, просвѣтительницы Грузіи. Эта дѣва-апостолъ до сихъ поръ почиваетъ въ Бобдійскомъ монастырѣ, въ придѣлѣ церкви, посвященной ею своему родствевеннику—великомученику Георгію.

Мы, современные люди науки, свѣта, практической жизни, съ улыбкою снисходительнаго презрѣнія относимся къ легендамъ о святыхъ и мученикахъ перваго христіанства, не находя въ нихъ ничего, кромѣ дѣтски-наивныхъ басенъ. Но, право, и легенды эти, и люди эти заслуживаютъ гораздо болѣе вниманія. Для меня, по крайней мѣрѣ, онѣ всегда были глубоко

трогательны и глубоко поучительны. Если въ нихъ, быть можетъ, и есть частица наивной, безсознательной лжи, то все-таки въ нихъ несравненно больше правды. Эта правда — самый подвигъ этихъ людей, ихъ честная смерть за убѣжденіе, за высокій духовный идеалъ, ихъ смѣлое презрѣніе грѣховныхъ благъ міра и злыхъ силъ міра. Особенно потрясаютъ меня, наполняютъ жаркимъ сочувствіемъ и сердечною жалостью подвиги слабой женщины того неправеднаго и жестокаго стараго міра.

Трогательные образы св. Варвары, св. Цециліи, св. Нины, всѣхъ этихъ дѣвъ-исповѣдницъ, заслоняютъ передо мною даже величественныя фигуры Бонифаціевъ, Севериновъ и Григоріевъ. Вѣчная раба, вѣчный ребенокъ, безъ силы мыслить, безъ власти, безъ права, безъ защиты,—она встаетъ вдругъ, среди всеобщаго грубаго насилія, среди повальнаго невѣжества и животности, свѣтлымъ и смѣлымъ архангеломъ и идетъ, презирая угрозы, насмѣшки, козни, прямо къ свѣту истины, къ царству добра и любви, непоколебимая, любящая, благословляя своихъ мучителей, увлекая за собою изумленныхъ владыкъ своихъ, побѣждая звѣрскую силу своею кроткою человѣчностью, неспособною преломить трости надломленной и погасить трутъ тлѣющій, по выраженію евангелія. Нужно вдуматься, какая героическая душа необходима для такого героическаго подвига.

Легко прочесть на страницахъ какой-нибудь Минеи или Мартиролога простодушную, краткую фразу лѣтописца о томъ, какъ поганые язычники просвѣщались проповѣдью святой равноапостольной жены, какъ низвергали они своихъ идоловъ, лики дьявольскіе, прекратили бѣсовскій обычай кровавыхъ жертвъ и познали единаго Бога истиннаго,—но не легко понять эту изумительную побѣду сердечной вѣры одного ничтож-

наго и презираемаго существа надъ всѣми глубоко укоренившимися убѣжденіями, вѣрованіями, страстями и привычками цѣлаго народа, ревниво охраняющихъ преданія своей исторической старины, свои народныя учрежденія, священную память своихъ отцовъ и прадѣдовъ.

Попробуйте, хотя въ самомъ неважномъ вопросѣ, всѣми усиліями вашей логики и вашей воли, повліять существенно на взгляды и образъ жизни хотя-бы одного близкаго вамъ, къ вамъ расположеннаго человѣка—и вы убѣдитесь, съ какимъ неодолимымъ упорствомъ всякая психическая стихія отстаиваетъ разъ занятое ею пространство отъ натиска другой, какъ не поддается она никакимъ воздѣйствіямъ, какъ легко вызываются въ ней элементы вражды и разъединенія тамъ именно, гдѣ вы разсчитываете вызвать сочувствіе и единодушіе.

Перенесите же этотъ ежедневный опытъ вашъ въ обстановку варварскаго общества, переполненнаго взаимнымъ недовѣріемъ, нетерпимостью, тьмою суевѣрія и предразсудковъ, — общества, ожесточившагося въ привычкахъ вражды и насилія, не умѣющаго уважать ничего, кромѣ силы руки и меча, и поставьте вдругъ передъ его лицомъ невѣдомую странницу-дѣву, нищую, безпріютную, смѣло проклинающую въ глаза всему народу его грозныхъ древнихъ боговъ, смѣло обличающую его невѣжество, его пороки и преступленія, зовущую всѣхъ этихъ гордыхъ властителей, мудрецовъ и могучихъ воиновъ переродиться въ новую жизнь любви, мира, поста и молитвы.

Очень можетъ быть, что сама невѣроятная смѣлость такого вызова обезоруживала грубыхъ дикарей и поражала ихъ воображеніе. Во всякомъ случаѣ, нельзя было не признать воистину чудомъ Божьимъ, дѣломъ, выходящимъ изъ размѣромъ обычной человѣческой воз-

можности, это потрясенiе глубочайшихъ основъ духа цѣлыхъ народовъ вдохновеннымъ словомъ мужественной проповѣдницы.

Благочестивые, смиренные лѣтописцы, оставившiе намъ память о великихъ подвигахъ и великихъ подвижникахъ Христовой вѣры, такъ именно понимали событiя просвѣщенiя народовъ и славили въ нихъ Бога, посылающаго мужество льва и силы исполина кроткимъ дѣвамъ и слабымъ старцамъ. Святая Нина тоже имѣетъ свой трогательный живописный романъ.

Она еще прямо примыкаетъ къ той плеядѣ апостольскихъ дѣвъ, которыя восприняли и возрастили въ горячемъ сердцѣ своемъ первыя сѣмена кроткаго ученiя Христова, которыя, съ страстнымъ самоотверженiемъ, незримо и неслышно, разнесли его потомъ во всѣ тихiе уголки малоазiатскаго побережья и вездѣ насадили первыя общины Христова братства, непобѣдимо охватывавшiя собою цѣлый мiръ, все шире, все дальше.

Э. Ренанъ, поэтъ-историкъ христiанства, поразительно-мѣткою кистью нарисовалъ намъ картину этихъ мирно цвѣтущихъ пустынныхъ уголковъ приморскаго юга, гдѣ Христово ученiе любви и мира свило себѣ свои первыя голубиныя гнѣзда. Женское сердце, всегда просившее любви, всегда полное вѣры, оскорбляемое и подавляемое грубою неправдою стараго человѣчества, первымъ почуяло наступившее спасенiе мiра въ благовѣстiи евангелiя.

Кроткiй праведникъ, принявшiй въ свою душу горе и страданiя удрученнаго человѣчества, казненный какъ разбойникъ сильными и властными, пронесенъ былъ сердцемъ женщины, на своемъ страдальческомъ крестѣ, какъ на престолѣ Божьемъ, черезъ всѣ области земли. Христiанство зачалось женщиною и восторжествовало женщиною.

Женщина въ христіанствѣ стала выше всѣхъ смертныхъ и безплотныхъ, выше ангеловъ и архангеловъ, пророковъ и первосвященниковъ, стала матерью Бога, покровомъ и молитвенникомъ міра.

Оттого-то первые вѣка христіанства кишатъ женами-подвижницами, дѣвами-апостолами и исповѣдницами. Это исповѣданіе Христа женщиною доходитъ до страстности, до восторженныхъ жертвъ всѣми соблазнами міра, самою жизнью своею.

Въ развращенномъ Римѣ, жестокій гонитель христіанъ, императоръ Діоклетіанъ, задумываетъ ободрить свое утомленное сладострастіе женитьбою на первой красавицѣ міра. Почти весь міръ — его, и въ выборѣ нѣтъ труда. Выборъ царя падаетъ на Рипсиму, дѣву царской крови, уже христіанку. Она, въ общинѣ 37 дѣвъ, тутъ-же, въ Римѣ, поучается наставленіемъ благочестивой старицы Гаяны.

Въ ужасѣ отъ предстоящаго ей брака съ ненавистникомъ христіанства, Рипсима не плѣняется императорскимъ трономъ, а бѣжитъ въ далекое изгнаніе, вмѣстѣ съ Гаяною и 36 сестрами. Въ Іерусалимѣ, на гробѣ Господнемъ, еще не остывшемъ отъ чудесныхъ воспоминаній, она обрекаетъ себя Христу и удаляется въ глушь Арменіи.

Армянскій царь Тиридатъ влюбляется въ нее, такъ же какъ римскій Діоклетіанъ. Но святая дѣва отказывается быть женою языческаго царя и остается вѣрна своему Христу. Самыя жестокія мученія не въ силахъ побѣдить ее: ей отрѣзываютъ языкъ, выкалываютъ глаза и, наконецъ, разсѣкаютъ на части, всѣхъ сестеръ ея мучаютъ и казнятъ рядомъ съ нею, и потомъ тѣла мученицъ бросаютъ на съѣденіе звѣрямъ.

Только одна дѣва этой святой общины—Нина осталась въ живыхъ, потому что еще раньше удалилась изъ Арменіи въ сосѣднюю Иверію.

Въ душѣ святой дѣвы съ дѣтства горѣла восторженная любовь къ Христу и жажда подвига во имя Его.

Ее мучило желаніе отыскать хитонъ Господень, унесенный, по преданію, въ Иверію однимъ изъ воиновъ, участвовавшихъ въ казни Христа.

— Скажи, гдѣ хранится эта земная порфира Сына Божія?—спрашивала она не разъ у своей учительницы Ніанфоры. Наставница указывала ей на Мцхетъ, древнюю столицу далекой Иверіи. День и ночь молилась святая дѣва Богоматери, чтобы она сподобила ее облобызать одежды Спасителя міра.

Наконецъ, Матерь Божія, въ сновидѣніи, вручила ей крестъ, сплетенный изъ дикихъ виноградинъ, и повелѣла идти въ страну Иверскую проповѣдывать слово Божіе. Крестъ этотъ, перевязанный волосами святой Нины, мнѣ показывали въ Тифлисѣ, въ соборѣ Сіонскомъ.

Съ этимъ крестомъ мужественная дѣва отправилась въ свой далекій и опасный путь, черезъ земли язычниковъ и огнепоклонниковъ.

Около Мцхета св. Нина встрѣтила иверскаго царя, съ толпою народа, спѣшившаго поклониться великому идолу Ормузда или Армаза, воздвигнутому на высокомъ берегу Арагвы. Кровь младенцевъ и юныхъ дѣвъ лилась къ ногамъ идола, передъ которымъ въ страхѣ повергался народъ.

Тогда св. Нина воздѣла руки къ небу и призвала Божьи громы на несчастныхъ идолослужителей. Среди яснаго дня вдругъ разразилась страшная гроза—и небесныя молніи сокрушили въ прахъ капище и идоловъ его. Царь-язычникъ въ ужасѣ бѣжалъ вмѣстѣ со всею толпою. Св. Нина поселяется въ Мцхетѣ, и слава ея чудесъ растетъ съ каждымъ днемъ. Она исцѣляетъ царицу, исцѣляетъ гостившаго у нея царевича пер-

сидскаго и исцѣляетъ, наконецъ, самого царя, ослѣпшаго отъ грозы.

Царица — женщина, какъ вездѣ и всегда, первая проникается сочувствіемъ къ ученію Христову и склоняетъ къ тому своего мужа. Миріанъ принимаетъ крещеніе и дѣлается первымъ христіанскимъ царемъ Грузіи. По указанію св. Нины, онъ обрѣтаетъ подъ срубленнымъ кедромъ хитонъ Господень и строитъ на этомъ мѣстѣ великолѣпный храмъ. Обративъ въ христіанство Карталинію, дѣва-апостолъ переходитъ въ сосѣднюю Кахетію, гдѣ также обращаетъ ко Христу царицу Соджу и воздвигаетъ первый христіанскій храмъ въ Бодбѣ, близъ Сигнаха. Тамъ опочила она отъ своихъ апостольскихъ трудовъ, и тамъ до нынѣ поклоняются мощамъ ея.

* * *

Скромно и тихо это послѣднее убѣжище неустрашимой проповѣдницы братства, любви и мира людямъ крови и брани, въ желѣзный и темный вѣкъ. Здѣсь, среди вѣчно молодой зелени горныхъ луговъ, прямо подъ голубымъ небомъ, отъ котораго уже ничто не отдѣляетъ древняго храма, высоко надъ суетою земли,— лучшая могила для чистаго сердца, страстно стремившагося къ небу, смѣло стряхнувшаго съ себя прахъ низкихъ заботъ земныхъ.

Простая деревянная рака св. Нины, чуть украшенная скуднымъ золоченымъ уборомъ. Простъ, тѣсенъ и бѣденъ весь старый монастырь.

Это еще полнѣе переноситъ мечту путешественника въ далекія времена, когда проповѣдница-дѣва, съ своимъ крестомъ-посохомъ изъ дикой виноградины, бродила по горамъ Кахетіи и учила дикарей-язычниковъ трогательнымъ молитвамъ Христа.

Постройка храма пахнетъ глубочайшею древностью: поливанные голубые и чугунные кирпичи, вдѣланные

въ фасадъ церкви, грубыя плиты изъ краснаго известняка и многія изъ мрамора, врѣзанныя въ полуистертый полъ церкви и покрытыя историческими надписями, — все сразу говоритъ вамъ, что вы въ одномъ изъ памятниковъ сѣдой грузинской старины.

На нѣкоторыхъ могильныхъ плитахъ выбиты митрополичьи посохи; изъ надписей можно узнать, что въ Бодбѣ погребены 3 митрополита: одинъ изъ нихъ—князь Джоржадзе, убитый лезгинами, другой—Іоаннъ Макаевъ, прожившій 94 года и 54 сряду бывшій архіереемъ, и, наконецъ, первый экзархъ Грузіи—Θеофилактъ. Хитрая сквозная рѣзьба иконостаса, вся изъ листьевъ, цвѣтовъ и виноградныхъ гроздій, раскрашенныхъ и раззолоченныхъ, должно быть, также считаетъ собѣ не одинъ вѣкъ, хотя живопись иконъ довольно новая, только XVIII столѣтія. На стѣнныхъ фрескахъ, покрывающихъ весь соборъ, между прочимъ, ясно замѣтны портреты императора Александра I и митрополита Макаева. Въ маленькой ризницѣ уцѣлѣло уже не много древнихъ достопримѣчательностей, потому что главнѣйшія изъ нихъ давно увезены въ Сіонскій соборъ и въ синодальную контору.

Однако, еще есть чѣмъ полюбоваться любителю старины: болѣе всего интересны крошечныя рукописныя евангелія, съ дивною миніатюрою, писанныя почеркомъ мелче бисера и отчетливѣе всякой типографіи; есть также нѣсколько драгоцѣнныхъ, сплошь залитыхъ жемчугомъ воздуховъ, омофоровъ съ херувимами для митрополичьяго облаченія, вышитыхъ трудами древнихъ грузинскихъ и кахетинскихъ царицъ, золотыхъ сосудовъ художественной работы, пастырскихъ посоховъ съ простыми костяными ручками; наконецъ, историческій крестъ грубаго серебрянаго чекана, съ дѣтски-аляповатымъ рельефомъ, который обыкновенно носится

передъ кахетинскимъ войскомъ, насаженный на посохъ митрополита.

Въ Бодбѣ сохранились еще въ цѣлости палаты прежнихъ митрополитовъ, тутъ-же, на обрывѣ горы, слѣва отъ храма. Оригинальный балконъ, старинной деревянной рѣзьбы, и обширная тѣнистая галлерея обходитъ кругомъ массивныя каменныя стѣны дома. Изъ многочисленныхъ помѣщеній его, жилыхъ комнатъ всего только 4; убранство ихъ довольно однообразно, хотя характерно и красиво. Потолки узорчатые, разноцвѣтные, съ позолотою, съ точеными шишками посерединѣ для фонарей, такія-же цвѣтныя маленькія акуратныя дверочки, такіе-же ставни въ окнахъ, расписные шкафчики и альковчики въ стѣнахъ. Каминъ, или бухара, особенно украшенъ яркими узорчатыми изразцами. По сторонамъ его непремѣнно узенькія углубленія для свѣчей, тоже изукрашенныя; диванчики съ рѣшетчатою спинкою, ярко раскрашенною, подбитою въ прорѣзахъ сверкающею фольгою, составляютъ своеобразную меблировку пріемной комнаты, которая служила, очевидно, для торжественныхъ сборищъ. Она довольно велика, устлана простыми кирпичными плитами, а стѣны ея покрыты грубою живописью, портретами митрополитовъ и проч. Кругомъ стѣнъ, какъ и вездѣ, неизмѣнныя тахты, одинаково удобныя для лежанья и сидѣнья.

Изъ спальни митрополита маленькое оконце открывается въ его домашнюю церковь, убранную тою-же сквозною и пестрою рѣзьбою, какъ и главный храмъ. Архипастырь, хозяинъ обители, могъ, такимъ образомъ, присутствовать при церковныхъ службахъ, не нарушая своего домашняго покоя.

По палатамъ митрополита насъ водилъ архимандритъ монастыря, человѣкъ, повидимому, совсѣмъ не книжный, но хорошо объяснявшійся по-русски. Онъ жаловался, что лѣтъ 10 назадъ у монастыря отобрали

всѣ его имѣнія и что теперь всѣ они остались на скудномъ жалованьѣ, далеко не покрывающемъ ихъ нуждъ. Монастырь, вообще, производитъ впечатлѣніе совершенной запущенности. Какъ-то непріятно и неопрятно глядятъ всѣ его пустынныя зданія и дворики, словно никакая живая душа не прикасается къ нимъ, словно настоятель и монахи его являются сюда только мимоходомъ, на одинъ, на два часа, отслужить обѣдню и отправиться себѣ назадъ, во-свояси. Совсѣмъ не похоже на то впечатлѣніе хозяйственной домовитости, давно насиженнаго сытаго и многолѣтняго гнѣзда, какое производитъ, обыкновенно, нашъ старинный русскій монастырь.

За то, когда мы вышли на камни обрыва черезъ заднiй дворикъ митрополичьихъ покоевъ и глянули внизъ на широко раскинувшуюся у нашихъ ногъ панораму Сигнаха, Кахетіи и Кавказскаго хребта, синѣвшаго за нею, мы сразу забыли про ворчливыхъ монаховъ и обломанную штукатурку Бодбiйской обители, и у насъ опять заиграли въ сердцѣ радостные лучи свѣтлаго лѣтняго дня.

Жадно напившись чистой, какъ слеза, воды горнаго родника, выбивающагося на зеленомъ дворѣ монастыря, мы поспѣшили внизъ,—доканчивать осмотръ города.

VIII

Въ странѣ вина

Отдохнувъ совершенно отъ степнаго путешествія, мы простились съ гостепріимнымъ хозяиномъ, вмѣстѣ съ которымъ уже успѣли осмотрѣть всѣ замѣчательности города, и съ бодрымъ духомъ выѣхали, черезъ крѣпостныя стѣны, по крутому

и длинному спуску, въ долину Алазани, до сихъ поръ заслоненную отъ насъ утесистымъ отрогомъ сигнахскихъ скалъ.

Кахетія видна намъ отсюда въ темя, съ полета птицы. Ея цвѣтущіе, радующіе глазъ ландшафты стелются у нашихъ ногъ далеко вправо и влѣво, провожая сверкающую ленту многоводной Алазани.

Яркій день, съ нѣжнымъ голубымъ небомъ, по которому плывутъ, будто на вздутыхъ парусахъ, бѣлые курчавые барашки облаковъ, еще болѣе веселитъ очаровательную картину этой веселой и обильной страны.

Сплошнымъ, роскошнымъ садомъ кажутся, у подножія горнаго ската, по которому идетъ превосходное шоссе, зеленые виноградники, сады и огороды Кахетіи.

За этою сочною и кудрявою темнозеленою полосою, словно ковры, сотканные изъ червоннаго золота, стелются совсѣмъ уже поспѣвшія поля ячменя и пшеницы, за ними серебряная змѣя Алазани, переливающаяся на солнцѣ, какъ чешуею, зыбью своихъ стремительныхъ водъ, и по ней, за нею — новые сады, зеленые виноградники. Только самые счастливые уголки южной Германіи, южной Франціи могутъ сравниться, полнотою и прелестью впечатлѣнія, съ картиною Алазаньской долины. Ея многочисленныя сельскія церкви, въ видѣ домовъ, увѣнчанныхъ островерхою колоколенкою, совсѣмъ похожія на обычный типъ деревенскихъ храмовъ Запада, точно такъ-же какъ общее впечатлѣніе скученныхъ, какъ карточные домики, островерхихъ селъ,— еще болѣе увеличиваютъ иллюзію сходства Кахетіи съ Европою.

Это, поистинѣ, страна, текущая виномъ, медомъ и млекомъ, какъ издавна смотрятъ на нее кавказцы.

Въ нее жаднѣе всего устремились и старые азіатскіе завоеватели, отдохнуть отъ грома битвъ, пожаровъ, кровопролитія и разоренія, которые они проносили, съ

неистовствомъ урагана, черезъ армянскія и грузинскія области. Здѣсь всегда была готова имъ полная чаша добычи, отрадное вино, отрадная прохлада предгорной долины.

Съ жадностью коршуновъ, постоянно смотрѣли на тучныя пажити, на обширные виноградники Кахетіи и тѣ ея сосѣди-разбойники, гнѣзда которыхъ торчатъ прямо надъ этою плодоносною долиною, среди дикихъ пропастей и обглоданныхъ утесовъ заоблачнаго царства,—всѣ эти дидойцы, капучины, аварцы, воинственныя лезгинскія племена нагорнаго Дагестана.

Всѣ набѣги ихъ, отъ временъ римлянъ и древнихъ персовъ до Ермолова и Шамиля, направленные, прежде всего, на сосѣднюю Кахетію, которой многочисленныя стада и домовитыя хозяйства, видныя имъ, какъ на ладони, съ ихъ разбойничьей засады на вершинахъ горъ, поневолѣ соблазняли собою этихъ вѣчно-голодныхъ, безхозяйственныхъ хищниковъ.

Горы эти тоже теперь видны намъ. Мы не столько, впрочемъ, видимъ ихъ, сколько чуемъ. Лиловая мгла облаковъ затянула дали того берега, и изъ-за этой мглы, на невообразимой высотѣ, на которой глазъ не привыкъ видѣть земныхъ предметовъ, проглядываютъ, будто сквозь смутный сонъ, дымчато-блѣдные, тающіе абрисы титаническаго хребта. Только рѣзкія угловатыя грани да загадочная неподвижность этого воздушнаго видѣнія говорятъ вамъ, что это не летучія облака съ ихъ вѣчно мѣняющимися, сливающимися и расплывающимися очертаніями. Инстинктивнымъ благоговѣніемъ охватывается ваше сердце передъ зрѣлищемъ этого, какъ небо безплотнаго, какъ небо недосягаемаго образа большихъ горъ, и глазъ не можетъ оторваться отъ ихъ созерцанія. Злою насмѣшкою показалась-бы намъ теперь всякая мысль о дорогахъ, о человѣческихъ жилищахъ на этихъ, въ небесахъ исчезающихъ, высотахъ. А между

тѣмъ, такъ скоро придется не только мыслить объ этомъ, а просто-напросто карабкаться по этимъ недосягаемымъ скаламъ, проводить на нихъ дни за днями, окидывать глазомъ, съ ихъ головокружительной высоты, эту мирную зеленую долину, по которой мы теперь ѣдемъ—покойные и безопасные. Жутко дѣлается на сердцѣ отъ этого предвкушенія неизбѣжныхъ будущихъ ужасовъ, и самъ не вѣришь, что найдешь въ себѣ силы покорить свою волю, смирить свои сердечные трепеты.

* * *

Послѣ первой станціи, послѣ перваго мучительнаго скитанія на сквернѣйшихъ почтовыхъ лошадяхъ, подрывающихъ всю прелесть впечатлѣній Кахетіи, шоссе покинуло правый горный склонъ и спустилось въ самую гущу садовъ и селъ.

Вблизи Кахетія производитъ то-же маленькое разочарованіе, какъ и Стамбулъ, столица ислама. Хотя на каждомъ шагу чувствуешь ея богатство и обиліе, но уже глазъ не утѣшается болѣе милыми ландшафтами всепримиряющей дали, а скорѣе поражается распущенною небрежностью домашняго быта, обнажающаго теперь путешественнику всѣ твои тайны.

Деревеньки, безпорядочно заваленныя камнями разливовъ, не имѣющія ни охоты, ни умѣнья отдѣлаться отъ этого мусора, кое-какъ приткнутыя изгороди, ветхія тростниковыя кровли, съ дырьями и мохомъ, стѣны домиковъ, наскоро сложенныя изъ кучи дикаго камня, неприбранное хозяйство дворовъ,—все это заставляетъ приходить къ довольно грустнымъ заключеніямъ относительно трудолюбія и хозяйственной дисциплины веселыхъ кахетинцевъ. Никакого сравненія съ благоустройствомъ и домовитостью какихъ-нибудь Кулашей и другихъ имеретинскихъ селеній Ріонской долины. Виноградники перекопаны очень скверно, густо заросли травою, кукурузою, засажены фруктовыми деревьями,

но, несмотря на это, лозы очень высоки, курчавы и сильны.

Около виноградника—*марана*, давильня. Нѣсколько каменныхъ столбовъ, чуть прикрытыхъ легкимъ навѣсомъ, и подъ ними, въ землѣ, погребъ, — вотъ здѣшняя марана. Она очень напоминаетъ итальянскія своею живописностью и своею безхитростною простотою.

У мараны постоянно валяются пустыя громадныя *чоры* или *квеври*, обожженныя изъ крѣпкой красной глины, твердыя, какъ камень, бочки, въ формѣ широкогорлыхъ кувшиновъ. Это наслѣдіе тысячелѣтней древности, знакомое еще библіи, до сихъ поръ не вытѣснено изъ кахетинскаго винодѣлія.

Большія чоры вмѣщаютъ въ себѣ до 80 и до 100 ведеръ, а въ богатыхъ княжескихъ хозяйствахъ сохраняются еще старинныя *квеври*, на 4 арбы вина, считая въ арбѣ 2,000 бутылокъ. Въ Ени-Сели князя Дж. есть квеври въ 3 сажени глубины и въ 2 сажени ширины, остатки прадѣдовской посуды. Квеври зарываются наглухо въ землю, и случалось, что неосторожный охотникъ до чужаго вина, переливъ черезъ край, заливался на-смерть въ этихъ винныхъ колодцахъ своего рода.

Хозяева жалуются, однако, что въ чорахъ вино не можетъ долго сохраняться: оно согрѣвается и киснетъ, вслѣдствіе разницы температуры въ нижнемъ и верхнемъ слоѣ его. О погребахъ и о нашихъ русскихъ бочкахъ изъ дубовой клепки пока никто тутъ не думаетъ. Для перевозки служатъ все еще ветхозавѣтные бурдюки изъ шкуръ буйволовъ, быковъ, кабановъ, козъ, — то, что называлось «мѣхомъ вина» въ Библіи и Гомеровыхъ описаніяхъ пиршествъ:

«И въ козіихъ мѣхахъ вино, отраду нашу!»

Но, сказать правду, бурдюкъ почти невозможно замѣнить для перевозки вина, пока перевозка эта произ-

водится горными дорогами, на вьюкахъ. Желѣзная дорога, разумѣется, все приведетъ сама собою къ одному общеевропейскому знаменателю. Но для вьюка бурдюкъ незамѣнимъ. Хотя вино принимаетъ отъ него нѣсколько вонючій вкусъ нефти, но съ этимъ скоро свыкаешься и даже считаешь за своего рода haut goût истиннаго кавказскаго вина; за то вино не согрѣвается и не киснетъ, за то оно не знаетъ усышки, и сколько бы ни отливали изъ бурдюка вина, онъ всегда остается полонъ, недоступенъ для воздуха, потому что его перетягиваютъ все ближе и ближе. Порядочное кахетинское вино стоитъ на мѣстѣ рублей 400 за арбу, т. е. копѣекъ 20 за бутылку; въ Тифлисѣ бутылка такого вина стоитъ уже не менѣе рубля. Вино подешевле продается здѣсь по 300 и 100 руб. за арбу. Арба, 2,000 бутылокъ, это обычная оптовая мѣра Кахетіи, точно такъ-же какъ тунга, 5 бутылокъ, обычная здѣшняя мѣра для продажи въ-раздробь. Цѣны кахетинскихъ виноградниковъ еще не поднялись до баснословныхъ размѣровъ крымскаго южнаго берега; за 1,000 рублей серебромъ еще можно купить одну десятину вполнѣ обработаннаго виноградника; цѣна-же полевой земли здѣсь не ниже нашей, если судить по тому, что выкупная цѣна полеваго крестьянскаго надѣла доходитъ здѣсь до 60 р. за десятину, а по обязательному выкупу до 40 р. Несмотря на природное обиліе Алазаньской долины, хозяйственныя и торговыя условія ея еще крайне плохи.

Работники здѣсь дороги и рѣдки, что называется— «въ сапожкахъ ходятъ». Годовой работникъ стоитъ отъ 100 до 120 рублей въ годъ, а поденный, въ горячее время, не менѣе 1 р. и 1 р. 20 к. въ день, на хозяйскихъ харчахъ. А харчи здѣсь составляютъ немаловажный вопросъ.

Это не нашъ, ко всему привычный, всѣмъ доволь-

ный русскій мужикъ. Кахетинца или имеретина не накормите чернымъ хлѣбушкомъ, съ кваскомъ да огурчикомъ. Ему подавай баранину, пшеничныя лепешки, рисъ или кукурузу; ему давай вина вволю, какъ у насъ воды. Такъ и привозятъ на поле цѣлую чору или бурдюкъ: черпай, кому угодно, сколько угодно. А работать здѣшній народъ тоже любитъ съ прохладою, чтобы его не подгоняли, дали-бы ему въ-сласть покурить, поваляться, побалакать. Чуть какое слово невпопадъ сказалъ хозяинъ,—завертываетъ спину, мотыку на плечо и маршъ себѣ! «Баловень народъ», какъ назвалъ-бы его нашъ «упадливый до работы», терпкій и спорый русскій мужичекъ.

Впрочемъ, здѣшній народъ очень неохотно нанимается на чужую работу, чуть не изъ милости. Почти всякій имѣетъ свое хозяйство, поле, садъ; всего у него хватаетъ на зиму, нужда не гонитъ его гнуть горбъ ради другаго. Гораздо охотнѣе кахетинцы и особенно имеретины, которые считаются лучшими садовниками и которыхъ множество живетъ здѣсь, снимаютъ сады у помѣщиковъ изъ-полу, на всѣхъ хозяйскихъ расходахъ. Огромное-же большинство населенія не заботится объ излишнихъ заработкахъ.

Страна вина, вообще, располагаетъ къ лѣни особаго рода: кувшинъ животворящаго напитка всегда подъ рукою и трудно удержаться отъ соблазна распить его съ добрымъ сосѣдомъ или пріятелемъ, подъ тѣнью орѣха, болтая помаленечку о небывалыхъ урожаяхъ старыхъ лѣтъ, о плохомъ сбытѣ вина, о засухѣ или дождяхъ, мѣшающихъ уборкѣ ячменя.

Кому изъ этихъ добродушныхъ деревенщинъ, сытыхъ и довольныхъ, «каждый подъ своимъ виноградникомъ и подъ смоковницею своею», придетъ глупая мысль улучшать способы дѣлать вино, унаслѣдованные отъ дѣдовской мудрости, благородить лозы прививкою

лучшихъ сортовъ или лечить виноградную болѣзнь, посылаемую самимъ Богомъ.

Помѣщики, даже и богатые, мало ушли отъ этихъ патріархальныхъ взглядовъ кахетинскихъ крестьянъ. Только немногіе владѣльцы, подобно князю Чавчавадзе, Джоржадзе и другимъ, болѣе образованнымъ, думаютъ о будущности своихъ виноградниковъ, посылаютъ дѣтей своихъ въ Европу учиться винодѣлію, затѣваютъ разные промышленные и торговые обороты. Это — случайныя и рѣдкія единицы, не оказывающія пока замѣтнаго вліянія на дружный безпробудный сонъ кахетинскаго винодѣлія.

Масса владѣльцевъ довольствуются сдачею изъ-полу и первобытными способами культуры, часто не возвращающими расходовъ обработки. Виноградная болѣзнь давно уже охватила почти всѣ сады Кахетіи, но почти никто не борется противъ нея, не сознаетъ даже необходимости и возможности бороться. Къ счастію, это еще не филоксера, а только Odium Thuquerii, гораздо менѣе опасная. Сѣрная посыпка, которая радикально излечиваетъ эту болѣзнь и которая широко примѣняется въ крымскихъ виноградникахъ, составляя обязательный ежегодный расходъ ихъ, здѣсь совершенно неизвѣстна. Кахетинцы смѣются надъ нею и увѣряютъ, что отъ нея вино воняетъ сѣрою. Немудрено, что, при такомъ хозяйственномъ невѣжествѣ, при такой промышленной неподвижности кахетинскихъ владѣльцевъ виноградниковъ, баснословное, въ исторіи прославленное обиліе Кахетіи, въ концѣ концовъ, привело огромное большинство здѣшнихъ помѣщиковъ къ повальному обѣднѣнію.

— У насъ ни у кого нѣтъ свободныхъ ста рублей; у насъ нѣтъ ни одного помѣщика, который-бы не сидѣлъ на какомъ-нибудь казенномъ жалованьѣ, потому что имѣніями нашими мы жить не можемъ, —

откровенно признавался мнѣ одинъ изъ разумныхъ и опытныхъ хозяевъ Кахетіи. Съ каждымъ годомъ ея славные виноградники переходятъ въ настойчивыя и ловкія руки армянскаго барышника. Армянинъ покупаетъ, армянинъ арендуетъ теперь всю Кахетію. Онъ покупаетъ на аукціонахъ за 200 руб. то, что стоитъ 2,000 руб., и, мало-помалу, захватитъ въ свои лапы всѣ здѣшнія помѣщичьи хозяйства. Кахетинское вино давно въ армянскихъ рукахъ. Но армянинъ тоже не улучшаетъ ничего, армянинъ — геніальный торговецъ и эксплуататоръ, но вовсе не хозяинъ. Нѣмцы и французы пока еще не проникли въ Кахетію и не внесли въ нее усовершенствованныхъ пріемовъ винодѣлія. Правительство пробовало было поднять этотъ сонный край устройствомъ образцовой казенной фермы, недалеко отъ Цинандалъ, но, какъ все наше казенное, и эта ферма оказалась мертворожденною, потонувши въ неоплатномъ дефицитѣ. Устройство ея стоило казнѣ тысячъ 70, а теперь она сдана въ аренду садовнику-французу всего за 220 рублей въ годъ, и, что всего обиднѣе, у пришлеца-француза она пошла весьма порядочно.

А между тѣмъ, рѣдкій край возвратилъ-бы такою сторицею самыя капитальныя затраты на него, какъ эта, виномъ текущая, долина Алазани.

Еслибы сюда направилось прочное русское землевладѣніе и дѣятельная русская промышленность, взамѣнъ армянскаго хищничества; еслибы кахетинскіе виноградари соединились въ дружный союзъ для фабрикаціи и сбыта улучшеннаго вина, вмѣсто того чтобы, съ дѣтскою безпечностью, поодиночкѣ, отдаваться съ головою въ руки всемогущихъ барышниковъ; еслибы практически устроенное училище образцоваго винодѣлія давало кахетинскому юношеству возможность изучить у себя, на мѣстѣ, кормящій страну промыселъ, — од

нимъ словомъ, еслибы знаніе и капиталъ были привлечены разумными мѣрами къ поднятію кахетинскаго винодѣлія, то, въ какія-нибудь 20 лѣтъ, Кахетія залила-бы Россію своимъ безподобнымъ виномъ и сохранила-бы русскому народу много лишнихъ мильоновъ рублей, ежегодно переплачиваемыхъ, безъ всякой нужды, бордоскимъ и бургундскимъ виноградарямъ.

До настоящаго-же времени не сдѣлано, можно сказать, ровно ничего для спасенія падающаго алазаньскаго винодѣлія. Нужно изумляться равнодушію или слѣпотѣ мѣстныхъ правителей, которые не имѣли до сихъ поръ досуга соединить страну кахетинскихъ винъ даже съ Тифлисомъ, столицею Кавказа, не говоря уже о Владикавказѣ и Ставрополѣ. Вѣдь Тифлисъ, въ сущности, находится всего въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ Телава, центра винной торговли Кахетіи, а между тѣмъ, по окружнымъ дорогамъ, черезъ Сигнахъ, товарамъ приходилось, до послѣдняго времени, дѣлать до него около 200 верстъ. Гамборскій перевалъ только годъ тому назадъ сдѣланъ доступнымъ для колесной ѣзды, хотя расходы по устройству гамборскаго шоссе изъ Тифлиса въ Телавъ ведутся еще съ 40-хъ годовъ: множество денегъ усажено туда въ теченіе этихъ 30 лѣтъ, но путешественники всѣ эти 30 лѣтъ вынуждены были топтать все ту-же старую вьючную тропу, которую топтали, за многіе вѣка до введенія на Кавказѣ русской цивилизаціи, невѣжественные азіаты-грузины, при своихъ Давидахъ и Ираклiяхъ.

Прямой торговый путь для кахетинскихъ винъ, черезъ хребетъ на Владикавказъ и въ Россію, крайне необходимъ для дешеваго сбыта этихъ винъ, по убѣжденію всѣхъ мѣстныхъ знатоковъ дѣла. Но, судя по исторіи гамборскаго пути, объ этомъ даже и загадывать нечего.

Вообще, дороги, устраиваемыя нашимъ казеннымъ

вѣдомствомъ на Кавказѣ, таковы, что, напр., все время отъ Тифлиса до Сигнаха, на протяженіи 10 верстъ, мы были вынуждены ѣхать рядомъ съ шоссе, трепеща попасть на его мучительные острые камни, не укатанные и не засыпанные ничѣмъ. А между тѣмъ, шоссе, устроенныя мѣстными силами и обходящіяся гораздо дешевле, какъ, напримѣръ, изъ Сигнаха въ Телавъ и во всѣ деревни Кахетіи, вполнѣ удобны и исправны. Дѣло въ томъ, что пресловутая «щебенка», добываемая, по казеннымъ смѣтамъ, за крупное вознагражденіе, чуть-ли не дробленіемъ кавказскихъ скалъ, въ счастливыхъ долинахъ Алазани и другихъ кавказскихъ рѣкъ пріобрѣтается совсѣмъ готовою, насыпанною неизсякаемыми грудами на тѣхъ-же мѣстахъ, гдѣ нужно проводить шоссе, хотя и носитъ скромное домашнее имя голыша, вмѣсто торжественнаго техническаго прозванія «щебенки», насыпающей, повидимому, съ бо́льшею удачею карманы строителей, чѣмъ полотно дороги.

Гранатникъ придаетъ особенное оживленіе кахетинской деревнѣ. Его цвѣты, пылающіе какимъ-то кровавымъ огнемъ, сплошь усыпаютъ яркую зелень и, кажется, разливаютъ свое огнистое зарево на все кругомъ.

Это «неопалимая купина» своего рода, горящая, но не сгорающая.

Въ сплошныхъ деревняхъ на каждомъ шагу духаны, простенькіе, маленькіе, всѣ съ открытыми настежь гостепріимными дверочками, и у каждаго духана стоитъ, сидитъ, лежитъ, болтаетъ, пьетъ и куритъ толпа досужаго народа.

Осѣдланныя лошади мирно щиплютъ траву, тутъ-же, въ тѣнистыхъ садикахъ. Сейчасъ видно, что тутъ не любятъ торопиться, не ломаютъ реберъ на работахъ, что каждый считаетъ первымъ правомъ и первымъ долгомъ своимъ отвести душу въ пріятельской бесѣдѣ, за

стаканчикомъ душистой и искристой виноградной влаги, какое-бы важное дѣло ни гнало его.

Старая хохлацкая пословица—«Усей панской роби не переробишь!»—повидимому служитъ коренным девизомъ кахетинскому населенію.

И вправду, вѣдь «дѣла не зайцы, не разбѣгутся», а «на той недѣлѣ опять-таки семь дней», какъ увѣряетъ нашъ мужичекъ. Еще-бы южному человѣку, избалованному своей природой, не помнить этой мудрой практической философіи и не держаться ея со всею искренностью.

Типъ кахетинца смирнѣе и, такъ сказать, гражданственнѣе, чѣмъ воинственные типы другихъ грузинскихъ народностей. Низенькая войлочная шапочка вмѣсто папахи и башлыка, черкеска безъ патроновъ, оружія почти нѣтъ, только кинжаликъ мотается себѣ для приличія у пояса, чтобы хотя нежножко Кавказомъ пахло. Да и лица гораздо мягче.

Недаромъ «вино веселитъ сердце человѣка». Было воскресенье, и на улицѣ вездѣ сидѣли кучки народа. Мужчины почти всегда особо отъ женщинъ, какъ вездѣ здѣсь на Кавказѣ. Зрѣлыя женщины, съ обычнымъ здѣсь рѣзкимъ и непріятнымъ выраженіемъ лицъ, носатыя, птицеподобныя; молодыя — стройныя и хорошенькія. Нарядъ ихъ обще-грузинскій,ярокъ и изященъ. Ничего грубаго, домашняго, мужицкаго, хотя все это рабочій народъ. «Тавсакрави» разноцвѣтнаго бархата, расшитыя золотомъ, кисейныя покрывала, на плечахъ кружевные платки, платья тоже изъ кисеи, изъ ситца. Грудь открыта посерединѣ, назади шлейфы, по сторонамъ лица спускаются два черные локона. Да и черты лица, незагрубѣлыя, исполненныя достоинства, — вообще, нисколько не напоминаютъ рабочій крестьянскій типъ.

Навстрѣчу намъ то и дѣло попадаются кавалькады кахетинскихъ дамъ.

То какая-нибудь разодѣтая княжна съ своими подругами, верхомъ, по-мужски, на отличномъ конѣ, покрытомъ до хвоста ярко-краснымъ, богато-расшитымъ чепракомъ, большимъ, какъ коверъ, провожаемая толпою сѣдыхъ усачей и молоденькихъ, длинныхъ и гибкихъ, какъ ивовые хлысты, черноусыхъ князьковъ.

То цѣлыя толпы крестьянокъ, возвращающихся изъ гостей такимъ-же безцеремоннымъ способомъ, верхомъ, на сѣдлѣ. Смѣло бросаются эти веселыя амазонки прямо въ-бродъ, черезъ рѣчку, на своихъ привычныхъ коняхъ, смѣло протискиваются сквозь толкотню навьюченныхъ ишаковъ, съ кафлями, кувшинами, дровами, тюками товаровъ, мимо скрипящихъ татарскихъ арбъ, которыми кишитъ эта всегда людная и оживленная дорога въ нынѣшній базарный день.

Буйволовъ доняла-таки лѣтняя жара! Они теперь уже не черные, а совсѣмъ сѣрые. Слой известковой грязи облѣпилъ ихъ, какъ бронею. Ничѣмъ не удержишь ихъ. Прямо съ возомъ прутъ въ рѣку, въ лужу, въ оросительную канаву; лучше скорѣе выпрячь ихъ: втешутся совсѣмъ съ головою въ жидкую грязь, выставятъ только глаза да храпки, и лежатъ себѣ тамъ недвижимо, какъ бегемоты въ своемъ болотѣ, жмурясь отъ наслажденья, спасенные отъ мухъ и отъ жары. Въ Акталахъ цѣлая большая лощина глубоко налита бѣловатою цѣлебною грязью, которая, кажется, извергается изъ земли, въ родѣ плоскихъ сопокъ, и образуетъ цѣлую группу маленькихъ озерковъ грязи.

Тутъ счета нѣтъ буйволамъ, купающимся въ грязи! Вонъ они тяжко лѣзутъ изъ нея, въ своихъ сѣрыхъ, глиняныхъ футлярахъ, радостно отфыркиваясь и махая хвостомъ, недоступные теперь уколамъ комара и овода. Признаюсь, мы сами едва воздержались, чтобы не по-

слѣдовать примѣру ихъ, — до такой степени допекаютъ на перекладной пыль, солнце и комары. Въ Акталахъ грязь, дѣйствительно, цѣлебна, и хотя нѣтъ еще никакого устройства, но сюда уже начинаютъ пріѣзжать понемножку даже дальніе посѣтители, не считая туземцевъ.

Вонъ стоитъ наскоро склеенный плетневый сарай, гдѣ пріютились надъ этою безпріютною лощиною тифлисскіе гости, чины судебнаго вѣдомства, пожелавшіе испытать на себѣ силу акталскихъ грязей. У брата были знакомые среди нихъ, и мы слѣзли съ своей тележки, чтобы посѣтить на минутку скитальцевъ пустыни.

Однако, мы не нашли въ шалашѣ никого, кромѣ прислуги. Плетневая избушка была устлана коврами, уставлена складными кроватями, обвѣшана ружьями. Больше никакихъ удобствъ не требуется въ этомъ охотничьемъ привалѣ. Сами хозяева ушли куда-то въ гости, въ сосѣднее село.

IX

Телавъ

КРАСИВЫЯ княжескія усадьбы все чаще и чаще вырѣзаются на зеленыхъ пригоркахъ, среди своихъ обширныхъ садовъ, по мѣрѣ приближенія къ Телаву.

Это имѣнія Андрониковыхъ, Абхазовыхъ и другихъ извѣстныхъ мѣстныхъ фимилій.

Въ восьми верстахъ отъ Телава, самое знаменитое изъ этихъ родовитыхъ княжескихъ имѣній — Цинондалы, князя Чавчавадзе. Цинондалы видны съ дороги. Сей-

часъ же за ними — широкое, безпорядочно разбросанное русло совершенно сухой рѣчи Цинондалъ. Нужно было пробираться довольно долго черезъ подвижныя груды ея голышей. Такихъ «дождевыхъ рѣкъ» много въ Кахетіи. Обыкновенно ихъ переѣзжаешь по суху, какъ неукатанное шоссе, но стóитъ упасть въ горахъ дождямъ—и это сухое шоссе можетъ смыть и унести васъ Богъ знаетъ куда; оно разомъ обращается въ бѣшеный потокъ, иногда значительной глубины.

Цинондалы славятся самымъ лучшимъ кахетинскимъ виномъ, цѣна котораго въ Тифлисѣ доходитъ до рубля за бутылку. Въ послѣднее время, съ нимъ стали соперничать только вина князя Мухранскаго. Но Цинондалы еще и историческая замѣчательность. На нихъ, въ наши дни, былъ совершенъ послѣдній дерзкій набѣгъ чеченцевъ на грузинскія области. Это было въ 1854 году. Никому не приходила въ голову возможность вторженія горцевъ въ самую глубь Кахетіи, сквозь желѣзное кольцо русскихъ укрѣпленій и русскихъ войскъ, оцѣплявшее со всѣхъ сторонъ неприступныя убѣжища хищниковъ.

Но это-то и соблазнило удальцовъ Шамиля. Они знали, что подвигъ ихъ прогремитъ по самымъ глухимъ уголкамъ Кавказа, что онъ охватитъ ужасомъ мирныя населенія его, слѣпо вѣровавшія до сихъ поръ въ русское могущество.

Смутный слухъ о приготовленіяхъ горцевъ достигъ до русскихъ войскъ, и ихъ поджидали въ разныхъ мѣстахъ. Но они спустились тайными тропами, миновавъ наши сторожевые посты, и вдругъ, какъ громъ среди яснаго дня, нагрянули на мирныя поселенія Алазаньской долины.

Въ Цинондалахъ, какъ и вездѣ, поднялась страшная тревога; самъ князь Чавчавадзе былъ въ это время при войскѣ, въ Дагестанѣ, и дóма оставались однѣ женщины

и дѣти. Только-что стали укладывать повозки, вьючить лошадей, чтобы бѣжать въ Тифлисъ, какъ раздался отчаянный зловѣщій крикъ: «Модіанъ, модіанъ!» (идутъ!). Все разсыпалось куда попало. О защитѣ помышлять было нельзя. Толпа чеченцевъ бросилась въ домъ, гдѣ заперлись, полныя ужаса, женщины и дѣти княжескаго семейства. Одинъ мюридъ вырывалъ у другаго лакомую добычу, сыпались брань и угрозы, сверкали сабли, и оборванныя, совсѣмъ почти раздѣтыя, полумертвыя отъ страха, княгини и княжны стараго цинондальскаго помѣстья были, наконецъ, подѣлены хищниками между собою.

Жарко запылалъ подожженный и разграбленный княжескій домъ, а хищники, прикрутивъ свою дорогую добычу позади своихъ сѣделъ, торопились ускакать назадъ, въ свои горныя трущобы, пока не настигла ихъ погоня.

Отрядъ капитана Хитрово было перенялъ хищниковъ у горы Концхо; нежданный градъ ядеръ и пуль вдругъ осыпалъ шайку грабителей, но они съ такою быстротою повернули и умчались къ другому ущелью, что нагнать ихъ было невозможно, а стрѣлять было слишкомъ опасно, въ виду массы плѣнницъ и плѣнниковъ, которыхъ они гнали съ собою.

Княгиня Чавчавадзе, съ своими дѣтьми, сестра ея, княгиня Орбеліани, княжна Багратова и много другихъ попали въ число плѣнницъ. Много муки, физической и нравственной, вытерпѣли бѣдныя княгини; княгиня Чавчавадзе не выпускала изъ рукъ своего груднаго младенца, котораго она еще кормила. Но мюридъ, ее плѣнившій, туго притянулъ къ своему поясу ея правую руку и у нея оставалась свободною только лѣвая рука. Обезсиленная нервнымъ потрясеніемъ, страшно утомленная непривычною и неудобною ѣздою, осыпаемая градомъ русскихъ пуль, несчастная княгиня не имѣла больше

силъ держать своего ребенка. Напрасно она вопила о помощи и умоляла суроваго мюрида освободить руку, чтобы поддержать младенца. Мюридъ отчаянно гналъ коня, спасаясь отъ преслѣдовавшаго отряда и не слушая воплей бѣдной матери. Вотъ уже совсѣмъ опускается онѣмѣвшая рука, вотъ только за одну трепещущую ножку еще чуть держитъ она опрокинувшагося ребенка. Еще мгновеніе — и рука повисла одна, недвижимая, судорожно сжатая. Мгновенный стукъ, мгновенный крикъ — и бѣшеные кони мюридовъ, на глазахъ обмершей отъ ужаса матери, промчались черезъ маленькое дѣтское тѣльце, покинутое въ дикой пустынѣ.

* * *

Говорятъ, князь Чавчавадзе въ тотъ-же день возвращался изъ Дагестана и съ недоумѣніемъ сталъ встрѣчать то одну, то другую знакомую вещь, валявшіяся на дорогѣ. Наконецъ, дымящіяся развалины Цинондалъ открыли ему ужасную истину.

Долгій, томительный плѣнъ княгинь у Шамиля извѣстенъ всѣмъ. О немъ писали давно и много.

* * *

Къ Телаву нужно подниматься по очень крутой, нескончаемо длинной горѣ. Былъ уже совсѣмъ вечеръ, когда мы въѣхали въ него. Вездѣ гуляла публика, ѣздили фаэтоны, многочисленныя лавки выставляли свой товаръ, словно въ какомъ-нибудь совсѣмъ цивилизованномъ городѣ. Даже мостовыя по улицамъ порядочныя, не подстать нашимъ уѣзднымъ городишкамъ. Въ городскомъ садикѣ, рогатый молодой олень, гулявшій въ изгороди, одинъ только напоминалъ, что мы у подножья Кавказа.

Ни въ гостиницахъ, ни въ духанахъ, нигдѣ не оказалось нумера, и мы безнадежно скитались на своихъ скверныхъ почтовыхъ лошаденкахъ по улицамъ незнакомаго города, возбуждая любопытство телавскихъ ку-

мушекъ. Пришлось, волею-неволею, остановиться въ пустынныхъ сараяхъ почтовой станціи. Но не успѣли мы устроиться съ чаемъ, какъ къ намъ явился посланный отъ уѣзднаго начальника, князя Ч—ва, просившаго насъ перебраться къ нему въ домъ.

Князь Ч—въ принадлежитъ къ числу вполнѣ цивилизованныхъ грузинъ, служилъ въ Петербургѣ и устроился здѣсь, въ Телавѣ, со столичнымъ удобствомъ; онъ интересный и опытный человѣкъ и бесѣда съ нимъ познакомила насъ со многими характерными чертами края. Обмывшись отъ пыли, освѣживъ, наконецъ, съ радостью, бѣлье и платье, мы цѣлый вечеръ проблагодушествовали за чаемъ, на тѣнистомъ балконѣ князя, разспрашивая его о всемъ, что было для насъ здѣсь новаго и любопытнаго.

Князь долго былъ уѣзднымъ начальникомъ Тіонетъ, т. е. сосѣдней съ Кахетіей страны одичалыхъ христіанъ—хевсуръ, пшавовъ и тушинъ.

Я самъ былъ свидѣтелемъ, съ какимъ довѣріемъ обращаются къ князю эти чистосердечные дикари. Они просто называютъ его «Кико» (ласкательное и уменьшительное имя Николая), безцеремонно протягиваютъ ему руку и откровенно разсказываютъ ему свои нужды. Фамилія князей Ч—выхъ управляла Хевсуріей еще при грузинскихъ царяхъ, и населеніе издавна привыкло относиться къ нимъ съ уваженіемъ. Хевсуры особенно интересны языческими обрядами своего искаженнаго древняго христіанства и во всей цѣлости сохранившимся средневѣковымъ вооруженіемъ своимъ. Кабинетъ князя Ч—ва увѣшанъ хевсурскими кольчугами, шлемами, щитами, бердышами и стрѣлами. Ни на одну сходку свою хевсуръ не явится безъ полнаго вооруженія, цѣликомъ воскрешающаго фигуры рыцарей. Съ стальнаго шишака его падаетъ ему на шею кольчатый затыльникъ; на локтяхъ и колѣнахъ—булатные нало-

котники; рубашка изъ желѣзныхъ колецъ охватываетъ его грудь и плеча. Перчатка его тоже изъ стальныхъ звеньевъ. Копье, мечъ, сѣкира, круглый стальной щитъ съ золотыми травами и гербами, — все это словно сейчасъ снято съ крестоносца XI вѣка.

А главное—все это и въ дѣйствительности перешло и сохранилось еще отъ рыцарей Европы. На множествѣ оружій замѣтны высѣченные кресты, нерѣдко красные, старинныя надписи генуэзскія, французскія, нѣмецкія. Несомнѣнно, что оружіе это попало къ кавказскимъ горцамъ путемъ генуэзскихъ колоній черноморскаго берега, производившихъ дѣятельную торговлю съ горцами.

Въ недавнюю турецкую войну, когда возстаніе охватило сплошь весь Дагестанъ и Чечню и явилась крайняя необходимость двинуть противъ мятежныхъ горцевъ, въ помощь малочисленнымъ русскимъ войскамъ, такихъ же, какъ они, безстрашныхъ удальцовъ изъ горцевъ-христіанъ, князю Ч—ву стоило большихъ усилій побѣдить отвращеніе хевсуръ отъ обязательной службы. До сихъ поръ они никогда не участвовали въ милиціи и не хотѣли слышать о ней.

Князь явился къ нимъ въ аулъ съ 2 чепарами (всадники грузинской милиціи, обыкновенно сопровождающіе на Кавказѣ мѣстное начальство) и съ 2 пшавами; кромѣ того, сотня вооруженныхъ пшавовъ была спрятана, на случай, подъ горою. Долго уговаривалъ ихъ князь, разъясняя необходимость кинуть жребій, кому изъ нихъ идти въ милицію. Наконецъ, жребій былъ кинутъ, но тѣ, кому онъ выпалъ, отказались наотрѣзъ: «Не пойдемъ», — коротко отвѣчали они на всѣ увѣщанія своего начальника. Чепары бросились было взять перваго жеребьеваго, но вся толпа, человѣкъ въ 1,000, вооруженныхъ ружьями, обступила ихъ. Взявъ въ обѣ руки по револьверу, князь прострѣлилъ для примѣра

подброшенную вверхъ папаху и объявилъ толпѣ, что онъ положитъ на мѣстѣ всякаго, кто позволитъ себѣ защищать вынувшихъ жребій. Толпа была загнана въ аулъ, гдѣ она тотчасъ засѣла за камни и навела ружья... Тогда были двинуты на выручку пшавы. Одного жеребьеваго успѣли захватить. Старикъ пшавъ сталъ громко стыдить бабами и трусами смущенную толпу. Состоялась, наконецъ, мировая, по которой хевсуры согласились выдать жеребьевыхъ, но съ тѣмъ только, чтобы ихъ не посылали далеко отъ родины. Ихъ, дѣйствительно, оставили въ Аргунскомъ округѣ, на границѣ въ Осетіей.

Вообще, крайне трудно ладить съ этими дикарями, особенно людямъ, не знающимъ ихъ быта и ихъ нравовъ.

Безъ мѣстнаго языка, самый ловкій человѣкъ надѣлаетъ непоправимыхъ глупостей. Такъ, напримѣръ, во время войны, единственно вслѣдствіе незнанія языка и плохаго переводчика, сигнахскій уѣздный начальникъ Т. не только былъ самъ избитъ до полусмерти толпою, вообразившею, что ихъ берутъ въ рекруты, но изъ-за него избили военнаго начальника О., товарища прокурора г. Л. и нѣсколькихъ другихъ начальствующихъ лицъ, случайно бывшихъ въ домѣ помѣщика, у котораго Т. пробовалъ скрыться отъ преслѣдовавшей его толпы. Много народа присуждено было къ ссылкѣ въ Сибирь и спаслось отъ нея только по случаю Высочайшаго манифеста.

Содѣйствіе въ войнѣ этихъ горцевъ — дѣло тоже очень щекотливое и двусмысленное. Часто они бываютъ опаснѣе открытаго врага. Особенно много заботы и страха задали они нашимъ начальникамъ во время усмиренія Дагестана.

Когда лезгины вырѣзали пастуховъ тушинскаго племени и отогнали у нихъ 15,000 головъ скота, посланъ

былъ, черезъ Кодорскій перевалъ, наказать грабителей отрядъ, подъ начальствомъ князя Дж., въ гости къ которому мы должны отправиться изъ Телава. Князь Ч—въ былъ въ его отрядѣ начальникомъ кавалеріи. Всего было два батальона солдатъ, 700 всадниковъ грузинской милиціи и 400 тушиновъ.

Ночью, во время привала, дидойцы, прикинувшись мирными, перерѣзали караульныхъ, пробрались въ сонный лагерь, перебили и перерѣзали въ ночной перестрѣлкѣ много народа. Отрядъ отступилъ на соединеніе съ княземъ Накашидзе, у котораго было 5,000 мирныхъ дагестанцевъ. По ошибкѣ, тушины убили ночью, вмѣсто врага, одного изъ лезгинъ отряда. Всѣ лезгины поднялись, какъ одинъ. Наибы явились къ Накашидзе и требовали выдачи головою тушинцевъ. Смирить ихъ было некому, они могли вырѣзать весь отрядъ, а войска почти не было во всемъ Дагестанѣ. Къ счастью, выручили сами тушинцы, которымъ извѣстны были подобныя ссоры и свалки. Они забрались ночью на высокую сосѣднюю гору и окопались тамъ, хвастливо вызывая лезгинъ на приступъ. Но лезгины одумались и не пошли ломать голову на неприступныя кручи.

Такіе случаи встрѣчались не разъ, и начальники постоянно стояли между двухъ смертей. Только непоколебимымъ хладнокровіемъ и самоувѣренностью можно было держать этихъ впечатлительныхъ дикарей въ какомъ-нибудь страхѣ и уваженіи... Малѣйшій признакъ, малодушія — и изъ покорныхъ союзниковъ они сейчасъ обращаются въ дерзкаго, кровожаднаго врага.

* * *

Вечеръ мы закончили въ телавскомъ клубѣ, гдѣ не состоялся семейный вечеръ по случаю именинъ кого-то изъ мѣстной знати, такъ-что мы поужинали въ мужской компаніи и скоро возвратились домой.

Утромъ мы осмотрѣли весь Телавъ и сдѣлали нѣ-

сколько интересныхъ знакомствъ съ выдающимися мѣстными жителями. Женское учебное заведеніе св. Нины помѣщается въ бывшемъ дворцѣ грузинскихъ царей, и почтенная начальница показала намъ всѣ его подробности. Нѣкоторыя комнаты сохранились еще въ прежнемъ видѣ. Спальня, гдѣ, въ 1798 году, умеръ царь Ираклій XII, съ старинными нишами и сводами, обращена въ какой-то классъ, а тронная зала—въ столовую дѣтей, которыхъ живетъ въ заведеніи 150 человѣкъ. Дворецъ находится въ довольно обширной крѣпостной оградѣ, точно такъ же какъ и старинный соборъ; два другія укрѣпленія, отчасти разрушенныя, отчасти обращенныя въ частные дома, замѣтны на противоположномъ концѣ Телава, при подъемѣ дороги. Около одного изъ нихъ живетъ кн. Д., мѣстный мировой посредникъ, какъ говорятъ — одинъ изъ наиболѣе дѣльныхъ хозяевъ Кахетіи, человѣкъ строгаго грузинскаго типа, съ умнымъ и рѣшительнымъ лицомъ. Мы полюбовались съ балкона его красиваго дома, безподобнымъ видомъ на всю окрестную страну, на Алазань, Кавказъ, Гомборскія горы, и много разспрашивали его о положеніи здѣшняго винодѣлія и здѣшняго крестьянства, которыя ему отлично извѣстны.

Племянника своего князь послалъ въ Европу, учиться современному винодѣлію, и этотъ молодой человѣкъ, какъ разсказывали намъ, уже возвратился оттуда хорошимъ спеціалистомъ своего дѣла.

Мы посѣтили также семейство телавскаго предводителя дворянства, князя В., фамилія котораго — одна изъ самыхъ коренныхъ и распространенныхъ въ Кахетіи, и который живетъ уже совершенно по русскимъ обычаямъ.

Къ обѣду, у нашего гостепріимнаго хозяина собралась порядочная компанія, между прочимъ, нѣкоторые изъ нашихъ новыхъ знакомцевъ и пріѣзжіе изъ Тиф-

лиса мѣстные судебные дѣятели. Въ милой и оживленной бесѣдѣ, среди обильно лившихся напитковъ веселой Кахетіи, мы провели нѣсколько пріятныхъ часовъ и только къ самому вечеру должны были, наконецъ, покинуть любезную компанію и любезнаго хозяина, съумѣвшаго сдѣлать живымъ и теплымъ наше пребываніе въ незнакомомъ городѣ, среди назнакомыхъ людей.

X

На развалинахъ Греми

НАМЪ наняли бойкую четверку лошадей, чтобы добраться до деревни Ени-Сели. Вечеръ наступалъ быстро и нужно было спѣшить уйти отъ темноты. Сейчасъ замѣтно, что мы въ сосѣдствѣ горъ, на рубежѣ Дагестана.

Впереди насъ скачутъ на лихихъ коняхъ два молодца-чепара, отлично одѣтые, съ ружьями за плечами, съ кинжалами, шашками, съ нагайками въ рукѣ. Привычнымъ крикомъ и ударами нагайки ловко прочищаютъ они намъ дорогу, заставляя торопливо сторониться нескончаемые обозы арбъ, запряженныхъ буйволами, толпы всадниковъ и пѣшеходовъ. Безъ такого конвоя здѣсь не ѣздитъ никакое начальство, никакой мало-мальски значительный человѣкъ. Превосходное шоссе идетъ сплошными деревнями.

Было почти темно, когда мы доѣхали до Алазани. Дожди сильно подняли воду и переправа была не безопасна. Мостъ былъ, по обыкновенію, снесенъ.

Здѣсь, на всѣхъ почти дорогахъ, по году, по полугода обходятся безъ мостовъ.

Чепары смѣло бросились въ воду, разыскивая бродъ.

Въ сторонѣ отъ насъ цѣлый обозъ арбъ переправлялся чуть не вплавь. Буйволы уходили по рога въ воду, грузины неистово кричали и били ихъ, а быстрина рѣки заворачивала все лѣвѣе и лѣвѣе съ трудомъ подвигавшихся грузныхъ животныхъ.

Еще на четверть воды — и обозъ навѣрное залился-бы.

Чепары выскочили на берегъ, мокрые по поясъ, и объявили, что въ-бродъ проѣхать нельзя.

Въ это время мы замѣтили досчаникъ, отваливавшій съ того берега, гдѣ онъ скрытъ былъ кустами. Онъ отвалилъ саженъ за 50 правѣе насъ, но теченіе гнало его какъ-разъ къ намъ. Приходилось бросить экипажъ на этой сторонѣ и переправиться только самимъ. Но какъ проѣхать дальше? Нанять лошадей было не у кого на пустынномъ берегу.

Однако, перевозчикъ сейчасъ-же утѣшилъ насъ, что на томъ берегу насъ дожидается коляска князя Д—же, къ которому мы ѣхали и котораго мы увѣдомили письмомъ еще съ утра.

Мы отпустили чепаръ и извощика и пересѣли въ досчаникъ.

Его неудержимо гнало теченіемъ, такъ-что нѣкоторое время мы потеряли было надежду попасть на тотъ берегъ и разсчитывали прогуляться довольно далеко внизъ по Алазани.

Лодочники выбивались изъ силъ, налегая на огромныя весла, досчаникъ стоналъ и трещалъ во всѣхъ своихъ швахъ и, наконецъ, мы ткнулись носомъ въ песчаную отмель берега, далеко ниже того мѣста, откуда отправились. Коляска слѣдила за нами, и лихой Илико, молодой сынъ князя Д—же, будущій спутникъ нашего дагестанскаго похода, уже ждалъ насъ при высадкѣ.

Быстро покатили мы на свѣжихъ лошадяхъ черезъ совершенно стемнѣвшія окрестности.

До Ени-Сели было еще нѣсколько верстъ, но мы не замѣтили ихъ среди разговоровъ и разспросовъ.

Развалины Греми, древней столицы Кахетинскаго царства, занимаютъ огромное пространство по предгоріямъ того берега Алазани.

Греми былъ однимъ изъ древнѣйшихъ городовъ Грузіи и возникъ еще до Рождества Христова. Въ IV вѣкѣ онъ былъ уже весьма значительнымъ городомъ и крѣпостью. Съ нимъ связана легенда о чудѣ Григорія, просвѣтителя Арменіи, скитавшагося въ то время въ лѣсу у Марткоби. Памяти этого чуда посвященъ уцѣлѣвшій до нашего времени монастырь Алаверды, въ близкомъ сосѣдствѣ съ развалинами Греми, глубоко почитаемый во всей Грузіи.

Теперь нѣсколько большихъ селеній существуютъ на развалинахъ древней кахетинской столицы. Ени-Сели, Греми и много другихъ гнѣздятся на старыхъ могилахъ, на обломкахъ старой народной исторіи.

По словамъ грузинскаго историка Вахушты, какъ увѣряли меня, однихъ евреевъ жило въ Греми 80,000 душъ.

Мы любовались, на другое утро, громаднымъ охватомъ гремійскихъ развалинъ, вѣнчающихъ всѣ окрестныя возвышенности. Крѣпость на высокой горѣ, живописная башня старой церкви на обрывѣ утеса, съ гробницею кахетинскаго царя Леона, безчисленное множество разрушенныхъ домовъ, храмовъ, — вся эта давно прогремѣвшая и давно стихшая исторія исчезнувшаго царства, оставившая по себѣ только груды камней, производитъ странное и тягостное впечатлѣніе.

Раскопки Греми могли-бы дать безцѣнный археологическій матеріалъ.

Я замѣтилъ здѣсь только множество гробницъ глубоко-древняго, своеобразнаго типа, совершенно того-же, какъ и прославленныя археологами гробницы Самтавро, близъ Мцхета.

Длинныя, на ребрѣ стоящія плиты, прикрытыя такою-же длинною плитою, совсѣмъ врубленныя въ толщу скалы, составляютъ эти загадочныя усыпальницы невѣдомаго народа. Огромныя квеври (чоры), то разбросанныя среди развалинъ, то врытыя въ землю, свидѣтельствуютъ, что Греми было еще встарину центромъ кахетинскаго винодѣлія.

Греми, кромѣ того, славилось своими школами. Въ немъ, между прочимъ, была основана единственная высшая школа, откуда грузинскіе юноши отправлялись доканчивать свое ученое образованіе прямо въ Аѳины, къ мудрецамъ Греціи.

* * *

Домъ князя Георгія Д—же—настоящій замокъ. Онъ стоитъ почти въ самомъ выходѣ ущелій, ведущихъ изъ Дагестана, отъ хищныхъ ауловъ дидойцевъ, и потому не разъ вынужденъ былъ исполнять роль передоваго сторожа и осаднаго двора.

Высокая каменная стѣна, съ крѣпкими воротами, охватываетъ весь дворъ, который, такимъ образомъ, безъ труда можетъ быть обращенъ, при первой надобности, въ блокгаузъ своего рода.

На дворѣ виднѣлись осѣдланныя лошади, вооруженные люди. Все какъ-то пахло маленькою крѣпостцею.

Князь Георгій — начальникъ Нагорнаго Дагестана, и эта воинственная обстановка во многомъ вызвана служебнымъ положеніемъ его.

Мы нашли князя и княгиню подъ освѣщенными нижними арками дома, обыкновеннымъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ семьи, — глубокимъ и просторнымъ балкономъ своего рода, въ уровень съ почвою. Надъ этимъ всегда тѣнистымъ и прохладнымъ пріютомъ идутъ верхнія галлереи красиваго и обширнаго дома. Оригинальная обстановка, въ которой мы распиваемъ теперь чай вокругъ давно ожидавшаго насъ, привѣтливо кипящаго

самовара. Мы сидимъ на низенькихъ тахтахъ, окружающихъ стѣны балкона, однѣ только освѣщенныя свѣтомъ огня; среди насъ вырѣзается сановитая и мужественная фигура нашего хозяина, съ сѣдыми воинственными усами, съ повелительнымъ взглядомъ человѣка, издавна привыкшаго распоряжаться и приказывать...

Онъ разсказываетъ намъ, съ увлеченіемъ юноши, о недавнихъ своихъ походахъ и опасностяхъ, не выпуская изо рта длиннаго тонкаго чубука, который постоянно подаютъ ему, мѣняя одинъ на другой, въ раболѣпномъ безмолвіи стоящіе передъ нимъ такіе-же воинственные видомъ, вооруженные люди, удаленные въ полутьму низкаго балкона.

За ними, въ темнотѣ ночи, видны на дворѣ еще другія многочисленныя фигуры, мерцающія иногда при отблескѣ огня своими серебряными патронами, насѣчкою поясовъ и рукоятками кинжаловъ.

Все это — вѣрная свита князя: чепары, ординарцы, вѣстовые, — ожидающая его приказаній, глазѣющая на его необычныхъ гостей.

Сейчасъ видно, что патріархальное повиновеніе и терпѣніе восточнаго человѣка глубоко вкоренено въ этой безмолвно-почтительной толпѣ вооруженныхъ храбрецовъ.

Это, дѣйствительно, храбрецы, только на-дняхъ еще безстрашно бравшіе приступомъ возмутившіеся аулы, отчаянно рѣзавшіеся съ лезгинами въ дикихъ ущельяхъ горъ. Только одинъ гость, кромѣ насъ, сидитъ около сверкающаго самовара, гдѣ добрая, гостепріимная княгиня разливаетъ чай. Этотъ гость стóитъ вниманія. Это Толхатъ, наибъ дидоецъ. Онъ былъ наибомъ еще у Шамиля, но послѣ паденія Гуниба, со всею прямотою и твердостью истиннаго воина, присягнулъ на службу

русскому царю и до сихъ поръ съ строгою честностью исполняетъ эту службу.

Толхатъ — подчиненный князя Д. и потому держитъ себя сдержанно и почтительно. Онъ говоритъ мало, сидитъ дальше другихъ. Но ничего униженнаго, заискивающаго или смущеннаго не прочтете вы на его сурово-неподвижномъ лицѣ, исполненномъ непоколебимаго достоинства.

Его пожилое желто бронзовое лицо, все въ мелкихъ морщинкахъ, кажется красивѣе и выразительнѣе самыхъ смазливыхъ юношескихъ лицъ, оттѣненное этою характерною лезгинскою шапкою чернаго барашка, сдвинутою на затылокъ, этою черною черкескою съ серебрянымъ уборомъ, съ обычнымъ горскимъ изяществомъ облегающею его плечистый станъ.

Толхатъ говоритъ только по-лезгински, и оттого бесѣда его дѣлается еще короче. Но сквозь суровый глазъ его смотрятъ природная доброта и тихость души, такъ часто свойственныя жителю горъ.

Всѣ наибы Шамиля, присягнувшіе русскимъ, остались намъ вѣрны въ послѣднее возстаніе Дагестана. Въ то время, какъ лезгины, избалованные Петербургомъ, парадировавшіе въ императорскомъ конвоѣ, нахватавшіе, неизвѣстно за что, чиновъ и орденовъ, кази-кумыхскіе богачи, торгующіе въ восточныхъ магазинахъ Петербурга, Москвы и Тифлиса, сыновья бывшихъ владѣтельныхъ хановъ, поразили всѣхъ вѣроломною измѣною своему долгу,—бывшіе заклятые враги наши, любимые мюриды Шамиля, мечемъ и огнемъ защищавшіе окопы Гуниба, остались непоколебимыми среди всеобщей смуты.

— Толхатъ всегда служитъ вѣрно, — съ гордостью отвѣтилъ на нашъ вопросъ черезъ князя молчаливый лезгинъ: — вѣрно служилъ Шамилю, вѣрно служитъ царю. У Толхата одна душа, одна клятва.

Насъ очень заняли любопытные и живые разсказы князя Георгія о характерѣ и обычаяхъ лезгинъ, которыми онъ давно управляетъ, объ ужасахъ послѣдняго возстанія... Возстаніе это захватило князя въ Беджитѣ. Войска у него не было ни одного человѣка, а между тѣмъ онъ зналъ отъ доносчиковъ, что каждый день его собирались убить. Онъ собралъ человѣкъ полтораста дагестанскихъ милиціонеровъ, изъ тѣхъ-же лезгинъ, и рѣшился покончить чѣмъ-нибудь рѣшительнымъ.

Расположивъ свой крошечный и ненадежный отрядъ карауломъ на горѣ, онъ собралъ въ Беджитѣ джамаатъ, т. е. общественный сходъ, и смѣло потребовалъ виновныхъ.

— Вы хотите убить меня?—прямо спрашивалъ князь у двухъ-тысячной вооруженной толпы.—Но мнѣ вѣдь 60 лѣтъ и смерть мнѣ не страшна. А вы хорошо знаете, что если осмѣлитесь поднять руку на начальника своего, то у васъ не оставятъ камня на камнѣ и перебьютъ не только васъ, но и всѣхъ вашихъ женъ и дѣтей!... Выдавайте зачинщиковъ!...

Смущенная толпа погудѣла, потолкалась, поспорила и выдала, наконецъ, связанныхъ подстрекателей; князь отдалъ ихъ подъ караулъ самому-же обществу.

А между тѣмъ, одна ужасная новость за другою приходили изъ Турціи. Побитыя войска наши отступали, турки шли на Александрополь, на Тифлисъ, какъ были несомнѣнно увѣрены горцы. Ихъ ждали въ горахъ съ лихорадочною радостью и строили на ихъ побѣдѣ самыя несбыточныя надежды.

Холода заставили князя выступить въ Кахетію, гдѣ ему приказано было оберегать выходы изъ Дагестана. Беджитскій наибъ прислалъ ему сказать, что народъ возсталъ поголовно и что онъ вынужденъ идти съ народомъ. Изъ Тифлиса прислали, наконецъ, немного войска и грузинской милиціи.

Семья князя все время оставалась въ Ени-Сели, ежедневно ожидая нападенія и осады.

Князь Л. И. Меликовъ былъ тогда главнымъ начальникомъ Дагестана и, хотя у него было очень мало войска, взялъ приступомъ сильно укрѣпленный аулъ Согратль, главное гнѣздо возстанія, который до тѣхъ поръ еще ни разу не былъ взятъ русскими войсками. Это нанесло рѣшительный ударъ всему дагестанскому возстанію.

XI

Народный праздникъ въ Натли-Семели

На другое утро, все молодое населеніе Ени-Сели собиралось на народный праздникъ, за нѣсколько верстъ отсюда, въ старую, давно покинутую церковь Натли-Семели (т. е. Іоанна Крестителя), спрятанную въ тѣсномъ ущельѣ. Мы, конечно, не упустили этого удобнаго случая познакомиться съ мѣстнымъ людомъ, съ мѣстными обычаями.

Насъ отправилась отсюда цѣлая шумная кавалькада, съ Илико во главѣ...

Весело и незамѣтно промелькнула дорога, оживленная толпами верховаго народа, отовсюду спѣшившими къ старой народной святынѣ.

Мы все глубже и тѣснѣе уходили въ земляное сырое ущелье, подъ самою пятою заоблачныхъ твердынь... Что-то праздничное стояло въ свѣжемъ воздухѣ, въ ясномъ небѣ, въ густой зелени лѣсовъ, въ яркихъ нарядахъ дѣтей и женщинъ, пестрившихъ на каждомъ шагу очаровательный пейзажъ лѣсистой горной тѣснины.

Но ничто не могло сравниться съ тою оживленною

картиною, которая вдругъ, разомъ распахнулась передъ нами, когда мы поднялись, наконецъ, по капризному руслу бѣшеной Инцхобы, на зеленую горную площадку, гдѣ, въ тѣни густаго лѣса, подъ навѣсомъ живописныхъ скалъ, отовсюду тѣснившихся, стояла старая полуразвалившаяся церковь Ивана Купалы.

Вся площадка, все ущелье уже кишѣли народомъ... Длинныя мажары и арбы, съ воткнутыми въ нихъ зелеными вѣтками для тѣни, стояли распряженными вездѣ, гдѣ только можно было стать, сдвинутыя по двѣ вмѣстѣ и образуя своими высоко-задранными днищами импровизированныя палатки, подъ которыми ютились отъ жары цѣлыя семьи...

Множество разодѣтыхъ воинственныхъ всадниковъ, сверкающихъ серебромъ и оружіемъ, въѣзжали на кручи горы, разсѣдлывали и поили коней въ стремнинахъ Инцхобы, толкались между толпами пѣшеходовъ и рядами арбъ. Буйволы и быки, отдыхающіе отъ жары, валялись въ рѣкѣ, на берегу ея, по зеленымъ луговинамъ.

Вездѣ, въ тѣни многовѣковыхъ орѣховъ и шелковицъ, разостланы были ковры, войлоки, матрацы; вездѣ ярко горѣли на солнцѣ праздничные наряды женщинъ, звенѣла посуда, вынимались трепещущіе виномъ бурдюки, раскладывались пироги и мясо. Веселый мирный шумъ улья стоялъ надъ этимъ лѣснымъ становищемъ деревенскихъ богомольцевъ, собравшихся за 20 и за 25 верстъ почтить свою древнюю мѣстную святыню. Нынче былъ день Ивана Купалы, престольный праздникъ стариннаго поселенія дѣдовъ и прадѣдовъ ихъ, когда-то стоявшаго въ этомъ тихомъ ущельѣ, оставившаго по себѣ только эти развѣсистые столѣтніе орѣхи да развалившіяся стѣны своего опустѣвшаго храма. Въ храмѣ тоже была толпа народа, но большинство стояло и сидѣло кругомъ.

Грузины не считаютъ особенно нужнымъ отстоять службу непремѣнно внутри церковныхъ стѣнъ. Имъ кажется, что въ просторѣ лѣса, подъ вольнымъ синимъ небомъ, мирно сидя на зеленой травѣ, они столько-же чествуютъ своего угодника, какъ и кланяясь его образу въ душной церкви. Попъ все-равно молится тамъ, говоритъ и готовитъ все, что нужно. Это его дѣло. Ихъ дѣло подать на жертву угоднику бурдючекъ вина или парочку пѣтуховъ, засвѣтить ему восковую свѣчку да пославить его своими пѣснями и праздничною пирушкою.

Отъ маленькой древней церкви Натли-Семели уцѣлѣли буквально однѣ только стѣны. Верхъ ея уже давно раскрытъ, и теперь кое-какъ набросана утлая крыша, сквозь которую свободно заглядываютъ въ темную мшистую внутренность храма далекое синее небо да безмолвныя зеленыя деревья, торчащія въ вышинѣ ущелья.

Только кое-гдѣ отсырѣвшіе камни удержали на себѣ обрывки штукатурки, покрытой старинными фресками. То разглядишь могучій торсъ св. Георгія, облеченнаго бронею, съ поднятымъ въ рукѣ копьемъ, то кроткій ликъ какой-нибудь дѣвы-мученицы, съ сердцемъ, пронзеннымъ ножемъ.

Всѣ эти фигуры святыхъ слѣпыя: пули мусульманскихъ фанатиковъ, шаха Абасса и другихъ великихъ разорителей Кахетіи — повыбили имъ глаза, ради безчестія вѣры Христовой.

Это обычный пріемъ мусульманъ при разореніи христіанскихъ храмовъ.

На грубомъ дикомъ камнѣ, служившемъ когда-нибудь подножіемъ престола, разложено бѣдное старенькое евангеліе и прилѣплены 3 тоненькія, темненькія, кривыя свѣчки. Деревенскій попъ изъ сосѣдней деревушки, въ такомъ-же бѣдномъ облаченіи, святитъ на этомъ камнѣ воду въ глиняной чашѣ и окропляетъ ею стоящую на колѣнахъ безмолвную толпу.

Стѣны стараго храмика тоже утыканы, гдѣ попало, копѣечными свѣчками. Онѣ гнутся отъ собственнаго жару и обильно капаютъ на благочестивыя головы простодушныхъ молельщиковъ. А въ переднемъ углу храмика, цѣлую кучею, навалены пѣтухи и куры съ перевязанными ногами, мотки самодѣльные шелка-сырца, козьи бурдюки съ виномъ, пшеничные хлѣбы и всякая всячина.

Это дары богомольцевъ древнему угоднику Натли-Семели на его праздникъ. Это-же и единственное вознагражденіе отъ паствы попу за его службу.

Трогательно раздавался шепотъ народной молитвы и возгласы деревенскаго священника, въ этой романтической обстановкѣ, цѣликомъ переносившей воображеніе въ далекіе вѣка первобытнаго христіанства, когда вмѣсто раззолоченныхъ алтарей, полныхъ кадильнаго ѳиміама и свѣтлыхъ ризъ, люди наивной вѣры собирались въ голыхъ камняхъ пещеръ, вокругъ бѣдно одѣтаго безхитростнаго старца, и соединяли съ молитвою Христу свою скромную братскую трапезу.

* * *

Развалины древней башни, охранявшей когда-то ущелье, и русскихъ бастіоновъ, покинутыхъ послѣ замиренья Дагестана, живописно осѣняютъ лѣсную полянку Натли-Семели и группы, безпорядочно разбросанныя по ней.

Подъ самымъ тѣнистымъ орѣхомъ, стоящимъ выше всѣхъ другихъ, расположились на коврахъ и подушкахъ почетнѣйшіе изъ богомольцевъ, владѣльцы Натли-Семели и всѣхъ земель сосѣдняго предгорья, почти до самаго перевала,—князья многочисленнаго рода Джорджадзе.

Старинный дворянскій родъ этотъ имѣетъ здѣсь двѣ главныя вѣтви, обѣ, кажется, одинаково плодоносныя: Джорджадзе Гремійскихъ и Джорджадзе Сабуйскихъ. Гремійская вѣтвь богаче и знатнѣе, Сабуйская уже нѣсколько обмельчала. Впрочемъ, Натли-Семели

принадлежитъ Сабуйскому роду, поэтому они были настоящими хозяевами праздника.

Весь кланъ Джоржадзе собрался подъ своимъ фамильнымъ орѣхомъ,—конечно, и мы съ ними, въ качествѣ гостей. Знакомства тутъ заключаются очень скоро; отрадная простота и добродушіе, къ несчастью, все болѣе и болѣе исчезающія изъ нашего русскаго общества, крѣпко еще проникають нравы сельскаго грузинскаго дворянства

Тутъ была не только молодежь, весело хохочущая, пьющая, пляшущая, но и толпы маленькихъ хорошенькихъ дѣтокъ, сѣдые старики и старушки, веселыя и проворныя не менѣе молодыхъ.

Цѣлая толпа слугъ услуживала кругомъ, таская кувшины съ виномъ, вытирая ножи и тарелки, поджаривая мясо.

Проголодавшійся молодой народъ живо истреблялъ все, что ни появлялось на разостланой скатерти, вокругъ которой, поджавъ по восточному ноги, сидѣла и возлежала вся наша многочисленная и шумная компанія.

Тутъ были всякія грузинскія кушанья, питья и закуски: и вишневая окрошка съ лукомъ, и вареная форель изъ горныхъ ручьевъ, соленая осетрина и сыръ, и неизбѣжная лобіа, разные хлѣбы, разныя травы.

Но въ особенномъ обиліи, конечно, лилась ароматическая кровавая влага, составляющая душу каждаго грузинскаго, а ужь особенно кахетинскаго праздника.

Съ изумительною быстротою опоражнивались и появлялись опять полными неистощимые кувшины. Еще обѣдъ не былъ убранъ, какъ уже развеселившаяся молодежь подняла танцы. Притащили какихъ-то бродячихъ музыкантовъ, съ египетскими бронзовыми рожами, безжалостно стучащихъ, пищащихъ и воющихъ.

Хорошенькая краснощекая Гема Дж. пронеслась въ лезгинкѣ съ молодымъ князькомъ, своимъ сосѣ-

домъ. За ними поднялись и другіе. Кто не плясалъ, одушевленно подпѣвалъ и хлопалъ въ ладоши. Шумъ, гамъ, движенье, все пошло кругомъ подъ маститымъ орѣхомъ. Ловко и бойко отбивали по землѣ мелкую дробь удалые танцоры, плавно и граціозно отступали и наступали, кружились и увертывались разгорѣвшіяся отъ вина и жары молодыя княжны.

Музыкантъ съ египетскою рожею сохранялъ хладнокровіе египетской муміи, неистово надувая, словно изъ кузнечнаго мѣха, цѣлые часы сряду, свою плачущую зурну; барабанъ билъ и ревѣлъ, словно хотѣлъ пробить насквозь землю; «дудуки» заливались пронзительнымъ пискомъ, и мальчишка, игравшій на нихъ, отчаянно закинувъ назадъ голову, съ невѣроятнымъ проворствомъ перебиралъ пальцами по многочисленнымъ дырочкамъ.

Въ промежуткахъ танцевъ пѣлись пѣсни. Пѣли большіе, пѣли дѣти. Маленькій сынъ князя Ивана Дж. спѣлъ нѣжнымъ и чистымъ дискантомъ, флейта-флейтой...

Странно и дика грузинская пѣсня! Словно все она только затягивается, только начинается.

«А-а а-а!» жалобною струною звенитъ въ воздухѣ.

Вотъ, думаешь, разойдется она, перемѣнитъ тонъ, польются звуки веселья и силы. Но вотъ она разошлась, вотъ уже кончается, а ты все, попрежнему, слышишь одну и ту-же, душу щемящую, плачущую, безконечную ноту: «а-а-а-а!»

Таковы пѣсни и у князей, и у крестьянъ; и танцы одни, и угощенье почти одно, и наряды почти одни. Это не то, что въ нашей православной Руси, гдѣ мужикъ кажется барину словно съ того свѣта, а баринъ мужику кажется нѣмцемъ заморскимъ; гдѣ все, отъ ложки до плошки, отъ лаптя до хоровода, до гороховаго киселя и балалайки, у мужика не похоже ни на что господское.

По всему ущелью, во всѣхъ кружкахъ, пріютив-

шихся подъ деревьями и арбами, шелъ теперь тотъже плясъ и шумъ, та-же музыка и пѣсни. Только грузинскіе крестьяне пляшутъ лезгинку, какъ и настоящіе лезгины, — мужчины отдѣльно отъ женщинъ.

Летаютъ и катаются по травѣ опустошенные кувшины, воодушевленные тосты слышатся отовсюду. Вонъ, старикъ съ грознымъ сѣдымъ усомъ вскакиваетъ въ припадкѣ юношескаго увлеченья, хвастаясь пристыдить молодежь, позабывшую преданія истинной лезгинки. Старичина не разсчелъ тяжести кувшинчика, имъ опорожненнаго, спотыкается и падаетъ на коверъ, при общемъ смѣхѣ...

Вонъ два расходившихся, раскраснѣвшихся молодца хватаются за кинжалы, чтобы доказать, кто изъ нихъ правъ въ спорѣ, котораго никто не понимаетъ. Ихъ старательно растаскиваютъ невѣрно цѣпляющіяся за нихъ руки, ихъ убѣдительно уговариваютъ языки, не безъ труда произносящія теперь самыя немудреныя слова.

Весь праздникъ подпилъ, все закачалось, мозги и ноги.

На просторѣ полянки кружится пестрою змѣею неизбѣжный хороводъ—перхули. Гуще растетъ вокругъ него публика, выплывая изъ-подъ кустовъ и деревьевъ, изъ-подъ уютной тѣни утесовъ. Шире и шире раздвигается хороводъ. Бойкая музыка перхули долетала во всѣ стороны ущелья, и всякому хочется принять участіе въ общенародномъ танцѣ.

Все быстрѣе и быстрѣе учащается тактъ музыки, пѣніе и хлопаніе ладошъ; все проворнѣе семенятъ и подпрыгиваютъ ноги танцоровъ, крѣпко уцѣпившихся руками за плечо другъ друга.

Только одинъ ходитъ въ серединѣ съ жестами, присказками и выкрутасами.

Вотъ все кольцо хоровода завертѣлось вокругъ этого

срединнаго плясуна, неудержимо, будто ловко пущенный волчекъ вокругъ своей оси. Ноги подбрасываются чуть не до спины, и издали минутами кажется, что хороводъ несется по воздуху. Утомился хороводъ, затѣваются новыя развлеченія. Два ловкіе молодца, уже не первой молодости, туго перетянутые своими чеканными поясами,—одинъ рыжій, какъ огонь, съ волосами, торчащими щеткою во всѣ стороны, другой — черноволосый, но сухой, какъ арабскій конь,—не то танцуя, не то гимнастируя, выдѣлываютъ другъ передъ другомъ разные приготовительные подходцы. Ихъ тѣсно обступила любопытная толпа, хорошо знающая, что перхули долженъ закончиться борьбою.

Борцы сначала ходятъ и кружатся одинъ около другаго, высматривая противника, улучая удобную минуту для схватки, совершенно какъ пѣтухи, готовые вцѣпиться другъ въ друга.

Они подражаютъ руками всѣмъ движеніямъ настоящей борьбы, чтобы войти во вкусъ и настроить зрителя. Топчутся, топчутся, ломаютъ свой станъ и руки туда и сюда, и вдругъ мгновенно, какъ ударъ молніи, одинъ изъ нихъ ухватываетъ за плечо противника и сразмаху бросаетъ оземь.

Позоръ, если отъ этого стремительнаго удара противникъ полетитъ кубаремъ къ ногамъ замирающей отъ волненія публики,—слава несчастнаго борца погибаетъ навѣки, и ему невозможно показать глазъ въ родное село, гдѣ послѣдній мальчишка будетъ ему тыкать въ носъ его постыднымъ пораженіемъ. Тутъ есть мѣстныя знаменитости, непобѣдимые герои борьбы, имя которыхъ знаетъ далекая окрестность. Цѣлыя селенія стоятъ за честь своего богатыря, торжествуютъ его побѣду и терпятъ его позоръ.

Нѣсколько разъ рыжій отчаянно налеталъ на чернаго, но ни разу не могъ побороть, и побѣда не остава-

лась ни на какой сторонѣ, къ большому нетерпѣнію и досадѣ зрителей.

Съ далекихъ горныхъ пастбищъ, откуда была видна, какъ на ладони, вся эта разноцвѣтная толпа, веселившаяся около стараго храма, куда долеталъ черезъ чистыя выси горнаго воздуха даже звукъ «даиры и зурны»,— спустились теперь въ зеленое ущелье пастухи въ лохматыхъ папахахъ, въ буйволовыхъ поршняхъ, съ ружьями въ лохматыхъ чехлахъ изъ жесткой шкуры барсука, торчащей за спиною. Ихъ грязный нарядъ, ихъ полудикій воинственный видъ рѣзко отличали ихъ отъ разряженныхъ и изнѣженныхъ жителей долины. Это люди изумительной ловкости и силы, безстрашные, закаленные во всякихъ трудахъ и опасностяхъ.

Каждый изъ нихъ въ-одиночку отбивается отъ нѣсколькихъ лезгинъ и смѣло проводитъ цѣлое лѣто на подоблачныхъ лугахъ, далеко отъ своихъ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ дидойцами и тушинцами, оберегая табуны лошадей и отары овецъ.

Сѣдой старый чабанъ, въ вывороченной шерстью шубѣ, которую онъ не снималъ, несмотря на жаръ лѣта, съ плечами въ 2 аршина, сутуловатый и коренастый, долго смотрѣлъ на вялые, несмѣлые приступы боровшихся и вдругъ, растолкавъ толпу, выскочилъ на середину, съ какимъ-то зычнымъ, вызывающимъ крикомъ... Дружный хохотъ и одобрительные крики толпы встрѣтили удалаго старика. Онъ потряхивалъ своими старыми плечами, что-то острилъ и со смѣхомъ приговаривалъ по-грузински, ходилъ ходенемъ, приплясывая, кругомъ маленькой полянки, гдѣ затѣялся бой, очевидно подзадоривая и вызывая соперниковъ.

Но, видно, всѣ хорошо знали лихаго старичину и его богатырскую лапу. Какъ ни подстрекала толпа своихъ извѣстныхъ борцовъ, какъ ни толкали подъ бока другъ друга молодые джигиты, — никто не рѣ-

шился выступить на единоборство съ этимъ лохматымъ сѣдымъ медвѣдемъ, спустившимся съ своихъ дикихъ горъ.

* * *

Отдалившись на нѣсколько шаговъ отъ суеты праздника, я съ наслажденіемъ смотрѣлъ на всю эту пеструю, яркую картину, шумѣвшую среди сочной зелени травъ; почти отвѣсное лѣсистое ущелье стояло прямо надъ нимъ, загораживая половину неба; высоко надъ нимъ несла сюда на землю свой золотой зной густая и глубокая синева, а внизу, въ провалахъ скалъ, въ хаосѣ сѣрыхъ камней, кипѣла и бурлила холодная, какъ ледъ, во льдахъ рожденная, изъ льдовъ вытопленная, вся въ пѣнѣ и брызгахъ, низвергающаяся по порогамъ Инцхоба.

Жара была поистинѣ нестерпимая. Какъ ни опасно было купанье въ этомъ ледяномъ потокѣ для тѣла, разгоряченнаго зноемъ, виномъ и тряскою верховой ѣзды, однако, почти вся наша мужская компанія потихоньку сползла сквозь лѣсную чащу къ подножью утесовъ, среди которыхъ цѣлою чредою маленькихъ водопадовъ билась Инцхоба.

Безъ простынь и полотенецъ, въ разсчетѣ на изсушающій зной дня, мы приняли, съ трудомъ держась за камни, горную душу водопада, обдававшаго насъ съ головою и неудержимо опрокидывавшаго насъ головою внизъ...

* * *

Только къ вечеру сталъ расходиться праздникъ. Мы ѣдемъ среди безконечной вереницы арбъ и верховыхъ... Вездѣ еще продолжаютъ играть, пѣть, острить и болтать, останавливаются среди дороги и начинаютъ вдругъ откалывать лезгинку среди пыли и камней.

Сейчасъ же выростаетъ вокругъ толпа, сейчасъ же, откуда ни возьмись, зурна и даиры; сейчасъ же, будто

какимъ-то чудомъ, откуда-то вынырнетъ неизбѣжный кувшинчикъ. Долго будутъ добираться домой эти черезчуръ веселые гости. Многіе уже лежатъ врастяжку на краю дороги, въ тѣни встрѣчнаго лѣсочка, то нагонишь арбу безъ возницы, полную спящихъ, то коня безъ всадника.

Дорога обратилась въ сплошное игрище. Верховые неистово джигитуютъ, обгоняя другъ друга, срывая другъ друга съ сѣдла, отчаянно махая плетью надъ ушами безумно несущейся лошади, стрѣляя изъ ружей и пистолетовъ на воздухъ.

Удивительно, какъ это не поломаютъ себѣ шеи, какъ выдерживаютъ ихъ сумашедшую пьяную скачку бѣдные коньки ихъ.

Нигдѣ, однако, не видно ни драки, ни ссоръ; одно беззавѣтное хмѣльное веселье людно, пестро и шумно, двигается по многочисленнымъ проселочнымъ дорожкамъ, ведущимъ въ мирныя деревеньки Кахетіи изъ старой горной обители Натли-Семели.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Дагестанъ

I

Подъемъ на хребетъ

Наконецъ, наступилъ давно жданный день нашего дагестанскаго похода. Мы вполнѣ отдохнули подъ гостепріимною сѣнью дома князя Георгія Дж., и теперь пора было двигаться въ путь.

Чѣмъ-то серьезнымъ и суровымъ смотрѣли всѣ приготовленія къ дальнѣйшему походу. Князь отправлялъ насъ въ сопровожденіи своего сына Илико и двухъ самыхъ надежныхъ и заслуженныхъ ветерановъ своей милиціи... Расторопный и опытный Максиме съ сѣдою бородою, увѣшанный, какъ иконостасъ, крестами и огромными золотыми и серебряными медалями на шеѣ, стоялъ во главѣ экспедиціи.

Павле, худой и молчаливый, столь-же умудренный безчисленными походами и странствованіями, столь-же обильно украшенный знаками отличія, былъ ему надежнымъ помощникомъ... Это были старые герои кавказскихъ войнъ, заслужившіе понѣскольку Георгіевъ каждый, проведшіе всю жизнь въ бояхъ и въ горахъ. Оба

они знали на-память тропинки Дагестана, который не разъ случалось имъ проходить вдоль и поперекъ то съ вооруженной силой, то одинокими посланцами начальства по разнымъ важнымъ дѣламъ...

Цѣлый обозъ отправлялся съ нами въ негостепріимныя дебри, гдѣ нельзя по нѣскольку сутокъ достать куска хлѣба и стаканъ вина... Взваливали на коней бурдюки съ виномъ, укладывали въ куржины жаренаго барана, круги домашняго сыру, десятки большихъ пшеничныхъ хлѣбовъ, масло, огурцы, всякую всячину...

Множество лошадей, осѣдланныхъ и навьюченныхъ, толпилось на дворѣ передъ галлереею княжескаго дома...

Наибъ Толхатъ еще наканунѣ привелъ своихъ дидойцевъ провожать насъ изъ Ени-Сели черезъ свои владѣнія, и маленькій отрядъ этихъ нукеровъ, вооруженный какъ на войну, съ самаго разсвѣта терпѣливо ждалъ насъ въ тѣнистомъ углу двора...

Нукеръ по-лезгински то-же, что по-грузински чепаръ, всадникъ изъ свиты начальника, его конвойный...

Много разныхъ полезныхъ наставленій преподалъ намъ нашъ бывалый и осторожный хозяинъ, и, наконецъ, когда всѣ вьюки были готовы, и нукеры, подъ предводительствомъ своего наиба, воинственно выстроились передъ крыльцомъ, мы простились съ своими добрѣйшими хозяевами и сѣли на коней...

— Съ Богомъ! впередъ!...—скомандовалъ Максиме, скидая шапку и крестясь... Дружнымъ дѣловымъ шагомъ двинулся нашъ отрядъ изъ воротъ княжескаго дома, налѣво, въ горы, по той-же дорожкѣ, которую такъ недавно топтали веселые гости Натли-Семели. Радостно и жутко сжалось вздохнувшее сердце... Теперь всѣ препятствія назади, теперь кончились всѣ проволочки, вольныя и невольныя, и мы, наконецъ, у своего настоящаго, давно задуманнаго дѣла... Мы не оглядываемся больше никуда, мы ничего болѣе не

вспоминаемъ позади себя... Передъ нами медленно выростаетъ туманный и грозный, великiй хребетъ Кавказа... Наша душа, наши глаза и мысли теперь въ немъ и съ нимъ...

Не разговаривается, не разспрашивается... Люди словно не нужны теперь...

Пристываешь изумленнымъ взоромъ къ этимъ синѣющимъ громадамъ, загораживающимъ небо, словно кроликъ къ пасти страшнаго змѣя, и, какъ кроликъ, все неудержимѣе, все рѣшительнѣе стремишься въ эту разверстую пасть...

Кавказъ дѣйствительно засасываетъ и поглощаетъ въ себя человѣка, къ нему приближающагося.

Все шире и могучѣе распахиваются передъ нами объятiя его горныхъ громадъ. Круче и обрывистѣе дѣлаются подъемы, диче и грознѣе темнѣютъ ущелья; все ближе къ намъ, все выше, все осязательнѣе выростаютъ и надвигаются надъ нашею головою туманно-синiя твердыни хребта; робко и покорно отдается смущенное сердце человѣка въ этотъ роковой плѣнъ, безсильное бороться, подавленное необоримыми силами стихiй, во всеоружiи поднявшимися кругомъ...

Сплошные безъисходные лѣса, сначала яркозеленые, потомъ черные, какъ толпы монаховъ, лохматые, ощетинившiеся,—образуютъ густую гриву этого титаническаго хребта... Глазомъ не окинешь высоты стволовъ этой дѣвственной чащи, еще не слышавшей въ себѣ звука топора и скрипа колесъ.

*
* *

Кишмя-кишитъ звѣрь и птица въ этихъ вольныхъ прiютахъ...

Съ нами рядомъ ѣдетъ молчаливый и невзрачный Павле, великiй истребитель звѣрей... Это истинный кахетинскiй Патфайндеръ. На цѣлыя недѣли погружается онъ въ это зеленое море лѣсовъ, одинъ съ своимъ

вѣрнымъ ружьемъ, съ мѣшечкомъ хлѣба да зарядовъ, и, если-бы его воля, не вышелъ-бы никогда изъ своей дикой пустыни... Павле намъ повѣдалъ всѣ ея тайны. Онъ знаетъ звѣря въ-лицо, со всѣми его повадками и обычаями, какъ стараго друга и сожителя. Столько дней и ночей проводитъ онъ носъ-къ-носу съ нимъ!

Никто не укрылся отъ него, кто только живетъ въ лѣсу и на горахъ, кто только заходитъ въ эти лѣса и горы... Взгляните на его черепъ: онъ истерзанъ зубами медвѣдя, которому подмятый Павле успѣлъ, къ своему счастью, распороть кинжаломъ грузное брюхо... Не въ-диковинку Павле подсиживать ночью на глухой тропѣ кабана, пробирающагося къ ручью... Вонъ на той макушкѣ, гдѣ громадныя сосны оставили зеленую лысину, попалъ ему невзначай бородатый бѣлый барсъ, весь въ пятнахъ, лоснившійся какъ шелкъ... Мѣткая пуля Павле предупредила прыжокъ проворнаго хищника, и за одну шкуру рѣдкаго звѣря онъ взялъ въ Телавѣ больше абазовъ, чѣмъ за тушу жирнаго кабана.

Ушастыя рыси и дикіе коты тутъ то-и-дѣло лазаютъ по вѣткамъ, лопая сонныхъ птицъ, подкарауливая лисицъ и зайцевъ... Въ болотистыхъ ущельяхъ «свинота» хрюкаетъ, какъ въ добромъ хлѣвѣ, а повыше, по лѣснымъ буграмъ, по заоблачнымъ травянымъ лугамъ, безчисленными стадами пасутся олени, дикія козы, сайгаки и туры... Павле не разъ натыкался на табуны туровъ головъ по 50, по 100...

«Тура убить — самое пустое дѣло, по мнѣнью Павле. Пустите его,—онъ вамъ до вечера десятокъ настрѣляетъ, и медвѣдей штуки три до ночи бы приволокъ... Да только бить туровъ не изъ-за чего: лѣзешь за нимъ на такую кручу, что самъ еле держишься, убьешь — что съ нимъ дѣлать? Скотина грузная, не доволокешь одинъ по пропастямъ да утесамъ: поневолѣ бросишь. Орлы и дерутъ его ни за что! Только и есть барыша,

что рога выломаешь, на базаръ снесешь... А за рога всего 50 копѣекъ даютъ; заряда не стоитъ.»

Самъ Павле хотя и ничего себѣ охотникъ, какъ онъ говоритъ, — но у нихъ въ Кахетіи есть такіе, передъ которыми онъ ребенокъ маленькій... У нихъ такой есть одинъ, что разомъ отъ трехъ - медвѣдей отбился и всѣхъ троихъ убилъ... А тура, оленя—это всякій мальчикъ подстрѣлитъ; это какая-же охота? простодушно увѣряетъ насъ этотъ герой лѣсовъ...

Часто и громко запѣли горные потоки... Въ каждой ложбинѣ, черезъ каждую складочку горъ несутся они, нагоняя другъ друга, гудя и плескаясь,—это безчисленное юное племя водъ, полное веселаго говора и свѣжихъ нерастраченныхъ силъ...

Снѣга, ихъ родящіе, уже наравнѣ съ нами, уже залегаютъ, будто разбойники въ засадѣ, вездѣ кругомъ въ глубокихъ котловинахъ горъ, въ каменныхъ расщелинахъ утесовъ...

Жалко смотрѣть на бѣдныхъ коней!... То-и-дѣло останавливаются они, чтобы перевести духъ, чтобы сколько-нибудь успокоить свои мокрые дымящіеся бока, что безостановочно колотятся и двошатъ, будто кузнечные мѣхи...

Жара страшная, а подъемъ невообразимъ... Почти все время сидишь чуть не на шеѣ лошади; она надрывается изъ силъ, карабкаясь по обрывистому плитняку подъ угломъ 45°.

Нагайки не опускаясь стоятъ въ воздухѣ, надъ ушами лошадей, и несмолкающіе строгіе крики всадниковъ поддерживаютъ упадающую бодрость этихъ поразительно выносливыхъ тварей, терпѣливо несущихъ насъ на своемъ хребтѣ по этой исполинской пирамидѣ, выше снѣговъ и облаковъ, уже многіе часы сряду...

* * *

Кодорская башня, на вершинѣ перевала, уже давно маячится надъ нами, застилаемая повременамъ легкими облаками... Это—страстно желанный привалъ нашъ, первая назначенная стоянка послѣ того, какъ удастся одолѣть страшные труды подъема...

Но круча все увеличивается, доводя подчасъ до отчаянья... Такъ вотъ и ждешь, что измученная лошадь, какъ кошка растягивающаяся по камнямъ, сорвется назадъ... А назадъ и поглядѣть страшно...

Глянешь изподтишка, словно украдкою, уголкомъ глаза и сейчасъ-же спѣшишь отвернуться, чтобы не замутилась съ непривычки голова, чтобы не полетѣть съ сѣдла...

Но вотъ козья тропа довела насъ почти до самой вершины главнаго хребта и такъ рѣзко повернула налѣво вдоль обрывистаго края, что уже невозможно болѣе отворачиваться, невозможно болѣе не видать того, гдѣ теперь мы и надъ чѣмъ теперь мы...

Тропа забирала круто вверхъ вдоль обрыва, къ Кодорской башнѣ...

Съ правой стороны ея былъ послѣдній отвѣсный уступъ хребта, о который скребло и терлось мое плечо, мое правое колѣно... На самой тропѣ, слизанной и скошенной книзу, мѣстами совершенно осыпавшейся и перемытой дождемъ, лошадь едва-едва могла уставлять и осторожно проносить по-одиночкѣ свои привычныя сухія ноги... Слѣва, куда все толкало и коня и всадника, казалось мнѣ—отъ самаго неба до ада проваливалась бездонная пучина необъятнаго охвата, въ далекой глубинѣ которой, ярусами, куполами, гигантскими ступенями, синѣли, зеленѣли, бѣлѣли — горы, лѣса, утесы, черезъ которые мы поднялись на головокружительныя выси...

Сердце мое замерло отъ неожиданнаго впечатлѣнія и голова помутилась. Какое-то неудержимое инстинктив-

ное влеченіе вдругъ потянуло меня внизъ, и одно мгновенье мнѣ казалось, что это уже свершается... Казалось, я уже пошатнулся на сѣдлѣ...

Но это самое движеніе усугубило ужасъ и словно разбудило меня; я опомнился и оправился...

Сначала хотѣлось зажмурить глаза и бросить поводья, отдавъ себя на произволъ вѣрному коню...

Но потомъ воля побѣдила, заговорило самолюбіе... Я вспомнилъ, что передо мною ѣдутъ другіе, эти другіе—тѣ-же люди, какъ и я; вѣдь не я первый, не я послѣдній поднимаюсь въ Дагестанъ...

Упорно, упрямо, не отворачивая глазъ, я сталъ смотрѣть въ эту преисподнюю, зіявшую у моихъ ногъ, подъ которыми прекращалась земная твердь...

Все равно было необходимо когда-нибудь закалить себя отъ этихъ пустыхъ нервныхъ трепетовъ жителя равнины, совершенно незнакомыхъ горцу и совершенно невозможныхъ въ горномъ путешествіи... Такія пропасти, такія опасныя тропинки, конечно, на каждомъ шагу ждутъ насъ впереди...

Когда глазъ оглядѣлся и нѣсколько успокоилось напуганное сердце, ужасавшая меня бездна стала раскрывать предо мною всю поразительную красоту своихъ далекихъ и разнообразныхъ перспективъ...

Казалось, мы видѣли отсюда не только всю Кахетію, ленточкой вившуюся у подножья хребта, но и всю закавказскую равнину до самой Персіи... Знойный туманъ дня не давалъ однако ясно различать далей...

Нѣсколько разъ оступалась и скользила моя лошадь то по узкому косогору тропинки, то на глубокихъ поперечныхъ промоинахъ, ее перебивавшихъ... Испуганно встрепенется и заторопится бѣдный конекъ послѣ каждаго невѣрнаго шага своего и долго потомъ недовѣрчиво косится на пропасть, словно и онъ понимаетъ весь ужасъ и всю опасность, которыми грозитъ она намъ...

А у меня долго потомъ колотится вздрогнувшее сердце... На спутниковъ своихъ оглядываться было некогда только при поворотахъ скалы, по обрыву которой протоптана тропинка, мнѣ была видна надалеко растянувшаяся вереница всадниковъ, осторожно и неспѣшно ползущихъ по краю карниза...

Издали казалось, что они были прилѣплены, какъ мухи, къ обрыву скалы и висѣли въ воздухѣ надъ этою бездонною пропастью... Тогда за нихъ становилось еще страшнѣе, чѣмъ за себя, и не вѣрилось, чтобы они благополучно могли совершить эту мучительно-долгую переправу надъ разверзтымъ адомъ кромѣшнымъ...

*
* *

Вдругъ отчаянный крикъ—и глухой шумъ паденья раздался сзади насъ... Всѣ мы судорожно оглянулись... Отставшіе отъ насъ вьюки лѣпились теперь какъ-разъ посерединѣ карниза, въ самомъ тѣсномъ и опасномъ мѣстѣ... Выступомъ скалы задѣло за далеко отвисшіе набокъ чемоданы, и одна нагруженная лошадь кубаремъ полетѣла внизъ. Лошади вьюковъ связаны были другъ съ другомъ веревками. Нукеры, которые вели ихъ въ поводу, съ тщетными усиліями пытались остановить паденье животнаго, ухватившись за длинныя веревки и погоняя своихъ верховыхъ коней... Вотъ уже сами они до половины стащены съ обрыва и вынуждены поспѣшно выпустить свои арканы... Лихіе коньки однимъ прыжкомъ выносятъ ихъ на тропу. Весь караванъ нашъ остановился какъ вкопанный, пристывъ глазами къ несчастному животному, съ которымъ уносились въ пропасть самыя необходимыя принадлежности нашего путешествія...

По счастью, въ мѣстѣ обрыва была довольно мягкая осыпь, упиравшаяся внизу въ такой-же песчанистый холмъ...

Холмъ этотъ задержалъ катившуюся лошадь всего

только саженяхъ на двадцати глубины; хотя она не могла сама подняться на ноги отъ крѣпко навьюченной тяжести, но по тѣмъ усиліямъ, съ какими она выбивалась изъ-подъ нея, намъ было сейчасъ замѣтно, что она не особенно разбита паденіемъ. Быстро спѣшившіеся нукеры, держась за длинныя веревки, уже ползли внизъ по осыпи—развьючивать задыхавшуюся скотину и выручать багажъ...

Однако, дожидаться конца этого предпріятія, продолжая висѣть надъ пропастью, было неособенно удобно, и мы сочли за лучшее двигаться себѣ потихоньку дальше, къ Кодорской башнѣ, которая уже была у насъ на виду...

* * *

Наконецъ-то мы и у Кодорской башни!... Съ неописаннымъ удовольствіемъ слѣзали мы съ своихъ горячихъ сѣделъ и сейчасъ же, не отходя далеко, растянулись на травѣ подъ тѣнью башни, предоставивъ своимъ услужливымъ проводникамъ заботиться о лошадяхъ и о нашемъ насыщеньи... Какъ-разъ было время вздохнуть отъ утомленья, жары и дневнаго напряженья. Братъ находился въ такомъ-же возбужденномъ состояніи духа, какъ и я. Онъ не могъ вспомнить равнодушно о страшной пропасти, надъ которой мы только-что проползли...

Но это уже было прошлое, а пока желудокъ радостно располагался поработать, ноги и руки радостно готовились протянуться часика на два на гладкой зеленой полянкѣ; необыкновенно вкусны показались намъ снѣди и питія, которыми снабдили насъ въ дорогу заботливые хозяева Ени-Сели; за стаканъ вина, кажется, готовъ-бы былъ заплатить въ эту минуту цѣною золота! Широкая панорама далей, утопавшая глубоко въ нашихъ ногахъ, залитая полуденнымъ солнцемъ, не пугала теперь, а наполняла радостью ободрившійся взоръ, который спокойно наслаждался этою чудною

красотою великаго міра божьяго съ своей безопасной, надъ всѣмъ царящей выси...

* * *

Кодорская башня составляла собою родъ просторнаго блокгауза, гдѣ недавно еще стоялъ русскій караулъ; она сожжена лезгинами въ послѣднее возстаніе и теперь наполовину развалилась. Стража наша была обязана осматривать окрестность на 30 верстъ, оберегая спуски съ горъ отъ горскихъ разбойниковъ. Въ дни Шамиля тутъ стояло по 100 человѣкъ грузинской милиціи, и въ каждомъ маленькомъ ущельѣ дежурили посты; около нихъ на высокихъ шестахъ торчали кучи сѣна, которое зажигалось при первой тревогѣ. Безъ этой постоянной охраны бѣда была-бы мирнымъ поселянамъ Кахетіи отъ неустрашимыхъ мюридовъ Шамиля.

Когда-то на Кодоръ возили пушки и телеги, и мы видѣли, проѣздомъ, остатки уничтоженной шоссейной дороги, зигзагами опоясывавшей выступы хребта...

Внизу, въ защищенной впадинѣ горы, еще замѣтны остатки четырехъ-угольнаго укрѣпленія, солдатскихъ бань и бараковъ...

* * *

Мы завтракали не спѣша, болтая и любуясь далекими видами равнинъ и горъ, а надъ нами, съ подозрительнымъ вниманьемъ, съ угрожающимъ отрывистымъ клектомъ, летали и кружились орлы — цари этой горной пустыни... Они налетали такъ быстро и близко, что слышенъ былъ легкій свистъ ихъ сильныхъ и жесткихъ крыльевъ...

Хотѣлось-ли имъ урвать изъ нашихъ рукъ какой-нибудь аппетитно пахнувшій кусокъ баранины, или они задумывали ударомъ крыльевъ сбить въ пропасть съ макушки горы насъ самихъ, непрошенныхъ гостей ихъ воздушнаго царства, — это осталось ихъ тайною.

Клекотъ орловъ во всякомъ случаѣ былъ самою подходящею музыкою для нашего заоблачнаго пиршества. Здѣсь царство не однихъ орловъ, а еще и облаковъ, такихъ-же легкокрылыхъ, неутомимыхъ птицъ вольнаго поднебесья... Облака сначала наносились на насъ легкимъ сквозящимъ паромъ, потомъ вѣтеръ погналъ цѣлыя стаи ихъ, будто караванъ бѣлыхъ пушистыхъ лебедей... Они проносились мимо быстро и часто, совсѣмъ окуная насъ въ свое густое молоко и застилая все передъ глазами... Этотъ мелькающій, словно по глазамъ бьющій туманъ усыплялъ безъ того просившія сна, отяжелѣвшія вѣжды наши...

Орлы кружились и перекликались высоко въ синихъ безднахъ неба, вѣтеръ трепалъ кусты и одежды наши, бѣлыя флотиліи облаковъ неслись черезъ насъ наперегонку другъ друга, а мы, подъ напѣвы этихъ дикихъ пѣсенъ стихій, подъ ихъ однообразное укачиванье, спали себѣ безмятежнымъ сномъ счастливцевъ, одни въ своей горной пустынѣ, на вершинахъ великаго Кавказскаго хребта, поднятые на 10,000 футовъ надъ жилищами людей...

* * *

Наибъ разбудилъ всѣхъ и торопилъ къ отъѣзду. Дороги были очень опасны, аулы далеко, опаздывать было невозможно. Быстро переловили нукеры осѣдланныхъ коней, бродившихъ по простору горнаго пастбища, и вотъ мы опять на сѣдлѣ, опять двигаемся въ путь...

Что-то будетъ впереди? Неужто еще страшнѣе, еще опаснѣе, чѣмъ было сейчасъ?—задаешь самъ себѣ безмолвный вопросъ... Наибъ быстрымъ ходомъ удираетъ впередъ, во главѣ своихъ нукеровъ... Мы опять растянулись гуськомъ по тѣсной тропинкѣ.

Насъ всѣхъ 12 человѣкъ, и издали этотъ маленькій отрядъ съ головы до ногъ вооруженныхъ людей гораздо болѣе походитъ на какую-нибудь воинственную экспе-

дицію, чѣмъ на невинное странствованіе мирныхъ путешественниковъ.

На наиба глядѣть отрада: ему уже подъ 60 лѣтъ, а онъ неутомимъ, ловокъ, подвиженъ, какъ двадцатилѣтній юноша... Его плечистый станъ и лихая посадка выдѣляются даже среди этой молодецкой толпы горскихъ джигитовъ.

Вороной конь его — сама красота, само изящество. Ему цѣны нѣтъ здѣсь, въ этомъ хаосѣ скалъ и обрывовъ... Сухая нога его, крѣпкая какъ сталь, ступаетъ увѣренно, твердо и вмѣстѣ плавно, покачивая, какъ въ мягкомъ креслѣ, костистую фигуру наиба, неслышно вынося его на самыя обрывистыя кручи, безопасно спуская его чуть не по отвѣснымъ скатамъ...

Удалой конь этотъ идетъ, не сбиваясь, своею шагистою, спорою ходою, за которой наши лошади не поспѣваютъ даже рысью... Надежно и удобно оснащены и конь, и всадникъ на дальній путь. Все пригнано умно и ловко къ своему мѣсту, все подъ-рукою, что нужно, и ничего лишняго... Сейчасъ виденъ человѣкъ, выросшій на конѣ, воспитанный походами и для походовъ; онъ на своемъ сѣдлѣ—какъ у себя дома; нужно будетъ — пробудетъ на немъ мѣсяцъ; нужно будетъ— годъ... Съ вершинъ Кавказа отправится верхомъ въ Тегеранъ и Кабулъ, въ Петербургъ и Москву, и возвратится оттуда тоже верхомъ, и конь его будетъ также лосниться и играть, также бодро и споро покачиваться на своей удивительной ходѣ.

Это дѣйствительный начальникъ горцевъ, дѣйствительный старшина ихъ, не по одному только титулу. Они всѣ сами видятъ это и убѣждены въ этомъ. Не величайте его никакъ, не облекайте его ни въ какой санъ и чинъ, отправьте его просто въ походъ, въ опасное и трудное предпріятіе съ толпой этихъ удальцовъ — и онъ самъ собою очутится ихъ вождемъ...

Его вѣрный глазъ, его ловкая рука, его твердость, смѣлость и опытность заставляютъ его спутниковъ вѣрить въ него и идти за нимъ...

Онъ говоритъ мало, но видитъ все, напередъ обдумалъ все, что можетъ встрѣтиться, чего нужно ожидать...

И эта молчаливая, сосредоточенная въ себѣ увѣренность обаятельно дѣйствуетъ на толпу...

* * *

Званіе наиба, собственно говоря, равносильно уѣздному начальнику. Но въ этой патріархальной странѣ первобытныхъ восточныхъ нравовъ, удаленной почти отъ всякихъ сношеній съ міромъ законовъ и центральной администраціи, наибъ самая великая сила и самая великая власть!...

Но при такой власти, вызываемой живою обстановкою этой полудикой еще жизни и глубокими убѣжденіями самого полудикаго народа этого, наибы держатъ себя съ народомъ необыкновенно просто и доступно. Это такія-же дѣти горъ, дѣти аула, какъ и всѣ другіе жители. Всякій босоногій бѣднякъ смѣло подаетъ ему руку и смѣло говоритъ съ нимъ о своемъ дѣлѣ... Ледяная стѣна чиновническаго формализма и механической чиновничьей дисциплины, не имѣющей ничего общаго съ плодотворною внутреннею дисциплиною духа, еще не успѣла стать здѣсь между управляющимъ и управляемымъ, не успѣла расколоть народъ на два чуждые другъ другу и другъ друга непонимающіе слоя—чиновника и обывателя, людей безполезной самоудовлетворяющейся бумаги—съ одной стороны, а съ другой—людей непроходимой житейской неурядицы, до которой не доходитъ, на которую не дѣйствуетъ почти никакая формально совершенная мѣра канцелярской мудрости.

* * *

— Дидо! вдругъ сказалъ мнѣ торжественнымъ голосомъ Толхатъ, радостно сверкнувъ, среди черной, какъ смоль, поросли бороды, усовъ и волосъ своихъ, бѣлыми зубами и бѣлками глазъ.

Онъ неожиданно подъѣхалъ ко мнѣ и указывалъ пальцемъ на сплошные снѣга угловатыхъ вершинъ, вдругъ выглянувшіе изъ ближайшей лѣсной горы...

— Тамъ Дидо!... Тамъ Толхатъ!...

Онъ не могъ ничего больше сказать по-русски, но вся его осклабившаяся фигура расцвѣла какимъ-то необыкновеннымъ довольствомъ... Видимо, онъ соскучился долгимъ служебнымъ отсутствіемъ и теперь съ ребяческою радостью дикаря торопился возвратиться къ родному очагу...

Впереди насъ была страна дидойцевъ, направо пастбища капучей, налѣво—тушиновъ. Заманчивые альпійскіе луга, полные травъ и цвѣтовъ, стлались по плоскому темени горъ среди множества другихъ голыхъ и острыхъ...

Курчавыя лѣсистыя шапки, конусы, пирамиды толпились вокругъ нихъ, ярусомъ ниже...

Отсюда область Кавказскихъ горъ была видна въ макушку, со всѣми окаменѣвшими волнами своихъ безчисленныхъ вершинъ... Намъ нужно было постоянно спускаться съ заоблачной вершины хребта въ необозримую глубину ущелій, отрѣзающихъ его отъ другаго, такого-же громаднаго кряжа, и потомъ со дна этой темной тѣснины карабкаться по отвѣснымъ крутизнамъ на вершины слѣдующаго хребта, съ него опять спускаться въ бездну, изъ нея опять подъ облака, и такъ безъ конца, пересчитывая своими ребрами всѣ эти титаническіе пороги въ 8 и 10,000 футовъ, въ продолженіе нѣскольких дней.

* * *

На отвѣсныхъ скалахъ, покрытыхъ, какъ громадной щетиной, темными стволами лѣса, высоко надъ собою, мы вдругъ увидали разноцвѣтныя пятнышки пасущихся лошадей и овецъ.

Казалось невѣроятнымъ, какъ цѣплялись онѣ за эти поднятыя къ небу обрывистыя стѣны, какъ не посыпятся онѣ оттуда при малѣйшемъ неосторожномъ движеніи. А онѣ спокойно бродятъ и бѣгаютъ по этимъ убійственнымъ откосамъ надъ бездною въ нѣсколько тысячъ футовъ, и пастухи ихъ также хладнокровно, какъ онѣ, висятъ тамъ надъ нами на недосягаемой высотѣ, съ любопытствомъ всматриваясь оттуда въ нашу воинственную кавалькаду, не обращая ни малѣйшаго вниманія на глубину пропасти...

— Это баранта и лошади князя Іорама, который угощалъ насъ въ Натли-Семели, — сообщилъ мнѣ Максиме.

На другой горѣ, еще повыше, оказались табуны князя Георгія... Сосѣдніе кахетинскіе владѣльцы нанимаютъ у тушиновъ эти просторныя альпійскія пастбища и угоняютъ сюда скотъ на все лѣто... За пастьбу тушины получаютъ часть приплода.

Снѣговые завалы попадаются все чаще; это серьезно опасныя мѣста: отъ самаго поднебесья, съ какой-нибудь скалистой вершины, купающей свою макушку въ воздушной синевѣ, низвергается въ преисподнюю темнаго и узкаго ущелья тяжкая лавина снѣговъ и оставляетъ по себѣ сплошную, почти отвѣсную осыпь, обледенѣвшую и сплотнившуюся отъ прокатившейся массы снѣговъ...

Эти ужасныя англійскія горки своего рода, въ нѣсколько верстъ высоты, годныя развѣ для того, чтобы дьяволамъ скользить по нимъ въ свое подземное пекло, перегораживаютъ путь какъ нарочно въ каждой пазухѣ горы, при каждомъ рѣзкомъ поворотѣ ущелья, въ та-

кихъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ ни малѣйшей возможности обойти ихъ. Даже закаленный глазъ дидойца смотритъ съ сомнѣньемъ и тревогою на эти переправы шайтана. На одной изъ нихъ я было совсѣмъ пропалъ...

* * *

Мы всѣ спѣшились по командѣ наиба, уткнувшись въ глубокую впадину, перерѣзанную отъ неба до ада снѣговою осыпью... Даже горцы не рискуютъ переѣзжать ихъ верхомъ. Одинъ чепаръ принялъ моего коня, два другихъ, по молчаливому знаку наиба, хотѣли взять меня подъ руки, чтобы провести надъ головокружительною бездною по обледенѣвшему крутому скату снѣговъ... Обувь дидойцевъ подбита 2-мя тупыми гвоздями изъ стали въ вершокъ длины, какъ-разъ подъ среднимъ выгибомъ ступни, кромѣ надежныхъ гвоздей на каблукахъ... Поэтому имъ значительно удобнѣе ходить по льдамъ, даже помимо ихъ привычки и ловкости...

Наибъ шелъ какъ-разъ впереди меня, осторожно ощупывая путь, стараясь хотя нѣсколько протоптать слѣдокъ черезъ скользкій откосъ...

Но мнѣ показалось стыдно, какъ ребенку, прибѣгать къ чужой помощи.

«Если идетъ наибъ, почему не пройти и мнѣ; не боги-жь горшки лѣпятъ, тѣ-же люди...—утѣшалъ я самъ себя.—Невозможно быть бабой въ этой грозной обстановкѣ, среди окружающихъ меня смѣльчаковъ и удальцовъ...»

И я шелъ самоувѣренною поступью, стараясь смѣло глядѣть въ невообразимую глубь, куда гладкою, заледенѣвшею плитою, выполированною лавинами, обрывалась изъ-подъ самыхъ ногъ моихъ снѣговая осыпь...

«Плохо будетъ, если оборвешься!—настойчиво думалось мнѣ.—Загремишь туда, какъ на салазкахъ, и костей не соберутъ... Только мокро будетъ!...»

Куски льда и мелкіе камешки, обрываясь изъ-подъ

нашихъ ногъ, какъ-бы для иллюстраціи моихъ мыслей, дѣйствительно уносились по скользкой крутизнѣ съ быстротою молніи. Я невольно засматривался на нихъ и задумывался... Вдругъ обѣ ноги мои, очутившись на твердой непротоптанной корѣ льда, подломились, словно подстрѣленныя, и я полетѣлъ внизъ.

Испуганный крикъ брата и Максиме донесся до ушей моихъ...

Почему-то я вовсе не испугался паденія и въ надеждѣ на силу мышцъ своихъ разсчитывалъ ухватиться за какую-нибудь неровность...

Но молодцы дидойцы, видно, не въ первый разъ провожали черезъ снѣговые глетчеры неопытныхъ и неловкихъ путешественниковъ.

Быстро схватившись за руки другъ друга, они, можно сказать, покатились вмѣстѣ за мною, и наибъ успѣлъ подхватить меня своею могучею десницею въ самомъ началѣ моего паденія...

Меня стащили сконфуженнаго на верхъ и, уже не слушая моихъ протестовъ и увѣреній, повели дальше черезъ завалъ между двухъ дюжихъ нукеровъ, державшихъ меня сзади и спереди...

* * *

Пройдя обвалъ, Толхатъ, необыкновенно блѣдный, повидимому, очень напуганный этимъ приключеніемъ, за которое онъ считалъ себя отвѣтственнымъ, старался мнѣ объяснить что-то и по-русски и по-грузински, и по-дидойски, выразительно махая рукою сверху внизъ въ окружавшую насъ справа пропасть, изумленно качая головою и подкатывая свои синіе бѣлки...

Максиме отъ насъ отсталъ, и я не понялъ ровно ничего, кромѣ того только, что наибъ очевидно увѣщевалъ меня быть всегда подлѣ.

Мы съѣзжали въ это время въ дикую тѣснину, гдѣ ревѣла водопадами какая-то бѣшеная горная рѣчка.

— Какая рѣка, наибъ? спросилъ я Толхата, указывая для ясности пальцемъ на воду.

Толхатъ опять осклабился своею ласково-звѣрскою улыбкою и сверкнулъ радостно глазами...

— Вода—Дагестанъ! туда! махнулъ онъ рукою впередъ.—Дидо тутъ...—Онъ показалъ налѣво на горы... Дидойцы сами себя не причисляютъ къ Дагестану, а называютъ Дагестаномъ только область аварцевъ по Аварскому Койсу.

* * *

Рѣка оказалась Ори-Пхали, по-русски «двѣ воды». Дѣйствительно, когда мы съѣхали внизъ, то очутились у устья двухъ ущелій и двухъ потоковъ, соединявшихся здѣсь въ одну рѣку.

Грузинское имя рѣки заставляетъ думать, что въ древности страна дидойцевъ была населена племенемъ грузинъ, точно также какъ несомнѣнно доказано грузинское происхожденіе тушинъ, пшавовъ и хевсуръ, западныхъ сосѣдей дидойцевъ. Мы спустились на дно живописнаго ущелья по головоломному спуску, узенькому, страшно-крутому и обрывистому...

Здѣсь назначенъ былъ небольшой привалъ... Лошадей пустили въ сочную траву, въ которой онѣ спрятались по брюхо, а мы разлеглись на бережку рѣки въ прохладной пещерѣ скалы, куда Максиме сейчасъ-же притащилъ всякія питательныя, прохладительныя и горячительныя снадобья изъ нашихъ неистощимыхъ курджинъ. Пещера эта, конечно, не разъ служила для засады и перестрѣлокъ воинственнымъ хищникамъ, обитающимъ въ этихъ заоблачныхъ ущельяхъ.

* * *

Наибъ, однако, не принялъ участія въ трапезѣ, а удалился саженъ на 50 отъ насъ вверхъ по теченью рѣки, чтобы исполнить полуденный намазъ.

Онъ раздѣлся почти до-нага и неспѣшно омывалъ въ рѣкѣ части тѣла, указанныя въ Коранѣ.

Потомъ онъ разостлалъ на травѣ войлокъ изъ-подъ сѣдла своего и ставъ босой на колѣна, лицомъ къ востоку, долго молился и кланялся, глядя на небо...

Когда я оглянулся въ другую сторону внизъ по рѣкѣ, то увидалъ, что весь берегъ былъ покрытъ въ разныхъ мѣстахъ нашими нукерами, отправлявшими намазъ; кто мылся, кто молился, поднявъ высоко голову, кто лежалъ лицомъ на землѣ... Эта стойкость мусульманъ въ исполненіи обрядовъ своей религіи всегда, вездѣ и при всѣхъ обстоятельствахъ,—имѣетъ въ себѣ много трогательнаго и поучительнаго.

Каждый правовѣрный обязанъ произвести въ день по крайней мѣрѣ 4 намаза: утромъ, въ полдень, вечеромъ и съ наступленіемъ ночи. Если нѣтъ воды, онъ долженъ взять хоть горсть песку.

Благочестивые производятъ намазъ ежечасно...

Печатью генія былъ проникнутъ тотъ избранный духъ, который съумѣлъ вкоренить въ полудикіе народы Азіи и Африки эти идеальныя стремленія къ чистотѣ, къ исполненію закона, къ подчиненію своихъ поступковъ чьей-то высшей и разумнѣйшей волѣ, хотя-бы въ такой внѣшней и частной формѣ... Среди зноя и заразительныхъ міазмовъ восточной природы, среди равнодушной неподвижности и сосредоточенной страстности восточнаго человѣка, чистота тѣла—прообразъ и начало чистоты духа—должна была неминуемо стать основнымъ камнемъ нравственныхъ воздѣйствій закона на общество, намазъ — омовенье тѣла — корнемъ всѣхъ обрядовъ.

II

Дидойскіе «орлы»

УЖАСЫ дагестанскаго странствованія разростаются все больше; какъ ни многаго ждалъ по разсказамъ и описаніямъ, но то, что испытываешь въ дѣйствительности, превосходитъ безъ сравненія все то, чего ожидалъ. «Не уявися, что будетъ!»

Этимъ выраженіемъ Священнаго писанія можно смѣло напутствовать всякаго путешественника, рѣшающагося принять крещенье дагестанскихъ горъ, чтобы закалить себя въ немъ отъ всякихъ послѣдующихъ страховъ и опасностей... Не уявися, что будетъ!...

Мы выкарабкиваемся теперь изъ темнаго лѣснаго провалья, гдѣ реветъ и бьется Ори-Цхали, куда мы залѣзли Богъ знаетъ съ какой кручи,—на другую кручу, еще недоступнѣе, еще невозможнѣе...

Тяжкая каменная плита какъ-то бокомъ навалилась на ущелье, и по ея голому неодолимому косогору, все время вися надъ бездной провала, скользя и срываясь копытами, неистово дыша, колотясь ребрами, разинувъ рты и обливаясь пóтомъ, несчастныя лошади наши, вытянувшись какъ змѣи, царапаются вверхъ по безпрерывно извивающейся тропинкѣ, часто чуть удерживаясь на скользкой крутизнѣ одними ноготочками своихъ копытъ, спотыкаясь о камни, съѣзжая вдругъ нѣсколько шаговъ назадъ и внизъ вмѣстѣ съ осыпью, судорожно вспрыгивая оттуда впередъ, на каждомъ шагу, въ каждую минуту готовыя полетѣть вмѣстѣ съ нами головой внизъ, въ зіяющую подъ нами пропасть. Намахались наши руки, пообтрепались наши нагайки, накричались наши глотки, пока мы одолѣли этотъ проклятый подъемъ и вылѣзли, наконецъ, со дна этого чортова котла на свѣтъ Божій...

Одинъ невѣрный шагъ, одна минута усталости и упадка энергіи въ лошади,—и все кончено...

Оттого-то и приходится такъ безжалостно бодрить ее шпорами и нагайкой...

Чудеса—что только выносятъ, гдѣ только проносятъ человѣка эти неимовѣрныя горскія лошаденки...

* * *

Какъ ни жутко взбираться на эту косую стѣну, а дикая красота ущелья стоитъ передъ глазами, наполняетъ душу...

Мы поднимаемся, и съ нами вмѣстѣ поднимаются верховья двухъ ущелій, изъ которыхъ низвергаются потоки Ори-Цхали...

На той сторонѣ пропасти, видныя намъ теперь отъ макушки до пятокъ, встали исполинами отвѣсныя, лѣсистыя горы и смотрятъ намъ прямо въ лицо, какъ равныя равнымъ, такъ близко, рукой подать... А кругомъ по скатамъ горъ, даже по сухому плитняку, травы и цвѣты роскоши дивной...

Азаліи нѣжнаго палеваго цвѣта убираютъ неохватными сплошными коврами каменистыя ребра скалъ; великолѣпныя желтыя лиліи, колокольчики, незабудки, ярко-розовая персидская ромашка, огромныя центавріи, голубая аквилегія съ бѣлою серёдкою, оранжевые крестовики и всякіе другіе знакомые цвѣты, только несравненно ярче и роскошнѣе нашихъ, заткали сочную землю этихъ заоблачныхъ луговъ...

Ради кого развернуты здѣсь съ такою щедростью всѣ эти обильныя чудеса красокъ, формъ, запаховъ, поднятыя на недоступную высоту поднебесья?...

Чувствуетъ-ли ихъ своимъ сердцемъ хищника одичавшій дидоецъ, что равнодушно травитъ своей барантой эти цвѣты и травы, или собратъ его — бурый орелъ, плавающій надъ этими чудными горными лугами, чтобы

высмотрѣть среди нихъ себѣ въ поживу мышенка или сурка?...

* * *

Начинаютъ наконецъ попадаться по дорогѣ и дидойцы.

Должно быть, мы подъѣзжаемъ близко къ ихъ ауламъ.

Всѣ они смотрятъ оборванцами и разбойниками, въ своихъ сѣрыхъ лохматыхъ папахахъ, что мотаются клочьями по лицу. Они почти всѣ русые, остроносые; разъ увидишь—и вездѣ потомъ узнаешь дидойца. Одежда на нихъ грязна невыносимо. Они не знаютъ, что такое значитъ перемѣнить рубашку. Бѣлье тлѣетъ на нихъ и сваливается безъ ихъ заботъ; тогда поневолѣ надѣвается чистое. Все тѣло свое дидоецъ смазываетъ бараньимъ жиромъ. Это дѣлаетъ его очень сносливымъ и гибкимъ; никакая простуда не ухватится за него. Но за то грязь и вонь насквозь проникаютъ его платье и все его существо.

На ногахъ у нихъ очень своеобразная обувь — вязаные башмаки на такихъ-же толстыхъ вязаныхъ подошвахъ.

Въ нихъ мягко и свободно ногѣ, постоянно шагающей по камнямъ.

Господи! да и бѣгаетъ-же дидоецъ.

Это не люди, а какія-то летучія кошки, безъ вѣсу, безъ устали...

Нѣкоторые изъ нихъ, встрѣтившись съ наибомъ, съ дружелюбнымъ достоинствомъ пожимаютъ ему руку и поворачиваютъ назадъ, провожая насъ ради почета... Они все время идутъ около стремени наиба, ѣдетъ-ли онъ рысью или шагаетъ, безъ умолку что-то разсказывая ему и не отставая ни на одинъ вершокъ... Придетъ ручей, рытвина, осыпь, шатающееся бревно черезъ рѣку,—они, не глядя и не думая, словно не своей силой,

переносятся черезъ нихъ и бѣгутъ себѣ опять своими неслышными мягкими шажками, продолжая болтать и размахивать руками. Кажется, просто по воздуху несется, почти земли не касаясь, не замѣчая ни камней, ни крутизны, ни спусковъ, ни подъемовъ... Подумаешь— они сдѣланы изъ какой-нибудь пробки или резины, а не изъ обыкновеннаго тѣла человѣческаго.

Взглянешь невзначай на эти рыжія оборванныя фигуры, прыгающія кругомъ насъ, пронизывающія насъ своими хищными и любопытными глазами,—и почудится, что это окружила насъ стая какихъ-нибудь проворныхъ чекалокъ, облизывающихся на наше добро, кровожадныхъ и трусливыхъ, пропитанныхъ вонью пожираемой ими падали...

* * *

Впрочемъ, это не одно мечтаніе художника. Объ этомъ лучше всего знаютъ Максиме и Павле, провожатые наши.

Они разсказываютъ намъ своимъ простодушнымъ языкомъ очень любопытныя, но далеко не успокоительныя вещи объ этихъ дидойцахъ, что теперь толпою провожаютъ насъ, о тѣхъ самыхъ горахъ и тропинкахъ, по которымъ мы ѣдемъ, о тѣхъ самыхъ аулахъ, которые видны теперь намъ и въ которыхъ мы намѣрены искать пріюта...

Врядъ-ли кто будетъ имѣть другой случай такъ близко и лично познакомиться съ картою и всѣми живыми подробностями нашего послѣдняго дагестанскаго возстанья, какъ поневолѣ теперь знакомимся съ нимъ мы, выслушивая безхитростные разсказы провожающихъ насъ скромныхъ героевъ о недавнемъ прошломъ...

И Максиме, и Павле, оба въ 1878 году прошли Дагестанъ черезъ Дидо и Капучи въ отрядѣ князя Георгія Джоржадзе, съ оружіемъ въ рукахъ и, конечно, не въ первый разъ. Недаромъ у нихъ на груди бол-

тается по нѣскольку Георгіевъ, золотыхъ и серебряныхъ.

Какъ только увидѣли мы среди котловины горъ живописное озеро Хупро, кажется, единственное въ Дагестанѣ, и дальше, на обрывистой голой горѣ, мрачные силуэты аула Хупро, вырѣзавшіеся на жаркомъ синемъ небѣ,—такъ и осадили нашего лихаго Максиме воспоминанія о скверныхъ дняхъ, пережитыхъ имъ на этихъ пустынныхъ высотахъ.

— Плохой тутъ народъ, разбойникъ на разбойникѣ! безнадежно махнулъ онъ рукою, словно говоря самъ съ собою, хотя ѣхалъ около меня...

— А что? развѣ попадался къ нимъ когда? спросилъ я...

— Вотъ! да они было всѣхъ насъ тутъ покончили, когда война турецкая была; и Георгія князя, и Кико, что вотъ въ Телавѣ васъ принималъ, и насъ всѣхъ... Мошенникъ народъ! Обманули насъ, какъ малыхъ ребятъ! Пришли мы подъ Хупро съ отрядомъ; отрядъ небольшой, милиція больше; стали вонъ тамъ на горѣ, что за лѣсомъ, видите макушку зеленую; разбили палатки. Приказалъ князь явиться старшинамъ дидойскимъ, наказать хотѣлъ ихъ за то, что баранту отняли у тушинъ, пастуховъ перерѣзали... Пришли тише воды, кланяются, прощенья просятъ, говорятъ—не мы рѣзали, не мы отгоняли, мы, говорятъ, вѣрны бѣлому Падишаху, обѣщали на завтра молока принести солдатамъ, сыру, баранины...

Князь и повѣрь имъ, отпустилъ... Сварили кашу, полегли спать. А ночь претемная. Караульные-то и засни, думаютъ—кто тронетъ. А они, подлецы, вскарабкались не хуже кошекъ вонъ по тѣмъ скаламъ, гдѣ и днемъ-то на веревкахъ не поднимешься, перерѣзали караульнымъ горла, постолкали ихъ въ пропасть, да и проползли къ намъ въ палатки... Всѣ котлы наши

унесли. Проснулся кто-то, поднялъ тревогу, изъ ружья ударилъ, вскочили мы, — спросонья ничего не видать... Палимъ зря другъ въ друга изъ ружей, со стороны свои за лезгинъ кажутся... Сколько народу своего сами перебили... А они засѣли въ лѣсу, по деревьямъ да за камнями ихъ-то не достанешь, а они въ кучку нашу на ружейный огонь и сыплятъ пулями безъ промаху. Страсть сколько положили... Сорокъ человѣкъ убитыхъ и пораненныхъ къ утру насчитали. Стало свѣтать, тутъ только они подались, потому ихъ видать стало; тутъ ужь князь и нашимъ отступать приказалъ.

— Тѣхъ-то, я думаю, никого не осталось, замѣтилъ я:—послѣ усмиренія, навѣрное сослали куда-нибудь въ Россію или разстрѣляли...

— Какое сослали! опять махнулъ рукою Максиме.— Они всѣ тѣ-же самые... Можетъ, 4, 5 человѣкъ и попались, которыхъ начальство замѣтило... Да что тутъ говорить,—вонъ, видите, старикъ, что въ шапкѣ рваной съ наибомъ разговариваетъ... Я этого подлеца своими глазами видѣлъ, какъ онъ изъ лѣса въ насъ палилъ... Я его давно знаю еще съ старыхъ походовъ, онъ у нихъ первый запѣвала на все... И какъ это ему все съ рукъ сходитъ, Господь знаетъ!... Другой безъ вины попадается, а онъ вонъ всему дѣлу затѣйщикъ, а цѣлъ... Я тогда сказывалъ про него князю... Не знаю, забылъ развѣ...

Я невольно оглянулся на этого низенькаго сутуловатаго старика съ волчьимъ выраженіемъ лица, съ клочьями сѣдоватой щетинистой бороды; онъ словно почуялъ, что рѣчь идетъ о немъ, и злобнымъ взглядомъ своимъ, искаженнымъ еще больше притворно-заискивающею улыбкою, подозрительно косился теперь на насъ...

— Всѣ они хороши, всѣ такъ и смотрятъ, какъ-бы горло тебѣ перекусить!..—продолжалъ между тѣмъ фило-

софствовать Максиме, безцеремонно разглядывая шедшихъ около него дидойцевъ и нисколько, повидимому, не избѣгая, чтобы они поняли его...—Только и ласковы, когда палка въ рукахъ... А ихъ бы сила взяла, задали-бы они!...

Максиме чувствовалъ себя въ несомнѣнномъ обладаньи тою силою и тою палкою, которая сдерживаетъ дидойцевъ, и ѣхалъ поэтому среди нихъ, презрительно посматривая на всю ихъ оборванную толпу, какъ торжествующій побѣдитель среди живыхъ трофеевъ своей побѣды...

— Вотъ и этотъ былъ, вонъ тотъ длинный, рыжеволосый! Тоже знакомецъ! вдругъ вскрикнулъ Максиме, будто напалъ на неожиданно-пріятную находку... Онъ указывалъ мнѣ пальцемъ, чуть не въ упоръ, въ лицо шедшаго неподалеку дидойца.

Тотъ, повидимому, понялъ, о чемъ говорили мы, потому что мотнулъ отрицательно головою и, оскаливъ насмѣшливо зубы, отвернулся въ сторону...

* * *

Передъ ауломъ опять приходится спускаться...

Теперь ужъ какъ-то больше привыкъ къ этимъ спалзываньямъ въ пасть бездны.

Цѣлая отвѣсная плоскость, поставленная на ребро, поднимается надъ нами подъ самое небо, сплошь затканная желтыми цвѣтами...

Внизу опять реветъ, крутится и пѣнится черный потокъ... Мы ломимся внизъ черезъ тѣсныя галлереи древесныхъ стволовъ, черезъ буреломъ, безобразно наваленный по крутому скату...

Вотъ наконецъ и аулъ Хупро.

Чисто-разбойничій вертепъ! Это мрачныя пещеры изъ сѣраго шифернаго камня, обращенныя въ бойницы... Многими ярусами спускаются онѣ вокругъ скалы, на-

сыпанныя другъ на друга, образуя собою какъ-бы ступени исполинской лѣстницы...

Тутъ ничего не горитъ, все камень и каменистая земля!... Нигдѣ ни кустика, ни деревца. Одинъ только голый, сухой, безотрадный камень... Оконъ тоже нѣтъ— только чернѣютъ пустыя узкія дырья, сквозь которыя можно просунуть дуло ружья изъ этихъ блиндированныхъ казематовъ.

Не весело, должно быть, живется въ этихъ черныхъ оголенныхъ жилищахъ, торчащихъ какъ грачиныя гнѣзда на сухомъ деревѣ...

Не веселы должны быть и характеры людей, которыхъ воспитываетъ такой домъ, такая обстановка...

Безлюдно и безплодно все кругомъ на обнаженныхъ плитнякахъ этой, какъ чугунъ черной, заоблачной горы, тяжко навалившейся на суровую лѣсную тѣснину...

* * *

Дидойцы недаромъ называютъ себя «цези», т. е. орлы, хотя остальные дагестанцы столь-же мѣтко и заслуженно называютъ ихъ не орлами, а «оборвышами» (цунта). Они живутъ дѣйствительно какъ орлы, какъ коршуны, какъ всѣ хищныя птицы горъ, высоко свивая свои гнѣзда на обглоданныхъ утесахъ, откуда имъ видно все далекое поле ихъ добычи, гдѣ ихъ нельзя никому достать...

Какъ орлы, они питаются только клювомъ и когтями своими, налетая быстрыми крыльями на робкихъ звѣрей степи, на слабыхъ и неповоротливыхъ домашнихъ птицъ... У нихъ сердце крылатыхъ хищниковъ, ихъ сноровка, ихъ образъ жизни...

Такіе-же смѣлые, легкіе, ловкіе, такіе-же неутомимые, такіе-же безсовѣстные.

* * *

При нашемъ приближеніи цѣлая встревоженная толпа высыпала изъ домовъ... Они давно уже завидѣли,

зачуяли насъ, пожалуй, еще тогда, когда мы только-что перебрались черезъ Кодорскій перевалъ...

Всѣ плоскія земляныя крыши полны дѣтей и женщинъ; повылѣзли даже горбатыя, на четвереенькахъ ползающія старухи, съ клювами вмѣсто носовъ, съ круглыми, глубоко впавшими глазами, свѣтившимися изъ своихъ темныхъ впадинъ, какъ злые глаза филина...

Эти внезапно выросшія пестрыя группы живыхъ фигуръ, словно окаменѣвшихъ на ступеняхъ скалы, придали особенную живописность картинѣ дикаго аула, въ который медленно въѣзжали мы, звеня подковами по сухому плитняку...

Съ безпокойнымъ недоумѣньемъ поглядывали на наиба и на насъ эти страшныя разбойничьи рожи въ лохматыхъ растрепанныхъ папахахъ, словно только-что вернувшіяся съ какого-нибудь кроваваго грабежа...

Хотя они почтительно прикладывали ладони ко лбу и съ кажущимся дружелюбіемъ пожимали руки наибу, однако, они производили на насъ впечатлѣніе чего-то враждебнаго и озлобленнаго... Видно, память о недавней рѣзнѣ съ русскими и о разореньи Хупро еще была слишкомъ жива среди нихъ... Впереди всѣхъ стоялъ хаджи въ чалмѣ, въ синей мантіи, съ недовѣрчивымъ и коварнымъ лицомъ, очевидно, заправила всего аула... Наибъ что-то долго говорилъ съ нимъ, и онъ скалилъ свои рѣдкіе лисьи зубы, почтительно, но рѣшительно отмахиваясь головою... Наибу, кажется, хотѣлось устроить въ Хупро намъ ночлегъ, но хаджи увѣрялъ его, что у нихъ въ аулѣ нѣтъ ни одной просторной и чистой сакли и что намъ гораздо лучше добраться до Эль-Бахо, благо солнце еще высоко... Я съ любопытствомъ разсматривалъ эту стаю хищныхъ звѣрей, вспугнутую въ своемъ логовищѣ, и живо представлялъ себѣ, какъ тотъ-же рѣдко-зубый хаджи въ высокомъ

тюрбанѣ, всего только два года назадъ, съ бѣшеной пѣною у рта, взывалъ къ этой дикой толпѣ, убѣждая ее идти рѣзать собакъ московъ, довѣрчиво расположившихся на сосѣдней горѣ.

* * *

Но любопытны были не однѣ эти лохматыя, суровыя фигуры горныхъ хищниковъ... Я не отрывалъ глазъ отъ толпы женщинъ, тѣсно набившейся на всѣ плоскія кровли сосѣднихъ домовъ...

Нарядъ дидойскихъ женщинъ пахнетъ самыми отдаленными вѣками и глубокимъ Востокомъ... Можетъ быть, это еще мода, занесенная сюда въ горы какими-нибудь арабами VII-го вѣка...

Широкія темно-красныя мантіи изъ кумача покрываютъ сзади голову и все тѣло дидойки, одѣтой въ темную синюю рубаху; мантіи эти перехвачены складками на шеѣ и спускаются до самыхъ ногъ.... Онѣ выложены сплошными рядами старинныхъ серебряныхъ монетъ, расшиты серебромъ, оторочены разными подвѣсочками и бахромою въ той части своей, которая покрываетъ голову... Говорятъ, тутъ найдешь иногда монеты древнѣе и интереснѣе, чѣмъ въ любомъ нумизматическомъ музеѣ, египетскія, персидскія, арабскія, римскія, монгольскія и, пожалуй, такія, какихъ мы совсѣмъ еще не знаемъ...

Въ этихъ воровскихъ гнѣздахъ, спрятанныхъ въ самое поднебесье, никогда не знавшихъ ни торговли никакихъ мирныхъ сношеній съ другими народами. — могла сохраняться въ теченіе столѣтій и даже тысячелѣтій какая-нибудь цѣнная добыча, приносимая уцѣлѣвшимъ разбойникомъ изъ разграбленныхъ имъ городовъ и царствъ роскошнаго Закавказья.

Эти сверкающіе кусочки серебра дѣлались единственною наслѣдственною драгоцѣнностью семьи, украшая поочереди десятки женскихъ поколѣній, чередовавшихся

другъ за другомъ, и должны были поэтому сберегаться пуще глаза, какъ святыня дома.

Во всякомъ случаѣ, меня поразило богатство этихъ крайне неудобныхъ и неловкихъ женскихъ одеждъ дидоекъ, такъ заботливо и затѣйливо убранныхъ, сравнительно съ неряшествомъ ихъ оборванныхъ мужей, величающихъ себя «орлами».

* * *

Дѣлать было нечего; пришлось спускаться опять по такой-же кручѣ, опять въ такое-же провалье, какихъ уже много насчитали мы своими ребрами...

Внизу на ручьѣ проѣхали мимо горской мельницы-колотушки самаго первобытнаго устройства, съ стоячимъ валомъ, съ проведеннымъ къ нему узенькимъ каналомъ воды, типа еще библейскихъ временъ... Запоздать было страшно въ этихъ трущобахъ, и наибъ совѣтовалъ гнать коней не жалѣя. Самъ онъ показывалъ примѣръ, надалеко опередивъ насъ на своемъ лихомъ скакунѣ, словно шутя переносившемъ его съ горы на гору...

Солнце уже давно зашло за громадную лѣсистую гору, когда мы очутились у подножья скалы, на которой стоитъ аулъ Эль-Бахо. Самъ чортъ переломаетъ себѣ ноги, пока взберется по этой невообразимой кручѣ, черезъ хаосъ всюду разбросанныхъ угловатыхъ камней, къ первымъ жилищамъ аула.

Утомленныя лошади просто изъ силъ выбились, такъ что на половинѣ горы мы послѣзали съ нихъ и стали карабкаться на своихъ на-двоихъ...

Господи! Что за жизнь... За всякою кружкою воды, за всякою вязанкою сѣна нужно мѣрять ежедневно по нѣсколько разъ эти дьявольскіе утесы... Непролазная грязь и вонь царятъ въ аулѣ, не смотря на высоту утеса и на камень почвы...

Плоскокрышія сакли, въ 2 и 3 яруса, на-половину врытыя въ скалу, тѣснятся такъ другъ къ дружкѣ,

что между ними съ трудомъ можетъ пролѣзть лошадь или быкъ... Эти всегда темные, всегда сырые переулки, на которые дидойская хозяйка выливаетъ не раздумывая все, что ей нужно вылить, сочатся и текутъ внизъ, навстрѣчу путнику, даже въ жаркій день, какъ отводы помойной ямы, пропитывая воздухъ аула своимъ уматерѣвшимъ зловоніемъ... Они вьются змѣею между неправильно скученныхъ жилищъ все выше и выше, по всѣмъ поворотамъ и уступамъ утеса, круто, какъ на стѣну, такъ-что порою, въ безнадежномъ отчаяніи, хочется опуститься на четвереньки и ползти себѣ помаленьку, забывъ всякій стыдъ, этимъ безопаснымъ, хотя и недостойнымъ двуногаго Homo sapiens — собачьимъ манеромъ... А тутъ, какъ нарочно, нашъ тернистый путь дѣлается еще болѣе мучительнымъ черезъ стаи голодныхъ, отощавшихъ собакъ, которыя съ нескрываемымъ аппетитомъ бросаются къ нашимъ икрамъ, къ нашему носу, защищая отъ насъ доступъ въ аулъ, будто толпа отчаянныхъ джигитовъ...

Всѣ крыши залиты дѣтьми и женщинами, изумленно созерцающими приближеніе незнакомыхъ и странныхъ людей... Хоть-бы одинъ ротъ разинулся унять собакъ, которымъ такъ ловко однимъ прыжкомъ сверху скусить носъ обезсиленному, долу склоненному пѣшеходу... Они, к нальи, еще, кажется, подсмѣиваются и злорадствуютъ надъ нашимъ бѣдственнымъ восхожденіемъ, поталкивая другъ друга локтями, прячась со смѣхомъ за плеча сосѣда, чуть-чуть не уськая на насъ...

Я увѣренъ, что отъ этого удерживаетъ ихъ только одно присутствіе наиба и его лихихъ нукеровъ съ нагайками...

А то какую веселую травлю задали-бы они сейчасъ... Я вижу это по разгорѣвшимся, широко раскрытымъ на насъ глазамъ этихъ юныхъ волченковъ...

* * *

Наконецъ, насъ остановили у сакли, прилѣпленной къ скалѣ и совершенно висѣвшей надъ пропастью... Пока нукеры возились съ лошадьми и вьюками, хозяинъ повелъ насъ и наиба внутрь сакли... Лѣзть въ нее нужно было по дереву съ вырубленными ступенями... Въ нижнемъ этажѣ сакли былъ хлѣвъ для скота, повыше—зимнее жилище съ очагомъ и съ придѣланнымъ спереди балкономъ для лѣтняго ночлега хозяина... Открытый спереди навѣсъ, надъ задней половиною плоской крыши, устраивался на всякій случай для гостей, для домашнихъ работъ... Въ хозяйскомъ помѣщеніи была такая жара, вонь, тѣснота и грязь, такой безпорядокъ, что мы уговорили наиба ночевать прямо на крышѣ, подъ навѣсомъ...

Ктому-же отсюда можно было сколько душѣ угодно любоваться оригинальною и грозною картиною, охватившей насъ въ этихъ глубокихъ нѣдрахъ непочатой горной дичи...

Мы растянулись на своихъ буркахъ на гладко утоптанной крышѣ дома, въ ожиданіи давно желанныхъ снадобій, которыя незамѣнимый Максиме уже терпѣливо извлекалъ изъ насквозь пропотѣвшихъ куржинъ...

На одной высотѣ съ нами,—кажется, такъ близко отъ насъ, — и гораздо выше насъ, гораздо дальше, стоятъ и сидятъ на такихъ-же плоскихъ крышахъ, неподвижно пристывъ къ намъ глазами, женщины, завернутыя въ свои красно-синія широкія одежды, сверкающія серебромъ, хорошенькія глазатыя дѣтишки въ мохнатыхъ шапкахъ и буркахъ... Безпечно свѣсивъ свои голыя, болтавшіяся ноги съ края сакли, они толкаютъ и дергаютъ другъ друга, показывая другъ другу изумляющія ихъ подробности нашей путевой обстановки, ни малѣйшимъ образомъ не заботясь о томъ, что они висятъ надъ пропастью въ нѣсколько тысячъ футовъ, которой дна уже нельзя разглядѣть теперь въ туманахъ

вечера. Одинъ неосторожный толчокъ, одно разсѣянное движеніе, — и нѣтъ человѣка, нѣтъ даже праха его...

Несомнѣнно, что много горскихъ дѣтей должно погибать отъ этого вѣчнаго сосѣдства ихъ съ бездною... Никакая привычка не спасетъ отъ случайнаго увлеченія, отъ минутной забывчивости... Въ разгарѣ дѣтской игры или драки трудно не оступиться, не обчесться на полшага, трудно и не задремать ребенку въ длинные часы знойнаго лѣта, сидя безъ дѣла въ-одиночку на краю крыши, созерцая изо-дня-въ-день все тѣ-же горы, все тѣ-же пропасти, все тѣ-же облака, молчаливо поджидая возвращенія съ поля матери или отца съ охоты изъ лѣсу...

По скалѣ начинается какая-то бѣготня... Стада маленькихъ коровокъ карабкаются наверхъ, гонимыя снизу крикомъ и палками пастуховъ.

Изъ всѣхъ саклей спѣшатъ имъ навстрѣчу женщины и дѣвушки, разбирать свою скотину... Онѣ бѣгаютъ вверхъ и внизъ по этимъ непроходимымъ кручамъ, черезъ эти каменныя осыпи, догоняя коровъ, такъ-же просто, какъ мы бѣгаемъ по паркету своихъ половъ...

*
* *

Среди насъ уже появился кувшинчикъ съ виномъ, и мы съ волчьимъ аппетитомъ уплетаемъ свои дорожные припасы, запивая ихъ бодрящею струею енисельскаго нектара. А вокругъ насъ, между тѣмъ, собираются мало-по-малу возвратившіеся съ своихъ работъ жители Эль-Бахо...

Оборванные, въ огромныхъ лохматыхъ шапкахъ изъ бѣлой овчины, въ длинныхъ по пятки буркахъ, такихъ-же бѣлыхъ, такихъ-же лохматыхъ,—они столпились кругомъ насъ и стоятъ безмолвно, опираясь на свои ружья, не отрывая отъ насъ удивленныхъ глазъ, съ любопытствомъ слѣдя за всѣми движеніями нашими...

Все больше и больше, неслышной поступью, подходитъ ихъ снизу на нашу открытую вышку... Прошепчетъ чуть слышно свой привѣтъ наибу, скользнувъ ладонью по лбу, и пристынетъ, какъ всѣ, къ намъ глазами, не шевелясь, не говоря ни слова...

Ясно, что они считаютъ насъ за важныхъ особъ и не дерзаютъ заговорить сами... Равно-жь никто тутъ не пойметъ ихъ, а они не поймутъ никого, кромѣ своего наиба...

А наибъ Толхатъ, какъ видно, не особенно любитъ разговаривать...

*
* *

Ночь наступала быстро, будто солнце вдругъ провалилось куда-то, какъ всегда бываетъ въ горахъ... Стало совсѣмъ черно... Отъ снѣговыхъ вершинъ, смотрѣвшихъ черезъ пропасть намъ прямо въ глаза, пахнуло свѣжимъ морознымъ вѣтромъ...

Глубокое тѣсное ущелье дышало снизу сыростью...

На той сторонѣ его, у опушки лѣсовъ, которыми обросла гора, паслись наши лошади... Ихъ довольное ржанье доносилось до насъ сквозь темноту ночи, и огонекъ разложеннаго костра привѣтливо мигалъ намъ оттуда, прорѣзая слѣпой мракъ ущелья, какъ взглядъ добраго глаза...

*
* *

Вотъ и у насъ на крышѣ, передъ навѣсомъ, гдѣ растянулись мы съ сѣдлами подъ головами,—заигралъ огонекъ...

Хозяинъ тихонько принесъ низенькій самодѣльный столикъ изъ грифельной плиты на деревянной ножкѣ и разводитъ на немъ цѣлый жаркій костеръ...

Это онъ грѣетъ насъ, чтобы мы не застыли въ этомъ заоблачномъ царствѣ подъ леденящимъ дыханьемъ снѣговыхъ великановъ, глядящихъ на насъ черезъ сосѣднія вершины. Всю ночь пылалъ костеръ, то разго-

раясь яркимъ огнемъ, весело треща и взвиваясь, то стихая и чуть тлѣя на своей каменной сковородѣ...

Лохматыя, бѣлыя фигуры долго толпились около него, тоже отогрѣваясь отъ пронизывающей сырости ночи... Онѣ присѣли около него на корточки, сгорбившись въ своихъ длинныхъ буркахъ, понуривъ мохнатыя папахи свои,—словно ястреба, просушивающіе на солнышкѣ свои измокшія, встрепанныя перья послѣ длинной ненастной ночи...

Они даже и подремываютъ, сидя на корточкахъ, какъ ястребъ на вѣткѣ...

Должно быть, они охраняютъ нашу безопасность, зная разбойничьи нравы своего аула...

Повалились-ли они тутъ-же, разбрелись-ли,—не знаю, только къ полуночи, просыпающійся изрѣдка глазъ уже не видалъ больше на фонѣ огня этихъ характерныхъ силуэтовъ. Повременамъ только чья-то сухощавая рука протягивалась снизу къ костру, подкладывая свѣжую кучку щепокъ, и ныряла опять въ темноту...

Сладко спалось на морозномъ воздухѣ подъ открытымъ сводомъ неба, на этой высотѣ, гдѣ летаютъ только птицы и облака...

Плотнѣе укутываешься въ свою широкую бурку и словно проваливаешься въ какую-то пучину безсознательныхъ грёзъ, забывая несмолкаемые уколы осыпавшихъ насъ насѣкомыхъ, исполняясь какимъ-то убаюкивающимъ младенческимъ довѣріемъ ко всему, что окружаетъ насъ, даже къ этимъ лохматымъ, разбойничьимъ фигурамъ, вооруженнымъ ножами и ружьями, у которыхъ мы теперь во власти, которымъ ничего не стóитъ сдѣлать съ нами все, что они захотятъ.

III

Въ капучинскихъ аулахъ

Наибъ предложилъ намъ для сокращенія пути миновать Кидеро и перевалить лѣсною тропою черезъ горный кряжъ прямо въ Беджиту. Узнали мы, что̀ значитъ на горскомъ языкѣ эта «лѣсная тропа», посредствомъ которой здѣсь обходятъ «*хорошія*» дороги!

Еще ночная тѣнь и ночная свѣжесть лежали нетронутыя на глубокой котловинѣ, черезъ которую двинулись мы; въ горныхъ странствованіяхъ не дожидаются восхода солнечнаго, который несетъ съ собою жаръ и пыль... Два снѣговые хребта поднимались у насъ съ двухъ сторонъ, всѣ на виду... Когда мы выцарапались изъ этого темнаго, сыраго котла на крутую каменную лысину, купавшуюся въ синевѣ неба, гораздо выше утреннихъ облаковъ, то вдругъ очутились среди яркаго солнечнаго дня.

Отсюда мы увидали гдѣ-то глубоко и далеко на днѣ сѣрыя сакли аула Эль-Бахо, гдѣ ночевали мы, прилѣпленные, будто ласточкино гнѣздо, къ обрыву скалъ.

Всѣ сосѣднія ущелья можно было разсматривать отсюда, какъ на ландкартѣ; вотъ полѣвѣе, какіе-то пестрые платочки разостланы по скатамъ горъ: это поля аула Асахо; вонъ и самъ аулъ, разрушенный русскими войсками въ послѣднее возстаніе. Наши храбрые Максиме и Павле — сами брали его съ бою. Два дня отчаянно отбивались асахойцы... Когда уже ничего больше не оставалось дѣлать и русскіе штыки ворвались въ узенькіе проулки горѣвшаго аула, мужья закалывали женъ, отцы—маленькихъ дѣтей, женщины бросались со скалъ въ пропасть, чтобы не достаться ненавистнымъ побѣдителямъ.

Заоблачныя альпы, гдѣ теперь ѣдемъ мы, залиты на

десятки верстъ необозримыми коврами цвѣтущей азаліи желто-палеваго и разныхъ другихъ прелестныхъ цвѣтовъ. Этотъ исполинскій цвѣтникъ волшебной роскоши поднятъ наравнѣ съ снѣгами и кругомъ обставленъ пирамидами вѣчныхъ снѣговъ.

Но мы недолго наслаждались мягкими очертаніями альпійскаго луга.

Приходится лѣзть на ужасающій гребешокъ изъ чернаго грифеля...

Ни во снѣ, ни на яву не увидишь такихъ страховъ: вѣтры и дожди изгрызли и обтрепали его такъ, что онъ представляетъ изъ себя буквальный гребешокъ— острый, глубоко перебитый промоинами, задирающійся круто вверхъ, подъ самое небо... Лошадь едва помѣщаетъ на его лезвеѣ свои ноги, острожно занося ихъ одну за другую, и изъ-подъ копытъ ея при каждомъ шагѣ ползетъ и сыплется съ сухимъ зловѣщимъ шорохомъ растрекавшійся грифель...

Глянешь направо—бездна, глянешь налѣво—бездна, а ты пробираешься посреди этихъ двухъ безднъ, какъ акробатъ по канату, по твоей узенькой коварной тропинкѣ, да еще на страшную кручу... Тутъ поневолѣ сдѣлаешься безпечнымъ храбрецомъ... Нервовъ недостаетъ, чтобы пережить всѣ впечатлѣнія. Человѣкомъ овладѣваетъ спокойствіе безнадежности, хладнокровіе фатализма. Пропадать—такъ проподать, лишь-бы только не мучиться постоянно щемящими страхами. Перестаешь совсѣмъ думать объ опасности, о пропастяхъ и кручахъ, механически отдаешься весь на волю судьбы. Ѣдутъ другіе — и ты ѣдешь; другіе проѣхали — проѣдешь и ты. Вся вѣра и надежда въ лошади. Если ея чугунныя ноги, если ея неутомимая энергія не выдадутъ тебя, — ты цѣлъ и невредимъ проберешься по этому безконечному дьявольскому мосту... Давай ей смѣло поводья, сиди тверже, не думай ни о чемъ!... Но

насъ поистинѣ предслѣдовалъ рокъ. Въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ гребешокъ, по которому мы поднимались на хребетъ, дѣлаетъ рѣзкую извилину и гдѣ поэтому лошади наши вынуждены были сдѣлать воздушный прыжокъ, мы вдругъ поражены были топотомъ множества ногъ. Глянули вверхъ, — на насъ несется, распустивъ хвосты и гривы, съ удалымъ ржаньемъ, цѣлый табунъ лошадей, очевидно, кѣмъ-нибудь гонимый сверху.

Разыгравшіяся лошади уже не могли остановиться на крутомъ спускѣ; неожиданно попавъ въ ихъ гогочущую, прыгающую и толкающую волну, мы каждую минуту ждали, что она унесетъ насъ вмѣстѣ съ собою или опрокинетъ съ нашей узкой тропы головою внизъ, куда-нибудь въ пропасть... Нельзя достаточно изумиться легкости и ловкости этихъ большихъ животныхъ, когда видишь, какъ мчатся они внизъ по обрывистой кручѣ, толкая другъ друга, перескакивая на всемъ лету провалы и высокіе камни...

Вотъ-вотъ, думаешь, наткнутся сейчасъ эти дикіе скакуны и перелетятъ черезъ голову туда, гдѣ и костей ихъ не соберешь... А они лихо вылетаютъ опять изъ обрыва на дорожку и несутся, какъ ни въ чемъ не бывало, внизъ, словно сами веселясь своимъ безумнымъ бѣгомъ...

* * *

Когда мы взобрались, наконецъ, на высоту хребта, Максиме показалъ намъ направо дорогу въ Шильды, по которой везли смертельно раненаго Вревскаго, послѣ злосчастнаго для него боя подъ Китури... По этой-же дорогѣ и Шамилевы мюриды ходили въ Кахетію, въ Цинондалы...

Громадная гора Ниникосъ-Цихе (крѣпость Ниники) въ главномъ кавказскомъ хребтѣ преграждаетъ на горизонтѣ эту дорогу. Максиме разсказалъ намъ, будто во времена оны удалой кахетинецъ Ниника засѣлъ на

этой горѣ съ десятью отчаянными товарищами своими, навалилъ себѣ тамъ окопы и башни и долгое время держалъ въ страхѣ лезгинъ, не пропуская ихъ въ родную Кахетію. Кахетинцы — природные и старые ненавистники лезгинъ. Убить хоть одного лезгина—недавно еще считалось для кахетинца священною обязанностью жизни.

Послѣ Ниники въ укрѣпленіи его поселились тушинцы, воевавшіе съ лезгинами и грабившіе ихъ изъ своего недоступнаго убѣжища. Когда глядишь на низменныя области земли отсюда, съ высоты горныхъ громадъ, то вполнѣ понимаешь, почему дикій горецъ, владычествующій заоблачной вершиною, считаетъ своимъ естественнымъ достояніемъ все то, что онъ можетъ окинуть отсюда своимъ хищнымъ глазомъ орла.

*
* *

По страшнымъ скалистымъ кручамъ мы спустились съ гребня горнаго хребта внизъ къ границѣ дидойскаго племени.

— Тутъ Беджита! показалъ намъ рукою направо Толхатъ, по обыкновенію, оскаливши бѣлые зубы и сверкнувъ бѣлками глазъ.—Тутъ Дидо!...

Онъ указалъ налѣво.

На сочной зеленой полянѣ, у холоднаго ручья, въ тѣни деревьевъ, уже ожидалъ насъ новый многочисленный отрядъ нукеровъ, на смѣну Толхату.

Тутъ начиналось племя беджитовъ и капучей и новое наибство.

Намъ тоже привели свѣжихъ лошадей. Позавтракавъ наскоро, мы дружелюбно простились съ нашимъ молчаливымъ Толхатомъ и двинулись въ путь. Капучи на видъ гораздо молодцоватѣе дидойцевъ, одѣты въ тонкомъ сукнѣ, серебрѣ, въ дорогихъ оружіяхъ.

Только-что мы вступили въ длинное лѣсное ущелье, вытянувшись вереницею другъ за другомъ, — капучи запѣли хоромъ свою боевую пѣсню.

Вызывающая, удалая, вся въ протяжныхъ вскрикиваньяхъ, звонко и сильно разносилась она по ущелью... Это была хвала погибшимъ героямъ, угрозы врагу... Провожавшіе насъ дидойцы тоже оглашали воинственными пѣснями пустынныя стѣны горъ, но пѣсня капучей складнѣе, звучнѣе, удалѣе... Я слушалъ ее съ наслажденіемъ. Она удивительно дополняла собою грозный характеръ этихъ дикихъ горныхъ пустынь, этихъ безлюдныхъ лѣсовъ и ревущихъ потоковъ. Не всякому придется услышать лезгинскую пѣсню въ такой обстановкѣ, въ непочатой глуши Дагестана.

Впереди джигитовъ ѣхалъ, украшенный своею должностною цѣпью, молодчина-старшина беджитской округи, громаднаго роста, смѣлый и ловкій, сопровождаемый своимъ помощникомъ...

Надалеко растянулся нашъ живописный и воинственный отрядъ, всѣ эти многочисленные всадники въ буркахъ, съ ружьями за плечомъ,—по крутѣйшему спуску, что велъ въ ущелье Беджиты мимо множества пустыхъ хуторовъ... Мы летѣли скорою рысью, будто въ самомъ дѣлѣ торопясь на какой-нибудь набѣгъ, надъ берегомъ рѣки...

* * *

Хутора эти — своебразная особенность здѣшнаго горскаго хозяйства... Они населяются только зимою, когда невозможно держать скотъ на пастбищахъ, а приходится загонять его подъ крышу, гдѣ уже заранѣе собрано сѣно, рубленая солома и всякое зерно. Въ хуторахъ обширныя двухъ-ярусныя и трехъ-ясусныя сакли, уже и теперь наполненныя всякою хозяйственною всячиною... Но въ нихъ не живетъ теперь никто. Только строгая честность дагестанскаго горца и строгія наказанія адата оберегаютъ отъ расхищенія эти покинутыя въ пустомъ ущельѣ на произволъ судьбы

полныя житницы лезгинъ, образующихъ собою цѣлыя безлюдныя деревни...

* * *

Съ удивительною безцеремонностью обращаются лезгинскіе джигиты съ лошадью, съ дорогою, съ пропастью... Они словно не думаютъ о нихъ и не замѣчаютъ ихъ...

Нужно объѣхать ему переднихъ всадниковъ, занявшихъ всю узкую тропу надъ обрывомъ,—онъ, не говоря ни слова, трогаетъ шпорами своего конька прямо въ обрывъ, какимъ-то чудомъ проскакиваетъ по его камнямъ и отвѣснымъ скатамъ, вися надъ пропастью, и опять спокойно выкарабкивается на дорогу, хотя лошадь его десять разъ сорвется ногами, скользнетъ подкова, хотя ей приходится тутъ прыгать и лазить, какъ любой дикой козѣ...

Точно также обскачетъ онъ васъ, когда нужно, и съ другой стороны, по выступу отвѣсной скалы, куда, кажется, и пѣшій не взберется, гдѣ на каждомъ шагу камни и деревья. Любо смотрѣть, какъ летаютъ эти лихіе наѣздники, просто сросшіеся съ своею лошадью, внизъ и вверхъ, взадъ и впередъ, когда наибъ посылаетъ ихъ развѣдать путь или сыскать что-нибудь... Легки, поворотливы, смѣлы, изящны, птицы-птицами...

Конь, кажется, мыслью чуетъ всякое намѣреніе всадника. Онъ вертится подъ нимъ, какъ игла въ ловкихъ рукахъ, гдѣ нужно—сгибаясь совсѣмъ въ кольцо, гдѣ нужно—растягиваясь, какъ кошка...

Конь, достойный всадника, и всадникъ, достойный коня!...

Кто хочетъ дѣйствительно полюбоваться на искусство наѣздничества, кто хочетъ составить себѣ понятіе, до чего можетъ дойти это превращеніе во едино существо человѣка ѣдущаго и звѣря везущаго,—тотъ пусть отправится въ Дагестанъ и посмотритъ на ѣзду лезгин-

скихъ джигитовъ по кручамъ и обрывамъ здѣшнихъ горъ...

* * *

Джигиты наши опять затянули какую-то протяжную военную пѣсню... Мы сейчасъ въѣзжаемъ въ аулъ.

На открытой полянкѣ, за полверсты до аула, ждали насъ вытянутые строемъ конные и пѣшіе капучи; молодые мальчики выстроились отдѣльно. Всѣ почтительно кланяются намъ. Все полчище потекло за нами въ тѣсную улицу Беджиты...

Беджита—одинъ изъ бельшихъ и богатыхъ ауловъ Дагестана. Дома большіе, въ нѣсколько ярусовъ, лѣпятся вдоль обоихъ береговъ рѣки... Крыши, галлереи, улицы—наполнены любопытными, особенно дѣтьми и женщинами. Нарядъ здѣшнихъ женщинъ уже нѣсколько отличный отъ дидоекъ, головы просто повязаны платками, а на бешметахъ съ разрѣзной грудью, обычнаго здѣсь цвѣта темносиняго съ краснымъ, нашиты и навѣшаны въ нѣсколько рядовъ серебряныя монеты, подвѣски въ формѣ луны, кораллы густыми нитями, вообще цѣлая броня разныхъ сверкающихъ и звенящихъ бездѣлушекъ. Огромныя серебряныя кольца висятъ въ ушахъ каждой беджитки, не исключая маленькихъ дѣвочекъ, и кромѣ того, рядомъ съ ними, другія кольца поменьше, съ тройными серебряными подвѣсками...

Какъ во всемъ горномъ Дагестанѣ, здѣшняя женщина не прячется отъ мужчинъ подъ фату и носитъ только серебро; золота не видно вовсе ни на оружіяхъ мужчинъ, ни на нарядахъ женщинъ. Дагестанъ и Грузія любятъ только серебро.

На дворѣ сельскаго старшины Холха, гдѣ назначенъ былъ нашъ ночлегъ, встрѣтили насъ, среди толпы всякаго люда, выстроившіеся въ рядъ важные бѣлобородые старики, почетнѣйшіе жители деревни, нѣкоторые въ чалмахъ хаджи, въ широкихъ халатахъ, дру-

гіе въ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, папахахъ какихъ-то особенныхъ шелковистыхъ овчинъ.

Очень многіе мужчины и дѣти, собравшіеся на дворъ, не смотря на разгаръ лѣта, были въ бараньихъ шубахъ, вывороченныхъ наружу своей длинною, чрезвычайно волнистою шерстью, въ такихъ же длинноволосыхъ, падающихъ на лицо, папахахъ... Вся эта толпа долго стояла, тѣснясь у галлерейки дома, изрѣдка перекидываясь другъ съ другомъ словомъ и съ любопытствомъ слѣдя за всѣми нашими дѣйствіями. Это былъ удивительно интересный для художника живой альбомъ самыхъ характерныхъ типовъ Дагестана. Почти всѣ — красавцы на-подборъ, плечистые, статные, совсѣмъ не подъ-пару своимъ низкорослымъ, старообразнымъ и некрасивымъ бабамъ.

Не успѣли мы устроиться на внутренней галлерейкѣ дома съ чаемъ и провизіей, какъ явился муталимъ, одинъ изъ учениковъ мѣстнаго мулы, живущій въ мечети, и прочелъ намъ на бумажкѣ написанное имъ цвѣтистое и длинное привѣтствіе на арабскомъ языкѣ, изъ котораго намъ перевели нѣкоторыя мѣста... Онъ поздравлялъ насъ съ пріѣздомъ изъ далекихъ странъ въ ихъ страну и испрашивалъ на наши головы всѣ милости Аллаха на дальнѣйшій путь нашъ... Мы, разумѣется, наградили чѣмъ слѣдовало офиціальное краснорѣчіе беджитскаго Демосѳена, которому сопутствовала толпа мальчишекъ, глядѣвшихъ на него съ какимъ-то завистливымъ благоговѣніемъ, какъ на существо высшихъ талантовъ, способное заработать серебряный рубль нѣсколькими минутами болтовни...

На всѣхъ дѣтяхъ были надѣты очень красивые, изъ шерсти вязанные башмаки съ острыми и длинными, вверхъ загнутыми носками, собственноручное издѣліе лезгинскихъ матерей, какъ весь вообще нарядъ маленькихъ и взрослыхъ, отъ папахи до бурки и по-

зументовъ черкески... Такіе же башмаки всевозможныхъ пестрыхъ узоровъ, оригинальные, носятъ тутъ всѣ женщины и мужчины. Они вяжутся вмѣстѣ съ чулкомъ.

* * *

Домъ старшины довольно общиренъ, сложенъ насухо, но весьма искусно, изъ кусковъ шифера и другихъ дикихъ камней, съ небольшою примѣсью деревянныхъ столбовъ. Въ немъ четыре этажа. Въ нижнемъ этажѣ крупный скотъ, во второмъ, украшенномъ плетневою галлерейкою, козы и овцы, въ третьемъ гдѣ теперь мы, деревянный балкончикъ съ колонками и рѣшеточкой и кунацкія комнаты... На балконы и галлерейки здѣсь постоянно взбираются по толстымъ дубамъ съ выдолбленными ступенями, приставляемымъ къ выступамъ толстѣйшихъ балокъ. Только одна комната имѣетъ маленькое окошечко, заклеенное бумагою вмѣсто стекла, остальныя двѣ, уставленныя тахтами, совсѣмъ темны—это спальни. Въ свѣтличкѣ тоже стоитъ тахта съ коврикомъ, бухара (каминъ), на случай холодовъ, и низенькій, кое-какъ сбитый топоромъ, столикъ въ родѣ тѣхъ самодѣльныхъ столиковъ, что встрѣчаешь иногда въ шалашѣ нашихъ пасѣчниковъ или бакшевниковъ. Надъ входомъ въ кунацкую вставленъ благочестивый стихъ корана... Лезгины строятъ дома сами; особыхъ плотниковъ, каменьщиковъ у нихъ нѣтъ, но каждый хозяинъ отлично умѣетъ класть стѣну и рубить топоромъ. Весь аулъ собирается обыкновенно на постройку дома, не требуя отъ хозяина ни платы, ни угощенья.

Самъ хозяинъ съ женами своими и дѣтьми живетъ въ другомъ домикѣ, стоящемъ рядомъ съ кунацкою. Лезгины обыкновенно имѣютъ по 2 и по 3 жены, не больше. Дворъ беджитскаго лезгина производитъ впечатлѣніе домовитости, обилія и трудолюбія. На многочисленныхъ дверочкахъ висятъ громадные самодѣльные

замчища, съ оригинальными полуаршинными отмычками. Вездѣ на дворѣ, въ тѣни солнышка, женщины работаютъ за станками грубой плотницкой подѣлки... Онѣ не отрываютъ ни на кого глазъ и не покладаютъ рукъ отъ работы. Беджитки, и вообще лезгинки, славятся необыкновенною плотностью, а вмѣстѣ тонкостью и нѣжностью своихъ мягкихъ, шелковистыхъ тканей изъ шерсти желтой горской овцы. Эти «шали» продаются дорогою цѣною и ищутся даже модницами Тифлиса.

Безустанная работа и грубое обращеніе мужа превращаютъ лезгинскую женщину въ какое-то вьючное животное. Въ 25 лѣтъ онѣ старухи-старухами. Ничего женоподобнаго, нѣжнаго, изящнаго не отыщете вы въ этихъ смуглыхъ, низкорослыхъ самкахъ съ грубымъ, забитымъ взглядомъ угрюмыхъ глазъ, съ непріятными мужественными чертами лица, укутанныхъ по самыя пятки въ свои неуклюжія одежды, согнутыхъ прежде времени, покрытыхъ морщинами... Да и какъ не обратиться въ животное, когда лезгинская женщина не знаетъ ни сна, ни отдыха, ни удовольствія.

Мужчина только пашетъ и навозитъ поле. Все остальное лежитъ на горбу женщины. Она приноситъ воду, поднимаясь ежедневно Богъ знаетъ изъ какой пропасти на какую кручу, притомъ не только взрослая, но даже и маленькая дѣвочка; она тащитъ дрова изъ лѣсу, муку съ мельницы, сама мелетъ эту муку на ручномъ жерновѣ; женщину свою лезгинъ посылаетъ съ огромными тяжестями даже черезъ перевалы горъ, куда-нибудь въ Кахетію, когда ему жалко ишака и лошади или когда ихъ вовсе нѣтъ у него. Лезгинка убираетъ хлѣбъ, обшиваетъ, обмываетъ, кормитъ и поитъ весь домъ свой, ходитъ за скотиной, вынашиваетъ дѣтей... Какъ-бы поздно ни возвратился хозяинъ изъ поѣздки своей, вѣрная раба-жена должна терпѣливо

ждать его у порога, принять и накормить его усталаго коня, уложить спать своего владыку и потомъ вскочить до зари, чтобы приготовить ему къ его пробужденiю любимое его толокно съ чеснокомъ, наносить воды и дровъ, выполоскать грязныя одежды, почистить коня, задать кормъ скоту или выпустить его на пастбище...

Наградой ей почти всегда бываетъ одна брань да удары нагайки. Лезгинъ стыдится даже говорить съ женою при людяхъ, не только оказывать ей ласку. А между тѣмъ, неутомимымъ трудолюбiемъ и разносторонними искусствами своей женщины, лезгинъ имѣетъ въ своей жизни все, что нужно ему, почти безъ всякихъ расходовъ. Что ни увидите вы на лезгинѣ—его грацiозную черкесу, отороченную серебрянымъ позументомъ, его ярко расшитый чепракъ, его шапку, его бурку, его сапоги,—все это домашнее издѣлiе однѣхъ и тѣхъже женскихъ рукъ; онѣ сами воспитываютъ ему овцу, онѣ сами стригутъ, сами моютъ, чешутъ и прядутъ ея шерсть, сами ткутъ ткани изъ этой шерсти, сами кроятъ и шьютъ одежды изъ этихъ тканей...

* * *

Холха зарѣзалъ намъ барана, и мы съ дѣтскимъ удовольствiемъ накинулись на вкусный, горячiй шашлыкъ послѣ того, какъ уже нѣсколько дней не ѣли ничего, кромѣ своей холодной и залежавшейся дорожной провизiи.

Наѣвшись, мы пошли побродить по аулу, благо не наступила еще ночь. Старшина-хозяинъ и нашъ неизмѣнный Максиме сопровождали насъ, не считая цѣлой вереницы дѣтей и взрослыхъ, потянувшейся вслѣдъ за нами на улицу и постоянно разраставшейся по мѣрѣ движенiя нашего, отъ прилива новыхъ любопытныхъ. Аулъ сдвинулся къ самымъ берегамъ быстрой и шумной, водопадами низвергающейся рѣчки, по которой жители сплавляютъ себѣ лѣсъ изъ верхнихъ

лѣсныхъ долинъ... Нѣсколько мельницъ устроено на ней въ аулѣ. Каменные обширные дома въ 3 и 4 яруса, почти безъ оконъ, окруженные дворами, сами по себѣ надежныя бойницы для защиты этой тѣснины. Но съ обѣихъ сторонъ аула, на высотахъ скалъ, образующихъ ущелье, виднѣются полуразрушенныя башни грозныхъ замковъ, недавно еще оберегавшихъ селенье, куда въ минуту опасности уходили отстрѣливаться отъ русскихъ отчаянные удальцы Беджиты... Живописенъ и оригиналенъ видъ этихъ домовъ - ступеней, нагроможденныхъ другъ на друга; вездѣ сушатся на солнышкѣ волнистыя овчины, висятъ пучки горныхъ травъ, сидятъ безъ устали работающія женщины...

На насъ смотрятъ, какъ на невиданныхъ дикихъ звѣрей, съ подозрительнымъ любопытствомъ, съ худо скрытымъ недружелюбіемъ. Военныхъ московъ еще понимаетъ лезгинъ: они начальство, они являются взыскать подать, наказать, взять кого-нибудь... Но мы, съ нашими презрѣнными гражданскими фигурами, и цѣль нашего далекаго, рискованнаго путешествія—кажутся неразрѣшимою загадкою этимъ людямъ коня и кинжала...

* * *

Старшина предложилъ намъ взобраться на крышу мечети, торчащей надъ ауломъ, откуда можно окинуть взглядомъ весь Беджитъ...

Толпа праздныхъ капучей уже сидѣла тамъ, въ тѣни притвора, неспѣшно бесѣдуя другъ съ другомъ въ этомъ безхитростномъ своемъ деревенскомъ клубѣ..

Два, три старика въ чалмахъ сердито набросились на старшину, увидя, что онъ ведетъ на крышу мусульманскаго святилища нечестивыхъ собакъ-урусовъ... Старшина смутился и остановился, неловко оправдываясь. Но Максиме, привыкшій къ собачьей бранчивости лезгинъ и очень мало обращавшій вниманія на

нихъ, уговорилъ насъ не останавливаться, а лѣзть за нимъ...

Дѣйствительно, мы успѣли спокойно налюбоваться себѣ на картину живописнаго ущелья съ высоты мусульманскаго храма и спокойно спуститься съ него, пока старшина грызся внизу съ разсвирѣпѣвшими хаджи, черезчуръ ретивыми охранителями чистоты ислама...

Насъ не укусили и не зарѣзали они за наше дерзновенье, а только метали на насъ молніи своихъ злыхъ старческихъ глазъ, когда мы съ нѣсколько натянутымъ хладнокровіемъ проходили потомъ мимо ихъ пестрой, шумѣвшей толпы...

* * *

Мы встали до зари, а безмолвная, ни на кого не смотрѣвшая женщина, безостановочно работавшая своимъ челнокомъ,—что ушла со двора только съ наступленіемъ темной ночи, — уже опять сидитъ за скрипучимъ станомъ, опять перебрасываетъ свой проворный челнокъ изъ одной руки въ другую, давно успѣвъ подоить коровъ.

Однако, аулъ еще спалъ.

Мы выбирались изъ него мимо низенькой каменной стѣнки, въ которой было сдѣлано много углубленій съ арабскими надписями, съ вдѣланными плитами изъ известняка. Это памятники убитымъ на войнѣ, которые вездѣ здѣсь ставятся по дорогамъ, при въѣздѣ въ аулы. Часто вокругъ нихъ натыканы палочки съ разноцвѣтными тряпками, на память отъ родныхъ и почитателей убитаго, въ родѣ того, какъ мы украшаемъ вѣнками гробницу дорогаго намъ покойника.

Мы быстро двигались, пользуясь прохладою утра, по лѣсистой долинѣ рѣки Ошлита. Серны стаями бродятъ по этимъ лѣсамъ. Галлереи домовъ въ Беджитѣ и другихъ аулахъ постоянно украшаются неискусно приткнутыми рожками этихъ милыхъ животныхъ.

Мы проѣзжаемъ сначала черезъ пустые хутора горцевъ, полные теперь только сѣна и «самана», въ которые на зиму переселяется вся шумная жизнь ауловъ, оставляя на верху, среди снѣговъ, одного только муллу, выкрикивающаго въ мечети въ обычные часы обычныя молитвы. Честность дагестанскихъ горцевъ между собою такова, что въ этихъ опустѣвшихъ аулахъ, покинутыхъ безъ всякой стражи, никогда ни случается ни воровства, ни поджоговъ. По мѣрѣ подъема долины, видъ ауловъ дѣлается все грознѣе. Тутъ всѣ аулы съ высокими башнями, торчащими на утесахъ, и сами забираются на неописанную высоту.

Аулъ Тледалъ весь щетинится однѣми бойницами. Гунза (или Гендзебъ) едва виденъ на своихъ отвѣсныхъ скалахъ, поднятыхъ въ самое поднебесье... Кажется, въ двое сутокъ не докарабкаться до него, хотя онъ виситъ прямо надъ головою, на карнизѣ титанической стѣны... Отказываешься понять, какъ это люди, живущіе въ этихъ орлиныхъ гнѣздахъ, сообщаются другъ съ другомъ. Поневолѣ человѣкъ обратится тутъ въ хищную птицу, въ дикаго горнаго звѣря, и выработаетъ себѣ въ этомъ вѣчномъ, невольномъ пустынничествѣ своемъ вмѣсто пѣвучаго, члено-раздѣльнаго языка цивилизованныхъ племенъ какой-то хриплый гортанный крикъ...

Аулъ Тарбали еще не воскресъ изъ развалинъ, въ которыя онъ былъ обращенъ русскими пушками при усмиреніи послѣдняго возстанія. Всѣ эти хищныя гнѣзда, спрятанныя въ непроходимой глуши, на недоступной выси горъ, стали первымъ очагомъ возстанія, и вооруженная вольница ихъ первая спустилась черезъ Сацхени въ Кахетію, убѣжденная турецкими эмиссарами и своими фанатическими муллами, что побѣдоносное войско калифа уже беретъ Тифлисъ и только ждетъ храбрыя горскія дружины, чтобы на-

вѣки освободитъ Дагестанъ и весь горный Кавказъ отъ собакъ-москововъ. Полковникъ Шкуринскій поколотилъ эти лезгинскія скопища и прогналъ ихъ назадъ въ горы, отбивъ награбленный въ Кахетіи скотъ и плѣнниковъ, и разсѣялъ всякія иллюзіи насчетъ калифа.

IV

Наибъ Захарія

ТѢСНИНА Анцуха—одна изъ ужаснѣйшихъ въ Дагестанѣ по своей дикости и непроходимости. Зато же она и поражаетъ своею грозною живописностью. Ревъ бѣшено несущейся, тѣсно спертой рѣки—потрясаетъ это глухое, темное ущелье... Отвѣсныя стѣны необозримой высоты идутъ непрерывнымъ узкимъ коридоромъ на многія версты, безнадежно сдавливая съ обѣихъ сторонъ бурные водовороты совсѣмъ черной рѣки...

Горнымъ ручьямъ уже некуда и не по чемъ стекать въ эту рѣку, словно врубленную въ глубокое дно исполинскаго каменнаго ящика. Они низвергаются прямо изъ поднебесья, съ карниза стѣнъ, почти не долетая до мутныхъ волнъ Ошлита своей тонкой струей, превращающейся въ незримое воздушное облако мельчайшихъ брызговъ...

Солнца нѣтъ здѣсь; здѣсь еще глухая ночь, хотя уже 9 часовъ; да солнца здѣсь и не бываетъ почти вовсе: глянетъ на часокъ, два, около полудня, пока можно въ макушку свѣтить, а чуть спустилось ниже скалы — титаны сейчасъ загородятъ ущелье, что роется у подножья ихъ...

Мрачно, сыро и жутко въ этомъ мрачномъ ущельѣ. Оно напоминаетъ мнѣ ту безлюдную Trümletenthal, полную разрушенья и хаоса, по которой катаетъ свои снѣжныя лавины швейцарская горная дѣва—Юнгфрау.

И тутъ снѣговые завалы на каждомъ шагу. Имъ уже, видно, не растаять въ цѣлое лѣто. Гигантскіе стволы сосенъ, какъ рѣдкіе волосья, покрываютъ стѣны ущелья, уходя вмѣстѣ съ ними подъ облака, паралельные почвѣ, на которой держатся они. Множество ихъ навалено бурями по обрывамъ кручи, среди камней и волнъ рѣки... Они лежатъ тутъ какъ попало, другъ на другѣ, корнями вверхъ, макушкой внизъ, будто рать посѣченныхъ богатырей... Драгоцѣнные, словно литые, столбы, прямые какъ стрѣлы, высокіе какъ мачты, 12 и 15 четвертей въ обхватѣ... Цѣлые лѣса ихъ мѣстами срѣзаны и снесены въ пропасть силами стихій, дождемъ каменныхъ обваловъ, снѣговыми лавинами, горнымъ ураганомъ или ливнемъ...

* * *

Жалкими кучками муравьевъ кажутся намъ съ высоты этихъ подоблачныхъ скалъ, въ грозной обстановкѣ этого дикаго ущелья, толпы рабочихъ, что́ копошатся на той сторонѣ, у подошвы необъятныхъ каменныхъ твердынь, своими кирками и ломами безсильно колупая ихъ чугунную броню, подсыпая и ровняя словно горсточкою ребенка тѣ случайныя морщинки могучей горы, по которымъ человѣкъ пробилъ свои утлыя тропы, впредь до перваго обвала, до перваго горнаго дождя...

Это капучи работаютъ по наряду новую дорогу черезъ ущелье. Съ нашей стороны кипитъ та-же жалкая муравьиная работа, но тутъ уже не капучи, а анцухцы, земли которыхъ примыкаютъ къ лѣвой сторонѣ рѣки... Дагестанскіе горцы вообще удивительные мастера пробивать дороги черезъ непроходимыя, голыя стѣны, и наши инженеры могли-бы въ этомъ дѣлѣ поучиться у

нихъ... Здѣсь почти всѣ дороги проводятся мѣстными средствами и натуральной повинностью, подъ руководствомъ наибовъ... Завидя нашу кавалькаду, мучительно карабкавшуюся по обрывамъ скалъ, партіи рабочихъ на той сторонѣ рѣки бросали свои орудія и выстраивались въ рядъ, провожая насъ звуками зурны и барабана... Человѣку просто стать негдѣ, а они ползаютъ смѣло и проворно, какъ ящерицы, по голымъ выступамъ скалъ, догоняя другъ друга и другъ съ другомъ играя...

* * *

И мы, и лошади давно выбиваемся изъ силъ. Все ýже дѣлается тѣснина, все невозможнѣе подъемы и спуски...

Цѣлые часы сряду не перестаешь висѣть, какъ паукъ, надъ ревущею бездною, цѣпляясь какъ паукъ, качаясь какъ паукъ... Лошадь своими гладкими подковами насилу одолѣваетъ непрерывную крутизну круглыхъ череповъ, обрывистыхъ утесовъ, осыпающихся тропинокъ, на которыя то взлѣзаешь, то слѣзаешь безостановочно... Не разъ уже она срывалась и скатывалась назадъ, едва успѣвъ зацѣпиться за какой-нибудь выступъ... Очень часто приходится карабкаться, какъ на колокольню, по громаднымъ ступенямъ, вырубленнымъ или вытоптаннымъ въ сырцѣ скалы... Лошадь просто обращается тогда въ кошку.

Трепещешь за каждый шагъ ея; ея тяжкое мучительное дыханіе больно отдается въ вашей собственной груди... Налитые кровью и ужасомъ, выпученные глаза ея, ея насквозь промокшая отъ поту голова и шея, ея трясущіяся, какъ въ лихорадкѣ, ноги—смущаютъ самый безжалостный и непоколебимый духъ... А справа все время, прямо подъ вашимъ локтемъ, подъ висящей ногой вашей, — страшная пропасть, на днѣ которой ревутъ черные водовороты Ошлита... Спускаться по этимъ

отвѣснымъ порогамъ на дно пропасти—еще страшнѣе и опаснѣе, чѣмъ даже подниматься по нимъ...

А эти спуски, эти подъемы на каждомъ шагу...

Какъ нарочно, ничто не заслоняетъ тутъ роковой правды, насъ окружающей; скалы праваго берега, провожающія васъ, глядящія вамъ прямо въ глаза, на одномъ съ вами уровнѣ своими лѣсистыми вершинами, своими камнями, нависшими въ угрожающемъ безмолвіи надъ карнизомъ пропасти, говорятъ вамъ слишкомъ ясно и наглядно, на какую головокружительную высоту забрались вы теперь...

* * *

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стѣны горъ отрѣзаны, какъ ножемъ; тогда намощены вдоль ихъ сосновые стволы, засыпанные мелкимъ камнемъ, не больше аршина шириною отъ скалы... Иногда эта висящая галлерейка лѣпится подъ такими низкими выступами скалъ, что всаднику нужно прилечь къ самому сѣдлу, чтобы не разбить себѣ головы.

Два раза приходилось переправляться черезъ водовороты Ошлита; въ одномъ мѣстѣ конь Илико опрокинулся въ рѣку, и молодой князь выскочилъ изъ воды весь мокрый. Этотъ смѣлый юноша еще нигдѣ не слѣзъ съ коня, даже тамъ, гдѣ отвѣсныя аршинныя ступени заставляли спѣшиваться самыхъ ловкихъ наѣздниковъ. Лезгинскіе джигиты, провожавшіе насъ, которыхъ вообще трудно удивить чѣмъ-нибудь, были въ восторгѣ отъ его хладнокровія и неустрашимости.

— Илико! у-у, Илико!—говорили они, сочувственно показывая головою на юнаго всадника и осклабляясь радостными улыбками.—Джигитъ Илико!...

Они, очевидно, признавали его своимъ, вполнѣ достойнымъ дагестанскихъ горъ и дагестанскаго коня...

* * *

Пора было обѣдать и мы выбрали для этого зеленую лужайку на берегу рѣки, которыя здѣсь рѣдки, но безъ которыхъ трудно бываетъ обойтись въ подобныхъ случаяхъ. Хочется и самимъ растянуться на травѣ, въ тѣни деревьевъ, послѣ долгихъ утомительныхъ часовъ верховой ѣзды, и дать какое-нибудь приволье измученнымъ лошадкамъ своимъ.

Надъ нами, на недосягаемой высотѣ, виситъ, словно въ самыхъ небесахъ, аулъ Чода-Коло. Въ крѣпости около этого аула во время возстанія были даже двѣ пушки, которыя при усмиреніи горцы бросили сверху въ рѣчку Квонъ-Оръ, но наши солдатики разыскали оба орудія и вытащили ихъ изъ воды.

При поворотѣ ущелья мы встрѣтили наконецъ Аварское-Койсу, эту главную центральную рѣку всего Дагестана. Тутъ особенно трудно прослѣдить теченье рѣкъ, потому что одной и той-же рѣкѣ каждая община придаетъ свое собственное названіе. Аварское-Койсу, напримѣръ, перемѣняетъ по крайней мѣрѣ десять разъ свое имя, по именамъ старыхъ ауловъ, мимо которыхъ течетъ. Устья двухъ ущелій открываются въ русло Аварскаго-Койсу... Башни и замки вѣнчаютъ отдѣльные, какъ форты, скалистые утесы, защищающіе входы въ ущелья. Надъ ними, на страшныхъ альпійскихъ высотахъ, виднѣются темные силуэты ауловъ, а надъ всѣми этими ужасами, высотами и аулами, на далекомъ заднемъ планѣ широкой картины, вырѣзаются на синемъ фонѣ жаркаго лѣтняго неба тихо сіяющіе вѣчные снѣга Кавказа...

* * *

Мы напрасно потратили часъ времени и свою отощавшую провизію.

Только-что открылась передъ нами зеленая полукруглая низина между излучинами рѣки, весело отѣненная купами деревьевъ, какъ мы увидѣли цѣлый от-

рядъ разодѣтой и вооруженной лезгинской конницы, выстроенной вдоль берега рѣки...

Это встрѣчалъ насъ извѣстный въ Дагестанѣ наибъ Захарія съ своими джигитами...

Онъ принялъ насъ съ торжественнымъ гостепріимствомъ какого-нибудь независимаго арабскаго шейха.

Шатеръ изъ густо натыканныхъ березовыхъ вѣтвей, устланный коврами, ожидалъ насъ въ тѣни деревьевъ.

Наибъ Захарія — личность замѣчательная въ Дагестанѣ. Это богатырь, какихъ мало встрѣтишь даже и въ этой странѣ непочатой силы. Огромнаго роста, съ могучими плечами, съ высокою бѣлою папахою на головѣ, съ темною крашеною бородою и проницательнымъ огнемъ своихъ умныхъ черныхъ глазъ, онъ напоминалъ своею величественною осанкою Шамиля, у котораго долго служилъ любимымъ мюридомъ.

Онъ, кажется, безъ труда раскололъ-бы на двое коня и всадника своею кривою шашкою, что видала виды на своемъ вѣку.

Трудно не повиноваться этому грозному властительному взгляду, этой подавляющей силѣ мышцъ, этому исполинскому росту, превышающему обычные размѣры человѣческихъ организмовъ. Восточному дикарю-горцу необходимы такіе вполнѣ ему понятные, вполнѣ для него убѣдительные вожди, и другихъ онъ не въ состояніи постигнуть.

Наибъ Захарія, впрочемъ, беретъ не однимъ видомъ, не одною тѣлесною мощью своей. Это—ловкій и искусный человѣкъ на всѣ практическія дѣла. У Шамиля онъ былъ начальникомъ инженерной и артиллерійской части и съ изумительною изворотливостью самоучки, безъ всякихъ техническихъ средствъ, возводилъ ему укрѣпленья въ Гунибѣ и другихъ его притонахъ. Онъ взятъ былъ въ плѣнъ въ Гунибѣ, рядомъ съ Шамилемъ, отчаянно защищая его до послѣдней минуты, а

съ тѣхъ поръ, такъ-же какъ Толхатъ и другіе Шамилевы наибы, перешелъ на службу русскому царю и остался ему непоколебимо преданнымъ, не смотря на тяжкое испытанье 1878 года. Захарія представлялся покойному государю, при посѣщеніи имъ Гуниба, и получилъ отъ него разрѣшеніе носить на своей черкескѣ зеленый кантъ инженера, въ ознаменованіе его инженерныхъ талантовъ.

Это вниманіе государя къ его техническимъ свѣдѣніямъ наполняетъ Захарію особенною гордостью и торжествомъ: онъ, какъ ребенокъ, утѣшается на свое отличіе и непремѣнно разскажетъ о немъ всякому.

Да и теперь Захарія не оставляетъ своего любимаго занятія. Его настойчивыми заботами и его тонкою опытностью въ дѣлѣ горныхъ путей уже проведена не одна удобная дорога черезъ такія непроходимыя ущелья и недоступныя кручи, куда надняхъ еще не отваживались пускаться самые безстрашные горскіе пастухи...

Черезъ тѣ скалы,
Гдѣ носились лишь туманы
Да цари-орлы...

Замѣчательна дешевизна этихъ патріархально-устроенныхъ дагестанскихъ Симплоновъ, которая пристыдитъ самыя воздержныя смѣты нашихъ инженеровъ... Правда, и средства для работы употребляются наибами вполнѣ патріархальныя... Не смотря на всю гордость вольнолюбивыхъ лезгинъ, наибъ жестоко сѣчетъ ихъ за неисполненныя работы, за лѣнь и небрежностъ. Это вполнѣ въ нравахъ лезгинъ, и они не видятъ въ этомъ «законномъ взысканіи начальства» покушенья на свою свободу...

Наибъ былъ чрезвычайно любезенъ съ нами. Послѣ официальной встрѣчи во главѣ своего отряда, онъ усадилъ насъ на ковры своего шатра, куда уже нѣ-

сколько нукеровъ поспѣшно несли давно приготовленный обѣдъ... Чего-чего не натащилъ намъ гостепріимный наибъ въ эту горную глушь! И чай, и сыръ, и всякія мяса, и всякія вина... Даже шампанское оказалось...

Но для насъ показались вкуснѣе и характернѣе настоящія горныя яства, всего болѣе приличествовавшія этому походному пиршеству на берегу Аварскаго-Койсу, подъ сѣнью заоблачныхъ башенъ, среди толпы воинственныхъ джигитовъ, при клекотѣ орловъ...

Только-что застрѣленный вчера на этихъ самыхъ горахъ, въ чащѣ пріютившихъ насъ лѣсовъ, рогатый олень служилъ основою обѣда. Мы объѣдались горячимъ душистымъ мясомъ его, которое подавали намъ то вареным, то зажареннымъ въ румяные сочные кусочки шашлыка.

Кажется, цѣльный полкъ провожаетъ насъ съ пѣснями и звономъ оружія... Насилу упросили радушнаго наиба отпустить по домамъ бо́льшую часть всадниковъ.

Все-таки десятка полтора джигитовъ остались въ нашемъ конвоѣ...

*
* *

Признаться, мы послѣ не разъ поблагодарили предусмотрительнаго наиба за этихъ провожатыхъ. Безъ толпы ловкаго и смѣлаго народа тутъ шагу сдѣлать нельзя. Горная тропа въ Дагестанѣ — это нѣчто очень невѣрное и очень условное. Вчера она была. Ночью пролилъ дождь, осыпался краешекъ скалы—и сегодня нѣтъ ея, нѣтъ проѣзда ни туда, ни оттуда... Необходимо въ каждую минуту присутствіе такой силы, которая въ самое короткое время могла-бы расчистить дорогу, могла-бы ухватить васъ, какъ на крыльяхъ, и перемчать въ какой-нибудь невообразимый объѣздъ, прежде чѣмъ вы успѣли опомниться отъ ужаса... Одного джигита пошлешь стрѣлою впередъ заготовить свѣжихъ лошадей или ночлегъ, другаго — раздобыться воды изъ

горнаго ключа, третьяго — въ сосѣдній аулъ скликать народъ на поправку разрушеннаго переѣзда... Пятый несется въ объѣздъ на горы осмотрѣть—не лучше-ли проѣхать другой тропой... Словомъ, съ ними чуствуешь, что у тебя есть и руки, и ноги, что съ ними ты проѣдешь вездѣ, и найдешь все, что тебѣ нужно

Дѣйствительно, это — птицы, а не люди; не успѣешь подать ему походный кувшинъ для воды и показать головой на рѣку, онъ уже тамъ внизу... Лѣзетъ себѣ съ лошадью прямо съ обрыва, словно у нея какіе-нибудь крючки, а не копыта... И оттуда наверхъ опять по стѣнѣ, не останавливаясь, рысью, только нагайкой угощаетъ конька; одна минута — и ужъ воду подаетъ... Для нихъ вездѣ дорога, имъ все возможно... Даже и не птицы, а черти какіе-то, проворные, ловкіе и базстрашные.

Слетаетъ черезъ дьявольскія кручи верстъ за 10 въ аулъ и обернется, какъ ни въ чемъ не бывало, вамъ навстрѣчу донести, что лошади заказаны, что квартира готова... Словно въ другую комнату сбѣгалъ. Таковы они и въ обычной жизни своей. Лезгинъ сдѣлаетъ 100 верстъ лишнихъ, чтобы купить вещь однимъ абазомъ дешевле, чѣмъ въ ближнемъ аулѣ. Разстояній, опасности, утомленья—не существуетъ для него. Въ каждомъ селеніи назначено 20 — 30 человѣкъ изъ лучшихъ семействъ аула — отправлять конвойныя службы всякаго рода, гдѣ требуется быстрый конь, хорошая одежда и вооруженье. За то ужъ ихъ не требуютъ ни на какія мѣстныя работы. Лезгины очень любятъ эту праздную и почетную обязанность, гдѣ имъ приходится только гарцовать на встрѣчахъ и проводахъ начальства, пѣть свои военныя пѣсни да обгоняться другъ съ другомъ въ неистовой скачкѣ...

*
* *

Одѣты лезгины превосходно. Это уже не оборванные «орлы» дидойскихъ ауловъ... На всѣхъ тонкое, цвѣтное сукно, всё въ серебрѣ, въ дорогомъ оружіи, на отличныхъ конькахъ. Лезгинъ мало черныхъ. Они большею частью русые или рыжіе, съ маленькими, плотно остриженными бородками, торчащими впередъ, съ длинными, тоже впередъ торчащими носами, съ бритыми до-синя головами, и только на вискахъ темнѣютъ коротенькія полоски волосъ, въ родѣ бакенбардъ... Вообще фигуры въ высшей степени характерныя, статныя, красивыя...

Это прирожденная конница, тѣ кентавры греческихъ легендъ, которыми въ глазахъ младенчествующаго человѣчества были населены дикія дебри горъ, лѣсовъ и степей.

Дѣйствительно, человѣкъ тутъ сросся съ лошадью въ одно существо...

На хребтѣ ея удобнѣе и покойнѣе, чѣмъ на своихъ собственныхъ ногахъ... Его голова управляетъ, его руки бьются и дѣйствуютъ, а ноги ея уносятъ и переносятъ его съ стремительностью бури, куда нужно, когда нужно...

Оттого-то всадникъ Кавказскихъ горъ кажется глазу художника чѣмъ-то въ высшей степени изящнымъ и совершеннымъ. Онъ вполнѣ выражаетъ собою идею, лежащую въ его основѣ.

Что-то легкое, быстрое, смѣлое, неотразимое въ этомъ четвероногомъ на чугунныхъ копытахъ, перескакивающемъ пропасти, поражающемъ врага мѣткою пулею винтовки, набѣгающемъ, убѣгающемъ съ неожиданностью молніи, съ неустрашимостью и силою орла...

Кавказскій горецъ самъ чувствуетъ свою органическую связь съ конемъ и едва не признаетъ его нераздѣльною половиною самого себя, точно такъ какъ ци-

вилизованный европеецъ признаетъ своею половиною любящую жену.

И дѣтей, и женъ отдастъ истинный горецъ за своего удалаго коня...

* * *

Я считаю большою ошибкою рутинныя стремленія нашей военной администраціи обратить степную и горную вольницу нашу въ такое-же регулярное войско, какъ наши обыкновенные кавалерійскіе полки. Казачество уже сильнѣйшимъ образомъ испорчено это искусственною тенденціей. Нѣтъ сомнѣнія, что тому-же теоретическому, обобщающему вліянію, стирающему всѣ личныя и мѣстныя особенности, подвергнется по логикѣ вещей и эта изумительная горская кавалерія, что и отъ нея станутъ не нынче—завтра требовать того правильнаго строя, тѣхъ книжныхъ знаній и пріемовъ, которые противны ихъ природѣ, ихъ вкусамъ, всему ихъ прошлому, въ которыхъ они несомнѣнно окажутся назади самыхъ безталанныхъ кавалеристовъ Европы. А между тѣмъ точно также несомнѣнно, что это насиліе надъ природою, это невѣжественное пренебреженіе живыми, готовыми силами погаситъ въ горцѣ, какъ уже отчасти погасило въ казакѣ, тотъ ничѣмъ незамѣнимый огонь боеваго вдохновенія, которымъ онъ такъ силенъ теперь, убьетъ въ немъ тѣ всосанные вѣками привычки, вкусы, таланты и опыты, которые дѣлаютъ изъ каждаго лезгина или чеченца своего рода художника и мастера боевыхъ дѣлъ...

Не къ чему намъ мудрить надъ природою!

Величайшая наука состоитъ только въ томъ, чтобы вѣрно уразумѣть природу и воспользоваться ея неизмѣримыми силами такъ, какъ удобнѣе пользоваться...

Мы имѣемъ въ борьбѣ съ цивилизованною, но, къ сожалѣнію, еще крайне воинственною и крайне алчною Европою, такое оружіе, которому она должна завидо-

вать, котораго она должна бояться и котораго она не замѣнитъ у себя никакими учеными школами и никакими остроумными изобрѣтеніями...

Это наша безчисленная иррегулярная кавалерія, — наше казачество всякихъ именъ, наши кавказскіе наѣздники грузинскаго, лезгинскаго, черкесскаго племени...

Какая-бы строгая и умно-разсчитанная военная школа ни ломала мирнаго земледѣльца или фабриканта, она никогда не будетъ въ силахъ пересоздать натуру его, вложить въ него тѣ удалые инстинкты хищнаго звѣря, ту чуткость и ловкость дикаря, какими обладаютъ степной кочевникъ и воинственный горецъ...

Изъ овецъ, коровъ и лошадей — никакая наука не сдѣлаетъ волка или барса... У Россіи пока полны руки этихъ звѣриныхъ стай своего рода, вредныхъ ей въ другомъ отношеніи, но безцѣнныхъ съ точки зрѣнія войны.

Вмѣсто того чтобы обременять мирнаго хлѣбопашца своего обязанностью ненавистной ему, непривычной службы на конѣ съ копьемъ и саблей, вмѣсто того чтобы цѣною тяжкихъ усилій и расходовъ формировать изъ этихъ хлѣбопашцевъ полки неуклюжихъ увальней, — не лучше-ли продоставить естественный просторъ тѣмъ народностямъ Россіи, которыхъ всѣ идеалы, вся; жизнь — въ войнѣ и удали, которыя сами собою не слѣзаютъ съ коня, не разстаются съ пулей и кинжаломъ?

Звѣри войны, для войны родившіеся, алчущіе войны, наслаждающіеся войною, пусть идутъ на войну, пусть упражняютъ тамъ свои природные таланты и влеченья; животныя труда и мира, крѣпкіе своей бороздѣ, своему дому, — пусть трудятся за нихъ икормятъ ихъ...

Въ этомъ было-бы истинное равноправіе, истинная справедливость... Во всякомъ случаѣ справедливѣе, чѣмъ брать налогъ съ воинственнаго жителя заоблачныхъ ка-

менныхъ утесовъ или заставлять воевать человѣка, боящагося выстрѣла ружья.

Не говоря уже, что это было-бы стократъ дешевле, потому что горецъ и казакъ умѣютъ безъ всякихъ разорительныхъ интендантовъ и коммисаріатовъ, безъ всякихъ торговъ и подрядовъ, всегда имѣть оружіе въ серебрѣ, и сытаго коня, и красивое платье...

V

Тѣснины Аварскаго-Койсу

КОНЧИЛИСЬ лѣсистые хребты и тѣснины дидойцевъ, капучей, анцухцевъ.

Мы теперь въ самой сердцевинѣ голаго, сухаго, скалистаго Дагестана, этой «страны горъ».

Безотрадныя, безнадежныя громады, сѣро-желтыя, сѣрыя, черныя, наброcаны другъ на друга, словно въ первобытномъ хаосѣ, когда титаны взбирались по нимъ на приступъ неба...

Темно-бурая лента Аварскаго-Койсу разрѣзаетъ глубоко внизу эти сплошныя каменныя твердыни, купающія въ облакахъ свои причудливо изгрызенныя верхушки...

Безпробудная глухая пустынность наполняетъ это безконечно-длинное, безлюдное, безлѣсное, совершенно безмолвное ущелье, этотъ многоверстный каменный коридоръ, по которому катитъ свои сердитыя черныя волны дикій отшельникъ Койсу. Страшно посмотрѣть снизу на ту недосягаемую высь, на которой ползутъ, какъ крошечныя мушки, вдоль карниза титанической скалы, опередившіе насъ вьюки. Мы рѣшительно отказывались вѣрить, что и намъ придется сейчасъ слѣдо-

вать за ними, подниматься на тѣ-же заоблачныя кручи... Опытный Максиме поступаетъ съ нами какъ съ малыми дѣтками, и отлично дѣлаетъ. Онъ убѣждаетъ насъ сначала, что это вовсе не наши вьюки, что это лезгины пробираются изъ своихъ верхнихъ ауловъ по козьимъ тропамъ... Потомъ, когда мы уличаемъ его и убѣждаемся, что это дѣйствительно наши нукеры и наша кладь, онъ съ искусно разыгранною горячностью ругаетъ глупыхъ нукеровъ, выбравшихъ такой опасный путь для сокращенія какихъ-нибудь пяти верстъ, и клянется намъ всѣми клятвами, что мы и не подумаемъ лѣзть за ними, что мы отправимся въ объѣздъ по отличной, чуть не колесной дорогѣ, и что нужно только какихъ-нибудь полчаса терпѣнія, чтобы перевалить на эту дорогу черезъ ближнюю скалу, немного, правда, крутую, но нисколько не опасную.

Мы радостно развѣшиваемъ уши передъ этимъ соблазнительнымъ пѣньемъ нашей бородатой сирены и съ довѣрчивостью простаковъ вооружаемся всѣмъ своимъ мужествомъ, чтобы одолѣть эту «послѣднюю» невообразимую кручу, послѣ которой, мы не сомнѣваемся, все пойдетъ какъ по маслу. Но круча съ каждымъ шагомъ дѣлается все неодолимѣе, все безнадежнѣе... Только-что конь доберется, съ неестественными усиліями, по голой скользкой плитѣ туда, гдѣ глазу мерещится снизу отрадная ровная полянка, вѣнчающая темя скалы, какъ выростаетъ надъ головою новый, еще болѣе неприступный, еще болѣе невозможный обрывъ, и выбившійся изъ силъ конь, потный, трясущійся всѣми членами, вынужденъ опять вдохновляться безжалостными ударами нагайки на новый подъемъ... Добрался, кажется, еще разъ, но тамъ новая стѣна, новая круча, а силъ у лошади все меньше, а страхъ въ тебѣ все растетъ... Вотъ-вотъ, думаешь, не выдержитъ бѣдная животина, — сорвется разъ, другой, поползетъ назадъ, прянетъ, какъ

коза, собравъ послѣднія силишки, — не удержится на гладкомъ обрывѣ и покатится себѣ, словно сорвавшійся сверху камешекъ, головою внизъ, по-очереди придавливая застрявшія въ стремена ноги всадника, пока не шмякнется туда, въ страшную глубину, куда даже оглянуться жутко, неразличимый комокъ костей и мяса... Конечно, это пока еще одна фантазія, но что-же дѣлать, когда отъ фантазіи никакъ отдѣлаться не можешь, когда сама эта кавказская и дагестанская поѣздка моя вызвана ничѣмъ инымъ, какъ именно этою глупою фантазіей... Впрочемъ, гомерически-простые разсказы, которые изрѣдка передаютъ мнѣ Максиме и Павле, проѣзжая особенно скверныя мѣста, мало помогаютъ успокоенію нашей возбужденной фантазіи.

Вотъ съ этого утеса въ прошломъ году свалился совсѣмъ съ конемъ гонецъ, посланный изъ Гуниба; вонъ въ той излучинѣ Койсу утонули, года три тому назадъ, сорвавшіяся сверху вьючныя лошади князя Д. А вонъ съ той нависшей скалы, подъ которой мы теперь пробираемся, робко посматривая на пріосѣнившіе насъ громадные камни ея, въ сильные дожди падаютъ такія лавины, что чуть рѣку не запруживаютъ...

Максиме попался разъ подъ нее въ страшный ливень. Изъ 8 всадниковъ, съ нимъ бывшихъ, пятерыхъ прихлопнула лавина и унесла въ пучину; только они втроемъ, заступничествомъ св. Георгія, остались цѣлы... Лезгины молчатъ и ничего не разсказываютъ намъ о скверныхъ мѣстахъ и о погибшихъ товарищахъ.

Но, конечно, они знаютъ объ этомъ еще больше, чѣмъ Максиме съ Павле. Каждую зиму дикое ущелье дѣлается безмолвною могилою какихъ-нибудь безстрашныхъ странниковъ...

* * *

Страшнѣе всего опускаться съ заоблачной кручи въ провалья поперечныхъ ущелій, падающихъ въ Койсу...

Когда мучительно карабкаешься вверхъ на стѣну, по крайней мѣрѣ, не видишь ничего кромѣ одной этой, въ отчаяніе приводящей кручи... Но кровь леденѣетъ въ жилахъ, когда ты медленно, шагъ за шагомъ, такъ сказать—разсмаковывая по капелькѣ охватывающую тебя кругомъ смертельную опасность, самъ лѣзешь внизъ въ разинутую подъ тобою пасть бездны, ни на мгновеніе не отрывая отъ нея пристывшихъ глазъ...

Бережливо, какъ заботливая нянька, сноситъ тебя на своихъ стальныхъ ногахъ, по каменнымъ порогамъ обрыва, осторожно щупая копытами каждый уступъ, эта безцѣнная горская лошадка, единая заступница и спасительница несчастнаго спутника, попавшаго въ этотъ адъ кромѣшный. Вотъ она спустилась на самый край послѣдней, повисшей надъ пропастью плиты. Дальше ужъ некуда, дальше только головой въ пучину... Обмершему отъ ужаса сердцу дѣйствительно кажется, что лѣзешь прямо туда, никуда больше. Одна воздушная синева подъ тобою и кругомъ тебя, на этомъ послѣднемъ вершкѣ скалы... Не видно даже черныхъ волнъ Койсу,—до того высоко торчишь ты теперь надъ нею на своемъ шатающемся камешкѣ...

Въ бокъ некуда повернуть; локоть трется объ отвѣсныя ребра скалы.

И вдругъ, будто раздумавъ мгновеніе, умное животное мягко, неслышно поворачивается почти назадъ надъ этою головокружительной бездной, крѣпко присѣвъ на заднія ноги и спокойно переноситъ тебя, трепещущаго, не вѣрящаго своимъ глазамъ, на крутой поворотъ тропы, огибающей острый выступъ скалъ.

Ты едва только успѣлъ отклониться отъ тяжкаго камня, торчащаго изъ этого выступа, чуть было не раскроившаго тебѣ головы и не свалившаго тебя съ сѣдла, а опытная лошадь, все еще сидя на хвостѣ, вытягиваетъ внизъ, какъ струны, свои терпкія ноги и

ужъ опять осторожно спалзываетъ внизъ по головоломнымъ порогамъ этой отвѣсной и осыпающейся лѣстницы, въ новую пропасть, до новаго внезапнаго обрыва тропы, до новаго акробатскаго прыжка надъ бездонною пучиною...

* * *

Много нескончаемыхъ верстъ, много мучительныхъ часовъ провели мы въ этомъ тѣсномъ лабиринтѣ скалъ, на днѣ котораго роется и вьется, будто путеводная нить Аріадны, вѣчно рокочущая, вѣчно грызущая своей черной волной черные камни своей темницы, Аварское-Койсу... Наибъ Захарія не пустилъ насъ на Карахъ, гдѣ еще держались сильные снѣжные завалы, а направилъ насъ по дорогѣ, которую онъ считалъ безопасною и которую, по его словамъ, только-что исправили для насъ. Желалъ-бы я послѣ этого видѣть дагестанскую дорогу, признаваемую самимъ наибомъ Захаріей «опасною и неисправленною»! Великимъ нашимъ благополучіемъ была ясная, сухая погода, стоявшая будто нарочно во все время нашихъ дагестанскихъ странствованій.

Какъ ни мучилъ насъ жаръ среди этихъ каменныхъ горъ, накаляемыхъ солнцемъ, заслоняющихъ насъ отъ всякаго дыханія воздуха, все-таки мы благодарили боговъ, что дожди не размыли и не засыпали послѣднихъ слѣдовъ тропинокъ, по которымъ мы ползли.

Попадись мы здѣсь въ хорошій дождь, не скоро-бы пришлось намъ выбраться изъ глуши ущелій, а пожалуй—не пришлось-бы и вовсе выбраться изъ нихъ.

* * *

Однако въ одномъ мѣстѣ захватила-таки насъ гроза! Мы спускались вмѣстѣ съ заходомъ солнца въ мрачную и дикую котловину Коссо-Гидатль... Сдѣлали долгій переѣздъ, —и лошади, и люди были сильно утомлены. Безмолвная узкая тѣснина Койсу въ этомъ мѣстѣ расширяется въ круглую, довольно обширную поляну,

сплошь обставленную исполинскими стѣнами скалъ... Кажется, нѣтъ никуда выхода изъ этого кругомъ запертаго каменнаго котла...

Высоко за облаками торчатъ въ прохладной синевѣ вечерняго неба послѣдніе ярко освѣщенные утесы его скалъ.

На одномъ изъ нихъ, при самомъ устьѣ тѣснины, словно сторожъ у воротъ, высятся полуразрушенныя башни неприступнаго стариннаго зȁмка...

Вообще зȁмки вѣнчаютъ здѣсь утесы горъ при каждомъ важномъ проходѣ, при выходахъ и входахъ ущелья... Это сообщаетъ романтическую живописность дикимъ пейзажамъ Дагестана...

Пока я торопливо набрасывалъ въ путевой альбомъ грозную красоту этихъ поразительныхъ горныхъ декорацій, пользуясь послѣдними отблесками заходившаго солнца, распорядители нашего похода обыскали на берегу рѣки какой-то плетеный сарайчикъ, покинутый когда-то работавшими здѣсь инженерами, и устроили въ немъ довольно удобный для Дагестана ночлегъ мнѣ и брату... Мы напились чаю изъ походнаго самоварчика и поужинали, чѣмъ Богъ послалъ, подъ звѣзднымъ небомъ, весело болтая между собою...

Лезгины разсѣдлали лошадей и разлеглись на мягкой травѣ сырой низины...

Илико остался ночевать съ ними подъ открытымъ небомъ, въ тѣни большаго камня... Максиме и Павле легли въ сѣняхъ нашего барака, а два лезгина, кромѣ того, улеглись подъ нашими окнами сторожить на всякій случай.

Дѣло въ томъ, что въ лощинѣ, кромѣ насъ, ночевала огромная толпа татаръ изъ южнаго Дагестана, пригнанная сюда для проведенія дороги...

Максиме и всѣ наши нукеры серьезно боялись, чтобы эта вороватая толпа не обобрала насъ ночью или

не сдѣлала надъ нами чего-нибудь хуже... Караулъ около лошадей тоже былъ усиленъ.

* * *

Я зажегъ-было свѣчу и попробовалъ почитать бывшую со мною книгу, но скоро усталость одолѣла, и я словно провалился куда-то... Братъ давно храпѣлъ, не смотря на терзанья насѣкомыхъ, осыпавшихъ насъ въ этомъ походномъ пріютѣ... Все спало глубокимъ, безмятежнымъ сномъ людей, только-что слѣзшихъ съ сѣдла послѣ нѣскольких десятковъ верстъ по скаламъ и пропастямъ...

Вдругъ страшный трескъ и шумъ раздался въ моихъ сонныхъ ушахъ.

Вскочивъ какъ сумашедшій на ноги, я инстинктивно схватился за двѣнадцатиствольный револьверъ, лежавшій около моей подушки, и бросился къ окну... Братъ тотчасъ-же очутился возлѣ меня... Утлая оконная рама барака была выбита, и буря вмѣстѣ съ дождемъ неистово врывалась въ наше убѣжище, захлестывая постели наши частыми косыми струями воды... Мы высунулись въ окно, воображая, съ-просонья, что на насъ напали татары и что они лѣзутъ силою въ нашъ шалашъ... Однако, никого не было видно вблизи... Только двѣ темныя, укутанныя въ бурки фигуры лезгинъ, вскочившихъ вмѣстѣ съ нами при первомъ шумѣ, смутно выдѣлялись изъ мрака съ ружьями, перекинутыми на руку...

Черная и страшная ночь, какія рѣдко приходилось кому видѣть, стояла кругомъ. Сердитые удары грома потрясали каменныхъ великановъ, тѣсно обступившихъ насъ и загородившихъ отъ насъ все небо...

Молнія то-и-дѣло разрывала эту черную, глухую пелену, окутавшую мертвымъ саваномъ всю окрестность, навалившуюся на насъ непроницаемою свинцовою доскою... Душно и тяжко дышалось намъ на днѣ этого

чернаго, глубокаго котла, кипѣвшаго и вспыхивавшаго теперь какими-то адскими огнями...

Въ минуты, когда стихалъ громъ и потухала молнія, черная тьма была полна несмолкавшаго рева рѣки, спертой здѣсь, при крутомъ поворотѣ ущелья, чугунными пятами исполинскихъ скалъ...

Койсу ревѣла и билась, будто дикій звѣрь, въ этой каменной клѣткѣ своей...

Гулъ и стонъ ея не расходясь стояли среди этихъ сплошныхъ подоблачныхъ стѣнъ, отдаваясь въ ихъ сухомъ плитнякѣ звонкимъ эхо, будто въ стѣнкахъ гигантскаго барабана...

Среди сырой и душной черноты этого глухаго котла блудящіе огоньки ежеминутно вспыхивали и носились вѣтромъ надъ волнами рѣки, мигая, растекаясь, сбиваясь въ клубки, вытягиваясь дрожащими языками, блѣдные, трепещущіе, снующіе туда и сюда, будто безпокойныя души грѣшниковъ, не знающія гдѣ отыскать себѣ мѣсто...

Никакія волшебныя декораціи «Фрейшюца», никакіе выдуманные ужасы его Wolfsschlucht'а—не въ силахъ дать понятіе о томъ томительномъ впечатлѣніи, которое охватило мою полусонную фантазію при неожиданно распахнувшейся передъ нею картиной этой поистинѣ адской ночи, на днѣ этого поистинѣ дьявольскаго котла.

На-силу удалось заставить и завѣсить кое-чѣмъ окно и спасти отъ дождя свои постели...

* * *

Максиме обѣщалъ поднять насъ въ 3 часа, и я уже нѣсколько разъ просыпался съ ребячески-радостнымъ сознаніемъ, что насъ еще не будятъ, что еще можно поспать немножко сладкимъ утреннимъ сномъ... «Навѣрное, нашъ ретивый Максиме перетянулъ вчера на ночь лишнее изъ бурдючка, который у него на рукахъ, и проспалъ свой часъ»,—утѣшаю я себя сквозь сонъ.

Вотъ уже 5 часовъ, въ баракѣ нашемъ стало свѣтло и ярко, а на дворѣ ничего не слыхать, будто вымерло все кругомъ...

Крикнулъ погромче Максиме, Павле,—не отвѣчаетъ никто. Разбудилъ брата, начинаемъ вмѣстѣ съ нимъ соображать, что бы такое это значило...

Чуемъ, что недаромъ это всеобщее молчанье и этотъ неожиданно долгій сонъ.

Наконецъ-то входитъ Павле. Онъ совершенно смущенъ.

— Что такое, Павле? отчего мы стоимъ такъ долго?...

— Бѣда случилась! говоритъ Павле, не глядя на насъ.—Лошадей нашихъ угнали. Семь самыхъ лучшихъ выбрали, что подъ вами были, и нашихъ съ Максиме, и князя молодаго—Илико...

Мы такъ и разинули ротъ. — Вѣрно, татары, что ночевали здѣсь?

— Кто ихъ знаетъ! Должно быть, татары. Лезгины проснулись, ихъ уже ни одного нѣтъ, слѣдъ простылъ,— и лошадей семи нѣтъ; какъ нарочно, самыхъ лучшихъ...

— Вотъ тебѣ и доѣхали!...—сказали мы въ одинъ голосъ съ братомъ...—Какъ-же быть теперь?...

— Всѣхъ лезгинъ разослали на поиски и на горы, и въ ущелье... Давно ужь уѣхали, а что-то не видать,— безнадежно сообщалъ намъ Павле.

Помочь мы ничѣмъ не могли, а потому, для сбереженія времени, приказали Павле ставить самоваръ и давать чай... Илико и Максиме мы нашли на дворѣ. Оба переносили постигшее насъ горе, какъ подобаетъ храбрымъ мужамъ, привычнымъ къ дорожнымъ оказіямъ всякаго рода.

Усѣлись за самоварчикъ, вытянули по стаканчику бодрящаго напитка,—и какъ-будто на душѣ стало разомъ легче, и кругомъ будто стало веселѣе.

Ничего нѣтъ безплоднѣе малодушія, особенно въ

походѣ. Къ бѣдѣ прибавлять еще страхъ — это хуже самой бѣды. По крайней мѣрѣ я всегда въ этихъ случаяхъ утѣшаю себя мудрою пословицею нашего великаго терпѣливца, мужичка русскаго, съ которою онъ вотъ уже болѣе 1000 лѣтъ проживаетъ всякія свои горя и бѣды.

«Люди съ лихостью, а Богъ съ милостью». «Дождикъ вымочитъ, солнце высушитъ»... И точно, не успѣли встать мы изъ-за самоварчика, глядь—по обрывамъ скалъ показались въ разныхъ мѣстахъ лезгины... У каждаго въ поводу была лошадь... Чортъ ихъ знаетъ, что это за люди!... Какое у нихъ звѣриное чутье, какая птичья легкость и быстрота! Взобрались прямо на отвѣсныя скалы, безъ малѣйшаго слѣда и указанія, кто куда попалъ, разсыпались по лѣсамъ и ущельямъ, — и вотъ вамъ всѣ наши лошади на-лицо!... Словно сходили въ собственную конюшню и отвязали ихъ отъ яслей.

Сколько, подумаешь, верстъ пробѣжали они съ утра по этимъ неприступнымъ кручамъ, торопливо разыскивая въ каждомъ оврагѣ пропавшихъ коней!... И теперь отправятся съ нами на новыя кручи, на цѣлый день мучительной ѣзды, словно ни въ чемъ не бывало... Право, дьяволы, а не люди...

* * *

Не везетъ намъ этотъ день! не успѣли отъѣхать полуверсты, вьюкъ сорвался въ пропасть, съ трудомъ вытащили его молодцы нукеры. Да какъ и не сорваться! Недаромъ мы съ самой зари слышимъ какіе-то пушечные выстрѣлы...

Татары взрываютъ новую дорогу въ отвѣсныхъ стѣнахъ ущелья. Начальство взялось за умъ и хочетъ проложить по долинѣ Аварскаго-Койсу, черезъ самое сердце горнаго Дагестана, колесную дорогу. Обыкновенно наибамъ не дается никакихъ пособій для прове-

денія дорогъ, ни денегъ, ни пороху,—они все обязаны устроить и все дѣйствительно устраиваютъ даровыми силами мѣстнаго населенія. Но въ эту дорогу, повидимому, вмѣшивается инженерное вѣдомство, потому что тратятся и деньги, и порохъ.

Дѣйствительно, здѣсь уже встрѣчаются кое-гдѣ небольшіе отрывки довольно просторной и ровной дороги, по которой могла-бы проползти арба.

* * *

Но бóльшая часть дороги еще далеко не окончена, засыпана обломками скалъ, размыта дождями. Тяжелыя каменныя опухоли горы, одинокія корявыя, искривленныя деревья—на каждомъ шагу заставляютъ всадника или пригинаться къ сѣдлу, или сторониться такъ далеко, вися надъ пропастью, что немудрено вылетѣть изъ стремянъ или стащить съ собою въ пропасть лошадь, которой и безъ того стоять негдѣ...

Такой-то именно навѣсъ скалы и столкнулъ въ пропасть нашъ вьюкъ. Донимаютъ насъ и осыпи!...

Снѣжныхъ заваловъ уже не видно здѣсь, но каменныя песчаныя лавины нисколько не успокоительнѣе... Ѣдешь, ѣдешь, вдругъ—стопъ! Съ необозримой высоты, въ необозримую глубину, отъ облаковъ небесныхъ до волнъ Койсу, едва не отвѣсный откосъ изъ мелкаго щебня, изъ песку, изъ разсыпавшейся извести, срѣзаетъ, сглаживаетъ, какъ ножомъ, всѣ выступы и углубленія скалъ, заваливъ надалеко малѣйшій слѣдъ тропинки...

Некуда шагу ступить: заворачивай назадъ оглобли и уходи, откуда пришелъ! Кажется, и раздумывать, и выбирать не изъ чего, съ нашей обыкновенной человѣческой точки зрѣнія...

Но птицы-лезгины смотрятъ на это не такъ. Не успѣешь разинуть рта отъ изумленія,—уже они спѣшились, спустились съ дорожки въ кручу и смѣлой ногой

протаптываютъ себѣ путь черезъ эти всюду распалзывающіяся, осыпающіяся, изъ-подъ ногъ уходящія груды песку и щебня, ведя за собою смѣлою рукою такихъ-же смѣлыхъ коней...

Вотъ-вотъ, думаешь, эта движущаяся осыпь увлечетъ ихъ сейчасъ за собою, въ страшную отвѣсную глубь, надъ которою они пробираются...

А между тѣмъ не оставаться же одному на томъ берегу осыпи, не срамить же себя трусомъ въ глазахъ этихъ неустрашимыхъ молодцовъ, провожающихъ тебя съ такимъ уваженіемъ...

«На людяхъ, и вправду, смерть красна!...» Чего подумать-бы не смѣлъ сдѣлать въ-одиночку, то дѣлаешь почти автоматически, съ какимъ-то равнодушіемъ безнадежности, въ толпѣ народа, на глазахъ другихъ.

А то вдругъ перебьетъ тропу какой-нибудь чертовскій жолобъ, тоже перерѣзанный когда-нибудь лавинами, тоже въ нѣсколько верстъ длины отъ ледниковъ хребта до дна ущелья. На немъ видны еще тяжкіе сдвиги, глубокіе рубцы, сверкающіе отполированные слѣды, будто какой-нибудь исполинскій утюгъ прошелся сверху внизъ, ничего не разбирая, по всѣмъ этимъ шероховатымъ камнямъ, скатамъ, утесамъ, и сгладилъ все своею всепобѣждающею тяжестью...

* * *

Поневолѣ и дорога ежеминутно мѣняетъ направленіе, извивается вправо и влѣво, ныряетъ туда и сюда...

На многія-многія версты дорога эта держится на страшной, едва выносимой высотѣ, съ которой, не смотря на нашу привычку, до сихъ поръ жутко взглянуть внизъ на клокочущія черныя волны Койсу... И ничуть не отступитъ она отъ этого неразрывнаго тѣснаго сосѣдства съ ревущимъ и бѣгущимъ у ея ногъ стихійнымъ звѣремъ... Онъ не отстаетъ ни на шагъ отъ нея съ упорствомъ хищника, чующаго добычу,

увѣреннаго, что не въ эту, такъ въ ту минуту неизбѣжно оступится какая-нибудь нога, измѣнитъ какой-нибудь камешекъ...

Ужь слишкомъ долго, слишкомъ постоянно жутко!...

Рѣка тамъ внизу извивается такъ же, какъ дорога здѣсь на верху... Скалы, окружающія ее, будто играютъ съ нею, будто ее дразнятъ.

Только-что разступятся, распахнувъ, какъ ворота, настежъ свои гранитныя стѣны, только-что откроютъ ея нетерпѣливымъ волнамъ глубокій прямой коридоръ, какъ сейчасъ-же опять сдвигаются впереди, заслоняютъ ей ходъ необоримою твердыней и гонятъ ее, ревущую, грызущую, прыгающую отъ злобы, куда-нибудь вбокъ, иногда совсѣмъ назадъ, между рядовъ скалъ, чтобы черезъ нѣсколько шаговъ опять сблизиться плечомъ къ плечу, опять дать жосткій отпоръ своей каменной грудью этимъ расплясавшимся и распѣвшимся волнамъ, опять отбросить ихъ въ какую-нибудь новую тѣсную извилину, гдѣ уже ждутъ ихъ для новой потѣхи другія скалы, другія преграды...

Страненъ и своеобразенъ видъ этихъ скалъ. Передъ нами то гигантская черная плита, будто изъ чугуна вылитая, лоснящаяся какъ чугунъ, тяжкая какъ чугунъ, какъ чугунъ гладкая, на которой не остается слѣдовъ даже этихъ вѣчно грызущихъ ее волнъ бѣшеной рѣки. То вдругъ встаютъ и тянутся цѣлыми безконечными анфиладами громадные и несокрушимые природные бастіоны, съ круглыми желто-бѣлыми стѣнами, въ восемь и десять ярусовъ, перехваченныхъ каменными поясами, выступая и подаваясь назадъ, будто настоящая линія строго обдуманныхъ крѣпостныхъ верковъ.

Они вѣнчаются наверху въ облакахъ капризными остроконечными башнями и круглыми куполами сказочныхъ зáмковъ, должно быть—жилищами злыхъ ду-

ховъ, хозяевъ этой дикой тѣснины и тюремщиковъ этой дикой рѣки...

Художникъ могъ-бы срисовать съ нихъ фантастическій зáмокъ байроновскаго Манфреда, бесѣдовавшаго съ духами горъ, вызывавшаго ихъ на отчаянную борьбу.

VI

Переправа черезъ Томсы-Оръ

Ночной ливень не обошелся даромъ. Бѣшеные водопады Томсы-Ора, несущіеся по боковому ущелью изъ ледниковъ хребта въ Аварское-Койсу, сорвали мостъ, высоко вздернутый надъ рѣкою, и совершенно прервали нашъ путь...

Мы убѣдились въ этомъ, какъ-только стали спускаться во впадину Томсы-Ора... Множество народу сбилось на томъ берегу. Съ горы того берега поспѣшно съѣзжалъ къ намъ старшина округа съ толпою всадниковъ. Видно, что тревога поднята была уже давно и что мѣстные начальники употребляютъ всѣ усилія, чтобы приготовить намъ переправу...

Оригинальный тетъ-де-понъ снесеннаго моста одиноко торчалъ среди пѣны и брызговъ водопада. Такія основы мостовъ постоянно встрѣчаются въ Дагестанѣ. Чтобы поднять повыше надъ водою полотно моста, съ обоихъ береговъ закладываютъ въ землю и заваливаютъ тяжелыми камнями огромныя бревна, задранныя свободными концами по возможности выше надъ рѣкою; на нижній рядъ такихъ бревенъ кладутъ другой, выступающій еще дальше своими концами, на другой — третій, который свѣшивается еще далѣе. Такимъ образомъ обѣ основы моста значительно сближаются, такъ что возможно перебросить на нихъ бревна мостоваго

полотна, безъ пособія свай, быковъ и другихъ нижнихъ подпорокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ полотно это приходится довольно высоко надъ поверхностью рѣки, на случай если вода поднимется дождями. Въ общемъ получается видъ угловатой деревянной арки, перекинутой черезъ рѣчку.

Само-собою понятно, что такой способъ постройки возможенъ только на узенькихъ и быстрыхъ рѣчкахъ, гдѣ немыслимы сваи...

Съ одуряющею быстротою, клокоча, пѣнясь и всплескивая среди камней, несся черезъ пороги свои разбушевавшійся горный потокъ. Одинъ изъ нашихъ нукеровъ, лихой молодецъ на лихомъ конѣ, все время ѣхавшій въ головѣ отряда, смѣло ринулся въ водовороты Томсы-Ора... Его закружило и отнесло въ одно мгновенье на нѣсколько саженъ внизъ, какъ ни упирался могучій и привычный конь, какъ ни полосовалъ его нагайкой черезъ голову отчаянный джигитъ... Однако онъ все-таки переѣхалъ и даже возвратился назадъ, хотя далеко не въ томъ мѣстѣ, откуда отправился...

Мы съ братомъ и Илико тоже пришпорили-было своихъ лошадей, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ погрузиться въ волны Томсы-Ора, но Максиме и всѣ нукеры бросились на насъ въ какомъ-то испугѣ и остановили почти насильно. Старшина съ того берега тоже кричалъ что-то убѣждающимъ голосомъ, махая и головой и руками. Нечего было дѣлать, приходилось покоряться болѣе опытнымъ.

Между тѣмъ старшина уже разыскалъ огромный дубъ, застрявшій въ камняхъ потока, и вытаскивалъ его всѣмъ нарядомъ на берегъ.

По колѣна и по поясъ въ водѣ, держа другъ друга за руки, согнанный изъ ауловъ народъ съ крикомъ и толкотней таскалъ и укладывалъ большіе камни, на которые навалили дубъ, едва не захватившій всей ши-

рины потока... Къ этому дубу подвалили еще нѣсколько деревьевъ, наложенныхъ на камни,—и скороспѣлый, шатающійся мостъ былъ готовъ въ теченіе какого-нибудь часа.

Насъ перевели черезъ него на ту сторону, поддерживая за руки, какъ мы ни возставали противъ такого оскорбленія нашей ловкости и мужества. Охранители наши, повидимому, твердо знали отвѣтственность, которой они могли подвергнуться въ случаѣ какого-нибудь несчастія съ нами...

Какъ нарочно, противъ самаго впаденія Томсы-Ора, въ волнахъ Аварскаго-Койсу погибъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ плотъ съ офицерами нашего *войска*...

* * *

Но не такъ было легко переправить лошадей. Хотя вьюки съ нихъ сняли и перенесли на рукахъ черезъ дубъ, однако необыкновенная стремительность потока и масса большихъ камней, безпорядочно наваленныхъ на его днѣ, грозили серьезною опасностью...

Далеко не всѣ лошади были такой отваги и силы, какъ дорогой кабардинскій конекъ нашего передоваго джигита, съ мѣдною грудью, съ стальными ногами... Выбрали четырехъ всадниковъ понадежнѣе и, окруживъ ими сбитыхъ въ кучу лошадей, погнали съ крикомъ и гиканьемъ въ воду... Даже лезгинскіе кони призадумались-было и замялись передъ бѣшено низвергавшимися волнами потока. Но дружные удары нагаекъ и грозные крики толпы съ обоихъ береговъ не дали имъ времени мѣшкать. Ежась и тѣснясь другъ къ другу, нехотя полѣзли они въ воду... Они двигались черезъ потокъ, чуть переступая съ ноги на ногу, съ трудомъ ощупывая среди навороченныхъ камней свободное мѣстечко для копыта и напрягая всѣ усилія, чтобы противиться подмывавшей ихъ волнѣ... Словно по сговору, они всѣ инстинктивно повернули грудью почти навстрѣчу по-

току и старались перерѣзать его навкось въ гору... Но, не смотря на эту уловку и на всѣ ихъ усилія, все-таки ихъ относило внизъ какою-то неодолимою силою; намъ съ берега казалось, что они безплодно топчутся на одномъ и томъ-же мѣстѣ и что никогда не достигнуть имъ середины рѣки...

На рединѣ напоръ водъ былъ особенно неистовъ, а плотная куча вмѣстѣ сбившихся лошадей почти запружала потокъ...

Нѣсколько мгновеній онѣ усердно боролись съ нимъ, не подаваясь ни впередъ, ни назадъ... Вдругъ одна лошадь зашаталась, покачалась минуту, стараясь оправиться, и исчезла въ водѣ... Вслѣдъ за нею стали спотыкаться, шататься и нырять нѣсколько другихъ...

Моя лошадь опрокинулась тоже, и я мысленно поблагодарилъ судьбу за то, что меня удержали отъ глупаго намѣренія переѣхать рѣку вплавь.

Джигитъ, который былъ слѣва табуна, тоже окунулся вмѣстѣ съ конькомъ своимъ и насилу выскочилъ изъ хаоса камней, мокрый насквозь... Пустыя лошади выкарабкались гораздо скорѣе, и мало-по-малу добрели до того берега, при несмолкаемыхъ крикахъ народа, подъ цѣлымъ ливнемъ нагаекъ.

*
* *

Признаюсь, эта оригинальная переправа не только не досадовала, но даже очень забавляла меня. Я поднялся на высокій бугоръ и съ наслажденіемъ, знакомымъ только художнику, любовался на всю эту пеструю и шумную картину неподдѣльной дагестанской жизни.

Воображеніе переносило меня въ недавнія времена, когда такія-же толпы смѣлыхъ всадниковъ, вооруженныхъ съ головы до ногъ, переправлялись черезъ такія-же стремнины на какой-нибудь удалой набѣгъ, съ тою-же суетою, съ тѣмъ-же стукомъ оружія, топотомъ и ржаніемъ многочисленныхъ коней...

*
* *

Ну, слава Богу, переправа, наконецъ, кончилась, и всѣ теперь на берегу...

Толпа лезгинъ, собравшаяся на той сторонѣ, привѣтствовала насъ звуками зурны и барабана, за что нужно было разсыпать по обычаю горсть серебряныхъ абазовъ...

Провожаемые дудившими и гремѣвшими музыкантами, а за ними цѣлой толпой любопытныхъ, мы сдѣлали съ версту пѣшкомъ на гору, пока обсохнутъ наши мокрыя сѣдла и лошади... Вьюки наши тоже бережно неслись на рукахъ услужливыми лезгинами...

На половинѣ горы вдругъ два загорѣлыхъ, какъ цыгане, полунагихъ татарина молча загородили намъ дорогу, какъ заставой, своими желѣзными ломами.

Они не просили и не говорили ничего, довольно мрачно глядя на насъ, но, по всеобщему одобрительному смѣху провожавшей насъ толпы, мы безъ труда смѣкнули, что желѣзо нужно побѣдить серебромъ; дѣйствительно, грозное оружіе тотчасъ-же опустилось при видѣ вновь вынутыхъ абазовъ и мирно пропустило насъ дальше.

На первой зеленой лужайкѣ, гдѣ мы остановились поѣсть, новый старшина перемѣнилъ лошадей и конвой, и дорога стала дѣлаться значительно лучше, хотя все еще шла на головокружительной высотѣ и перебивалась кое-гдѣ осыпями...

Встрѣтить среди дагестанскихъ дебрей сносную, по крайней мѣрѣ, не мучительную дорогу—это такая радость, съ которою можетъ сравниться развѣ чувство путешественника, входящаго въ теплую избу послѣ долгихъ часовъ зимняго мороза и мятели... Начинаешь опять вѣрить въ жизнь, въ себя самого, въ возможность перенести все: самые прожитые страхи уже не кажутся такими страшными.

* * *

До сихъ поръ, кажется, мы, русскіе — по крайней мѣрѣ правящая здѣсь власть русская—далеко не достаточно оцѣнили все великое значеніе дорогъ для цивилизаціи и богатства Горнаго Кавказа.

Хорошая дорога — это лучшая цѣпь, которою можемъ мы приковать къ себѣ кавказскаго горца. Она во сто разъ плодотворнѣе и могущественнѣе всякихъ штыковъ и пуль...

Провести удобныя колесныя дороги черезъ всѣ закоулки Кавказа, это значитъ—смирить дикаго горца и обратить его въ дружелюбнаго сосѣда своего... Дорога нечувствительно придвинетъ недоступные теперь лезгинскіе аулы къ Тифлису, къ Владикавказу, къ Дербенту, къ Черному и Каспійскому морю, къ Грузіи и Россіи... По дорогамъ движется торговля и промыселъ въ обѣ стороны, и дагестанская искусница-ткачиха будетъ одѣвать въ свое мягкое «шали», въ свои бурки и ноговицы уже не однихъ домочадцевъ сакли своей.

Армянскій и русскій торгашъ откроютъ себѣ непочатый рынокъ для сбыта товаровъ въ этихъ недоступныхъ теперь никому, одичавшихъ орлиныхъ гнѣздахъ, откуда потечетъ широкою волною не имѣющее теперь никакой цѣны дорогое дерево, дорогая дичь, скотъ и проч., а пожалуй—еще разные металлы и камни...

Только по дорогамъ проникнутъ въ это первобытное царство кровавой мести, родовой исключительности, грубаго суда толпы, въ этотъ міръ языческаго суевѣрія и младенческой наивности—истинныя понятія о правѣ и правосудіи, истинное образованіе и истинное служеніе Богу правды и добра...

Хорошія дороги станутъ живыми артеріями, посредствомъ которыхъ глухія дебри Кавказскихъ горъ сростутся съ сердцемъ великаго царства русскаго и поне-

сутъ изъ него одну всѣмъ общую, питающую и животворящую кровь...

Первая дорога, это—первая побѣда надъ страною, надъ народомъ; побѣда гораздо болѣе полная и прочная, чѣмъ истребленіе огнемъ и мечемъ, побѣда миромъ, а не войною,—взаимною пользою, а не взаимнымъ вредомъ. Поэтому нельзя достаточно изумляться, почему еще такъ мало сдѣлано у насъ до сихъ поръ въ этомъ смыслѣ.

Прежде чѣмъ строить школы, неприивающіяся къ дикарю, воспитывать для нихъ учителей въ симинаріяхъ, изобрѣтенныхъ Европою, — необходимо изрѣзать удобными дорогами весь Дагестанъ, сдѣлать доступными вліянію цивилизаціи и вліянію государственной власти всѣ умы его...

Это нужно, кромѣ того, и съ чисто-военной точки зрѣнія.

* * *

Мы, русскіе, къ сожалѣнію и къ несчастію своему, слишкомъ разбрасываемся, слишкомъ полземъ въ ширь и вдаль... Мы необдуманно-жадны и необдуманно-предпріимчивы. Вотъ ужъ какой вѣкъ все расплываемся мы безъ удержу и отдыха въ безпредѣльныя степи сонной Азіи, поглощая бродячія орды дикихъ кочевниковъ, безразсчетно ослабляя свои внутреннія силы вѣчными задачами борьбы, разбавляя безъ всякой мѣры дорогіе концентрированные соки цивилизованнаго народа, словно бочками грошевой воды, этою черезчуръ обильною примѣсью доисторическихъ племенъ, окаменѣвшихъ въ своей патріархальной дикости...

Куда и зачѣмъ намъ лѣзть еще? Кого еще намъ завоевывать? Въ нашихъ собственныхъ нѣдрахъ у насъ еще безграничное и гораздо болѣе благородное поле для завоеванія, для привитія цивилизаціи дикарямъ. У насъ

еще слишкомъ много своихъ собственныхъ доморощенныхъ дикарей.

Всѣ горы Кавказа, цѣлый Дагестанъ—кишатъ ими. Вмѣсто того чтобы тратить по пятнадцати мильоновъ на присоединеніе новыхъ степей и проливать среди нихъ кровь своего народа,—во-стократъ было-бы выгоднѣе намъ обратить эти мильоны на благоденствіе тѣхъ забытыхъ нами странъ, гдѣ, вслѣдствіе нашего собственнаго невниманія и ошибокъ, до сихъ поръ живутъ не друзья, а враги наши, не цивилизованные граждане русскаго государства, а удалые разбойники; странъ, которыя, вмѣсто обогащенья казны государственной новыми доходами отъ мирнаго труда, требуютъ на себя огромныхъ непроизводительныхъ затратъ нашихъ кровныхъ русскихъ средствъ и вынуждаютъ обращать въ разорительный военный станъ цѣлый цвѣтущій и богато надѣленный край нашего азіатскаго юга...

* * *

Англичане или французы давно-бы на нашемъ мѣстѣ пересѣкли Дагестанъ вдоль и поперекъ широкими шоссейными дорогами, одинаково доступными арбѣ, нагруженной товарами, и пушкѣ, заряженной разрывными гранатами; отъ Чечни до Кахетіи, отъ Каспійскаго моря до Военно-Грузинской дороги, у нихъ-бы, конечно, безпрепятственно двигались купцы, чиновники, путешественники, войска и товары... А у насъ изъ столицы всего кавказскаго царства — Тифлиса, изъ Владикавказа — главнаго центра горской власти, изъ Дербента этого—самой природной созданнаго древняго торговаго порта Кавказскихъ горъ — приходится ѣхать во внутрь Кавказа словно въ какую-то сказочную страну Гипербореевъ, продѣлывая невозможныя трудности и опасности, теряя всякую надежду добраться безъ особенно счастливаго случая туда, куда нужно вамъ.

Вы ѣдете здѣсь, какъ ѣдемъ теперь мы, какъ ѣздятъ

по пустынямъ Сахары, по нѣсколько дней не видя человѣческаго жилья, цѣлымъ караваномъ, съ жареными баранами и бурдюками вина, подъ прикрытіемъ вооруженнаго конвоя, при неусыпной заботливости властей... Безъ этой обстановки здѣсь шагу ступить нельзя. Здѣсь въ цѣлой странѣ не увидите ни одной лавчонки, ни одного духана... А проведете дороги — все само собою закипитъ жизнью, выработаетъ необходимыя удобства.

Опытъ показываетъ, что дороги здѣсь легче устраивать, чѣмъ гдѣ-нибудь. Дайте въ руки наибамъ немного денегъ, немного пороху,—они вамъ проведутъ мѣстными силами населенія хорошіе каменные пути черезъ такія пропасти, куда иной инженеръ заглянуть боится. Лезгины—камнеломы и копачи наславу и знаютъ свои скалы, лавины и потоки, какъ крышу собственной сакли...

* * *

Надоѣдаетъ однако ненашутку эта нескончаемая дорога въ теченіе нѣсколькихъ дней—все въ одномъ и томъ-же ящикѣ, по обрывамъ все той-же немолчно грохочущей внизу черной, бурливой рѣки...

Будто никакъ вылѣзти не можешь изъ этого сухаго, безотраднаго горнаго царства. На что неприхотливы лезгинскіе аулы, я и они ушли высоко на темя горъ, гдѣ стелются хоть тощія альпійскія пастбища; ни одинъ не рѣшился сползти въ эти глубокія, безплодныя галлереи, пробуравленныя рѣкою въ толщахъ скалъ...

Мы видимъ отсюда аулы только кое-гдѣ, на недосягаемой высотѣ, за непроходимыми пропастями... Иногда за ближайшими скалами свѣтложелтаго известняка вдругъ откроется на заднемъ планѣ картины какая-нибудь громадная зеленая покатость, пестрѣющая наверху далекими аулами, садами, полями, пасущимися стадами скота. Теперь уже не провожаютъ насъ сплошныя гигантскія стѣны, поднимающіяся выше облаковъ.

Долина Аварскаго-Койсу понижается все рѣшительнѣе, и съ нею вмѣстѣ мельчаютъ и понижаются обступившія ее скалы... Бастіонами и редутами всевозможныхъ формъ, многоэтажными башнями, зубчатыми готическими замками, затѣйливыми индѣйскими пагодами, — стоятъ кругомъ насъ эти капризно изглоданные стихіями, ослѣпительно яркіе на жаркомъ лѣтнемъ солнцѣ, бѣлые и желтые известняки... Еслибъ не титаническіе размѣры ихъ, право, подумалъ-бы, что эти нерукотворенныя твердыни—дѣло искуства человѣческаго, грубыя укрѣпленія тѣхъ первобытныхъ великановъ, которыми переполнены древнія легенды кавказскихъ горцевъ...

*
* *

Направо отъ насъ ущелье Гидъ-Ора, впадающаго въ Койсу, поворачиваетъ въ плодоносную зеленую котловину Гидатля, одну изъ самыхъ богатыхъ и значительныхъ мѣстностей средняго Дагестана.

Верхній, нагорный Дагестанъ, съ его суровостью и безплодностью, съ его непроходимыми пропастями и одичавшимъ патріархальнымъ населеніемъ, теперь уже за нами, и мы вступили въ центръ былаго могущества Дагестана, въ многолюдныя общины Аваріи, всегда державшія въ своихъ рукамъ направленіе общественной мысли и рѣшеніе всѣхъ важныхъ общихъ дѣлъ лезгинскаго народа. Здѣсь же болѣе всего развито дагестанское скотоводство и обычные дагестанскіе промыслы, такъ что это центръ не только нравственныхъ вліяній, но и матеріальнаго богатства страны.

Гидатлинскія общества славятся среди всего Дагестана сравнительной образованностью и благосостояніемъ своихъ жителей. Они живутъ чище и пристойнѣе другихъ, обезпечены во всемъ и составляютъ предметъ зависти сосѣдей. Изъ Гидатля выходили ученые и вліятельные лезгины, игравшіе роль въ судьбахъ страны...

Обширная зеленая котловина Гидатля, счастливая рѣдкость среди тѣсныхъ ущелій Дагестана, — покрыта по всѣмъ своимъ скатамъ зажиточными аулами... Аулъ Орода выдѣляется во главѣ ихъ. Намъ видны отсюда изъ ущелья высоко подъ синимъ небомъ сады и дома гидатлинскихъ ауловъ... Гидатлинцы держатъ множество скота. Въ иныхъ обществахъ приходится на душу около 30 штукъ овецъ и около 10 штукъ рогатаго скота. Хлѣба хватаетъ на весь годъ; внизу сѣется даже пшеница. А сады гидатлинцевъ кишатъ всякими плодами. Даже виноградъ вызрѣваетъ на низкихъ южныхъ покатостяхъ. Къ Гидатлинскому наибству принадлежатъ и селенія Кельскаго общества, славящіяся въ горахъ лучшими лезгинскими сукнами (шали); женщины ихъ удивительно-искусныя ткачихи и за зиму продаютъ сотканныхъ ими шалей не менѣе какъ рублей на 60 каждая хозяйка; кусокъ шали обыкновенно стоитъ здѣсь рублей 10. Шали эти идутъ въ Грузію и Кахетію.

Кельцы никогда не стригутъ своихъ овецъ и никогда не спускаютъ ихъ съ заоблачныхъ альпійскихъ пастбищъ въ долины. Они обираютъ съ нихъ шерсть только тогда, кода она начинаетъ вылѣзать сама собою, и этимъ объясняютъ необыкновенную мягкость своихъ тканей... Самыя знаменитыя кельскія ткачихи считаются въ аулѣ Ругильдѣ.

Но и вообще въ Гидатлинскомъ округѣ всякія мастерства и не мало торговыхъ людей, ведущихъ дѣятельную мѣновую торговлю въ прикаспійскомъ Дагестанѣ... Естественныя богатства этой благословенной долины Гидатля издавна производили впечатлѣніе какого-то баснословнаго обилія на сосѣднихъ жителей сухихъ, солнцемъ выжженныхъ горъ.

* * *

Сохранился шуточный разсказъ объ одномъ жителѣ Тилитля, который первый разъ въ свою жизнь спу-

скался пѣшкомъ въ длинной бараньей шубѣ съ своихъ горъ въ долину Гидатля... Полилъ сильный дождь, и шуба горца, отяжелѣвъ отъ воды, стала ползти по землѣ...

— Вотъ такъ поистинѣ счастливая страна! — сказалъ самъ себѣ удивленный горецъ.—Недаромъ идетъ объ ней слава по всему Дагестану! Даже и шубы тутъ растутъ!...

Молодецъ сообразилъ, что онъ можетъ теперь, не тратя лишней овчины, сшить себѣ новую папаху, и потому, не долго думая, отхватилъ ножемъ тащившіяся по землѣ полы шубы...

Сдѣлавъ въ Гидатлѣ свое дѣло, возвращается онъ назадъ въ свои горы... Дождь между тѣмъ прошелъ, стало жарко, шуба дорогою высохла и сдѣлалась, конечно, гораздо короче, чѣмъ была...

— Фу, ты дьяволъ!—сердится бѣдный горецъ, замѣтивъ при входѣ въ родное селенье, что шуба ему по колѣна, — что за проклятая наша сторона!... Здѣсь пропадаетъ даже и то, что выросло въ счастливомъ Гидатлѣ!

* * *

Мы расположились отдохнуть въ одномъ изъ гидатлинскихъ хуторковъ, заполонившемъ ущелье своими садами. Само ущелье становится здѣсь шире, мирнѣе, люднѣе...

Курчавые кусты виноградниковъ, густыя чащи садовъ, ряды пирамидальныхъ тополей, поднимающихъ свои стройные зеленые минареты надъ массою деревьевъ, все это напоминаетъ гораздо болѣе Кахетію или Крымъ, чѣмъ тотъ непріютный Дагестанъ, который мы только-что проѣхали...

Здѣсь уже не видно грозныхъ башенъ надъ аулами, и сами дома не имѣютъ мрачнаго вида неприступныхъ бойницъ.

Насъ соблазнила тѣнь орѣховъ и каштановъ, и мы,

не входя въ домъ, расположились прямо въ саду на берегу рѣки.

Здѣшніе сады—это отлично обработанный огородъ, засѣянный кукурузою, ячменемъ, коноплею, заросшій въ разныхъ мѣстахъ всевозможными плодовыми деревьями. Тутъ и волошскій орѣхъ, и курага (мелкая порода абрикосовъ), и алыча (кислая кавказская слива), и шелковица, и груши, и яблоки... Вмѣсто огорода часто виноградникъ, разведенный по искусно насыпаннымъ террасамъ, ступенями уходящимъ къ рѣкѣ... Такія террасы устраиваются здѣсь и для полей, иногда на очень большія пространства; всѣ онѣ насыпаются мозолями и горбомъ вѣчной труженицы — дагестанской женщины. Всѣ полевыя и хозяйственныя работы и здѣсь, точно также какъ въ Верхнемъ Дагестанѣ, лежатъ на женщинѣ... Она здѣсь такъ-же забита, такъ-же обращена въ безпрекословную рабу, въ безсловесное вьючное животное, какъ и вездѣ на этихъ вольныхъ горахъ, прославленныхъ своею геройскою любовью къ свободѣ...

И здѣсь она собственными руками мелетъ зерно въ муку и носитъ на своемъ хребтѣ тяжелые вьюки дровъ черезъ пропасти, сберегая своему владыкѣ болѣе дорогаго ишака...

* * *

Гидатлинцы хвастаются, что у нихъ лѣсъ близко, не такъ какъ у сосѣдей, только за гору перевалить. «Рано поутру баба выйдетъ въ лѣсъ, а къ вечеру уже возвратится съ вязанкою дровъ на спинѣ», наивно описываютъ они это хозяйственное удобство свое.

И сады, и поля гидатлинца перерѣзаны многочисленными, ловко проведенными оросительными канавами. Дагестанецъ, хотя и въ лицѣ женщины своей, является вполнѣ способнымъ къ сельско-хозяйственному

труду вездѣ, гдѣ природа даетъ ему возможность этого труда...

Когда дашь себѣ безпристрастный отчетъ во всемъ, что видишь здѣсь, —составишь о дикомъ горцѣ Дагестана гораздо болѣе уважительное понятіе, чѣмъ мы имѣемъ о немъ изъ нашего прекраснаго далека, черезъ обманчивые телескопы Петербурга или Москвы. Такимъ привольемъ дышетъ этотъ тѣнистый садъ лезгина, полный всевозможныхъ плодовъ земныхъ, насаженный не для цѣлей торговли, не для питанія другихъ, а на собственную потребу своего хозяина. Взгляните на его тонкія одежды, на тяжеловѣсныя серебряныя украшенія его, на его дорогое и разнообразное оружіе, на его лихаго коня, на его многочисленный скотъ, на его самоувѣренный, достоинства исполненный видъ, —право, всему этому можетъ позавидовать любой житель нашихъ плодоносныхъ черноземныхъ равнинъ, съ своими вѣчными заботами о хлѣбѣ насущномъ, въ своихъ смиренныхъ одеждахъ, съ своимъ приниженнымъ духомъ...

* * *

Отлично отдохнули мы въ тѣни садика, на разостланномъ коврѣ, освѣжая свое нутро, раскаленное невыносимымъ жаромъ дня, прохладнымъ, кислымъ молокомъ и свѣже-нарванными абрикосами... Но хозяинъ, очевидно возносившійся своимъ познаніемъ свѣта и цивилизованныхъ обычаевъ, не отпустилъ насъ безъ чая... Подъ вѣтвями дагестанскаго орѣха явился не только тульскій самоваръ, но даже стаканы съ серебряными ложечками, что привело въ искреннее отчаяніе мое сердце кавказскаго туриста, жаждавшее впечатлѣній неподдѣльной горской жизни...

Мы и выспались немножко, пока спадалъ жаръ...

Прямо надъ нами, сквозь зеленые просвѣты деревьевъ, поднималась въ самое небо темная мгла окру-

жающихъ горъ и выше ихъ знойная, густая синева кавказскаго неба... Внизу подъ нами, въ глубинѣ обрыва, рокотала свою вѣчную несмолкающую пѣсню, сладко убаюкивая насъ, мутная Койсу.

* * *

Гостепріимный дагестанскій Авраамъ, пріютившій насъ въ своей дубравѣ Мамврійской, показалъ намъ всѣ подробности своего домовитаго хозяйства; какъ у всякаго зажиточнаго хозяина, кунацкая у него отдѣлена отъ домашняго жилья и устроена по общему мѣстному типу: двѣ полутемныя комнатки съ галлерейкою, низенькія, неуклюжія скамеечки съ грубою рѣзьбою изъ тяжелаго орѣха, въ уголку старое прадѣдовское креслецо, такой-же грубой, хотя и затѣйливой работы, священная принадлежность владыки дома, реликвія цѣлаго рода...

Дубовый столбъ, поддерживающій балку потолка, весь въ оружіяхъ, старинныхъ и новыхъ... По голымъ стѣнамъ, гладко смазаннымъ глиною, пустыя ниши, только наверху по стѣнамъ развѣшена и разставлена всякая посуда: фаянсовая, глиняная, стекляная, большею частью самаго обычнаго разбора дешевыхъ русскихъ лавокъ; просверленныя тарелки, обломки блюдъ, все виситъ здѣсь вмѣсто украшенія. Ниже посуды, вѣроятно, вмѣсто картинъ, ковровъ и драпировокъ, прибиты кое-гдѣ куски яркаго ситца, пестрые носовые платки и одѣяла... Все вмѣстѣ производитъ впечатлѣніе дѣтской наивности и дѣтскаго безвкусія.

Но проводники наши и самъ хозяинъ глядѣли на это игрушечное убранство какъ на верхъ роскоши и приличія и, очевидно, ждали отъ насъ горячихъ похвалъ и искренняго изумленія...

* * *

Гидатлинскій Авраамъ смутилъ всѣ мои понятія о патріархахъ, съ благодарностью принявъ отъ насъ

плату за сѣнь своего шатра и за «упитаннаго тельца», закланнаго имъ для странниковъ...

Мы опять очутились въ пеклѣ каменнаго ящика, безпощадно накаляемаго солнцемъ. Пить хотѣлось до-смерти. То-и-дѣло нукеры ныряли съ лошадьми въ кручу, чтобы зачерпнуть чернаго, грифельнаго настоя, который называютъ здѣсь водою Аварскаго-Койсу. Съ непривычки страшно прикоснуться губами къ этому отвратительному раствору грязи.

Но ключей тутъ почти нѣтъ, лѣсовъ не видать въ этой каменной пустынѣ, а жажда мучитъ. Лезгины увѣряютъ ктому-же, будто чистая ключевая вода далеко не такъ здорова, какъ этотъ настой грифеля. Дѣлать нечего,—пьютъ всѣ, пьешь и ты, да еще какъ жадно пьешь...

Цикады своимъ несмолкаемымъ жестянымъ чирканьемъ заглушаютъ даже ревъ рѣки. Кажется, онѣ однѣ только наслаждаются этою сухостью и этимъ зноемъ. Иначе не поднимали-бы онѣ своего надоѣдливаго концерта.

VII.

Христіанская святыня Дагестана

ЛЕЗГИНЫ что-то совѣщаются съ Максиме и пріостанавливаютъ своихъ коней. Максиме съ довольнымъ видомъ киваетъ головою и подъѣзжаетъ къ намъ, полный какой-то загадочной торжественности.

— Церковь тутъ есть старинная, неподалеку въ ущельѣ,—объявляетъ онъ намъ важнымъ голосомъ многоопытнаго чичероне.—Если угодно, можно заѣхать посмотрѣть... Начальники всегда заѣзжаютъ...

Мы повернули влѣво и въѣхали въ лабиринтъ сухихъ, обрывистыхъ известняковъ.

Высокія стѣны голыхъ скалъ сплошнымъ кольцомъ замыкаютъ спрятанную внутри ихъ круглую полянку, перебитую тощимъ ручейкомъ.

Только одинъ узкій проходъ ведетъ здѣсь въ природную крѣпость, которую десять человѣкъ легко могли-бо отстоять отъ цѣлаго войска... Отвѣсныя стѣны защищаютъ сами себя; вода внутри; запасы хлѣба можно было безъ труда сложить въ одну изъ тѣхъ пещеръ, что окаймляютъ стѣны изнутри... Около нихъ замѣтны кучи развалившихся каменныхъ строеній...

Но мы разглядѣли и другой задній выходъ изъ этого первобытнаго укрѣпленія. Онъ ведетъ въ другую котловинку, такую-же круглую, такъ-же глубоко спрятанную, такъ-же со всѣхъ сторонъ обставленную неприступными голыми стѣнами скалъ... Это цитадель въ цитадели. Ручей начинается здѣсь, у подошвы известковаго холма, посерединѣ котловины... На холмѣ высится почти цѣликомъ сохранившійся христіанскій храмикъ глубочайшей древности... Онъ сложенъ изъ огромныхъ, тщательно отесанныхъ камней бѣлаго известняка, на прекрасной бѣлой извести, окаменѣвшей въ теченіе вѣковъ и сдѣлавшей неразрушимыми толстыя стѣны храма.

Высокіе своды строгой геометрической красоты и простоты, напоминающіе своими художественными линіями лучшіе памятники грузинской архитектуры, вполнѣ сохранились внутри маленькаго храма; узкія, поднятыя высоко окна-бойницы, характерныя для древнихъ церквей Кавказа, наполняютъ этотъ бѣлый храмикъ таинственнымъ синимъ свѣтомъ глядящаго въ него сверху далекаго неба... Здѣсь, однако, не только домъ молитвы, но и осадная башня...

По обѣимъ сторонамъ алтарика, на высотѣ трехъ

аршинъ, узкіе ходы ведутъ внутрь пустыхъ стѣнъ, которыя въ минуты опасности легко могли наполняться защитниками... Тамъ, подъ прикрытіемъ наружной стѣны, имъ было безопасно и удобно посылать черезъ узкія отверстія бойницъ градъ камней, пуль или стрѣлъ на головы осаждающихъ...

Ясно, что въ вѣка сѣдой старины это былъ укрѣпленный монастырекъ какихъ-нибудь смѣлыхъ послѣдователей Христа... Можетъ быть, генуэзцы или даже греки (раньше ихъ), слѣды которыхъ несомнѣнно существуютъ въ Чечнѣ и Дагестанѣ,—воздвигли этотъ передовой оплотъ христіанства среди язычниковъ и мусульманъ Аваріи. При Юстиніанѣ, въ VI вѣкѣ по Рождествѣ Христовѣ, греческіе монастыри, часовни и крѣпостцы проникали съ изумительною предпріимчивостью въ самые глухіе уголки горнаго Кавказа и горнаго Крыма.

* * *

Лезгины, провожавшіе насъ, относились къ старому храмику съ суевѣрнымъ благоговѣніемъ, словно къ своей собственной святынѣ...

Они называютъ его «гатанъ», какъ всякую вообще христіанскую церковь.

Кто построилъ «гатанъ», по ихъ словамъ, не знаютъ самые сѣдые столѣтніе старики, и дѣды ихъ говорили имъ, что даже ихъ дѣды не знали народа, тутъ прежде жившаго и построившаго эту церковь...

Такъ стара она. Старики ихъ только знаютъ по преданіямъ предковъ, что давно-давно весь Дагестанъ поклонялся кресту и молился въ такихъ «гатанахъ»... Весь народъ ихъ почитаетъ старый «гатанъ»... и боится прикоснуться къ нему, потому что въ немъ живетъ грозный святой... При Шамилѣ, по словамъ ихъ, тутъ даже жили христіанскіе монахи, и имамъ приказалъ повѣсить за ноги тѣхъ людей, которые посмѣли разо-

рить монастырь и побить монаховъ, чѣмъ навлекли на лезгинскій народъ гнѣвъ грознаго святаго...

* * *

Трогателенъ этотъ неожиданный видъ стариннаго христіанскаго храмика, скромно бѣлѣющаго своими благочестивыми стѣнами въ своей нерукотворной оградѣ скалъ, среди могильнаго безмолвія пустыни... Можетъ быть, цѣлое тысячелѣтіе стоитъ онъ здѣсь, такой-же пустой и безмолвный, охраняемый суевѣрнымъ ужасомъ дикарей, слушая все одну и ту-же тоскливую пѣсню отшельника-ручья, шевелящагося у ногъ его... Ниоткуда не видно его, ничего и ему не видно. Рѣдкій смѣльчакъ-лезгинъ заглянетъ подъ его таинственные своды, гдѣ живетъ невѣдомый таинственный духъ...

Камни разрушенныхъ жилищъ да горячія, сухія скалы — одни окружаютъ его своими мертвыми объятіями, задвигая отъ него весь міръ, да сверху глядитъ въ его каменную могилу также вѣчно безмолвное синее небо..

Это одинъ изъ очень рѣдкихъ памятниковъ христіанства внутри мусульманскаго Дагестана.

А между тѣмъ смутныя преданія лезгинъ — историческая истина.

Дагестанъ, дѣйствительно, былъ когда-то христіанскій. Еще св. Елисей, ученикъ апостола Ѳадея, по преданіямъ старыхъ армянскихъ хроникъ, проникалъ изъ Агованіи въ Чога, т. е. Дербентъ и въ горную страну маскутовъ, или масагетовъ, т. е. теперешній Дагестанъ, для проповѣди христіанства.

Судя по множеству евреевъ, жившихъ въ прежніе вѣка въ Дагестанѣ и вездѣ служившихъ первыми проводниками христіанства, религія Распятаго Мессіи должна была очень рано зачаться въ этихъ горныхъ странахъ... Евреи, жившіе внѣ Палестины, разселенные по Кавказу и въ другія далекія страны Востока разными

завоевателями, какъ Тиглатъ Пелезеръ, Салманасаръ и др., еще задолго до Навуходоносорова плѣненія, не были заражены холодными себялюбивыми ученіями фарисеевъ и садукеевъ и встрѣчали благовѣстіе о пришествіи на землю Мессіи, обѣщаннаго пророками, со всею жаркою искренностью патріархальнаго народа...

Древній Мцхетъ, населенный евреями, ближайшій сосѣдъ Дагестанскаго нагорья, недаромъ связалъ свое имя съ первыми преданіями христіанства о нешвенномъ хитонѣ Спасителя, недаромъ сталъ первымъ очагомъ христіанства въ Грузинскомъ царствѣ подъ вдохновенной проповѣдью св. Нины, пришедшей изъ Іерусалима, столицы еврейской, и радостно обрѣтшей здѣсь своихъ еврейскихъ собратьевъ...

* * *

Св. Елисей претерпѣлъ мученическую смерть въ Агованіи, въ долинѣ Зергуни, успѣвъ, повидимому, обратить ко Христу только отдѣльныхъ лицъ, но не пошатнувъ старыхъ вѣрованій цѣлаго народа.

300 лѣтъ спустя, уже послѣ крещенія Арменіи, молодой епископъ Агованіи и Иберіи, Григорисъ, родной внукъ Григорія, просвѣтителя Арменіи, послѣдовалъ по пути апостольскаго мужа и, пробравшись въ страну маскутовъ, своей смѣлой проповѣдью едва было не обратилъ въ христіанство царя маскутовъ Санесана, вѣроятно, одного изъ предковъ тѣхъ самыхъ нуцаловъ аварскихъ, жившихъ въ Хунзахѣ, которые подобно Санесану, какъ увѣряетъ дагестанскій историкъ Мухамедъ-Рафи, считали себя потомками армянской династіи Арсакидовъ... Но Санесанъ, повѣствуетъ лѣтописецъ, по внушенью сатаны, предалъ Григориса мученической смерти, и съ тѣхъ поръ лѣтописи не сообщаютъ никакихъ точныхъ свѣдѣній о христіанствѣ Дагестана.

Очевидно, оно распространялось постепенно изъ

Мцхета и съ береговъ Чернаго моря, грузинами, армянами, греками..

Но проповѣдь христіанства была слишкомъ отрывочна и непрочна.

Священныя книги не переводились на языкъ, знакомый горцамъ Дагестана, образованіе и мягкость нравовъ не могли проникнуть въ глухія дебри, и дикарь-язычникъ, поклонявшійся силамъ природы, всему, чего онъ боялся или въ чемъ нуждался, оставался и послѣ крещенья въ вѣру Христову тѣмъ-же суевѣрнымъ фетишистомъ, тѣмъ-же грубымъ идолопоклонникомъ, какимъ былъ прежде, присоединивъ только нѣсколько новыхъ священныхъ именъ, дней и обрядовъ къ прежней младенческой демонологіи своей, къ прежнимъ своимъ жертвамъ и пиршествамъ...

Въ VII вѣкѣ нашей эры покореніе Дагестана арабами, одушевленными завоевательной идеей ислама, положило навсегда конецъ дагестанскому христіанству.

Хотя языческія вѣрованія, праздники и обычаи Дагестана далеко не были подавлены новою религіей, хотя дагестанскіе мусульмане и до сихъ поръ являются во многихъ мѣстностяхъ гораздо болѣе языческими фетишистами, чѣмъ правовѣрными послѣдователями Магометова единобожія, но все-таки арабы съумѣли основать на исламѣ, путемъ шаріята, гораздо болѣе прочное соціальное и политическое устройство кавказскихъ горцевъ, чѣмъ это могли сдѣлать грузинскіе цари и императоры Греціи...

* * *

Отъ Гидатлинскаго моста дорога уже совершенно удобна для колесъ, для цѣлыхъ обозовъ.

Тѣсное ущелье замираетъ наконецъ въ своимъ послѣднихъ оплотахъ, и передъ нами надалеко раскрывается широкая, живописная панорама...

Это, однако, еще не равнина, это еще «страна горъ»,

во всемъ своемъ развалѣ огромныхъ, капризно перепутанныхъ, капризно построенныхъ горъ...

Характерная и оригинальная картина, какой не увидишь нигдѣ, кромѣ средняго Дагестана, этого истиннаго центра «страны горъ»...

Словно безчисленное множество гигантскихъ, скалистыхъ острововъ усѣченными пирамидами, съ плоскимъ и широкимъ теменемъ, поднимаются изъ моря туманныхъ далей, образуя вмѣстѣ необъятный каменный архипелагъ... Ничего не сообразишь въ этомъ лабиринтѣ змѣевидныхъ, сплетающихся ущелій, пересѣкающихъ другъ друга, сливающихся другъ съ другомъ, въ этомъ хаосѣ скалъ, набросанныхъ и сдвинутыхъ другъ къ другу безъ всякаго плана и порядка...

Но за то въ нихъ всѣхъ одна идея, одинъ архитектурный типъ: вездѣ глазъ встрѣчаетъ только неприступныя многоэтажныя крѣпости, окруженныя со всѣхъ сторонъ пропастями, будто природнымъ рвомъ, широкія внизу, съуживающіяся кверху отъ одного яруса къ другому, увѣнчанныя наверху ровнымъ и просторнымъ гласисомъ съ отвѣсными краями.

Это не только «страна горъ», но и «страна крѣпостей», созданныхъ самою природою. Не зная исторіи Дагестана, по одному взгляду на формы его горъ можно угадать его прошлое, судьбы его внѣшней и внутренней жизни. .

Мысль объ отчаянной защитѣ, о борьбѣ съ врагомъ до послѣдней крайности—здѣсь внушается сама собою, однимъ созерцаньемъ горнаго ландшафта... Самая ничтожная сила должна чувствовать себя грозною и непобѣдимою подъ защитою этихъ естественныхъ твердынь, смѣло манящихъ къ себѣ даже робкій и недогадливый духъ, обѣщающихъ ему вѣрное, недосягаемое убѣжище за этими пропастями, на этихъ отвѣсныхъ скалахъ...

Привали только къ краю пропасти кучу камней,

вездѣ наваленныхъ, отовсюду сыплющихся,—вотъ тебѣ и готовое природное оружіе для этой природной крѣпости, съ которымъ горсть смѣльчаковъ остановитъ армію...

Ландшафтъ Дагестана—это раздробленіе и обособленіе, проведенное до послѣднихъ предѣловъ... Всякая скала—островъ, разобщенный безднами отъ всего міра, недоступный, безпріютный, угрожающій. Дагестанъ ощетинился своими утесистыми горами, будто дикобразъ своими иглами... Ни одна не коснется другой; всѣ враждебно и недовѣрчиво торчатъ въ разныя стороны...

Такова-же развилась и жизнь дагестанскихъ народовъ.

Никогда не могъ Дагестанъ составить изъ себя одно сплошное царство, одинъ крѣпкій союзъ; никогда не имѣлъ онъ одного языка. Его издревле называютъ «гора языковъ».

Племена его многочисленнѣе, чѣмъ племена любаго большаго государства. Каждая гора заселена особеннымъ племенемъ, каждая деревня говоритъ особеннымъ нарѣчіемъ, непонятнымъ для другихъ.

Аварцы ненавидятъ кумыховъ, дидойцы — капучей, андійцы—табасаранцевъ. Въ каждой общинѣ свой обычай, свои законы на все, непохожая на другихъ одежда, чуждыя другимъ празднества.

Даже одна и та-же рѣка называется десятью различными именами, протекая десять сосѣднихъ ущелій.

Никто не хочетъ знать ничего общаго: ни общихъ законовъ, ни общихъ интересовъ, ни общаго имени...

Названіе лезгинъ, которымъ мы обозначаемъ жителей Дагестана, чуждо самимъ дагестанцамъ. Они въ своихъ собственныхъ устахъ — цези, цунта, анцухъ, беджа, кумыхъ, но вовсе не лезгины.

*
* *

Чуждый Дагестану, пришлый элементъ исламизма, правда, внесъ въ него нѣкоторыя слабыя искры сознанія своего единства по вѣрѣ.

Но самымъ могучимъ и безпощаднымъ борцамъ ислама, каковъ былъ, напр., Шамиль, стоило мучительныхъ трудовъ воплотить, хотя временно, во что-либо реальное и практическое эту слабо-тлѣющую въ Дагестанѣ идею религіознаго единства своего.

Не смотря на свою желѣзную волю и на свой геній народнаго устроительства, Шамиль палъ въ концѣ концовъ жертвою непосильной борьбы съ духомъ обособленія и розни, вѣками укоренившейся въ племенахъ Дагестана, непобѣжденной даже исламомъ... Одна за другою покинули его на произволъ судьбы горскія общины, негодовавшія на его деспотизмъ единовластителя, на подавленіе имъ разнородныхъ мѣстныхъ обычаевъ, или народныхъ адатовъ, однообразными предписаніями шаріята; грозный владыка Дагестана былъ взятъ русскими войсками въ послѣднемъ убѣжищѣ своемъ Гунибѣ, защищаемый всего только нѣсколькими сотнями лично преданныхъ ему мюридовъ. Даже домашній бытъ дагестанскаго жителя, устройство его аула, его сакли,—весь дѣлается ясенъ изъ этого типическаго рельефа родныхъ ему горъ.

Эти скалы-крѣпости, торчащія среди пропастей, ниоткуда недоступныя, съ плоскими вершинами,—очевидный идеалъ лезгинскаго жилища... Въ его аулъ точно также не влѣзешь ни съ какой стороны, въ его саклю точно также нужно ползти и карабкаться, рискуя сломать себѣ голову. Точно также онъ покоенъ и безопасенъ только на своей плоской крышѣ, гдѣ происходитъ вся его работа, и весь отдыхъ его... Каменныя твердыни, стелющіяся плоскими террасами, раздѣленныя глубокими, узкими трещинами, жилища-бойницы, дома-башни,—таковъ общій видъ дагестанскихъ горъ...

Рѣдко гдѣ природа проникла такъ глубоко своимъ собственнымъ характеромъ духъ и привычки человѣка, рѣдко гдѣ удалось ей сдѣлать изъ его жизни такой полный образъ и подобіе свое, какъ въ Дагестанѣ...

* * *

Гунибъ постигаешь заранѣе, еще не видя его. Тутъ десятки Гунибовъ кругомъ: это понимаетъ даже человѣкъ, непричастный военному дѣлу. Вездѣ столовыя горы, неприступныя какъ Гибралтаръ, куда ни взглянешь. Гунибъ тутъ дѣлается не только возможнымъ, а просто необходимымъ. Вонъ онъ свѣтится своею тупою пирамидою, ярко освѣщенный лучами вечерняго солнца, блѣдно-красный, какъ пламя, среди лиловаго тумана, въ которомъ тонетъ его широкая основа...

Его заслоняетъ отъ насъ причудлиная усѣченная пирамида другой ближайшей горы—Тилитля, «чемоданъ-горы», по мѣткому прозвищу нашихъ солдатиковъ. Подальше, поправѣе, Кегерскія высоты, утесистый Турчи-Дагъ...

Всѣ эти острова-крѣпости, облитые огнями заката, плаваютъ, какъ и скала Гуниба, въ лиловыхъ волнахъ тумана... Ближе къ Гунибу, Хунзаху, — этимъ центрамъ дагестанской власти, новой и старой, — страна дѣлается гораздо населеннѣе, обработаннѣе, цвѣтущѣе... Дикая пустыня кончается; начинается хотя какое-нибудь движеніе торговли, промысловъ и общественныхъ сношеній...

* * *

Налѣво отъ насъ, по выступамъ горъ, бѣлѣютъ строгіе и рѣшительные зигзаги почтовой дороги въ Хунзахъ; Хунзахъ недавно еще былъ столицею аварскихъ хановъ, или нуцаловъ, самыхъ могущественныхъ властителей Дагестана. Мюридизму Кази-Муллы и Шамиля стоила дорого упорная борьба съ вѣковымъ авторитетомъ хунзахскихъ нуцаловъ, и аварцы долго оста-

вались заклятыми врагами Шамиля за вѣроломное избіеніе мюридами древняго рода нуцаловъ.

Въ первый разъ мы начинаемъ встрѣчать нагруженныя арбы, народъ, двигающійся на базаръ... Дрова, сложенныя въ сажени, роскошныя поля кукурузы, частые сады съ изгородями и превосходнымъ орошеньемъ,— все говоритъ глазу путника о близости большихъ поселеній и значительнаго рынка. Дѣйствительно, тутъ аулы очень часты,—одинъ на другомъ.

Мы въѣхали въ живописно-раскинутый по берегу небольшой рѣчки аулъ Холотль, гдѣ предстоялъ намъ послѣдній ночлегъ передъ Гунибомъ...

Его пирамидальные тополя и террасы плоскокрышихъ саклей, освѣщенныхъ яркимъ закатомъ, вырѣзались очень красиво на стемнѣвшемъ лиловомъ фонѣ горъ... Намъ отвели почти пустое, хотя обширное помѣщеніе во второмъ этажѣ совершенно новой сакли, при въѣздѣ въ аулъ... Мы не сходили съ крыши балкона, пока лезгины изъ разныхъ мѣстъ таскали въ пустыя комнаты подушки, тюфяки и ковры.

Холотльскій наибъ былъ единственный изъ мѣстныхъ властей Дагестана, который не оказалъ намъ никакого вниманія. Причиной этому было, впрочемъ, случайное обстоятельство—что мы перемѣнили, въ концѣ нашего путешествія, маршрутъ, начертанный намъ въ Ени-Сели, и потому попали теперь въ округи, не предупрежденные о нашемъ проѣздѣ распоряженіями заботливаго князя Дж. Въ нашемъ ночлегѣ нельзя было достать рѣшительно ничего—ни посуды, ни стола, ничего съѣдобнаго. Пришлось посылать нукеровъ добывать всякую всячину по аулу. Наибъ, къ которому мы послали просить оказать намъ содѣйствіе въ наймѣ лошадей и назначеніи конвоя, не хотѣлъ, повидимому, затруднить себя этими заботами, и только послѣ нѣсколькихъ возобновленныхъ настояній явился къ намъ самъ...

Открытые листы и рекомендательныя письма даны были изъ Тифлиса на имя брата, какъ одного изъ членовъ мѣстной тифлисской администраціи; поэтому брату и пришлось повести съ наибомъ довольно долгій и крупный разговоръ... Здѣсь на востокѣ необходимо отстаивать очень настойчиво авторитетъ своего положенія и своихъ правъ, примѣняясь къ грубому взгляду восточнаго человѣка на свойства власти...

Наибъ былъ лезгинъ громаднаго роста, смуглый, какъ негръ, съ двухъ-аршинными плечами, съ Георгіемъ на груди. Онъ тоже былъ изъ числа шамилевскихъ и храбро потомъ бился въ рядахъ русскихъ. Въ концѣ концовъ, онъ, кажется, созналъ свою оплошность и хотя отговаривался предстоящимъ на завтра проѣздомъ вновь назначеннаго начальника западнаго Дагестана, князя О., — однако, обѣщалъ приготовить лошадей и конвой...

* * *

Напившись чаю и поужинавъ, чѣмъ было возможно, долго лежали мы втроемъ съ Илико на крышѣ дома, господствовавшей надъ ауломъ...

Вечеръ надвинулся быстро и окутывалъ всю широкую долину, разстилавшуюся подъ нами...

Столовыя горы Гуниба, Тилитля, Турчи-Дага, направо отъ насъ, еще были освѣщены по тупымъ макушкамъ своимъ послѣдними лучами давно уже скрывшагося отъ насъ солнца... Налѣво, за густыми синими волнами хребта, куда уходило ущелье Койсу, сіяла блѣдная серебряная пирамида вѣчно снѣжной Боготы, цѣлый нынѣшній день провожавшая насъ сзади... Аулъ, кое-гдѣ еще прохваченный розовыми и огненными тонами заката, стихалъ въ шорохѣ рѣчки, тихо пробирающейся среди тополей и чинаръ... Неслышно расходилась толпа народа, собравшагося посмотрѣть рѣдковидимыхъ здѣсь путешественниковъ. Неслышно двига-

лись на той сторонѣ, отъ мечети, богомольные лезгинскіе старики, только-что возсылавшіе Аллаху послѣднюю вечернюю молитву...

Все рѣдѣютъ живописныя фигуры на плоскихъ кровляхъ, стоявшія, сидѣвшія; коврики сосѣднихъ крышъ покрываются спящими...

Весь аулъ мало-по-малу засыпаетъ...

Чуть прорѣзанный рогъ новой луны уже спускается къ горизонту, наполняя какимъ-то сладкимъ миромъ эту тихую долину...

Звѣзды высыпаютъ и роятся на глубокой, теперь почти черной синевѣ...

А прямо противъ насъ, въ тѣнистой рощѣ тополей, громадное мусульманское кладбище аула какъ-то странно начинаетъ бѣлѣть среди надвинувшейся темноты своими безчисленными стоячими камнями, узкими и высокими, какъ человѣкъ, въ каменныхъ чалмахъ и тюрбанахъ на каменныхъ головахъ...

Въ полу-дремотѣ ночи чудится, будто это — тѣсносбившіяся толпы мертвецовъ въ бѣлыхъ саванахъ, несчетныя поколѣнія когда-то жившихъ здѣсь, поднимаются на смѣну уснувшей жизни изъ своихъ глухихъ могилъ, неподвижно созерцать пустынную красоту ночи и слушать убаюкивающую пѣснь рѣчныхъ струй...

Они наклонились другъ къ другу, кто вправо, кто влѣво, какъ расшатанный частоколъ, и неслышно шепчутъ другъ другу таинственныя саги о темномъ и страшномъ мірѣ, въ который ведутъ черныя пасти ихъ могилъ...

Не изъ этой-ли пасти вѣчности льется на землю, окутывая ее все глубже и глуше туманами тьмы, и та черная ночь, въ которой безслѣдно утонули горы и сады аула, съ которою чуть борется тамъ наверху весь мигающій звѣздами, какъ изъ огней сотканной ризою, далекій небесный сводъ?...

VIII

Походъ на Гунибъ

Утромъ дѣйствительно лошади были приведены, и новые нукеры ожидали насъ внизу.

Еще раньше, часа въ 3 утра, прошелъ мимо съ удалыми пѣснями отрядъ конныхъ милиціонеровъ,— «полкъ», какъ его здѣсь называютъ. Въ каждомъ значительномъ селеніи есть такой «полкъ» хорошо вооруженныхъ всадниковъ, обязанный нести въ мирное время службу почетныхъ конвоевъ.

Здѣшнія военныя пѣсни, какъ и въ Беджѣ, и у дидойцевъ,—все тѣ-же самыя, постоянно возобновляющіяся рѣзкія взыванія, оканчивающіяся страннымъ мелкимъ речитативомъ. Это лихой вызовъ кому-то, безъ всякой мелодіи и темпа...

Только въ 5 часовъ утра, уже въ сильный жаръ, удалось намъ выбраться изъ Холотля; мы переправились черезъ отличный широкій мостъ, украшенный по угламъ высокими раскрашенными столбиками съ магометанскою луною,—можетъ быть, еще остатокъ Шамилева величія.

Тутъ нѣтъ еще никакихъ эмблемъ Россіи, никакого признака русской власти: ни звука русскаго, ни русскаго лица. Новые нукеры объяснили намъ и тайну вчерашняго невниманія къ намъ наиба. Мы не взяли къ нему записочки на татарскомъ языкѣ отъ прежняго наиба, а русскаго открытаго листа не могъ никто прочитать, пока не пришелъ какой-то писарь... Здѣсь всюду приходится имѣть двойныхъ и тройныхъ переводчиковъ. Знающій грузинскій языкъ переводитъ по-лезгински приказанія Максиме, которому мы поручаемъ то или другое. Часто лезгинъ не говоритъ нарѣчіемъ переводчика, и приходится отыскивать еще одного посредника.

Сдѣлавъ 15 верстъ бойкою рысью, мы пріѣхали

въ Карадагское укрѣпленіе. Это—важный стратегическій пунктъ средняго Дагестана; ущелье Каракойсу поворачиваетъ здѣсь къ Гунибу, и широкій удобный мостъ черезъ рѣку оберегается нашею крѣпостцею. Она построена въ формѣ блокгауза съ узкими бойницами, вся изъ камня и желѣза, и довольно сильна. Полторы роты пѣхоты составляютъ ея обычный гарнизонъ. Въ сторонѣ отъ крѣпости разбитъ лагерь линейнаго батальона, стоятъ на зеленыхъ лафетахъ сверкающія мѣдныя пушки. Признаюсь, несмотря на всю грозную живописность и поразительную оригинальность пустынныхъ дагестанскихъ ущелій, мы съ чувствомъ самой искренней радости увидали наконецъ, послѣ столькихъ дней скитанья среди чуждыхъ намъ одеждъ и лицъ, среди непонятныхъ намъ языковъ, родныя бѣлыя рубахи нашихъ молодцовъ-солдатиковъ русскихъ, услышали знакомую россійскую ругань, ощутили знакомый запахъ махорки и кислой капусты...

Солдатики лежали и сидѣли вдоль берега рѣки, покуривая коротенькія трубочки, и очевидно наслаждались короткимъ кейфомъ послѣ ученья...

Однако, не меньше родныхъ солдатиковъ обрадовались мы и духану, на который вдругъ наѣхали около крѣпости, первому духану, встрѣченному нами въ Дагестанѣ. Содержитъ его, конечно, никто иной, какъ армянинъ. Духанъ полонъ всякихъ товаровъ и закусокъ, винъ и водокъ. Мы довольно жадно набросились на астраханскій балыкъ и на свѣжее карадагское вино, послѣ скромной трапезы Холотля. Съ лошадьми опять вышла путаница. Отсутствіе охраняющей насъ десницы сказывалось на каждомъ шагу. Наибъ не предупредилъ насъ, что въ Карадагѣ кончается его округъ и что намъ слѣдовало заранѣе предупредить сосѣдняго наиба. Посылать къ нему было далеко, да и когда-бы собралъ онъ намъ лошадей, угоняемыхъ обыкновенно въ горы на цѣлый день!

Пробовали достать у военныхъ властей, найти у нихъ какое-нибудь содѣйствіе; но поѣздка къ нимъ въ крѣпость Илико не имѣла успѣха. Въ этомъ критическомъ положеніи мы рѣшились прибѣгнуть къ нѣкоторому насилію. Угрозами и обѣщаніями удалось убѣдить холотльцевъ проводить насъ на тѣхъ-же лошадяхъ черезъ чужое наибство до самаго Гуниба. Иначе пришлось-бы заночевать около карадагскаго духана.

* * *

Мы нарочно сдѣлали крюкъ, чтобы проѣхать знаменитою въ Дагестанѣ «карадагскою щелью».

Свѣтло-желтыя известковыя скалы, въ нѣсколько сотъ футовъ, прорѣзаны насквозь, сверху-донизу, будто лезвеемъ ножа, узкою трещиной, не болѣе полутора аршина ширины и около полуверсты длиною... Одна лошадь только-что умѣщается между тѣсно сближенныхъ, совершенно отвѣсныхъ и гладкихъ стѣнъ, раздѣленныхъ узенькимъ русломъ пересохшаго ручья. Въ большіе дожди это сухое русло обращается въ глубокій сокрушительный потокъ и трещина дѣлается непроходимою...

Узкая полоска жаркаго синяго неба чуть виднѣет- надъ этой колоссальной естественной галлереей, въ которой стоитъ какой-то странный желтоватый полусвѣтъ и отрадная прохлада. Огромные камни, оборвавшіеся съ карниза стѣнъ, застряли высоко наверху, между стѣнъ, и висятъ тамъ, надъ головами проѣзжающихъ, съ самой недвусмысленной угрозою...

Другіе проскочили, не защемившись, на дно ущелья и загораживаютъ тамъ путь...

Жутко было проѣзжать подъ этими каменными ядрами, ежеминутно готовыми сорваться и раздавить неосторожнаго любопытнаго.

Эта оригинальная трещина напомнила мнѣ извѣст-

ныя Gorges du Trident въ ріонской долинѣ швейцарскаго Валисса...

Карадагская щель еще у́же валисской, но не имѣетъ тѣхъ эффектовъ бурнаго ручья и тѣхъ трясущихся надъ водопадами живописныхъ балкончиковъ и мостиковъ, которыми привлекаютъ къ себѣ туристовъ Gorges du Trident. Оригинальный хозяинъ живетъ въ этомъ оригинальномъ жилищѣ...

На страшной высотѣ, среди отвѣсной стѣны, какой-то безумный смѣльчакъ устроилъ себѣ воздушную пасѣку...

Черныя пчелы привыкли наносить медъ въ частыя норы скалы, и придпріимчивый лезгинскій хозяинъ, ихъ выслѣдившій, устроилъ около ихъ природныхъ ульевъ утлую площадочку изъ прутиковъ, гдѣ едва могутъ помѣститься двѣ человѣческія ноги...

Чтобы подняться къ этой даровой пасѣкѣ своей, отчаянный смѣльчакъ натыкалъ кое-гдѣ въ скалу чуть замѣтные глазу прутики, за которые онъ хватается, карабкаясь, какъ паукъ, по отвѣсной стѣнѣ, вися надъ бездною...

Давно уже существуетъ эта безхитростная первобытная пасѣка дагестанца. Разсказываютъ, при взятіи Гуниба, наивный пасѣчникъ умолялъ нашихъ солдатъ не разорять его пчелъ и не трогать меду его. Ему казалось такъ просто и соблазнительно для каждаго сломать себѣ шею на этой чортовой стѣнѣ изъ-за горсти его меда.

Покойный Государь Александръ Николаевичъ, бывши въ Гунибѣ, посѣтилъ карадагскую щель, гдѣ ему былъ устроенъ завтракъ на открытомъ воздухѣ; паукъ-пасѣчникъ привѣтствовалъ Бѣлаго Царя громкимъ «ура» съ высоты своего пчелинаго гнѣзда, за что удостоился получить въ награду десять рублей и царское спасибо...

* * *

Хотя Гунибъ виденъ намъ уже 2-й день, но подниматься на него приходится что-то очень долго...

Все кружишься вокругъ него, опоясывая улиткою постепенные подъемы горы, будто обманывая высоту...

Тупая пирамида Гуниба имѣетъ въ нижнемъ обхватѣ своемъ не менѣе 30 верстъ. Горы и утесы самаго разнообразнаго вида со всѣхъ сторонъ заслоняютъ и защищаютъ подступы къ ней... Подумаешь, гунибская гора — чистый вулканъ. Она вся кругомъ обсыпана низвергающимися сверху камнями и облаками скалъ, будто грозный редутъ ядрами... Цѣлый хаосъ разрушенія у подножій ея... Древніе сказали-бы, что съ Гуниба титаны бомбардировали небо кусками скалъ, а боги Олимпа отвѣчали имъ сверху такимъ-же градомъ камней.

Не выберешься изъ этого хаоса!

Лошади, застигнутыя жаромъ полудня, утомленныя двойнымъ походомъ, еле двигаются по нескончаемо-длинному подъему, который съ каждымъ шагомъ дѣлается круче... Однако, среди этихъ сплошныхъ обваловъ скалъ то-и-дѣло попадаются аулы, сады, поля, мучительнымъ трудомъ освобожденныя отъ грудъ каменнаго мусора и постоянно опять засыпаемыя имъ...

Тутъ пшеница и наша родная рожь-кормилица, но больше всего кукурузы.

Несмотря на царство камней, прекрасная, обильнѣйшая вода льется на каждомъ шагу, питая роскошные сады...

* * *

Среди этого неогляднаго хаоса скалъ и обломковъ, кое-гдѣ зеленѣющаго садами, высится до самыхъ облаковъ тяжкая пирамида Гуниба... Верхняя площадь ея поднята почти на 8000 футовъ надъ моремъ, совершенно отвѣснымъ столомъ. Площадь эта — цѣлый маленькій округъ верстъ 30 въ окружности. Тамъ наней

свои горы и равнины, утесы и ущелья, лѣса и рѣки, поля и сады...

Тамъ можно жить годы, не нуждаясь ни въ чемъ существенномъ, имѣя все у себя дома, на этомъ поднятомъ въ небо, неприступномъ островѣ.

Обиліе водъ на верхней площади Гуниба такое, что со всѣхъ краевъ столовой горы она сочится, стекаетъ ручьями по крутымъ скатамъ пирамиды. Дровъ, хлѣба, плодовъ—всего тамъ довольно, если всѣмъ заняться хорошенько. Оттого-то Шамиль и выбралъ себѣ послѣднимъ убѣжищемъ эту природную крѣпость, гдѣ онъ былъ независимъ отъ всѣхъ и всего.

* * *

Наконецъ сквозь утесы, окаймляющіе, будто зубцы крѣпостной стѣны, край верхней площади, забѣлѣлись башни нашей цидатели, закраснѣлись ея желѣзныя крыши...

Русская цитадель залѣзла какъ-разъ на то мѣсто, откуда вошли 25 августа 1859 года войска, взявшія Гунибъ. Она представляетъ собою ничтожную каплю, висящую на углу скалы громаднаго обхвата всей заоблачной равнины Гуниба. Гунибъ взятъ былъ чудомъ. Его защищало всего 327 храбрецовъ. Сторожевые посты лезгинъ, не болѣе 6, 7 человѣкъ въ каждомъ, прятались съ своими кремневыми винтовками въ наименѣе приступныхъ мѣстахъ верхняго карниза, и этой защиты было вполнѣ достаточно, чтобы уничтожить всякій отрядъ, который-бы осмѣлился взбираться на голыя отвѣсныя стѣны... Не было-бы даже и надобности прибѣгать къ пулямъ, столь дорогимъ для лезгина. Стоило бы только слегка двинуть растреснувшіе зубья крайнихъ утесовъ—и осаждающіе были бы погребены подъ обломками скалъ... Только въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь наша крѣпость, т. е. съ южной стороны, скаты столовой горы нѣсколько покаты, и потому тутъ

были устроены завалы, насыпи и стояли пушки Шамиля...

Князь Барятинскій съ резервами стоялъ на противоположной Кегерской горѣ, за рѣкою, почти на одной высотѣ съ Гунибомъ, который былъ весь виденъ ему.

Значительный отрядъ въ 9 батальоновъ пѣхоты былъ назначенъ на приступъ Гуниба, защищаемаго ничтожною дружиною Шамилевыхъ мюридовъ. Противъ каждаго сторожеваго поста лезгинъ приходилось почти по батальону русскихъ войскъ.

Счастливый случай помогъ нашимъ удалымъ солдатикамъ одолѣть неодолимую твердыню.

* * *

Первыми взяли Гунибъ храбрецы апшеронцы, бывшіе тогда подъ начальствомъ прославленнаго потомъ кавказскаго героя Тергукасова. Темною ночью, передъ самымъ разсвѣтомъ, мальчишка-пастушекъ провелъ сто человѣкъ апшеронцевъ по непроходимымъ крутизнамъ, ползкомъ, на четвереНькахъ, къ подножьямъ отвѣсной стѣны скалъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ не было караула Шамиля... Никто не дохнулъ, не говорилъ ни слова... Тихонько втянули къ этому мѣсту осадныя лѣстницы; онѣ, конечно, оказались коротки, но русскій солдатъ не привыкъ останавливаться передъ такими пустяками. Передовой солдатикъ вскарабкался немножко на утесъ, юнкеръ, взбиравшійся за нимъ, подставилъ ему плечо... снизу подставили плечи другіе... И такимъ образомъ помаленьку, какъ пауки, чуть держась надъ бездною на коготочкахъ собственныхъ рукъ, хватаясь за ничтожныя неровности голой скалы, на головахъ и плечахъ другъ друга,—трое отчаянныхъ смѣльчаковъ успѣли вскарабкаться на крайній утесъ и, обвязавъ его веревкою, спустили ее къ товарищамъ...

Но въ это мгновенье шумъ падавшихъ камней разбудилъ лезгинскій караулъ, стоявшій на углу скалы...

Уже стало свѣтать, и проснувшійся караулъ вдругъ увидалъ подъ собой лѣзущихъ прямо къ нимъ на приступъ остальныхъ апшеронцевъ батальона...

Это была ловкая диверсія, которая отвлекла вниманіе сторожеваго поста отъ взбиравшейся съ боку его отчаянной сотни... Какъ-только вся сотня была на верху, разсчетъ съ сторожевымъ постомъ былъ коротокъ. Только трое уцѣлѣвшихъ храбрецовъ успѣли вскочить въ караульную башенку на скалѣ: они дорого продали свою жизнь. Разстрѣлявъ всѣ свои заряды, съ кинжалами въ рукахъ, какъ бѣшеные звѣри, вырвались они изъ бойницы и бросились прямо на штыки русскихъ, разя направо и налѣво...

Это былъ мулла и съ нимъ два мальчика, 17 и 13 лѣтъ... Проколотые насквозь, вертясь, какъ на вертелѣ на трехгранномъ остріѣ штыковъ, они все еще продолжали колоть и убивать, и много русскихъ головъ положили кругомъ, пока не испустили свой отчаянный духъ. Сторожевой постъ, взятый апшеронскимъ батальономъ, былъ самый дальній отъ гунибскаго аула, и никто не могъ подать ему помощи...

*
* *

Другіе батальоны въ это время тоже лѣзли со всѣхъ сторонъ на приступъ...

Услышавъ наверху горы побѣдоносное русское «ура», увидавъ русское знамя, развѣвающееся на гунибской бойницѣ, всѣ горцы въ паническомъ ужасѣ оставили свои сторожевые посты и бросились въ аулъ, гдѣ сбились безпомощнымъ стадомъ вокругъ своего суроваго вождя..

А русскіе батальоны, съ барабаннымъ боемъ, съ радостными криками «ура», между тѣмъ со всѣхъ сторонъ вливались все больше на верхнюю площадь Гуниба, разрушая завалы, захватывая пушки, одолѣвая обрывы и пропасти... Аулъ былъ обложенъ, но еще не сдавал-

ся... Наконецъ, прибылъ князь Барятинскій, и Шамиль черезъ своихъ наибовъ вступилъ въ переговоры

Ему обѣщали жизнь, но не хотѣли обязываться никакими другими условіями и требовали безусловной сдачи.

Долго колебался суровый имамъ, не довѣряя своимъ вѣковымъ врагамъ. Онъ судилъ русскихъ по самому себѣ и потому страшился самой жестокой участи. Наконецъ, видя, что все погибло, что никакого исхода нѣтъ, рѣшился сдаться со всѣмъ семействомъ на милость Бѣлаго Царя... Въ немъ недостало мужества погибнуть во главѣ своихъ послѣднихъ мюридовъ, съ священной пѣснью на устахъ, съ оружіемъ въ рукахъ, къ чему онъ столько лѣтъ фанатически призывалъ и вдохновлялъ своихъ вѣрныхъ послѣдователей...

* * *

Онъ не съумѣлъ довершить во всей полнотѣ строгаго образа имама Магометова, презирающаго блага жизни, смѣло предающагося волѣ Аллаха, съ радостью ведущаго правовѣрныхъ на смерть въ полѣ брани, откуда смѣлыя гуріи переносятъ горцевъ прямо въ сады рая... Онъ нарушилъ законъ Магомета и свою собственную проповѣдь мюридизма, смиренно покорившись гяурамъ и вступивъ въ соглашеніе съ ними, ради спасенія своихъ женъ и дѣтей...

Этого до сихъ поръ не мугъ забыть ему дагестанскіе фанатики мюридизма, десятки лѣтъ страдавшіе за него сами и заставлявшіе страдать за него всю родную страну.

Въ тѣнистой рощѣ, на верхней равнинѣ Гуниба, въ которой мы съ братомъ мирно гуляли на другой день нашего гунибскаго пребыванія, совершилась торжественная сдача Шамиля русскому главнокомандующему. До сихъ поръ уцѣлѣлъ камень съ надписью, на которомъ сидѣлъ окруженный блестящею боевою сви-

тою своей князь Барятинскій, принимавшій побѣжденную наконецъ грозную саблю имама дагестанскаго...

Мрачно и уныло смотрѣли на униженнаго вождя своего и на торжествующаго побѣдителя столпившіеся вокругъ Шамиля смущенные наибы и мюриды его, эти могучіе и неукротимые львы пустыни, надѣвавшіе тутъ въ первый разъ цѣпи неволи...

Съ поразительной психической правдой и удивительнымъ художественнымъ мастерствомъ изобразилъ этотъ трагическій моментъ кавказской исторіи художникъ-воинъ Горшельтъ въ великолѣпномъ альбомѣ, поднесенномъ жителями Тифлиса счастливому побѣдителю Шамиля...

*
* *

Такъ завершилась долгая кровая драма, начавшаяся въ Чечнѣ и закончившаяся въ Дагестанѣ, по разсказамъ людей, нетолько видѣвшихъ развязку ея, но принимавшихъ самое дѣятельное участіе въ приступѣ и паденіи Гуниба.

*
* *

Между тѣмъ мы забирались все выше и выше, все съ бóльшимъ и бóльшимъ трудомъ, по ущельямъ, спиралью вьющимся вокругъ толщей гунибской горы.

Аулы дѣлаются все чаще по мѣрѣ подъема, и мы ѣдемъ чуть не по кровлямъ ихъ. Жители смотрятъ на насъ съ мрачнымъ, хотя и безмолвнымъ недружелюбіемъ. Женщины ихъ, ширококостныя, плечистыя, низкорослыя, изуродованныя непосильною работою, окутанныя грязными цвѣтными тряпками, въ цыганскихъ развѣвающихся мантіяхъ, толпятся на плоскихъ крышахъ и въ узенькихъ проулочкахъ.

Въ Хинзахѣ насъ долго провожаетъ густо заселенное памятниками старое мусульманское кладбище. Оно производитъ тяжкое впечатлѣніе своими громадными башнями чернаго грифеля, иногда аршина по 3 высоты,

стоймя торчащими въ разныя стороны, будто давно уже обглоданные и давно уже высохшіе костяки.. Тутъ-же, у дороги, обычные памятники убитымъ—низенькія стѣнки съ нишами и плитами, разукрашенныя цвѣтными тряпицами и разными надписями изъ корана... Сурово глядящіе на насъ сѣдые и красные лезгины съ нахмуренными бровями не забыли еще—въ войнѣ съ кѣмъ погибли эти герои народа ихъ, ихъ отцы и братья...

Гунибская крѣпость стоитъ на уступѣ скалы, на искусственно выровненной площадкѣ, значительно ниже большой верхней площади, гдѣ былъ Шамилевъ аулъ. Она окружена низенькою стѣною, имѣетъ нѣсколько воротныхъ укрѣпленій. Внутри маленькій чистенькій городокъ съ хорошенькими, будто только-что отстроенными бѣлыми домиками подъ ярко-красными крышами, съ рядами миловидныхъ итальянскихъ тополей, съ довольно многочисленными лавками и базаромъ...

Прежде чѣмъ подняться въ крѣпость, мы должны были дать роздыхъ лошадямъ, совершенно измученнымъ нестерпимо-долгимъ и нестерпимо-крутымъ подъемомъ. Въ лѣсочкѣ, полномъ зеленыхъ лужаекъ и ручейковъ, мы разлеглись отдохнуть подъ тѣнью деревьевъ, пустивъ коней на траву... Гунибъ былъ достигнутъ, спѣшить было некуда; прямо надъ нами стояли башни и стѣны крѣпости. Мы даже выспались порядочно и тѣмъ временемъ послали всевѣдущаго Максиме раздобыться какой-нибудь квартиры. Не дождавшись, однако, возвращенія своего «*каравенъ-баши*», мы двинулись къ крѣпости и встрѣтили его уже въ воротахъ князя Барятинскаго.

Максиме объявилъ намъ, что въ Гунибѣ нѣтъ ни гостиницъ, ни постоялыхъ дворовъ, ни частныхъ домовъ, а одни только казенныя помѣщенія для гарнизона крѣпости; но А. Ш. Т—въ, помощникъ начальника

Средняго Дагестана, любезно приглашалъ насъ къ себѣ, на свою холостую квартиру.

Звонкій топотъ множества подкованныхъ ногъ нашего маленькаго отряда надалеко раздавался по мощеннымъ улицамъ, вызывая любопытство малолюднаго населенія крѣпости, не привыкшаго къ пріѣзду стороннихъ людей...

Солдатики въ бѣлыхъ и красныхъ рубахахъ, горцы въ буркахъ, осѣдланные горскіе кони — вотъ единственная публика гунибскихъ улицъ. Ни одной женщины не встрѣтилось здѣсь намъ, какъ подобаетъ крѣпости.

* * *

А. Ш. Т—въ прелюбезный и интересный для насъ хозяинъ. Это человѣкъ боеваго и административнаго опыта, смотрящій здраво на здѣшнія дѣла и здѣшнихъ людей. Онъ теперь однимъ изъ главныхъ хозяевъ на томъ самомъ Гунибѣ, на утесы котораго, еще будучи юнкеромъ, взлѣзъ почти первымъ во главѣ лихачей-апшеронцевъ въ достопамятную ночь гунибскаго плѣненія. Освѣжившись и позавтракавъ у него, мы отправились съ визитомъ къ кн. О., начальнику Дагестана, а вмѣстѣ съ тѣмъ и коменданту Гунибской крѣпости...

Князь—человѣкъ семейный и по родственнымъ связямъ своимъ принадлежитъ къ числу лучшихъ фамилій Грузіи. Семейство его не живетъ въ настоящее время въ Гунибѣ.

Князь принялъ насъ очень радушно и крайне удивился нашему пріѣзду въ Гунибъ.

«Если-бы я не видѣлъ васъ своими глазами, говорилъ онъ намъ, то никогда не повѣрилъ-бы, чтобы вы могли проѣхать Верхній Дагестанъ. Мнѣ доложили утромъ, что двое штатскихъ прибыли изъ Тифлиса

черезъ горы, и, признаюсь, я думалъ, что мнѣ переврали что-нибудь.»

У коменданта былъ проѣздомъ его родственникъ, тоже кн. О., только-что прибывшій изъ Петербурга на должность начальника Западнаго Дагестана; кромѣ того нѣсколько офицеровъ и наибовъ...

* * *

Сладко уснули мы въ первый разъ на настоящихъ постеляхъ, послѣ нечистоты и неудобства ауловъ, съ удовольствіемъ вспоминая, что на завтра мы не будемъ обязаны провести цѣлый день на сѣдлѣ. Чуть свѣтъ заиграли трубы, затарахтѣли ружейные выстрѣлы. Это—самое подобающее впечатлѣніе для ночлега въ крѣпости. Они, однако, не помѣшали намъ спать, сколько въ душу влѣзло.

Утромъ князь О. отплатилъ намъ визитъ, и мы долго бесѣдовали съ нимъ о разныхъ любопытныхъ для насъ предметахъ, больше всего, конечно, о Дагестанѣ, который князь знаетъ отлично. Онъ пригласилъ насъ къ себѣ обѣдать, вмѣстѣ съ хозяиномъ нашимъ, и мы нашли у него цѣлое военное общество. Видно было, что квартира добродушнаго *командира* — есть обычный, постоянно всѣмъ открытый пріютъ для офицеровъ, пріѣзжающихъ въ Гунибъ по дѣламъ службы... Наибы и офицеры, не смотря на гостепріимство командира, держали себя, однако, въ строгой дисциплинѣ, садились въ сторонкѣ и мало вмѣшивались въ общій разговоръ.

Впрочемъ, это не препятствуетъ имъ пользоваться домомъ командира съ полною безцеремонностью. Въ бесѣдкѣ, на балконѣ, вездѣ сидятъ группы офицеровъ, бесѣдующихъ, курящихъ. Къ вечеру, когда жаръ нѣсколько спалъ, мы съ своимъ радушнымъ хозяиномъ пошли побродить по Гунибу. Его гладкая, окаймленная тополями площадка, поднятая около 5000 футовъ выше моря, кажется отсюда не верхомъ горы, а дномъ ка-

кой-то глубокой котловины,—дотого нависли надъ нею обрывистые утесы верхней скалы Гуниба, куда взобрались башенки и стѣны цитадели... Но и дальше, надъ цитаделью, гора еще сильно поднимается. А между тѣмъ даже на ту площадку, гдѣ расположенъ такъ называемый штабъ, то есть самая крѣпость Гуниба, съ ея бѣленькими домиками и магазинами, отъ Карадагскаго укрѣпленія нужно сдѣлать утомительный подъемъ въ 15 верстъ... 7 верстъ считается отъ моста Каракойсу, который кажется прямо у подошвы гунибской столовой горы. Если прибавить къ этому 4 версты, которыя нужно сдѣлать изъ крѣпости до верхняго Гуниба, то высота и крутизна этой неприступной горы станетъ ясною для всѣхъ...

Вечеръ спустился тихій и ясный, и чистенькое мѣстечко съ его новенькими, будто вымытыми домиками, глядѣло такъ мирно среди своихъ тополей и цвѣтничковъ, словно это была не грозная крѣпость въ самомъ сердцѣ воинственнаго Дагестана, а какая-нибудь сельская дачка...

На насъ, прямо въ глаза, глядѣли черезъ рѣчку сосѣднія горы Кегеръ, съ которыхъ князь Барятинскій слѣдилъ за взятіемъ Гуниба.

Въ цитадели уже мигали первые огоньки. Надоѣдливые звуки барабана и трубъ, несмолкающіе раскаты выстрѣловъ, цѣлый день наполнявшіе собою крѣпость, доносившіеся съ мѣстъ учебной стрѣльбы, теперь стихли, и гуляющія парочки съ разноцвѣтными женскими цвѣтными платьями, семейный дымокъ самоваровъ на галлерейкахъ и въ тѣни деревьевъ — замѣнили своею домовитою тишиною воинственный шумъ и суету.

Яркая вечерняя заря обливала все ласкающимъ и чарующимъ свѣтомъ. На залотисторозовомъ фонѣ ея живописно выдѣлялись, высоко надъ головами нашими,

характерные темные силуэты часовыхъ, торчавшихъ наверху укрѣпленій...

Художникъ-туземецъ русскаго юга — Айвазовскій снялъ отсюда чудную картину Гуниба, освѣщеннаго солнечнымъ закатомъ.

Мы зашли въ маленькій клубъ Гуниба, гдѣ собираются потанцовать, почитать журналы, поиграть въ карты и бильярдъ. Въ гунибскомъ обществѣ набирается до 25 дамъ, и онѣ развлекаются въ этомъ клубѣ, какъ умѣютъ; журналовъ и газетъ очень много, такъ что, признаюсь, я никакъ не разсчитывалъ въ заброшенной горной крѣпостцѣ найти столько цивилизаціи, способной пристыдить любой изъ уѣздныхъ городовъ нашей центральной Россіи. Въ Гунибѣ есть теперь и почта, и телеграфъ, и я заранѣе утѣшался изумленію моихъ близкихъ, когда они получатъ въ своей далекой черноземной равнинѣ телеграмму мою изъ этого дикаго Шамилева гнѣзда...

IX

Гнѣздо Шамиля

Въ 4 часа утра насъ разбудили колокольчики почтовой тройки, на которой мы должны были подняться на верхній Гунибъ. Здѣшнимъ лошадямъ этотъ подъемъ по крутизнѣ — дѣло привычное. Переѣхавъ черезъ блиндированный мостъ надъ пропастью, мы стали карабкаться по очень каменистой и бойкой дорогѣ, дѣлающей постоянные зигзаги вокругъ выступовъ скалы...

Солдаты уже были всѣ за дѣломъ. Кто хлопоталъ около палатокъ и казармъ, кто упражнялся въ стрѣльбѣ

передъ огромною мишенью, простреленною какъ рѣшето...

Стѣны цитадели не высоки и не крѣпки; даже не технику видно, что сунь хорошенько бревномъ въ эту мнимую твердыню—и она вся полетитъ къ чорту. Крупные неотесанные камни сложены кое-какъ и связаны, повидимому, глиной, а не известью, или по крайней мѣрѣ съ большой примѣсью глины. Да и высота стѣнъ невнушительна: одинъ станетъ на плечо другому—и спокойно перелѣзутъ внутрь крѣпости. Конечно, крѣпость эта предназначена не для борьбы съ англійскими и прусскими пушками, а для обузданія горцевъ съ ихъ кремневыми винтовками. Но вѣдь опытъ Шамиля и даже недавняго дагестанскаго возстанія показалъ, что горцы умѣютъ доставать и оружія... А самая ничтожная пушчонка съ одного выстрѣла разнесетъ эту жалкую ограду, годную для огражденія скотнаго двора или виноградника, но уже никакъ не для защиты главнаго боеваго центра Дагестана...

Солдатики, съ которыми мы разговорились въ цитадели, со смѣхомъ разсказывали намъ, какъ въ послѣднее возстаніе, когда горцы 72 дня держали въ блокадѣ Гунибъ, при каждомъ выстрѣлѣ вылетала вся амбразура, изъ которой высовывалась пушка, и дождемъ сыпались камни стѣны... А между тѣмъ, по разсказамъ, постройка крошечнаго гунибскаго укрѣпленія стóила до полутора милліона рублей!

Инженеръ, строившій Гунибъ, какъ увѣряли меня офицеры цитадели, строилъ и Карадагское укрѣпленіе, и Ходжамукалъ, и Хунзахъ, и много другихъ. Онъ-же взялъ подрядъ на устройство морской пристани въ Петровскѣ. Море, незримо поглощающее камни и деньги, какъ извѣстно, самый лучшій союзникъ техниковъ изъ школы подобныхъ господъ.

Не знаю, онъ ли такъ-же строилъ пресловутый тун-

нель, пробуравившій насквозь пирамиду Гуниба, въ которомъ провалилось очень много казенныхъ денегъ, но который до сихъ поръ оказался годнымъ только на то, чтобы возмутившіеся лезгины проникли черезъ него на верхнюю площадь Гуниба и такимъ образомъ окончательно блокировали крѣпостцу...

Передавали мнѣ при этомъ, что на одной изъ лучшихъ улицъ Тифлиса возвышается образцово-построенный огромный и роскошный домъ того-же строителя, который съ такою первобытною безхитростностью соорудилъ Гунибскую крѣпость. Не знаю, насколько во всемъ этомъ правды, и продаю, за что купилъ; но съ своей стороны думаю, что этотъ искушенный опытомъ строитель поступилъ вполнѣ благоразумно, приспособившись такъ хорошо къ мѣстнымъ условіямъ. Если въ блестящей столицѣ Кавказа у мѣста прочныя и хорошія постройки, то пустынныя скалы Гуниба могутъ легко обойтись лыкомъ шитыми: кому тамъ любоваться на нихъ и кому разслѣдовать!

Однако, если подумать повнимательнѣе, принципъ лыковаго шитья на казенныя денежки, столь излюбленный нѣкоторыми нашими казенными дѣятелями, можетъ легко повлечь за собою печальныя послѣдствія для государства, потому и не дурно было-бы въ этомъ отношеніи припомнить этимъ дѣятелямъ, какъ можно понятнѣе, такую-же патріархальную, такую-же глубоко-народную практику петровской дубинки. Въ самомъ дѣлѣ, будь только въ 78-мъ году у возставшихъ лезгинъ хоть какая-нибудь выдающаяся изъ ряду голова кромѣ глупыхъ фанатическихъ пророковъ ихъ—и Гуниба намъ бы не видать, какъ своихъ ушей!

10,000 лезгинъ, обложившихъ эту жалкую крѣпостцу, если-бы у нихъ хватило рѣшимости, безъ труда могли-бы взобраться въ нее. А выбить ихъ отсюда, при настоящемъ вооруженіи крѣпости, было-бы не-

много потруднѣе, чѣмъ взять приступомъ съ помощью цѣлой арміи три сотни мюридовъ, забившихся въ камни.

А главное—взятіе Гуниба, центра русской силы и власти въ горномъ Дагестанѣ и, кромѣ того, важнѣйшаго стратегическаго пункта страны, произвело-бы на горцевъ потрясающее нравственное впечатлѣніе. Къ счастью нашему, вліятельнѣйшіе и умнѣйшіе лезгины были на нашей сторонѣ, и возмутившаяся толпа дѣйствовала безъ способныхъ предводителей.

Впрочемъ, самое возстаніе это во многихъ случаяхъ зависѣло отъ невниманія и малодушія нашихъ властей. Турецкіе эмиссары свободно бродили и проповѣдывали по ауламъ; фанатическіе муллы и дервиши собирали вокругъ себя сходки и открыто звали народъ на газаватъ, священнѣйшую войну съ невѣрными.

По непостижимому ослѣпленію властей, не смотря на настоянія и предупрежденія тогдашняго начальника Дагестана кн. Меликова, страна горцевъ была оставлена почти совсѣмъ безъ войскъ.

Если-бы первыя слабыя скопища горцевъ были разсѣяны силою, возстаніе потухло-бы скоро.

Передъ Гунибомъ мятежники тоже собрались сначала небольшими шайками внизу за рѣкой Каракойсу. Одинъ храбрый подполковникъ, изъ бывшихъ наибовъ Шамиля, увѣшанный крестами, вызывался тотчасъ-же разбить и разсѣять это скопище. Но тогдашній командиръ Гуниба, имѣвшій въ своемъ распоряженіи два батальона пѣхоты, говорятъ, не рѣшился сдѣлать вылазки и довелъ черезъ это до повальнаго возстанія всѣхъ сосѣднихъ горскихъ общинъ.

72 дня, какъ уже сказалъ я выше, былъ отрѣзанъ Гунибъ отъ всякаго сообщенія съ русской властью, съ русской арміей. Уже не хватало провіанта, и мясо почти перестали ѣсть. Толпы горцевъ, сбившись на верхней площадкѣ горы, уже вязали фашинникъ для

приступа, но все еще, къ счастью нашему, медлили и колебались. Наконецъ, одинъ изъ дружественныхъ горцевъ, за обѣщанную награду, принесъ вѣсть о бѣдствіяхъ Гуниба въ выдолбленной палкѣ въ Темиръ-Ханъ-Шуру, къ главному начальнику Дагестана. Князь Меликовъ явился на выручку съ своимъ отрядомъ и привелъ голодному гарнизону 160 быковъ. Скопище мятежниковъ было разсѣяно...

* * *

Верхняя площадь Гуниба — это цѣлая страна. По ней течетъ въ глубокихъ пропастяхъ довольно большая рѣка, тянутся по обѣ стороны гряды скалистыхъ или лѣсныхъ горъ на пространствѣ многихъ верстъ. Долго ѣдешь берегомъ этой рѣки продольною лощиною между двумя грядами горъ, пока не доѣдешь до аула, а за ауломъ, за горами, опять большія пространства: горы, поля, лѣса и обрывы. Березовая роща по крутымъ холмамъ, налѣво отъ дороги, въ виду аула Гуниба, теперь историческое мѣсто. Немного поднявшись подъ ея тѣнь, вы встрѣчаете большой камень съ вырѣзанною надписью: «1859 года 25 августа, 4 часа вечера, князь Барятинскій». На этомъ историческомъ камнѣ князь Барятинскій принималъ сдавшагося Шамиля; здѣсь происходила та вѣчно-памятная кавказская сцена, которую съ такой художественною правдой и жизненностью передалъ намъ талантливый карандашъ Горшельта.

Бесѣдку надъ камнемъ недавно разрушили горцы, осаждавшіе Гунибъ. Съ нихъ теперь взыскивается 320,000 рублей убытковъ, причиненныхъ возстаніемъ по одному среднему Дагестану; между прочимъ и убытки Гуниба оцѣнены въ 400 рублей. Черезъ это взысканіе множество горскихъ земель попало въ секвестръ.

Въ настоящіе мирные дни историческая роща служитъ любимымъ гуляньемъ гунибской публики.

Верхняя площадь Гуниба была когда-то отлично обработана. Это видно по уцѣлѣвшимъ террасамъ полей, теперь покинутыхъ, послѣ выселенія прежнихъ жителей внизъ, подальше отъ грозной горы. Только кое-гдѣ видны неразлучныя съ русскимъ духомъ капустныя грядки нашихъ солдатиковъ, обильно поливаемыя водами ручьевъ. Все остальное—зеленое пастбище, по которому бродятъ лошади гарнизона.

* * *

Старый аулъ Гунибъ живописно скучился у подножія зеленыхъ холмовъ, надъ крутыми обрывами рѣки, опоясывающей его неприступнымъ природнымъ рвомъ.

Обломки его домовъ-больницъ торчатъ обнаженными пожелтѣвшими остовами, тѣсно прижавшимися другъ къ другу, безъ малѣйшей зелени, безъ кустика и деревца...

Среди этой чащи каменныхъ мертвецовъ замѣтно высится въ глубинѣ аула маленькій замокъ Шамиля, башня съ уступами плоскихъ кровель, къ ней примыкающихъ, уцѣлѣвшая лучше другихъ домовъ...

Тѣсные, вьющіеся переулочки и дворики аула, его плоскія крыши, полы его раскрытыхъ саклей, все заросло непроходимой гущею высокихъ бородатыхъ бурьяновъ. Выше, по полугорѣ, одиноко торчатъ мрачныя стѣны шамилевской тюрьмы, отъ которой уцѣлѣли своды и тѣсныя каморки, наполненныя теперь водою. Глубокая черная дыра у подошвы горы, заросшая и спрятанная высокою травою, ведетъ въ подземный ходъ по наваленнымъ другъ на друга дикимъ камнямъ, взамѣнъ ступеней.

По словамъ лезгинъ, подземный ходъ этотъ тянется подъ всѣмъ ауломъ и, вѣроятно, служилъ тайникомъ для выхода изъ аула въ горы. Въ этомъ черномъ кло-

повникѣ, изъ котораго несетъ гнилью и сыростью, по-многу мѣсяцевъ томились русскіе плѣнники...

Еще выше тюрьмы, господствуя надъ всею окрестностью, забралась на вершину утесовъ четырехъ-угольная сторожевая башня, послѣдняя твердыня аула.

Одинокими хуторками раскинуты по этимъ утесамъ, и далеко за утесами, покинутые дома, бойницы и запущенные садики...

Удивительный миръ и тишина почіютъ на этихъ окровавленныхъ остаткахъ недавняго прошлаго.

Два смиренныхъ солдатика копаются себѣ молча въ грядкахъ капусты, проводя воду въ ихъ борозды; кусты розоваго и бѣлаго шиповника, полные жужжащихъ пчелъ и медоваго запаха, роскошно цвѣтутъ въ синемъ жаркомъ воздухѣ... Тихо качается, будто волною плыветъ, некошенная трава, затканная яркими цвѣтами... Бабочки, такія-же яркія, такія-же пестрыя, безшумно рѣютъ надъ нею, будто оторванные вѣтромъ цвѣтки, еще не успѣвшіе улетѣть далеко.

Какая-то отрадная дремота разлита кругомъ въ этой безмолвной горной пустынѣ. Ничто не напоминаетъ ея трагической катастрофы, ея суроваго прошлаго. И березовая роща на горѣ, въ которой, быть можетъ, грозный имамъ совершалъ вдали отъ всѣхъ свой вечерній намазъ, гдѣ онъ молился и размышлялъ въ суровомъ безмолвіи, откуда онъ слѣдилъ съ содроганіемъ сердца за движеніями русскихъ отрядовъ, стягивавшихъ его все тѣснѣе въ желѣзное кольцо, — эта роща глядитъ теперь на насъ своими молоденькими бѣлыми стволами, своими распущенными косами, съ наивной прелестью невинной бѣлокурой дѣвушки. Гунибъ даже не мертвый городъ, Гунибъ — настоящее кладбище, кладбище кавказской независимости...

Его одиноко торчащія, уже не связанныя другъ съ другомъ, обгорѣлыя и разрушенныя стѣны, высокія и

узкія, сбитыя въ тѣсныя кучи, какъ колосья на нивѣ, только размѣромъ разнятся отъ стоячихъ могильныхъ плитъ лезгинскаго кладбища. Но эти размѣры тонутъ въ необъятномъ охватѣ зеленой равнины, и издали развалины аула дѣйствительно глядятъ густо засѣянною нивою Божьей...

Долго будетъ памятна и свята для горцевъ Кавказа эта мрачная гунибская могила, унесенная за облака, входъ въ которую стерегутъ тамъ внизу русскіе штыки и пушки...

Орлы погибли, какъ слѣдуетъ орламъ, въ своемъ родномъ гнѣздѣ, на вершинѣ заоблачныхъ утесовъ, охваченные кругомъ вольнымъ воздухомъ горъ да синими безднами неба...

* * *

Суровая и могучая фигура имама дагестанскаго сама собою встаетъ въ воображеніи среди этихъ безмолвныхъ равнинъ, полныхъ его именемъ и его дѣлами...

Я видѣлъ Шамиля въ-лицо, говорилъ съ нимъ, пожималъ его руку.

Онъ былъ тогда плѣнникъ, но и плѣнникъ глядѣлъ владыкою, горделивымъ и грознымъ повелителемъ горъ.

Что-то царственное и первосвященническое было въ маститой фигурѣ имама, когда онъ приближался своимъ твердымъ и неспѣшнымъ шагомъ, высокій, статный, не смотря на свои годы, въ бѣлой какъ снѣгъ, чалмѣ, съ бѣлой какъ снѣгъ бородой, оттѣненной длинною черною одеждою, съ проникающимъ взглядомъ сурово смотрящихъ глазъ на строгомъ блѣдномъ лицѣ, полномъ ума и непоколебимой воли...

Врожденная грація дагестанскаго рыцаря-джигита и гордые пріемы вождя, привыкшаго повелѣвать, сказывались въ исполненныхъ достоинства движеніяхъ, жестахъ и рѣчахъ имама.

Около него я всегда видѣлъ колоссальную фигуру

Кази-Магомы и его старшаго сына, преемника его по имамству.

Этотъ исполинъ съ темною крашеною бородою, въ громадной, чуть не до потолка достававшей папахѣ, пожималъ мою руку такою страшною и тяжелою ладонью, которая, мнѣ казалось, въ состоянiи была безъ труда раздавить меня самого и всѣхъ со мною присутствовавшихъ, а не только тонкiе пальцы мои...

Это былъ полнѣйшiй образецъ дагестанскаго мюрида, отчаяннаго защитника ислама и свободы горъ. Его не соблазнили ни чинами, ни деньгами, ни ласками... Какъ только заслышалъ рыканье звѣрей въ лѣсу и запахъ крови, этотъ дикiй вепрь бросилъ все и ринулся въ битву; 20 лѣтъ заточенiя не усмирили его инстинктовъ звѣря, его влеченья къ родному логову. Дѣло, сдѣланное Шамилемъ, поистинѣ сказочное, и самая личность его — тоже сказочная въ своемъ родѣ. Только желѣзная воля и особенный генiй народнаго вождя могли хотя временно сплотить въ одно цѣлое безконечную, отъ вѣка укоренившуюся рознь неисчислимыхъ племенъ кавказскихъ горцевъ, гдѣ одна деревня говоритъ однимъ языкомъ, а другая другимъ, гдѣ въ одномъ ущельѣ господствуетъ одинъ адатъ, а рядомъ съ нимъ, въ сосѣдствѣ 5—10 верстъ, другой.

Шамиль едва не создалъ одного кавказскаго царства изъ Дагестана, Чечни, черкесовъ, кабардинцевъ, осетинъ, едва не обратилъ въ одну неприступную и недоступную твердыню и западный, и восточный хребетъ Кавказскихъ горъ...

Сварливое и вольнолюбивое рыцарство горъ послушно, какъ одинъ народъ, шло за нимъ умирать на русскихъ баттареяхъ, подъ стѣнами русскихъ крѣпостей...

Шамиль одушевилъ кавказскихъ горцевъ еще невѣдомымъ имъ фанатизмомъ и ненавистью къ русскимъ;

онъ дисциплинировалъ ихъ дикія орды своею желѣзною рукою и достигъ съ ними дѣйствительно чудеснаго.

Въ одинъ годъ онъ взялъ одиннадцать русскихъ укрѣпленій, спускался въ Кизляръ, на равнины Кабарды, былъ уже готовъ проникнуть къ абадзехамъ на нашъ правый флангъ, въ прикубанскія области, ворвался въ глубь Кахетіи, къ Цинондаламъ. При его ничтожныхъ боевыхъ и денежныхъ средствахъ — это были подвиги героя.

Онъ боролся своими ничтожными горскими аулами со всѣмъ могуществомъ русскаго царства, съ цѣлою арміей непобѣдимѣйшихъ въ мірѣ войскъ... 22 года продолжалась эта неравная геройская война.

Когда Евдокимовъ овладѣлъ Веденемъ и выбилъ Шамиля изъ плодородной и богатой Чечни, Шамиль ушелъ на Андійское Койсу и укрѣпился тамъ съ своими пушками и мюридами. Русскіе обошли его и грозили отрѣзать отъ всѣхъ сообщеній. Тогда онъ бросился въ Гунибъ, свой послѣдній оплотъ.

Проницательный военный умъ князя Аргутинскаго-Долгорукаго давно предугадывалъ будущее значеніе Гуниба.

Еще въ сороковыхъ годахъ онъ предсказалъ, что на Гунибѣ рѣшится судьба Кавказа.

Лезгины выбились изъ силъ въ вѣчной войнѣ, среди вѣчнаго необезпеченія жизни и собственности, подъ тягостью все возраставшихъ жертвъ, требуемыхъ исламомъ. Они всѣ отстали отъ него послѣ его послѣднихъ громкихъ неудачъ *). И вотъ наступилъ послѣдній актъ длинной кровавой драмы, та отчаянная защита 327 героями ста квадратныхъ верстъ площади Гуниба, о которой мы только-что говорили.

*) Немногіе приверженцы Шамиля были разсѣяны по пути въ Гунибъ самими лезгинами и должны были потомъ по-одиночкѣ пробираться въ Гунибъ.

«Гунибъ—высокая гора. Я сижу на ней. Надо мною, еще выше, Богъ. Русскіе стоятъ внизу. Пусть берутъ меня приступомъ.» Вотъ были послѣднія смѣлыя слова Шамиля въ отвѣтъ на переговоры о сдачѣ.

Но сила сломала солому. 25 августа 1859 года Гунибъ палъ.

Трудно-ли было одолѣть его русской арміи? Если-бы позаботились немного болѣе о лѣстницахъ, веревкахъ, волтижерахъ, то не потребовалось-бы даже того геройства и того риску своей головой, которое показали наши апшеронцы и ширванцы въ достопамятную ночь взятія Гуниба.

Шамилю было необходимо умереть на Гунибѣ,—тогда его художественная физіономія была-бы совсѣмъ полна.

Исторія требовала, чтобы кладбище кавказской независимости стало вмѣстѣ съ тѣмъ и кладбищемъ кавказскаго героя.

Унылое калужское заточеніе на царскомъ жалованьѣ, съ царскими каретами и шубами, было слишкомъ неподходящимъ эпилогомъ къ блестящимъ геройскимъ подвигамъ вождя кавказской вольницы, слишкомъ рѣзкимъ противорѣчіемъ фанатической ненависти къ невѣрнымъ московамъ неумолимо-строгаго имама, насадителя мюридизма въ горахъ Кавказа...

Характерны прошлое и молодость Шамиля!... Онъ родился въ Гимрахъ, тамъ-же, гдѣ и знаменитый учитель его, Кази-Мулла.

Мюридизмъ уже проникалъ тогда своими первыми корнями въ горы восточнаго Кавказа. Творцомъ его былъ Мулла-Магометъ, кадій кюринскій.

Этотъ мулла-аскетъ, почти непокидавшій своего глухаго аула Яраглара, не отрывавшій старческихъ глазъ своихъ отъ страницъ Корана, потрясалъ весь Дагестанъ своей жаркой проповѣдью покаянія и подвига.

«Народъ! напрасно исполняешь ты намазъ и хал-

руксъ, напрасно ходишь ты въ мечеть!» не переставалъ укорять лезгинъ фанатическій старецъ. «Небо отвергаетъ твои молитвы и поклоненія. Присутствіе невѣрныхъ заграждаетъ путь къ трону Аллаха! Молитесь, кайтесь! но прежде ополчитесь на священную войну!»

Суровые дикари, подожженные словами пророка, клялись ему умереть на защиту ислама. Они провозгласили Муллу-Магомета *муршидомъ*, учителемъ своимъ, а себя его—*мюридами* (учениками).

Въ глухія дебри горъ разносили они это ученіе новаго Магомета, перваго имама (т. е. книжника) дагестанскаго, и вездѣ воинственное населеніе встрѣчало это воззваніе, какъ заповѣдь Божію.

Пламя религіозной вражды все шире разливалось по общинамъ вольнолюбивыхъ горцевъ, безъ того смертельно ненавидѣвшихъ русскую власть и русскую силу, смирявшую ихъ подвиги дикаго насилія.

Въ каждомъ горномъ аулѣ какой-нибудь отчаянный мюридъ собиралъ *джамаатъ*, поголовную сходку жителей, и, ставъ на возвышенности среди слушающей его толпы, обращался лицомъ къ Россіи и въ восторженной рѣчи ниспосылалъ на нее всѣ проклятія Аллаха.

«На войну, на войну, мусульмане!» вопилъ фанатическій проповѣдникъ, указывая рукою на сѣверъ и потрясая обнаженною шашкою.

И слушатели, объятые тѣмъ-же патріотическимъ жаромъ, тѣмъ-же вдохновеніемъ борьбы за вѣру и родину, потрясали воздухъ неистовыми криками:

— На войну, на войну...

Первое возстаніе вспыхнуло на Кюрѣ и съ тѣхъ поръ уже не прерывалось.

Боевымъ вождемъ его явился извѣстный Кази-Мулла, шиль-шабанъ аварскій; на него возложилъ благословляющія руки яраглярскій пророкъ, опоясавъ его мечемъ казія, т. е. вождя священной войны (казометъ,

или газаватъ). «Именемъ пророка повелѣваю тебѣ, Кази-Мулла, иди, собери народъ, вооружи его и съ помощью Аллаха начинай войну! Рай ожидаетъ тѣхъ, кто падетъ или побьетъ гяуровъ, и горе тѣмъ, которые убѣгутъ отъ нихъ!»

Кази-Мулла, — страстный, сосредоточенный, весь воля и рѣшимость, — поднялъ за собою цѣлый прикаспійскій Дагестанъ.

«Онъ былъ молчаливъ какъ камень,» — отзывался о немъ его другъ и почитатель Шамиль. Горцы шли за нимъ, какъ арабы за первыми калифами своими. Краткое слово его властвовало надъ толпами и двигало ими, какъ вѣтеръ волнами.

«Сердце человѣка прилипало къ его губамъ; онъ однимъ дыханіемъ будилъ въ душѣ бурю», говорили о немъ горцы. Много отчаянныхъ, кровавыхъ сѣчъ съ русскими встрѣтилъ Кази-Мулла. Но сила одолѣла, и онъ загнанъ былъ наконецъ въ горы.

При Гимрахъ произошла послѣдняя смертельная схватка Кази-Муллы съ русскими. Онъ палъ, не выпуская меча изъ рукъ, защищая колыбель своего дѣтства и прахъ отцовъ своихъ, на порогѣ родной сакли.

«Я умираю здѣсь, гдѣ родился!» воскликнулъ Кази-Мулла своимъ мюридамъ, «умираю за истину тариката, за священный шаріатъ; кто хочетъ такъ-же умереть, пусть остается со мною!» Русскіе нашли его трупъ въ положеніи горячей молитвы.

Одною рукою онъ держалъ бороду, по обычаю молящагося мусульманина, другою указывалъ на небо.

Но только съ Шамиля начинается государственное значеніе мюридизма. Изъ фанатической религіозной секты онъ разрастается въ цѣлую систему народнаго управленія, объединяетъ однимъ общимъ закономъ, однимъ общимъ интересомъ, однимъ общимъ вождемъ раздробленныя и разрозненныя общины Кавказскихъ горъ.

Шамиль былъ товарищемъ дѣтства Кази-Муллы, который былъ старше его только 4-мя годами.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ Кази-Мулла, серьезный и книжный не по лѣтамъ, былъ первымъ наставникомъ своего сосѣда и друга Шамиля (Самуилъ).

Они жили въ Гимрахъ всего только черезъ два дома другъ отъ друга и всегда были неразлучны.

«Они жили, какъ родные братья», выражается туземный біографъ Шамиля. «И все, что ни встрѣчалось имъ въ жизни, горе и радость они дѣлили на двѣ совершенно равныя части.»

Кази-Мулла еще ребенкомъ зналъ арабскій языкъ и понималъ Коранъ. Цѣлые дни онъ предавался чтенію и размышленіямъ. Шамиль былъ всегда съ нимъ и всегда слушалъ его.

«Нигдѣ я такъ многому не научился, какъ отъ Кази-Муллы», признавался потомъ Шамиль.

Однако Шамиль не остановился на урокахъ своего друга. До зрѣлыхъ лѣтъ онъ продолжалъ учиться, вездѣ ревностно отыскивая наставниковъ, извѣстныхъ обширною ученостью своей...

Нерѣдко онъ проводилъ дни и ночи въ какомъ-нибудь пустынномъ ущельѣ горъ, погрузившись въ священныя страницы Корана или изучая арабскихъ мудрецовъ и поэтовъ древней Персіи.

Шамиль былъ рожденъ проповѣдникомъ. Рѣчь его была страстна, ярка и неудержима!... Она огнемъ охватывала воображеніе слушателей.

Но горцы Дагестана и Чечни восторгались въ Шамилѣ не однимъ пламеннымъ краснорѣчіемъ его, не одною его ученостью имама.

Шамиль былъ идеальный герой кавказскаго горца.

Природа и образованіе соединили въ немъ все то, что представляется наивному воображенію дикаря предѣломъ человѣческаго совершенства...

Этотъ строгій ученый книжникъ, этотъ благочестивый молитвенникъ, былъ въ то-же время первый джигитъ горъ, вдохновенный и непобѣдимый орелъ на полѣ брани...

Съ ранняго дѣтства Шамиль страстно увлекся тѣлесными упражненіями всякаго рода. Хилый по природѣ, онъ скоро выковалъ себѣ несокрушимое здоровье, невѣроятную силу и ловкость. Юношей Шамиль переносился легко, какъ серна, черезъ веревку, протянутую на аршинъ выше головы, ему ничего не стоило перепрыгнуть черезъ стоящаго человѣка, черезъ яму въ двѣнадцать аршинъ ширины. На бѣгу, въ борьбѣ — никто ни смѣлъ состязаться съ нимъ.

Одной свободной минуты не пропускалъ будущій имамъ безъ упражненія шашкою или кинжаломъ. Даже идя въ школу, въ мечеть, въ гости, онъ набивалъ руку фехтованьемъ.

Онъ лѣто и зиму ходилъ по горамъ босой, грудь нараспашку, и потому никогда впослѣдствіи не страдалъ отъ простуды и даже отъ ранъ. Закаленное тѣло его переносило всякія поврежденія безъ малѣйшаго вреда для себя, и не одна дыра отъ русскаго штыка затянулась сама собою на этомъ богатырскомъ тѣлѣ.

Шамиль вообще получалъ очень много ранъ, но почти не болѣлъ отъ нихъ.

Горцы искренно считали своего имама неуязвимымъ, непобѣдимымъ. И онъ, съ своей стороны, дѣлалъ все, чтобы поддержать въ дикомъ населеніи эту вѣру въ сверхъестественное могущество свое. Онъ увѣрялъ ихъ, что по молитвѣ его русскіе поражаются слѣпотою и не видятъ ничего передъ своими глазами, что онъ незримо спасается отъ плѣна, огня и желѣза. Счастье Шамиля помогало этому фанатическому ослѣпленію его послѣдователей. Когда храбрый нашъ генералъ Граббе взялъ послѣ неимовѣрныхъ усилій торчащую на ска-

лахъ неприступную крѣпость Ахульго, то Шамиля, защищавшаго Ахульго до послѣдней минуты, дѣйствительно не нашли въ крѣпости. Онъ ускользалъ изъ нашихъ рукъ съ непостижимымъ искусствомъ. Другой разъ онъ палъ, смертельно раненный двумя пулями, къ ногамъ Кази-Муллы, на глазахъ всѣхъ горцевъ. Уже его оплакивали, какъ мертваго, какъ вдругъ онъ черезъ нѣсколько дней явился между мюридами, показывая народу на своей груди двѣ открытыя раны, изъ которыхъ уже не сочилась кровь.

— Аллахъ воскресилъ Шамиля изъ мертвыхъ, чтобы онъ побѣдилъ живыхъ! — воскликнули тогда пораженные горцы.

Точно такое-же волшебное впечатлѣніе на лезгинъ произвело и непостижимое спасеніе Шамиля изъ Хунзаха, бывшей столицы аварскихъ хановъ, гдѣ озлобленные аварцы, пылая ненавистью къ мюридамъ за вѣроломное истребленіе Гамзатъ-Бекомъ цѣлаго семейства ихъ древнихъ хановъ, окружили ихъ со всѣхъ сторонъ и всѣхъ безъ исключенія предали огню и мечу.

Подобно пророку Магомету, Шамиль старался увѣрить свой народъ, что всѣ повелѣнья онъ получаетъ отъ Бога. Передъ каждымъ важнымъ событіемъ онъ запирался на молитву въ своей саклѣ или въ стѣнахъ мечети, уходилъ въ какую-нибудь недоступную пещеру горъ и тамъ молился по нѣскольку дней въ постѣ и слезахъ, испрашивая указаній Аллаха.

Существуетъ очень характерный разсказъ, мѣтко рисующій пріемы восточнаго мистицизма, съ помощью которыхъ Шамиль такъ долго держалъ въ своей власти непокорный духъ дикихъ горцевъ.

Чеченцы, доведенные до отчаянія тѣснившими ихъ русскими войсками и не получая отъ Шамиля никакой помощи, задумали наконецъ отдаться русскимъ. Чтобы не возбудить, однако, гнѣва грознаго имама, они

послали нѣсколькихъ старшинъ своихъ испросить на это разрѣшенія Шамиля. Никто не осмѣливался заикнуться имаму о подобномъ измѣнническомъ дѣлѣ. Только мать его, которую Шамиль окружалъ необыкновеннымъ уваженіемъ и слушался во всемъ, соблазнившись деньгами чеченцевъ, рѣшилась передать сыну ихъ просьбу.

Шамиль нахмурился какъ ночь, но ничего не отвѣтилъ матери. Онъ объявилъ, что запрется въ мечеть и будетъ тамъ молиться день и ночь, пока Аллахъ не откроетъ ему воли своей.

Это было въ Дарго. Всѣ жители аула были собраны вокругъ мечети и также молились, благоговѣйно ожидая выхода имама, бесѣдовавшаго съ Аллахомъ.

Трое сутокъ молился и постился имамъ въ стѣнахъ мечети, трое сутокъ не расходился отъ нея измученный и встревоженный народъ.

Уже недовольный ропотъ начиналъ раздаваться въ голодной толпѣ...

Вдругъ распахнулись ворота мечети, и Шамиль, въ своей чалмѣ имама, блѣдный, безмолвный, суровый, съ глазами, налитыми кровью, появился передъ народомъ. Молча и задумчиво всходилъ онъ на плоскую кровлю мечети, провожаемый мюридами. Народъ съ трепетомъ ждалъ внизу, что̀ будетъ. Тогда имамъ послалъ за «ханымъ», своею матерью; двое муллъ привели ее, испуганную, передъ лицо грознаго сына.

— Мусульмане!—торжественно объявилъ имамъ.— Великій пророкъ Магометъ повелѣлъ мнѣ дать сто жестокихъ ударовъ тому, кто первый высказалъ мнѣ постыдное намѣренье народа чеченскаго предаться гяурамъ... Эта первая — была мать моя!...

Онъ далъ знакъ, и мюриды, сорвавъ чадру съ трепетавшей старухи, стали наносить ей тяжкіе удары. Ханымъ упала безъ чувствъ.

Тогда, пораженный зрѣлищемъ бездыханной матери,

Шамиль бросается къ ея ногамъ и простирается ницъ въ жаркой молитвѣ.

Народъ громко умоляетъ его о пощадѣ, полный страха и жалости.

Торжественно и рѣшительно поднимается черезъ минуту грозный имамъ, и глаза его горятъ вдохновеннымъ огнемъ.

— Нѣтъ Бога кромѣ Бога и Магометъ, пророкъ Бога! — восклицаетъ онъ. — Аллахъ услышалъ молитву мою и позволилъ мнѣ принять на себя удары, которымъ обречена моя бѣдная мать!...

Онъ быстро скидываетъ съ себя чоху и бешметъ и приказываетъ мюридамъ бить себя безъ всякой пощады толстыми нагайками.

— Кто изъ васъ осмѣлится лживо выполнить волю пророка, того поразитъ собственная рука моя! — объявляетъ онъ мюридамъ, и спокойно, съ радостной улыбкой на губахъ, принимаетъ на глазахъ пораженнаго народа 93 жестокихъ удара, которые не успѣла получить старая мать его...

Въ ужасѣ возвратились домой чеченскіе послы послѣ такого внушительнаго урока...

Съ помощью такихъ сценъ, поражавшихъ воображеніе горцевъ, и еще болѣе съ помощью неумолимой настойчивости своей, Шамиль успѣлъ подчинить своевольныхъ наѣздниковъ и дикихъ хищниковъ Кавказа желѣзной дисциплинѣ, о которой они до того не имѣли и понятія. Ему удалось подавить на время множество древнихъ адатовъ, которые онъ по разнымъ причинамъ считалъ вредными, и замѣнить ихъ кодексомъ своихъ законовъ и единообразнымъ духовнымъ судомъ муллъ, гораздо болѣе зависимыхъ отъ него. Оттого до сихъ поръ время Шамиля называется въ Дагестанѣ и Чечнѣ временемъ шаріата.

Суровый деспотизмъ Шамилева владычества совер-

шенно переродилъ, по крайней мѣрѣ снаружи, нравы горцевъ. Веселыя попойки, пѣсни, музыка, старинные обычаи народнаго суевѣрія, всѣ проявленія исконной языческой и мірской жизни—преслѣдовались безъ пощады и снисхожденія строгимъ имамомъ и его наибами, между которыми онъ раздѣлилъ управленье своимъ народомъ. Вольнолюбивыя горы Кавказа стали представлять изъ себя въ дни Шимиля не множество независимыхъ республикъ, какими онѣ всегда были, а своего рода теократическую монархію, гдѣ воля единаго владыки проникала не только внѣшніе поступки, но даже самыя убѣжденія его подвластныхъ... Вся сила главы религіи, главы народа и вождя войскъ сосредоточивалась въ одной грозной и непоколебимой рукѣ, неотступавшей ни передъ чѣмъ.

Монастырское уныніе и монашескіе обряды стали мало-по-малу вытѣснять простодушное старинное веселье горской жизни. Воздѣ и за всѣмъ слѣдили согладатаи, взыскивались строгіе штрафы, производились казни. Горцы вынуждены были прятаться отъ надсмотрщиковъ Шамиля, чтобы отпраздновать по-своему какую-нибудь свадьбу или день любимаго святаго. Налоги и натуральныя повинности возрастали ежедневно и требовались съ восточною жестокостью, притомъ тѣмъ больше и строже, чѣмъ уже дѣлался предѣлъ Шамилевыхъ владѣній...

Дворъ Шамиля въ Веденѣ сдѣлался настоящимъ дворомъ азіатскаго хана, хотя и сохранялъ наружную суровость и простоту монастыря.

Шамиль съ торжественностью отправлялъ всенародно обязанности имама. Каждый день отрядъ вооруженныхъ мюридовъ приближался къ его дому съ громкимъ пѣніемъ обычной мусульманской молитвы: «Ля-иль-ляхъ-иль-Аллахъ!» и, построившись въ два ряда отъ дома до мечети, ожидалъ выхода имама въ мечеть, среди

безмолвно толпившагося народа... Весь въ бѣломъ или зеленомъ, съ дорогой бѣлой шалью на головѣ, важно выступалъ маститый имамъ среди рядовъ своей дружины, и при входѣ его въ мечеть весь народъ вставалъ на ноги, чтобы привѣтствовать его поклономъ...

Онъ самъ возносилъ молитвы къ Богу, самъ рѣзалъ священныхъ барановъ на дворѣ своего дома въ дни Курбанъ-Байрама... Народъ благоговѣйно цѣловалъ ему руки и полы его одежды.

Точно съ такою-же торжественностью имамъ производилъ свой судъ или выступалъ въ походъ.

Отборный отрядъ вооруженныхъ мюридовъ провожалъ его всюду, окружая окна и двери каждаго дома, куда входилъ онъ; мрачные, фанатическіе возгласы «ля-ильляхъ» раздавались вдоль всего пути его; широкое знамя имама развѣвалось впереди, а у самаго стремени Шамиля постоянно ѣхалъ оруженосецъ съ сѣкирою, обязанный исполнять должность палача по первому мановенью бровей грознаго владыки...

Эта суровая процессія наводила трепетъ на грубыя сердца дикарей, и все невольно подчинялось фанатическому призыву мюридовъ.

«Рабы Божіи, люди Божіи!
Помогите намъ ради Бога,
Окажите намъ помощь вашу,
Дабы мы успѣли милостью Бога.
Для Аллаха, рабы Божіи,
Помогите намъ ради Бога!

* * *

Обнажите мечъ, народы,
На помощь идите къ намъ,
Проститесь со сномъ и покоемъ;
Я зову васъ именемъ Бога!
Ради Бога!

* * *

Зейнуль-Абидинъ внушаетъ вамъ,
Онъ стоитъ у дверей вашихъ,

Боже сохрани отъ отступленья!
Ну, сподвижники въ дѣлѣ Божьемъ!»

Дагестанскія горы были не настолько мусульманскими, чтобы выносить долго всю мрачную тягость мюридизма. Удалые наѣздники мало годились въ монахи и въ концѣ концовъ стали нестолько сочувствовать своему имаму, сколько бояться его. Великая неудача Шамиля была въ томъ, что на высотѣ власти онъ почти вовсе пересталъ быть горцемъ и слишкомъ много былъ имамомъ. Онъ не понялъ вполнѣ духа народовъ своихъ и сталъ слишкомъ рѣзко насиловать ихъ вкусы и обычаи идеалами восточнаго доспота-теократа, своимъ одностороннимъ религіознымъ увлеченіемъ. Русскую побѣду надъ Шамилемъ приготовило еще раньше охлажденіе къ нему всего Дагестана, раздраженнаго и утомленнаго имъ, лишеннаго имъ въ теченіе столькихъ лѣтъ спокойной и веселой жизни по обычаямъ предковъ.

X

Дагестанскій горецъ

Пока я еще не вынырнулъ изъ омутовъ горной дичи, пока кругомъ меня, сзади и впереди еще тѣснятся голыя громады Дагестана, пока еще я не успѣлъ стряхнуть со своихъ одеждъ прахъ его пустынныхъ и мрачныхъ ауловъ, а мои глаза, мое сердце, моя голова наполнены выразительными образами воинственнаго лезгинскаго народа, въ который я окунулся совсѣмъ съ головою уже какой день, — нужно попытаться набросать хотя главныя черты этого самаго типическаго изъ всѣхъ горцевъ Кавказа.

Европеецъ привычками и вкусами своими, какъ всѣ

мы, грѣшные, изнѣженный и разслабленный соблазнами нашей цивилизаціи, оцѣниваемой нами слишкомъ односторонне, — я, признаюсь, покидалъ Дагестанъ съ инстинктивнымъ ощущеніемъ какой-то суровой, но бодрящей воды живой, въ которую погрузились и гдѣ внезапно окрѣпли, словно помолодѣли, вялыя силы духа и тѣла моего.

Я испыталъ себя глазъ-на-глазъ съ ужасами природы, съ опасностями и утомленіями непроходимаго пути, съ лишеніями дикой жизни среди полудикихъ людей, и радостное внутреннее чувство говорило мнѣ, что естественный человѣкъ съ своей силой и смѣлостью, съ своими простыми вкусами вольной природы, собратъ лѣснаго звѣря и горной птицы, еще живъ во мнѣ подъ разными наростами нашей искусственной общественной обстановки...

Я чувствовалъ, что душа моя пополнилась чѣмъ-то новымъ и свѣжимъ, какою-то давно забытою всечеловѣческою правдою, подъ животворящимъ дыханіемъ горныхъ лѣсовъ и заоблачныхъ пустынь, и я спускался съ таинственныхъ высотъ Дагестана къ равнинамъ Каспія, исполненный плодотворнаго настроенія, какъ Моисей послѣ бесѣды съ Іеговой съ высоты Синая.

Словно я тоже заглянулъ въ священныя сѣни, недоступныя смертному, и прочелъ на ихъ нерукотворныхъ скрижаляхъ непреложныя истины заповѣдей Божіихъ.

Пусть иронически улыбается читатель, давнымъ-давно разрѣшившій всѣ сомнѣнія духа своего, твердо вѣрующій въ безконечное совершенство и безконечную справедливость всѣхъ формъ нашей современной цивилизаціи.

А мнѣ дѣйствительно показалось, что я прочелъ одну истинную заповѣдь Божію на поднятыхъ въ небо пустынныхъ гранитахъ Дагестана. Заповѣдь эта гласитъ: «природа есмь и въ природѣ да пребуду». Въ

Дагестанѣ человѣкъ еще живетъ естественнымъ существомъ своимъ, нерѣдко раскрывая, среди дикаго быта своего, незнакомую намъ силу духа и тѣлеснаго здоровья, не уродуя себя въ вялаго кабинетнаго каплуна. Полудикій житель Дагестана является достойнымъ имени человѣка — своею твердою волею, твердыми убѣжденіями, твердыми рѣчами и поступками... Въ немъ не угасъ еще благородный гнѣвъ, который не позволитъ оскорбить себя и близкаго своего никому, кто-бы ни былъ онъ, какъ-бы высоко ни стоялъ надъ оскорбленнымъ, какія бы послѣдствія ни были отъ этого. Дагестанецъ умѣетъ повиноваться, служить и молчать, но онъ повинуется не какъ рабъ, молчитъ и служитъ не какъ безсловесное животное. Богатство, почести, личный покой — еще не цѣнятся имъ выше чести человѣка, выше его нравственнаго долга. Богачъ, какъ и бѣднякъ, неколеблясь покидаетъ свой домъ, идетъ въ изгнаніе, дѣлается скитальцемъ — «*канлы*», чтобы только выполнить ту обязанность родовой чести, которая, по убѣжденію его, составляетъ непремѣнный долгъ человѣка, уважающаго себя и достойнаго уваженія другихъ. Человѣкъ здѣсь и умираетъ твердо, какъ мужъ, не торгуясь за свою жизнь, не входя въ трусливыя сдѣлки съ совѣстью. Онъ убьетъ самъ, если можетъ, съ непоколебимой рѣшительностью, иногда съ восторгомъ. Но если ему не удалось убить врага, а врагъ убьетъ его, то онъ умретъ самъ съ такою-же рѣшимостью и нерѣдко съ такимъ же восторгомъ... Мы не можемъ сочувствовать кровожадному характеру его нравственнаго кодекса, но тѣмъ не менѣе мы должны признать духовную силу и красоту своего рода въ этой твердости долга, въ этой изумительной простотѣ и прямотѣ духа, дерзающей на все, жертвующей всѣмъ, открыто враждующей, открыто разящей ради своего нравственнаго убѣжденія, хотя-бы и ложнаго, хотя-бы и безумнаго.

Лезгинъ разбойничаетъ, но онъ однако не разбойникъ, — онъ рыцарь разбоя, подчиняющійся строгимъ правиламъ и строгимъ нравственнымъ обязанностямъ. То, что мы называемъ разбоемъ, — для него идеалъ истинно-человѣческой жизни, который волнуетъ его мечту, который его преслѣдуетъ собою вездѣ и всегда. Онъ гордится имъ, и имъ хвастается, какъ высшимъ подвигомъ мужа, какъ достигнутымъ совершенствомъ.

Послушайте, напр., одну изъ народныхъ пѣсенъ Дагестана про знаменитаго героя разбойника Хочбора изъ Гидатля, котораго трепетали когда-то всѣ горы.

Нуцалъ, ханъ аварскій, заманилъ его коварнымъ образомъ въ Хунзахъ, столицу свою, и приказалъ сжечь живаго. Руки Хочбора связаны; чтобы потѣшиться надъ нимъ, ему даютъ гудокъ и заставляютъ пѣть пѣсни, развязавъ немного руки. Ханъ со свитою сидитъ около разведеннаго костра.

«Слушайте-жъ, аварцы, разскажу вамъ кое-что, а ты, Нуцалъ, не мѣшай мнѣ, стану я пѣть! Влѣзъ я къ тебѣ въ окно и унесъ шелковые шальвары любимой жены твоей, снялъ я серебряныя запястья съ бѣлыхъ рукъ любезныхъ сестеръ твоихъ; зарѣзалъ я ручнаго тура твоего. Вотъ наверху овчарни — кто угналъ изъ нихъ барановъ, отчего онѣ опустѣли? Вотъ внизу конюшни — кто угналъ табунъ, отчего онѣ развалились? Вотъ на крышѣ вдóвы — кто сдѣлалъ ихъ вдовами, убивъ мужей? Вокругъ насъ сироты — кто убилъ ихъ отцовъ и сдѣлалъ ихъ сиротами? Не перечесть всѣхъ, кого убилъ я и въ полѣ, и въ лѣсу. Развѣ не убилъ я 60 человѣкъ изъ вашего общества? *Вотъ, Нуцалъ, какіе совершилъ я подвиги*, а то чтó за подвигъ—обманомъ зазвать къ себѣ человѣка и умертвить его!» Покуда пѣлъ и игралъ Хочборъ, маленькія дѣти Нуцала пришли и сѣли впереди его. Схвативъ подъ мышки по одному, бросился Хочборъ въ пламя. «Что вы стонете, Нуца-

лята, вѣдь и я горю вмѣстѣ съ вами! что вы пищите, поросята, вѣдь и мнѣ былъ милъ бѣлый свѣтъ! Дорогой гнѣдой конь, не разъ топталъ ты пятки аварцевъ! Остроконечное копье, не разъ пробивало ты грудь ханскимъ нукерамъ! Пусть не плачетъ мать моя: *не даромъ погибъ ея молодецъ*; пусть не тоскуютъ сестры мои: *умеръ я со славою!*»

Вы видите тутъ цѣлый символъ вѣры горской морали, общественнаго и семейнаго долга горца, исповѣдуемый съ торжественнымъ мужествомъ и глубокимъ убѣжденіемъ, какъ исповѣдовали когда-то на аренахъ языческихъ цирковъ истину Распятаго Спасителя, въ посрамленье нечестивыхъ ученій, первые подвижники христіанства.

Тутъ цѣлый рядъ типическихъ подвиговъ, подобранныхъ не случайно, а съ яснымъ намѣреніемъ обнаружить всю полноту доблестей, потребныхъ герою, какъ въ извѣстной притчѣ Евангелія о страшномъ судѣ собраны въ одно всѣ характерные подвиги христіанской любви: напоить жаждущаго, помочь болящему, посѣтить заключеннаго, дать неимущему...

Такую чистоту и цѣльность взгляда нельзя не признать правдой своего рода, красотой своего рода, нельзя налюбоваться ею не только съ поэтической, но и съ нравственной точки зрѣнія, любоваться, конечно, не самою грубою сущностью этихъ взглядовъ, не рѣзнею и хищничествомъ, а непреклонной вѣрностью человѣка своимъ идеаламъ. Посмотрите, какая черезъ это цѣльность и крѣпость быта у горцевъ.

Какой-нибудь древній адатъ, обычай, одобренный какъ истина мнѣніемъ народа, живетъ и дѣйствуетъ цѣлое тысячелѣтіе, торжествуя надъ всѣми интересами, надъ всѣми слабостями людей.

Никто не смѣетъ воспротивиться адату, никто не помыслитъ усомниться въ его обязательности и свя-

тости, хотя-бы сердце обливалось кровью при исполненіи его.

Вотъ, напримѣръ, два характерныхъ случая, о которыхъ я прочиталъ въ подлинныхъ дѣлахъ Гунибскаго окружнаго суда, воспользовавшись любезностью предсѣдателя этого суда, г. Т., и которые, впрочемъ, какъ я убѣдился впослѣдствіи, были напечатаны въ одной изъ книгъ превосходнаго изданія Кавказскаго горскаго управленія «Сборника о кавказскихъ горцахъ», редактируемаго извѣстнымъ знатокомъ Кавказа Н. Вороновымъ. Въ обществѣ Капучей, въ аулѣ Тлядалъ, найдено было въ 1866 году тѣло младенца. Собравшійся «*джамаатъ*» (то есть, сельскій сходъ) приказываетъ старухамъ осмотрѣть всѣхъ женщинъ, и у вдовы Хадижамы, разведенной съ мужемъ, найдено въ грудяхъ молоко. Хадижама сознается, что она прижила младенца отъ бывшаго мужа и утопила его, чтобы скрыть свой стыдъ. Древній адатъ требуетъ побіенія камнями матери, умертвившей своего ребенка. Русскій законъ, напротивъ, строго воспрещаетъ всякія кровавыя расправы джамаата по его древнимъ адатамъ, но, несмотря ни на что, по убѣжденію горцевъ, адатъ долженъ быть исполненъ. Призываютъ родныхъ Хадижамы и спрашиваютъ ихъ мнѣнія. Родные единогласно требуютъ примѣненія адата. Хадижаму выводятъ на площадь и еще разъ спрашиваютъ, признаетъ ли она себя виновною. Хадижама — дочь своего народа; она знаетъ, чего заслуживаетъ она и что должна претерпѣть за свой грѣхъ. Она повторяетъ признаніе въ убійствѣ и, спокойно сѣвъ на землю, проситъ скорѣе покончить съ нею... Со всѣхъ сторонъ летятъ камни и погребаютъ несчастную... Другой случай въ аулѣ Оглы, въ томъ-же году. Тоже находятъ тѣло ребенка, но уже удушеннаго. Это 7-лѣтній сынъ Дація отъ первой жены. У Дація есть и другая жена, молодая, всего пять мѣсяцевъ

за нимъ. Они давно были влюблены другъ въ друга, и только недавно удалось Дацію похитить ее. Виновницей оказывается молодая жена Дація—Ашура, хотѣвшая истребить поколѣнье ненавистной соперницы своей Султанумъ, по совѣту своего родственника Чопанъ-Казанъ-Оглы. Чопанъ былъ и исполнителемъ убійства. Адатъ требовалъ казни убійцъ рукою отца убитаго. Зная это, Чопанъ бросился подъ защиту Асельдера, завѣдывавшаго всѣми горными деревнями; но Дацій съ своими родными поразили Чопана пулями и кинжалами въ самыхъ комнатахъ Асельдера, у его ногъ, взломавъ запертыя имъ двери...

Мать Дація душила умиравшаго Чопана, требуя признаній, и наносила ему кинжаломъ смертельныя раны...

Въ предсмертныхъ стонахъ онъ назвалъ Ашуру... Тогда Узу, мать Дація, и Султанумъ, первая жена его, надѣли петлю на шею Ашуры и, угрожая удушеніемъ, заставили ее открыть всю тайну убійства. Въ ея подушкѣ оказалось зашитымъ окровавленное платье убитаго ребенка... Негодующій джамаатъ требовалъ примѣненія адата — казни убійцы. Напрасно Асельдеръ уговаривалъ толпу и стращалъ ее наказаніемъ закона, напрасно умолялъ жителей вотчимъ Дація — Османъ-Амзатъ-Оглы, въ домѣ котораго укрылась Ашура, не нарушать святости его кровли. Джамаатъ послалъ къ отцу Ашуры — Имамъ-Али, кадію оглинскому, чтобы онъ собственноручно казнилъ преступную дочь. Кадій не возразилъ ничего противъ убійства, зная строгость адатовъ, но отвѣтилъ, что онъ не имѣетъ надъ дочерью никакой власти послѣ того, какъ отдалъ ее мужу.

Джамаатъ посылаетъ людей къ Дацію, чтобы онъ явился и самъ исполнилъ адатъ...

Дацій, обожавшій молодую жену, видѣлъ, что ей невозможно избѣжать рокового жребія.

— Какъ поступить мнѣ? послалъ онъ спросить кадія, отца Ашуры.

— Я не судья въ этомъ дѣлѣ: поступи какъ знаешь! — отвѣчалъ кадій.

Тогда Дацій вышелъ къ толпѣ, отвелъ въ сторону жену свою, вынулъ изъ-за пояса пистолетъ и, отвернувшись, почти въ упоръ выстрѣлилъ въ Ашуру.

Ашура молча повалилась на землю. Страшный адатъ былъ выполненъ, и успокоившаяся толпа разошлась по домамъ.

*
* *

Ужасъ беретъ отъ такой расправы толпы. Но это не своеволіе, это не кровожадность. Это прежде всего непоколебимый, хотя и варварскій взглядъ на преступленіе; это непоколебимая вѣра дикарей въ правосудіе, конечно такое-же дикое, какъ они сами.

Дайте этой стойкости духа, этому строгому нравственному требованію — другое болѣе разумное содержаніе, и вы увидѣли-бы только одну высоко-человѣческую доблесть.

Тутъ жизнь человѣка, связи родства, чувствительность сердца — все приносится въ жертву нравственному долгу, какъ его въ силахъ понять дикарь. Это господствующее значеніе долга заставляетъ горца смѣло рисковать жизнью и безопасностью своею, не входя ни въ какія постыдныя сдѣлки съ совѣстью.

Горецъ совсѣмъ не дорожитъ жизнью, если это жизнь, чѣмъ-нибудь обезчещенная. Я съ изумленіемъ знакомился съ поучительными случаями горской криминалистики. Тамъ на всякомъ шагу короткая и рѣшительная расправа съ чужими, съ самимъ собою, съ самыми дорогими сердцу.

Отецъ застаетъ дочь на постели жениха, и тутъ-же, не раздумывая, закалываетъ обоихъ. Мужъ, уличившій

жену въ любовной связи съ сосѣдомъ, убиваетъ жену и любовника. Убить кровнаго врага — это такой священный долгъ, который исполняется съ страстнымъ увлеченіемъ всегда и вездѣ, какія-бы ни были препятствія. Кровнаго врага убиваютъ и ночью, спящаго на своей постели, и среди пира у кого-нибудь въ гостяхъ, и подстерегаютъ на дорогѣ; за убитаго вступаются присутствующіе родные, за убійцу его родные, и часто цѣлая кровавая сѣча завершаетъ веселый пиръ.

Убійство кровнаго врага есть такое торжество, которымъ гордятся какъ подвигомъ.

Багандъ-Яссы-Оглы, встрѣтившись съ кровнымъ врагомъ своего рода Мустафою-Магома-Оглы, связываетъ его веревкою, ведетъ за 30 верстъ въ предѣлы родной деревни Мекеги, оскорбленной убійствомъ Мустафы, и, зарѣзавъ его тамъ, съ торжествомъ приноситъ въ деревню трофей побѣды — кисть руки убитаго врага, поздравляя своихъ родственниковъ съ счастливымъ выполненіемъ семейнаго долга...

Но не по однимъ важнымъ случаямъ рѣшается горецъ проливать кровь, свою и чужую. Онъ отвѣчаетъ ею на всякое вообще оскорбленіе, выражаетъ ею всякое свое горе и отчаянье.

Динъ-Багандъ-Раджабъ-Оглы, Дарьинскаго округа, убиваетъ себя семью пулями, узнавъ, что любимая имъ дѣвушка выходитъ въ этотъ день замужъ за другаго.

Алай-Ахмдеъ-Оглы, изъ аула Урари, много разъ просилъ свою сварливую и бранчливую мать ускорить его свадьбу съ одной дѣвушкой, но мать только поносила его неприличными словами.

«Если ты не хочешь дать мнѣ покоя, то я самъ успокою себя!» объявилъ ей наконецъ сынъ и, выхвативъ пистолетъ, застрѣлилъ себя у ея ногъ.

Житель селенія Мюрага, Магомедъ-Омаръ-Оглы за-

стрѣлился послѣ того, какъ мать при всѣхъ сосѣдяхъ побранила его за лѣность.

Муртузали, сынъ Али-Бека, убиваетъ себя за то, что поссорившійся съ нимъ отецъ не согласился простить его. При видѣ бездыханнаго трупа, Али-Бекъ выхватываетъ кинжалъ и, поставивъ на полъ рукоятку его, закалывается самъ...

Селимъ-Дервишъ, изъ аула Гогаза, убиваетъ Ага-Султанъ-Агазъ-Кизы за то, что она не хочетъ бѣжать съ нимъ, а Кадашъ-Бекъ, изъ Маграча, стрѣляетъ въ молодую дѣвушку Ширинъ-Муса-Кизы за отказъ отъ замужества.

Мало того, горецъ убиваетъ себя даже за нарушеніе приличій.

Бекъ-Булатъ, играя съ другими жителями с. Дургели, отъ сильной натуги во время борьбы испустилъ звукъ, который считается у горцевъ величайшимъ позоромъ. Не желая пережить такого безчестія, Бекъ-Булатъ не медля ни минуты застрѣливается изъ пистолета.

Рабаданъ-Попала, изъ Ходжанъ-Моха, сильно пьянствовалъ, не смотря на свою бѣдность. Его это очень мучило, но онъ не имѣлъ силъ подавить свою слабость, которою укоряли его всѣ родные и сосѣди. Разъ, напившись, онъ обнажилъ свой кинжалъ и закричалъ людямъ: «если животъ мой не можетъ обойтись безъ водки, то я съумѣю наказать его!...» Онъ ударилъ себя кинжаломъ въ сердце и повалился мертвый.

Другой горецъ, изъ с. Урахли, Логманъ-Арсланъ-Оглы, на одной пирушкѣ напился до того, что его вырвало среди самаго ужина. Онъ выхватилъ кинжалъ, чтобы заколоть себя, но сосѣди удержали его и уговорили идти домой, успокаивая, что это бываетъ со всякимъ... Однако на дорогѣ онъ застрѣлилъ себя, объявивъ собравшимся людямъ, что наказалъ себя за неприличное поведеніе въ собраніи...

Такъ просто и рѣшительно смотритъ дагестанскій горецъ на жизнь и на смерть... Даже женщина его раздѣляетъ этотъ взглядъ. Кинжалъ и для нея служитъ орудіемъ мести, защиты, самонаказанія.

Дагестанская женщина, несущая на своихъ плечахъ всю тягость работъ и лишеній горской жизни, обладаетъ силою мышцъ и смѣлостью духа, которымъ можетъ позавидовать мужчина цивилизованной Европы. Красота ея лица, стройность ея стана, нѣжность сердца ея — убиты тою суровою долею трудящагося рабочаго скота, которую безъ всякаго состраданія возложилъ на нее кавказскій горецъ. Но за то она обладаетъ изумительною мощью и терпкостью... Я видѣлъ у воротъ Гуниба цѣлые обозы женщинъ, навьюченныхъ огромными вязанками дровъ, которыя онѣ встаскиваютъ на кручи Гуниба изъ-за 10 и 20 верстъ, спуская ихъ сначала съ другихъ неприступныхъ кручъ и обрывовъ... Только одинъ гунибскій батальонъ сжигаетъ ежегодно 400 саженъ дровъ, приносимыхъ на этихъ женскихъ спинахъ, а всего въ годъ здѣсь истребляется болѣе 500 саженъ, и ни одна изъ нихъ не минуетъ спины горской женщины. Немудрено, что такія женщины умѣютъ расправляться кинжаломъ. Интересно дѣло лезгинки Париды, изъ с. Бахлухъ, которая въ-одиночку убила и изранила четырехъ русскихъ солдатъ. Она не скрывала этого убійства. Дней за пять до того солдаты изнасиловали ее въ лѣсу. Парида до того оскорбилась этимъ насиліемъ, что нѣсколько дней не спала и не принимала пищи, обдумывая мщенье. Наконецъ, она рѣшилась выйти на мѣсто своего несчастія и убить перваго русскаго солдата, который тамъ попадется ей. Одѣвшись въ шубу и папаху своего отца и отточивъ кинжалъ, рано утромъ вышла она изъ дому. На тропинкѣ, спускающейся къ Аварскому-Койсу, она встрѣтила сначала одного солдата и заколола его.

Двое другихъ съ кирками въ рукахъ бросились на помощь къ товарищу и нанесли Паридѣ кирками нѣсколько ранъ въ голову, но Парида все-таки заколола ихъ... Еще двое солдатъ увидѣли ее, но, испугавшись, бѣжали назадъ въ лагерь. Парида переняла ихъ на пути и успѣла ранить еще одного солдата, получивъ и сама рану въ голову... Когда за нею въ погоню бросилась цѣлая толпа солдатъ и лезгинъ, работавшихъ дорогу, Парида смѣлымъ прыжкомъ погрузилась въ волны Койсу... Тамъ уже схватили ее. Такова сила руки и духа дагестанской женщины.

Онѣ убиваютъ обманувшаго любовника или клеветника такъ-же просто, какъ ихъ мужья и братья. Онѣ убиваютъ съ отчаянья и самихъ себя при видѣ дорогаго трупа, при слишкомъ горькомъ извѣстіи.

* * *

Въ племенахъ, гдѣ весь народъ вооруженъ, гдѣ слуга точно такъ-же владѣетъ кинжаломъ и винтовкой, какъ и его господинъ, ни женщина, ни крѣпостной работникъ никогда не могли доходить до той безотвѣтственной покорности передъ всякими неправдами своихъ притѣснителей, до которой затаптывался недавно подневольный человѣкъ въ тѣхъ обществахъ, где рабская рука давно отучилась отъ защиты себя мечемъ и пулей.

Кинжалы и патроны, висящіе на груди самаго простаго и зависимаго человѣка Кавказскихъ горъ, всегда служили и теперь еще служатъ ему краснорѣчивымъ habeas corpus своего рода, который обезпечивалъ ему передъ всѣми извѣстную долю свободы и личной неприкосновенности, за недостаткомъ въ этомъ быту дикарей какихъ-нибудь юридическихъ и политическихъ хартій. Нельзя сомнѣваться, что полное достоинства обращеніе горцевъ прежде всего обязано вооруженію горца, постоянному сознанію его, что въ его собственныхъ рукахъ находится защита его правъ и чести.

Видѣть въ системѣ личной расправы преимущество передъ правильно устроеннымъ юридическимъ бытомъ общества — было бы, конечно, сантиментальной безсмыслицей.

Но однако такъ-же безсмысленна и другая крайность, закрывающая глаза на практическое значенiе того гордаго и смѣлаго настроенiя духа, которое обыкновенно бываетъ сопряжено съ постояннымъ вооруженiемъ всего народа.

Хотя въ частности постоянное вооруженiе вызываетъ множество отдѣльныхъ преступленiй, но въ общемъ тѣмъ не менѣе служитъ единственною существенною охраною правосудiя и свободы въ народѣ, котораго историческiя обстоятельства лишили сильной государственной власти, способной поддержать требованiя закона противъ всѣхъ и каждаго. Поэтому торопиться обезоруживать племена, въ жизнь которыхъ мы еще не успѣли внести прочно укоренившихся юридическихъ отношенiй, среди которыхъ мы еще не съумѣли водрузить могучее царство закона, было бы непоправимою ошибкою и большимъ вредомъ. Это значило бы расшатывать послѣднiе существующiе устои общественнаго равновѣсiя, значило бы лишать общество послѣднихъ, выработанныхъ его исторiею, орудiй защиты противъ неправды, не замѣняя ихъ ничѣмъ лучшимъ.

Кровавы лѣтописи горской криминалистики — въ этомъ нѣтъ спору. На каждомъ шагу раздаются выстрѣлы, сверкаютъ кинжалы, проливается кровь. Но вникните безпристрастнѣе въ этотъ кровавый потокъ южныхъ страстей, и вы убѣдитесь, что только небольшая часть того, что мы считаемъ преступленiями съ нашей европейской точки зрѣнiя, составляютъ дѣйствительное преступленiе, то есть проявленiе злой, испорченной воли, явно направленной во вредъ другому. Огромное же большинство этихъ уголовныхъ случаевъ — окажется

только необходимымъ примѣненіемъ мѣръ самозащиты, возстановленія и отмщенія своихъ законныхъ правъ, примѣненіемъ, до такой степени сознательнымъ и правильнымъ, что оно составляетъ ясную съ перваго взгляда систему, одобряемую и практикуемую всѣмъ даннымъ обществомъ въ данныхъ обстоятельствахъ, за невозможностью примѣнить къ дѣлу никакую другую, за отсутствіемъ на мѣстѣ всякихъ иныхъ органовъ, способныхъ возстановить нарушенную правду, хотя-бы въ такомъ несовершенномъ видѣ. Поучительнѣе всего въ этомъ отношеніи пресловутая кровавая месть.

Мы, европейцы, изъ своего спокойнаго и мирнаго далека воображаемъ себѣ эту кровавую месть, эту кавказскую «*вендетту*» своего рода грубою и произвольною расправою дикаря, страсти котораго вскипаютъ бѣшенствомъ при видѣ роднаго трупа и ищутъ утишить себя во вражеской крови...

Но изучите ближе эту личную расправу кинжаломъ и пулей. Вы убѣдитесь, что это цѣлая стройная и сложная система юридическихъ понятій и обычаевъ своего рода, подчиненная строжайшимъ и подробнѣйшимъ правиламъ, — что это законъ для всѣхъ общій, для всѣхъ обязательный, который необходимо исполнить во всякомъ случаѣ — хочетъ ли того человѣкъ или нѣтъ, кипятъ-ли его страсти или онъ совершенно хладнокровенъ къ гибели своего роднаго, выгодно-ли ему возмездіе или разорительно для него, какъ это бо́льшею частью бываетъ.

Кровавая месть за роднаго — это такой-же нравственный долгъ горца, какъ для насъ обязанность кормить свою семью, воспитывать дѣтей, платить свои долги... Позоръ общества покрываетъ того, кто уклоняется отъ исполненія этого основнаго долга горской морали. Но долгъ этотъ долженъ быть исполненъ не по произволу мстителя, а по обязательному для него

адату. Если адатъ кровомщенія нарушенъ, мститель является уже преступникомъ, а не исполнителемъ своего долга... Не общая хвала, а общее презрѣніе встрѣчаетъ его поступокъ... Адаты кровавой мести безконечно разнообразны въ разныхъ обществахъ Дагестана. Но всѣ они имѣютъ болѣе или менѣе общій характеръ. Адатъ не требуетъ непремѣнно смерти убійцы или оскорбителя членовъ рода. Онъ только назначаетъ опредѣленный срокъ, въ продолженіе котораго убійца или оскорбитель должны обязательно покинуть селеніе, гдѣ живутъ родные обиженныхъ ими, *«выйти въ канлы»*, какъ выражается дагестанскій адатъ.

Канлы — это злополучнѣйшій изъ людей. Онъ долженъ скитаться изгнанникомъ по возможности дальше отъ мѣста своего преступленія, скрывая каждый свой шагъ. Каждый членъ оскорбленнаго рода можетъ и долженъ убить его въ теченіе срока, указаннаго адатомъ. Его поджидаютъ на дорогѣ, у порога сакли, на работахъ. Вездѣ роковая пуля можетъ покончить его, и убійца не отвѣчаетъ ни передъ кѣмъ; смерть канлы отъ руки кровомстителя даже не вызываетъ кровавой мести его родныхъ; по выраженію адата, тутъ *«засчитывается кровь за кровь»*.

Но когда проходитъ указанный срокъ, и канлы не попался ни подъ кинжалъ, ни подъ пулю, онъ вправѣ послать пословъ къ кровомстителямъ и, уплативъ назначенный адатомъ денежный штрафъ въ пользу рода, совершить торжественное примиреніе съ нимъ по установленному порядку... Примиренный канлы не только перестаетъ быть врагомъ, но дѣлается даже особенно близкимъ человѣкомъ къ семьѣ пострадавшаго и получаетъ относительно его разныя нравственныя обязанности. Убить такого канлы — преступленіе въ глазахъ горца.

Сроки изгнанія, размѣры денежныхъ штрафовъ, об-

ряды примиренія, — все это въ подробности опредѣлено адатами каждой общины... Во многихъ селеніяхъ Дагестана *«выходить въ канлы»* обязанъ не только самъ преступникъ, но и его семья, а иногда и близкіе родные. Такъ, напр., въ Хюракинскомъ обществѣ за убійство кадія обязаны выйти въ канлы 7 человѣкъ; въ Цудахарскомъ обществѣ и селеніяхъ Салты, Мохокъ и прочихъ— все семейство убійцы, живущее съ нимъ въ одномъ домѣ, подвергается кровомщенію. Съ другой стороны, далеко не всякое убійство считается по адату подлежащимъ кровомщенію. Мы уже сказали, напр., что убійство канлы въ узаконенный адатомъ срокъ не требуетъ кровомщенія. Точно также не требуетъ кровомщенія по всѣмъ дагестанскимъ адатамъ убійство вора, пойманнаго на мѣстѣ преступленія, нападающаго грабителя, любовника, застигнутаго съ женою или близкою родственницею, непремѣнно однако вмѣстѣ съ виновницею.

Точно также адатъ предписываетъ ближайшимъ родственникамъ убить отцеубійцу, мужеложника, убійцу канлы послѣ примиренія съ нимъ и вообще преступниковъ гнуснаго характера, не подвергаясь за это кровомщенію.

Дѣтоубійство вовсе не подвергаетъ виновнаго кровомщенію; за это взыскивается только денежный штрафъ; за преступленіе же всякій отецъ и по адату, и по шаріату, обязанъ самъ убить своихъ дѣтей.

Кровомщеніе допускается только между равными, т. е. людьми одного и того-же сословія. Знатные беки за убійство простаго узденя изгоняются на 3 мѣсяца изъ селенія, безъ права кровной мести, и семейство убитаго обязано примириться съ убійцею за опредѣленное адатомъ вознагражденіе, безъ унизительныхъ обрядовъ, обыкновенно сопровождающихъ примиреніе. Рабъ, убившій бека и узденя, тоже не подвергается кровомщенію,

какъ существо низкое и зависимое. За него выходитъ въ канлы владѣлецъ его...

Чтобы не подвергаться кровомщенію со стороны родственниковъ убитаго, родственники убійцы должны какъ можно скорѣе устроить обрядъ примиренія — *бетъгермекъ*... Собравшись всѣ вмѣстѣ, вооруженные, на одномъ дворѣ, родственники убійцы должны послать установленную адатомъ пеню родственникамъ убитаго, которые точно также собираются въ это время въ другомъ дворѣ... Почетные старики аула служатъ посредниками; они сводятъ вмѣстѣ обѣ толпы, и по прочтеніи муллою главы Корана — вражда считается конченною; родственники убитаго получаютъ при этомъ быка; съ этихъ поръ кровомщенію подвергается только самъ убійца.

Мириться съ канлы ранѣе года послѣ убійства считается предосудительнымъ; но по прошествіи этого срока родственникамъ и друзьямъ канлы обыкновенно удается уговорить обиженную сторону взять съ убійцы слѣдуемый по адату *діятъ*.

Канлы во все время своего изгнанія не смѣетъ брить голову, заниматься хлѣбопашествомъ, входить въ аулы, гдѣ живутъ родственники убитаго. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, какъ напр. Тлейсерухѣ, канлы дозволяется являться домой по 3 раза въ годъ, каждый разъ дней на 10, и въ это время никто изъ родственниковъ убитаго не смѣетъ покуситься на него. *Діятъ* бываетъ самый разнообразный, такъ-же какъ *«алымъ»*, т. е. предварительная плата за убійство, вносимая еще ранѣе примиренія. Въ Кюрѣ, напр., за кровь мужчины взыскивается 250 руб., за женщину 125 руб.; въ Табасарани за мужчину 600 руб., за женщину 300 руб. и т. д. Недавно діятъ взимался даже натурою. Такъ, въ южной Табасарани онъ полагался въ 6 дѣвицъ: 3 выдавались натурою, разныхъ возрастовъ, а за осталь-

ныхъ уплачивалось имуществомъ, считая за каждую 3 быка, 3 коровы, 3 ружья, 3 сабли, 15 барановъ, 15 штукъ мѣдной посуды и т. п.

Въ нѣкоторыхъ общинахъ, кромѣ денежнаго взысканія съ убійцы, родственники убитаго имѣютъ право, по адату, грабить и разорять движимое и недвижимое имущество канлы. Такъ, напр., въ Андійскомъ округѣ домъ убійцы грабился въ теченіе трехъ дней, въ нѣкоторыхъ Хиндалалскихъ селеніяхъ это право сохранялось въ теченіе трехъ лѣтъ.

Нерѣдко взысканія эти простираются и на родственниковъ убійцы. Такъ у кумыковъ съ семейства убійцы взыскивается быкъ или 10 руб., 5 сабъ пшеницы, 1 кусокъ шелковой и 1 кусокъ бумажной матеріи на бешметъ, а кромѣ того съ родныхъ братьевъ по 3 руб. съ каждаго, съ дядей по 3 руб., съ сыновей дяди по 2 руб., съ внуковъ дядей по 1 руб., съ правнуковъ по 50 коп., и т. д., со всѣхъ родственниковъ убійцы по степени ихъ родства.

Обрядъ примиренія съ канлы совершается съ мрачною торжественностью, въ каждой общинѣ по-своему.

Почетные старики аула одѣваютъ убійцу, уплатившаго діятъ, въ бѣлый саванъ и опоясываютъ его шашкою... Въ такомъ видѣ приводятъ его къ роднымъ убитаго, словно жертву на закланье. Онъ какъ-бы самъ приноситъ имъ оружіе, которымъ они вправѣ поразить его, и одежды мертвеца, въ которыхъ ему слѣдовало бы быть. Въ виду такой покорности, родные убитаго высылаютъ одного изъ своихъ снять опалу съ осужденнаго. Онъ снимаетъ съ него шашку, папаху, саванъ, и гладитъ его по головѣ; затѣмъ мулла прочитываетъ первую главу Корана, и семейная вражда забывается навсегда... Примирившійся убійца изъ «*канлы*», «*кровнаго врага*» — съ тѣхъ поръ обращается въ «*канъ-кардашъ*», «*кровнаго брата*» семьи. Онъ замѣняетъ

ей убитаго, посѣщаетъ его могилу, оказываетъ его роднымъ всякую помощь и защиту.

У кумыковъ обрядъ примиренія происходитъ съ болѣе унизительной церемоніей. Прощенный канлы приглашаетъ на торжественный пиръ всѣхъ родственниковъ убитаго. При приближеніи каждаго гостя, онъ съ обнаженною головою падаетъ на землю и лежитъ ницъ, пока входящій не скажетъ ему: «встань! мы простили тебя!...»

Присутствующіе поднимаютъ его, но онъ все время стоитъ безъ папахи и пьетъ изъ общей чаши съ родными убитаго. У воротъ между тѣмъ становятъ коня, осѣдланнаго и обвѣшаннаго оружіемъ. Это послѣдняя расплата за кровь. Ближайшій родственникъ, выходя съ пирушки, беретъ себѣ коня, а оружіе раздаетъ остальнымъ родственникамъ.

Изъ этого, кажется, ясно, что кровная месть кавказскаго горца далеко не есть одна страстная вспышка дикаря, а цѣлая, вѣками выработанная система правосудія и порядка, въ которой обязанности судьи, полиціи, палача, за неимѣніемъ на то государственныхъ органовъ, выполняетъ поневолѣ сама обиженная сторона, притомъ подъ строгимъ наблюденіемъ общественнаго мнѣнія и по строго установленнымъ правиламъ.

Система эта, безъ сомнѣнія, имѣетъ огромные недостатки, но она хороша своею опредѣленностью, своимъ честнымъ, открытымъ характеромъ, не чуждымъ великодушія и гордости.

Полудикое племя, примѣняющее эту систему, производитъ впечатлѣніе какой-то особенной нравственной чистоплотности, какого не въ силахъ произвести обычаи судебнаго кляузничества и трусливаго приниженія передъ сильнымъ.

Тутъ всякій прямо отвѣчаетъ за себя, всякій незыблемо вѣруетъ въ свое право защиты личной и се-

мейной чести, не останавливаясь ни передъ какимъ рискомъ, опасностью и жертвами.

Тутъ, главное, съ строгой точностью разграничиваются понятія о честномъ и безчестномъ, о нравственномъ и безнравственномъ, хотя самый критеріумъ этого разграниченія слишкомъ грубъ и одностороненъ съ нашей точки зрѣнія.

Все-же это несравненно лучше, чѣмъ столь обычная среди насъ духовная вялость и безалаберщина, когда перепутываются и становятся кверху ногами всѣ понятія о человѣческой нравственности, когда въ сердцѣ человѣка изсякаетъ самая способность обиды, гнѣва, возмездія, когда обиженный смиренно отираетъ плевки съ своего лица и терпѣливо переноситъ наглое обезчещенье жены, сестры или дочери, не найдя возможнымъ доѣхать обидчика путемъ формальнаго суда. Словомъ, тутъ еще живой человѣкъ не подавленъ бумагою, и личность еще не стерта учрежденіями.

* * *

Этотъ смѣлый и гордый духъ кавказскій горецъ почерпаетъ прежде всего въ своемъ образѣ жизни.

Горецъ изумительно-умѣренъ въ своихъ привычкахъ, изумительно-выносливъ. Плоть не одолѣваетъ его до такой степени, чтобы плѣнить духъ его. Онъ гораздо болѣе, чѣмъ мы, служитъ своему богу, и гораздо менѣе, чѣмъ мы, служитъ маммонѣ. Конечно, своему богу, а не нашему, это необходимо имѣть въ виду.

Чѣмъ обходится горецъ въ своей жизни — нельзя повѣрить, не видавъ собственными глазами. Наши нукеры, казалось, никогда не ѣли во время пути. У каждаго въ карманѣ шароваръ насыпано нѣсколько горстей просяной муки, и вотъ весь ихъ дорожный запасъ. Намѣшаетъ съ водою, много-много съ кусочкомъ курдючнаго сальца или чесноку, горсточку такой саламаты,

поджаритъ ее легонько на щепочкахъ,—и вся недолга! Вина не знаетъ, водки не знаетъ, чаю не знаетъ, барана рѣжетъ только на пирушку... Ну, тогда, конечно, другое дѣло: на угощенiи онъ уплететъ за десятерыхъ...

Такова-же и вся обстановка его. Онъ, правда, ходитъ въ серебрѣ, и жена и дочь его ходятъ обвѣшанныя серебромъ; но это бòльшею частью дѣдовское наслѣдiе, единственный запасной капиталъ семьи.

Въ сущности же онъ не тратится ни на что—ни на прислугу, ни на работника, ни на мастеровъ, ни на лавки. Женщины семьи ткутъ и шьютъ ему все, все готовятъ, все работаютъ, за всѣмъ ходятъ. Конь его выхоженъ имъ-же самимъ на горныхъ пастбищахъ. *Онъ весь свой*, всего себя создаетъ самъ, почти ни въ комъ и ни въ чемъ не нуждаясь. Такая простота и умѣренность быта — страшная сила, и мы, люди сложной европейской цивилизацiи, всего менѣе способны оцѣнить эту силу. Наша безумно ре̇зростающаяся роскошь, наша тѣлесная и духовная изнѣженность избаловали насъ до того, что мы, кажется, навсегда утеряли не только вкусы и способность умѣренности, но даже сознанiе незамѣнимой пользы ея...

Демократическая толпа, когда-то такъ раздражавшаяся блескомъ и роскошью быта высшихъ сословiй, осуждавшая ихъ и на нихъ ополчавшаяся, теперь, очутившись владыкою поля, предается еще болѣе безумнымъ увлеченiямъ.

Человѣкъ поденнаго труда теперь живетъ, ѣстъ и одѣвается такъ, какъ еще недавно позволяли себѣ одни только избранники судьбы, обладавшiе значительными наслѣдственными богатствами. Бархатъ и кружева, бобры и соболя—уже перестали быть исключительнымъ нарядомъ знати, а перешли теперь на плеча мѣщанокъ, мелкихъ чиновницъ, даже служанокъ..

Кто говоритъ,—дай Богъ всѣмъ на свѣтѣ пить шампанское, кушать рябчиковъ, кататься на гутаперчевыхъ колесахъ и сидѣть на изящной мебели, если-бы это было возможно, если-бы всѣмъ доставалась такая щедрая порція изъ общей чаши земныхъ благополучій. Но на дѣлѣ миѳическій рогъ изобилія оказывается гораздо скуднѣе, чѣмъ кажется нашему апетиту, и алчное стремленіе наше ко всѣмъ земнымъ благамъ, кому-либо доступнымъ, переходитъ само-собою въ тотъ духъ хищенія и безнравственнаго стяжанія, въ то презрѣнное состояніе духовнаго рабства, отъ котораго такъ глубоко страдаютъ теперь цивилизованныя общества Европы. Недаромъ истинный демократъ и истинный борецъ свободы—Веніаминъ Франклинъ приписывалъ простотѣ человѣка всю силу и самостоятельность его духа...

Валтасары никогда не бывали въ силахъ воспитать въ себѣ твердую волю, отстоять свою независимость, побѣдить врага. Въ этомъ отношеніи кавказскій горецъ глубоко поучителенъ для насъ. Онъ остается до смерти вѣренъ своему понятію о чести, своему убѣжденію въ правдѣ. Ему, вѣчно рыскающему по утесамъ и дебрямъ, вѣчно терпящему лишенія, — не страшно рискнуть ничѣмъ, чтобы отстоять то, что онъ считаетъ необходимымъ отстаивать. Разорите его саклю — онъ спрячется въ пещеру, которая такъ мало отличается отъ нея; уведите у него скотъ — онъ станетъ стрѣлять въ горныхъ лѣсахъ туровъ и оленей. Оттого такъ долго не могла сокрушить это крошечное племя даже могучая сила всего государства русскаго, вѣка боровшаяся съ нимъ.

Эта умѣренность привычекъ горца, эта жизнь на свѣжемъ воздухѣ, въ постоянномъ движеніи, въ постоянномъ напряженіи своихъ силъ, выковываютъ могучимъ образомъ не только его духъ, но и его тѣло, его физическое здоровье.

Среди окружающихъ его ледниковъ и горныхъ бурь горецъ не знаетъ печей. Широко открытая сверху, глиняная *«бухара»* его сакли нагрѣваетъ только тогда, когда подъ нею трещатъ дрова, а все остальное время сквозь ея жерло только дышетъ въ комнату рѣзкій горный воздухъ... Любимое мѣсто ночлега дагестанскаго горца — это плоскіе камни, нарочно разбросанные для этого по площадкѣ аула, вокругъ мечети. Завернувшись въ свою неизмѣнную бурку, какъ птица въ перья, лезгинъ проводитъ такъ самыя холодныя ночи. Выносливость его не знаетъ предѣловъ.

При мнѣ въ Гунибъ пріѣхалъ верхомъ черезъ горы изъ Гунзаха старый наибъ. Онъ явился въ 5 часовъ вечера, сдѣлавъ на сѣдлѣ болѣе 50 верстъ, исполнилъ въ Гунибѣ всѣ нужныя дѣла и въ тотъ-же день, на томъ-же конѣ, спокойно отправился домой.

Я встрѣчалъ также офицеровъ изъ горцевъ, которые дѣлали верхомъ зимніе походы изъ Тифлиса въ Москву, въ Ялту и обратно, которые катались верхомъ изъ Эрзерума въ Александрополь, какъ по улицѣ своего города.

Они, конечно также легко проѣхали бы верхами насквозь все русское царство и не стали бы даже говорить объ этомъ. Перебѣжать нѣсколько высочайшихъ хребтовъ съ неприступными обрывами — для горца всего равно, что русскому мужику перейти свое поле. Лезгинская женщина ежедневно носитъ черезъ эти хребты громадныя тяжести, сберегая свою дорогую скотину. Ея спина — это самый обычный возъ въ хозяйствѣ Дагестана для всего: для хлѣба, для дровъ, для сундуковъ и чемодановъ.

О солнечной жарѣ сухой, костистый лезгинъ даже и не помышляетъ. Онъ и въ жару носитъ на головѣ баранью папаху, баранью шубу. Онъ успѣетъ выпотѣть въ своей никогда не прекращающейся горской гимна-

стикѣ, съ дѣтства до старости, — до такой сухости, что въ немъ уже ничто не можетъ вызвать испарину...

Живучесть его подвижнаго и сильнаго тѣла такова, что тяжкія раны нерѣдко затягиваются сами-собою, а то, что наша медицина признаетъ едва не смертельнымъ, не заставляетъ его даже слечь въ постель. Шамиль былъ раненъ русскимъ штыкомъ въ грудь на-вылетъ, сквозь все легкое. Тесть его Абдулъ-Ассизъ только прилѣпилъ ему какой-то спускъ изъ воска, сала и смолы,—и Шамиль отправился въ новый походъ... Оттого-то горскіе знахари производятъ чудеса своимъ леченіемъ ранъ. Тутъ помогаетъ не столько искусство знахаря и цѣлебность невѣдомыхъ горныхъ травъ, сколько несокрушимая мощь самого раненаго. Оттого-то въ горскихъ аулахъ до сихъ поръ встрѣчаются старики и старухи такой глубокой старости, о какой мы забыли думать.

Мнѣ разсказывали о 135-лѣтнихъ старикахъ, у которыхъ послѣ 100 лѣтъ выростали новые зубы, и которые еще пляшутъ лезгинку вмѣстѣ съ правнуками,— о 120-лѣтнихъ старухахъ, до сихъ поръ ходящихъ по воду.

Въ 5 лѣтъ у нихъ ребенокъ уже на конѣ, въ 12 лѣтъ онъ уже ловкій джигитъ.

Что̀ можетъ сдѣлать лезгинъ въ битвѣ, въ походѣ,— представить себѣ трудно. Безконечныя кавказскія войны доказали это лучше всего.

Взять приступомъ не только аулъ, а одну башню аула — намъ всегда стоило множества жизней. Противъ горсти дагестанскихъ храбрецовъ всегда нужна бывала рота, батальонъ, пушки... Биться русскому солдату одному-на-одинъ съ этимъ ловкимъ, праворнымъ, смѣлымъ и сильнымъ звѣремъ, изощреннымъ съ ранняго дѣтства въ борьбѣ, нападеніи, защитѣ, — было бы все равно, что быку схватиться съ тигромъ.

Храбрость лезгинъ не знаетъ предѣловъ. Это львы по природѣ. Въ послѣднюю турецкую войну конно-иррегулярный полкъ дагестанцевъ съ однѣми шашками бросился на ружья Пибоди, взлетѣлъ верхами на батарею, изрубилъ всѣхъ и захватилъ пушки... Когда наши войска брали въ 1878-мъ году неприступный, еще никогда не взятый русскими аулъ Согратль, гдѣ укрылся пророкъ, взволновавшій Дагестанъ, то изъ одной башни аула, разстрѣлявъ всѣ заряды, 15 отчаянныхъ джигитовъ выскочили съ кинжалами на цѣлый батальонъ и перерѣзали въ немъ множество солдатъ. Въ другой башнѣ 3 батальона на-силу раздѣлались съ 30 такими-же удальцами. Всѣ они были подняты на штыки, и ни одинъ не сдался; но у насъ выбыло изъ строя 136 человѣкъ убитыми и раненными. Послѣ этого аулъ Согратль былъ разрушенъ до основанія, и жители переселены гораздо ниже.

Я познакомился у кн. О. съ однимъ Шамилевскимъ наибомъ, украшеннымъ Георгіемъ; онъ съ 12 человѣкъ своихъ джигитовъ разсѣялъ цѣлое вооруженное скопище, противъ котораго не осмѣливался двинуться изъ своего укрѣпленія, до прибытія пѣхоты, командиръ полка, имѣвшій въ своемъ распоряженіи 300 кавалеристовъ...

Вообще я видѣлъ здѣсь воочію множество боевыхъ героевъ и храбрецовъ лезгинъ.

Когда смотришь въ одно время на лезгина и на нашего брата вахлака-русскаго, то русскій производитъ впечатлѣніе неуклюжаго травояднаго животнаго рядомъ съ статнымъ и смѣлымъ хищникомъ. У лезгина пестрота наряда какой-нибудь пантеры или барса, грація и гибкость ея движеній, ея страшная сила, воплощенная въ изящныя стальныя формы... Это, поистинѣ, звѣрь, отлично оснащенный всякимъ боевымъ оружіемъ, острыми когтями, могучими зубами, прыгающій какъ

резина, какъ резина увертливый, уносящійся съ быстротою молніи, съ быстротою молніи настигающій и разящій, мгновенно загорающійся такою злобою и гнѣвомъ, какими никогда не въ силахъ одушевиться травоядный волъ.

Да какъ и выйти иному — жителю Дагестанскихъ горъ!

Сама природа его роковымъ образомъ вырабатываетъ изъ него хищнаго звѣря, вольнаго разбойника горъ и лѣсовъ.

Вѣчная борьба, вѣчная война, вѣчныя опасности — окружаютъ его съ первыхъ дней его дѣтства... Двухълѣтнимъ ребенкомъ онъ выползаетъ на свою родную крышу, висящую надъ пропастью, ежеминутно подвергаясь гибели, закаляя свой глазъ и свое сердце этимъ постояннымъ созерцаніемъ ея... Отца его нѣтъ дóма, мать его съ вязанкою дровъ на плечахъ спускается на его глазахъ изъ лѣса черезъ головоломныя пропасти, куда онъ съ пяти лѣтъ будетъ таскаться за ней... Въ 10 лѣтъ онъ пасетъ на заоблачныхъ альпахъ стада своего дóма, лазаетъ по ледникамъ, торчитъ какъ коза на остріяхъ утесовъ, купающихся въ синемъ небѣ, на отвѣсныхъ скатахъ горъ, цѣпкій какъ коза, безстрашный какъ роза и какъ коза неутомимый...

Великая школа природы кругомъ него, и онъ изумленно всматривается въ нее, онъ глубоко запечатлѣваетъ въ своемъ чуткомъ сердцѣ ея суровыя поученія...

Вонъ, надъ его головою, въ холодной синевѣ, хищникъ-орелъ, разрѣзая могучими крыльями волны незримаго моря, несется стремглавъ на молодую серну, неосторожно зазѣвавшуюся на утесѣ... Онъ сшибаетъ ее сильнымъ ударомъ крыла и уже уноситъ въ крѣпко стиснутыхъ желѣзныхъ когтяхъ опять наверхъ, въ воздушную бездну, куда взмываетъ новыми мощными взмахами крылъ, отыскивая своимъ безжалостнымъ гла-

зомъ гнѣздо своихъ орлятъ, безчувственный къ стонамъ жертвы...

Опуститъ глаза свои на землю безмолвно поучающійся ребенокъ, и видитъ — тамъ въ оврагѣ медвѣдь или волкъ дерутъ отставшую отъ стада корову его отца... Крикъ тревоги потрясаетъ чистый воздухъ горъ... Удалой пастухъ, съ ружьемъ наготовѣ, уже бѣжитъ наперерѣзъ вспуганному звѣрю, и мѣткая пуля его поражаетъ похитителя... Онъ бьется съ ревомъ въ лужахъ крови, съ растерзанными внутренностями...

Вездѣ травля одного за другимъ, вездѣ кровь, вездѣ стоны и смерть... Посмотритъ на воду, — и вода здѣсь не то тихое голубое зеркало, въ которомъ живописно отражаются мирныя поля и хижины, по которымъ счастливый рыбакъ съ веселою пѣснью влечетъ свои мрежи...

Нѣтъ, тутъ тоже борьба и хищничество, вражда и злоба. Бѣшеныя черныя воды, будто стаи злыхъ духовъ, несутся изъ заоблачныхъ тумановъ, среди голыхъ каменныхъ кручъ, грызя и потрясая ихъ, наполняя дикія, мрачныя ущелья стонами и разрушеніемъ... Скала давитъ воду хаосомъ своихъ камней, вода разрываетъ и опрокидываетъ скалы. На верху бури схватываются въ такую-же отчаянную рукопашную схватку съ черными лѣсами, съ изглоданными утесами, съ самыми тучами небесными, которыхъ онѣ неистово хлещутъ и гонятъ по пустымъ холоднымъ безднамъ...

Вездѣ одно и то-же. Все твердитъ одинъ и тотъ-же суровый, безжалостный кликъ: «горе побѣжденному, благо одолѣвшему!» Все воспѣваетъ съ одинаковымъ одушевленіемъ царство силы и смѣлости, — звѣри и птицы, камни и горы, воды и облака...

Куда уйти, какъ отдѣлаться горцу Дагестана отъ этихъ неумолимыхъ уроковъ природы?...

Спрячется онъ въ свою узкую нору, — гдѣ онъ

мерзнетъ всю зиму безъ удобствъ и отрады, забившись какъ звѣрь въ свою берлогу, — не настроитъ его и эта домашняя нора ни на что болѣе свѣтлое и болѣе доброе...

Бездушный, жесткій камень охватываетъ его кругомъ и здѣсь, у семейнаго очага, на ложѣ успокоенія, какъ охватываетъ онъ его въ неуродливомъ, скудномъ полѣ, требующемъ на каждомъ шагу страшныхъ напряженій человѣка, какъ охватываетъ онъ его на непроѣздныхъ дорогахъ, неприступныхъ подъемахъ, недосягаемыхъ пастбищахъ... Вездѣ одна и та-же суровая, неблагодарная, неумолимая обстановка, вездѣ одна и та-же голая, мрачная пустыня, — дóма, въ работѣ, въ походѣ, тамъ вверху и здѣсь внизу...

Поневолѣ и въ сердце дагестанца, и въ его голову, внѣдрится, наконецъ, эта все здѣсь поглощающая, надъ всѣмъ здѣсь господствующая суровая и обнаженная пустынность дагестанскаго пейзажа, дагестанской жизни; поневолѣ царящій въ природѣ Дагестана духъ вѣчной войны и вѣчнаго насилія проникаетъ наконецъ собою всѣ вкусы, привычки и помыслы дагестанскаго жителя...

Онъ нечувствительно дѣлается плотью отъ плоти страны своей, своихъ дикихъ горъ и лѣсовъ, нечувствительно обращается въ того-же горнаго орла, въ того-же барса лѣснаго, становится могучимъ и смѣлымъ какъ они, какъ они ловкимъ, терпѣливымъ и выносливымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ они же, безжалостно и откровенно кровожаднымъ...

XI

Внутренняя жизнь Дагестана

Вліяніе русской и персидской жизни однако уже значительно отразилось на горцахъ Дагестана. Чѣмъ ближе къ плоскости, къ берегу моря, чѣмъ открытѣе и доступнѣе для мирнаго вторженія долины Дагестана, тѣмъ распущеннѣе и безнравственнѣе является горецъ. Туда уже проникли многіе обычаи жизни, чуждые горамъ, наклонность къ торговлѣ и обману, привычки роскоши и бездѣлья, страсть къ кляузамъ и попойкамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по мѣрѣ приближенія къ старымъ персидскимъ ханствамъ, которыя мы такъ долго, такъ несправедливо и съ такимъ вредомъ поддерживали своимъ покровительствомъ, магометанство начинаетъ играть въ быту лезгинъ такую роль, какой оно никогда не имѣло въ глубинѣ горъ... Лицемѣрные и корыстные хаджи въ какомъ-нибудь южномъ Дагестанѣ составляютъ уже серьезную силу, которая ворочаетъ всѣми дѣлами общины въ своихъ собственныхъ видахъ. Соберется тамъ въ какомъ-нибудь большомъ аулѣ сельскій сходъ, или джамаатъ,—только и видны синія да зеленыя мантіи, эти воскрылія древнихъ фарисеевъ Евангелія, зеленыя да бѣлыя чалмы...

Тутъ уже не узнаете никакой правды, не добьетесь никакой искренности. Заправилы-хаджи запутаютъ какъ петлей своими льстивыми уклончивыми рѣчами обычную суровую откровенность простяка-горца.

А среди дидойцевъ, анцухцевъ, капучей и другихъ племенъ съ недоступныхъ утесовъ Верхняго Дагестана рѣдко даже встрѣтишь чалму хаджи, и исламъ тамъ вообще нѣсколько стирается передъ крѣпко укоренившимися обычаями древняго язычества горъ... Замѣчательно, что и преступленія измѣняютъ свой

характеръ по мѣрѣ движенія къ ханствамъ, къ плоскости.

Открытыя убійства и пораненья дѣлаются рѣже, за то гораздо чаще повторяются разбои, воровство, тайныя убійства, коварные обманы... Поразительнѣе всего была замѣтна эта нравственная разница между внутренностью горъ и ихъ окраинами во время послѣдняго дагестанскаго возстанія. Многіе изъ знатныхъ казикумыховъ, обласканные и награжденные русскими, какъ Абдулъ - Меджидъ, офицеръ русской службы, Джафаръ-Али-ханъ, сынъ нашего генералъ-маіора, и др., при первой вѣсти о побѣдахъ турокъ въ Арменіи сорвали съ себя русскія эполеты и присоединились къ мятежникамъ, въ то время какъ старые Шамилевы наибы, вѣрно раздѣлявшіе до послѣдней минуты судьбу его, настоящіе горцы, неиспорченные трактирною цивилизаціей,—оставались непоколебимыми царской присягѣ, какъ непоколибимо были когда-то врагами царя.

Чрезвычайно трудна задача сохранить въ горцѣ все достойное и нравственное, что есть въ немъ теперь, довершая въ то-же время рѣшительный переходъ къ болѣе мирной и плодотворной для него жизни. Въ одномъ нѣтъ сомнѣнія, что менѣе всего тутъ помогутъ крутыя мѣры насилія, презрительное отношенье къ историческимъ условіямъ горской жизни, къ вѣками выработаннымъ вкусамъ, привычкамъ и убѣжденіямъ ихъ. Честное и строгое управленіе, быстрое, близкое, всѣмъ понятное, примѣненное къ простымъ потребностямъ почти патріархальнаго быта горцевъ, ни въ какомъ случаѣ незаимствованное отъ сложныхъ формъ нашей собственной, ни въ чемъ не похожей на нихъ жизни,—конечно, необходимо здѣсь прежде всего.

Въ этихъ дѣвственныхъ странахъ, гдѣ еще судятъ подъ тѣмъ самымъ дубомъ, на которомъ вѣшаютъ, гдѣ сельская сходка еще считаетъ себя вправѣ казнить

смертію своего члена въ моментъ совершенія имъ преступленія, гдѣ каждый отецъ семьи разсматривается какъ естественный судья и исполнитель казни надъ своими домочадцами,—жалки и комичны оказались бы сочиненныя въ кабинетѣ, канцелярскія процедуры нашего мироваго суда, о введеніи котораго хлопочутъ слѣпые поклонники теоретическаго прогресса, и объ уничтоженіи котораго давно собирается подавать жалобу Царю вся сосѣдняя Терская область, находя этотъ, слишкомъ сложный и слишкомъ формальный институтъ еще невозможнымъ для Кавказскисъ горъ.

Наши талантливые правители Кавказа, въ родѣ Циціанова, Ермолова, Воронцова, хорошо сознавали необходимость примѣняться къ мѣстнымъ условіямъ быта и къ свойствамъ племени. Они умѣли говорить съ горцами понятнымъ имъ и для нихъ внушительнымъ языкомъ, честно выполняя собственныя обѣщанія, разражаясь грозою за всякій обманъ и непослушаніе. Генералъ Лазаревъ, этотъ военачальникъ-самоучка, сдѣлавшійся изъ мальчишки портнаго побѣдителемъ и плѣнителемъ армій, долгое время управлялъ Дагестаномъ прямо послѣ Шамиля. Онъ отлично приноровился къ народу, съ которымъ имѣлъ дѣло, и съумѣлъ своей желѣзной рукою, своимъ практическимъ чутьемъ, установить въ этой странѣ крови и кинжала такіе порядки, при которыхъ даже мирному русскому путешественнику стало возможно заглядывать въ разбойничьи гнѣзда Дагестана, при которомъ стихли вѣчныя кровавыя ссоры общинъ и населеніе могло предаться своимъ обычнымъ занятіямъ. Лазаревъ былъ неумолимъ въ наказаніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ доступенъ и внимателенъ къ самому послѣднему человѣку, необыкновенно щедръ въ наградахъ, гостепріименъ, какъ истинный восточный человѣкъ: все кормилось и поилось за его столомъ. Самые высокіе начальники не из-

бѣгали его строгости и безпристрастія и боялись его какъ огня.

Лазаревъ все зналъ и вѣдалъ въ своей области; Дагестанъ трепеталъ его, но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрилъ въ него и сознавалъ необходимость такой твердой правящей руки. Богатырь по виду, громаднаго роста, громадной силы, онъ собственноручно сокрушалъ въ прахъ виновныхъ наибовъ, не придавая ихъ суду, не отписывая никакихъ бумагъ, и при немъ всякій начальникъ дѣйствительно со страхомъ помышлялъ объ отвѣтѣ за свои скверныя дѣла. Ненависть малограмотнаго генерала-самоучки къ канцелярской перепискѣ доходила, говорятъ, до того, что цинтральному управленію часто было невозможно добиться отъ него никакого отвѣта на свои циркуляры и предписанія.

Разсказываютъ, что иногда онъ просто рвалъ пополамъ полученныя отъ начальства бумаги, пригова-ривая съ сердцемъ самъ про-себя: «Имъ тамъ вольно выдумывать въ Тифлисѣ свои выдумки, а здѣсь приходится дѣлать что можно, на дѣло глядя!... Что имъ оттуда видно?...»

Оттого-то этотъ талантливый воинъ и правитель оставался такъ часто «не у дѣлъ», какъ ненужная спица въ колесницѣ, попадая въ опалу разныхъ кавказскихъ канцелярій, всегда любезно поощряющихъ бездарность и лесть...

Канцеляріи эти, надѣвавшія Георгіевъ разныхъ степеней на людей, не понюхавшихъ пороху, губившія цѣлыя кампаніи и честь русскаго оружія въ угоду разнымъ петербургскимъ барчукамъ, пріѣзжавшимъ на дешевую поживу за чинами и орденами, возмущали здѣсь сердца кавказцевъ и могли бы повести Кавказъ къ совершенному разложенію, если ихъ не успѣетъ сдержать наконецъ какая-нибудь мощная рука.

Лазаревъ въ маломъ видѣ былъ прямымъ послѣдова-

телемъ Ермолова, который точно также съ самыми ничтожными средствами, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, умѣлъ водворять своимъ тактомъ и своею желѣзною волею порядокъ и подчиненіе въ странахъ, только-что кипѣвшихъ войною и разбоемъ. И странно, вмѣсто ненависти, которую, казалось, должны были бы чувствовать горцы къ безпощадному покорителю Кавказа, пролившему столько крови ихъ, разорившему столько земель ихъ, — дагестанцы и чеченцы до сихъ поръ воспѣваютъ Ермолова, какъ великаго героя, передъ которымъ не можетъ не благоговѣть ихъ воинственная и искренняя душа.

«Тамъ, гдѣ ни курица, ни лисица во всю свою жизнь не могли бы отыскать тропинку, чтобы пробраться въ Даргу,—Ермоловъ въ три часа нашелъ дорогу!» поется въ одной изъ любимыхъ пѣсенъ акушинцами и другими жителями Даргинскихъ ауловъ.

«Руками онъ дѣйствовалъ подобно желѣзному молоту, ломающему камни.

«Какъ только пришелъ Ермоловъ въ Акушу, постарѣли и посѣдѣли отъ страха акушинскіе кадіи и старшины.

«Народная память сохранитъ славу объ Ермоловѣ до тѣхъ поръ, пока міръ не разрушится.

«Ермоловъ, не употребляя ни пороху, ни ружей, ни пушекъ, покорилъ нашу Даргу одной острой саблей...

«Ермоловъ! развѣ тебѣ не жаль было разорять нашу Даргу, видя слезы, слыша плачъ и рыданіе нашихъ бѣдныхъ жонъ и дѣтей?

«Ты пріобрѣлъ въ Даргѣ и во всемъ Кавказѣ столь великую славу, какъ турецкій султанъ.

«Ты такъ разорилъ насъ и навелъ столь великій и сильный страхъ на нашъ народъ, какъ персидскій шахъ» (т. е. Шахъ-Надиръ, воспоминанія о походѣ котораго еще очень живы среди кавказскихъ горцевъ).

«Бѣдныхъ ты наградилъ деньгами, голодныхъ накормилъ!...»

Вотъ безъискусственная, задушевная исповѣдь дагестанскаго горца. Вотъ какіе правители нужны ему, ему понятны, вселяютъ ему уваженіе и покорность.

Разить какъ молотомъ непослушныхъ, защитить бѣднаго, накормить голоднаго, проявлять свою власть съ наглядностью и несомнѣнностью грозы небесной...

* * *

Въ настоящее время въ Дагестанѣ примѣняются довольно практическій и привычный народу судъ по адатамъ и отчасти судъ по закону русскому; послѣдній, впрочемъ, въ очень умѣренной степени, исключительно по вопросамъ государственной измѣны, возстаній противъ правительства, а изъ области строго-уголовныхъ преступленій только относительно обдуманнаго убійства.

Джамаатъ, т. е. сельскій сходъ аула, попрежнему выбираетъ изъ среды себя сельскихъ судей или *чохбіевъ*, которые разбираютъ по адатамъ своей общины всѣ обыкновенные споры и проступки, безъ всякаго вмѣшательства наиба, старшины (нусъ-ель-бетера) и т. п.

На приговоры своихъ селькихъ судовъ горцы жалуются въ окружные суды, засѣдающіе въ центрахъ окружнаго управленія—Гунибѣ, Ботлихѣ и пр. Хотя тамъ предсѣдательствуетъ русскій начальникъ округа, но члены выбираются по одному изъ каждаго наибства изъ числа опытнѣйшихъ сельскихъ судей, хорошо знающихъ адаты. Это такъ называемые «*диванные члены*». Наконецъ самая высшая судебная инстанція—«*народный судъ*» въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, главномъ правительственномъ центрѣ всей Дагестанской области.

Тамъ тоже есть члены изъ мѣстныхъ сельскихъ судей, но они выбираются начальствомъ края. Впро-

чемъ, послѣ возстанія 1878 года и диванные члены стали назначаться не по выбору сельскихъ сходовъ, а по усмотрѣнію начальниковъ округа.

Нельзя, во всякомъ случаѣ, не одобрить разумнаго начала, положеннаго въ основу здѣшняго суда. Переходъ отъ патріархальныхъ отношеній и кровной мести къ кодексамъ закона цивилизованныхъ народовъ не можетъ произойти безъ очень осторожной и терпѣливой постепенности.

Философія европейскихъ юристовъ оказалась бы безплодною тарабарскою грамотою въ этомъ царствѣ адатовъ...

Я не знаю впрочемъ, насколько это здравое уваженіе къ мѣстнымъ условіямъ края, эта разумная уступка бытовымъ особенностямъ племени—соблюдается въ самой практикѣ дагестанскихъ судовъ. При огромномъ значеніи здѣсь администраціи, при отсутствіи серьезныхъ контролирующихъ ея органовъ въ этихъ горныхъ дебряхъ, трудно рѣшить—насколько можетъ влiять на ходъ судныхъ дѣлъ и на дѣйствительное примѣненіе къ нимъ мѣстныхъ адатовъ вмѣшательство наибовъ, начальниковъ округа и т. п., насколько «диванные» и всякіе другіе члены суда изъ горцевъ сохраняютъ свою самостоятельность передъ волею начальства.

Вѣдь, судя по статутамъ, и у насъ въ полицейскомъ управленіи уѣзда участвуютъ засѣдатели всѣхъ сословій, даже крестьянскаго, что на практикѣ не препятствуетъ этому сельскому засѣдателю ограничивать все свое участіе топкою полицейскихъ печей.

Большую часть должностей въ Дагестанѣ, какъ и вообще въ горахъ Кавказа, занимаютъ грузины, всегда стоявшіе къ горцамъ ближе, чѣмъ другія народности; поэтому они и приспособляются довольно удачно къ ихъ взглядамъ и потребностямъ. Однако мнѣ случалось

слышать отъ людей чисто-русскаго происхожденія, служащихъ въ Дагестанѣ, будто лезгины издревле презираютъ грузинъ, какъ своихъ бывшихъ данниковъ, которыхъ они привыкли грабить и обирать, и что грузины, не смотря на свои способности и свое умѣнье сжиться съ горцемъ, во многихъ случаяхъ слишкомъ лѣнивы, корыстны и произвольны; что, напротивъ того, лезгины любятъ русскихъ начальниковъ и требуютъ ихъ. Объ одномъ здѣшнемъ окружномъ начальникѣ изъ русскихъ, г. Т., мнѣ передавали вещи, которыя приходится рѣдко слышать про своего брата москаля. Лезгины называютъ его просто по имени и вѣрятъ ему во всемъ, увѣряютъ, будто-бы даже во время возстанія округъ его оставался спокоенъ; г. Т., какъ передавали мнѣ, самъ говоритъ по-лезгински и хорошо знакомъ съ обычаями и убѣжденіями горцевъ, что, само собою разумѣется, составляетъ первое условіе для вліятельнаго начальника. Впрочемъ, я не думаю, чтобы между грузинами и русскими существовала въ этомъ отношеніи какая-нибудь принципіальная разница. Множество грузинъ, воспитанныхъ въ русскихъ заведеніяхъ, долго служившихъ въ русской службѣ, до такой степени полно и искренно обратились въ русскихъ, что несправедливо было-бы отыскивать въ нихъ какія-нибудь особыя грузинскія свойства, и всѣ недостатки ихъ, говоря правду, должны быть признаны нашими собственными недостатками.

«Мы думаемъ по-русски и дòма между собою говоримъ по-русски, — увѣрялъ меня почтенный князь О. — У меня родная сестра за русскимъ княземъ Г., и нѣсколько двоюродныхъ сестеръ также за русскими».

Дѣйствительно, какъ тутъ сохранить свои племенныя особенности, еслибы даже онѣ и были!

***

Здѣшніе правящіе люди не нахвалятся лезгинами. Это народъ удивительно стойкій, удивительно точный, удивительно честный.

«Эти дикари чѣмъ хороши, — говорили мнѣ о нихъ. Сегодня возмущенье, пушками ихъ не возьмешь, а завтра смирятся — безопаснѣе Саратовской губерніи станетъ. Если врагъ—то врагъ, а уже другъ—то другъ; убійца никогда не скрываетъ, что онъ убилъ; на судѣ откровенно и прямо разсказываетъ, за что и какъ убилъ: изъ ревности-ли, за обиду-ли...»

Отношенія родства и дружбы здѣсь такъ крѣпки, что лезгинъ, изъ-за дружбы, на каждомъ шагу готовъ жертвовать жизнью. Кунаки должны оказывать другъ другу всякую услугу и помощь; они дѣлаются даже кровниками другъ друга, и если у убитаго нѣтъ ближайшихъ родныхъ,—получаютъ за него *алымъ* и *діятъ*. Кто разъ ночевалъ въ домѣ лезгина, уже всегда обязанъ заѣзжать къ нему; хозяинъ жестоко обидѣлся-бы и былъ-бы осрамленъ передъ всѣмъ селеніемъ, если-бы его гость избралъ на слѣдующій разъ инаго хозяина. Это значило-бы, что онъ остался недоволенъ гостепріимствомъ. Лезгинъ проѣдетъ насквозь весь Дагестанъ, не вынимая ни одного абаза. Вездѣ онъ найдетъ пріютъ и радушное угощенье.

Способность самоуправленія лезгинъ также поразительна. Привыкшій въ теченіе вѣковъ ждать помощи только отъ самого себя, лезгинъ не нуждается, какъ нашъ братъ русскій, вѣчно жившій на помочахъ начальства, въ особенныхъ понужденіяхъ къ отправленію своего общественнаго долга. Безпрекословное подчиненіе мірской волѣ и всѣмъ строгимъ требованіямъ старыхъ адатовъ является у лезгина дѣломъ свободнаго нравственнаго сознанія. Если аульное общество положитъ, напримѣръ, запрещенье на лѣсъ, то ужь будьте увѣрены, что изъ этого лѣса не пропадетъ ни одна

палка, ничья рука не дотронется до запрещеннаго плода. Когда наступитъ время, всѣ сразу одѣляются дровами. Общественные луга свои лезгины также косятъ въ одинъ день, по рабочей силѣ каждаго, и до назначеннаго дня общее сѣно оберегается отъ потравъ каждымъ хозяиномъ, какъ свое собственное гумно.

Вообще, строгая законность и точность въ исполненіи обязанностей проникаетъ лезгина съ его младыхъ дней.

Русское начальство удивляется, съ какою невѣроятною точностью лезгинъ является по вызову изъ своихъ горныхъ дебрей не только въ назначенный часъ, но даже въ назначенную минуту, не смотря ни на какую погоду, ни на какія разстоянія.

Нигдѣ нѣтъ такой настойчивой, всѣми исполняемой дисциплины, какъ среди лезгинъ. Аульное общество, не разсчитывающее ни на какіе приказы общественнаго призрѣнія, ни на какихъ благодѣтельныхъ предсѣдателей, членовъ, засѣдателей и секретарей, свято выполняетъ обязанности свои къ бѣднымъ жителямъ, хотя этого не написано у нихъ ни въ какомъ уставѣ благоустройства и благочинія.

Извѣстная часть хлѣба и вина обязательно отдѣляется каждымъ жителемъ на содержаніе бѣдныхъ, мечети и школы. Бѣдные содержатся такъ хорошо, что въ Беджитѣ мы видѣли, напримѣръ, слѣпаго нищаго въ отличной шубѣ и папахѣ, сооруженной ему на общественный счетъ. Дѣти, желающія изучать Коранъ и получить вообще образованіе по понятіямъ лезгинъ, исполняютъ это безъ малѣйшаго труда. Мечеть всегда открыта имъ для пристанища, а обильныя подаянія жителей служатъ пропитаніемъ имъ. «*Муталимы*», т. е. ученики, постоянно ночуютъ и живутъ въ мечетяхъ, какъ въ своего рода общественныхъ пансіонахъ, на харчахъ мечети, подъ руководствомъ ея муллы, хотя-бы родители ихъ проживали въ томъ-же аулѣ.

Разъ, въ одномъ селенiи, постигнутомъ неурожаемъ, не хватило десятиннаго сбора для содержанiя муталимовъ мечети. Слухъ былъ, что въ другомъ аулѣ, верстъ за 30 оттуда, при мечети накопилось много запасовъ. Ни минуты не раздумывая, какъ-только поѣденъ былъ собственный запасъ, всѣ муталимы забрали подъ мышки книжки свои и отправились за 30 верстъ. Вошли въ мечеть, присѣли на корточки сзади сидѣвшихъ тамъ муталимовъ, развернули свои книжки и стали читать вмѣстѣ съ другими. Никто не спросилъ ихъ, зачѣмъ и откуда они. Ихъ стали кормить и учить наравнѣ со всѣми. И такъ бываетъ всегда. Простое, но глубокое религiозное чувство побуждаетъ дагестанскаго горца относиться такъ къ нищему, просящему ради Бога, къ учащемуся ребенку, къ молящемуся муллѣ...

Муталимы читаютъ Коранъ по-арабски, но почти никто изъ нихъ не понимаетъ арабскаго языка. Отъ этого шарiятъ, духовный законъ Магомета, мало извѣстенъ въ горахъ, и отъ этого-же само мусульманство въ нихъ не особенно сильно.

Собственно лезгинской азбуки и лезгинской литературы не существуетъ. Хотя есть исторiя Дагестана, составленная Мухамедомъ-Раффи, но она написана по-арабски, какъ и другiя немногочисленныя произведенiя лезгинской мысли. Впрочемъ, въ общежитiи лезгины употребляютъ арабскiя буквы для письма лезгинскихъ словъ, съ разными приспособленiями для выраженiя звуковъ, не существующихъ въ арабскомъ языкѣ.

Нашъ неутомимый изслѣдователь горскихъ языковъ Кавказа, покойный генералъ Усларъ, составилъ было азбуку для лезгинскаго языка, и горскiя дѣти начали было съ восхищенiемъ писать и читать полезгински; но это доброе начало не было поддержано съ достаточной настойчивостью и не пошло дальше. Англiйскiе миссiонеры успѣли распространить въ Дагестанѣ

нѣсколько экземпляровъ Евангелія на арабскомъ языкѣ, и оно читается охотно нѣкоторыми учеными лезгинами; горцы также нарасхватъ разбирали нумера «Тифлисской Газеты» на татарскомъ языкѣ, которую пробовали распространить среди нихъ. Все это показываетъ одно глубокое уваженіе лезгинъ къ письменности, полную возможность повліять на нихъ путемъ образованія. Лезгины, какъ племя, очень умны и способны. Въ Ставропольской гимназіи, гдѣ братъ мой былъ прежде директоромъ, лезгины, по его словамъ, были лучшими учениками даже по сочиненіямъ на русскомъ языкѣ.

Но, разумѣется, образовывать лезгинъ, необдуманно основывая для нихъ обыкновенныя русскія школы, безъ всякаго вниманія къ ихъ собственнымъ взглядамъ на школу, къ ихъ привычкамъ, вкусамъ и способностямъ, было бы только пустою потерею времени и силъ, годною развѣ только для того, чтобы навсегда отбить у лезгинъ довѣріе къ русскому образованію. Не бездушнымъ выполненіемъ разныхъ существующихъ шаблоновъ, по циркулярамъ начальства, а искреннимъ интересомъ къ дѣлу просвѣщенія полудикаго племени можно бы было помочь ему на этомъ пути. Но, къ сожалѣнію, люди, подобные Услару, горячо преданные своему призванію и всесторонне подготовленные къ нему, у насъ считаются единицами на сотни тысячъ. При данныхъ же обстоятельствахъ, единственно что можетъ двинуть будущее просвѣщеніе Дагестанскихъ горъ, — это настежь открытыя ворота въ его дебри и ущелья. Хорошая дорога — вотъ, повторяемъ, первая артерія, по которой обыкновенно вливается въ страну цивилизація. Ермоловъ, создавшій военно-грузинскій путь, князь Воронцовъ и другіе талантливые правители Кавказа — хорошо понимали это значеніе дорогъ и многаго достигли съ ихъ помощью. Но для Дагестана въ этомъ смыслѣ сдѣлано еще слишкомъ

мало. Мнѣ говорили въ Гунибѣ, что мѣстными средствами уже проведено по Дагестану до 160 верстъ колеснаго пути. Это доказываетъ, что, при сознаніи всей незамѣнимой важности дорогъ для твердости русской власти въ горахъ и для распространенія въ нихъ вліянія русской гражданственности, можно бы было провести по ущельямъ Дагестана уже тысячи верстъ подобныхъ путей. Прокладывайте только дороги, и не заботьтесь о другомъ!

«Остальная вся приложатся вамъ». Съ ними самъ собою проникнетъ свѣтъ и воздухъ въ глухіе углы. Дороги принесутъ лезгину рынки и промыслы, школы и суды. Хотя промышленность, можно сказать, еще спитъ въ Дагестанѣ обычнымъ сномъ Востока, однако все убѣждаетъ, что лезгинъ самъ по себѣ въ высшей степени склоненъ и способенъ къ труду всякаго рода и ко всякаго рода смѣтливымъ оборотамъ. Въ жизни своей онъ умѣетъ обойтись просто ни съ чѣмъ, и всегда имѣетъ все необходимое, всегда приличенъ и даже щеголеватъ. Лезгинскій милиціонеръ, напримѣръ, получая 120 рублей въ годъ, ухитряется содержать на этотъ счетъ прекраснаго коня въ богатомъ уборѣ, украшать серебряной чеканкой свое оружіе и платье и являться на всемъ своемъ по первому призыву—отлично вооруженный, сытый, одѣтый красиво и тепло. Многія селенія Дагестана даже и теперь ведутъ значительные промыслы. Въ аулѣ Кубачи, напримѣръ, знаменитые серебрянники, общество Кель славится своими тонкими шалями; всѣ вообще казикумыхцы извѣстны какъ превосходные слесаря, лудильщики, серебрянники, оружейники, сѣдельники и проч. Цѣлые аулы торгуютъ бурками, башлыками, куржинами, перевозя ихъ вьюками въ Кахетію и оттуда черезъ Гамборы въ Тифлисъ. Искусными садоводами кишатъ всѣ нижнія долины Дагестана. Коровье масло въ большихъ количествахъ

сбывается на равнины. Дороги оживятъ и широко разовьютъ всѣ эти старые источники дохода горцевъ и создадутъ множество новыхъ. Дорога сдѣлаетъ возможнымъ хозяйство и торговлю, заставитъ скорѣе всего бросить ружье и кинжалъ. Дагестанскіе горцы, сосланные, послѣ возстанія 1878 года, въ Саратовскую губернію, теперь основали на Волгѣ цвѣтущія селенія и живутъ тамъ припѣваючи, не смотря на привычную обстановку. Имъ дали отъ правительства земли, дома, лошадей; они пишутъ оттуда своимъ землякамъ, расхваливая новую жизнь свою, гдѣ они преспокойно пашутъ сами землю, забывая мало-по-малу о кинжалахъ и кровавой расправѣ.

Изъ одного средняго Дагестана было выслано туда 1400 душъ обоего пола.

* * *

Съ такимъ народомъ, полнымъ свѣжихъ способностей и строгихъ нравственныхъ привычекъ, можно сдѣлать очень многое, если только не развратить его нашею собственною неправдою и распущенностью.

Въ русской общественной жизни, въ русскомъ образованіи—много хорошаго, гораздо лучшаго, гораздо болѣе полезнаго, чѣмъ въ дикихъ обычаяхъ горца. Но, къ сожалѣнію и стыду нашему, мы рѣдко прикасаемся къ зависимымъ отъ насъ народностямъ, судьбою отданнымъ въ опеку нашу, этими плодотворными сторонами нашей жизни. Къ сожалѣнію, мы гораздо чаще успѣваемъ только изломать и исковеркать все доброе, что лежитъ въ природѣ этихъ остальныхъ племенъ, ихъ простоту, честную откровенность, благородную смѣлость, — и взамѣнъ того прививаемъ имъ не высшую культуру духа, не истинное знаніе, котораго имъ недоставало, не болѣе выгодные промыслы, которыхъ они не знали, а одну наружную одежду цивилизаціи, одни ея грѣхи и уродства.

Распущенность въ образѣ жизни и распущенность въ нравственныхъ понятіяхъ — вотъ обычные горькіе плоды, которые пожинаютъ отъ насъ всѣ болѣе или менѣе дѣвственныя народности, попадающія намъ подъ руку, — крымскіе татары, какъ и инородцы Сибири, какъ финскіе лопари, какъ горцы Кавказа. Пьянство, мотовство и плутовство — идутъ стаею, какъ мародеры за вторгнувшимся войскомъ, за печальною колесницею нашей русской цивилизаціи, благодѣтельствующей далекія окраины наши...

Таковы мы въ Батумѣ и Карсѣ, таковы мы въ Ташкентѣ и на Амурѣ. Если мы не можемъ дѣйствовать иначе, то лучше не будемъ дѣйствовать вовсе. Но нельзя-же помириться на этомъ. Нельзя такъ малодушно признать себя побитыми даже нравственною системою лезгина или аджарца. Надо вѣрить, что въ народѣ русскомъ есть и другія силы духа, силы истиннаго просвѣщенія. силы правды и чести. Ихъ-то необходимо вызвать, къ нимъ-то необходимо обращаться правителямъ и распорядителямъ судебъ нашихъ.

Не близорукимъ невниманіемъ къ историческимъ особенностямъ цивилизуемыхъ нами народностей, не грубымъ внѣдреніемъ въ ихъ вѣковую жизнь чуждыхъ имъ русскихъ формъ—можемъ мы дѣлать счастливыми и богатыми Кавказскія горы и равнины. Русскій языкъ, русскій законъ—не удержатся тамъ, гдѣ для нихъ не приготовлено никакой почвы. Грузины не перестанутъ посѣщать церкви, гдѣ священникъ служитъ на непонятномъ имъ русскомъ языкѣ, но черезъ это не сдѣлаются еще русскими. Лезгинъ не войдетъ въ школу своего аула, гдѣ онъ не находитъ Корана и гдѣ онъ не слышитъ знакомыхъ ему звуковъ, хотя-бы въ ней преподавалъ самый образованный русскій учитель изъ тифлисской учительской семинаріи.

Мировой судья и слѣдователь изъ русскаго универ-

ситета, не понимающіе ни того, что показываетъ свидѣтель, ни того, какъ оправдывается обвиняемый, прикладывающіе мѣрку свода законовъ и судебныхъ уставовъ къ поступкамъ людей, незыблемо-вѣрующихъ въ свои тысячелѣтніе адаты, — внесутъ только растленье и безправность въ ту среду, гдѣ до сихъ поръ стоятъ такъ высоко требованія справедливости и законности.

Нигдѣ насъ такъ не губило подражаніе готовымъ образцамъ, какъ здѣсь, въ горахъ Кавказа. Мы, кажется, стремимся навязать и имъ всѣ тѣ мнимыя паноплiи, отъ которыхъ еще такъ мало пользы видѣли сами, но въ которыя мы считаемъ себя обязанными вѣрить «ничто-же сумняшеся», по долгу цивилизованныхъ людей.

Уже поговариваютъ *о введеніи всеобщей воинской повинности* на Кавказѣ, среди племенъ, которыхъ никакими средствами не удержишь отъ войны. Не смѣшно ли это?

Не значитъ-ли это подталкивать руками птицу, которая сама летитъ такъ быстро, что ее догнать нельзя?

Эта обязательная воинская повинность существуетъ въ горахъ Кавказа, среди рыцарскихъ и разбойничьихъ народовъ его, какъ существовала она въ казацкихъ земляхъ нашихъ, гораздо ранѣе, чѣмъ подумалъ о ней прусскій нѣмецъ. Возьмите-жь этотъ живой фактъ исторіи, какъ онъ есть, и воспользуйтесь имъ, какъ можете, не заботясь о томъ, что̀ дѣлаютъ у себя въ Пруссіи нѣмцы съ своими мирными лавочниками, хлѣбопашцами и писарями.

Поговариваютъ также о всеобщемъ разоруженіи кавказцевъ, можетъ быть, на томъ основаніи, что вѣнскій булочникъ и мюнхенскій пивоваръ ходятъ давно безъ ружья и кинжаловъ.

Нѣмцевъ, которые тутъ нипричемъ, вспомнили, а того не вспомнятъ, какая полиція будетъ въ со-

стояніи охранять козьи тропы Кавказскаго хребта, и какая судебная власть будетъ защищать честь и имущество жителей, гнѣздящихся на неприступныхъ утесахъ, за облаками...

Для возстанія народъ, даже и обезоруженный, всегда найдетъ оружіе, но лишить его безъ всякаго повода того, что онъ считаетъ лучшимъ украшеньемъ своей жизни, нераздѣльною принадлежностью мужа, всей чести и богатства его, его семейной святыни, — это и безразсудно, и несправедливо. Ктому-же какія арміи шпіоновъ потребовались-бы для дѣйствительнаго осуществленія этой насильственной мѣры?

Поменьше грубой ломки, поменьше торопливости и выдумокъ, побольше терпѣнья и уваженья къ исторической жизни народовъ—вотъ каковъ долженъ быть характеръ нашихъ кавказскихъ мѣропріятій, если они должны быть направлены на благо, а не на погибель Кавказа. На этой почвѣ легче всего произойдетъ естественное сліяніе различныхъ народностей и объединенье разнородныхъ интересовъ.

Энергія-же нашихъ правителей должна обратиться не на искусственное перекраиванье существующихъ племенъ по образу и подобію нашему, а на нравственную доброкачественность тѣхъ дѣятелей, которыхъ мы призываемъ къ дѣлу цивилизаціи Кавказа. Если наши интенданты, строители, управители не будутъ воспитывать кавказскія народности въ обычаяхъ хищничества и обмана, если въ лицѣ ихъ и подобныхъ имъ не будетъ безнаказанно торжествовать и издѣваться надъ правдою наглая неправда; если источники мѣстнаго богатства, земли, лѣса, рыбныя ловли, нефтяные источники Кавказа—не будутъ легкомысленно бросаемы въ жертву личной корысти, къ непоправимому вреду для страны, если ко всякому дѣлу будутъ призываться не лесть и бездарность, а честныя силы труда и знанія,

способныя съ пользою послужить ему, однимъ словомъ — если надъ всѣмъ и во всемъ воцарится наконецъ здѣсь непоколебимый законъ, «у него же нѣсть на лица зрѣнья», тогда можно будетъ сказать, что русская власть на Кавказѣ повела народности Кавказа по истинному пути просвѣщенія и благоденствія, тогда можно будетъ ручаться, что Кавказскія горы — станутъ дѣйствительно русскими горами.

XII

Возвращеніе

СТРАННОЕ впечатлѣніе произвелъ на меня звукъ роднаго русскаго колокольчика, раздавшійся въ сонныхъ ушахъ моихъ здѣсь, на заоблачныхъ вершинахъ Шамилева гнѣзда, въ самомъ сердцѣ Дагестана. Почтовая телега чуть свѣтъ стояла передъ окнами дома, совсѣмъ готовая къ нашему отъѣзду.

Возвращаться назадъ верхомъ въ Кахетію черезъ всѣ ужасы и опасности, только-что прожитыя, казалось немыслимымъ. То, что смѣло перенесъ сгоряча, еще не успѣвъ разсмаковать всѣхъ страховъ, теперь, когда уже можно было оглянуться назадъ съ нѣкоторымъ хладнокровіемъ и благоразуміемъ, казалось еще опаснѣе и неодолимѣе.

Мы рѣшили сдѣлать длинный объѣздъ на почтовыхъ къ Темиръ-Ханъ-Шурѣ и оттуда черезъ всю Чечню до Владикавказа, чтобы только избавиться отъ повторенія пройденнаго пути черезъ Верхній Дагестанъ. Приходилось проститься съ нашими вѣрными спутниками, съ неустрашимымъ наѣздникомъ Илико̀, съ Максимѐ съ Павлѐ, которые должны были вернуться немедленно подъ старую кровлю Енисельскаго замка...

Мы снабдили ихъ маленькую экспедицію всѣмъ, чѣмъ было можно снабдить въ скромныхъ лавкахъ Гуниба, и съ большимъ сожалѣніемъ обнялись съ ними въ послѣдній разъ.

Максиме явился къ прощанью разодѣтый и разукрашенный, съ заботливо расчесанною сѣдою бородою, весь сверкающій своими золотыми и серебряными медалями, своими георгіевскими крестами, въ полной парадной формѣ ветерана-милиціонера.

Всѣ провожаютъ насъ добрыми пожеланіями, пока наша телега, стуча и дребезжа по камнямъ мостовой, осторожно спускается къ крѣпостнымъ воротамъ... Ласка и дружба человѣческая имѣютъ такую внутреннюю силу, что даже изъ этого непріютнаго боеваго гнѣзда уѣзжаешь съ растроганнымъ сердцемъ...

Безконечною змѣею сползываеть шоссейная дорога съ крутой пирамиды Гуниба къ волнамъ Кара-Койсу.

Становится больно за бѣдныхъ лошадей, такъ тяжко и долго сносящихъ на своихъ хребтахъ по этимъ кручамъ нагруженную телегу.

Все шоссе закидано камнями какъ бомбами. То-и-дѣло встрѣчаются бреши въ стѣнкахъ, окаймляющихъ шоссе, на пространствѣ десятокъ саженей опрокинуты даже цѣлыя стѣнки. Это нерукотворная твердыня Гуниба разрушаетъ, словно смѣясь, сооруженія, слѣпленныя рукою человѣка, соромъ своихъ каменныхъ реберъ...

* * *

Дика и мрачна скалистая тѣснина, гдѣ перекинутъ черезъ свирѣпую Кара-Койсу большой Салтинскій мостъ изъ камня и желѣза. Сильно укрѣпленная башня съ постояннымъ карауломъ защищаетъ тетъ-де-понъ того берега.

Среди глухаго безмолвія и безлюдья, словно на днѣ глубокаго каменнаго ящика, куда почти не проникаетъ

лучъ солнца, гдѣ стоитъ даже утромъ какой-то полусумракъ ночи, не смолкая реветъ и бѣсится эта «Черная рѣка»...

Посмотришь направо, — узкій коридоръ отвѣсныхъ голыхъ скалъ, задвинувшихъ дали, заслонившихъ небо; посмотришь налѣво, — тѣ-же безысходныя каменныя стѣны...

Гулъ отъ рева волнъ оглушаетъ васъ въ этомъ сухомъ, звонкомъ ящикѣ, отражающемъ отъ себя малѣйшій звукъ... Не позавидуешь быту пѣхотинцевъ, обязанныхъ по цѣлому году дежурить въ этомъ Салтинскомъ склепѣ, изо дня въ день созерцая надъ своимъ теменемъ тѣ-же желтыя скалы, изо дня въ день наслушиваясь до тошноты все одного и того-же рева волнъ, не видя кругомъ себя души живой.

Мнѣ разсказывали, что уже нѣсколько офицеровъ, начальствовавшихъ надъ Салтинскомъ карауломъ, одинъ за однимъ топились отъ тоски въ волнахъ Кара-Койсу и что теперь стали чаще перемѣнять ихъ очереди.

Этому легко повѣрить, посмотрѣвъ хотя разъ на Салтинскую тѣснину. Въ возстаніе 1878 года Салтинская башня, защищающая подступы къ Гунибу, была взята горцами обманомъ, въ самомъ началѣ мятежа. Изъ большаго аула за тѣсниною толпа горцевъ привела къ мосту нѣсколькихъ арестантовъ и требовала пропуска ихъ въ Гунибъ. Обманутый караулъ пропустилъ ихъ. Арестанты были такіе-же вооруженные горцы, какъ и всѣ остальные. Они перерѣзали нетолько весь караулъ, но и русскихъ плотниковъ, оканчивавшихъ работы въ укрѣпленіи.

Пробовали уничтожить и самый мостъ, но только просверлили пулями его желѣзо, а разрушить не могли. Даже армянина духанщика, что 15 лѣтъ жилъ въ полуверстѣ отъ моста, стараго аульнаго кунака, не пощадили освирѣпѣвшіе повстанцы. Со страху онъ даже

принялъ Магометову вѣру, но и это его не спасло. Лезгинскій кинжалъ распоролъ таки его сытое армянское брюшко.

У почтовой Салтинской станціи, что построена недавно въ виду мостоваго укрѣпленія, мы видѣли пустынныя могилки бѣдныхъ русскихъ солдатиковъ, побитыхъ лезгинами...

Наши скоро потомъ отняли Салтинскій мостъ послѣ долгаго и кроваваго боя; но скопища горцевъ обложили ихъ со всѣхъ сторонъ, отрѣзавъ имъ сообщенье съ Гунибомъ и съ Темиръ-Ханъ-Шурою; двѣ недѣли сряду крошечный гарнизонъ башни отбивался отъ нихъ, сидя безъ хлѣба, пока отрядъ Накашидзе не занялъ горныхъ мѣстностей выше аула и не разсѣялъ вооруженныя скопища.

* * *

«Почтовый трактъ» изъ Гуниба и Гунзаха въ Темиръ-Ханъ-Шуру открытъ недавно и своимъ торжественнымъ европейскимъ названіемъ можетъ вовлечь неопытнаго путешественника въ большое заблужденіе.

Станціи—это едва слѣпленные тѣсные бараки, текущіе насквозь отъ малѣйшаго дождя, безъ печей, съ одною угарною желѣзною коробкою, съ землею вмѣсто пола, съ узкою тесовою дверочкой прямо на дворъ вмѣсто всякихъ сѣней и галлереекъ

Хочется спать,—ложись прямо на полъ: это единственная кровать. На такъ называемыхъ «большихъ» станціяхъ, по крайней мѣрѣ, найдешь кого-нибудь — старосту или ямщика. Но на «маленькихъ» часто находишь однѣ пустыя стѣны.

Единственные два ямщика или въ разгонѣ, или уйдутъ въ сосѣдній аулъ поразжиться чѣмъ-нибудь. Безпомощному проѣзжему приходится оставаться одному въ пустынномъ ущельѣ, отдаваясь на милость судьбы.

Иногда лошадей не добьешься здѣсь по 3 сутокъ. На многихъ станціяхъ всего по двѣ тройки, на которыхъ и почту гоняютъ, и развозятъ разное начальство и чиновниковъ. Ко всему этому никто тутъ слова русскаго не понимаетъ, такъ что даже узнать нельзя, кто виноватъ, на кого жаловаться. Ямщики-горцы совсѣмъ не умѣютъ возить. Только и слышишь разсказы о томъ, какъ слетѣла перекладная то въ воду, то въ пропасть. Впрочемъ, хороши же здѣсь и дороги! Самому опытному ямщику нелегко справиться съ ними. На каждой станціи вы заранѣе можете ознакомиться съ предстоящимъ вамъ путемъ по описанію, висящему на стѣнѣ. Только и видишь на этихъ таблицахъ ободрительныя предостереженія, въ родѣ слѣдующихъ: «въ ночное время и въ дождь слѣдовать невозможно», «12 тяжелыхъ подъемовъ и 10 опасныхъ спусковъ» и т. п. А какъ тутъ избѣгать ночнаго времени и дождей, когда безъ того приходится ожидать на этихъ станціяхъ цѣлыми днями.

Дороги по горнымъ кручамъ не ограждены нигдѣ отъ пропастей, мостовъ почти нѣтъ, все броды, а въ горахъ сегодняшній бродъ назавтра дѣлается непроходимымъ грознымъ потокомъ.

Нечего говорить, что объ ѣдѣ на этомъ «почтовомъ трактѣ» нужно оставить всякія попеченія; рѣдко рѣдко попадется на дорогѣ скверный духанъ, гдѣ можно купить кусокъ мѣстнаго соленаго сыра и стаканчикъ вина. Мнѣ показалось обидною насмѣшкою, что на стѣнкѣ каждой здѣшней станціи вывѣшены краснорѣчивыя воззванія общества покровительства животныхъ о милости къ скотамъ безсловеснымъ въ то самое время, какъ разумное человѣчество подвергается здѣсь такимъ безчеловѣчнымъ испытаніямъ.

* * *

Сѣверовосточная часть Дагестана уже мало интересна послѣ характерныхъ видовъ Средняго и Верхняго Дагестана. Кавказскія горы припадаютъ все ниже и ниже и наконецъ замираютъ холмистою равниною къ берегу Каспія. По мѣрѣ пониженія горъ, аулы дѣлаются все чаще, все обширнѣе, городки-городками. Но это уже настоящіе татарскіе аулы, пропитанные запахомъ сухой, жаркой Азіи, одинъ камень и глина, безъ земли, безъ садовъ, жилища пустыни, напоминающія Палестину и Аравію, только безъ ихъ пальмъ. Обыкновенно эти огромные аулы усыпаютъ вплотную высокіе холмы и горки. Около нихъ всегда особый холмъ, весь обросшій вмѣсто лѣса торчащими каменными памятниками съ чалмами и тюрбанами... Вечеромъ бываетъ странно смотрѣть на эти бѣлѣющія полчища каменныхъ мертвецовъ, жалостливо толпящихся на своемъ могильномъ холмѣ... Кругомъ большихъ ауловъ, каковы Большой и Малый Джингетай, аулъ Урма, Казанище и другіе, стелятся великолѣпныя зеленыя и желтыя поля, какихъ уже давно мы не видимъ въ горныхъ дебряхъ Кавказа. Земли всѣ поливаются, на всемъ лежитъ печать дѣятельнаго хозяйства и близости торговыхъ центровъ. Историческихъ развалинъ уже больше не попадается. Сейчасъ видно, что страна эта стала давно доступною, давно подвергалась вліянію прибрежныхъ татарскихъ и персидскихъ ханствъ. Да и русское владычество ранѣе всего пробило себѣ дорогу въ сердце Кавказа черезъ эти естественныя ворота, отъ низовьевъ Каспія. Страна эта населена гораздо гуще горъ. Толпы женщинъ въ неуклюжихъ длинныхъ нарядахъ, въ богатыхъ уборахъ изъ тяжеловѣснаго стариннаго серебра, въ нагрудникахъ, подвѣскахъ и серьгахъ самыхъ оригинальныхъ формъ, съ множествомъ очень красивыхъ дѣтей, попадаются на каждомъ шагу. Да и вообще народу множество. Но онъ глядитъ на русскаго человѣка

далеко недружелюбно, можетъ быть, вспоминая недавній кровавый урокъ, полученный имъ послѣ возстанія.

Мы обрадовались Темиръ-Ханъ-Шурѣ, какъ Петербургу или Парижу, послѣ своихъ долгихъ скитаній по горамъ. Гостиница обыденнаго губернскаго города, съ возможною постелью, съ горячимъ ужиномъ,—показалась чуть не земнымъ раемъ.

Темиръ-Ханъ-Шура когда-то была важнымъ военнымъ центромъ русской арміи, а въ настоящее время, съ окончательнымъ присоединеніемъ Дагестана, ея крѣпость почти упразднена, хотя городъ продолжаетъ быть средоточіемъ областнаго управленія.

Городъ вообще плохъ и грязенъ, но торговля кипитъ въ немъ довольно бойко. Въ немъ нѣтъ той радующей зелени, того порядка и миловидности, которыми поражаетъ Владикавказъ. Какая-то татарская распущенность и азіатская пустынность, совершенно подходящая къ сосѣдству Каспія, лежитъ здѣсь на всемъ.

Жара печетъ невыносимо, сжигаетъ кости, нетолько кожу человѣка. Желтая пыль стоитъ густымъ киселемъ въ неподвижномъ воздухѣ, не расходясь, не давая дышать. На открытой со всѣхъ сторонъ телегѣ дѣться некуда отъ зажигающихъ лучей солнца, отъ пыли и духоты... Измученныя, никуда негодныя лошади надрываются отъ утомленія. Въ голой, раскаленной пустынѣ, среди сплошной желтизны выжженныхъ и вытоптанныхъ травъ, яркими букетами валяется чуть не черезъ каждую версту окровавленная лошадиная падаль...

Грубый ругатель-ямщикъ, неумѣющій взять возжей въ руки, немилосердно хлещетъ тройку живыхъ одровъ, что безнадежно тянетъ насъ черезъ эту кавказскую Сахару подъ 42 градусами жара. Онъ громко

проклинаетъ и свою некормленную скотину, и скотину-жида, не кормящаго лошадей, неплатящаго ему жалованья, да и насъ, кажется, кстати, подъ огулъ, вмѣстѣ съ почтовымъ начальствомъ. Нигдѣ, на пространствѣ 20—30 верстъ, ни фонтана, ни колодца. Ручей горько-соленой воды все время бѣжитъ вдоль дороги, но никому словно горя нѣтъ ни о лошадяхъ, ни о путникахъ...

Словно мы ѣдемъ по безлюднымъ солончакамъ Ахалъ-Теке, а не черезъ богоспасаемое Русское царство, руководимое пятнадцатью томами свода законовъ, всякими уставами благоустройства и благочинія. А кажется, такъ бы не трудно устроить здѣсь все, что нужно, облегчивъ народу и скоту это каторжное передвиженіе.

* * *

Пришлось проѣзжать какъ-разъ мимо Тарковъ. Вспомнился самъ собою стихъ Лермонтова:

Я былъ въ горахъ —
Какая радость...
Я былъ въ Таркахъ —
Какая гадость...

По крайней мѣрѣ, я самымъ искреннимъ образомъ сидѣлъ подъ этимъ гадостнымъ впечатлѣніемъ на своей мучительной перекладной, вспоминая съ завистью даже наше головоломное странствованье верхомъ по кручамъ Аварскаго-Койсу и поглядывая на громадныя безвкусныя хоромы шамхала тарковскаго, что лѣпились на одинокомъ утесѣ, высоко надъ глиняными хижинами его бывшихъ холоповъ и подданныхъ. Эти маленькіе деспотическіе царьки съ своими замашками султановъ, съ своей дикой роскошью и безчеловѣчностью своихъ азіатскихъ воззрѣній, разоряютъ подвластные имъ

народы гораздо хуже, чѣмъ самые неблагоразумные государи могущественныхъ странъ.

* * *

Передъ Чиръ-Юртомъ живописная синяя тѣснина вдругъ распахнулась въ горахъ слѣва отъ насъ, открывъ намъ далекую перспективу скалъ, провожающихъ Сулакъ, до самаго слiянья съ нимъ Аварскаго-Койсу. Грозная башня на высокой скалѣ оберегаетъ эти ворота Дагестана, отворенныя въ Чечню. Въ Чиръ-Юртѣ широкое русло Сулака прорѣзаетъ границу между Дагестаномъ и Терской областью.

Довольно сильныя укрѣпленiя съ валами, башнями, мостовыми защитами — занимаютъ оба крутые берега Сулака. Вездѣ часовые, пушки, ружья, вездѣ военный людъ. Что-то въ родѣ городка съ магазинами, базаромъ, гостиницами, основалось вокругъ крѣпости и служитъ теперь спасительнымъ средоточiемъ цивилизацiи для всей окрестности. Волна азiатской жизни, азiатскихъ племенъ здѣсь уже замѣтно стихаетъ, и сердце съ отрадою ощущаетъ здѣсь наступленье русскихъ людей и русскаго быта, хотя еще въ одномъ только военномъ образѣ.

Мы поспѣшили прежде всего выкупаться въ отвратительной черной волнѣ Сулака, чтобы освободиться отъ слоевъ окутавшей насъ пыли, и наскоро пообѣдавъ, двинулись дальше. Здѣсь почту держитъ уже не жидъ, а персiанинъ, и она несравненно исправнѣе— хорошiя повозки и сбруя, сытыя лошади, ловкiе ямщики. Да и то сказать, Терская область—это само обилiе скотовъ и кормовъ всякаго рода, далеко не то, что сухой Дагестанъ. Въ Хасавъ-Юртѣ, гдѣ тоже крѣпость и тоже порядочный городъ, съ гостинымъ дворомъ и всякою всячиною, мы не захотѣли ночевать, хотя насъ и предупреждали, что по Чечнѣ ночью не ѣздятъ, что разбои чеченцевъ очень часты; однако мы такъ рва-

лись домой, что не рѣшились упустить даромъ ясной лунной ночи.

Нельзя однако сказать, чтобы эта поѣздка прошла для насъ совершенно спокойно. Ямщикъ уже заранѣе наговорилъ намъ много страстей, и когда мы очутились въ совершенно безлюдной пустынѣ, среди холмистой мѣстности, на каждомъ шагу поросшей частыми кустами, было ясно, что первой попавшейся досужей парѣ горцевъ не стóило-бы ничего снять насъ пулею почти въ упоръ съ нашихъ нагруженныхъ чемодановъ... Горцы встрѣчались намъ въ темнотѣ ночи цѣлыми партіями, съ ружьями за спиной, съ шашками на боку, пытливо всматриваясь въ насъ и перебрасываясь между собою непонятными намъ отрывочными звуками, которые мы могли переводить въ своей возбужденной фантазіи какъ намъ было угодно. Иногда слышался позади насъ торопливый топотъ подковъ, и мы могли разсчитывать что какая-нибудь шайка грабителей рѣшилась настигнуть насъ; но дѣлать было нечего,—и приходилось волею-неволею притворяться спокойнымъ и пропускать мимо себя тѣсно осыпавшую насъ ватагу наѣздниковъ въ буркахъ и башлыкахъ...

Мы, впрочемъ, приняли всѣ предосторожности, какія были въ нашей власти; положили на колѣна шашки и взведенные револьверы, зорко осматривая каждый свою сторону, чтобы не прозѣвать въ случаѣ какой-нибудь опасности. Отъ станціи до станціи тутъ всю ночь разъѣзжаютъ конные казацкіе патрули—одни въ одну сторону, другіе въ другую. Кромѣ того, казацкіе посты съ сторожевыми вышками устроены въ разныхъ мѣстахъ дороги. Съ начала ночи мы встрѣчали не разъ разъѣзды казаковъ, на которые, впрочемъ, здѣсь не особенно разсчитываютъ. Но съ полуночи казаки что-то перестали попадаться намъ; къ разсвѣту мы видали многихъ изъ нихъ преспокойно спящими на лѣсныхъ

полянкахъ, возлѣ осѣдланныхъ лошадей, мирно щипавшихъ росистую траву...

Какъ-бы то ни было, мы всю ночь провели на-сторожѣ, сидя бодро на своей тележкѣ, не позволяя себѣ даже дремать, тѣмъ болѣе, что у насъ не было особенной вѣры и въ здѣшнихъ ямщиковъ. Чудная лунная ночь помогала нашей бодрости.

Вдали были видны, при ея свѣтѣ, Чеченскія горы, а лѣсистая равнина была залита, какъ прозрачнымъ голубымъ моремъ, ея фосфорическими лучами.

Живая, сердечная бесѣда зажглась сама собою въ поэтической обстановкѣ этого дикаго пейзажа, и возбужденные нервы не замѣчали, какъ пролетала короткая лѣтняя ночь, полная жуткихъ ощущеній опасности, теплыхъ воспоминаній прошлаго и сладкихъ впечатлѣній окружавшей насъ ночной красоты...

* * *

Старая Ермоловская твердыня—крѣпость Грозная не представляетъ теперь собою ровно ничего грознаго. Она отслужила свою историческую службу сначала русской защиты отъ чеченцевъ, потомъ русскаго завоеванія чеченцевъ,—и теперь, въ дни мира и полнаго торжества русской силы надъ горами Кавказа, обратилась въ довольно обширный, хотя плохо устроенный городокъ, гдѣ сосредоточиваются военныя власти.

Мы успѣли только поужинать въ одной изъ гостиницъ городка и торопились все дальше и дальше.

Кромѣ такихъ важныхъ военныхъ пунктовъ, какъ Грозная, Чиръ-Юртъ и пр. Чечня усѣяна множествомъ другихъ небольшихъ укрѣпленій. Почти каждая станція находится подъ защитою валовъ и башенъ какого-нибудь форта.

Сначала мы ѣхали поселеніями чеченцевъ, выведенныхъ изъ горъ на равнину для большей безопасности.

Потомъ пошла страна ингушей или назранцевъ,

и частыя станицы Терскаго казачьяго войска. По мѣрѣ захвата затерекскихъ чеченскихъ земель, казаковъ переселяли на нихъ съ лѣваго берега Терека, чтобы придвигать все ближе и ближе къ горамъ этотъ самый надежный изъ всѣхъ военныхъ кордоновъ, — живую *линію* казацкихъ поселеній. Теперь эта часть Чечни пріобрѣла почти тотъ-же русскій характеръ, какъ и старинная наша *«линія»* по лѣвому *гребню* Терека, гдѣ живутъ знаменитые гребенскіе казаки, воспѣтые въ художественной повѣсти графа Л Н. Толстого. Только эта чеченская сторона рѣки кажется еще обильнѣе и богаче, чѣмъ лѣвая, казацкая. Тутъ гораздо болѣе лѣсовъ, сочныхъ луговъ, садовъ... Почва изумительнаго плодородія, кишитъ всякимъ добромъ; покосовъ одолѣть нельзя силамъ здѣшняго народа; корма не-впроѣдь, сѣно стоитъ неоглядными тысячами стоговъ; вездѣ, куда только глазъ упадетъ, стада, стада, стада: стада коровъ, буйволовъ, козъ, овецъ, лошадей, чего хочешь. Все это бродитъ сытое и довольное, по пузо въ густой душистой травѣ, разростаясь на свободныхъ кормахъ такъ, какъ никогда не выростетъ на тощихъ полевыхъ жнивьяхъ своихъ хилая порода нашего крестьянскаго скота.

Станицы всѣ тонутъ въ садахъ. Тутъ и груша, и вишня, и алыча, и курага, мѣстный абрикосъ... А кругомъ ряды пирамидальныхъ тополей, еще издали открывающіе путнику давно желаемую станицу. А въѣдешь въ нее—такъ никакъ не вылѣзешь изъ безконечныхъ опрятныхъ плетней, огораживающихъ казацкіе садики. Хаты тутъ совсѣмъ малороссійскія, несмотря на то, что терскіе казаки, въ противоположность кубанцамъ, чистокровные великоруссы и строгіе староверы.

Все заботливо смазано глиною, побѣлено, ярко раскрашено, и дверочки, и ставенки, и уютные навѣсики отъ солнца. Вмѣсто соломы и очерета съ глиною крыши

частенько черепичныя не хуже любой нѣмецкой колоніи. Досугъ и достатокъ видны во всемъ. Вездѣ видишь неспѣшно бесѣдующія группы опрятно одѣтыхъ стариковъ, щеголеватыхъ парней и дѣвокъ, гуляющихъ въ тѣни садиковъ. Люди тутъ живутъ съ уваженьемъ къ себѣ, къ своему удобству, вполнѣ снабженные всѣмъ тѣмъ, что необходимо для затѣйливаго быта поселянина. Эти сплошныя картины довольства и почтенности наполняютъ отрадою сердце путешественника, внимательно всматривающагося въ окружающую его жизнь. Важные бородатые казаки, въ войлочныхъ шляпахъ, съ самоувѣреннымъ достоинствомъ отвѣчающіе на ваши вопросы, красивыя дородныя казачки на крѣпко кованыхъ повозкахъ, запряженныхъ сытыми волами, съ смѣлою рѣчью, съ веселымъ смѣхомъ, — все это говоритъ вамъ и о большей свободѣ, и о большемъ счастіи нашего окрайнаго населенія, мало знакомыхъ старой земледѣльческой Россіи, такъ долго отравляемой язвами крѣпостничества и чиновничества.

Вотъ та истинная «Моздовка», куда такъ давно и страстно стремятся помыслы нашего курскаго и орловскаго мужика, которая рисуется его простодушному воображенію, какъ идеалъ всякаго земнаго благополучія, подобно тому, какъ древнему греку рисовалась его пресловутая Аркадія.

«Моздовка»—это до сихъ поръ нарицательное имя въ устахъ нашего черноземнаго крестьянства; «живутъ какъ на Моздовкѣ!» съ завистливымъ вздохомъ говоритъ мужичекъ о какихъ-нибудь случайныхъ счастливцахъ, сосѣдяхъ своихъ.

«Ушелъ на Моздовку»—говорятъ вамъ въ деревнѣ про односельца своего, переселившагося и въ Томскую, и въ Самарскую, и въ Уфимскую губерніи. «Моздовка»—это не однѣ только окрестности Моздока, не одна Терская область и даже не какой-нибудь опредѣленный

географическій терминъ. Это просто общее названіе всѣхъ невѣдомыхъ новыхъ странъ, гдѣ земли можно пахать «*сколько сохой захватишь*», гдѣ отъ корма скоту дѣться некуда, гдѣ не слышно даже духа барина и куда не доѣзжаетъ никакой чиновникъ...

* * *

Выѣхалъ изъ станицы,—чудный просторъ направо и налѣво. Хлѣбъ въ русскихъ копнахъ наставленъ тѣсными, сплошными валами, пóля подъ нимъ не видно,—вездѣ, гдѣ только тронула соха эту дѣвственную почву. Но поля эти только ничтожная частичка тѣхъ неохватныхъ равнинъ, гдѣ никто еще не пашетъ и даже не коситъ... Кажется, сюда-бы можно умѣстить еще добрую половину нашей скудно-земельной крестьянской Руси. Особенно богатыя казачьи станицы, особенно обильныя поля и покосы, особенно многочисленныя стада скота—встрѣчаются намъ по Сунжѣ. Тутъ и лѣсовъ множество, полныхъ кабановъ, фазановъ, козъ и всякой лѣсной дичи... Одни лѣса укрываютъ справа болотистыя низины рѣки, другіе — хмурятся слѣва по Чеченскимъ горамъ, постоянно насъ провожающимъ.

Черезъ каждыя 4 или 5 верстъ—огромная станица, съ богатою русскою церковью, торжественно возвышающею свои золотыя главы и православные кресты надъ зеленью садовъ, надъ кучами бѣлыхъ мазанокъ и желтыхъ соломенныхъ крышъ...

Какое-то неизъяснимое сладкое чувство овладѣваетъ моею русскою душою, когда послѣ долгихъ скитаній среди чуждыхъ мнѣ лицъ, чуждаго языка, чуждыхъ обычаевъ — я наконецъ чувствую кругомъ себя все шире и шире разливающееся море моей родной русской народности, когда все кругомъ дѣлается мнѣ привычно, любо, понятно—и мѣткая, звучная рѣчь, и знакомый взглядъ бойкихъ глазъ, и чашка горячихъ щей съ давно забытымъ чернымъ хлѣбомъ, и родной нарядъ, и вся

близкая сердцу обстановка милой мнѣ съ дѣтства жизни: этотъ громкій благовѣстъ колокола, этотъ ярко сверкающій крестъ храма, эта по полю несущаяся, за душу хватающая, душу надрывающая родная русская пѣсня... Чѣмъ-то скучнымъ, противнымъ и жалкимъ, какимъ-то молчаливымъ прозябаньемъ животнаго кажется мнѣ теперь унылый бытъ горскаго аула, которые и здѣсь кое-когда еще попадаются намъ среди шумныхъ казацкихъ станицъ; я начинаю чувствовать всѣми инстинктами своего русскаго организма какое-то безпричинное отвращеніе, какое-то потаенное недружелюбіе, непокоряющееся никакимъ убѣжденіямъ разсудка, къ тѣмъ чуждымъ для меня народностямъ, которыхъ поселенія чередуются здѣсь иногда съ русскими селами, и которыя являются для меня невольнымъ противорѣчіемъ и отрицаніемъ всего моего, *русскаго*...

Не сомнѣваюсь, что то-же самое чувство инстинктивной вражды и отчужденности ко всему русскому, настолько-же законное и естественное, наполняетъ собою душу какого-нибудь ингуша или чеченца, когда онъ проѣзжаетъ въ свой тихій, сердцу любезный аулъ черезъ шумныя улицы казацкой станицы съ ея пьянствомъ и пѣснями...

* * *

3 часа утра, а жара невыносимая. Всѣ эти дни дышешь словно надъ раскаленной плитою. Купаешься гдѣ попало, когда попало, какъ-только встрѣтится рѣчка; купались и въ Аргунѣ, и въ Сунжѣ, но не помогаетъ ничто. Только и вздохнешь немного ночью, когда схлынетъ жаръ. За то мы видимъ такіе восходы и заходы солнца, какихъ нигдѣ не увидишь въ другомъ мѣстѣ.

Отъ Грозной виденъ уже весь Кавказскій хребетъ съ его снѣговыми великанами—Казбекъ, и Дыхъ-тау, и даже два характерныхъ округленныхъ конуса Эльборуса, бѣлыхъ какъ свѣже-кованное серебро.

Грозное видѣнье Кавказа приближается къ намъ не разомъ, а постепенно.

Сначала чудится на первыхъ лучахъ солнца какой-то далекій безтѣлесный миражъ, весь сотканный изъ нѣжныхъ розовыхъ тоновъ зари, точно грезы молодости о грядущемъ счастьѣ...

Но чѣмъ выше поднимается солнце, тѣмъ ближе, яснѣе и осязательнѣе обрисовываются на голубомъ небѣ величественные силуэты Кавказа.

Въ полдень Кавказъ уже стоитъ передъ нами во всей грозной красотѣ своей, загораживая половину неба, сверкая ослѣпительною бѣлизною своихъ вѣчныхъ снѣговыхъ *полей*, своихъ нависшихъ ледниковъ, дымя облаками въ синее африканское небо, какъ огнедышащая гора. Новый Кавказскій хребетъ курчавыхъ туманныхъ горъ соткался изъ этихъ курящихся облаковъ вокругъ вершинъ настоящаго Кавказа, выше его, прихотливѣе его, хребетъ на хребтѣ. Кое-гдѣ рѣзкія черныя грани каменныхъ утесовъ прорываютъ эти бѣлые клубы воздушнаго хребта, разгоняя иллюзію глазъ...

Только нѣсколько дней назадъ мы видѣли поэтическіе снѣга Кавказа во всей роковой близости, во всей прозаической правдѣ ихъ, съ ихъ безнадежнымъ холодомъ, съ ихъ мрачными, обглоданными утесами, ихъ черными провалами, видѣли лицомъ къ лицу это пустынное царство разрушенія и смерти, гдѣ вмѣсто ослѣпительнаго блеска серебра и тающихъ розовыхъ тоновъ, обманывающихъ теперь нашъ взоръ, высился передъ нашими смущенными глазами одинъ безотрадный, черный костякъ тысячелѣтняго Кавказа...

Это былъ своего рода холодный опытъ зрѣлой жизни, безжалостно разбивающій юношескія мечты...

* * *

Цѣлый день Кавказъ сверкаетъ своими льдами среди глубокой синевы неба... Въ послѣдній разъ обливаетъ

его своими розовыми, красными и желтыми огнями, будто блестящимъ бенгальскимъ фейерверкомъ, яркій солнечный закатъ... Но потухли эти веселые огоньки замирающей жизни, и исчезаетъ, будто волшебствомъ, ослѣпительное видѣніе... Мертвенною зеленью трупа проступаютъ посинѣвшіе, внезапно остывшіе скелеты горъ, и незамѣтно сливаются съ такимъ-же похолодѣвшимъ синезеленымъ небомъ, въ полной мглѣ котораго постепенно тонутъ безъ слѣда, будто расплываются въ черной влагѣ, всѣ краски, всѣ очертанья...

* * *

Кавказскій путь мой оконченъ; я опять въ Владикавказѣ, у подножія хребта, передо мною опять стелется безпредѣльною скатертью необозримая русская равнина, куда давно зоветъ меня назадъ, домой, отъ всѣхъ красотъ и ужасовъ чуднаго края горъ,—родной очагъ далекихъ полей...

Въ жаркой персидской банѣ Владикавказа я отряхнулъ отъ себя весь прахъ утомительнаго пути по невѣдомымъ странамъ и народамъ, и простился съ дорогимъ другомъ и вѣрнымъ спутникомъ своимъ...

Грузный мальпостъ тяжко потащилъ его опять въ горы и ущелья, къ горячему Тифлису, къ армянамъ, грузинамъ, татарамъ, въ роскошное лоно Азіи...

А меня понесла на своихъ могучихъ крыльяхъ туда, на сѣверъ, къ сѣрому мужику, подъ сѣрое небо, волшебная желѣзная птица, наполняющая пустынныя травянистыя равнины немолчнымъ громомъ, дымомъ и свистомъ своей огнедышащей груди...

КОНЕЦЪ

ОГЛАВЛЕНІЕ

стр.
Вступленіе . . . . I—V

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Черезъ хребетъ

I. Рордная бездомовщина 1
II. Лѣтописи степей 13
III. Кабакъ-городъ 24
IV. Наши преріи 34
V. Рабство въ горной вольницѣ 43
VI. Наша земельная политика 58
VII. Панорама горъ 69
VIII. Владикавказъ 77
IX. Дарьяльская тѣснина 86
X. Казбекъ и его царство 97
XI. Долина Арагвы 114
XII. Древній Мцхетъ 123
XIII. Саранча 130
XIV. Кура и Гори 140
XV. Божья крѣпость 158
XVI. Осетины и ихъ исторія 170
XVII. Религіозныя вѣрованья осетинъ 181
XVIII. Поэзія и бытъ осетинъ 189
XIX. Русская цивилизація въ Осетіи 199

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Долина Ріона

I. Народъ-крестоносецъ 209
II. Сурамскій перевалъ 218
III. Ворота въ Азію 229
IV. Городъ Медеи 251
V. Святыни Грузіи 272
VI. Дворянская усадьба въ Имеретіи 292

стр.
VII. Крестьянское хозяйство имеретина 304
VIII. Кулашскій кланъ 318
IX. Кочеванье по князьямъ 331
X. Монастырь Большаго Дуба 345
XI. У развалинъ Археополиса 358

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Тифлисъ и Кахетія

I. Азіатскій Теплицъ 370
II. Древности Тифлиса 390
III. Уличная жизнь Тифлиса 402
IV. Былое Тифлиса. 414
V. Народное образованіе въ Тифлисѣ 422
VI. Степи Іоры 430
VII. Обитель св. Нины 443
VIII. Въ странѣ вина 456
IX. Телавъ 469
X. На развалинахъ Греми 478
XI. Народный праздникъ въ Натли-Семели 485

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Дагестанъ

I. Подъемъ на хребетъ 496
II. Дидойскіе орлы 515
III. Въ Капучинскихъ аулахъ 531
IV. Наибъ Захарія 545
V. Тѣснины Аварскаго-Койсу 557
VI. Переправа черезъ Томсы-Оръ 570
VII. Христіанская святыня Дагестана 585
VIII. Походъ на Гунибъ 598
IX. Гнѣздо Шамиля 612
X. Дагестанскій горецъ 632
XI. Внутренняя жизнь Дагестана 660
XII. Возвращеніе 677

2007084314